На Северо-Западном фронте (Сборник)

неизвестен Автор

SHOUT
SHARE
IT

- Автор неизвестен

Автор неизвестен
На Северо-Западном фронте (Сборник)

Группа авторов
На Северо-Западном фронте
Сборник
{1}Так обозначены ссылки на примечания. Примечания в конце текста книги.

Аннотация издательства: Книга подготовлена Институтом военной истории Министерства обороны СССР совместно с Советом ветеранов Северо-Западного фронта. Ее авторами являются активные участники Великой Отечественной войны. Опираясь на большой фактический материал, авторы рассказывают о действиях и роли Северо-Западного фронта в Великой Отечественной войне, в том числе и при защите Москвы и Ленинграда. Книга открывается статьей бывшего командующего фронтом генерала армии П. А. Курочкина о наиболее важных этапах боевых действий фронта в целом. Вопросы партийно-политической работы особенно широко освещены в статьях генерал-лейтенантов А. Д. Окорокова и Ф. Я. Лисицына. Действиям бронетанковых и механизированных войск посвящена статья маршала бронетанковых войск П. П. Полубоярова, инженерных войск - генерал-лейтенанта В. Ф. Зотова, медицинской службы генерал-майора М. А. Шамашкина. Героизм пехотинцев описан в статьях генерал-майора Г. Н. Шинкаренко, полковников С. Ф. Хвалея, Н. Б. Ивушкина, Н. К. Дьячкова и др. Отважным летчикам посвящены статьи генерал-полковника авиации Ф. П. Полынина, генерал-лейтенанта инженерно-технической службы Р. С. Терского, полковника Н. А. Шмелева. Партизанская борьба на Северо-Западном фронте освещается в статьях генерал-майора А. Н. Асмолова и майора А. Д. Кондратьева. Статья капитана 1-го ранга С. Ф. Кувшинова посвящена самоотверженным действиям советских моряков.

С о д е р ж а н и е

Предисловие
Я. А. Курочкин. Мы сражались на Северо-Западном фронте
А.Д. Окороков. И словом и делом
П.П. Полубояров. Крепче брони
Ф.П. Полынин. 6-я воздушная армия в боях 1942-1943 гг.
В.Ф. Зотов. Инженерное обеспечение боевых действий фронта

П.М. Курочкин. Связь Северо-Западного фронта
Р.С. Терский. Авиационные связисты фронта
М.А. Шамашкин. За жизнь и здоровье воинов
А.Н. Асмолов. За линией фронта
А.Д. Кондратьев. В партизанском крае
С.Ф. Хвалей. 202-я стрелковая дивизия и ее командир С. Г. Штыков
Г.Н. Шинкаренко. Коммунисты и комсомольцы 188-й стрелковой дивизии
В.Д. Кульбакин . Прорыв
Н.Б. Ивушкин. Под Старой Руссой
Н.К. Дьячков. На рамушевском тракте
Н.А. Шмелев. В небе Приильменья
С.Ф. Кувшинов. Моряки под Старой Руссой
Сведения об авторах
Примечания

Предисловие

Великая Отечественная война Советского Союза против немецко-фашистских захватчиков является величайшим событием всемирной истории. Ей посвящены многие труды как в нашей стране, так и за рубежом. Однако и до сих пор в ее исследовании имеются некоторые белые пятна. Это относится, в частности, и к освещению боевых действий войск Северо-Западного фронта.

Северо-Западный фронт - один из тех фронтов, которые были созданы в первый день Великой Отечественной войны. Его войскам с первого же дня войны пришлось отражать вероломное нападение фашистской Германии.

Северо-Западный фронт был создан на базе Прибалтийского особого военного округа. Фронтом в начале войны командовал генерал-полковник Ф. И. Кузнецов, член Военного совета корпусной комиссар П. А. Диброва, начальник штаба генерал-лейтенант П. С. Кленов. В последующем командование фронта, естественно, менялось, но наиболее длительное время во главе войск фронта стояли командующий фронтом генерал-лейтенант П. А. Курочкин, член Военного совета генерал-лейтенант В. Н. Богаткин и начальник штаба генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин.

В июне - августе 1941 г. войска Северо-Западного фронта, взаимодействуя с войсками Северного, Ленинградского фронтов и с Краснознаменным Балтийским флотом, защищали прибалтийские советские социалистические республики - Литву, Латвию и Эстонию и дальние подступы к Ленинграду. В дальнейшем боевые действия войск фронта развернулись в пределах Валдайской возвышенности. В этот период Северо-Западный фронт вместе с войсками Ленинградского и

Волховского, Калининского и Западного фронтов защищали Ленинград и Москву и участвовали в разгроме немецко-фашистских войск на этих важнейших стратегических направлениях. Этим определялось место Северо-Западного фронта в Великой Отечественной войне.

Боевые действия Северо-Западного фронта, как и каждого другого фронта, имели свои особенности. На первых порах (в июне - августе 1941 г.) они велись на приморском направлении, когда оказывалось возможным и необходимым тесное взаимодействие с Краснознаменным Балтийским флотом, которым командовал адмирал В. Ф. Трибуц. В дальнейшем войскам фронта приходилось воевать в условиях лесисто-болотистой местности со всеми вытекающими отсюда особенностями.

В состав фронта к началу Великой Отечественной войны входили войска 8-й армии под командованием генерал-майора П. П. Собенникова, 11-й армии во главе с командующим генерал-лейтенантом В. И. Морозовым и 27-й армии под командованием генерал-майора Н. Э. Берзарина, 3-й и 12-й механизированные корпуса, которыми командовали генерал-майор танковых войск А. В. Куркин и комбриг Н. М. Шестопалов, и несколько отдельных дивизий и бригад. Всего фронт имел 25 дивизий (19 стрелковых, 4 танковые и 2 мотострелковые) и 4 бригады (1 стрелковая и 3 воздушно-десантные). В них насчитывалось: танков - 1150, орудий и минометов - 6400 и боевых самолетов - 877.

Это была немалая сила. Но врагу удалось создать и нацелить на Ленинград еще более сильную группировку. На войска Прибалтийского особого военного округа обрушился удар всей группы армий "Север", а также 3-й танковой группы и двух левофланговых армейских корпусов 9-й армии группы армий "Центр". Вся эта группировка насчитывала 42 дивизии, в том числе 7 танковых и 6 моторизованных. В ее составе было около 725 тыс. солдат и офицеров, свыше 13 тыс. орудий и минометов всех калибров и не менее 1,5 тыс. танков (более 30% всех сил и средств, предназначавшихся для вторжения в пределы Советского Союза). Наступление этой группировки с воздуха поддерживал 1-й воздушный флот, имевший около 1,1 тыс. самолетов{1}. Из сопоставления состава группировок видно, что противник превосходил наши войска в дивизиях - в 1,7 раза (фактическое соотношение по людям было еще более значительным), в танках - в 1,3 раза, в орудиях и минометах - в 2 раза и в авиации - в 1,2 раза{2}.

Невыгодным для нас соотношением, главным образом, и объясняются первоначальные успехи врага. Другая важнейшая

причина быстрого продвижения немецко-фашистских войск в начале войны крылась в том, что наше командование, допустив ошибки в определении сроков нападения фашистской Германии на Советский Союз, перемогло к нужному моменту создать необходимую группировку войск. Вследствие этого советские войска имели в обороне крайне низкие плотности. Так, тактическая плотность в обороне 8-й армии не превышала 0,3 батальона, 6 орудий и минометов, 1,6 противотанковых орудий и 0,8 зенитных орудий на один километр фронта.

Вражеские войска наступали мощными ударными группировками. Например, в полосе той же 8-й армии против частей 125-й стрелковой дивизии под командованием генерал-майора П. П. Богайчука и правого фланга 90-й стрелковой дивизии, которой командовал полковник М. И. Голубев, наступала вся 4-я танковая группа. Только в первом ее эшелоне было пять дивизий (3 танковые и 2 пехотные), второй эшелон группы составляли моторизованные дивизии{3}.

Разумеется, такие условия облегчали прорыв нашей обороны. Но и при том, невыгодном, положении, в котором оказались советские войска, они мужественно сопротивлялись. Навсегда золотой страницей в историю Великой Отечественной войны вошла героическая оборона Лиепаи и Таллина. Массовый героизм и умелые боевые действия проявляли наши воины при защите Риги, Вильнюса, Новгорода, Старой Руссы и Демянска.

В июне, июле и августе 1941 г. войска Северо-Западного фронта осуществили сильные контрудары юго-западнее Шяуляя, под Сольцами и Старой Руссой. Наш контрудар под Сольцами 14 - 18 июля, когда немногочисленные соединения 11-й армии после долгих и кровопролитных боев сумели разбить и отбросить танковые и моторизованные дивизии 56-го моторизованного корпуса противника, с полным основанием можно отнести к числу выдающихся контрударов советских войск первых месяцев войны. Фронт в это время был усилен подошедшей из резерва Ставки 34-й армией под командованием генерал-майора К. М. Качанова. Именно она и нанесла 12 - 14 августа контрудар под Старой Руссой, успех которого, к сожалению, был далеко не полным.

В ходе летних боев 1941 г. войска Северо-Западного фронта сорвали намерение немецко-фашистского командования с ходу прорваться к Ленинграду и позволили Северному фронту надолго задержать его армии на Лужском оборонительном рубеже. 8-я армия Северо-Западного фронта целиком отошла к Северному фронту и сыграла важную роль в защите ближних подступов к городу великого Ленина.

Следующий этап боевых действий войск фронта (сентябрь 1941г.) охарактеризовался борьбой против попыток врага прорваться к Бологому, важному узлу коммуникаций, связывающих Москву с Ленинградом. Уже в сентябре 1941 г. армиям фронта удалось окончательно остановить войска правого крыла группы армий "Север" и стабилизировать положение. В начале 1942 г. образовался так называемый демянский плацдарм. Началась долгая и тяжелая борьба в приильменских лесах и болотах, среди многочисленных озер за ликвидацию этого вражеского плацдарма.

В октябре 1941 г. Северо-Западный фронт вместе с войсками Калининского и Западного фронтов сорвали план вражеского командования обойти Москву с севера. Для парирования удара гитлеровских войск из района Калинина на Торжок, что давало им возможности выйти в тыл Северо-Западного фронта и к Бологому, по указаниям Ставки Северо-Западный фронт создал специальную оперативную группу во главе с начальником штаба фронта генерал-лейтенантом Н. Ф. Ватутиным. Эта группа нанесла в районе Медного, на полпути между Калинином и Торжком, сильный контрудар по врагу и полностью сорвала его планы. Активные действия войск фронта не позволили противнику перебросить свои резервы из-под Демянска и Старой Руссы к Москве и Ленинграду, когда там происходили решающие события.

Крупными боевыми успехами для войск Северо-Западного фронта ознаменовалось начало 1942 г. После разгрома немецко-фашистских войск в контрнаступлении под Москвой, Тихвином и Ростовом у Советского Верховного Главнокомандования появилась возможность усилить и его войска. В составе фронта появились новые 3-я и 4-я Ударные армии, которыми командовали генерал-лейтенант М. А. Пуркаев и генерал-полковник А. И. Еременко (первая была создана за счет 60-й армии, переброшенной на Северо-Западный фронт из района Москвы, вторая образована в основном из соединений бывшей-27-й армии СЗФ). Подошли соединения 1-го гвардейского стрелкового корпуса под командованием генерал-майора А. С. Грязнова. К этому времени налаживалось производство военной продукции, что имело огромное значение для нашей армии.

Это позволило войскам фронта нанести в январе 1942 г. мощный удар 3-й и 4-й Ударными армиями из района Осташкова в направлении Торопца, Великих Лук и Холма и разгромить врага. Войска 11-й и 34-й армий вместе с 1-м и 2-м гвардейскими стрелковыми корпусами предприняли наступление с целью окружения и ликвидации демянской группировки противника.

Соединения 2-го гвардейского стрелкового корпуса, наступавшие с севера, 15 февраля 1942 г. в районе Холма соединились с войсками своей 3-й Ударной армии и отсекли таким образом демянскую группировку вражеских войск от его главных сил. В конце февраля 1-й гвардейский стрелковый корпус, наступавший тоже с севера, левее 2-го гвардейского стрелкового корпуса, в районе Залучья соединился с 42-й стрелковой бригадой той же 3-й Ударной армии. Образовались внешний и внутренний фронты окружения, с разрывом между ними до 40км. Окружение крупных сил врага стало фактом. Об этом значительном событии 25 февраля сообщило Совинформбюро{4}. В окружении оказалась большая часть 16-й армии в составе до семи дивизий и около 70 тыс. солдат и офицеров. Это было одно из первых окружений таких крупных сил в ходе Великой Отечественной войны 1941 - 1945 гг. В период борьбы за ликвидацию окруженного противника из-под Москвы подошла 1-я Ударная армия, которой в то время командовал генерал-лейтенант В. И. Кузнецов. В окружении 16-я немецко-фашистская армия находилась более двух месяцев. Однако ликвидировать ее нам тогда так и не удалось.

Враг господствовал в воздухе. Войска же фронта имели слишком мало авиации. Например, на 19 февраля 1942 г. - всего лишь 142 боевых самолета, из них 32 истребителя{5}. Не хватало артиллерии и танков, боеприпасов. В связи с наступившей весенней распутицей вконец испортились и без того плохие дороги. В апреле 1942 г. южнее Старой Руссы вражеское командование сосредоточило крупные силы под командованием генерала Зейдлица. К 21 апреля им удалось пробиться вдоль Рамушевского шоссе к окруженным войскам. Борьба за ликвидацию плацдарма в районе Демянска продолжалась в течение всего последующего периода существования фронта. Летом 1942 г. в составе фронта появилось две новые армии: 27-я под командованием генерал-лейтенанта Ф. П. Озерова, образованная в основном за счет соединений правого фланга 11-й армии и некоторых других соединений, и 53-я армия, которой командовал генерал-лейтенант А. С. Ксенофонтов. Последняя была создана также преимущественно из войск самого фронта. Две армии, 3-я и 4-я Ударные, еще с 22 января 1942 г. в ходе Торопецко-Холмской наступательной операции были переданы в состав Калининского фронта{6}. Таким образом, в составе Северо-Западного фронта к концу 1942 г. справа налево действовали пять армий: 27, 11, 34, 53-я и 1-я Ударная. В июне 1942 г. на базе ВВС фронта была создана 6-я воздушная армия, которой командовал генерал-лейтенант авиации Ф. П. Полынин.

Борьба за ликвидацию демянского плацдарма с обеих сторон

носила крайне ожесточенный характер. Враг стремился во что бы то ни стало удержаться на этом плацдарме. Он имел в виду использовать его для нанесения удара на Осташков и Ржев с тем, чтобы ликвидировать глубоко вклинившиеся в его расположение войска Калининского фронта.

Северо-Западный фронт и в этот период не относился к числу главных фронтов. В связи с этим он получал небольшие пополнения. Сил у него было по-прежнему мало. Враг же, используя леса, болота, речные преграды и озера, создал сильнейшую оборону, для сокрушения которой требовались более мощные силы и средства. В этом состояла основная причина того, что враг долгое время смог удерживаться на демянском плацдарме.

Но дело заключалось не только в ограниченных возможностях фронта. К числу других важнейших причин затяжки ликвидации демянской группировки противника относилась также шаблонность в действиях войск фронта. Почти все лето 1942 г. фронт с большим упорством стремился перерезать рамушевский коридор. Противник к этому настолько привык, что он всегда оказывался готовым к отражению наших ударов.

Покончить с демянским плацдармом нам удалось лишь в феврале

1943 г. Войска фронта готовились к решительному наступлению с учетом уже накопленного боевого опыта. Вражеское командование, почувствовав реальную угрозу, с 15 февраля 1943 г. начало поспешный отвод своих войск из-под Демянска. К 28 февраля армии фронта вышли к Старой Руссе и на рубеж р. Ловать, а затем и на р. Редья. Долгая и тяжелая борьба наших войск под Демянском закончилась.

В последующем войска фронта стремились освободить Старую Руссу. Упорные бои продолжались вплоть до расформирования фронта (до 20 ноября 1943 г.), они, однако, не привели к желаемым результатам. Старая Русса была освобождена лишь 18 февраля

1944 г., в ходе развернувшейся наступательной операции под Ленинградом и Новгородом в январе-феврале следующего года{7}. После ликвидации демянского плацдарма летом 1943 г. в Северо-Западном фронте остались две общевойсковые армии - 1-я Ударная, 34-я и 6-я воздушная, а 11, 27 и 53-я армии были выделены в резерв Ставки и затем, как известно, принимали активное участие в битве под Курском и в последующих операциях.

Начиная с июля 1941 г. в тылу вражеских войск на Северо-

Западном фронте развернулось мощное партизанское движение. В течение целого года в четырехугольнике Старая Русса, Дно, Бежаницы и Холм существовал партизанский край, непокоренная советская лесная республика, где наши люди, окруженные со всех сторон врагом, жили по законам своего родного Советского государства. Партизаны наносили огромный физический и моральный урон врагу. Партизанский край явился большой школой партизанской борьбы и дал стране целую плеяду талантливых организаторов партизанского движения. Имена славных партизан Героев Советского Союза - Н. Г. Васильева, А. В. Германа, А. Г. Григорьева, В. В. Егорова, В. И. Зиновьева, К. Д. Карицкого, В. П. Плохого, И. И. Сергунина, А. Ф. Тараканова, М. С. Харченко, О. П. Ошкална, В. П. Самсона, Е. И. Чайкиной, К. И. Назаровой и многих других - широко известны нашему народу.

Итак, войска Северо-Западного фронта провели в 1941 - 1943 гг. целый ряд оборонительных и наступательных операций, сыгравших важную роль в защите Москвы и Ленинграда. Но, к сожалению, фронт по ряду причин не смог ликвидировать демянскую группировку врага, по отношению к которой войска фронта длительное время занимали выгодное, охватывающее положение.

В ходе борьбы войска фронта получили первый опыт окружения крупной вражеской группировки и организации блокады противника с воздуха, части и соединения научились действовать в условиях лесисто-болотистой местности. Непрерывные активные боевые действия фронта не только сковали крупные силы врага и не допускали их переброски на более важные направления, но и наносили ему большие потери.

По свидетельству генерала Зейдлица, в период борьбы за демянский плацдарм 16-я армия врага только убитыми потеряла свыше 90 тыс. солдат и офицеров. Если раньше гитлеровские вояки считали демянский плацдарм "пистолетом, приставленным к сердцу России", то в последующем они его стали называть "маленьким Верденом", местом, где перемалывались их силы. Рамушевский коридор называли они "коридором смерти".

К сожалению, боевые действия войск Северо-Западного фронта до сих пор по-настоящему не нашли освещения в нашей военно-исторической литературе. В 1967 - 1968 гг. в Риге вышло два труда: "Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг." и "История Прибалтийского военного округа", но они вполне естественно освещают боевые действия войск Северо-Западного фронта главным образом на территории прибалтийских республик. Имеются некоторые другие небольшие работы, в которых затрагиваются боевые

действия фронта. Необходимо приветствовать инициативу Совета ветеранов Северо-Западного фронта, которые создали этот интересный труд. Что же касается цельной и более глубокой разработки проблем истории боевых действий Северо-Западного фронта, то она еще ждет своего разрешения.

Настоящая книга написана активными участниками Великой Отечественной войны, ветеранами Северо-Западного фронта. Со статьями выступают командующий фронтом, Герой Советского Союза, профессор, генерал армии П. А. Курочкин, начальник политуправления фронта генерал-лейтенант в отставке А. Д. Окороков, командующий бронетанковыми и механизированными войсками фронта Герой Советского Союза маршал бронетанковых войск П. П. Полубояров, командующий 6-й воздушной армией Герой Советского Союза генерал-полковник авиации Ф. П. Полынин, начальник инженерных войск фронта генерал-лейтенант инженерных войск в отставке В. Ф. Зотов, начальник партизанского отдела фронта генерал-майор запаса А. Н. Асмолов, начальник войск связи фронта заслуженный деятель науки РСФСР, доктор военных наук, профессор, генерал-лейтенант войск связи П. М. Курочкин, начальник медицинского управления фронта доктор медицинских наук, профессор, генерал-майор медицинской службы в отставке М. А. Шамашкин и другие командиры я политработники.

Пройдут века, но никогда не изгладится из памяти народной беспримерный подвиг советских людей, совершенный ими в годы Великой Отечественной войны. Советский народ, руководимый Коммунистической партией, разгромил в этой войне ударные силы империализма, освободил нашу землю от немецко-фашистских захватчиков, оказал помощь многим народам Европы и Азии в освобождении от гитлеровского гнета и тирании внутренних реакционных режимов и спас все человечество от угрозы фашистского порабощения. Внесли в эту победу достойный вклад и войска Северо-Западного фронта, нанесшего врагу большие потери и оказавшего своими действиями существенное влияние на защиту Москвы и Ленинграда.

Настоящий труд не претендует на полное освещение всех сторон боевой деятельности войск Северо-Западного фронта. Это лишь попытка дать ответы на многие волнующие вопросы, связанные с важными событиями на этом фронте в 1941 - 1943 гг. По ряду причин не удалось должным образом осветить роль артиллерии, работу тыла. Эти и многие другие вопросы будут подняты и освещены при дальнейшем исследовании данной проблемы.

Член-корреспондент АН СССР,

генерал-лейтенант П. А. Жилин

Я. А. Курочкин

Мы сражались на Северо-Западном фронте

Северо-Западный фронт, как и все другие фронты, в годы Великой Отечественной войны участвовал в титанической борьбе советского народа против гитлеровских захватчиков. В течение двух с половиною лет войска фронта вели ожесточенные сражения на важном направлении, на старинных русских землях, где каждый город, каждое село связаны с тысячелетней историей России. Здесь, под Демянском и Старой Руссой, советские войска надолго сковали сильную группировку врага, нанесли ей тяжелые потери.

Войска нашего фронта помогали героической обороне Ленинграда, участвовали в общем наступлении под Москвой, притягивали на себя значительные силы и не допускали их переброски на другие, наиболее важные направления. В тяжелых длительных и кровопролитных боях под Новгородом, Старой Руссой, Торопцом и Холмом, на заснеженных полях, в лесах и среди болот, родилось и закалилось братство по оружию, которое помогало громить немецко-фашистских захватчиков.

Мы, конечно, знали, что наш фронт, его армии, дивизии и полки - это частица народа, ведущего под руководством Коммунистической партии борьбу за победу над чудовищным порождением империализма - фашизмом, борьбу во имя спасения Родины и всего человечества от угрозы гитлеровского порабощения. Мы понимали, Что вносим только небольшую лепту в общее великое дело защиты своей страны.

И ныне мы горды сознанием, что порой в невероятно трудных Условиях советский воин проявил непревзойденные, поразившие весь мир качества любовь к Родине, стойкость, мужество, воинское умение и самопожертвование. Поэтому сейчас, много лет спустя, мы с чувством глубокого уважения вспоминаем героев тех дней - и ныне стоящих в строю, и ушедших от нас.

На Северо-Западный фронт я пришел не сразу.

В трудную пору лета 1941 г. мне довелось командовать 20-й армией Западного фронта и участвовать в Смоленском сражении. Войска армии оборонялись тогда на одном из решающих направлений фронта. Мы защищали "смоленские ворота", через которые на протяжении веков агрессоры пытались прорваться к Москве. И вот теперь гитлеровские захватчики, еще не стряхнув пыль с сапог, в которых они промаршировали по многим странам Европы, устремились к столице нашей Родины. Фашистские генералы, упоенные победами на Западе, обещали своим войскам завершение Восточного похода за три месяца. Но уже в июле 41-

го войска Западного фронта под командованием Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко остановили завоевателей под Смоленском, Ельней, Великими Луками. Наша 20-я армия, сражаясь много суток подряд в окружении, приковала к себе до десятка вражеских дивизий, а затем вырвалась из кольца. В конце июля - начале августа фронт на западном направлении стабилизировался.

В первых числах августа меня вызвал маршал С. К. Тимошенко, который тогда занимал пост командующего фронтом и главнокомандующего войсками Западного стратегического направления. Прибыв в штаб фронта, я немедленно был принят маршалом С. К. Тимошенко и членом Военного совета направления Н. А. Булганиным. Мне было приказано принять 43-ю армию Резервного фронта, которым командовал генерал армии Г. К. Жуков. Армия занимала оборону на малоярославецком направлении.

Не скрою, новое назначение было сначала для меня неожиданностью: воевал на ответственном участке, долго сдерживали врага, с таким трудом выходили из окружения, и вдруг - в Резервный фронт!

Но маршал разъяснил:

- Мы считаем, что в ближайшем будущем враг нанесет удар из-под Смоленска в московском направлении. Гудериан со своей 2-й танковой группой, вероятно, будет прорываться на Малоярославец. Товарищ Сталин приказал, чтобы 43-ю армию возглавил опытный командарм. Кроме того, вы уже воевали против Гудериана и "знакомы" с ним. Значит, вам и карты в руки.

Так я стал командармом-43. Но ненадолго.

Развивай наступление, танковая армия Гудериана из-под Смоленска во второй половине августа двинулась не на Москву, а повернула к югу, на Украину.

Значило ли это, что мы тогда ошибались в оценке намерений врага? Отнюдь нет. Документы, которыми мы теперь располагаем, показывают, что после неудачи под Смоленском среди гитлеровской верхушки начались разногласия. Главное командование сухопутных войск фашистской армии, включая главнокомандующего генерал-фельдмаршала Браухича, начальника штаба Гальдера и всех генералов сухопутных войск, настаивало на том, чтобы из-под Смоленска наступать на Москву. При этом основную задачу должны были выполнить танковые группы Гудериана и Гота.

Действительно, Гудериан нацеливал свои дивизии с ельнинского плацдарма на малоярославецкое направление. В его войсках проводилась детальная подготовка для прорыва к

Москве, вплоть до того что изготовили сотни щитов с указанием количества километров до Москвы.

Гитлер и его окружение решили иначе. Их план заключался в том, чтобы до наступления осени овладеть Украиной, Крымом и попытаться осуществить наступление на Кавказ. Но в то время гитлеровские войска основательно застряли под Киевом, поэтому в помощь группе армий "Юг" с западного направления и были повернуты 2-я танковая группа и 2-я полевая армия. Соответствующую директиву на этот счет Гитлер отдал 21 августа.

Поскольку новое наступление врага в конце августа пошло в ином, чем предполагалось нами, направлении, роль Резервного фронта и, естественно, его 43-й армии явно снизилась. Верховному Главнокомандованию Красной Армии пришлось временно переключить главное внимание на фланги советско-германского фронта.

Вскоре после описываемых событий я был срочно вызван в Москву начальником Генерального штаба Маршалом Советского Союза Б. М. Шапошниковым. Когда я прибыл в Генеральный штаб, мне сказали

- Вас вызывает товарищ Сталин.

Машина уже ждала. Я подъехал к особняку напротив станции метро "Кировская". Здесь в те времена размещалось оперативное управление Генерального штаба. Поднявшись по лестнице, я очутился в маленькой приемной, обставленной скромно и строго. Широкий письменный стол, на нем карта, телефоны. По углам стулья. Вот и все. Никаких украшений, ничего отвлекающего.

В комнате, кроме И. В. Сталина, сидевшего за столом, находились В. М. Молотов, Б. М. Шапошников, С. М. Буденный, Н. С. Хрущев. По всему было видно, что шло совещание.

Сталин взглянул на меня и задал вопрос:

- По-фронтовому приехали?

Я ответил, что действительно только что из войск.

Затем Верховный Главнокомандующий сказал:

- На Северо-Западном фронте большие неполадки. Неясно, что там происходит. Недавно мы ввели 34-ю армию, и уже три дня нет сведений ни от армии, ни от фронта. Поэтому мы просим вас поехать на Северо-Западный фронт в качестве представителя Ставки, разобраться в делах и доложить, что там происходит.

И. В. Сталин пригласил меня к карте. Подошел и Б. М. Шапошников. Меня коротко ввели в курс обстановки на Северо-Западном фронте. По всему было видно, что там сложилась трудная обстановка, и это, естественно, вызывало большую тревогу Ставки.

Убедившись, что задача для меня ясна, Сталин перешел к другим вопросам. Видимо, перед моим приходом обсуждался вопрос о назначении нового командующего Южным фронтом, спросили мое мнение о генерале Д. И. Рябышеве.

Я ответил, что знал его, когда он был командиром кавалерийской бригады. В этой должности показал себя хорошо. А каким будет командующим фронтом, не знаю.

Меня спросили о настроении в армии. С чистым сердцем мог сказать о том, что видел, чувствовал, знал: наши воины горят желанием уничтожить врага.

После этого заговорили о новой технике, в частности о новых самолетах ИЛ: хорошие машины, но жаль, нет стрелка в хвостовой части. Самолет уязвим с хвоста. Речь пошла о новом оружии - реактивных установках, впервые успешно примененных 20-й армией в середине июля под Оршей и Рудней.

В заключение И. В. Сталин снова подвел меня к карте.

- Главное, - сказал он, - удержать Валдайские высоты, не пустить немцев к Октябрьской железной дороге, на Бологое. Он пожелал мне успеха.

- Предписание вам немедленно вручат.

Когда я получил предписание, был поражен: мне предоставлялись самые широкие полномочия вплоть до отстранения от должностей командармов и разрешение давать рекомендации командующему фронтом, а также вне всякой очереди разговаривать со Ставкой. С этим я и отправился на Северо-Западный фронт.

Самолет летел на небольшой высоте. Облачность прижимала его к земле. Болтало. Я обдумывал положение и свою миссию. Функции представителя Ставки в то время еще не были вполне ясными и четко очерченными. Но не вызывало никаких сомнений, что слова "разобраться и доложить" означают сделать все возможное, чтобы помочь командованию фронта стабилизировать положение, остановить врага. Как это сделать, станет видно только на месте.

А ситуация действительно была трудная. В этом я убедился сразу же по прибытии в штаб фронта.

Северо-Западный фронт, образованный в первый же день войны на базе Прибалтийского особого военного округа, как и другие наши фронты, на рассвете 22 июня принял внезапный удар врага, еще не будучи полностью готовым к его отражению.

Но и в эти первые, необычайно трудные дни войска фронта сражались героически. Стойко обороняли пехотинцы, моряки и рабочие отряды город и порт Лиепаю. Солдаты 67-й стрелковой дивизии под командованием генерал-майора Н. А. Дедаева,

матросы лиепайской военно-морской базы (командир базы капитан 1-го ранга М. С. Клевенский), вооруженные отряды рабочих, возглавляемые старым большевиком Артуром Петерсоном, сражались восемь суток и нанесли 291-й пехотной дивизии противника и отборным отрядам моряков тяжелые потери. Под Шяуляем 12-й механизированный корпус генерала Н. М. Шестопалова героическим контрударом нанес серьезный урон главным силам немецкого моторизованного корпуса, наступавшего к Даугавпилсу. В составе 12-го механизированного корпуса действовала 28-я танковая дивизия под умелым командованием полковника И. Д. Черняховского - будущего крупного военачальника. 55-й танковый полк этой дивизии ввел в бой заместитель командира полка майор Б. П. Попов, ставший в Великой Отечественной войне первым из танкистов Героем Советского Союза. Этого высокого отличия он был удостоен посмертно. 2-я танковая дивизия 3-го механизированного корпуса под командованием генерал-майора танковых войск Е. Н. Солянкина контратакой нанесла большие потери 6-й немецкой танковой дивизии.

Однако под натиском превосходящих сил врага войска фронта вынуждены были отойти к Западной Двине и дальше в глубь Прибалтики. Отход и оборона наших войск носили весьма активный характер. Полки и дивизии непрерывно контратаковали гитлеровцев, изматывали силы врага и замедляли темп ого наступления. К середине июля 1941 г. наши войска отошли в южные районы Эстонии, к рубежу р. Великой. Однако вскоре враг возобновил наступление. Ожесточенные бои не утихали ни на один день. Войскам 11-й армии под командованием генерал-лейтенанта В. И. Морозова удалось решительным контрударом под г. Сольцы разгромить и отбросить 8-ю танковую дивизию противника, входившую в 56-й моторизованный корпус генерала Манштейна, нанести врагу большой урон, заставить его все больше рассредоточивать силы. Это был один из самых ярких контрударов советских войск первых дней Великой Отечественной войны.

В июле войска Северо-Западного направления, ведя оборонительные операции, вынуждены были отступить: на юго-западе - с рубежа р. Великой на рубеж р. Луги, на петрозаводском направлении - от государственной границы на рубеж Шат-озеро, Ладожское озеро. Основным итогом этих оборонительных операций явилось то, что 19 июля наступление главных сил врага - группы армий "Север" - на рубеже р. Луги было остановлено. Тем самым Советское командование выиграло время для создания более прочной обороны на подступах к Ленинграду и

сосредоточения дополнительных сил на Северо-Западном направлении. Однако положение Ленинграда продолжало оставаться тяжелым. Противник находился в 100 км от города. Несмотря на потери, он располагал крупными силами. Данные разведки говорили о том, что немецко-фашистские войска готовятся возобновить наступление на Ленинград, стремясь захватить город любой ценой. В связи с этим Ставка Верховного Главнокомандования непрерывно усиливала войска Северо-Западного направления. 6 августа из Резервного фронта в состав Северо-Западного фронта была передана 34-я армия под командованием генерал-майора К. М. Качанова. При этом Ставка потребовала от командующего фронтом генерал-майора П. П. Собенникова не распылять армию, а держать ее как ударный кулак для проведения наступательной операции с целью разгрома противника в районе Сольцы, Старая Русса, Дно. Одновременно Ставка обращала внимание командующих Северным и Северо-Западным фронтами на необходимость создания глубины обороны на важнейших направлениях.

Немецко-фашистское командование в конце июля и первой декаде августа произвело перегруппировку своих войск и создало на юго-западных подступах к Ленинграду три ударные группировки. К 8 августа превосходство противника в силах на ленинградском направлении было следующим: по пехоте - в полтора раза, по артиллерии и минометам - почти в три, по танкам - в два. В воздухе господствовала вражеская авиация. В составе авиации Северо-Западного фронта, например, к этому времени насчитывалось всего 10 истребителей, 7 штурмовиков и 4 бомбардировщика.

В таких условиях в августе развернулись оборонительные операции войск Северного и Северо-Западного фронтов на юго-западных и северных подступах к Ленинграду. На кингисеппско-красногвардейском направлении боевые действия возобновились 8 августа, на лужско-ленинградском, новгородско-чудовском и свирско-петрозаводском направлениях - 10 августа, на Карельском перешейке 31 июля.

Ставка Верховного Главнокомандования внимательно следила за событиями и заблаговременно принимала необходимые меры, чтобы остановить продвижение противника. Постановлением Государственного Комитета Обороны СССР 23 августа 1941 г. Северный фронт был разделен на два фронта: Ленинградский и Карельский. 30 августа было упразднено управление Северо-Западного направления. Его состав влился в штаб Ленинградского фронта, а Северо-Западный фронт был подчинен непосредственно Ставке. Эти мероприятия укрепили

штаб Ленинградского фронта, и его усилия были направлены на решение главной задачи - обороны Ленинграда.

Чтобы облегчить положение наших войск под Ленинградом, Лугой, Новгородом, командующий Северо-Западным фронтом по указаниям Ставки в середине августа провел контрудар 34-й армией с рубежа р. Полнеть в направлении Болот, имея в виду во взаимодействии с 48-й и 11-й армиями под командованием генерал-лейтенантов С. Д. Акимова и В. И. Морозова окружить и уничтожить противника в районе Шимск, Сольцы, Старая Русса. В ходе контрудара войска 34-й армии продвинулись до 60 км, выйдя в район ст. Тулебля, глубоко охватили правый фланг старорусской группировки противника и создали угрозу удара в тылу вражеской группировки, вышедшей в район Новгорода и Чудова. Это вынудило командующего группой армий "Север" спешно снять с новгородского направления моторизованную дивизию СС "Мертвая голова", а из-под Луги - 56-й моторизованный корпус и направить их против 34-й армии. Туда же были переключены основные усилия 8-го авиационного корпуса пикирующих бомбардировщиков. Кроме того, вражеское командование спешно начало переброску на северо-западное направление из района Смоленска 39-го моторизованного корпуса в составе одной танковой и двух моторизованных дивизий.

Успешные первоначальные боевые действия 34-й, частично 11-й и 27-й армий на некоторое время облегчили положение войск 48-й армии и лужского участка обороны.

В последующем же войска Северо-Западного фронта вследствие недостатка сил и средств, главным образом средств противовоздушной обороны не только не развили первоначальный успех контрудара, но и не смогли отразить новый удар фашистских войск, предпринятый им 19 августа. К 25 августа они отошли за р. Ловать.

Нужно сказать, что незавершенность контрудара наших войск под Старой Руссой объясняется не только слабым их прикрытием с воздуха, но и тем, что управление соединениями, особенно в 34-й армии, оказалось далеко не на должной высоте. В связи с этим Ставка Верховного Главнокомандования была вынуждена сменить руководство 34-й армии.

В результате отхода наших войск за р. Ловать немецко-фашистское командование смогло бросить 39-й моторизованный корпус в район Чудово и направить сюда большую часть авиации. Все это еще больше осложнило и без того тяжелую обстановку советских войск на южных и юго-восточных подступах к Ленинграду. Но обстановка и на Северо-Западном фронте по-

прежнему оставалась напряженной.

Мое пребывание на Северо-Западном фронте в качестве представителя Ставки было весьма кратковременным.

23 августа я был вызван на узел связи.

- У аппарата Шапошников. Товарищ Курочкин, передаю вам по поручению Верховного Главнокомандования следующее. Первое. Командующему 43-й армией генерал-лейтенанту Курочкину немедленно вступить в командование Северо-Западным фронтом и о вступлении в должность донести. Второе. Командующему Северо-Западным фронтом генерал-майору Собенникову сдать должность командующего СЗФ генерал-лейтенанту Курочкину, о чем и донести. По поручению Верховного Главнокомандования начальник Генерального штаба Б. Шапошников{8}.

В тот же день я вступил в командование фронтом.

Тем временем положение на фронте постепенно начинало стабилизироваться. Наступало временное затишье.

Главная задача нашего фронта состояла в том, чтобы, находясь на стыке ленинградского и московского стратегического направлений, не допустить захвата противником Валдайской возвышенности и Октябрьской железной дороги и содействовать нашим другим фронтам в разгроме врага, рвущегося к Москве и Ленинграду.

В упорных боях войскам Северо-Западного фронта удалось сорвать план немецко-фашистского командования. Они прочно закрепились на линии от оз. Ильмень до озер Селигер и Волго. Все попытки врага продвинуться за эту линию на Валдай и Бологое нашими войсками были успешно отражены.

Противник, понеся большие потери, вынужден был в середине сентября 1941 г. перейти к обороне. Тем самым войска фронта выполнили задачу и оказали неоценимую услугу соседям.

В последние месяцы 1941 г. гитлеровцы усиленно готовили оборону. Кроме основного оборонительного рубежа, они создали армейский тыловой и промежуточный оборонительные рубежи.

В начале января 1942 г. Ставка Верховного Главнокомандования, оценив результаты успешного контрнаступления под Москвой, Тихвином и Ростовом, приняла решение начать общее наступление Красной Армии на широком фронте от Ленинграда до Крыма

Перед войсками, действующими на северо-западном и западном направлениях, Верховное Главнокомандование поставило далеко идущие задачи. Войскам Ленинградского, Волховского и правого крыла Северо-Западного фронта предстояло разгромить немецко-фашистскую группу армий

"Север" и деблокировать Ленинград. Калининский, Западный и Брянский фронты при поддержке левого крыла Северо-Западного фронта должны были окружить и уничтожить главные силы группы армий "Центр".

Совершенно очевидно, что Ставка предполагала всемерно использовать благоприятную обстановку, сложившуюся после Московской битвы, и еще до весны 1942 г. разбить основные группировки врага.

На долю Северо-Западного фронта выпала задача участвовать одновременно в двух операциях, проводимых на двух стратегических направлениях северо-западном и западном, причем действовать предстояло по расходящимся направлениям.

Директива Ставки от 18 декабря формулировала задачи фронта следующим образом "не позднее 26 декабря 1941 г. нанести удар силами не менее шести усиленных стрелковых дивизий" из района Осташков в общем направлении на Торопец, Велиж, Рудню, чтобы во взаимодействии с войсками Калининского фронта "отрезать пути отхода противнику и не дать ему возможности задержаться для обороны на заранее подготовленном рубеже оз. Отолово, Андреаполь, западный берег р. Западная Двина, Ярцево. В дальнейшем ударом на Рудню отрезать Смоленск с запада". Правофланговая 11-я армия наносила второй удар фронта на Старую Руссу с ближайшей задачей овладеть этим городом, а в дальнейшем, наступая на Дно, Сольцы, "во взаимодействии с войсками Волховского фронта отрезать пут отхода противнику со стороны Новгород и Луга". В центре фронта войскам 34-й армии предстояло "сковать противника на демянском направлении".

Следовательно, правое крыло фронта должно было наступать к западу, чтобы во взаимодействии с Волховским фронтом участвовать в разгроме 16-й армии противника, а левое крыло атаковало Военный совет Северо-Западного фронта.

Слева направо: корпусной комиссар В. Н. Богаткин, генерал-лейтенант П. А. Курочкин, генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин, дивизионный комиссар А. М. Пронин

9-ю армию врага от Осташкова на Рудню, т. е. к юго-западу и югу, заходя глубоко в тыл группы армий "Центр". И в том, и в другом случае фронт действовал на заходящих флангах основных наших группировок. В обоих случаях предстояло решать труднейшие задачи: во взаимодействии с другими фронтами изолировать, отрезать с фланга и тыла и разгромить крупные группировки врага, нацеленные на Ленинград и Москву.

Фронт явно не имел сил, чтобы одновременно решать две такие задачи оперативно-стратегического масштаба. Хотя наши

левофланговые армии - 3-я и 4-я Ударные были неплохо укомплектованы личным составом, но техники во фронте недоставало. Мы имели при общей ширине полосы 250 км всего лишь немногим больше 800 орудий, 510 минометов (82-мм и 120-мм) и 170 танков. Средняя артиллерийская плотность не превышала 5 орудий и минометов на один километр фронта. Конечно, если бы мы наступали на одном направлении, представлялась бы возможность создать более или менее внушительный ударный кулак. Но ведь задача была ясной - действовать на двух направлениях.

Здесь было над чем подумать. Когда мы с начальником штаба фронта генералом Н. Ф. Ватутиным и членом Военного совета корпусным комиссаром В. Н. Богаткиным стали заниматься выработкой решения, чтобы выполнить задачу, перед нами во всей полноте раскрылись ожидавшие нас трудности. Особенно тревожило полное отсутствие резервов. Войска фронта вытянулись в тонкую линию. На старорусском направлении вела бои одна слабая, понесшая потери 11-я армия под командованием генерала В. И. Морозова, которой, очевидно, было не под силу осуществить прорыв на глубину почти 110 км к Сольцам, южнее Ильменя, без поддержки войск, наступающих справа и слева. На торопецком направлении войска 3-й и 4-й Ударных армий под командованием генералов М. А. Пуркаева и А. И. Еременко имели слишком глубокие задачи, а поддержать их из глубины было абсолютно нечем. Наконец, 34-я армия генерала Н. Э. Берзарина, расположенная между обеими ударными группировками, на широком фронте практически могла играть лишь роль прикрытия или связующего звена между двумя ударными группировками. Отсутствие резервов во фронте беспокоило меня больше всего, и с этой заботой я обратился в Ставку к Б. М. Шапошникову.

- Сейчас у нас ничего нет, - ответил с сожалением Борис Михайлович. Но в будущем, быть может, поможем.

Приходилось надеяться на лучшее будущее.

Мы, конечно, понимали, что дело здесь не в нежелании Ставки помочь нам, а в общем положении на фронтах. Действительно, Ставка, подготавливая широкое наступление на всем советско-германском фронте, уже ввела в дело все резервы.

Возникало и множество других забот.

Должен чистосердечно признаться, что за всю многолетнюю службу в армии, участвуя в трех войнах, я никогда не встречался с такими трудными условиями, как здесь, на Северо-Западном. Мы в шутку тогда говорили: "На Северо-Западный посылают за непослушание родителям".

Тот, кто бывал в тех местах, знает эти бескрайние,

величественные леса, бесконечные топи и болота, огромные озера, деревни, разбросанные и затерянные в дремучих чащах. Очень мало дорог и вообще направлений, пригодных для действия больших масс войск. Фронт снабжался по Ленинградскому шоссе и единственной железнодорожной .магистрали Ярославль Рыбинск - Бологое, на которой "сидели" еще и Калининский фронт, и войска левого крыла Волховского фронта. Перегруженная сверх всяких норм, эта дорога подвергалась систематическим ударам вражеской авиации и часто выходила из строя. Остальные дороги, ведущие к войскам, - грунтовые. Распутица при оттепели делала их непроходимыми.

Подвоз то и дело нарушался. Зима выдалась суровой, снежной. Метели настолько заносили немногочисленные пути, что войскам, двигавшимся вперед, приходилось с великим трудом прокладывать траншеи в огромных снежных напластованиях. Днем их расчищали, а ночью снова все заносило. По автомобильным дорогам машины двигались не быстрее 10 - 15 км в час. В период сосредоточения снабжение войск хоть с трудом, но обеспечивалось. Но когда двинулись вперед, условия подвоза еще более ухудшились. Войска, попадавшие в бездорожье, вынуждены были сами прокладывать себе путь и сами же поддерживать его в проезжем состоянии, затрачивая на это много времени и сил. Положение с боеприпасами, продовольствием и особенно горючим оставляло желать много лучшего. На складах армий автобензина не имелось почти совсем, а в баках машин его оставалось в среднем меньше ползаправки. Управление тыла фронта не успело создать запасов. Нужно было побывать там в памятную зиму 1942-го, чтобы в полной мере оценить все многочисленные трудности, возникавшие на каждом шагу.

Сильные морозы, снегопады, перебои в снабжении горюче-смазочными материалами, недостаток автотранспорта - все это затрудняло и замедляло сосредоточение войск. На переброску каждой дивизии требовалось пять-шесть суток вместо запланированных одних. Задержка сосредоточения потребовала несколько раз переносить сроки начала наступления: с 5 января 1942 г. на 7-е, потом на 9-е.

Всеми видами разведки нам удалось вскрыть наличие перед фронтом пяти пехотных немецких дивизий, двух моторизованных (в том числе эсэсовской "Мертвая голова") и одной охранной. Все они входили в 16-ю армию группы армий "Север".

Группой армий с января 1942 г. командовал 60-летний генерал-полковник Кюхлер - один из опытнейших командующих фашистского вермахта. Еще в середине 30-х годов он стоял во главе округа в Восточной Пруссии, нацеленного против

Советского Союза. Этот беспощадный, жестокий нацист и военный преступник впоследствии был осужден в Нюрнберге за свои злодеяния на 20 лет тюремного заключения.

Во главе 16-й армии стоял 56-летний генерал пехоты Буш, выходец из Пруссии, командовавший этой армией с начала второй мировой войны, активный участник военных действий против Польши, Франции, Бельгии, награжденный еще в мае 1940 г. высшей гитлеровской наградой - рыцарским крестом. Как высшие руководители, так и весь личный состав противостоящих войск противника имели огромный боевой опыт. У противника имелось около 100 тыс. человек, 1600 орудий и минометов.

Оборона врага не была сплошной. Немцы занимали деревни, подготавливая их для круговой обороны и превращая в опорные пункты. Противник блокировал все дороги, все мало-мальски пригодные для нашего наступления пути и подступы. А так как движение вне дорог значительных войсковых масс вообще исключалось, то преодолеть такую оборону было исключительно трудно. К этому нужно прибавить, что каждый опорный пункт, каждую деревню враг постарался укрепить с большим инженерным и тактическим мастерством. Тихие заснеженные поля перед такими деревнями могли в одно мгновение превратиться в ад кромешный, как только мы двинемся в наступление. Каждый метр пространства простреливался из многочисленных пулеметов, орудий, притаившихся в деревнях.

Мы понимали, что враг силен и сила его возрастает именно из-за этой трудной для нас обороны. Кроме того, следует учесть условия местности, где каждый шаг наступающего тяжел сам по себе, даже и без противника. А здесь любой хутор, каждая деревня - своеобразная небольшая крепость. И таких крепостей много и в первой линии, и в глубине, где враг подготовил вдоль рек Пола и Ловать еще один оборонительный рубеж. Мы не были столь богаты артиллерией, чтобы питать надежду подавить огнем вражеские опорные пункты. Поэтому приходилось рассчитывать на маневр. Использовать незанятые промежутки, смело обходить через них опорные пункты, выбрасывая далеко вперед отряды лыжников, выходя на коммуникации в тылу. Эту тактику подсказывала нам обстановка.

Все, о чем я пишу здесь, направлено отнюдь не на то, чтобы подчеркнуть или как-нибудь преувеличить наши тяготы. Конечно, читатель прекрасно понимает, что вести наступление в лесах и болотах по пояс в снегу и без дорог труднее, чем на сухих равнинных местах. Но на войне - как на войне! Я пишу здесь об этом лишь для того, чтобы рассказать, особенно нашей молодежи, об условиях, в которых иной раз приходится воевать. На войне

всегда трудно. Сложности местности, климата, снабжения учитываются, но никогда не служат причиной послаблений или скидок. Если ты командир находи выход из любых положений, думай, будь инициативен. Непреложное требование - бить врага, победить - всегда будет путеводной звездой военного человека, ибо от него требуется не искать сожаления других и послаблений, а так готовить и вести борьбу, чтобы свести к минимуму невыгоды и невзгоды своей ситуации и сделать их максимальными для врага. К этому мы и стремились в те дни.

В состав Северо-Западного фронта к началу января 1942 г. входили 3-я Ударная армия (командующий генерал М. А. Пуркаев) в составе трех стрелковых дивизий, шести стрелковых бригад, танкового батальона, шести лыжных батальонов; 4-я Ударная армия (командующий генерал А. И. Еременко) - пяти стрелковых дивизий, танкового, двух лыжных батальонов; 11-я армия (командующий генерал В. И. Морозов) - пяти стрелковых дивизий, трех танковых батальонов; 34-я армия (командующий генерал Н. Э. Берзарин) - пяти стрелковых дивизий, танкового батальона. Всего фронт имел 18 стрелковых дивизий, 10 стрелковых бригад, 6 отдельных танковых, 8 лыжных батальонов, 171336 человек личного состава, 172 танка, 2037 орудий и минометов, в том числе орудий (не считая зенитных) - 674.

Наиболее укомплектованными личным составом, естественно, были 3-я и 4-я Ударные армии. В стрелковых дивизиях двух других армий имелось от 4400 до 7800 человек. Обеспеченность фронта артиллерией и минометами не превышала 65% штатной потребности соединений. Особенно велик был некомплект ПТО и орудий крупных калибров.

Боеприпасов во фронте имелось мало. Обеспеченность 76-мм снарядами составляла 1,5 боекомплекта на 1 орудие; 122-мм - 2,87 б/к; 82-мм минами 1,13 б/к; 120-мм минами - 0,33 б/к.

Авиация фронта насчитывала всего лишь 69 исправных самолетов.

Перед Северо-Западным фронтом оборонялось 8 дивизий (в том числе 5 пехотных, 2 моторизованные, 1 охранная), входивших в состав 16-й полевой армии группы армий "Север".

Общее соотношение сил в полосе фронта составляло: по личному составу 1,8 : 1; по орудиям и минометам 1,3:1, по авиации - 1,3 : 1 в нашу пользу. Однако по противотанковой артиллерии противник имел более чем двукратное превосходство - 1 : 2,2.

Замысел Ставки и силы, которыми мы располагали, определили задачи, которые я как командующий фронтом поставил армиям.

Решение командующего фронтом было сформулировано следующим образом: силами 3-й и 4-й Ударных армий нанести удар с фронта Долматиха, оз. Волго в общем направлении на Торопец с задачей во взаимодействии с войсками Калининского фронта отрезать пути отхода противника и уничтожить его, не дав ему возможности задержаться для обороны на заранее подготовленном рубеже: оз. Отолово, Андреаполь, западный берег р. Западной Двины, Ярцево. Одновременно 34-й армии ударами по флангам и действиями в тылу противника, обороняющего фронт Кневицы, Долматиха, воспретить ему отход, истощить и уничтожить.

Мы планировали силами этих армий обойти главную оборонительную полосу противника с севера и северо-запада, разгромить и уничтожить осташковскую группировку противника в озерном районе западнее Осташкова и, обеспечив частью сил свои действия с севера и северо-запада, стремительным захватом района Молвотицы, Новая Русса развивать удар для выхода в тыл андреапольской группировки врага. В дальнейшем предполагалось действовать в направлении Ярцева для воспрещения отхода к западу противника, обороняющегося на ржевском и вяземском направлениях, и для уничтожения его во взаимодействии с войсками Калининского и Западного фронтов.

11-й армии предстояло прорвать немецкую оборону, овладеть Старой Руссой, а затем наступать на Сольцы, Дно, где, соединившись с войсками 52-й армии Волховского фронта, уничтожить новгородскую группировку врага. В дальнейшем армия должна была повернуть к северу в направлении Луги в тыл немецко-фашистской группы армий "Север" для содействия прорыву блокады Ленинграда. Наступление планировалось на глубину до 110 км со среднесуточным темпом 7 - 8 км. Готовность к наступлению - 5 января 1942 г.{9}

В центре 34-я армия, согласно замыслу Ставки, должна была обороняться с целью сковать противника на демянском направлении. Однако, оценив детально обстановку, мы решили активизировать действия и этой армии. Обороняясь в центре, ей предстояло, по новому плану, нанести удары по флангам демянской группировки врага: один - в направлении Беглово, Свинорой, второй - на Монаково, Ватолино; на четвертый день операции продвинуться на 20 - 25 км и создать условия для окружения немецко-фашистских войск в районе Демянска. После окружения и уничтожения демянской группировки мы предполагали направить армию на Холм. Наступление на общую глубину 125 - 130 км планировалось завершить за 9 - 10 суток, т. е. с темпом 9 - 10 км в сутки. Войскам 34-й армии должны были

помогать частью сил ее соседи - 11-я и 3-я Ударная армии.

Наступлению 34-й армии, по нашему замыслу, отводилась не решающая, а вспомогательная роль. Мы считали, что эта армия сумеет отвлечь к центру внимание противника от флангов, где наступали по расходящимся направлениям наши ударные группировки; мы хотели сковать врага, прикрыть направление на Бологое, освободить занятую противником ст. Лычково, важную для улучшения снабжения армии. Последующее развитие событий сделало направление 34-й армии решающим, чего, однако, мы перед наступлением не предвидели.

Так сложилась идея окружения демянской группировки врага. Но, планируя операцию на окружение, мы не имели возможности создать даже минимально необходимого перевеса сил, не говоря уже о том, что не располагали подвижными соединениями, столь нужными, как показал последующий ход войны, для успешной операции подобного рода. Мы в то время не имели необходимого опыта и во многом шли ощупью. Но наш опыт затем облегчил многое в будущем...

В сложившихся условиях для нас было очень важно обеспечить внезапность перехода в наступление, а в боях 1941 г. вопрос внезапности зачастую оставался нашей ахиллесовой пятой. Конечно, и речи не может быть о том, что мы недооценивали роль внезапности. Все отлично понимали, насколько важно скрыть от врага приготовления к удару. Но как это сделать? Опыта не хватало, а враг был достаточно искушен в подобных вещах.

Тем не менее, пожалуй, я не преувеличу, если скажу, что после нашего контрнаступления под Москвой, Тихвином и Ростовом Северо-Западный фронт дал следующий (и один из первых в Великой Отечественной войне) пример успешного достижения внезапности при переходе в наступление. Мы в полной мере постарались использовать природу, особенности местности. Трудное для себя сделали сложным и для врага. Снег, метели, вьюга оказались не только недругом, но и союзником. Порой сплошная белая мгла застилала передвижения наших войск. Окутанные белым саваном, они становились недоступными для глаз вражеских наблюдателей, и ни один его самолет-разведчик в такие дни не отваживался подниматься в воздух.

Густые леса, многочисленные рощи скрывали сосредоточение дивизий. Двигаться войскам разрешалось только ночью или в виде исключения в плохую погоду.

Вновь прибывающие соединения держались позади фронта рассредоточенными по деревням, а в первом эшелоне в течение всей подготовки наступления оставались прежние, знакомые

гитлеровцам дивизии. Такой прием мы применили впервые в войне, и позже, как известно, он стал обычным и обязательным. Наконец, было решено начать наступление не утром, а вечером, как только опустятся ранние зимние сумерки.

Длительный опыт подсказал мне, какое исключительное значение имеет достижение внезапности. Чем более мощным становится оружие, чем большего эффекта оно может достигнуть за короткий срок, тем значительнее эффект неожиданного удара. При прочих равных обстоятельствах успеха скорее достигнет тот, кто сможет обеспечить внезапность удара. Недооценивший внезапность может быть побежден, даже располагая более значительными силами и средствами.

Много усилий пришлось нам затратить на подготовку войск, командиров, штабов к предстоящему наступлению. Ведь большинство соединений фронта прибывало в его состав из глубокого тыла, где они формировались и обучались не более двух месяцев. Правда, среди солдат до 20% уже имели боевой опыт. Но немало было и таких, которые из-за недостатка боеприпасов не прошли даже элементарного курса боевых стрельб. Целый ряд штабных офицеров не располагал опытом штабной работы. Столь трудные обстоятельства вынуждали нас вновь прибывающие войска сразу же бросать в горнило самой напряженной боевой учебы.

Мы учили солдат и офицеров, как вести бой в тех местах, где им предстояло наступать. Мы хотели их приучить к суровым зимним условиям. Чтобы они могли в мороз и пургу наступать и обороняться; чтобы не боялись глубокого снега; чтобы умели стрелять, когда ртуть термометра опускалась ниже 25°; чтобы могли ходить на лыжах, строить шалаши, копать землянки в смерзшейся твердой земле. Словом, учили солдат всей той нехитрой, но очень трудной и важной солдатской науке, без которой им нельзя было обойтись и которую все мы здесь уже достаточно хорошо знали.

Наступление Северо-Западного фронта началось 7 января 1942 г. Как только опустились сумерки, на правом крыле фронта противника атаковала 11-я армия. Остальные армии перешли в наступление 9 января. Используя полную внезапность атаки, войска 11-й армии смогли уже в первый день операции прорвать вражескую оборону и продвинуться до 7 км. Ударная группировка армии в составе 182-й стрелковой дивизии полковника М. С. Назарова, 84-й генерал-майора П. И. Фоменко и 188-й - полковника Т. И. Рыбакова за несколько дней боев по снежной целине продвинулась более чем на 50 км, обошла правый фланг 290-й пехотной дивизии противника и завязала бой на северной и

восточной окраинах Старой Руссы. Выброшенные вперед лыжные батальоны перерезали дороги, ведущие от Старой Руссы на Шимск. Частью сил поиска армии сумели блокировать ряд опорных пунктов на р. Ловать северо-восточнее и восточнее города, чтобы отрезать его гарнизон от демянской группировки и от главных сил группы армий "Север". Для нас было очень важным занять Старую Руссу, важный узел коммуникаций и крупный опорный пункт врага. Ставка Верховного Главнокомандования требовала скорее освободить город.

Однако уже 11 января появились первые тревожные симптомы угасания темпов наступления 11-й армии.

Отстала в глубоких снегах 84-я стрелковая дивизия. С огромными трудностями двигались артиллерийские части, тылы. В этот день утром мы послали командующему армией генералу В. И. Морозову следующую телеграмму: "Для решения вопроса по захвату Старой Руссы крайне необходимо форсировать действия 84-й сд... Кроме того, полк второго эшелона 188-й сд также может быть брошен для атаки Старой Руссы и все другие силы армии по вашему усмотрению...

Только что звонил тов. Сталин и поручил передать вам лично, что Русса должна быть взята сегодня, и это дело чести 11-й армии.

Не забывайте артиллерию и не стесняйтесь снарядами"{10} (так в телеграмме. - П. К.).

В середине дня мы направили генералу В. И. Морозову еще одну телеграмму: "Только что получена директива Ставки. Ставка Верховного Главнокомандования приказывает в течение 11 января овладеть г. Старая Русса. Для решения этой задачи стянуть всю артиллерию РГК, дивизионы РС, по вашей заявке будет работать вся наличная фронтовая авиация"{11}.

Однако взять Старую Руссу с ходу не удалось. Артиллерия 11-й армии отстала в глубоких снегах, стрелковые части атаковали город без достаточной огневой поддержки. Перегруппировка армии осуществлялась медленно. Враг засел в городе прочно. Он подготовил сильные опорные пункты. С окраины выстрелы раздавались буквально из каждого дома. Немецкая круговая оборона оказалась труднопреодолимой. Наше непрочное, с большими разрывами кольцо окружения вокруг Старой Руссы не обеспечило надежной изоляции группировки врага.

К сожалению, некоторые командиры, не имея опыта, порой излишне торопились с атаками, часто повторяли их без должной организации. Отсутствие единого одновременного удара соединений 11-й армии по гарнизону в городе не могло обеспечить успеха. В связи с этим мне приходилось неоднократно

вмешиваться в ход событий и требовать от командарма более организованных действий{12}. Бои за Старую Руссу приняли затяжной характер.

Тем временем на левом крыле фронта вела наступление наша вторая ударная группировка. 3-я и 4-я Ударные армии совместно с левофланговыми соединениями 34-й армии в течение нескольких суток с упорными боями форсировали по льду оз. Селигер и прорвали тактическую зону вражеской обороны. Вслед за этим 4-я Ударная армия двинулась в направлении Пено, Торопец, а войска 3-й Ударной армии - на Усадьбу. Одновременно для обеспечения своего правого фланга в связи с малоуспешными действиями соседней 34-й армии 3-я Ударная армия оказалась вынужденной отвлечь часть сил для занятия вражеских опорных пунктов Ватолино и Молвотицы.

Отставание 34-й армии вызывало у нас серьезную тревогу. Открытый фланг левой ударной группировки фронта мог создать опасность сильных контрударов врага с севера. Мы были вынуждены принимать меры к ускорению движения 34-й армии.

10 января командующему армией было указано, что для нанесения фланговых ударов он выделил недостаточно сил, что, кроме того, эти силы "... распыляются на блокирование и атаку мелких населенных пунктов, вместо того чтобы смело обходить их, выходить в тыл и продвигаться вперед, в тыл демянской группировки противника"{13}.

Но, к сожалению, сил у армии было мало. Не могли помочь армии резервами и мы. Армии приходилось направлять все больше сил для обеспечения правого фланга, ибо нависавший с се вера 2-й армейский корпус врага представлял усиливающуюся угрозу всей нашей южной ударной группировке.

Стремление 3-й Ударной армии обеспечить правый фланг вылилось в затяжные ожесточенные бои за Ватолино и Молвотицы, продолжавшиеся много суток подряд.

Таким образом, начальный этап операции оказался для нас в общем и целом успешным. Обе ударные группировки фронта добились неплохих результатов.

Как теперь нам точно известно, переход в наступление Северо-Западного фронта вызвал серьезную тревогу в гитлеровской ставке. В журнале военных действий ОКБ 10 января отмечалось "16-я армия: на ее южном фланге наши войска ведут тяжелые оборонительные бои против сильного наступления врага. Наступление на участке фронта юго-восточнее оз. Ильмень отбито. На нижнем течении Ловати наш фронт вражеским наступлением отброшен к Старой Руссе... Мы подтягиваем резервы"{14}.

Еще через двое суток гитлеровская ставка отмечала: "Враг продолжает свое наступление на всем фронте озер, он занял Пено, а также многие сражавшиеся до последнего опорные пункты; он нанес удар севернее оз. Святое и прорвался своими частями в район 15 км юго-восточнее Молвотицы. Мы вводим все имеющиеся в распоряжении резервы"{15}.

Действительно, враг сразу же ввел дополнительно три дивизии. Но их ввод, особенно против 3-й и 4-й Ударных армий, первоначально не принес результата, и командующий 16-й гитлеровской армией был вынужден 13 января отдать приказ понесшим тяжелые потери правофланговым дивизиям отступить на новый рубеж{16}.

В боях за Старую Руссу гитлеровские войска несли тяжелые потери, особенно от советской артиллерии, - этот факт всюду подчеркивался в донесениях противника. В бой гитлеровские командиры бросали все, что имели. Например, чтобы удержать опорный пункт Взвад (на южном берегу оз. Ильмень), они направили туда лыжную роту 250-й испанской ("голубой") дивизии. Эта дивизия, пребывание которой на Восточном фронте имело больше пропагандистское, чем боевое, значение, без крайней нужды в сражения не вводилась.

В общей сложности за первые несколько дней операции немецко-фашистское командование бросило в бой дополнительно две пехотные и одну моторизованную дивизии 16-й армии, а также три пехотные дивизии 9-й армии. Кроме того, в огонь были направлены последние резервы - разные строительные батальоны, тыловые учреждения и всевозможные вспомогательные части. 12 января командующий группой армий "Север" генерал-фельдмаршал Лееб обратился к Гитлеру с просьбой разрешить отступление с демянского плацдарма и отвести войска 16-й армии на линию Старая Русса, Холм. Лееб не верил в возможность удержания района Демянска, ибо считал, что для этого нет достаточных сил. Но Гитлер целиком отверг предложение фельдмаршала и потребовал "всеми силами удерживать фронт на Валдайской возвышенности". Фельдмаршал, осмелившийся возразить решению Гитлера, вместе со своим начальником штаба генералом Бреннеке 16 января был отстранен от должности. Командующим группой армий "Север" стал генерал-полковник Кюхлер.

В то же самое время Военный совет Северо-Западного фронта 12 января отдал приказ на продолжение наступления. "Боевой приказ No 001 12.1.42. 4.10 1. В результате трехдневных боев войска фронта окружением Старой Руссы нарушили коммуникации левого крыла фронта противника, а на

направлении 3-й и 4-й Ударных армий сломали фронт обороны противника.

Для противодействия нашему наступлению противник втянул свои частные резервы в направлениях: Старая Русса и Свинуша. Никаких оперативных резервов до рубежа Дно, Холм, Торопец у противника не обнаружено. Разгромом указанных частных резервов противника создаются условия для энергичного наступления наших войск на старорусском и торопецком направлениях, полной дезорганизации фронта обороны противника и уничтожения его демянской группировки.

Вследствие слабой организации боя и управления войсками темпы наступления за истекшие три дня были явно недостаточны...

3. Северо-Западный фронт... главными силами на левом фланге, энергично развивая наступление в направлениях на Мостовицы, Аполец и Бервенец, Торопец, должен разбить частные резервы противника на этих направлениях, обойти с севера подготовленный рубеж противника на линии озеро Отолово, р. Западная Двина и к исходу 14.1 выйти на фронт Ямище, озеро Долгое, станция Мартисово, Данилово, Гараватая.

В центре усилиями 34-й А при содействии 11-й и 3-й Ударной армий к 14.1 1942 г. окружить демянскую группировку, не допустить ее перегруппировку и отход к югу от линии р. Пола, Демянск..."{17}

Решение энергично продолжать наступление было в тех условиях единственно возможным и правильным. Мы, разумеется, полностью сознавали огромные и все растущие трудности. Но мы вместе с тем учитывали, что полностью владеем инициативой, что враг ушел в оборону, однако вводит все имеющиеся у него резервы и стремится восстановить фронт. Выпустить инициативу - значило бы совершить непоправимую ошибку. Ближайшие события показали правоту нашего решения.

Несмотря на то что с вводом свежих соединений сопротивление врага усилилось, наши войска действовали все решительнее и успешнее. Это особенно относилось к левой ударной группировке фронта.

Удар 4-й Ударной армии на Пено оказался совершенно неожиданным для противника, который считал, что созданные им в этом районе укрепления и опорные пункты образуют огневой "мешок" и, фланкируя подступы к городу, полностью обеспечивают это направление. Поэтому гитлеровцы, укрепив стенки "мешка", не обратили серьезного внимания на оборону его дна, полагая, что удар в этом направлении невозможен. Еще более неожиданным для противника было наступление одной

дивизии и двух бригад по лесной бездорожной полосе на правом фланге армии. Переоценивая трудности с естественными преградами, немецкое командование совершенно исключало возможность активных действий значительных сил на данном направлении и ограничилось организацией здесь лишь нескольких небольших опорных пунктов, перехватывавших возможные направления действий наших легких подвижных отрядов.

Наступление 4-й Ударной армии опрокинуло все расчеты противника. Организовать сопротивление ему удалось только на участке Дроздове, Давыдове и особенно Колобове, Бор. Но и эти районы, состоявшие из ряда укрепленных и приспособленных для обороны населенных пунктов, наши части заняли не столько атаками и блокировкой, сколько вынудив противника оставить их под угрозой полного окружения в результате глубокого обхода.

Прорыв на главном направлении закончился к 12 января. Задача, поставленная армии командованием Северо-Западного фронта, была выполнена. Противнику не удалось задержать наступление наших частей на созданных им рубежах. Перейдя в решительное наступление, войска 4-й Ударной армии начали разгром оборонявшихся вражеских частей. Достигнутая внезапность и успешное стремительное наступление ударной группировки на наиболее чувствительном участке обороны противника подтвердили правильность оценки обстановки и принятого решения.

3-я Ударная армия также добилась успеха, но ее дела шли труднее... За 8 дней наступления армия растянулась на 90 - 95 км по фронту, пройдя на правом фланге 22 - 40 км с темпом 2,8 - 5 км в день, в центре - 70 км с темпом 8,8 км в день и на левом фланге - 60 - 70 км с темпом 7,5 - 8,8 км в день.

Разрыв с 4-й Ударной армией, прикрытый лишь 31-й стрелковой бригадой, уже достиг 35 км и все увеличивался. Это создавало угрозу флангу 4-й Ударной армии, продвигавшейся быстрее, чем войска 3-й Ударной армии. Такое положение заставляло командование фронта требовать от 3-й Ударной армии ускорения темпов наступления. Однако убыстрение движения частей левого фланга армии при застывшем под Ватолино и Молвотицами правом фланге вело к еще большему растягиванию фронта и к постепенной потере армией наступательных возможностей.

Действия войск затруднялись условиями местности, плохим состоянием дорог и слабой материальной обеспеченностью, а также огромной усталостью войск и измотанностью конского состава. Все это привело к сильному отставанию артиллерии,

танков, тяжелого пехотного оружия и тылов, особенно моторизованных.

В штабах соединений и частей (за исключением 245-й стрелковой дивизии) чувствовалась недостаточная подготовка и несработанность. На боевой деятельности войск особенно сильно в начале операции отражались отсутствие опыта и слабая подготовка командного состава. Это все мы особенно чувствовали в боях под Ватолино и Молвотицами. 17 января я указывал командующему 3-й Ударной армией: "20-я стрелковая бригада три дня топчется перед Ватолино. Приказать командиру 20-й бригады прекратить немедленно наступление в лоб на Ватолино и обойти Ватолино западнее, в направлении на Щеглове"{18}.

Однако населенные пункты, занятые врагом, как магнит притягивали наши части. Это был период, когда мы накапливали опыт, учились воевать. Учиться приходилось в ходе боев, тут же обобщались полученные навыки, и тут же передовой опыт мы старались внедрить в войска. 18 января Военный совет фронта вынужден был сказать командующим 34-й и 3-й Ударной армиями: "Вы ведете бои за овладение отдельными пунктами неправильно. Это наглядно видно на примере боев за Молвотицы и Ватолино. Вместо глубокого обхода населенных пунктов вы их окружаете непосредственно, сковывая при этом крупные силы и замораживая их. Противник этим очень умело пользуется. Еще три-четыре такие операции, как операции под Молвотицы и Ватолино, и все ваши силы будут заморожены. Двигаться вперед будет нечем".

Требуя брать населенные пункты обходом, мы указывали, что необходимо "разъяснить командирам ... частей и соединений эти ошибки и впредь их не допускать..."{19}

Враг стремился всеми силами удержать район Ватолино - Молвотицы, чтобы сохранить за собой демянский плацдарм. Он нес здесь большие потери. В гитлеровской ставке этот участок стали называть "молвотицким фронтом"{20}.

Постепенно наши войска все более и более осваивали наиболее рациональные приемы борьбы. Они стали все шире применять маневр, обход опорных пунктов врага. Невзирая на трудности, 3-я и 4-я Ударные армии продвигались вперед. Разгромив противника под Андреаполем, 4-я Ударная армия вышла к Торопцу. Противник готовился упорно оборонять город. Но после ожесточенных двухдневных боев 20 января наши части выбили его из города и заставили обратиться в бегство. Одновременно 3-я Ударная армия вышла к г. Холм и завязала за него бои совместно с подошедшими сюда партизанами.

С выходом в районы Торопца и Холма войска левого крыла

фронта выполнили поставленную им задачу. В итоге успешного наступления 3-я и 4-я Ударные армии разрезали фронт противника в стыке его 16-й и 9-й армий. 4-я Ударная армия заняла выгодное исходное положение для удара по глубоким тылам противника, угрожая его коммуникациям и его центральной группировке, действовавшей против Калининского и Западного фронтов. За 13 дней боев в исключительно тяжелых условиях суровой зимы, под непрерывным воздействием авиации противника и при постоянной угрозе флангам, страдая от недостаточного снабжения, 4-я Ударная армия прошла с боями на правом фланге 140 км, а на левом фланге - 60 - 70 км с темпом - 11 км в сутки. Выходом на железную дорогу Великие Луки - Ржев армия перерезала коммуникацию ржевской группировки противника.

В то же самое время 11-я армия, оставив блокированным вражеский гарнизон в Старой Руссе, повернула к югу. Она вышла главными силами к железной дороге Старая Русса - Пола и начала успешно продвигаться к Рамушеву. Единственная шоссейная дорога, соединявшая демянскую группировку врага (2-й армейский корпус) со Старой Руссой, была перерезана. Такой ход событий означал, что создались выгодные условия для полного ее окружения.

В начале 20-х чисел января оперативное положение фронта оказалось противоречивым. С одной стороны, наметился крупный успех. На левом крыле фронта полностью и успешно завершилась Торопецко-холмская операция. В центре мы глубоко охватили демянскую группировку врага. Еще ни разу с начала войны нам не удавалось достигнуть такого успеха: создать условия для полного окружения и ликвидации крупных сил гитлеровской армии. На правом крыле мы продвинулись до Старой Руссы. Но, с другой стороны, фронту явно не хватало сил для создания прочного внутреннего и внешнего фронтов окружения вокруг демянской группировки, особенно с юга. Приходилось растягивать дивизии, давать им все более широкие полосы.

Возникла дилемма: или бросить все силы на создание надежного внутреннего фронта окружения, но тогда оставаться под постоянным риском ударов противника извне, или же усиливать внешний фронт, но тогда ежечасно тревожиться насчет возможного прорыва окруженных войск врага из района Демянска на запад.

Одновременно на других участках шла ожесточенная борьба за Старую Руссу и Холм. Бои здесь принимали затяжной характер?

В такой обстановке мы направили 17 января в Ставку

докладную записку. В ней оценивался общий ход событий и высказывалось намерение прежде всего завершить разгром гитлеровцев в районе Демянска.

Мы предлагали осуществить его путем нанесения удара 11-й армии из района Старой Руссы к югу, на Холм. Обещанные нам 1-й и 2-й гвардейские стрелковые корпуса предлагалось использовать для развития наступления в западном направлении. Обе задачи мы хотели выполнять последовательно, начиная с окружения и уничтожения демянской группировки. Нужно признать, что мы переоценивали наши тогдашние возможности. В частности, мы думали, что достаточно окружить врага и он, отрезанный от путей снабжения, более или менее быстро капитулирует.

Ставка Верховного Главнокомандования положительно оценила достигнутые нами результаты и возможные перспективы. Она решила несколько усилить фронт, но одновременно вывести из его состава 3-ю и 4-ю Ударные армии, передав их в состав Калининского фронта.

Мы должны были получить из резерва Ставки для намеченной операции помимо 1-го и 2-го гвардейских стрелковых корпусов, сформированных в конце декабря 1941 г. под Москвой, еще 1-ю Ударную армию из состава Западного фронта, а также две стрелковые дивизии и две бригады.

Что касается наших планов, то Ставка в принципе их одобрила. Однако главной задачей фронта она считала не окружение демянской группировки, а удар значительными силами на запад, в тыл главным силам группы армий "Север". Такое намерение вытекало из общего положения дел на северном участке советско-германского фронта и особенно из необходимости деблокады Ленинграда. Но две такие задачи - окружение демянской группировки и прорыв глубоко на запад - явно не соответствовали силам и возможностям Северо-Западного фронта. Видимо, при их постановке нашла отражение существовавшая тогда определенная недооценка противника после его разгрома под Москвой. Разделяя свои войска по двум направлениям, фронт ни на одном из них не мог создать решающего превосходства сил над врагом. Как показал последующий опыт войны, условием успеха операций на окружение должно было быть наличие крупных соединений или объединений бронетанковых и механизированных войск. В начале 1942 г. Красная Армия ими еще не располагала. Поэтому не могло быть и речи о проведении операции на окружение в высоких темпах.

Согласно решению Ставки, 1-я Ударная армия

сосредоточивалась восточнее Старой Руссы, из резерва Ставки в тот же район направлялись две стрелковые дивизии и две бригады. Последние должны были подчиняться 3-й Ударной армии Калининского фронта. Однако действовать им предстояло в полосе Северо-Западного фронта, с задачей нанести удар от Старой Руссы на Холм, отрезать пути отхода противнику из района Демянска и во взаимодействии с 34-й армией ликвидировать его. Только выйдя в район Холма, эти соединения должны были соединиться с главными силами 3-й Ударной армии. На Северо-Западный фронт возлагалась задача наступлением 34-й армии оказать содействие 3-й Ударной армии Калининского фронта в ликвидации демянской группировки немцев. Нельзя не отметить, с одной стороны, излишней сложности, а с другой - недостаточной ясности этого замысла, особенно в том, что касалось системы подчинения войск, действующих в районе Демянска. Подобная система подчинения затрудняла взаимодействие фронтов и армий в ходе операции.

Кроме того, совершенно очевидно, что как для Северо-Западного фронта, так и для Калининского задача разгрома демянской группировки противника рассматривалась как второстепенная. Особое сомнение у нас вызывала передача 3-й Ударной армии в состав Калининского фронта. Этим крайне ослаблялось левое крыло Северо-Западного фронта, усложнялось наше взаимодействие с Калининским фронтом, который действовал основными силами на смоленском направлении и, естественно, не мог уделить должного внимания правому крылу, где 3-я Ударная армия наступала в стороне от основных усилий фронта. По всем этим вопросам я имел разговор по "ВЧ" с И. В. Сталиным и Б. М. Шапошниковым, но наши соображения были отклонены.

Окружение демянской группировки Ставка предполагала осуществить путем глубокого охвата со стороны Старой Руссы на Холм. Но если командование Северо-Западного фронта намечало осуществить этот удар всеми силами 11-й армии, то Ставка ограничивалась лишь двумя дивизиями и двумя бригадами, подчиненными Калининскому фронту. 3-я Ударная армия, выгодно расположенная к югу от демянской группировки врага, первоначально вообще не получила задачу на наступление.

В этой довольно сложной ситуации командующий Калининским фронтом генерал-полковник И. С. Конев оказывал нам всю возможную поддержку. Прибывающие в район восточнее Старой Руссы и предназначенные для наступления к югу две дивизии и две бригады он объединил в северную группу, которой приказал после сосредоточения восточнее Старой Руссы, 1

февраля, перейти в наступление на Холм. Кроме того, он по своей инициативе приказал командующему 3-й Ударной армией создать на северном фланге группировку в составе одной стрелковой дивизии и трех бригад под командованием заместителя командующего армией генерал-майора А. С. Ксенофонтова для наступления на Демянск с юга во взаимодействии с 34-й армией Северо-Западного фронта.

Однако, с нашей точки зрения, следовало значительно укрепить силы, наступавшие с севера на юг, и сделать задачу ликвидации демянской группировки главной для нашего фронта. 24 января мы представили в Ставку новые предложения, в которых предлагали для уничтожения демянской группировки противника ввести помимо 34-й армии еще и войска 1-го гвардейского стрелкового корпуса, удар которого предлагалось направить из района восточнее Старой Руссы на юг, навстречу 3-й Ударной армии. Ставка не только утвердила наше предложение, но и, пойдя навстречу нашему плану, передала в состав Калининского фронта 2-й гвардейский стрелковый корпус, который вводился в сражение от Старой Руссы на Бежаницы или на Холм. Следовательно, для окружения демянской группировки противника теперь привлекались уже более крупные силы: 1-й и 2-й гвардейские стрелковые корпуса, 34-я армия и часть сил 3-й Ударной армии.

Таким образом, уточнение замысла приводило к последовательному усилению группировки, направляемой на внутренний фронт предстоящего окружения. Постепенно операция против демянской группировки стала занимать центральное место в задачах фронта. Но чем больше сил мы планировали направить для непосредственного окружения врага, тем меньше возможностей у нас оставалось для отражения возможных ударов противника извне.

Перед началом нового наступления, в конце января - начале февраля 1942 г., Северо-Западный фронт в общем и целом по-прежнему не имел достаточных сил, в частности резервов. У нас было мало танков, авиационные соединения насчитывали к 31 января только 110 исправных самолетов{21}. Подвоз продовольствия и боеприпасов осуществлялся с трудом. В начале февраля Военный совет фронта сообщал начальнику тыла Красной Армии: "Северо-Западный фронт в связи с медленным продвижением продтранспортов не имеет достаточных запасов продфуража, гарантирующих от перебоев в снабжении. Принимаемые на месте меры к продвижению грузов ощутимых результатов не дают"{22}.

В войсках, в том числе и прибывающих соединениях,

недоставало боеприпасов, продовольствия, теплого обмундирования, автотранспорта. В особой мере это касалось 1-го гвардейского стрелкового корпуса (командир генерал-майор А. С. Грязнов), который был слабо обеспечен и к тому же медленно сосредоточивался. Ходатайство перед Б. М. Шапошниковым отложить начало ввода в сражение корпуса Генеральный штаб не считал возможным удовлетворить. 29 января 1-й гвардейский стрелковый корпус был введен в сражение, хотя полностью сосредоточиться еще не успел. Он перешел в наступление двумя группировками на широком фронте, с задачей окружить демянскую группировку. Встретив упорное сопротивление двух сильных немецко-фашистских дивизий, корпус наступал медленно, с трудными затяжными боями. Не имевшие опыта организации наступательных боев, командиры частей и соединений допускали ошибки.

Медленное продвижение корпуса, внезапные контратаки врага вызвали неудовольствие Ставки. 1 февраля 1942 г. И. В. Сталин связался по прямому проводу с командиром корпуса и дал ему указания, как вести наступление.

Они состояли в следующем: "... Неожиданное появление полка противника в районе Рамушево, Черенчицы на фланге 7-й гв. сд говорит о плохой разведке, особенно плохой разведке авиации. Ссылки на погоду и невозможность разведки в связи с этим надо пресечь, для этого есть У-2, которые должны летать в любую погоду, для такой разведки не жалеть ничего. Тов. Грязнов все должен знать о противнике, что у него вокруг, все видеть как на ладони, чтобы никаких неожиданностей не было... Надо корпусу двигаться сильной группой, не растягиваться, если растянулись, лучше не торопиться вперед, иметь всегда группу, а не разрозненные полки и батальоны... Вести разведку, не считаясь ни с чем, вести ее так, чтобы тов. Грязнов видел все вокруг как на ладони"{23}.

Эти указания, переданные непосредственно из Ставки командиру корпуса, были мною, естественно, доведены до командующего 34-й армией. Хотя корпус имел мало сил, он все же изыскал возможности ускорить свое движение и добиться успеха.

3 февраля в полосе между Старой Руссой и р. Ловать был введен в сражение 2-й гвардейский стрелковый корпус под командованием генерал-майора А. И. Лизюкова. В первый день наступления он с боями продвинулся к югу на 15 км и вышел на Холмское шоссе, а 15 февраля в районе Холма вошел в соприкосновение с частями 3-й Ударной армии. Корпус вышел глубоко в тыл демянской группировки противника.

Вскоре перешла в наступление и 1-я Ударная армия под командованием генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова из района южнее Старой Руссы. Не завершив полностью сосредоточения, она продвигалась медленно: в течение десяти суток войска армии смогли углубиться к юго-западу от Старой Руссы только до 15 км.

Эти бои убедительно показали нецелесообразность ввода в сражение соединений, не закончивших сосредоточения. Тем не менее вновь введенные войска охватили глубоко с севера демянскую группировку противника и создали внешний фронт окружения, который проходил от оз. Ильмень, восточнее Старой Руссы и далее к югу вплоть до Холма. Однако этот фронт вряд ли мог считаться действительно "фронтом". Это была слабая оборонительная линия с широкими разрывами в лесистых и болотистых районах, контролируемыми партизанами и лыжниками.

Тем временем в последних числах февраля войска 1-го гвардейского стрелкового корпуса соединились в районе Залучье с 42-й стрелковой бригадой 3-й Ударной армии. Так был создан внутренний фронт окружения. Удаление внутреннего фронта от внешнего достигало 40 км. В окружении оказались войска 2-го и значительная часть сил 10-го армейского корпусов 16-й немецкой армии (12, 30, 32, 123, 290-я пехотные дивизии, моторизованная дивизия СС "Мертвая голова" и несколько отдельных частей и подразделений со средствами усиления). Общая численность окруженных войск составляла 70 тыс. солдат и офицеров.

Предвидя угрозу окружения, вражеское командование тогда же сделало попытку предотвратить его и сосредоточило против фронта значительные силы авиации. У нас на 19 февраля имелось лишь 142 исправных самолета (в том числе только 32 истребителя){24}. Захватив господство в воздухе, противник сковывал и замедлял продвижение наших войск.

21 февраля Военный совет фронта обратился в Ставку: "Тов. Сталину.

В отношении действий авиации противника есть основания предполагать, что противник стянул против нас свою авиацию с волховского, ленинградского и частью с калининского направлений. Мы же боремся с авиацией противника лишь силами ВВС СЗФ.

В результате противник удерживает за собой господство в воздухе. Считаем целесообразным для борьбы с авиацией противника и прикрытия наступающих войск СЗФ сосредоточить усилия ВВС Северо-Западного, Волховского, Ленинградского и частично Калининского фронтов, объединить их действия и обеспечить маневр ими в случае, если ВВС противника перенесут

свои действия на другое направление.

Просим ваших распоряжений.

Курочкин, Булганин. 21.2.42 1.00"{25}.

Однако, ведя наступление на многих направлениях, Ставка, конечно, не могла сосредоточить в полосу нашего фронта столько авиации, сколько нам хотелось иметь. Господство вражеских ВВС еще больше усложняло решение стоявших перед нами задач.

Тем не менее войска фронта достигли очень важной цели. Впервые в ходе второй мировой войны была полностью окружена довольно крупная группировка немецко-фашистских войск. Это был для того периода большой не только военный, но и политический успех. Красная Армия доказывала, что не просто бьет гитлеровцев, но проводит против него операции на окружение! Об успехе фронта Совинформбюро сообщило 25 февраля: "Наши войска окружили 16-ю немецко-фашистскую армию". Эта весть мгновенно облетела весь мир. Немецко-фашистское руководство стремилось удержать за собой Валдайскую возвышенность, как плацдарм для будущего наступления и как район, где оно предполагало сковать крупные силы советских войск.

Тем временем войска Северо-Западного и Калининского фронтов получили задачу как можно быстрее уничтожить окруженного противника, чтобы не позволить ему создать прочной круговой обороны и не дать времени для организации деблокады. Но, не имея опыта и необходимых сил, скованные особенностями местности и климатических условий, наши войска наступали медленно.

25 февраля Ставка указала: "ликвидация окруженной демянской группы противника благодаря слабой согласованности действий частей 3-й Ударной армии Калининского фронта с частями 1-го гвардейского стрелкового корпуса и 34-й армии Северо-Западного фронта и из-за отсутствия единого руководства этими войсками проходит исключительно медленно".

Из Ставки последовал приказ временно передать группу Ксенофонтова из Калининского фронта Северо-Западному фронту. Этим была подтверждена правильность наших предложений, которые мы делали ранее на этот счет. На Военный совет Северо-Западного фронта возлагалась ответственность за быстрое уничтожение окруженной группировки. Командующий фронтом получил приказ силами 34-й армии и 1-го гвардейского стрелкового корпуса, усиленных войсками Калининского фронта, "непрерывно и настойчиво сжимать кольцо окружения демянской группировки противника и не позднее как в четырех-пятидневный срок покончить с нею".

Однако завершить операцию за такой срок мы были, конечно, не в состоянии. У нас не хватало сил. Отсутствие подвижных соединений не позволяло наносить глубокие рассекающие удары. Господствуя в воздухе, противник чрезвычайно затруднял наше наступление. Гитлеровское командование организовало снабжение окруженной группировки авиацией. Наша слабая ПВО не могла блокировать с воздуха окруженную группировку. Наконец, ни наши штабы, ни войска не имели опыта ведения операций подобного рода. Нам еще никогда не приходилось заниматься ликвидацией зажатых в кольце гитлеровцев. Наступление стало выливаться в затяжную борьбу за отдельные опорные пункты врага.

27 февраля Военный совет фронта в приказе командующему 34-й армией и командиру 1-го гвардейского стрелкового корпуса писал: "Поставленная перед вами задача быстрейшей ликвидации демянской группировки противника требует прежде всего темпов наступления не менее 10 км в сутки. Добиться этого обычными методами медленного последовательного занятия одного населенного пункта за другим невозможно. В этом случае противник достигнет своей цели выигрыша времени и приковывания на себя значительных сил.

Опыт показал, что противник боится глубоких обходов его сил нашими войсками и выхода их на пути подвоза противника. Окруженная нами демянская группировка противника разбросана в населенных пунктах на большом пространстве и разобщена на отдельные группы, занимающие ряд населенных пунктов...

Для выполнения задач обхода и перерезания путей в тылу противника нужно самым решительным образом и дерзко использовать целые соединения, отдельные части и особенно лыжные батальоны, могущие двигаться без дорог. В этом случае отдельные гарнизоны противника сковывать небольшими силами. Главные силы ни в коем случае не распылять, а действовать ими сосредоточенно либо для обхода противника, либо для уничтожения его на основных направлениях"{26}.

Но эти указания войска далеко не всегда могли выполнить. Неоднократно повторяющиеся одна за другой разрозненные атаки велись в одном и том же направлении. Враг все больше укреплял оборону. Его транспортная авиация перевозила окруженным за сутки в среднем до 265 т различных грузов. Нехватка боеприпасов, горючего и продовольствия крайне снижала ударные и маневренные возможности наших войск. Особенно экономно и расчетливо нам приходилось расходовать боеприпасы. Мы понимали, что предстоят тяжелые бои, а с подвозом боеприпасов из-за бездорожья дело обстоит плохо.

Поэтому если бы мы не планировали тщательнейшим образом расход боеприпасов, то войска могли бы однажды оказаться в кризисной ситуации.

Положение фронта оставалось трудным. Но еще более тяжелой стала обстановка для врага. Гитлеровское командование находилось в состоянии растущей тревоги за ход событий в группе армий "Север", особенно под Демянском.

Вот, например, какую оценку обстановки на этом участке фронта давала ставка Гитлера в середине февраля 1942 г.

11 февраля: "Обострение положения в 16-й армии из-за того, что 290-я пехотная дивизия теряет свою последнюю линию снабжения. После того как военно-воздушные силы докладывают о готовности в течение длительного времени обеспечить снабжение, отдается приказ удерживать позиции"{27}.

12 февраля: "В группе армий "Север" дальнейшее обострение обстановки у Старой Руссы. Нового противника нет, но попытки имеющегося противника окружить 2-й армейский корпус".

13 февраля: "Положение 16-й армии, достигшее крайнего напряжения, больше не обостряется (кроме трудностей передвижений и снабжения)".

14 февраля: "В положении у Старой Руссы никаких изменений, противник южнее города наступает к западу и сильными частями прорывается в направлении Холма. Обстановка под Холмом крайне напряженная"{28}.

И так далее.

Начиная с середины февраля, когда явно обозначилась угроза полного окружения нашими войсками демянской группировки, в ставке Гитлера, в "Вольфшанце", расположенной среди лесов Восточной Пруссии, происходили совещания, посвященные выработке плана дальнейших действий под Демянском. Командующий группой армий "Север" и командующий 16-й армией просили у "фюрера" резервы, чтобы предотвратить полное окружение 2-го армейского корпуса 16-й армии. Гитлер и начальник генерального штаба сухопутных войск Гальдер после ряда бурных дискуссий с обоими командующими 13 февраля решили "не класть заплаты" на извилистой линии фронта, а изменить обстановку "путем наступления от Старой Руссы на восток". Для этого предполагалось "объединить все силы наземных войск и авиации". Первоначально срок наступления определили на 7 или 8 февраля{29}.

Однако в последующие несколько суток обстановка изменилась в еще более худшую для врага сторону. Наши войска под Демянском замкнули кольцо окружения. Теперь ставка Гитлера вынуждена была в первую очередь принимать меры к

тому, чтобы помочь захлопнутым в кольце войскам продержаться, пока не будет организована выручка. 17 февраля на очередном совещании в бункерах "Вольфшанце" Гитлер решил не позже 18-го высвободить с других участков фронта 337 транспортных самолетов и перебросить с их помощью не только средства снабжения, но и подкрепление: первоначально - шесть отдельных пехотных батальонов и норвежский легион (1100 человек). О том, какое значение Гитлер придавал теперь участку фронта под Демянском, свидетельствует тот факт, что в число срочно перебрасываемых сюда по воздуху войск он включил и батальон своей личной охраны (так называемый 1-й батальон "лейбштандарт").

На следующий день в ставку Гитлера были вызваны командующие группами армий "Север" и "Центр" фельдмаршалы Кюхлер и Клюге для обсуждения вопроса о силах, "которые они смогут дать в распоряжение ставки для деблокады "демянской крепости" (так гитлеровское руководство стало называть окруженных с 22 февраля). Клюге обещал выделить для группы армий "Север" 3-ю танковую дивизию, Кюхлер - 5-ю легкую пехотную. Конкретный план наступления с целью освобождения 2-го армейского корпуса был выработан лишь в начале марта. Операция должна была состоять из двух этапов:

1) "прокладывание моста" к окруженным; 2) овладение шоссе Старая Русса - Демянск{30}.

Начало наступления намечалось на 20 марта.

После сосредоточения мощной группировки в составе пяти дивизий (созданной частично из войск, переброшенных из Франции) под командованием генерала Зейдлица гитлеровское командование нанесло сильный удар в направлении Рамушево.

Во взаимодействии с окруженной группировкой, ценой больших потерь 21 апреля противнику удалось пробить узкий коридор (мы стали его называть "рамушевский коридор") и соединиться с окруженными войсками.

После соединения старорусской группировки врага с демянской линия фронта напоминала собою кувшин, придавленный с боков, с горлышком рамушевским коридором, вытянувшимся на запад к старорусской группировке. Теперь начался новый период борьбы, цель которого состояла в том, чтобы нанесением встречных ударов по рамушевскому коридору с севера и юга снова отсечь демянскую группировку противника от старорусской и в последующем ее уничтожить.

Гитлеровское командование стремилось во что бы то ни стало сохранить эту группировку, называя ее "пистолетом, направленным в сердце России". 16-я армия противника, глубоко

вклинившаяся в расположение фронта, создавала угрозу прорыва в тыл Калининского фронта. Между двумя вражескими группировками - демянской и ржевской - находилась почти половина войск Северо-Западного фронта и весь Калининский фронт. Гитлеровское командование могло при благоприятном развитии событий двинуть в наступление демянскую и ржевскую группировки и попытаться окружить наши войска, развивая наступление севернее Москвы, на восток. Видимо, исходя из этих соображений, Гитлер приказал командующему 16-й армией сохранить демянскую группировку. Командование армии, выполняя волю Гитлера, бросало в рамушевский коридор все новые силы, чтобы не допустить его ликвидации. Многие солдаты и офицеры, попавшие к нам в плен, показывали: "Демянск - это маленький Верден, где перемалываются наши дивизии".

В воспоминаниях генерал-лейтенант Зейдлиц позже писал, что в ходе длительных боев немцы потеряли в районе Демянска только убитыми около 90 тыс. человек. Рамушевскую горловину демянского "мешка" вражеские солдаты прозвали "коридором смерти". После освобождения Демянска можно было видеть, как дорого обошлась "демянская крепость" Гитлеру. На дорогах коридора повсюду громоздились остовы разбитых машин: тягачей, грузовиков, самолетов, сгоревшие танки, искалеченные пушки, разбитые пулеметы на полях и холмах, покрытых воронками от разрывов снарядов и авиабомб, дополняли картину. От лесов остались, как поломанные зубья, обгоревшие стволы деревьев. А внутри "крепость" превратилась в кладбище с бесчисленными могилами с березовыми крестами.

Неоднократное наступление в целях ликвидации демянской группировки не принесло нам успеха. Однако фронт своими наступательными действиями наносил большой урон врагу и сковывал его крупные силы, лишив врага возможности перебрасывать войска на другие участки, в частности под Москву. В последующие месяцы фронт под Демянском стабилизировался. Он еще долго притягивал к себе крупные силы фашистских войск. Враг вынужден был отказаться от наступления 16-й армией на Осташков и Ржев навстречу 9-й армии. Его замысел об окружении наших войск в районе Торопец - Холм не осуществился.

В феврале 1943 г. Северо-Западному фронту снова была поставлена задача ликвидировать демянский плацдарм противника.

В районе Осташкова началось сосредоточение оперативной группы войск под командованием генерал-лейтенанта М. С. Хозина. Фронт получил большое пополнение. 6-ю воздушную армию усилили двумя авиационными корпусами:

бомбардировочным и истребительным. В ходе боев в состав фронта было затем направлено шесть воздушно-десантных дивизий. Наступление началось 15 февраля. Полки трех дивизий 11-й армии обрушились на укрепления рамушевского коридора.

Противник, почувствовав нависшую угрозу, 17 февраля начал поспешный вывод 16-й армии из "демянской крепости" через рамушевский коридор.

34-я армия (командующий генерал-лейтенант А. И. Лопатин), обнаружив отход противника, начала наступление и преследование врага. В последующие дни - с 20 по 25 февраля в наступление перешла 53-я армия (командующий генерал-лейтенант Е. II. Журавлев). 11-я армия продолжала бои в районе рамушевского коридора. Преследуя отходящего противника, к 28 февраля войска фронта вышли к р. Ловати. Они ликвидировали демянский плацдарм, который враг упорно и настойчиво удерживал более полутора лет. Под натиском наших войск противнику не удалось закрепиться на рубеже р. Ловать. Его вынудили отойти за р. Редья.

В том году весна была ранней. Уже в начале марта яркое солнце растопило снег, расквасило дороги. Танки, артиллерия, автомашины - все буквально тонуло в грязи. Солдаты перетаскивали орудия на руках. В результате наши части не смогли своевременно форсировать Редью, и противник организовал здесь прочную оборону.

3 марта в состав фронта вошла 68-я армия под командованием генерал-лейтенанта Ф. И. Толбухина. Армию ввели в сражение 14 марта в стыке между 11-й и 53-й армиями. Новое наступление фронта, начатое 14 марта, имело своей ближайшей задачей освобождение Старой Руссы и в дальнейшем выход на р. Шелонь на участке Сольцы - Дно. Но и эта операция из-за бездорожья успеха не имела. Были решены только отдельные частные задачи. 68-я армия к 17 марта вышла к Редье, а к 18 марта на этот рубеж выдвинулись и остальные войска фронта. 21 марта, захватив плацдарм на р. Полнеть, севернее Старой Руссы, они достигли предместья города западнее Ловати. Здесь фронт перешел к обороне.

Необычайная по напряжению борьба войск Северо-Западного фронта против сильного и упорного врага от начала и до конца являла подвиг наших воинов. Вспоминая о событиях тех дней, трудно говорить об отдельных примерах доблести, ибо героизм, отвага стали обычными качествами, присущими всем нашим солдатам и офицерам в боевой обстановке.

Я убежден, что мои товарищи по фронту - соавторы этой книги немало скажут об этом на ее страницах. Позволю себе здесь

хотя бы вкратце упомянуть о наших воинах, подвиги которых всегда будут вызывать у меня чувства величайшего уважения и благодарности.

... Случилось это в 11-й армии. В летних боях 1942 г. под Ново-Рамушевом немцам удалось окружить два батальона 133-й отдельном стрелковой бригады (командир подполковник З. С. Ревенко) и батальон соседней 151-й стрелковой бригады. В тяжелых условиях лесисто-болотистой местности окруженная группа, которую возглавили капитан Ф. В. Смекалин и старший политрук Ш. Х. Чанбарисов, создала оборонительные укрепления и мужественно отбивалась от наседавшего со всех сторон врага. Наступило время, когда на 20 человек в сутки выдавались котелок сухарей и банка консервов. Но и в таких условиях трудности не сломили волю бойцов. Две недели они стойко сражались с фашистами и вышли из этого неравного поединка победителями. Золотыми буквами вписаны в историю Великой Отечественной войны имена двух девушек-комсомолок, снайперов 53-й гвардейской стрелковой дивизии Наташи Ковшовой и Маши Поливановой.

Будучи в окружении, они сражались до последнего патрона. А когда поняли, что их могут взять в плен, подорвали себя и фашистов. Им посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

В условиях длительной обороны на фронте развернулось снайперское движение. Оно приняло широкий размах. Весь фронт знал отважных снайперов Ф. К. Чегодаева, Я. В. Вилхелмса, Ж. Е. Тулаева, удостоенных звания Героя Советского Союза. Прославили свои имена снайперы С. Д. Номоконов, Г. П. Савченко, В. Т. Егоров, Р. Н. Давыдов, Н. М. Вознов и другие.

С высоким мастерством и беспредельным героизмом выполняли боевые задания многие наши летчики. И это прежде всего Герои Советского Союза: Г. Е. Бойко, Б. И. Ковзан, И. Ф. Мотуз, Ф. Н. Орлов, В. П. Погорелов, А. С. Смирнов, А. А. Носов, П. М. Марютин и др. На нашем фронте получил звание Героя Советского Союза Тимур Михайлович Фрунзе - сын пролетарского полководца.

Вот еще некоторые примеры.

... На участке обороны стрелкового батальона 44-й отдельной стрелковой бригады противник 6 июня 1942 г. большими силами попытался прорваться на Холмское шоссе. Завязался неравный бой. В роте, защищавшей д. Астрилово (Старорусский район), замолк единственный станковый пулемет. Комбат капитан В. П. Славнов послал туда старшего сержанта Федора Чистякова, хорошо знающего пулемет. Оказалось, что расчет выбыл из строя,

а в пулемете неисправность.

Быстро ее устранив, 20-летний боец прильнул к "максиму" и начал косить идущих в рост гитлеровцев. Они залегли в ложбине, потом начали обходить дзот. Чистяков вытащил пулемет из дзота и прицельным огнем остановил врага. К исходу шестого часа боя кончились пулеметные ленты. Чистяков взялся за автомат, затем за винтовку и гранаты. Вражеские атаки были отбиты. За этот подвиг Чистякова наградили орденом Ленина. О нем много рассказывалось во фронтовой печати. Погиб прославленный пулеметчик Ф. Ф. Чистяков в районе Старой Руссы в ноябре 1942 г., будучи младшим лейтенантом, командиром пулеметного взвода той же бригады.

15-летний Гена Дроздов из д. Полуково Старорусского района появился в 188-й стрелковой дивизии, когда она вела бои в его родных местах. Он стал разведчиком. 20 мая 1942 г. Геннадий с товарищами переплыл р. Полнеть и незаметно пробрался к дороге на Старую Руссу. Там они затаились в засаде. Вскоре показалась группа фашистов. Подпустив ее метров на 50, они открыли огонь из автоматов. Убив четырех солдат и одного офицера, Дроздов захватил документы последнего. За этот подвиг командование наградило его орденом Красной Звезды.

Бессмертный подвиг совершил батальон 595-го стрелкового полка 188-й стрелковой дивизии под командованием капитана А. Ф. Величко. В январе 1942 г. батальон в сопровождении местного крестьянина И. В. Липатова ворвался с запада в Старую Руссу и двое суток вел там неравный бой. Гитлеровцы бросили против батальона превосходящие силы пехоты при поддержке артиллерии. Батальон сражался до последнего солдата...

Много прославленных воинов вышло из 188-й стрелковой дивизии. В боях под Старой Руссой в марте 1943 г. отличился Герой Советского Союза старший лейтенант Петр Иванович Шлюйков, заместитель командира минометной роты. Идя в атаку со своим подразделением, он первым ворвался в траншеи врага, где в рукопашной схватке гранатами и из пистолета уничтожил 40 гитлеровцев. При отражении контратаки Шлюйков остался один и, имея 17 ран, продолжал удерживать занятый рубеж до подхода подкрепления.

26-я Златоустовская стрелковая дивизия принимала участие в боях под Старой Руссой. Много героических подвигов совершили златоустовцы под командованием генерал-майора П. Г. Кузнецова и полковника К. Г. Черепанова. 312-й Новгородский стрелковый полк этой дивизии в сентябре 1941 г. под Лужно перешел в контратаку. Фашисты встретили пехоту сильным фланговым огнем. Вперед пополз красноармеец Николай Сосновский. Он

приблизился к амбразуре дзота, а затем, ухватившись за ствол вражеского пулемета, с силой прижал его книзу. Вражеская пулеметная очередь успела пронзить грудь воина. Но тут же пулемет захлебнулся - тело Сосновского мешало вести огонь. Мгновенно цепь поднялась. Враг был вышиблен с позиций.

Отличилась в боях под Старой Руссой и знаменитая 8-я гвардейская Панфиловская стрелковая дивизия (командовал ею тогда генерал-майор И. М. Чистяков). С января по апрель 1942 г. она совершила героический рейд по вражеским тылам, пройдя с боями 200 км. 19 февраля 16 гвардейцев под руководством младшего лейтенанта Д. Волгапкина и младшего политрука Р. Джанхожина ворвались в с. Сутоки. Гитлеровцы контратаковали крупными силами и отрезали группу от главных сил полка. 15 атак отбили отважные воины. 13 верных сынов Родины погибли, уничтожив около двух сотен гитлеровцев. За героический рейд по тылам фашистской армии дивизия в марте 1942 г. была награждена орденом Ленина.

11 декабря 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза старшему сержанту И. Мамедову. 3 декабря 1941 г. под д. Пустынька Новгородского района в оборонительном бою с небольшой группой бойцов он уничтожил несколько десятков солдат и трех офицеров противника. Враг отступил перед горсткой храбрецов. О Мамедове поэт М. Матусовский писал:

... Он птенец из выводков орлиных.
Он один из трех богатырей,
Что воспела русская былина,
Стих ашугов, думы кобзарей...

Пусть читатель извинит за некоторую отрывочность моих рассказов. Дело не в том, что исчерпан материал или память не сохранила имена героев. Несмотря на то что события тех дней уже стали достоянием истории, воспоминания о них удивительно свежи и волнуют каждого из нас, ветеранов, не меньше, чем четверть века назад.

Пусть же великие дела скромных советских воинов вечно живут в душе и сердце каждого, кому дороги свобода, честь и все те человеческие ценности, за которые они пролили кровь. И пусть при упоминании их имен каждый скажет с уважением: они сражались в трудную годину на Северо-Западном...

Меня часто спрашивают: какую же роль сыграл Северо-Западный фронт в вооруженной борьбе 1941 - 1942 гг.?

Отвечая на этот вопрос, замечу прежде всего, что в Великой Отечественной войне фронты, взаимодействуя друг с другом, всегда прямо или косвенно содействовали один другому в

выполнении оперативных и оперативно-стратегических задач. Каждый фронт, выполняя свою задачу, уничтожал и сковывал крупные силы врага, внося тем самым свой вклад в достижение общей военно-политической цели, стоявшей перед Вооруженными Силами. Учитывая это обстоятельство, следует отметить, что Северо-Западный фронт в первые годы минувшей войны сделал очень многое для достижения перелома в ходе борьбы с фашистской Германией.

Летом и осенью 1941 г. Северо-Западный фронт сковал и истощил крупную группировку гитлеровцев. Его войска вместе с войсками Северного, Ленинградского, Волховского фронтов, Краснознаменного Балтийского флота сорвали планы врага по захвату Северо-Запада нашей страны, помогли спасти Ленинград, которому грозило уничтожение. Он не позволил гитлеровцам оккупировать северную часть Советского Союза и получить свободу действий на Балтике.

Войска фронта в большой степени содействовали стабилизации положения на Западном стратегическом направлении в июле - сентябре, где враг наносил главный удар. Неожиданное для гитлеровцев упорное сопротивление Северо-Западного фронта вызвало у врага необходимость направить часть сил, особенно танковых и авиационных, из состава группы армий "Центр" в группу армий "Север". Это привело к рассредоточению основной ударной группировки врага, нацеленной первоначально строго на восток, и способствовало нашим Западному и Центральному фронтам добиться важного успеха в Смоленском сражении: впервые во второй мировой войне остановить наступающую немецко-фашистскую армию.

Во время обороны Москвы Северо-Западный фронт, сковывая значительные силы гитлеровской армии, не позволял бросить их на столицу, причем на завершающей фазе нашего оборонительного сражения эта отвлекающая функция сыграла особенно важную роль: у группы армий "Центр" не осталось в резерве ни одной дивизии.

Важным вкладом в ход общего зимнего наступления Красной Армии 1942 г. явились успешные действия Северо-Западного фронта, особенно в ходе Торопецко-Холмской операции.

Выйдя глубоко в тыл главным силам гитлеровской группы армий "Центр", войска левого крыла Северо-Западного фронта в огромной мере способствовали усилению глубокого кризиса, переживаемого врагом на всем центральном участке. Они нарушили взаимодействие между группами армий "Север" и "Центр", потребовали отвлечения сил группы армий "Центр" к ее северному флангу, что облегчило наступление Калининского и

Западного фронтов в зимнем наступлении 1942 г.

Удар Северо-Западного фронта оказал влияние и на моральное состояние врага. Именно про события, связанные с наступлением нашего фронта, Зейдлиц позже писал: "Господствовала хаотическая обстановка. Штабы, которые несколько часов назад находились в тылу, оказались вплотную перед советскими войсками. Автоколонны, которые двигались далеко за линией фронта, оказались под обстрелом советских танков. Отступающие немецкие фронтовые части были обойдены вражескими соединениями. Никто не мог сказать, кто находится впереди и сзади, никто не знал, где он найдет свое соединение".

Да, действительно враг почувствовал силу наших ударов. Паника распространилась по всему фронту и проникла в глубокий тыл. На ряде участков контроль над войсками нарушился. Из ставки Гитлера один за другим следовали суровые приказы: удерживать любые оставшиеся очаги сопротивления, даже в тылу противника, оборонять выдвинутые изгибы фронта, чтобы сковывать советские войска, отводя силы лишь в крайнем случае, когда их сопротивление станет совершенно бессмысленным.

В результате этих событий последовало решение весьма примечательное: армиям Восточного фронта перейти к позиционной обороне. С точки зрения истории германского верховного командования, оно стало доказательством смены стратегических концепций в результате исходного просчета в оценке Советского Союза и ударов, полученных от Красной Армии.

Окружение демянской группировки, имевшее большое морально-политическое значение, надолго сковало главные силы 16-й немецко-фашистской армии, облегчило положение под Ленинградом, помогло активизации действий Волховского и Калининского фронтов. Опыт окружения врага и борьбы под Демянском позволил затем нашему военному руководству сделать ряд важнейших выводов по вопросам теории и практики ведения операций на окружение вообще.

Этот опыт показал необходимость назначения для подобных операций достаточных сил, позволяющих создать устойчивые внутренний и внешний фронты окружения, необходимость обеспечения наступающих войск требуемым количеством артиллерии, авиации. Остро выявилась потребность в крупных соединениях и объединениях бронетанковых и механизированных войск, которые могли бы играть ведущую роль в стремительном окружении врага.

Опыт операции показал, что для разгрома крупной

группировки противника нельзя допускать паузы между процессом окружения и уничтожения. Требуется еще при планировании операции точно определять необходимые силы, которые были бы способны осуществить окружение и дальнейшее уничтожение. Северо-Западный фронт в тот период такими силами не обладал.

Отрицательно сказалось на ходе операции длительное отсутствие единого командования войсками, окружавшими, а затем и уничтожавшими противника. Как известно, на южном фасе демянской группировки располагались части 3-й Ударной армии Калининского фронта, который в это время своими главными силами решал более сложные задачи под Вязьмой и Ржевом. Ему было не до демянской группировки. А с севера наступал Северо-Западный фронт. Отсутствие единого руководства крайне затрудняло координацию действии. Наконец, опыт показал колоссальное значение надежной блокады окруженного противника с воздуха.

Продвинувшись на глубину 200 - 250 км и окружив в районе Демянска большую часть сил 16-й армии противника, войска нашего фронта не только не допустили переброски его сил под Ленинград и Москву, где развивались основные события, но и вынудили противника дополнительно направить под Старую Руссу и Демянск около восьми свежих дивизий и большое количество маршевого пополнения. Тем самым фронт выполнил свою основную задачу по содействию соседним фронтам, решавшим главную задачу в общем наступлении.

Ростов, Тихвин, Москва... Это были первые победы Советских Вооруженных Сил, в результате которых фашистская Германия оказалась перед необходимостью ведения длительной войны, чего больше всего боялось фашистское руководство.

Под Москвой была развеяна легенда о непобедимости гитлеровской армии, и народы мира воочию убедились, что она будет разгромлена. На советско-германском фронте начался поворот в ходе войны. В этом и состоял главный итог наших наступательных операций зимой 1942 г.

В заключение мне хотелось бы сказать следующее. В нашем трудном военном деле опыт и теория должны находиться в необходимых пропорциях. Абсолютно невозможно хорошо воевать без высокой теоретической подготовки, без глубоких знаний. Современность особенно наглядно подтверждает эту истину. Но никогда командир, обладающий даже самыми совершенными знаниями, не может рассчитывать на успех во время войны, если не имеет за плечами прочной политической подготовки, обширного опыта и, я бы сказал, житейской мудрости, знания тех

скрытых пружин войны, которые относятся к области человеческой психологии, знания людей и того, что мы называем моральным фактором.

Такое знание приходит с опытом и неизбежно с годами. В мирное время мы стараемся представить себе картину будущей войны, будущих боев и операций. Но какими бледными обычно бывают наши довоенные теоретические представления по сравнению с действительностью! По сравнению с практикой войны, с теми драматическими ситуациями, которые невозможно полностью предвидеть в мирное время, когда реальный противник не вносит "поправки" в наши расчеты и представления и когда, будем говорить откровенно, все нам кажется порой более легким, чем оно бывает на самом деле!

Роль опыта на войне необычайно велика. И вряд ли существует другая наука, в которой, подобно военной, так была бы велика роль практики, где любой промах стоит таких неоценимых жертв, как человеческая жизнь.

Я говорю обо всем этом потому, что, вспоминая ныне уже ставшие такими далекими дни 1942 г., нередко думаю: если бы тогда мы обладали таким опытом, который в последующем дала нам война, то, видимо, мы принимали бы уже в то время более рациональные решения, более гибко и осознанно руководили бы войсками.

Но ко всем проблемам военного дела, как и жизни вообще, необходимо подходить исторически. Нельзя перепрыгнуть через самих себя. То, что мы делали в январе 1942 г., все наши достижения и все упущения - продукт данного исторического этапа развития военного искусства, и он был закономерен для своего периода, как и закономерны были наши блестящие операции более поздних этапов войны.

Вряд ли будет предметом спора мысль, что опыт, полученный нами в трудном 1942 г., со всеми достоинствами и недостатками, был неоценим для будущего и что он во многом, очень многом облегчил нам победоносные кампании 1943 - 1945 гг. В частности, демянская операция дала немало материала для размышлений и выводов насчет методов ведения операций на окружение, которые столь блестяще проводила наша армия в последующие годы.

Наша молодежь, особенно молодые люди, посвятившие себя военной службе, должна все это хорошо сознавать. Невозможно научиться военному делу, не пройдя тернистый путь тяжелой военной практики. Но нужно знать также и то, что издержки в начале войны обычно во многом связаны с тем, как поставлена боевая подготовка войск и штабов в мирное время.

Следует приучать себя анализировать каждый сделанный шаг и из всего извлекать уроки. Успехами не обольщаться, из неудач делать практические выводы, не впадая в уныние, но и стараясь не повторять их. И еще: надо очень бережно и внимательно относиться к опыту прошлого, собирать его подобно драгоценностям, хранить, обдумывать и воплощать в практических делах. И тогда мы, военные, всегда будем знать, что делаем все возможное для честного выполнения возложенного на нас долга по защите любимой Родины.

А. Д. Окороков

И словом и делом

До свидания, родная Ладога! С некоторых пор она действительно стала для меня родной, хотя я и вырос далеко от этих мест.

В предвечернем августовском закате Ладога будто была вся отлита из золота. Косые лучи солнца купались на застывшей поверхности озера, пламенем горели в перекрещенных бумажными наклейками окнах уцелевших домов, отражались в зеркальных стеклах ближнего маяка.

Я представил себе в эту минуту вечерний Ленинград, Невский проспект, а по нему шагающих в военной форме девушек из отрядов местной противовоздушной обороны. Звонкие голоса выводят самую популярную теперь в городе на Неве песню. Запомнились слова припева:

Недаром Ладога родная Дорогой жизни названа.

По-разному запомнилась мне та дорога. Я видел ее в зимний морозный день, когда стаи "юнкерсов" налетали на колонны наших автомашин с продовольствием, чтоб преградить им путь в осажденный Ленинград. Зенитные батареи, установленные прямо на льду, вдоль всей ладожской трассы, вели такой огонь, что всем чертям, наверно, становилось тошно в небе, не говоря уже об экипажах "юнкерсов". Видел холодной осенью, когда те же "юнкерсы" падали с неба в свинцовые волны, а баржи все шли и шли туда, к Осиновцу, на западный берег, чтоб осажденный город мог жить и сражаться.

Очень, конечно, жаль расставаться с коллективом политработников ладожской трассы, который мне в качестве комиссара довелось возглавлять в самые трудные дни ленинградской блокады. Но, ничего не поделаешь, мы солдаты партии: куда пошлют, там и будет отныне твой боевой пост.

И вот "дуглас" уже несется над зелеными московскими пригородами. Прошло только полгода, как прокатилась здесь война. Земля пестрит воронками от бомб. То там, то тут вдоль Октябрьской железной дороги видны остовы полусгоревших

вагонов, сбитых взрывной волной паровозов, но жизнь уже входит в привычное русло. На полях - горячая пора уборки урожая, мелькают цветные платки женщин, белые рубашонки подростков - они теперь главная ударная сила в колхозах.

И вот короткий разговор в кабинете секретаря ЦК ВКП(б), начальника Главного политического управления Красной Армии Александра Сергеевича Щербакова.

В кабинете полумрак, а Александру Сергеевичу видятся, наверное, опаленные огнем леса Северо-Западного фронта, куда мне и предстоит выехать в самые ближайшие часы.

- Фронт, куда вы направляетесь, Андрей Дмитриевич, по-своему сложен и своеобразен, - говорит Щербаков, расхаживая по кабинету. - Учтите, что это первый из наших фронтов, который в сентябре сорок первого года остановил наступление противника на подступах к Валдайской возвышенности. В этом большая заслуга бойцов, командиров, политработников фронта перед нашим народом.

Александр Сергеевич подошел к карте, занимавшей почти всю стену кабинета.

- А теперь прошу вас сюда, бригадный комиссар, - сказал Щербаков, повернувшись к карте, где была нанесена обстановка на 16 августа 1942 г. Я хочу подробнее ввести вас в курс событий...

И снова самолет. Под крылом - желтые плешины болот, маленькие речки, торфяные озера с застоявшейся водой. "Да, осенью там не поманеврируешь. Танки увязнут в болоте", - вспоминал я слова А. С. Щербакова.

Вскоре самолет приземлился, а еще несколькими часами позже я уже входил в один из корпусов бывшего дома отдыха неподалеку от Валдая, где в густом лесу расположились отделы политуправления фронта.

На другой день, не теряя времени, выехал в район боевых действий 11-й армии, штурмовавшей рамушевский коридор.

На наблюдательном пункте армии, в двух километрах от переднего края, было оживленно. Приникнув к стереотрубе, какой-то генерал с бритой головой следил за тем, как пехота штурмует высоту, где раньше находилось село. То, что там было село, можно было заключить по печным трубам да полуразвалившимся печам.

- И опять сегодня эту Васильевщину не возьмем! - устало произнес генерал, вытирая пот с широкого лба. И тут же изучающе взглянул на меня.

- Курочкин! - сказал он, протягивая мне руку. Я назвал себя.

В серых глазах командующего фронтом искрится ум. Резко

очерченный подбородок свидетельствует о воле. Только мягкие, несколько расплывчатые губы выражают доверчивую натуру. Приятный голос с чуть раскатистым "р" надолго врезался в память. В следующий раз уже не ошибешься, кому он принадлежит.

- Леса и болота, озера и реки, клюква и брусника - таков у нас с вами фронт, Андрей Дмитриевич, - сказал Курочкин и с легкой усмешкой добавил: Кое-кого эти болота затягивают, они даже утрачивают веру в то, что и у нас можно вести активные боевые действия. Вам, товарищ Окороков, вместе со всем аппаратом политуправления предстоит много поработать, чтобы подготовить людей к большим наступательным боям...

С членом Военного совета фронта Владимиром Николаевичем Богаткиным я познакомился чуть позже. В ту пору он находился на излечении в Москве после полученной контузии. А когда узнал Богаткина, то всецело попал под обаяние его недюжинной натуры. Представитель старшего поколения политработников, Владимир Николаевич получил боевую закалку еще на фронтах гражданской войны. Во всей его спокойной манере рассуждать проявлялся политработник, умеющий влиять на окружающих. Он хорошо разбирался в человеческих характерах, мог в нужную минуту разрядить назревающий конфликт в личных отношениях и становился глубоко принципиальным, когда нужно было действовать в интересах общего дела. Перенеся две операции, но все еще тяжело физически страдая, он никогда и никому не жаловался.

Забегая чуть вперед, скажу, что сменившие на посту командующего фронтом П. А. Курочкина Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, а затем генерал И. С. Конев, а В. Н. Богаткина - Ф. Е. Боков также во всей своей практической работе опирались на аппарат политуправления, что в немалой степени содействовало успеху дела.

В целом политическое управление, сформированное в первые дни войны на базе политуправления бывшего Прибалтийского особого военного округа, было укомплектовано знающими и опытными политработниками. Коллектив оказался очень дружным и работоспособным. Недаром говорят: "Все за одного, а один за всех, тогда и в деле будет успех".

Заместителем начальника политуправления работал генерал-майор В. Н. Глазунов, до войны он был секретарем Пермского обкома партии. По своему умению вникнуть в дело, исключительной трудоспособности он был олицетворением тех лучших кадров, которые Центральный Комитет передал с гражданской партийной работы в армию.

Позже его сменил генерал-майор Н. Г. Пономарев, тот самый генерал, который в 50-х годах, уволившись из армии, пошел трудиться в сельское хозяйство и возглавил совхоз "Рубеженский" в Оренбургской области. Можно себе представить, как эти товарищи трудились в годы войны, когда сама обстановка заставляла работать с полным напряжением сил, говоря по-солдатски, "с полной выкладкой".

Большие и ответственные задачи решал наш отдел организационно-партийной работы, выполнявший роль своеобразного штаба. Здесь готовили проекты директив, обобщали опыт партполитработы, организовывали контроль и проверку политорганов и парторганизаций на местах. Начальник отдела полковой комиссар Е. И. Сорокин, инспекторы, старшие батальонные комиссары И. С. Железняков, И. И. Иванов, Ф. Н. Утенков, М. К. Николаев редко засиживались в политуправлении. Почти безвыездно находились в частях и работники комсомольского отдела, которым руководил сначала майор И. А. Немцов, а затем майор А. В. Стоноженко, оказывавшие значительную помощь своим старшим товарищам. Задор, инициатива, умение подхватить новое и широко распространить почин в солдатских массах таков был стиль работы наших комсомольских работников.

Агитационно-пропагандистской работой руководил отдел агитации и пропаганды, возглавляемый очень опытным организатором подполковником Василием Дмитриевичем Кульбакиным. В мае 1943 г. Центральный Комитет партии отозвал его на работу ректором Высшей школы партийных организаторов при ЦК ВКП(б). Заместителем начальника отдела бессменно работал подполковник Алексей Петрович Голубев. С ним я прошел до конца войны. Это был инициативный политработник, хорошо разбиравшийся не только в марксистско-ленинской теории, но и в военном деле. Особенно много он работал над вопросами печатной агитации и пропаганды.

Наиболее длительное время в отделе работали: лекторы Я. Б. Эйсепский, М. М. Колчин, И. Е. Фельдман; агитаторы: И. В. Рошин, Я. Т. Дивинский, А. Д. Волков; инструкторы: В. С. Кислинский, Н. Д. Рабинович и др. С отделом агитации и пропаганды имели тесную связь фронтовые писатели и поэты, редакторы армейских и фронтовых газет.

В политуправлении были и другие работники, которые тоже упорно трудились над воспитанием личного состава войск.

Летом 1942 г. в составе фронта насчитывалось около 12 тыс. политработников. Это была большая цементирующая сила, опираясь на которую можно было рассчитывать на успех.

К осени 1942 г. фронты в основном стабилизировались, кадры командного состава окрепли, приобрели опыт воспитательной работы, подавляющее большинство командиров стало коммунистами. Одним из условий успешной войны с немецко-фашистскими захватчиками явилась необходимость дальнейшего укрепления единоначалия в армии. ЦК партии принял решение об установлении единоначалия в армии и на флоте, упразднении института военных комиссаров и введении института заместителей командиров по политчасти.

Одновременно были отменены воинские звания, установленные ранее для политсостава: политрук, старший политрук, батальонный комиссар и т. д. На политсостав, как и на командный состав, распространялись общие воинские звания. Требовалось всю эту реорганизацию провести в очень сжатые сроки. Мне и начальнику отдела кадров полковнику П. И. Зальнову пришлось много поработать для переаттестации политработников. У нас во фронте в октябре 1942 г. было: корпусных комиссаров - 1, дивизионных комиссаров - 2, бригадных комиссаров - 22, полковых комиссаров - 84, старших батальонных комиссаров - 340, батальонных комиссаров - 1418, старших политруков - 2765, политруков - 4650, младших политруков - 3044.

В 1943 г. было принято новое решение о реорганизации партийно-политического аппарата в армии. Первичные партийные и комсомольские организации создавались в батальонах и дивизионах. В полку же появились партийные и комсомольское бюро по руководству первичными партийными и комсомольскими организациями. В дивизиях и корпусах должность заместителя командира по политчасти совмещалась с должностью начальника политотдела. Высвободившийся политсостав предлагалось передать на командную работу.

На командную работу на нашем фронте перешел 4151 политработник. Это было новое пополнение командных кадров. К концу Отечественной войны многие из них накопили немалый боевой опыт и стали командирами полков и дивизий, сочетавшими в себе опыт политработника с опытом боевого командира.

Сейчас нельзя не вспомнить о тех, кто воодушевлял воинов на подвиги, о ком часто писали фронтовые газеты.

Боевые будни были наполнены героизмом. Преодолевая препятствия, презирая опасность, политработники во главе бойцов бросались в атаку на врага и сокрушали его. Они всегда вселяли бодрость духа, бесстрашие в сердца воинов.

В июньских боях 1941 г. военный комиссар 48-й стрелковой

дивизии, полковой комиссар А. К. Фоминов пошел на фашистов в первых рядах сражавшихся и погиб смертью храбрых на поле брани. Его личный пример придал новые силы воинам дивизии, и они стойко отбивали вражеские атаки.

17 июля 1941 г. к командному пункту 22-го стрелкового корпуса прорвались вражеские автоматчики. В это время на КП находилось немного бойцов. В этот критический момент заместитель политрука 415-го батальона связи А. К. Мери проявил замечательную силу воли, храбрость и инициативу. Собрав десятка два бойцов, он принял на себя командование, и группа вступила в бой с вражескими автоматчиками. Арнольд Мери личным примером воодушевил оборонявшихся. Подоспевшие курсанты полковой школы завершили разгром прорвавшегося противника. За совершенный подвиг отважный сын эстонского народа Арнольд Константинович Мери был удостоен звания Героя Советского Союза.

В передовой статье "Комсомольская правда" 31 марта 1942 г. писала: "Война выковала замечательные кадры молодых политработников. Подвиг замполитрука Героя Советского Союза Арнольда Мери вошел в историю Ленинского комсомола как символ мужества и отваги. Дважды раненный, Мери оставался на боевом рубеже. Когда все его боевые товарищи были убиты, он отражал атаки фашистов до тех пор, пока их воинственный дух не выдохся. Только когда получил по счету третье ранение, отважный комсомолец вышел из боя".

Сделав глубокий прорыв на правом фланге в районе оз. Ильмень, в августе 1941 г. фашисты создали реальную угрозу частям 11-й армии. Отдельные подразделения не выдержали натиска противника, начали в беспорядке отходить. Член Военного совета 11-й армии дивизионный комиссар И. В. Зуев проскочил на машине к Старой Руссе через мост, охваченный пламенем, и вовремя появился на поле боя. Остановив артиллерийскую батарею, он приказал развернуть орудия, и бойцы прямой наводкой стали разить фашистов. А тем временем, собрав до сотни солдат и командиров, И. В. Зуев сам повел их в контратаку.

У стен древнего Новгорода 24 августа 1941 г. политрук танковой роты 125-го танкового полка 28-й танковой дивизии младший политрук Александр Константинович Панкратов в трудную минуту боя с возгласом "За Родину, за партию!" бросился к вражескому пулемету и своей грудью перекрыл смертоносный огонь, дав возможность бойцам своей роты выполнить боевую задачу. За свой подвиг он удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

В октябре 1941 г. фашисты вклинились в боевые порядки 245-й стрелковой дивизии и часть ее сил оттеснили к Пестовскому озеру. Многие раненые, больные, медперсонал полка, размещенные в д. Исакове, попали в плен.

На следующий день гитлеровские головорезы пошли в атаку а впереди себя пустили пленных. Все ближе и ближе пленные, а сзади них маячат фигуры врага. Как быть? И тогда комиссар 898-го стрелкового полка политрук Колесниченко с одного фланга обороняющихся, а инструктор по пропаганде полка - с другого поднялись впереди своих бойцов врагу и без выстрелов устремились навстречу врагу.

Фашисты были настолько ошеломлены контратакой, что не выдержали и в панике повернули назад. Наши воины отбили всех пленных и захватили в этом бою пушку, три миномета и пять пулеметов

Политрук роты первого батальона 154-й морской стрелковой бригады мичман Сергей Николаевич Васильев попал на Северо-Западный фронт с Черноморского флота.

В наступательном бою под д. Верхняя Сосновка 22 февраля 1942 г. он возглавил роту моряков и повел ее в атаку. В этой схватке с врагом огнем из автомата и гранатами он уничтожил 25 гитлеровцев. В бою отважный моряк пал смертью храбрых. С. Н. Васильев посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Среди прославленных летчиков фронта - Героев Советского Союза почетное место занимает военный комиссар эскадрильи бомбардировщиков Григорий Аверьянович Таряник. Он умело сочетал в себе политработника с глубоким знанием летного искусства. На Северо-Западном фронте он совершил со своей эскадрильей 90 вылетов. Политуправление фронта не раз писало о его подвигах в листовках, А. А. Исбах рассказал о нем в очерке "Комиссар-герой", поэт М. Л. Матусовский посвятил Г. А. Тарянику стихи.

В Отечественной войне героизм был массовым. И среди гевоев фронта почетное место занимали герои-коммунисты, герои-комсомольцы, герои-политработники. Они всегда и во всем показывали пример. В пропаганде отваги героизма политуправление видело свой долг. Со старших товарищей брали пример коммунисты недавно принятые в ряды партии. Сочетание чувства долга с беззаветной храбростью и мужеством проявилось ярко в характере молодого коммуниста Анатолия Халина, воспитанника Ленинского комсомола. В боях за с. Новая Русса в феврале 1942 г. младший лейтенант А. Е. Халин грудью закрыл вражескую амбразуру и этим обеспечил успех боя.

Особое место в работе политуправления фронта занимала

печатная и устная пропаганда и агитация. В августе 1942 г. по инициативе члена Военного совета фронта корпусного комиссара В. Н. Богаткина было проведено специальное заседание Военного совета фронта, посвященное этому вопросу.

На заседании много говорили и об обогащении языка агитатора, чтоб умел он найти нужные, яркие слова, образы и сравнения, воздействовал на ум и сердца людей.

Ведь правдивое, к месту сказанное слово сильно воздействует на человека. Я чувствовал и знал это по собственному опыту. Еще в 1919 г., когда я вступал в комсомол, в анкете на вопрос: "Какие общественные нагрузки хотите выполнять?" - ответил: "Агитатора". С тех пор прошло почти полсотни лет, а я и сейчас продолжаю быть агитатором и горжусь этим. Всегда говорю об этом, когда вы ступаю перед молодежью.

На этом же совещании обобщили мы и опыт индивидуальной политико-воспитательной работы. Начальник политотдела 11-й армии бригадный комиссар В. Д. Шабанов поднял очень важный вопрос о сочетании политического убеждения с обучением бойца умению воевать. Интересные мысли высказал и опытный политработник, начальник политотдела 53-й армии бригадный комиссар А. И. Шмелев. О преодолении формализма в работе остро поставил вопрос начальник политотдела 34-й армии полковой комиссар А. И. Михайлов.

Надо жить одной жизнью с бойцами, знать их настроения, влиять на них только при этих условиях возможен успех политико-воспитательной работы во всех звеньях, начиная от взвода и кончая штабом фронта. Эта мысль лейтмотивом проходила через все выступления. И далее: нельзя решать задачи воспитания голым администрированием. Надо все сделать, чтобы внедрять в сознание солдата и командира глубокую убежденность в правоте нашего дела.

Мы особенно акцентировали внимание политработников на четком обеспечении личного состава питанием, обмундированием, медицинским обслуживанием. Об этом должны были помнить все политработники фронта.

"Слово горы ворочает", "Ветер горы разрушает - слово народы поднимает" - эти популярные русские пословицы сразу наполняются вполне конкретным содержанием, когда вспоминаешь дела наших фронтовых пропагандистов и агитаторов.

За два года и четыре месяца фронт издал 830 листовок, памяток, брошюр общим тиражом 18 млн. экземпляров. Печатали их на своей передвижной фронтовой полиграфической базе. Тематика печатной агитации была самой разнообразной, она

отражала все происходившие события войны.

Живое слово агитатора, подкрепленное печатным словом листовки, достигало большого эффекта в воспитании боевых качеств, в повышении политико-морального состояния воинов фронта. Ведь листовка давала нам возможность в минимально короткий срок довести до бойцов призыв партии, Военного совета фронта, политуправления. Это было великолепное оружие массовой политической агитации.

Совместно со штабом и управлениями фронта много издавалось листовок, памяток по военно-технической пропаганде. Тематика их была весьма разнообразной: "Использовать мощь пехоты", "Минометы в наступлении", "Уязвимые места немецких танков", "Знать тактику врага", "Как отражать танковые атаки", "Ни шагу без разведки", "Памятка бойцу в обороне", "Самолеты противника", "Умей строить дороги в лесу и на болотах" и т. д. Эти листовки были хорошим пособием и для командиров в обучении своих подразделений, ведь они обобщали опыт войны.

Большой популярностью пользовались у воинов листовки, посвященные героям фронта: "Отважный снайпер Калыков", "Герой-снайпер Алексей Пупков", "Подвиги сержанта Биккушина", "Отважный истребитель танков" (о капитане Погорелове), "Снайпер Тулаев истребил 283 немца", "Советский ас" (о летчике Ф. И. Шинкаренко), "Три тарана летчика Б. Ковзана" и т. д.

Для листовок использовались факты из фронтовой жизни, имевшие общественное значение.

Наш фронт, как и все остальные, представлял собой вооруженный союз всех национальностей Советского Союза. Весной 1943 г. в его составе сражались представители 50 различных национальностей. После русских, украинцев, белорусов по статистике шли казахи - 7500, татары - свыше 7000 и узбеки - более 5000. В этих условиях от нас потребовалось уделить серьезное внимание работе среди воинов, не знавших русского языка или слабо владевших им.

Постоянной заботой стала подготовка агитаторов из числа воинов этих национальностей. Большую роль в их воспитании сыграла наша фронтовая газета "За Родину", выходившая помимо русского на татарском, казахском и узбекском языках. Эти газеты редактировали способные журналисты: на татарском языке майор Х. Г. Гильманов, на казахском - капитан Ш. А. Булатов.

Политическая работа среди воинов нерусской национальности имела свои особенности и трудности. Необходимо было учитывать национальный характер, бытовые привычки, о которых мы в ряде случаев и не знали. Припоминается такой случай. Однажды в 188-й стрелковой

дивизии меня окружили бойцы-казахи и высказали свою обиду:

- Мы уважаем старших, с почтением слушаем, но только любим слушать правду... Был у нас агитатор дивизии, наобещал всего, а ничего не сделал.

Начальник политотдела полковник В. С. Игнатов рассказал, что агитатор обещал казахам и узбекам открыть в полку чайхану, но до сих пор ничего не сделано, хотя в других частях они действуют. Чайханы пользовались большой популярностью. Это были землянки, где всегда можно было почитать газету на своем родном языке, поиграть с земляками в шахматы, домино.

Особенно широкое распространение чайханы получили, когда правительство Узбекской ССР прислало фронту подарок для бойцов-узбеков - зеленый чай.

Среди представителей нерусских национальностей немало было и политработников. Особенно мне запомнился один из популярнейших политработников, заместитель командира стрелкового батальона 1024-го стрелкового полка 391-й стрелковой дивизии Файзрахманов. Кроме своего родного татарского языка, он свободно владел языками почти всех народов Средней Азии. Его всегда можно было видеть беседующим с бойцами. В боях вел себя геройски. Неподалеку от д. Васильевщина, когда под сильным минометным огнем противника батальон залег у проволочного заграждения, Файзрахманов, понимая, что это угрожает выполнению боевой задачи, крикнул сначала на казахском, а потом на узбекском языках: "Товарищи! Задержка здесь - смерть для нас. Бросок вперед обеспечит победу. Вперед, за мной!" Бойцы поднялись вслед за Файзрахмановым и овладели вражеской позицией. В этом бою Р. М. Файзрахманов погиб смертью героя, но своей отвагой обеспечил выполнение боевой задачи.

Хочется сказать и о начальнике политического отдела 245-й стрелковой дивизии полковнике А. Ш. Чекушине. Он отлично знал татарский, узбекский, казахский языки. Бойцы ею очень любили и относились к нему с большим уважением.

Разнообразная, непрерывная воспитательная работа среди воинов нерусской национальности давала свои плоды. На Северо-Западном фронте прославилось много воинов нашей дружной многонациональной страны. Они совершили немало замечательных боевых подвигов. Среди них латыши: командир 43-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор Д. К. Бранткалн, командир роты 91-го стрелкового полка 201-й (ставшей потом 43-й гвардейской) стрелковой дивизии, Герой Советского Союза младший лейтенант Я. В. Вилхелмс, уничтоживший 150 фашистов, эстонцы: лейтенант Лайпандис, командир роты 232-го стрелкового полка, и заместитель политрука радиороты 415-го батальона связи А. К. Мери. Знаменитые снайперы фронта старшина Жамбыл Евщеевич Тулаев (уничтожил 283 фашиста), Захар Киля (уничтожил 170 фашистов), И. М. Мамедов (уничтожил 70 фашистов), тунгусский охотник-зверолов Семен Номоконов (уничтожил 367 фашистов). Всем воинам фронта запомнились подвиги Героя Советского Союза, автоматчика, верного сына Осетии Х. З. Мильдзихова и многих, многих других.

В 391-й стрелковой дивизии 1-й Ударной армии сражался

казах, сержант Дасманбай Киргизбаев. Его храбрость не знала предела. Умелый, опытный воин много раз водил свое отделение в атаки, причем делал это обдуманно, поэтому и потерь было мало.

На Северо-Западном фронте прославился замечательный сын татарского народа снайпер Фахретдин Атнагулов. Он истребил свыше 200 гитлеровцев.

Политуправление выпустило о нем листовку с призывом: "Учись бить без промаха врага, так, как бьет его верный сын татарского народа снайпер Фахретдин Атнагулов".

В северо-западных областях, временно захваченных врагом, действовали многочисленные партизанские бригады и отряды. Все основные партизанские операции проводились под руководством Военного совета фронта. С этой целью при политуправлении фронта в июле 1941 г. по указанию Ставки Верховного Командования был создан 10-й отдел. С ноября 1941 г. этот отдел был превращен в партизанский отдел Военного совета фронта, упраздненный в мае 1942 г. Вместо него при Военном совете фронта была образована оперативная группа по руководству партизанским движением. С июля 1941 г. и по ноябрь 1942 г. оперативной группой руководил полковник А. Н. Асмолов, заместителем у него был подполковник А. А. Тужиков, а с убытием А. Н. Асмолова в ноябре 1942 г. на Юго-Западный фронт она возглавлялась А. А. Тужиковым. С превращением партизанского отдела фронта в оперативную группу из Ленинградского штаба партизанского движения для координации действий к нам прибыл В. П. Гордин.

За первый же год борьбы партизаны истребили около 22 тыс. гитлеровцев, пустили под откос 91 железнодорожный состав, уничтожили 51 склад, 860 автомашин, 22 самолета и взорвали 24 моста. Партизанами было освобождено из плена 480 бойцов и командиров, более 6 тыс. военнослужащих переправлено через линию фронта - в расположение советских войск. В тяжелые дни блокады Ленинграда партизаны отправили через фронт обоз с продовольствием для трудящихся голодающего города.

Нужно сказать, что до 1942 г. партизанские бригады еще были малочисленны, в каждой из них насчитывалось от 400 до 500 бойцов. Лишь 2-я партизанская бригада имела более двух тысяч человек. Ею командовал легендарный герой старший батальонный комиссар Николай Григорьевич Васильев.

Наше знакомство состоялось в начале октября 1942 г., когда Н. Г. Васильев прилетал из вражеского тыла в штаб фронта. Вместе с ним был военком бригады С. А. Орлов - секретарь Порховского РК ВКП(б) и начальник штаба А. Ф. Майоров. В

политуправление они пришли вместе с А. А. Тужиковым.

Наша беседа затянулась далеко за полночь. Слушали обстоятельные, без тени бахвальства рассказы Васильева о боевых подвигах партизан. Я смотрел на стройную фигуру Николая Григорьевича, его простое, красивое русское лицо и думал: "Был армейским клубным работником, возглавлял новгородский Дом Красной Армии... А на войне развернулся в нем талант партизанского вожака".

Фашисты дважды организовывали карательные экспедиции против бригады, но ничего у них из этого не получалось. Отличное знание местности позволяло народным мстителям уходить от ударов карателей, и партизаны вновь громили вражеские тылы. Впоследствие Николаю Григорьевичу было присвоено звание Героя Советского Союза.

В беседах с партизанскими руководителями, естественно, возник вопрос о героях бригады. Васильев, подумав немного, скромно улыбнулся и ответил:

- Да у нас особых героев и нет. Все партизаны стараются и по мере своих сил бьют фашистов.

- Но все-таки интересно знать о наиболее отличившихся партизанах.

- Есть у нас женщина-парторг, Анна Петровна. Так вот: она первая идет на самые опасные операции...

Военком бригады Орлов вспомнил, как пять стариков колхозников решили не пускать гитлеровцев в свое село. Все население ушло в леса, а они остались охранять деревню. Старики еще в первую мировую войну воевали с немцами в окопах Западного фронта, и в мужестве нельзя было им отказать. Они подготовили село к обороне и встретили огнем приближающийся вражеский отряд. В том неравном бою они уничтожили 14 солдат противника. Фашисты так в село и не вошли.

- А ты расскажи про нашего Ивана Сусанина, - напомнил Васильев комиссару бригады.

- Да, был у нас такой партизан, он действительно повторил подвиг Ивана Сусанина, - ответил Орлов. - Каратели после расправы с населением с. Мухарева взяли проводником до д. Гнилицы пожилого колхозника Михаила Семенова.

Семенов, великолепно зная дорогу, поступил так, как когда-то сделал Иван Сусанин. Всю ночь он водил гитлеровцев по лесам и болотам, а утром они вновь оказались в Мухареве.

Фашисты собрали население и зверски избили Семенова. Когда ему пригрозили расстрелом, он крикнул: "А вы думали, что русский человек вам, гадам, помогать будет". Враги тут же

расстреляли героя.

- Мы недавно понесли большую потерю, - продолжал Васильев, - месяц тому назад погиб наш юный разведчик Юра Иванов. Он сирота, родителей фашисты повесили, и в один из переходов мальчика подобрала наша разведка. Никто не мог лучше разведать расположение врага, чем наш Юра. Но однажды он с двумя другими разведчиками попал в засаду. Перед казнью Юра обратился к гестаповцам с просьбой:

- Развяжите мне руки, я хочу перед смертью помолиться богу.

По приказанию гитлеровского офицера ему развязали руки.

Тогда Юра подскочил к офицеру и при всех дал ему пощечину. Взбешенный офицер выхватил пистолет и двумя выстрелами убил мальчугана. Так погиб наш Юра, погиб как герой, как настоящий патриот.

Работники политуправления не раз вылетали в партизанский край. Частыми гостями у партизан бывали С. М. Беспрозванный, С. В. Касьян, С. А. Зайцев, И. Е. Фельдман, начальник фронтовой киногруппы С. Е. Гусев, фотокорреспондент С. И. Лоскутов и многие другие. Все они там проводили большую агитационно-пропагандистскую и организационную работу. А политуправление фронта с их помощью всегда было осведомлено о положении дел в бригадах и отрядах.

Особое внимание мы обратили на распространение среди партизан и населения листовок. Это, пожалуй, был основной способ разъяснения всех военных событий и классовой сущности немецкого фашизма. В них печатались наиболее важные сообщения Совинформбюро, рассказывалось о зверствах оккупантов, об укреплении партизанского движения. Многократно мы издавали обращения к населению временно оккупированных районов Ленинградской области с призывом усилить борьбу с фашистскими захватчиками. Так, в 1943 г. было издано 40 листовок общим тиражом свыше трех миллионов экземпляров.

Среди населения оккупированных районов наши листовки пользовались большой популярностью.

Во 2-й бригаде была своя полиграфическая база, на которой печаталась партизанская газета "Коммуна". Для подпольных райкомов партии политуправление фронта издавало газеты: "Порховская правда" - орган Порховского райкома, "Коммуна" - орган Дедовичского райкома и райсовета, "Дновец" - орган Дновского райкома. Материал редакции получали от подпольных партийных организаций и партизанских бригад. За расклейку листовок или за их хранение гитлеровцы жестоко расправлялись с подпольщиками. И все же, несмотря на террор и угрозу смерти,

мужественные советские люди в глубоком подполье печатали маленькие листовки и распространяли их среди населения. И сейчас, когда после войны прошло много лет, нельзя без волнения читать гневные слова этих листовок, призывавших еще яростнее бороться с врагом.

Оккупированные районы Латвии и Литвы также снабжались специальными газетами на латышском и литовском языках. Газету на латышском языке редактировал один из секретарей ЦК Компартии Латвии Я. Спуре. Редактором газеты на литовском языке был майор Б. Фогелевичиус. К нам часто приезжали первый секретарь ЦК компартии Латвии Я. Э. Калнберзин и предсовнаркома В. Т. Лацис, первый секретарь ЦК Компартии Литвы А. Ю. Снечкус. Они оказывали неоценимую помощь в организации политической работы среди населения Литвы и Латвии.

У меня сохранилось письмо секретаря ЦК Компартии Литвы А. Ю. Снечкуса от 19 апреля 1943 г. Он в нем писал: "... По имеющимся в ЦК КП(б) Литвы сведениям, литература, распространяемая при помощи самолетов на территории оккупированной Литовской ССР, оказывает большое влияние на население.... Выражаем нашу благодарность за руководство по изданию литовской литературы и за оказанную нам помощь в деле ее распространения во временно оккупированной Литве. Секретарь ЦК КП(б) Литвы А. Снечкус".

Нам было приятно сознавать, что наша повседневная работа имела положительные результаты.

Политуправление вело большую работу и среди войск противника. Отдел нашего управления возглавлял политработник, кандидат исторических наук, подполковник Л. А. Дубровицкий. Отдел располагал довольно мощной полиграфической базой на автомобилях, что позволяло нам издавать большими тиражами газету "Друг солдата" и листовки.

О размерах пропагандистской работы среди немецких солдат можно судить хотя бы по таким двум цифрам: с осени 1942 г. по декабрь 1943 г. политуправление фронта издало 241 листовку, в том числе 83 номера газеты "Друг солдата" на немецком языке. А всего с начала войны до весны 1943 г. только на нашем фронте было распространено среди немецких солдат свыше 132 млн. листовок.

При политуправлении фронта имелась антифашистская школа. Многие антифашисты, окончившие нашу школу, после окончания войны стали надежным партийным активом в Германской Демократической Республике.

Интересная форма пропаганды среди немецких солдат была

найдена в 43-й гвардейской латышской стрелковой дивизии. В одну из поездок в эту дивизию я познакомился со старшим инструктором по работе среди войск противника капитаном Вольфсоном. Он рассказал, что на трофейной немецкой войсковой радиостанции он включался в радиосеть противника и вступал в разговор с немецкими радистами.

Как известно, во всех армиях мира безотказно работает так называемый солдатский вестник. Такой "солдатский вестник" был и в немецкой армии. На это и рассчитывал Вольфсон. Безупречно владея немецким языком, он сообщал немецким радистам те или иные новости, в распространении которых мы были заинтересованы. Мы знали, что по "солдатскому вестнику" эти новости дойдут до многих и довольно быстро.

Эти беседы давали весьма положительные результаты.

24 февраля 1943 г. радист 290-й пехотной дивизии Крафт запросил Вольфсона:

- Русский, что нового?

Вольфсон ответил:

- Подождите до 9 часов вечера, тогда передам вам последние известия.

Крафт предупредил:

- В 9 часов вечера я буду на волне 3300.

Изучив опыт Вольфсона, политуправление дало указание политорганам о широком применении этого метода. Как-то А. А. Тужиков рассказал:

- В 3-ю партизанскую бригаду перешло два немецких солдата Скибе и Хехт. Они уже участвовали в боевой и разведывательной работе, в операции по подрыву железной дороги. Хехт был тяжело ранен. Люди надежные. Им нужен инструктаж. Мы пришли к выводу о необходимости развернуть широкую работу среди немецких солдат и в партизанских бригадах. Не откладывая дела в долгий ящик, мы разработали короткую инструкцию для политотделов партизанских бригад по работе среди немецких солдат. Договорились о подборе в каждую бригаду немцев-антифашистов. Для этой работы направили в 3-ю бригаду старшего лейтенанта А. В. Колегаева, в помощь ему антифашиста-военнопленного Вернера Гольма. В 4-ю партизанскую бригаду послали старшего лейтенанта Петрова с Августом Торманом. Наши политработники, посланные в бригады, отлично знали немецкий язык и великолепно выполняли порученное им дело.

При политуправлении фронта работала группа антифашистов: Ахаммер, Веркель, Эмпер, Гольм, Зангер и др. Вели они себя мужественно, особенно во время радиопередач на мощных говорящих радиоустановках.

Эти установки, как правило, располагались на переднем крае, и для дикторов возникала явная угроза жизни, так как противник яростно обстреливал места, откуда шла передача. Правда, в этих случаях наши агитаторы на специальных блоках поднимали огромный портрет Гитлера, и фашистам приходилось прекращать обстрел... Неудобно ведь обстреливать своего "фюрера". Такое невежливое обращение с портретом могло породить среди солдат неуважительное отношение к "фюреру".

При политуправлении фронта работало звено агитсамолетов ПО-2, оборудованных мощными говорящими установками. Обычно на этих самолетах дикторы летали с наступлением темноты. Учитывая специфические условия передач, текст выступления был предельно краткий. По отзывам военнопленных, на солдат противника всегда производила огромное впечатление внезапно раздающаяся с неба речь на чистом немецком языке, призывающая их к борьбе против фашистов. Для выполнения задания от диктора требовалось большое самообладание. Я как-то спросил Владимира Герцика, одного из дикторов радиовещания, воевавшего тогда на Северо-Западном фронте и участвовавшего в этих передачах.

- Не страшно вам выполнять свои обязанности диктора в небе?

- Вначале было страшновато, а потом привык и в кабине агитсамолета чувствовал себя довольно спокойно, - скромно ответил Герцик.

Фронт располагал обширной сетью красноармейских газет. Наша фронтовая газета "За Родину" печаталась в специальном поезде, оснащенном полиграфическим оборудованием. В этом же поезде, в вагонах, размещались и сотрудники газеты. В резерве содержалась походная типография на автомобилях. Но поезд хорошо маскировали, берегли его, и он ни разу не подвергался бомбежке.

Редакция газеты с поездом размещалась недалеко от политуправления. Редактировал ее полковник Николай Николаевич Кружков, журналист с большим опытом, долгое время работавший в "Правде", прекрасный товарищ, пользовавшийся среди всех политработников и газетчиков непререкаемым авторитетом. Николай Николаевич умел быстро ориентироваться в обстановке и живо откликаться на все требования, выдвигаемые Военным советом и политическим управлением фронта. Будучи на редкость трудолюбивым и оперативным журналистом, он и сам много писал. Вспоминается такой эпизод. В связи с юбилеем разгрома наполеоновской армии в 1812 г. я договорился с Кружковым по телефону о том, чтобы

поместить большую статью о М. И. Кутузове. Через несколько часов был получен типографский оттиск со статьей Н. Н. Кружкова о великом русском полководце, написанной им, как говорят, с ходу, в редакционной сутолоке.

Однако вскоре Главное политическое управление Красной Армии назначило Николая Николаевича заместителем главного редактора газеты "Красная Звезда". Вместо него прибыл полковник Д. А. Чекулаев. Новый редактор довольно быстро вошел в наш дружный сплоченный коллектив.

Во фронтовой и армейских газетах сложился работоспособный коллектив журналистов, писателей и поэтов. Армейские газеты редактировали: в 1-й Ударной армии Ю. М. Корольков, в 11-й армии В. Б. Фарберов, в 27-й армии Е. Е. Поповкин и 34-й армии М. А. Крючкин. В редакциях наших газет повседневно сотрудничали К. Я. Горбунов, А. А. Исбах, Б. Р. Изаков, М. Л. Матусовский, С. В. Михалков, М. А. Светлов, В. А. Соловьев, С. П. Щипачев и многие другие. Они были одержимы страстью написать больше и лучше для воинов фронта. В рассказах, стихотворениях, очерках все они стремились воспеть подвиги героев фронта.

Как-то в политуправлении мы собрали всех фронтовых журналистов, писателей и поэтов для обсуждения работы газет. Встреча оказалась очень полезной и своевременной. На совещании многие выступившие резко критиковали тех из своих коллег, которые трафаретно описывали людей военного времени, тех, у кого "боевой порыв" обязательно - стремительный, "огонь по противнику" - непременно ураганный. Если солдат ползет, то ползет только по-пластунски. Командир в бою - всегда спокоен и выдержан. Глаза у немцев только оловянные, а у труса - бесцветные.

Военный совет и политуправление фронта призвали военных литераторов своим писательским трудом помогать командирам и политработникам воспитывать воинов; воодушевлять бойцов на подвиги, писать о лучших воинах.

Особенно популярен был у нас Сергей Михалков. До Отечественной войны его знали как поэта, пишущего стихи для детей. "Дядя Степа" стал известен всей советской детворе, но война превратила автора "Дяди Степы" в поэта, отдавшего весь свой талант делу защиты страны. Сергея Владимировича любили не только за талант, но и за простое, товарищеское отношение ко всем. Всегда подмечавший острым глазом юмориста теневые стороны фронтовой жизни, он как никто умел мягко, милой шуткой обратить внимание на эти отрицательные моменты. В компании любил иногда подшутить и над собой, простодушно

используя свое небольшое заикание. Вспоминаю его шутливый рассказ о встречах с М. И. Калининым.

- Михаил Иванович, - рассказывал Михалков, - всегда заботливо относился ко мне, как к молодому поэту, и часто спрашивал меня: не нуждаюсь ли я в чем-либо. А когда я ему в шутку сказал, что мне нужен самолет, то он ответил: "А в отношении самолета. Михалков, и не заикайся".

Сергей Владимирович всем нам нравился своей готовностью в любое время откликнуться на фронтовые события. Многие его стихотворения стали любимыми. Их вырезали из фронтовой газеты и хранили на память. Сохранил и я все его стихотворения, написанные на Северо-Западном фронте. Особенно популярна была поэма "Мать солдатская", стихи "Откуда ты", "Письмо из неволи".

Неменьшую работу провел на Северо-Западном фронте Михаил Матусовский поэт эпического и лирического жанра. Полюбились воинам фронта талантливые строки его поэмы "Друзья", посвященной дружбе двух знаменитых снайперов фронта - Номоконова и Санжеева, поэмы "Дед" - о старике колхознике Липатове, оказавшем большую помощь нашему фронту, поэмы "Володька" - о маленьком бойце-герое Володе Попове.

Михаил Львович до сих пор остался верен дружбе с воинами Северо-Западного фронта и написал недавно стихотворение:

Где ж эти парни безусые,
С кем в сорок первом году
Где-то под Старою Руссою
Мы замерзали на льду;
С кем по жаре и по холоду
Шли мы упрямо вперед,
Наша военная молодость
Северо-Западный фронт.

В газете 1-й Ударной армии сотрудничал поэт М. А. Светлов. Много и интересно писал во фронтовой газете К. Я. Горбунов.

Наши литераторы не только писали свои произведения, но и часто бывали в войсках, помогали командованию устранить те или иные недостатки, сообщали о причинах неудач. Мне вспоминается такой эпизод. К. Я. Горбунов, находясь во время наступательной операции в войсках 1-й Ударной армии, после нее обратился с письмом к члену Военного совета В. Н. Богаткину. Восхищаясь героическим подвигом саперов, наводивших переправу через Карповку для танкистов, он с возмущением писал, что по вине каких-то начальников танки так и не попали на мост. Элемент внезапности был упущен. Более

того, танки наступали кильватерной колонной и почти все были подбиты противником. В заключение Кузьма Яковлевич Горбунов писал: "... Не беру на себя смелость подсказывать, как надо было действовать в данных условиях, но долг гражданина, военнослужащего, писателя заставляет меня со всей прямотой и резкостью сказать правду: операция проводилась исключительно неорганизованно, без знания огневых средств противника, без твердого руководства на месте, без учета пожелания саперов, при грубом нарушении элементарных правил взаимодействия между пехотой и танками. В результате героизм пехоты и саперов, их многочисленные жертвы пропали впустую".

Письмо было правдивое, и оно во многом помогло руководству фронта разобраться в причинах неудачи наступательной операции 1-й Ударной армии под Цеменой в начале января 1943 г.

Большую помощь в разработке пропагандистских материалов по международным вопросам оказал нам корреспондент фронтовой газеты Борис Изаков. Он был у нас самым популярным докладчиком по международному положению.

Однажды командование 2-й особой партизанской бригады попросило прислать в партизанский край докладчика-международника. Зная желание Б. Изакова побывать в партизанском крае, я предложил ему выполнить эту просьбу. В течение месяца он выступал с докладами в партизанских бригадах. Борис Романович Изаков принимал непосредственное участие в боях с карателями и был тяжело ранен. Срочно вывезти его из района боев не удалось из-за маневренных передвижений партизан. Лишь к середине августа 1943 г. мы смогли послать самолет и эвакуировать его в один из фронтовых госпиталей.

За мужество Военный совет фронта наградил Б. Р. Изакова орденом Красного Знамени.

Большинство журналистов, писателей и поэтов были членами Коммунистической партии, они на своих постах честно и самоотверженно выполняли долг перед Родиной и партией.

Священным было наше чувство ненависти к немецко-фашистским захватчикам. Задача политуправления и всех политорганов фронта заключалась в том, чтобы воспитывать и развивать у каждого солдата и офицера жгучую ненависть к озверелому врагу. До освобождения Демянска вся наша работа по воспитанию у личного состава войск ненависти к фашистским захватчикам носила до некоторой степени общий характер. Фронтовики знали о зверствах гитлеровцев, но больше из газет, из писем от родных и знакомых, из рассказов агитаторов.

Пройдя с боями через освобожденные ими Демянский,

Лычковский и другие районы и увидев своими глазами обесчещенный и разоренный фашистскими извергами край, наши войска по-другому стали воспринимать всю работу политорганов и партийных организаций фронта.

Деревни и села предстали перед ними мертвой пустыней. Из 280 освобожденных населенных пунктов более 200 были сожжены или разрушены. Многие жители освобожденных районов были увезены в гитлеровскую Германию в фашистское рабство. Все это видели воины фронта. Их сердца, ум и сознание еще больше ожесточились против фашистских захватчиков, и каждый давал клятву: "Не щадить врага в бою! Отомстить ему за все горе и слезы советских людей".

Политуправление оперативно собирало все материалы о зверствах и злодеяниях гитлеровцев, немедленно издавало листовки, бюллетени, чтобы вооружить агитаторов фактами совершенных гестаповцами зверств, проводило беседы, митинги.

Бойцы 1-го батальона 127-й стрелковой бригады взяли в плен немецкого солдата из карательного полицейского полка, у него обнаружили фотографию, на которой запечатлен расстрел советских людей. Гестаповский изверг приберег ее на память.

Политуправление выпустило листовку с этой фотографией. Воспроизвела этот снимок и вся наша центральная печать. Бойцы фронта долго хранили нашу листовку, она напоминала им об их священной обязанности: мстить врагу за все страдания советских людей.

К нам в политуправление поступало много личных дневников и писем пленных или убитых фашистских солдат и офицеров. Фашистские выродки в дневниках и письмах с исключительным цинизмом описывали свои "подвиги" и изощрения в жестокости. Они опирались на "учение" бесноватого "фюрера" Гитлера, писавшего в бредовой книге "Моя борьба", что мир может управляться лишь путем использования страха, что в обращении с человеком позволительны любые методы.

Нам стало известно обращение гитлеровского командования к своим солдатам: "У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик: убивай".

В дневнике немецкого солдата было написано: "По дороге от Мира до Столбцов мы разговаривали языком пулеметов. Крики, стоны, кровь, слезы и много трупов. Никакого сострадания мы не ощущали. Мы бросаем ручные гранаты в дома. Дома горят очень быстро. Красивое зрелище. Люди плачут, а мы смеемся над слезами..."

А вот выписка еще из одного дневника: "12.7.41. Мы остались караулить пленных. А когда нашим солдатам это надоело - русских просто поставили к стенке и расстреляли...

15.7.41. Сейчас доставили штатского, допросили и тут же прикончили.

7.8.41. Пошли на рыночную площадь. Там вешают двух русских. Когда я пришел, там уже собралась большая толпа. Оба русских болтались на страх другим..."

Все эти и подобные им документы мы широко использовали в политической работе среди воинов фронта.

Когда был освобожден демянский плацдарм, политуправление фронта немедленно командировало во все населенные пункты специальные комиссии для установления и актирования совершенных фашистских зверств. Они представили документы о страшных муках и страданиях советских людей под игом фашистских оккупантов.

Вот один из актов о зверствах гитлеровских захватчиков в Демянском районе.

Комиссия под председательством капитана З. П. Капустина в подвале одного из домов в д. Заболотье Лычковского района нашла восемь зверски замученных бойцов и командиров Красной Армии. По найденным у них документам были установлены личности трех погибших. На телах изуродованных воинов остались следы зверских пыток. Сержант Григорий Захарович Муромцев подвергся пытке раскаленным железом. Обе кисти рук у него были сломаны. У командира отделения Василия Алексеевича Китаева раскаленным железом выжжены кисти рук и сожжена грудная клетка. Красноармеец Егор Леонтьевич Бондарев умер от прокола черепа раскаленным железом. У него же руки оказались вывернутыми. Пять зверски изувеченных человек не опознано.

Тела замученных бойцов были изъяты из подвала и похоронены с воинскими почестями в братской могиле.

Недалеко от Демянска был обнаружен лагерь смерти, где фашисты держали военнопленных - советских воинов. Лагерь был размещен на топком Поповом болоте. Это место у жителей Демянска всегда пользовалось дурной славой. Здесь ничего не росло, кроме мха и лишайника, и всегда стоял туман. Пленные жили в 16 подземных бункерах, у которых не было ни окон, ни дверей. В лагере люди умирали от холода, голода, болезней и зверств врага. Спасенные нашими войсками воины, умиравшие в этом лагере смерти, рассказали нам о страшных 18 месяцах фашистского плена.

Командиры и политработники фронта систематически

разоблачали зверства гитлеровцев. Все это вызывало чувство ненависти к немецко-фашистским захватчикам и повышало боевой дух.

В течение 1942 - начала 1943 г. войска фронта своими действиями наносили большой урон врагу, сковывали его крупные силы, лишали возможности перебрасывать войска с этого направления под Москву и Сталинград.

2 марта 1943 г. Совинформбюро опубликовало сообщение о ликвидации укрепленного демянского плацдарма противника в районе Демянска.

В старинных русских легендах сохранились сказания о живой воде, воскрешавшей мертвых и дававшей силу ослабевшим в борьбе с вражескими силами. Такой "живительной водой" в годы Отечественной войны было задушевное, пламенное большевистское слово фронтовых коммунистов. Оно воодушевляло воинов фронта, сплачивало их вокруг родной Коммунистической партии, звало к преодолению трудностей военного времени, удесятеряло их силы в самой тяжелой боевой обстановке, неудержимо влекло вперед. Политработники всего нашего, фронта с честью выполнили свой долг перед Родиной и словом и делом обеспечивали достижение победы над врагом.

На Северо-Западный фронт 1-я Ударная армия прибыла из-под Москвы. Это ее бригады на полях Подмосковья прямо с ходу вступили в бой с фашистами, отбросили вражеские дивизии в районе Яхромы за канал Москва - Волга, а затем и разбили гитлеровцев на этом направлении.

Прошло уже много лет, а как свежи в памяти все события, которые мы пережили, защищая столицу нашей великой и прекрасной Родины - Москву.

Хорошо помню и бои, и приезд к нам Михаила Ивановича Калинина.

Кто бывал в Клину и знакомился с его достопримечательностями, тот непременно видел мемориальную доску на здании Дворца культуры с надписью: "Здесь 30 января 1942 года перед воинами 1-й Ударной армии выступал М. И. Калинин".

Это было 27 лет тому назад... Морозный день. В нетопленном зале Дворца культуры собрались бойцы, командиры и политработники 1-й Ударной армии. Среди них командир 2-й гвардейской морской стрелковой бригады полковник Я. П. Безверхов, военком этой бригады полковой комиссар Е. В. Бобров, командир 47-й курсантской стрелковой бригады полковник С. Н. Лысенков, начальник политотдела батальонный комиссар А. И. Алехин, командир 62-й морской стрелковой бригады полковник

В. М. Рогов, военком Д. И. Бессер, подполковник Субботин, полковой комиссар Д. И. Андреев, разведчик Г. Я. Никитин, капитан М. Г. Филынин, старший политрук Ф. И. Куцепин, батальонный комиссар С. Е. Стрельцов, полковник Козырь, батальонный комиссар Д. А. Медведников, П. В. Маклаков, С. С. Перепелица, И. Д. Ковязин.

Взоры участников встречи были устремлены к сцене. Вошли М. И. Калинин, командарм В. И. Кузнецов, член Военного совета Д. Е. Колесников, начальник штаба армии Н. Д. Захватаев.

Участники встречи ждали выступления М. И. Калинина, горды были тем, что он к ним приехал.

Михаил Иванович внимательно слушал выступления, потом поднялся, вышел из-за стола президиума, осмотрел зал, просто, по-отечески улыбнулся и повел задушевную беседу.

- Вы прошли с боями 150 км. Освободили от врага около тысячи населенных пунктов. Это имеет важное значение. Это большая честь. Но главное, что вы совершили, - это приучили фашистов быть битыми. Это своего рода историческая привычка.

С большой благодарностью участники встречи восприняли высокую оценку их ратного труда.

Перед ними в эти минуты прошли бои и сражения великих дней битвы за Москву. Задумался над словами М. И. Калинина и прославленный командир, любимец моряков Яков Петрович Безверхов. Перед его мысленным взором, как на экране, кадр за кадром всплыли воспоминания о первых днях Великой Отечественной войны. Он встретил ее на Дальнем Востоке. Митинг моряков. Сообщение Советского правительства. Глубоко в душу запали слова: Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами! Суровы лица моряков. Их думы об Отчизне, о ее судьбе... На митинге они произносят великую клятву Родине, своей родной ленинской партии отдать все силы, все знания, жизнь делу разгрома врага! Яков Петрович вместе со всеми мысленно повторяет эти святые слова. Он рвется в бой, в действующую армию, на фронт. Но ему разъяснили, что Дальний Восток - тоже фронт, по-своему опасный фронт. Умом он это понимал, а сердцем нет. Но он коммунист, он воин, он будет ждать своего часа. И этот час наступил. Это было в суровые, грозные октябрьские дни. Враг был у стен Москвы... Его вызвали к руководству флотом. Беседа была краткой - обстановка Вам ясна? - и, не ожидая ответа, продолжали: формируются из моряков Тихоокеанского флота несколько морских бригад - 71, 62, 84, 64-я ... для защиты Москвы. Мы учли ваше желание и вносим предложение назначить вас командиром 71-й морской стрелковой бригады.

- Как ваше мнение?

С большой радостью и волнением в голосе он ответил:

- Согласен. Доверие оправдаю.

И вот бригада сформирована. Эшелоны двигаются к Москве по "зеленой улице" с быстротой курьерского поезда. Москва...

Это больше, чем город,
Это нового мира столица,
Это свет,
Это - жизнь,
Это сердце твое и мое.
И любою ценой
В беспощадных боях сбережем,
Чтобы подступы к городу
Стали для немцев могилой
И рубеж под Москвой
Последним его рубежом

Эти думы о Москве, в те дни так ярко выраженные в стихотворении Михаила Матусовского, были в сердце каждого советского человека, всех защитников Москвы

Михаил Иванович, продолжая свою речь, повернулся в сторону, где сидел Я. П. Безверхов. Радостно стало на сердце этого боевого командира. В битве за Москву, мысленно произносил он, как отчет Родине, всесоюзному старосте М И. Калинину моряки его бригады, все морские бригады, сформированные из моряков Тихоокеанского флота, достойно выполнили свою святую клятву, наказ своих товарищей. Они заслужили благодарность Верховного Главнокомандующего, бессмертную славу, память и признание благодарной Москвы и Подмосковья

Особо высокой оценки удостоилась 71-я морская стрелковая бригада. Она 5 января 1942 г. приказом НКО была преобразована в гвардейскую. В те дни на Ламском рубеже шли непрерывные кровопролитные бои. Враг с упрямством смертников оказывал нашим войскам упорное сопротивление.

Радостная весть о присвоении бригаде звания гвардейской как бы умножила силы, ее наступательный порыв Ламский оборонительный рубеж был прорван, и последние населенные пункты Московской области были освобождены от немецко-фашистских захватчиков.

Останется навсегда в памяти еще одно яркое событие в жизни Якова Петровича и воинов гвардейской бригады - вручение гвардейского знамени.

На вручение гвардейского знамени в бригаду приехали командарм, член Военного совета и начальник политотдела

армии.

Как это было?

... 23 января 1942 г. Седой морозный день. На площади д. Селинское, под Клином, была построена бригада. Вот она, Советская гвардия, рожденная в битве за Москву, здесь, во всем ее величии. Гордая и грозная! Железная стойкость, высокий наступательный порыв и хладнокровие - таков облик этих воинов. Такую силу не сломить никакому врагу.

Парад на сельской площади наполнен особого смысла, сурового и торжественного. Парад на освобожденной, отвоеванной нами у лютого врага советской земле. Не легкой ценой досталась эта победа! Многих из тех, кто отбросил далеко на запад от Москвы фашистские полчища, нет больше в живых... Погибли смертью героя командир батальона Аркадий Голяков, командир взвода комсомолец Гайнутдин Гилязов, комиссар батальона Максим Субботин, красноармеец Иван Кудрявцев.

Память о них сохранится в веках.

Командующий армией генерал-лейтенант В. И. Кузнецов вручает знамя командиру бригады полковнику Безверхову.

- Герои великой битвы за Москву, - говорит командарм, - поздравляю вас с высокой наградой. Вы ее с честью заслужили. Берегите это ленинское знамя. Под этим знаменем вы пойдете в бой для окончательного разгрома врага. Помните: гвардейцы никогда не отступают. Гвардейцы всегда идут только вперед!

Неподвижно застывшие ряды гвардейцев своим суровым молчанием как бы отвечали ему:

- Верно! Только вперед!

Командир бригады Я. П. Безверхов принимает из рук командарма гвардейское знамя и широко его раскрывает.

На белом снежном фоне красный шелк знамени горит точно жаркое пламя, точно драгоценная кровь павших героев-гвардейцев.

Безверхов в речи заявил:

- Знамя будет находиться в надежных руках. С этим знаменем, как символом победы, мы и впредь будем истреблять немецких захватчиков всех до единого.

Парад заканчивается. Войска проходят церемониальным маршем.

А впереди были новые бои и сражения.

В заключение речи М. И. Калинин от всей души пожелал нашим частям, чтобы воинская честь не только была сохранена, но и чтобы к славной истории боев под Москвой присоединились в будущих сражениях новые замечательные победы над фашистами.

Это был наказ Родины.

А на следующий день во всех частях прошли митинги и собрания. Воины нашей армии с радостью воспринимали наказ М. И. Калинина и клялись прославить свои боевые знамена новыми победами, полным разгромом врага.

19 января в армию поступило распоряжение командующего Западным фронтом о выводе нашей армии в резерв Ставки. В этот же день в армию поступило приказание Ставки. Вот оно: "Заместителю наркома обороны СССР армейскому комиссару 1-го ранга тов. Щаденко.

Начальнику Главного артиллерийского управления Красной Армии генерал-полковнику тов. Яковлеву.

Копия: Командующему 1-й Ударной армии.

1-я Ударная армия к исходу 21.1.42 г. выводится в резерв Верховного Главнокомандования в составе: 2-й гвардейской стрелковой бригады, 44, 47, 50, 56, 46 и 41-й стрелковых бригад, 62-й и 84-й морских стрелковых бригад, 123-го танкового батальона, 1, 2, 4, 5, 7, 8, 17, 18, 19, 20-го лыжных батальонов, 701-го ПАП, 1, 3 и 38-го гвардейских минометных дивизионов, управление армии со всеми армейскими частями в район Завидово, Решетникове, Клин, Покровка, Высоковское. Штаб армии - Клин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. К 25.1.42 г. полностью доукомплектовать личным и конным составом и довооружить по штатам и табелям все выведенные в резерв соединения и части 1-й Ударной армии, пополнение людским составом должно быть произведено из частей лучших, наиболее подготовленных контингентов.

2. План дообеспечения, составленный на основании заявок, должен быть представлен командованием 1-й Ударной армии в каждое центральное управление к 18.00 20.1.42 г. и в ГШКА к 15.00 21.1.42 г.

Ставка Верховного Главнокомандования. 19.1.42 г.

Сталин, Василевский"{31}.

Ставка Верховного Главнокомандования в короткий срок пополнила нашу армию людьми, техникой и вооружением. Шла упорная учеба. Бывалые воины передавали свой боевой опыт новому пополнению. Проводились совещания военкомов и начальников политотделов, семинары пропагандистов, секретарей партийных и комсомольских организаций. На них подводили итоги партийно-политической работы в боевой обстановке.

Политорганы, партийные организации оформляли прием в партию, выдавали вновь принятым в партию партийные билеты. В

каждой роте и батарее создавали полнокровные партийные организации. Расставляли партийные кадры. В торжественной обстановке вручали правительственные награды.

Шел упорный процесс сколачивания частей и подразделений. Армия готовилась к новым боям и сражениям на новом северо-западном направлении.

Наступило 29 января. Армия получила приказ о передислокации в район Старой Руссы. И пошли эшелоны в район сосредоточения. Ознакомившись с положением дел, я 4 февраля выехал для доклада и получения указаний в политуправление Северо-Западного фронта. Начальника политуправления не было на месте. Представился его заместителю бригадному комиссару Н. А. Радецкому. Он собрал руководящий состав политуправления. Я подробно доложил о боевом составе армии, политико-моральном состоянии личного состава, руководящих кадрах, составе партийных и комсомольских организаций и о ходе передислокации. В свою очередь меня проинформировали об обстановке на фронте, задачах армии. Н. А. Радецкий особо остановился на боевых действиях по окружению демянской группировки противника. А в заключение сказал, что армия осуществляет марш по району, откуда недавно выбили немецких фашистов. Они заразили население сыпным тифом. Командование фронта 2 февраля по этому поводу издало приказ. Следует принять необходимые меры. Забегая вперед, скажу, мы предупредили заболевание сыпным тифом.

Все указания политуправления фронта были приняты к неуклонному исполнению.

По плану армия должна была закончить железнодорожные перевозки к 9 февраля. Фактически они продолжались до 19 февраля. Марш в районы сосредоточения происходил в основном ночью, в ряде случаев под воздействием вражеской авиации. Расстояние от станции выгрузки до района сосредоточения - 160 - 250 км. Снежные заносы затрудняли марш. Тылы, артиллерия, танки растянулись и к началу наступления полностью не сосредоточились. А это потом сказалось на ходе боя.

Одновременно с соединениями и частями армии прибыли на Северо-Западный фронт 129-я и 201-я латышская стрелковые дивизии и влились в состав нашей армии, дивизиями тогда командовали генерал-майор В. А. Смирнов и полковник Г. Г. Паэгле.

10 февраля, когда сосредоточение армии еще не завершилось, она получила боевой приказ: продолжая сосредоточение, с утра 13 февраля прорвать оборону противника и, имея главную группировку на левом фланге, наступать в

направлении Взгляды, Городцы, Учно с задачей разбить противостоящего противника и овладеть к исходу 15 февраля рубежом Климково, Замошье, в дальнейшем перерезать железную дорогу Старая Русса - Дно и совместно с 11-й армией уничтожить старорусскую группировку противника.

Район Старой Руссы был важен для гитлеровцев в том отношении, что он прикрывал главные коммуникации, питавшие немецко-фашистские армии, двинутые на блокаду Ленинграда. На нашу армию легла почетная задача своими боевыми действиями создавать угрозу для вражеских коммуникаций и тем самым оказывать помощь героическому Ленинграду. Здесь, под Старой Руссой, мы оказывали посильную помощь в защите Москвы и Ленинграда.

К исходу 12 февраля на рубеж Пенна - Соколово были выведены стрелковые бригады - 50, 84-я и 2-я гвардейская, 201-я и 129-я стрелковые дивизии, 1-я и 5-й лыжные батальоны, 7, 33 и 38-й дивизионы "катюш", часть сил 83-й танковой бригады. Второго эшелона не было. В резерве - один стрелковый полк. На главном направлении - 2-я гвардейская стрелковая бригада, 201-я и 129-я стрелковые дивизии. На вспомогательном - 50-я и 84-я стрелковые бригады. С получением боевого приказа Военный совет издал обращение ко всем воинам армии.

Политотдел армии направил в политорганы директиву о партийно-политической работе по мобилизации личного состава на выполнение боевого приказа. В соединения направлены в помощь политорганам работники политотдела армии. Во всех частях состоялись митинги. Перед атакой до всех солдат и сержантов была доведена конкретная задача роты. Воины рвались в бой.

Армия передовыми частями в 10.00 13 февраля перешла в наступление. Преодолевая сопротивление противника и непрерывное воздействие его авиации, за первые три дня боев войска в основном успешно выполнили задачу. Наибольший успех обозначился на направлении действия 2-й гвардейской и 84-й стрелковых бригад.

К 14.00 15 февраля войска армии главными силами вышли на рубеж Утошкино, Полуково, Гачки, Григорово, южная окраина Дедова Лука. Однако левый фланг армии несколько отстал.

В войсках господствовал высокий наступательный порыв. Только одна 2-я гвардейская стрелковая бригада моряков за эти дни уничтожила свыше тысячи вражеских солдат и офицеров, захватила 40 автомашин, 3 пушки, а в Григорово бригада взяла в плен 21 гитлеровца.

Множество бойцов, командиров и политработников с первых

же дней боев на Северо-Западном фронте показали замечательные образцы мужества, героизма. Среди них парторг батареи 220-го артиллерийского полка 201-й латышской стрелковой дивизии Михайлов. Будучи ранен в лицо и руки, он бросился к загоревшимся машинам со снарядами и быстро потушил огонь.

Первая танковая рота 123-го танкового батальона в составе четырех машин в бою за д. Бородино была встречена сильным огнем противотанковой артиллерии. И тем не менее рота, умело маневрируя на поле боя, уничтожила 6 орудий и свыше 50 гитлеровцев. Несмотря на то что каждая машина имела по 5 - 6 пробоин и вмятин, танки продолжали вести уничтожающий огонь по противнику.

В ответственный момент боя у командира танковой роты старшего лейтенанта Молочкова вышла из строя пушка, тогда он взял пулемет и метким огнем уничтожил до 40 гитлеровцев. Военком роты Гришин из своего танка уничтожил 2 орудия противника.

Однако противник, видя, что нас не поддерживает авиация, сумел сосредоточить крупную группировку. Во второй половине дня 15 февраля он нанес сильный контрудар в направлении Утошкино, Ивановское - во фланг и тыл 84-й стрелковой бригады и с направления Дедова Лука - по 2-й гвардейской стрелковой бригаде. Вражеская авиация буквально висела в воздухе. Это вынудило бригады отойти на рубеж Утошкино - Ивановское. Войска армии вели тяжелые кровопролитные бои. Населенные пункты переходили из рук в руки.

В боях за эти дни 2-я гвардейская, 50-я и 84-я стрелковые бригады понесли большие потери. 80% потерь были вызваны действиями авиации противника. На ВПУ{32} был тяжело ранен заместитель командующего армией генерал-майор К. Н. Галицкий.

И в условиях активного воздействия вражеской авиации наши воины вели себя стойко и мужественно. На участке 84-й стрелковой бригады весь день шел напряженный бой. Под огнем авиации бойцы лейтенанта Стольника стойко сдерживали натиск фашистской пехоты. Вечер. После налетов стервятников на правом фланге бригады появились фашистские танки и пехота. С грохотом и шумом они двигались на нашу линию обороны. Складывалась угрожающая обстановка. В этот напряженный момент артиллеристы капитана Перепелицы выкатили орудие навстречу железным чудовищам. Танки открыли сильный огонь. После неравного боя артиллерийский расчет был полностью выведен из строя. Казалось, нет больше силы, которая могла бы

преградить путь фашистским танкам. Но вот из кустов появился высокий человек в черном полушубке. Он быстро бежал к орудию. Раздался выстрел, и танк, двигавшийся на орудие, заглох. Снова выстрел, другой, третий - два оставшихся танка повернули назад.

Человек в черном полушубке ловко работал у орудия один за весь расчет. Повернув танки, он начал расстреливать шрапнелью фашистскую пехоту. Атака была отбита.

- Кто же этот человек в черном полушубке? - интересовались пехотинцы.

Это был дважды орденоносец Семен Семенович Перепелица из 84-й стрелковой бригады.

Перед боями на Северо-Западном фронте в конце января член Военного совета армии бригадный комиссар Колесников вручил ему орден Красного Знамени. Принимая орден, он сказал: "Эту высокую оценку моего ратного труда оправдаю в последующих боях". И он оправдал. Подразделение С. С. Перепелицы уничтожило восемь танков; один трактор. За этот подвиг и умелое командование капитану Перепелице было присвоено воинское звание майора.

Наше авиационное прикрытие было крайне слабым. Летчики в воздушных боях проявили исключительную храбрость. Всем известен подвиг Тимура Фрунзе, сына легендарного полководца, который ринулся в воздушный бой против большой группы вражеских самолетов и пал смертью героя.

20 февраля во время воздушного боя летчик 38-го истребительного авиационного полка Груздев и командир звена капитан Киричук сбили два вражеских самолета Ю-87. Экипаж одного самолета был взят в плен. За этим воздушным боем наблюдал командарм. За успешно проведенный бой Василий Иванович Кузнецов объявил командиру эскадрильи Соболеву, комиссару Чанчахову, летчикам Груздеву и Киричуку благодарность и наградил их часами.

Особое хладнокровие и мужество в воздушном бою проявил штурман 744-го истребительного авиационного полка майор Конев, награжденный тремя орденами Красного Знамени. 23 февраля он сбил еще один Ю-88. Несмотря на интенсивный огонь вражеских самолетов, он подошел к пяти "юнкерсам" и с дистанции 150 м сбил один из них. Он дважды еще атаковал и разогнал оставшиеся четыре самолета. На поздравления товарищей с успешным выполнением боевого задания в честь 24-й годовщины Красной Армии майор Конев ответил:

- Я бы и второго сбил, но у меня одна лыжня не убиралась.

Отважный летчик был членом партийного бюро полка. Он внимательно следил за совершенствованием молодых летчиков.

Например, комсомолец Поляков в одном из воздушных боев вел огонь по вражеским самолетам с большой дистанции. Конев указал ему на этот недостаток, дал нужный совет. 23 февраля Поляков в воздушном бою сбил самолет противника. Радостным возвратился он на аэродром. Это была его первая победа. Он на всю жизнь сохранил память о старшем боевом товарище.

В боях западнее р. Редья враг понес большой урон. Только за период с 13 февраля до середины марта уничтожено 12 тыс. фашистов. К нам попал интересный документ - неотправленное письмо унтер-офицера Франца Бартке жене: "За известный срок я получил представление о войне в России и рад, что мне пока еще везет. Ничего подобного я еще не переживал. Лучше десять походов во Францию, чем один в Россию. Мы имеем большие потери. Русские атакуют нас непрерывно и дерутся до последнего".

А ефрейтор-телефонист штаба, прибывший на советско-германский фронт из Франции, при допросе заявил: "11 февраля наш батальон был высажен в Старой Руссе. В первые же дни потери в батальоне были очень велики. Из 600 человек, прибывших на фронт в середине февраля, осталось в строю только 105".

В середине февраля к нам в армию прибыла делегация с Урала. Она привезла подарки. Мы составили план встреч делегации с нашими воинами. В первую очередь делегация захотела побывать у гвардейцев бригады Безверхова и вручить именные часы от уральцев Безверхову и Боброву. Это было учтено в плане.

Наш командующий Василий Иванович Кузнецов в Березниках провел детство и юность. Оттуда он пошел в армию. На встрече с уральской делегацией он много говорил о своем родном Урале. "Там живут русские люди. И я горжусь, что я русский. Все равно, как ни трудно нам, а немца мы разобьем. Вот я дважды был в окружении и оба раза выходил из окружения. Выходил с боями для того, чтобы вновь и вновь вместе со своей родной Красной Армией громить заклятого врага". И я думал, какие благородные чувства в сердце этого сурового воина. И так в каждом нашем советском человеке. Вот почему мы и здесь под Старой Руссой обязательно разгромим врага.

В середине апреля я был в лыжной бригаде. Она действовала на левом фланге армии. Наши разведчики ворвались в д. Меньково на полпути между Старой Руссой и Холмом. Фашисты, застигнутые врасплох, в панике бежали несколько километров. Об этом мне доложили. Я с начальником политотдела батальонным комиссаром бригады Ф. И. Куцепиным поехал верхом в эту

деревню. Мы застали всех жителей на колхозном дворе. Они обсуждали, как лучше подготовиться к весеннему севу, где взять семена и инвентарь. Увидев нас, они задали нам уйму вопросов. Завязалась теплая непринужденная беседа. Мы им рассказали о жизни страны, положении на фронтах, о разгроме фашистов под Москвой. Они нас слушали со слезами радости на глазах, рассказали нам о своей жизни во время оккупации: "Не было у нас жизни. Одни угрозы. Фашисты - звери, а не люди".

Это был яркий пример того, что колхозный строй прочно вошел в жизнь нашей деревни.

Вот еще один эпизод. Летчик младший лейтенант Белоус получил письмо! от Н. Колосниковой. "Дорогой Вадим Арсентьевич!

Сегодня утром в 7 часов я услышала по радио ваше письмо с фронта Отечественной войны вашему брату. Узнала ваш адрес и пишу вам.

Недавно Красная Армия освободила населенный пункт В. на Северо-Западном фронте, куда я вынуждена была эвакуироваться еще осенью. Потом наш район был захвачен врагами.

У нас поселились немецкие солдаты. Один из них, мальчишка лет 18, разделся донага, заставил под угрозой оружия раздеться всех нас, женщин, которым и приказал под хохот солдат обтирать себя одеколоном. А потом на наших глазах изнасиловал одну девушку. Это был ужас, которого нельзя забыть. Они считали нас не за людей, а за скотов...

Однажды всех жителей села выгнали из домов и под конвоем повели в тыл. И вот моя семья: мать - 64 лет, тетка - 80 лет, жена брата с двумя маленькими и я с девятимесячным сыном вместе с односельчанами рано утром тронулись в путь. Наша колонна растянулась на несколько километров. Можно ли представить тот ужас, который нам пришлось пережить. Мой сынок Женя погиб от холода и голода на дороге. Весь путь наш был усеян такими могилками. Умирали от холода, голода, побоев и пуль конвоя.

Ночевали мы в сараях, свинарниках, так как в дома, занятые немецкими солдатами, нас не пускали. Многих жителей, которые из сострадания хотели нас накормить, били и отбирали у нас пищу. Да, много пришлось мне пережить за эти страшные дни. Мне 25 лет, а я стала совсем седая. На этой страшной дороге я потеряла всех: сына, мать, тетку, сестру, сама чудом осталась в живых.

Дорогой Вадим Арсентъевич!

Бейте беспощадно этих извергов. Не давайте им покоя ни днем, ни ночью. Отомстите за наш позор, разорение и мучения, за кровь наших детей, матерей и сестер.

С приветом и глубоким уважением к вам Н. Колесникова".

Не могу не привести еще выдержки из дневника Фридриха Шмидта, секретаря тайной полевой полиции немцев. "26 февраля. События сегодняшнего дня превосходят все мною пережитое... Большой интерес вызвала красотка Тамара. Затем привели еще 6 парней и девушку. Не помогали никакие уговоры, никакие самые жесткие избиения нагайкой. Они вели себя чертовски! Девушка только скрежетала зубами... После беспощадного избиения моя рука перестала действовать ... Однако они ни в чем не сознались.

9 марта ... Ко мне в 10 часов снова привели двух девушек и шесть парней. Мне пришлось беспощадно избить их ... Затем начались массовые расстрелы... Вчера шестерых, сегодня 33. Бесспорно, что они меня ненавидят. Если бы мои родные знали, какой трудный день я провел!

Ров почти уже наполнен трупами. И как чертовски умеет умирать эта большевистская молодежь. Что это такое - любовь к Отечеству или коммунизм, проникший в их кровь и плоть? Некоторые из них, в особенности девушки, не проронили ни слезинки. Им приказали раздеться догола (одежду нам надо продать). Горе мне, если меня здесь поймают..."

Перед нами был страшный злодей и в то же время презренный трус. Письмо русской женщины и выдержки из дневника эсэсовца мы опубликовали в армейской газете. Взрыв негодования и ненависти к фашистским извергам вызвали эти зверства в сердцах наших людей. Воины клялись: "Не жить немецким оккупантам на Советской земле! Истребим фашистов всех до единого".

Весенние месяцы 1942 г. прошли для нашей армии в тяжелых кровопролитных боях. В середине марта враг предпринял яростное наступление с целью разомкнуть кольцо, в котором находилась его 16-я армия, и добиться соединения старорусской и демянской группировок.

Для этого против нашей армии немецко-фашистское командование стянуло большое количество авиации, танков и подбросило свежие резервы. Это было серьезное испытание для 1-й Ударной армии. Весенняя распутица, болота, бездорожье, перебои с доставкой продовольствия и боеприпасов создали крайне тяжелые условия для боевых действий. Фашисты обрушились на войска армии многочисленной авиацией. Враг совершал до тысячи самолето-вылетов в день. Однако, несмотря на отчаянные усилия, его продвижение осуществлялось медленно и стоило ему огромных потерь. Враг натолкнулся на железную стену нашего сопротивления. Личный состав армии боролся мужественно и стойко. Вот характерные примеры.

В середине марта я был в 254-й стрелковой дивизии. Она действовала южнее и юго-восточнее Старой Руссы на левом фланге 11-й армии, и с 17 февраля ее переподчинили нашей армии. Командовал этой дивизией боевой, опытный полковник П. Ф. Батицкий (ныне Маршал Советского Союза). Дивизия стойко вела себя в бою. Мы прошли по переднему краю. На участке одного стрелкового батальона спросили молодого капитана, командовавшего батальоном:

- Как, удержите этот рубеж?

- Пока хоть один боец останется, фашист не пройдет. До этого батальон выдержал много атак немцев и не отошел ни на один шаг. Капитан Котенко, сказал П. Ф. Батицкий, храбрый командир, воюет хорошо. На рубеже не видно было его солдат. Батальон закопался в землю. Правильно расставил он и свои огневые средства.

Вскоре враг возобновил наступление. Против батальона в атаку пошла пехота с танками. С грохотом двигались вражеские машины, ведя на ходу огонь из пулеметов и пушек и грозя все подавить на своем пути. Наши бойцы подпустили их поближе, сильным прицельным артиллерийско-пулеметным огнем и пехотным оружием нанесли противнику большие потери и отбили эту вражескую атаку.

Фашисты подготовили новую атаку. Передний край батальона Котенко нещадно обрабатывала вражеская авиация, и под ее прикрытием они шли в атаку. Было такое впечатление, что все смешалось. Нет жизни... Но была отбита и эта атака фашистов.

Особенно тяжелая обстановка сложилась 23 и 24 марта на участке 254-й стрелковой дивизии и южнее - 50, 84, 62, 2-й гвардейской и 44-й стрелковых бригад.

Командир 254-й стрелковой дивизии полковник П. Ф. Батицкий докладывал тогда командующему армией: "В течение 23 марта противник силою до 400 человек атаковал Пенна после предварительной бомбежки 30 - 38 бомбардировщиками. В Пенне ранен командир 930-го стрелкового полка. Группа бойцов 933-го стрелкового полка обороняет дорогу Пенна - Сычево. Командир второго батальона этого полка капитан Котенко лично в решающий момент боя из противотанкового ружья подбил немецкий танк, организовал стойкую оборону. Личным примером мужества отразил четыре атаки противника. В этом бою тов. Котенко погиб смертью храбрых. 936-й стрелковый полк в течение дня подвергался непрерывной бомбардировке авиации и артиллерийскому обстрелу противника. Отразил восемь атак. К исходу дня оборонял дорогу на опушке леса восточнее Ногатино.

Бойцы и командиры проявляют исключительную стойкость".

Бригады, которые действовали южнее 254-й стрелковой дивизии, объединялись оперативной группой армии во главе с начальником штаба генералом Н. Д. Захватаевым. Группа приняла на себя основной удар противника, но силы были неравными.

На 24 марта сложилась такая обстановка, что оперативные интересы диктовали необходимость вывода группы из леса, что западнее Бол. Горбы. Об этом генерал Захватаев докладывал Военному совету армии.

На командном пункте армии был командующий фронтом генерал-лейтенант П. А. Курочкин. Он принял во второй половине дня 24 марта решение вывести эти соединения и организовать оборону по р. Редья, южнее и севернее Бол. Горбы.

Но обстановка вскоре еще больше осложнилась: "Противник окружает непосредственно мой командный пункт. Связь с частями нарушена", - сообщал генерал Захватаев.

В это время меня вызвал по телефону командующий фронтом генерал П. А. Курочкин. Я прибыл на командный пункт. День клонился к вечеру. Командующий фронтом вышел из блиндажа. От Борисова до Бол. Горбы, где находился наш командный пункт, было около двух километров. Слышна орудийная стрельба, бомбежка авиации, ружейно-пулеметная стрельба.

- Принято решение, - сказал генерал Курочкин, - вывести из леса группу генерала Захватаева.

- Надо выехать в Бол. Горбы с группой работников, связаться с Захватаевым, не допустить, чтобы эти войска в районе Бол. Горбы противник замкнул. Наш приказ Н. Д. Захватаев получил.

Я немедленно с группой работников политотдела армии выехал на машине в Бол. Горбы. Уже смеркалось. Южнее этой деревни на восточном берегу Редьи должен был обороняться полк 180-й стрелковой дивизии, которой командовал полковник И. И. Миссан. Офицеры политотдела армии доложили, что на этом участке никого нет, а западнее Редьи слышна стрельба. Я дал указание найти командира полка и с ним явиться ко мне. Севернее Бол. Горбы должна была действовать 50-я стрелковая бригада, которая взаимодействовала с 254-й стрелковой дивизией, ее тоже не было.

В этот момент мне доложил заместитель политрука:

- Группа заместителей политруков в количестве 15 человек располагается в Бол. Горбы, являясь резервом отдела кадров политотдела армии.

- Какое оружие у вас и много ли боеприпасов?

Он ответил, что они вооружены автоматами, патронов много.

Тут же принял решение: оставить трех заместителей политруков в Бол. Горбы, а остальными четырьмя группами по три человека выдвинуться в две-три деревни севернее Бол. Горбы и вести оттуда стрельбу в сторону немцев, демонстрируя, что деревня занята нашими войсками.

А в это время была слышна стрельба из автоматов западнее Редьи. Прибыл и командир полка. Разговор был кратким и строгим. Он получил задачу занять оборону по р. Редья южнее Бол. Горбы и не допускать немцев на восточный берег.

Было уже темно. Из леса прибыла группа офицеров, которые по поручению генерала Захватаева вышли для выяснения обстановки.

Я им передал, что по Редье оборона восстановлена и надо немедленно и организованно выводить войска на рубеж, указанный генералом Курочкиным. Тем временем в деревнях, где находились заместители политруков, шла интенсивная стрельба.

Занял оборону и полк дивизии И. И. Миссана. Ночью он выдержал несколько тяжелых атак противника и все их отбил. Вскоре вышел генерал Захватаев. Мы очень тепло с ним поздоровались. Это был отважный генерал. До войны преподавал в Академии Генерального штаба. Исключительно дисциплинированный и храбрый. Для него приказ - это закон Родины. И он его не мог не выполнить.

Вскоре выяснилось, что приказ до 44-й стрелковой бригады не был доведен. Она к этому моменту была отрезана от наших войск. Бригада по решению своего командира подполковника Шишмарева заняла круговую оборону и в течение пяти дней вела ожесточенные бои. За это время бригада уничтожила до 800 гитлеровцев, подбила и сожгла 4 танка и бронемашину. 27 марта вышли все боеприпасы, не было продовольствия. Командир бригады решил пробиться из окружения и выйти к своим частям.

При переходе через Редью комбриг Шишмарев и начальник штаба бригады подполковник Писарев были убиты. Командование бригадой приняли на себя командир 1-го стрелкового батальона майор Романенко и комиссар штаба бригады батальонный комиссар М. К. Наков. В ночь на 28 марта бригада с боями вышла из окружения. Вынесла с собой оружие и всех раненых.

За мужество и героизм, проявленные в боях, большая группа бойцов, сержантов и офицеров была награждена орденами и медалями, в том числе Романенко и Наков.

Немало героев выдвинули из своих рядов наши разведывательные подразделения. 129-я стрелковая дивизия вела бой за Великое Село. Враг под прикрытием вражеской авиации срывал все наши атаки. Командир решил небольшой группой

разведчиков ночью внезапно ворваться в Великое Село. Выполнить эту задачу поручили политруку В. В. Жмурову с 30 бойцами. Он объяснил задачу бойцам, проверил, в порядке ли оружие, установил сигналы.

Они внезапно ворвались в Великое Село. Враг был застигнут врасплох. Гитлеровцы спокойно грелись в блиндажах возле железных печек. Жмуров приказал бойцам бросать в дымоходные трубы гранаты. Так в течение нескольких минут было уничтожено около 100 гитлеровцев. Умело воспользовавшись паникой врага, наши разведчики сержант Монастырский, красноармейцы Мельков и Гурьев уничтожили четыре вражеских орудия, три станковых пулемета, две повозки с грузом и нарушили телефонную связь. За этот бой политрук Жмуров был награжден орденом Красного Знамени, получили правительственные награды многие другие воины этой группы разведчиков.

В сумке убитого немецкого офицера красноармеец Воронов обнаружил документы 8-й немецкой пехотной дивизии, в том числе обращение командующего немецкой ударной группой генерала Зейдлица. Этот документ окончательно раскрыл планы весеннего наступления врага. Боевые действия ожесточались и в полосе действий 364-й стрелковой дивизии (дивизией командовал генерал-майор Ф. Я. Соловьев), которая незадолго до этого вошла в состав армии. В боях с немецкими захватчиками геройски проявили себя минометчики 766-го отдельного минометного дивизиона во главе со своим командиром старшим лейтенантом И. Ф. Малюсенькиным и военкомом В. Тереховым. В течение двух дней они отбивали яростные атаки врага на д. Чернышево. В боях за Чернышеве минометчики уничтожили до 250 гитлеровцев и 10 пулеметных точек противника.

К вечеру второго дня подошло подкрепление, и оборонительный рубеж был удержан и закреплен. 11 апреля 1942 г. Совинформбюро сообщило о подвиге старшего политрука Варлама Сирика. Как это было?

В течение дня он трижды водил роту в атаку, в результате гитлеровцы потеряли 400 человек убитыми. Лично Сирик уничтожил 30 гитлеровцев. Заметив на поле боя подбитый танк, он забрался в него и расстреливал оттуда фашистов из автомата. Враг открыл по танку ураганный огонь, но это не поколебало Сирика. Осколками разорвавшейся мины был разбит в его руках автомат, сам он был ранен в ногу. Но, истекая кровью, он продолжал вести бол и забрасывал гитлеровцев гранатами. Когда храбрый воин был направлен в медсанбат, у него обнаружили пять ран. Он дрался с врагом до последней возможности.

Геройски действовал старший инструктор политотдела

дивизии по агитации и пропаганде П. М. Бигаев. После гибели военкома 1216-го стрелкового полка он принял его обязанности на себя. Бигаев вложил всю свою душу, умение и настойчивость большевика в организацию боя. Он переползал от одного бойца к другому, беседовал с ними, разъяснял задачу. Ночью во время боя он был на самых ответственных участках, увлекая бойцов личным примером. 16 бойцов во главе с Бигаевым были отрезаны от своей части. Однако напрасно фашисты надеялись взять их в плен. Ни артиллерия, ни минометы не могли сломить стойкости и мужества наших героев. Тогда враг бросил против них авиацию.

Петр Бигаев и его боевые товарищи выполнили свой долг. Они погибли, но с рубежа не ушли. Для трудящихся Тобольска, где он вырос, его имя и ратный подвиг священны.

Упорные бои шли на стыке 1-й Ударной и 11-й армий. Враг рвался по дороге Борисово - Рамушево, Борисово - Гридино к своей окруженной группировке. И здесь наши воины дрались до последнего.

На опушке леса, что восточнее деревни Мал. Горбы, оборонялась 2-я гвардейская бригада морской пехоты. Она честно выполняла клятву Родине, которую дала при вручении ей гвардейского знамени.

С Яковом Петровичем Безверховым мы были боевыми друзьями. Так сложилось, что еще в боях за Москву я несколько раз был в этой бригаде.

- Ну как, Яков Петрович, удержите этот рубеж?

- Нас мало, но, пока жив хоть один гвардеец, враг не пройдет.

При этом глубоко вздохнул и сказал:

- Тяжелую утрату мы понесли. Нет с нами боевого друга - начальника политотдела бригады. Погиб Николай Васильевич Никифоров как герой.

Скорбя о гибели начальника политотдела, замечательного коммуниста, политработника, мужественного воина, мы и не знали в тот момент, что эта наша беседа последняя. Рассказал он мне при свете коптилки о своей жизни, участии в гражданской войне, борьбе с басмачами, службе на флоте. Бывает так, в самые тяжелые дни хочется поделиться с другом самым сокровенным.

С прискорбием мы узнали, что при отражении одной из вражеских атак Яков Петрович был смертельно ранен. По дороге в госпиталь он умер. Его похоронили в Крестцах. Могила эта священна для трудящихся Старорусского района.

Решением Солнечногорского горсовета Московской области его именем названа одна из улиц Солнечногорска, где он и его бригада в декабре 1941 г. дрались и победили.

План немецкого командования в несколько дней соединится

с окруженной 16-й армией был сорван стойкостью нашей обороны. Врагу пришлось затратить более месяца на то, чтобы ценой громадных потерь преодолеть ничтожное расстояние и пробить себе проход к 16-й армии. Проход этот был очень узок и на всем своем протяжении находился под обстрелом наших огневых средств.

За период с 20 марта по 7 мая 1942 г. только войсками 1-й Ударной армии было истреблено 17 137 гитлеровцев. Сбито в воздушных боях 67 самолетов, наземными средствами - 60 самолетов, уничтожено 47 танков, 74 орудия, 74 миномета, 172 пулемета и 137 автомашин.

Снабжение 1-й Ударной армии с 4 апреля было перебазировано из района ст. Любница и Дворец на ст. Осташков.

Весенняя распутица нарушила наши коммуникации. Разлились реки Ловать, Порусья и затопили прилегающие районы. Дороги на юг в сторону Холма оказались непроходимыми для всех видов транспорта. Подвоза не было. В армии создалось трудное положение. Армия использовала все инженерные войска, мобилизовала местное население на приведение дорог в проезжее состояние. Приступили к заготовкам продовольствия на месте, ловили рыбу, собирали березовый сок.

Военный совет армии дал телеграмму Военному совету фронта и Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину с просьбой оказать помощь армии. И помощь была оказана. Но и при этом в течение целого месяца армия снабжалась продовольствием, которое на парашютах сбрасывали с самолетов. Это было трудное время. К чести наших воинов надо сказать, что они в этой трудной обстановке проявили стойкость и великое терпение.

Враг думал, что советские войска не выдержат этого испытания. К нам попал один любопытный документ.

В конце февраля 1942 г. командир 2-го. армейского корпуса, входящего в состав 16-й армии, генерал фон Брондорф издал особо важный приказ для своих солдат. В этом приказе была дана подробная характеристика болотистой, имеющей мало хороших дорог местности в районе р. Ловати и делался вывод: "исключена возможность, что русские могут продержаться весною со своей многочисленной армией в этих сырых, низких местах. При снеготаянии они сдадутся или отступят".

"Пророк" фон Брондорф старался успокоить свои войска. Но, издавая этот приказ, он не учел особых качеств советских воинов - их непреклонную стойкость, непоколебимую волю к победе.

В ходе весенних боев в нашу армию влилось новое пополнение солдат и офицеров. Многие из них не имели боевого

опыта.

Военные советы фронта и армии не раз указывали, что наступление на укрепленные пункты в ряде случаев проводилось в лоб, мало было обходных и фланговых маневров. Не всегда командир располагал данными разведки о противнике. Огневые средства использовались в ходе боя неполностью. Управление боем нарушалось. При захвате населенных пунктов они медленно закреплялись. Военные советы требовали устранить эти и другие недостатки.

В армии развернулось массовое движение за совершенствование боевого мастерства. В 201-й латышской стрелковой дивизии инициатором снайперского движения стал верный сын латышского народа Янис Вилхелмс. Им было уничтожено к концу марта 116 фашистов. Он мужественно дрался с гитлеровцами под Москвой, в этих боях получил три ранения, но в госпиталь не ушел. За боевую доблесть ему присвоено звание младшего лейтенанта. Он стал командиром взвода, а затем и роты. В одном из боев герой уничтожил танк. Когда подразделение находилось в обороне, Вилхелмс начинал "охоту" на гитлеровцев. Он пробирался ночью далеко от своего переднего края, подползал к деревне, где закрепился враг, выбирал удачную позицию и искусно маскировался в кустах, на дереве или в снегу. И каждого фашиста, который показывался из укрытия, разила пуля меткого стрелка. Он подкарауливал презренных гитлеровцев у ручья, когда те приходили по утрам за водой, у походной кухни, где они становились в очередь за обедом, он выслеживал место и время смены часовых на посту и регулярно их "снимал". Он поджидал в засаде одиночные обозы и патрули на дорогах и без промаха уничтожал каждого взятого на мушку фашистского солдата или офицера. В течение первых двух недель он уже насчитывал 48 надрезов на прикладе своей винтовки. Когда противник, бросив в контратаку крупные силы пехоты, много самолетов и танков, прорвался на фланге полка, Вилхелмс, возглавив небольшую группу бойцов, в течение двух дней сдерживал напор врага. В этом бою он уничтожил из винтовки и ручного пулемета 68 фашистских солдат и офицеров.

Героический пример командира роты Вилхелмса был поддержан командованием и политотделом дивизии. Опыт был распространен партийной и комсомольской организациями полка. Снайперское движение в дивизии стало популярным. Работала школа по подготовке снайперов. Широко прогремела слава снайпера Вилхелмса по всей армии. По представлению Военного совета армии Президиум Верховного Совета СССР присвоил ему звание Героя Советского Союза, его в Кремле

принял и беседовал с ним И. В. Сталин.

С целью обобщения и распространения передового опыта лучших мастеров своего оружия Военный совет и политотдел армии созвали слет наиболее отличившихся стрелков, пулеметчиков, минометчиков, артиллеристов.

Слету предшествовала большая подготовительная работа. В частях развернулось соревнование за право участия в армейском слете. Состоялись слеты мастеров оружия в соединениях.

Армейский слет состоялся 3 июня. На него были приглашены 75 лучших из лучших мастеров своего оружия. В их числе: снайперов - 17, истребителей танков - 8, истребителей самолетов - 6, артиллеристов - 10, минометчиков 8, пулеметчиков - 5, саперов - 2, танкистов - 2, связистов - 17.

Из них 42 человека были членами и кандидатами партии, 26 комсомольцами. Душой этого движения являлись коммунисты и комсомольцы.

На слете с гордостью были произнесены имена Вилхелмса, Андерсена, уничтожившего 105 фашистов, минометчика Мурзинова, который создал школу минометного дела и добился того, что в расчетах все номера были взаимозаменяемы, танкиста Кислицына, пулеметчика Белокопытова, обучившего пулеметному делу 10 своих товарищей.

Названы на слете были и группа Ковалева (в составе 7 снайперов), на ее счету 254 уничтоженных гитлеровца, группа Крупченко - 136 уничтоженных фашистов.

На слете выступили и делились опытом сами мастера своего оружия. Выступил на слете командарм генерал-лейтенант В. З. Романовский и член Военного совета бригадный комиссар Колесников. Были награждены знаками "Снайпер" - 11, "Отличный артиллерист" - 16, "Отличный пулеметчик" - 6 и "Отличный танкист" - 1 человек.

Слет принял обращение. Все части откликнулись на его призыв. Партийные и комсомольские организации направили свои усилия на пропаганду боевого опыта.

Это движение пошло вширь и вглубь. Военный совет и политотдел армии подготовили и провели 10 сентября 1942 г. слет лучших разведчиков, 14 сентября - слет лучших водителей, 28 сентября - слет лучших саперов, 31 октября - слет лучших танкистов.

Если в марте мы в армии имели единицы снайперов, в лучшем случае десятки, то к осени их уже насчитывались сотни и тысячи. На 1 ноября 1942 г. по армии было награждено нагрудными знаками "Снайпер", "Отличный артиллерист", "Отличный минометчик", "Отличный минер" и "Отличный сапер"

свыше 1500 воинов.

В армии широко были известны имена разведчиков - Павла Некрасова, Александра Хрипкина, Сони Кулешовой; минеров - Николая Устинова, Коржикова, Кузсахметова; танкистов - Андрея Петрова, Кислицына; истребителей самолетов - Макара Грома, Николая Привалова; пулеметчиков - Федора Чистякова, Петра Гришина, Федора Козина ...

Центральный Комитет партии придавал большое значение росту партии за счет лучших воинов, отличившихся в боях за Родину. В нашу ленинскую партию шли лучшие люди. Вопрос о приеме в партию и выдаче партийных документов был важнейшим вопросом в работе партийных организаций. Мне вспоминается одно партийное собрание. Рассматривалось заявление разведчика Хамата Нургалиева.

В поисках "языка" он с группой бойцов ворвался в деревню. Противник их обнаружил. Разведчики вынуждены были отойти, а Нургалиев был отрезан от своих. Прошел день, наступила ночь. Хамат стал пробираться к своим, чтобы передать ценные данные, которые он имел, но на пути стоял часовой. Хамат выстрелил - фашист навсегда умолк. Тут же к нему присоединился разведчик Репин. Они вернулись в свою часть и передали данные разведки своему командиру.

После этого был бой, и деревня стала советской.

На собрании Нургалиев был принят в партию единогласно.

В апреле армейская партийная комиссия принимала в партию лучших воинов лыжной бригады. Заседание партийной комиссии проходило в 600 м от переднего края. Рассматривалось заявление старшины Хрипкина, который уничтожил в одном бою 18 фашистов и вывел из строя орудийный расчет. Он также единогласно был принят в партию. За умелое командование и подвиги ему присвоили звание лейтенанта, наградили орденами Красного Знамени и Красной Звезды. На этом же заседании принимали в партию красноармейца Костина. Он всегда был примером для других в стойкости и мужестве. Говорить о себе он много не любил.

- Я уничтожил 19 фашистов. Вот и все.

- Он еще уничтожил фашистский расчет, - подсказал секретарь парторганизации.

- Расскажите как это было? - спрашивает секретарь партийной комиссии.

- Отобрал я у них ручной пулемет, потом им же расстрелял пулеметный расчет врага. Вот и все.

А когда пригласили на заседание для рассмотрения заявления комсомольца И. Попова, то его не оказалось. Секретарь

партийной комиссии батальонный комиссар П. В. Маклаков спрашивает, где же он. Потом лишь выяснилась действительная причина его исчезновения. Во время работы партийной комиссии на обороняемый им участок просочилась фашистская группа. Попов помог выбить гитлеровцев и вернулся на партийную комиссию. Он был принят в партию.

За 5 дней партийная комиссия приняла в партию в этой бригаде 76 воинов. Им тут же были выданы партийные билеты.

Можно приводить много примеров, но и эти достаточно характеризуют тех, кто шел в ленинскую партию.

За февраль - октябрь 1942 г. в 1-й Ударной армии в партию было принято 19 109 человек, в комсомол - 6971.

Рост рядов партии усиливался в особенности тогда, когда шли ожесточенные бои. Каждый из этих 19 109 человек хотел идти в бой коммунистом.

Политорганы, партийные организации делали все, чтобы звание члена партии каждый коммунист держал высоко. Это - знамя для коммуниста, знамя, с которым он шел на врага за свободу и независимость нашей Родины. Хочется в связи с этим привести только один пример.

Шел горячий бой. Вражеские автоматчики при поддержке минометного и пулеметного огня бросились на наши подразделения, пытаясь контратаками вернуть отбитые позиции. На взвод, которым командовал коммунист лейтенант Николай Сергеев, наступало вдвое больше гитлеровцев. Но дружный огонь наших бойцов опрокинул фашистов. Они побежали. Тогда взвод начал преследовать врага.

- Бей фашистов! - раздался голос Сергеева.

Уничтожив половину автоматчиков, бойцы закрепились на опушке леса. Обозленные неудачей, гитлеровцы вызвали артиллерийский огонь. Снаряды стали ложиться вблизи наших боевых порядков, и фашисты снова бросились в атаку. Вдруг вблизи, взвизгнув, разорвалась мина. Командир упал. Осколок попал ему в грудь, вырвал карман гимнастерки вместе с партийным билетом. Второй осколок пробил левую руку командира. В сознании Николая Сергеева мелькнула мысль о партийном билете. Превозмогая боль, истекая кровью, он искал партийный билет. Нашел его. Потянулся к билету. Здесь силы оставили лейтенанта. Вовремя подоспев, санитары подняли командира. В его руке был зажат партбилет, пробитый осколком. В санчасти, когда Сергеев пришел в сознание, он прежде всего спросил:

- Где партбилет?

Сергееву принесли партийный билет, покрытый кровью.

Воин-большевик сохранил его в самые тяжелые минуты боя. Он ценил эту маленькую красную книжку как жизнь. Партийный билет лежал перед раненым командиром подтверждение его боевого подвига, верности своей родной ленинской партии.

В ходе боев армия поддерживала тесную связь с трудящимися Урала и Москвы. В конце августа в нашу армию прибыла делегация из Москвы. Ее возглавляла член ЦК партии, член Президиума Верховного Совета СССР, секретарь ВЦСПС Клавдия Ивановна Николаева. Делегация привезла бойцам и командирам приветы и подарки от москвичей.

Приезд на фронт делегации вызвал огромный подъем среди воинов армии. Во многих частях прошли красноармейские митинги.

Как сейчас я помню эти волнующие встречи Клавдии Ивановны с бойцами нашей армии. Вот из рядов воинов выходит сержант Огурцов.

- Жена и дети пишут мне в письмах, - говорит он, - бей фашистов. Это голос моей семьи, моей Родины. Недавно наш взвод ходил в атаку. Не зная страха, дрались бойцы. Мы не жалели огня. Я русский. Рядом со мной сражался казах Бекпирген Сегимбаев. Пусть он расскажет об этом бое. Пусть знают все, что русские и украинцы, белорусы и казахи - все едины своей ненавистью к врагу. Велика ненависть в нашем сердце. Я буду уничтожать гитлеровцев, где угодно и чем угодно. Товарищ командир, давайте боевой приказ. Мы готовы выполнить его в любую минуту, выполним любой ценой.

Просит слово герой недавних боев Сегимбаев. Он плохо говорит по-русски, но участники митинга отлично понимают его. У меня осталось в памяти его выступление. Он сопровождал свои слова жестами, показывая как действовал в бою. Его рассказ произвел на всех неизгладимое впечатление. Потом Клавдия Ивановна говорила: "Какой казах - это богатырь! Сердце радуется!"

Командир роты, начал Сегимбаев, дал приказ - ни шагу назад. Значит надо идти вперед, стоять на месте нечего. Немцы открыли огонь, пули косили траву. Кругом рвались мины. Ну, думаю, смерть все равно один раз бывает, бегу вперед и стреляю. Пока наступали - обойм десять выпустил. А фашисты из дзота палят, мешают нам. Мы первыми с командиром подбежали к дзоту. Командира тут ранили. Залегли в воронку, до немцев рукой подать - метров 15 осталось. Пулей их никак не убьешь. Вытащил я из-за пазухи противотанковую гранату. Угодил в самую амбразуру. Вторую взял у командира. Так же попал. Очень не понравились немцу наши гранаты. Перестал стрелять. Ни один

из них не ушел. А из дзота только дым повалил. Радостно стало у меня на сердце, что уничтожил врагов, выполнил боевую задачу, боевой приказ командира. Потом выступили другие лучшие воины.

В заключение на митинге выступила К. И. Николаева. Эго был пламенный оратор, ее речь по яркости, образности, силе эмоционального воздействия напоминала выступления Долорес Ибаррури. "Злобный враг, - говорила Клавдия Ивановна, - хочет отнять нашу свободу, наше счастье. Хочет заковать в кандалы советский народ. Камни вопиют о диких зверствах, которые творят фашисты. Убейте их, пока они не убили вас. Сейчас судьба Родины решается на полях сражений. Мы в состоянии разбить врага. Все зависит от нашей стойкости и мужества. Советский народ в напряженном труде дает вам все, что необходимо для победы. Он требует от вас самоотверженной борьбы. Будьте достойны своего героического народа!"

Громкое многоголосое "ура" разнеслось по лесу на берегу р. Ловати.

Через несколько дней делегация отбыла в Москву. В письме бойцам, командирам и политработникам нашей армии она писала: "Мы расскажем рабочим и работницам о ваших славных боевых делах, расскажем о Соне Кулешовой, об автоматчике Михаиле Максимове, дважды награжденном правительством, о славных героинях - снайперах Ковшовой и Поливановой, которых вы с такой любовью ласково называли - Наташа и Маша, и о сотнях других героев и героинь вашей армии".

На празднование 25-й годовщины Октября от нашей армии выехала в Москву делегация в составе десяти человек. Среди делегатов - пулеметчик Ф. Козин, снайпер И. Панов, младший лейтенант И. Квашнин, старший сержант А. Панкратов, санинструктор В. Злодеева и другие.

Воины присутствовали на торжественном заседании в Кремле, встречались с рабочими и работницами завода "Красный пролетарий", "Трехгорной мануфактуры", были на приеме у Н. М. Шверника и К. И. Николаевой. Им предоставили почетное право вручить переходящее Красное знамя ГКО заводам "Динамо" и "Красный пролетарий".

Рабочие "Красного пролетария" просили передать фронтовикам:

- Рабочие и работницы, не жалея сил, работают для фронта. Бейте врага до полного разгрома!

И этот наказ рабочих Москвы воины нашей армии восприняли, как наказ Родины.

А в ночь на 7 ноября 1942 г. в 44-й стрелковой бригаде

делегация Дмитровского района Московской области вручала Красное знамя передовой части бригады. Его принимал участник освобождения д. Степанове Дмитровского района капитан М. Г. Фильшин.

- Передайте труженикам Дмитрова, - говорил Фильшин, - мы клянемся, что в боях за нашу Родину доверие советского народа оправдаем.

Большое значение мы придавали своевременному вручению правительственных наград. Их вручали непосредственно в частях, госпиталях, на слетах мастеров оружия, в торжественной обстановке. За февраль - ноябрь 107 раз выезжали в части руководители армии для вручения героям боев 2111 орденов и медалей.

Помню, как сейчас, в лыжной бригаде вручал награды бригадный комиссар Д. Е. Колесников. Подходит к столу старшина А. М. Хрипкин. Ему вручается орден Красного Знамени. Его поздравляют. Он стоит. "Желаю вам успеха в бою", - говорит Колесников. Но он продолжает стоять. А сзади офицер отдела кадров армии подает Д. Е. Колесникову орден Красной Звезды. Получив еще один орден, старшина ответил на поздравление: "Служу Советскому Союзу!".

Более четверти личного состава армии было коммунистами и комсомольцами. Это большая сила. Коммунист - это звание высокое. Он идет всегда впереди - в труде, бою. Он - идейный боец партии. И в самые тяжелые дни ожесточенных боев в партию шли самые лучшие, самые боевые воины.

В армии было около 500 первичных партийных организаций. Свою работу они проводили с учетом боевой обстановки. Партийные организации были прочной опорой командира в выполнении боевого приказа. Они мобилизовывали личный состав на разгром врага, воспитывали любовь к Родине и ненависть к немецко-фашистским захватчикам. Формы и методы работы партийных организаций были разнообразны.

Коммунисты собирались на партийные собрания и в боевой обстановке. А там, где обстановка не позволяла, проводили делегатские партийные собрания. На партийных собраниях обсуждали вопросы о передовой роли коммуниста в бою, выполнении боевой задачи, приеме в партию. Обсуждали многие назревшие вопросы. Коммунисты на партийных собраниях заслушивали отчеты секретарей партийных бюро об их работе.

Партийные собрания были краткие. Этого требовала боевая обстановка. Проводились на фронте с учетом конкретной обстановки в дивизиях и бригадах партийные активы. Например, в 254-й стрелковой дивизии в середине марта на партактиве с

докладом "Об итогах прошедших боев и задачах коммунистов" выступил командир дивизии П. Ф. Батицкий. Он подвел итоги боевых действий. В последних боях части дивизии добились немалых успехов. Докладчик сделал подробный анализ боевых наступательных действий, вскрыл тактические и организационные недочеты, допущенные в ходе боев, и подробно ознакомил партактив с предстоящими задачами. Очень активно прошла эта встреча партийного актива. Такие собрания целеустремляли действия коммунистов.

В армии было свыше тысячи ротных и батарейных партийных организаций. Политотдел армии и политотделы дивизий и бригад придавали огромное значение их работе. Перед каждой боевой операцией политотделы принимали все меры, чтобы в каждой роте и батарее были полнокровные партийные организации. Приведу в качестве примера работу парторганизации батареи, где был командиром Михайловский.

Батарея вышла на огневую позицию. Предстоял первый бой. Как политически обеспечить выполнение болевой задачи, когда на батарее нет партийной организации. Коммунистов было двое: командир орудия Аниканов и старший политрук Барковский, Ковалев был кандидатом в члены партии.

Вражеские танки подошли метров на 200. Чувствовалась растерянность, а от нее до паники - один шаг. В эту минуту нужен был пример большевистской стойкости, непоколебимой выдержки, чтобы отразить атаки врага.

Этот пример был подан. Всех отрезвил ободряющий голос командира орудия - коммуниста Аниканова. Командир скомандовал: - Расчеты к орудиям! Огонь по немецким танкам! Ударили пушки, подбили три бронемашины и танкетку врага, а танки повернули обратно.

Этот бой был хорошей проверкой наших людей. Коммунисты видели, на кого можно опереться. Это были младший командир Кузнецов, наводчик Горбунов, замковый Горохов, наводчик Доценко. Они не растерялись во время опасности. Вместе с Аникановым расстреливали вражеские машины.

На первом партийном собрании отличившиеся в боях были приняты в партию - командир батареи Михайловский, младший лейтенант Деревянников, заместитель политрука Карпенко. Это собрание запомнилось всем батарейцам. На нем говорили о героической гибели младшего лейтенанта Казакова. Он находился на наблюдательном пункте, когда его окружили фашисты, предложившие ему сдаться в плен. Казаков с презрением ответил: "Советские воины в плен не сдаются". Гитлеровцы бросили в него гранату и тяжело раненного пленили.

Его пытали, но он умер, не сказав ни слова. На партийном собрании прочли заявление Казакова о приеме его в партию. Постановили считать лейтенанта коммунистом, а за его смерть отомстить гитлеровцам.

В боях создалась и крепла партийная организация батареи. Две трети ее личного состава были коммунистами и каждый коммунист являлся вожаком бойцов. В последних боях огнем пушек батарея уничтожила 10 фашистских танков, 3 бронемашины, 10 пулеметных точек, 14 минометов, 2 орудия и сотни вражеских солдат и офицеров.

В достижении этих побед огромная заслуга партийной организации батареи. За боевые заслуги в борьбе против немецко-фашистских оккупантов 11 воинов награждены орденами и медалями, 10 из них были коммунистами.

Большую роль для идейной закалки коммуниста играли партийные поручения. Они были разнообразны, но главным всегда было - быть впереди в бою, показывать пример стойкости, высокого наступательного порыва, воинского мастерства. Вот как выполнял свое партийное поручение красноармеец-орденоносец М. Горбунов. Об этом он рассказал на страницах нашей армейской газеты "На разгром врага": был я запасным наводчиком, находился во втором эшелоне. И вот появляется как-то посыльный: "Горбунов, вызывают на огневую, наводчика заменить". Молниеносно собрался. Прихожу на огневую, а мне говорят: "Мы уже нашли наводчика". Хотел уйти, но было поздно, и я остался переночевать. Рано утром - тревога: немцы наступают. Орудийному расчету дана команда: огонь! Но что такое? Огня нет. Копошатся бойцы у орудия, а ничего на выходит. Огня нет, а немец идет. Уже хорошо видна его первая цепь.

Покажи, как работать с отражателем, мы забыли, кричали мне бойцы.

Встаю я к орудию и начинаю бить прямой наводкой. Бил 30 минут беспрерывно и разделал гитлеровцев под орех. Тут командир и говорит мне: "Не уходи, оставайся в батарее". Так и остался я в расчете.

Как коммуниста партийная организация обязала меня выучить бойцов артиллерийскому делу. Выполнил я это поручение. Товарищи учились серьезно. В результате учебы достигнута полная взаимозаменяемость расчета.

Орудийный расчет был подготовлен к борьбе с танками. Так я выполняю свои партийные поручения.

Пламенная агитация за идеи партии всегда должна быть в сердце коммуниста. На фронте это необходимо в особенности. Летом 1942 г. в "Красной звезде" об этом появилась передовая и

статья Ем. Ярославского. Значение ее мы видели на примере таких людей, как Клавдия Николаева, комиссар дивизии бригадный комиссар А. Я. Сергеев, военком полка Сова, агитаторы полка и дивизии политрук П. М. Бигаев и В. Сирик, начальники политотделов батальонные комиссары А. И. Ломоносов, А. И. Алехин, Ф. И. Куцепин, член Военного совета армии бригадный комиссар Д. Е. Колесников, командир бригады Я. П. Безверхов, военкомы бригад полковой и батальонный комиссары Е. В. Бобров и Д. И. Бессер, лектор политотдела армии Л. А. Коган, военком дивизиона В. Терехов.

Разнообразны были формы агитации, применяемые нами на фронте. Тут и беседы на привале, встречи бывалых воинов с новым пополнением, листовки-молнии, сводки Совинформбюро, материалы из газет.

Вот, например, как действовал агитатор старший сержант Корень.

Однажды во время боя Корень возглавлял группу бойцов из восьми человек. Силы гитлеровцев были значительнее. Атаки шли одна за другой. Но агитатор сказал бойцам: "Не отступим, будем драться до последнего". И горсточка храбрецов не отступила ни на шаг. Они отбили ожесточенные атаки. Потеряв до 30 солдат и офицеров, гитлеровцы отошли на исходные позиции.

Не менее геройски вел себя Корень и в другом бою. Фашисты цепь за цепью надвигались на наши позиции. Их беспощадно косил наш "максим". Но вдруг пулеметчика ранило, а враг продолжал наседать.

- Нет, не пройдете, гады! - крикнул Корень и сам лег за пулемет. Он хорошо владел им. Корень уложил 25 фашистов, а остальные повернули вспять.

Таков был агитатор Корень. Умение страстно и убедительно говорить, умение отважно и стойко действовать в бою - эти два качества обусловливали авторитет агитатора.

В боевой обстановке начала внедряться такая форма агитации, как боевой листок-молния.

Бронебойщик Мирошниченко подбил танк. Комиссар батальона Марков вырвал из блокнота листок и написал:

"Слава герою-бронебойщику Мирошниченко, уничтожившему вражеский танк. Товарищи бронебойщики, следуйте его примеру!

Тов. Мирошниченко множьте свои боевые подвиги!"

Листок пошел по цепи.

Вскоре в обратном направлении пошел из рук в руки другой листок-молния, в нем сообщалось, что Мирошниченко подбил второй танк.

Красноармеец Василий Гуськов убил из винтовки гитлеровца.

Командир поздравил его с открытием счета.

- Нас мало, но наша стойкость победит! - ответил Гуськов.

После этого он уничтожил еще вражеского пулеметчика и гранатой вывел из строя его пулемет. И об этом узнали бойцы из листовки-молнии.

Действенной была эта форма агитации!

Армейская газета "На разгром врага" ввела рубрику "Рассказы бывалых воинов", в них они делились боевым опытом. Рассказы тепло принимались нашими воинами.

В редакцию, как отклик на такие публикации, поступило письмо группы отважных бойцов: старшего сержанта П. Пескова, сержанта А. Костюченко, красноармейцев А. Кокина, П. Прокурова и Н. Герасимова. "Мы прочитали помещенные в газете "На разгром врага" "Рассказы бывалых воинов" о смелости, выдержке, инициативности, хитрости и о других качествах советского бойца. Обсудив эти рассказы, мы решили сами написать в газету об одном из таких качеств - о дисциплинированности. Нам кажется, что это самое главное качество, что без него все другие теряют свою силу.

В одном бою случилось так. Нас было меньше сотни, а немцев появилось 700 - 800. На одном из флангов несколько наших бойцов дрогнули, покинули окоп и стали отползать. Эти люди испугались истошных криков пьяной немчуры, беспорядочной стрельбы фашистов. Эти люди отступили без приказа и все погибли. Часть их была сразу скошена огнем противника, других догнали немцы и прикололи штыками. Нам не жаль трусов. Нам жаль, что из-за них погиб один замечательный воин. Когда фланг обнажился, немцев могла сдержать в этом месте только одна наша точка, где стоял пулемет старшего сержанта Тазбулатова. Казалось, что ему уже не справиться с этой задачей - весь огонь врага обрушился теперь на него. Но Тазбулатов не умел поворачиваться спиной к опасности. Даже смертельно раненный он продолжал стрелять. Когда кто-то крикнул ему, чтобы отползал, он ответил: "Приказано стрелять, а не ползать". Подвиг Тазбулатова дал нам возможность оправиться и заделать образовавшуюся в нашей обороне трещину.

Немцы всегда делают ставку на то, что им удастся нарушить порядок в наших рядах. Но стоит им получить в этом деле осечку, как они сами лишаются своей хваленой организованности.

Дисциплина - залог наших успехов в бою. Устами командира говорит наша Родина. Выполнять приказ так, как выполнял его храбрый воин Тазбулатов",

- закончили они свое письмо.

Я с большой благодарностью хочу отметить весь коллектив

армейской газеты "На разгром врага", он был настоящим помощником Военного совета и политотдела армии. Считаю своим долгом особенно отметить редактора газеты Юрия Королькова, писателей Михаила Светлова, Бориса Бялика, Вячеслава Ковалевского и литературных сотрудников Григория Аристова и Исаака Белкина.

Политотдел армии часто выпускал листовки о героях боев за Родину. Приведу одну из них.

Шесть связистов под руководством лейтенанта Коваленко во время боя находились в блиндаже на контрольном пункте связи. Большая группа немецких автоматчиков просочилась в наш тыл и окружила блиндаж. Связисты взялись за винтовки и гранаты. Часть из них отбивала натиск врага, другие продолжали работать у аппаратов. На помощь к ним уже спешили бойцы.

Бой длился долго, но слишком неравны были силы. Блиндаж окружили 40 фашистских автоматчиков. Они предложили героям сдаться в плен. В ответ раздался голос: "Русские в плен не сдаются". Этот возглас слышали бойцы, спешившие на помощь. Но гитлеровцы успели бросить гранаты в блиндаж, где находились связисты. Все они погибли, не покинув своего поста.

Подоспевшие бойцы уничтожили всех вражеских автоматчиков и вошли в блиндаж. На столе лежала недописанная записка. Вот что писали герои: "Нас осталось пятеро: Прыщиков, Коваленко, Чекашов, Гришанов и Горбунов. Одного убили при выходе из блиндажа. Это - Каширин. Мы, бойцы и командиры батальона связи, умрем на своем посту, но в плен фашистам не сдадимся. За Родину! До последней минуты жизни..."

Герои не успели дописать письмо. Шесть стойких воинов-связистов погибли, но не сдались врагу. Они были истинными патриотами своей Родины.

"Слава отважным воинам! Их имена бессмертны! Воины! Отомстите фашистам за их смерть!" - говорилось в листовке политотдела армии.

В 7-ю гвардейскую дивизию, которой командовал полковник Е. В. Бедин, прибыло новое пополнение. В сосновом лесу на рассвете с прибывшими встретился комиссар дивизии бригадный комиссар А. Я. Сергеев. Беседа продолжалась долго. Много было вопросов.

- Вы просите рассказать о подвиге Якова Духовного и его 13 боевых товарищей? - спрашивает комиссар.

- Да, нам по дороге говорили, что он герой, а о подробностях не сказали.

- Слушайте:

Их было 14 человек. Все они комсомольцы. Во главе группы

был испытанный гвардеец, секретарь комсомольской организации Яков Духовной. Приказ был кратким: десанту автоматчиков ворваться с тыла в деревню, превращенную немцами в мощный опорный узел, укрепиться там и ждать подхода подразделений полка. В эти минуты к Духовному подошел Александр Заметалин. "Вот, - сказал он, передавая секретарю листок бумаги, - здесь заявление в партию". "И от меня", - подал заявление Жуков. Остальные 11 объяснили Духовному, что заявления написать не успели, и поэтому просят принять устную просьбу.

В 6.00 к дороге подошли три наших танка. На них разместились бойцы, и десант ринулся в бой. Могучим рывком с тыла танки ворвались в деревню. 14 автоматчиков спрыгнули на землю. Все было обдуманно и рассчитано. Гранаты полетели в дом, который был оборудован в сильный дзот. После этого группа гвардейцев Овчинникова бросилась на правую окраину деревни, а группа Духовного - на левую. Они напали на дом, в котором засело около 50 фашистов и ударили с разных сторон. Завязался ожесточенный бой. Гвардейцы били из автоматов, забрасывали фашистов гранатами. Они перебили около 70 гитлеровцев, но силы героев ослабевали. На гвардейца Заметалина напало несколько гитлеровцев. Он яростно отбивался, но пуля пробила тело отважного героя. И в этот момент товарищ Духовной крикнул: "Смелее гвардейцы! Ни шагу назад!" Ранены Заев, Овчинников, Максаков, Еркин, разрывной пулей в плечо ранен Духовной. Но раненые гвардейцы ведут огонь по врагу. "Наши!" - кричит наблюдатель. В деревню врываются бойцы под командованием орденоносца Талушко. Приказ выполнен. Около 100 фашистов перебила горстка смельчаков в одном бою.

Стоял я во время беседы и внимательно смотрел на лица солдат. С каким огромным вниманием слушали они рассказ Сергеева о герое Духовном. Такие беседы на привале, у костра, при встрече нового пополнения имели огромное значение. Они воспитывали героизм, мужество, отвагу, стойкость, любовь к Родине и ненависть к врагам. А Сергеев продолжал: "Учитесь бить гитлеровцев так, как били их Духовной и его товарищи". И этот наказ нашел горячий отклик в сердце советского солдата.

Своими боевыми действиями 1-я Ударная армия заставляла врага все время подтягивать резервы, которые перемалывались нашими войсками. Эту роль по истреблению живой силы оккупантов армия продолжала выполнять и в последующие месяцы.

Более 200 гитлеровцев перебил любимец нашей армии, пулеметчик Федор Чистяков. Он в совершенстве изучил свое оружие и бил врага наверняка.

Во время одного боя он с блестящим успехом применил против врага несколько видов стрелкового оружия. Вначале Чистяков разил фашистов из пулемета - до тех пор, пока не израсходовал всех патронов. После этого он взялся за автомат. Когда кончились диски, он взял у раненого товарища винтовку и продолжал вести огонь, пока хватило обоймы. Потом пустил в дело пистолет и уложил подкрадывавшегося сзади гитлеровского офицера. Затем стал бросать в гитлеровцев гранаты. Какое бы оружие ни брал в руки Федор Чистяков, оно становилось губительной смертоносной силой для врагов. Этот бой длился шесть часов.

Однажды гитлеровцы силами до 100 человек вели наступление на населенный пункт Быстрый Берег, оборонявшийся 13 нашими лыжниками под командованием старшины Хрипкина. Рука об руку с бойцами дрались и молодые колхозницы - Зоя Николаева, Мария Пантелеева и ее два младших брата - Петр и Иван. Бойцы поклялись: "Будем драться до последнего. Умрем, но ни на шаг не отступим". Горстка храбрецов отразила четыре вражеские атаки. Боец Антипов, раненный трижды, не захотел уйти от миномета и, лежа возле товарищей, подбадривал их. Хрипкин также был ранен, но продолжал командовать. Мария Пантелеева под градом пуль помогала красноармейцу Чевелеву поджечь мост, по которому могли переправиться фашисты. Зоя Николаева под огнем противника перевязывала раненых и стреляла по врагу из автомата.

Преследуя врага, Хрипкин, переправился через реку вплавь и с помощью Орлова захватил двух пленных. Натиск врага был отбит. Враг отошел, потеряв только убитыми 76 солдат и офицеров.

Старшина Хрипкин и его бойцы показали, что значит быть стойкими, что успех боя решается не числом, а умением.

Пример непоколебимой стойкости - старший лейтенант Константин Черемин, политрук Дмитрий Иванов и их 30 боевых друзей.

Однажды ночью гитлеровцы повели наступление на населенный пункт, обороняемый этим гарнизоном. Ценой больших потерь им удалось сомкнуть вокруг деревни кольцо. Много раз устремлялись волны атакующих фашистов, но вынуждены были в бессильной ярости отхлынуть обратно. Все больше и больше выбывало из строя наших бойцов. Но те, кто оставался в живых, смело бросались в контратаку, пока хватало сил. Набив доверху патронами закопанную танкетку, коммунист-пулеметчик Илья Ханшин отстреливался до последнего момента.

Не могу не привести последний телефонный разговор с

Константином Череминым комбата Славного. "Товарищ комбат, - говорит по телефону Черемин, - если мы станем теперь выходить из кольца, мы почти наверняка погибнем, а задачу не выполним. Здесь же мы часов 10 продержимся и сотни три-четыре немцев уложим. Я особенно на Илью Ханжина надеюсь - коммунист, мировой пулеметчик. Но и другие ребята не хуже... Связь сейчас прерывается. Прощай командир, прощай друг!"

Утром враг бросил на гарнизон авиацию. Наши герои погибли все до единого, не отступив ни на шаг. Своей смертью они завоевали бессмертие.

Не могу не рассказать об одном замечательном большевике - начальнике политотдела 47-й стрелковой курсантской бригады комиссаре Алехине.

Во время ожесточенного боя, когда наши бойцы, выйдя на ближние подступы к вражеской обороне в населенном пункте Рамушево, готовились к стремительной атаке, на линию огня пришел коммунист Алехин. Не раз бывавший в жарких схватках, скромный большевик и храбрый воин с автоматом в руках вышел в первые ряды атакующих. Завязался жаркий уличный бой. Бойцы беспощадно истребляли фашистов. Комиссар и здесь шел впереди, расстреливая в упор из автомата фашистских захватчиков, увлекая бойцов за собой. Но вот зловещая очередь из вражеского автомата смертельно ранила героя. Он пал, но подвиг его живет. Не забудут его имя труженики Рамушево и Старой Руссы.

Вместе с воинами-мужчинами в нашей армии сражались и девушки. Они спасли тысячи раненых. Храбрые связистки - они обеспечивали бесперебойную связь под яростной бомбежкой и артобстрелом. Они показывали образцы искусства снайперов и разведчиков. Вместе со всеми бойцами шли в атаки на врага.

Ярким примером героизма девушек-воинов явились подвиги и снайперов Маши Поливановой и Наташи Ковшовой, разведчицы Сони Кулешевой, отличной связистки Л. Самойлис, санинструктора Тоси Родионовой.

Много ярких страниц вписали в историю нашей армии героические сыны многих национальностей Советского Союза.

На сентябрь 1942 г. в частях армии было 10 тыс. 785 бойцов нерусской национальности. В их числе: казахов - 1441, татар - 1368. Среди бойцов нерусской национальности одну треть составляли коммунисты и комсомольцы. У них было одно стремление, одна благородная цель. Русский колхозник Павел Некрасов, украинский слесарь Феодосии Фондорат, казахский наездник Расулов, белорусский хлебороб Николай Шашков, татарский ремесленник Мугатасим Хасанжин, удмуртский охотник Яков Анисимов, латвийский печатник Янис Вилхелмс, все они жили единым стремлением - отстоять свою Родину от врага. Спаянная кровью дружба советских народов была во время войны крепкой, как никогда.

Осенью 1942 г. мы собрали слет дружбы. Это было волнующее явление. Поэт Михаил Светлов написал песню о дружбе - поэтическое послание Джамбулу. На слете, выражая мысли и чувства воинов всех 56 национальностей, сыны которых сражались в нашей армии, боец-ненец Евстюгин сказал: "До войны я охотился на разного зверя. Сейчас я охочусь на фашистов. Вот из этой винтовки я убил 77 гитлеровцев. Я буду бить гитлеровцев, пока мы не отправим их всех в могилу. Сколько убью - не знаю. Знаю одно: фашист, которого я увижу, будет убит".

Особенно большой урон был нанесен фашистам частями нашей армии во время упорных сентябрьских боев 1942 г. Враг на узком участке фронта Великое Село - совхоз "Знамя", в полосе 7-й гвардейской стрелковой дивизии, двинул части 5-й легкопехотной и 126-й пехотной дивизий при поддержке большого количества самолетов и танков.

И вновь геройски проявили себя воины нашей армии. В их числе артиллеристы: Еремеев, Морозов и Акиншин, истребители самолетов: Гром и Привалов, минометчик Квашнин.

Иван Морозов был замковым у орудия, когда в бою вышли из строя командир и наводчик. Морозов заменил их обоих. Ночью

вражеские танки несколько раз пытались прорваться на этом участке. Не ведая страха и усталости, Морозов бил по ним из тяжелого орудия прямой наводкой. Утром пыталась просочиться вражеская пехота, но она натолкнулась на смертоносный огонь. Всего в этом бою Еремеев и Морозов подбили 7 вражеских танков и уничтожили 100 гитлеровцев.

Хорошо действовала в этом бою 130-я (3-я Московская коммунистическая) стрелковая дивизия (дивизией командовал полковник Н. П. Анисимов, военкомом был полковой комиссар А. П. Лазарев). Она уничтожила до 2000 вражеских солдат и офицеров, подбила и сожгла 17 танков, захватила большие трофеи. 47-я стрелковая бригада (командир полковник С. Н. Лысенков) за эти бои истребила до 1000 фашистов и сожгла 27 танков. Воины 397-й стрелковой дивизии (дивизией командовал полковник К. Т. Ильин, комиссаром дивизии был полковой комиссар М. И. Зяблов) уничтожили 3800 гитлеровцев, подбили и сожгли 17 танков. Особенно прославились в ходе боев воины из этой дивизии Макар Гром, Иван Квашнин, Бекпирген Сегимбаев.

Замечательно дрались и гвардейцы 7-й гвардейской дивизии (командир полковник Е. В. Ведин, комиссар бригадный комиссар А. Я. Сергеев).

В этих боях наша армия уничтожила 10 тыс. 850 фашистов, 98 танков, 220 пулеметов, 353 автомашины и 58 самолетов противника.

1-я Ударная армия продолжала оттягивать на себя вражеские силы и наносила немецко-фашистским войскам значительные потери.

Осенью 1942 г. в нашей армии развернулось боевое соревнование за достойную встречу 25-й годовщины Октября.

Лучшие из лучших воинов по решению Военного совета армии были занесены на Доску почета. Вот они, герои боев, передовики предоктябрьского боевого соревнования: Николай Вознов - младший лейтенант, снайпер. Один из инициаторов снайперского движения в нашей армии. Истребил 126 фашистов;

Макар Гром - старший сержант, зенитчик. Из зенитного пулемета уничтожил со своим расчетом 6 немецких самолетов;

Василий Еремеев - старший лейтенант, артиллерист. Вместе с наводчиком Иваном Морозовым уничтожил 7 немецких танков и более 100 немецких автоматчиков;

Федор Козин - младший лейтенант, пулеметчик. Будучи ранен в бою, принял на себя командование взводом, отразил несколько атак противника и истребил 40 фашистов;

Галим Копшибаев - красноармеец, снайпер, истребил снайперским огнем и в рукопашных схватках 64 фашиста;

Иван Квашнин - младший лейтенант, минометчик. В бою, когда кончились ленты, смело вступил один в рукопашную схватку с несколькими немцами и вышел победителем. Захватил винтовку, автомат и ручной пулемет врага;

Иван Морозов - красноармеец, артиллерист. Вместе со старшим лейтенантом Еремеевым отразил несколько атак противника, уничтожил при этом 7 вражеских танков и более 100 немецких автоматчиков;

Павел Некрасов - младший лейтенант, разведчик. Неоднократно руководил вылазками в тыл врага и захватил 8 "языков";

Петр Орешкин - военврач 2-го ранга, хирург. Организовал вблизи передовых позиций образцовое хирургическое отделение. Спас своевременными и умелыми операциями жизнь многим бойцам и командирам;

Андрей Петров - лейтенант, танкист. Уничтожил в последних боях 2 немецких танка и 50 фашистов. Всего имеет на своем счету 9 уничтоженных танков, 2 орудия, 2 пулемета, 8 машин с боеприпасами и много истребленных фашистов;

Николай Привалов - старший сержант, зенитчик. Из зенитного пулемета вместе со своим расчетом уничтожил 10 немецких самолетов;

Бекпирген Сегимбаев - красноармеец, пехотинец. Участник рукопашных схваток. В бою забросал гранатами вражеский дзот. Уничтожил два пулемета;

Эмир Трубчу - красноармеец, агитатор. Один из лучших агитаторов нашей армии. Имел на своем счету 31 убитого захватчика;

Антон Устименко - старший лейтенант, летчик. Совершил около 400 успешных боевых вылетов, громя технику и живую силу противника;

Николай Устинов - сержант, сапер. Один из лучших минеров пашей армии. Расставил сотни мин в тылу врага;

В боях в составе 1-й Ударной армии на Северо-Западном фронте особо отличились: 180-я стрелковая дивизия, 201-я латышская стрелковая дивизия и 130-я стрелковая дивизия. За боевые успехи они были преобразованы в 28, 43 и 53-ю гвардейские стрелковые дивизии.

518-й стрелковый полк 129-й стрелковой дивизии (командир полка майор Я. А. Романенко, военком батальонный комиссар Коркин) награжден орденом Красного Знамени. Этот полк 7 ноября 1941 г. участвовал в параде на Красной площади, сразу после парада пошел в бой и прославил свое боевое знамя.

Во время весенних, летних и осенних сражений 1942 г.

множество бойцов, командиров и политработников 1-й Ударной армии совершили подвиги, которые вписаны золотыми буквами в историю Великой Отечественной войны.

Наступил 1943 г. Демянская группировка врага была ликвидирована. Наши войска погнали гитлеровцев на запад. 1-я Ударная армия в 1944 г. вписала новые славные страницы в свою историю в боях за освобождение Старой Руссы, Псковщины с ее дорогими каждому советскому человеку пушкинскими местами, Прибалтики и столицы Латвии - Риги. В мае 1945 г. ликвидацией курляндской группировки немецко-фашистских войск она завершила свой боевой путь в Великой Отечественной войне.

Если, читавший эти строки, встретишь где-либо названных в этом очерке воинов, совершивших подвиги во славу Родины, поклонись им низко. Они заслужили это. А имена тех, кто отдал свою жизнь за Отчизну, кто не дожил до светлых дней победы, следует увековечить.

Их память, их имена - бессмертны!

П. П. Полубояров

Крепче брони

Как известно, еще задолго до второй мировой войны советская военно-теоретическая мысль правильно определила характер надвигавшейся войны, а также средства и способы ведения боевых действий. Особо важная роль в будущей войне отводилась бронетанковым войскам.

Коммунистическая партия во главе с Центральным Комитетом, Советское правительство уделяли танковым войскам самое пристальное внимание. Благодаря этому бронетанковые силы к началу Великой Отечественной войны как по своему техническому оснащению, формам организации и способам применения, так и по количественному составу стояли выше танковых войск любой иностранной державы.

Успешное выполнение пятилетних планов позволило решительно увеличить выпуск танков. Если в 1930 - 1931 гг. танкостроительная промышленность выпускала 740 танков в год, то в 1935 - 1937 гг. ежегодный выпуск танков увеличился до 3139 боевых машин{33}.

Наши новейшие танки Т-34 и КВ решительно превосходили по своим тактико-техническим данным наиболее совершенные танки фашистской Германии Т-III и Т- IV. В немецко-фашистской армии лучшим танком считался средний танк Т- IV. И тут небезынтересно сравнить боевые качества средних танков нашего Т-34 и немецкого Т- IV. В качестве основного вооружения танк Т-34 имел 76-мм пушку с начальной скоростью полета снаряда 662 м/сек. и бронезащиту от 45 до 52 мм. Немецкий же танк Т- IV

был оснащен 75-мм пушкой с начальной скоростью полета снаряда лишь 380 м/сек. и имел толщину брони от 20 до 40 мм. Наш танк превосходил немецкий и ходовыми качествами. Запас хода у Т-34 составлял 300 км, тогда как у Т- IV не превышал 200 км. Проходимость и маневренность у нашего танка были также более высокими, чем у немецкого. Т-34 при необходимости мог таранить вражеский танк. Но, к сожалению, производство танков, особенно Т-34 и КВ, в связи с недостаточными мощностями танковой промышленности все еще отставало от предъявляемых обстановкой требований.

К началу войны Прибалтийский особый военный округ имел два механизированных корпуса и три отдельные танковые бригады. 3-й механизированный корпус под командованием генерал-майора танковых войск А. В. Куркина начал свое формирование в июле 1940 г. на территории Белорусского военного округа, заканчивалось оно уже в Прибалтике. В состав корпуса входили 2-я танковая дивизия под командованием генерал-майора танковых войск Е. Н. Солянкина, 5-я танковая дивизия, которой командовал полковник Ф. Ф. Федоров и 84-я моторизованная дивизия под командованием генерал-майора П. И. Фоменко{34}.

Начиная с февраля 1941 г. округ приступил к формированию 12-го механизированного корпуса. Корпусом командовал генерал-майор танковых войск Н. М. Шестопалов. В его состав были включены 23-я танковая дивизия под командованием полковника Т. С. Орленко, 28-я танковая дивизия, которой командовал полковник И. Д. Черняховский, и 202-я моторизованная дивизия под командованием полковника В. К. Горбачева{35}.

Танковыми бригадами, расположенными в разных районах, командовали: 6-й - полковник А. И. Горшков, 22-й - полковник И. П. Ермаков и 27-й подполковник Ф. М. Михайлин.

Механизированные корпуса и отдельные танковые бригады на вооружении имели танки преимущественно устаревших типов: БТ, Т-26, ОТ-26, Т-37 и Т-38. В двух механизированных корпусах новых тяжелых танков КВ было всего лишь 15 вместо положенных по штату 252, а новых средних танков Т-34 мы имели тогда 50 вместо 840 по штату. Это означает, что новыми тяжелыми и средними танками КВ и Т-34 наши механизированные корпуса были вооружены не более чем на 6% к штату.

Да и вообще обеспеченность материальной частью танков была недостаточной. Например, в 3-м механизированном корпусе она не превышала 63%. Устаревшая материальная часть, обилие различных типов танков не только снижали боевые возможности бронетанковых войск округа, но и осложняли проведение

ремонтных работ.

Нам, конечно, были понятны причины медленного поступления новых танков. Танковая промышленность страны, несмотря на ее бурный рост, все еще не справлялась с требованиями укомплектования большого количества вновь формируемых танковых и механизированных соединений. И тем не менее мы, танкисты, нет-нет да и сетовали на то, что у нас было мало новых танков.

Помню, побывал я в мае 1941 г. в 28-й танковой дивизии у полковника И. Д. Черняховского. Живой, энергичный, Иван Данилович не смог скрыть своего волнения по поводу того, что новых танков поступает пока мало.

- Медленно перевооружаемся, - говорил он. - Нам бы сейчас "тридцатьчетверок" побольше. Это была бы сила. А на нынешних БТ-5 и БТ-7 воевать трудновато.

В течение 1940 г. по указанию Народного Комиссара Обороны Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко было проведено несколько опытных учений. Уроки их убедительно показывали, что существовавшие к тому времени громоздкие стрелковые дивизии надо сделать более мобильными, оснастить современным оружием и техникой, уменьшить количество живой силы за счет моторизации. В танковых войсках рекомендовано было легкие танки заменить средними и тяжелыми, а на танки Т-26 и БТ-7 одеть экраны (дополнительную броню). С учетом новых требований стрелковые дивизии в пограничных округах переводились на новые штаты, оснащались артиллерийским, противотанковым и стрелковым оружием новых образцов.

Существенные изменения претерпели и средства войсковой разведки. Так, разведывательные батальоны стрелковых дивизий получали легкие танки и бронеавтомобили. Ряд новшеств вносилось и в военное искусство. Мне запомнились окружные учения на тему: "Наступление стрелкового батальона под прикрытием артиллерийского огневого вала в тесном взаимодействии с танками непосредственной поддержки пехоты".

Сообразуясь с обстановкой, командиры прилагали все усилия, чтобы привести имеющуюся материальную часть в состояние боеготовности. Мы имели в округе пять гарнизонных автобронетанковых ремонтных мастерских и три автобронетанковые ремонтные базы. Их силами в короткие сроки нам удалось восстановить имевшийся в войсках ремонтный фонд танков БТ, Т-26, Т-28 и Т-37. Дело осложнялось тем, что ремонтные мастерские и базы не всегда имели надлежащие запасные части, и это, несомненно, снижало качество ремонта.

Но некоторые из намеченных мероприятий мы все же не

смогли осуществить. В частности, экранирование танков БТ-7 и Т-26. И я хорошо понимал состояние Ивана Даниловича Черняховского, когда на танкодроме под Ригой он сетовал, что перевооружение задерживается. Какое-то внутреннее чутье подсказывало, что мы накануне грозных событий. И, заключая беседу с Черняховским, я сказал:

- Может случиться и так, что на старой технике вступим в бой. Поэтому, Иван Данилович, времени не теряйте. Готовьте эту технику, тщательно изучите со своими командирами полков и батальонов состояние дорог, мостов, бродов через реки. Намечайте места, где можно скрыть танки от авиации при совершении марша, и думайте над тем, как бы вы использовали местность для развертывания дивизии во встречном бою, а может быть и для обороны.

События торопили нас, обстановка на границе с каждым днем становилась все более тревожной. 16 июня мною было проведено совещание с офицерами автобронетанкового управления. На этом совещании, в соответствии с указаниями командующего округом, я объявил решение о выделении оперативной группы, которая должна была разместиться на командном пункте округа в районе Радвилишкиса. Штабом округа в это же время было отдано приказание командиру 28-й танковой дивизии полковнику И. Д. Черняховскому выйти с дивизией из Риги на рубежи советско-германской границы. Такие же распоряжения были отданы и другим командирам соединений и отдельных частей.

На следующий день с группой офицеров выехал в пограничный район, где уже началось сосредоточение наших войск.

На прибалтийском направлении, как нам стало позже известно, наступала фашистская группа армий "Север", в нее входили 16-я и 18-я полевые армии и 4-я танковая группа. Противник, надо сказать, на направлении главного удара имел решающее превосходство в силах и средствах, и ему уже в первый день войны удалось осуществить прорыв в стыке 11-й и 8-й армий на двинском направлении и на левом фланге 11-й армии на вильнюсском направлении.

Прикрыв эти направления дивизиями второго эшелона, командующий Северо-Западным фронтом генерал-полковник Ф. И. Кузнецов решил нанести контрудар по прорвавшейся группировке противника южнее Шяуляя.

Командующий фронтом считал, что контрударом по сходящимся направлениям силами 12-го механизированного корпуса и частей 10-го стрелкового корпуса из района Варняй, Ужвентис и 2-й танковой дивизии совместно с 48-й стрелковой

дивизией из района Кейданяй, Расейняй в общем направлении на Скаудвиле войскам фронта удастся разгромить тильзитскую группировку врага.

Однако контрудар не получил должного развития. И это объясняется рядом причин. По докладу командующего 8-й армией генерал-майора П. П. Собенникова, которому были подчинены войска, наносившие контрудар, положение в армии было тяжелым. Штаб армии к началу контрудара (к 12 часам 23 июня) еще не смог установить связи с теми войсками, которые привлекались к нанесению контрудара. Механизированные корпуса испытывали большие затруднения с горючим{36}.

Выдвижение войск для контрудара происходило в условиях, когда дивизии первого эшелона армии отходили под натиском превосходящих сил противника, стремившегося во что бы то ни стало прорваться к Шяуляю и Вильнюсу.

В такой сложной обстановке начался этот контрудар. Дивизии 12-го механизированного корпуса еще при выдвижении на исходные рубежи подверглись сильному воздействию авиации врага. В районе Жаренай произошло неожиданное столкновение частей 23-й танковой дивизии с противником. Врагу удалось отрезать от боевых подразделений тылы ее 46-го танкового полка. И тем не менее полки этой дивизии все же смогли вовремя сосредоточиться для контрудара в районе Лаукува. Что же касается 28-й танковой дивизии, то ее части вышли в намеченные районы с опозданием на три часа. Часть ее сил оказалась связанной с отражением танковых атак врага в районе Кельме. Здесь же ожесточенные бои с противником вела и 202-я моторизованная дивизия корпуса. Начало контрудара пришлось сдвинуть на три часа.

Действия 12-го механизированного корпуса практически вылились во встречное сражение без должной подготовки. 2-я танковая дивизия 3-го механизированного корпуса вместе с частями 48-й и 125-й стрелковых дивизий контратаковала врага с утра 23 июня, но и ее действия территориального успеха не принесли.

Пример исключительной храбрости и боевого мастерства проявил в этом бою заместитель командира 55-го танкового полка 28-й танковой дивизии майор Б. П. Попов. Командуя авангардом полка в составе 17 танков, он атаковал батарею и семь противотанковых пушек врага. Метким огнем танка им было уничтожено четыре орудия и несколько десятков гитлеровцев. Но и его танк оказался подбитым. Несмотря на это, герой продолжал вести огонь по фашистам и ему удалось уничтожить еще одно вражеское орудие. Уже вечером в районе Калтиненай, когда его

танк уже был охвачен пламенем, Б. П. Попов пытался выскочить из машины, но в схватке с вражескими автоматчиками был сражен. Б. П. Попов посмертно удостоен высокого звания Героя Советского Союза{37}.

Из сказанного видно, что контрудар был осуществлен соединениями после длительного марша, с ходу, разрозненными группами, без достаточно четкого взаимодействия как с общевойсковыми соединениями, артиллерией и авиацией, так и внутри самих корпусов. Крайне сложная, а порою и неясная обстановка, сильное воздействие вражеской авиации, отсутствие необходимого времени на подготовку контрудара, слабость обеспечения боевых действий в материальном отношении, особенно горючим и боеприпасами, приводили к разрозненности действий войск и по сути дела к срыву выполнения боевых задач.

Но и при таких обстоятельствах внезапный удар наших танков приостановил наступление противника на этом направлении. На некоторых участках враг был отброшен на 15 - 20 км на юго-запад, части гитлеровцев понесли немалые потери. Однако ликвидировать прорыв и восстановить положение не удалось.

Во второй половине дня 24 июня на направлении контрудара развернулось ожесточенное встречное танковое сражение. На фронте примерно около 60 км и в глубину до 25 км в боях с обеих сторон одновременно участвовало до 1000 танков. В решительном бою 2-я танковая дивизия в районе Скаудвили наголову разгромила 400-й мотопехотный полк противника. Наряду с этим она уничтожила более 40 танков и 18 орудий{38}. Большой урон врагу также нанесли и 23-я и 28-я танковые дивизии{39}.

Противник, усилив войска на указанном направлении, введя в действие крупные силы авиации, на следующий день возобновил наступление. Ему удалось сломить сопротивление наших войск. После осуществления контрудара 3-й и 12-й механизированные корпуса были использованы для прикрытия отхода 8, 11 и 27-й общевойсковых армий. Обстановка вынуждала мехкорпуса по существу вести арьергардные бои отдельными частями.

Однако, действуя и отдельными частями, наши танковые соединения находили способы не только упорно обороняться, но и наносить по врагу чувствительные удары. Например, танковые полки 28-й танковой дивизии 25 июня, подойдя к м. Пашили, попали под сильный огонь тяжелой артиллерии и противотанковых орудий врага. Но командиры полков проявили большую выдержку и нашли выход из создавшегося положения.

56-й танковый полк смелой и хорошо организованной атакой прорвал вражескую оборону, уничтожив при этом 3 тяжелых и 14 противотанковых орудий. Затем он с ходу ворвался в колонну 8-го моторизованного полка противника, и с подходом 55-го танкового полка наши танковые полки полностью уничтожили эту вражескую колонну.

В результате четырехчасового боя танковые полки 28-й танковой дивизии уничтожили до двух батальонов пехоты и до двух батальонов взяли в плен, захватили 6 тяжелых орудий, 24 противотанковых орудия, несколько танков и другой военной техники, Вместе с тем потеряли и своих 48 танков. К 15.00 части дивизии (около 40 боевых машин, штаб дивизии, разведывательный батальон и остатки 55-го и 56-го танковых полков) сосредоточились в лесу северо-западнее Пашили.

В ходе боев в первые дни войны войска 8-й и 11-й армий оказались разобщенными врагом. Первая отходила на Ригу, другая - на восток в направлении Полоцка. Создалась такая обстановка, когда враг смог беспрепятственно прорваться к Даугавпилсу (Двинску) и захватить переправы через р. Даугаву (Западную Двину).

Гитлеровский генерал Э. Манштейн в воспоминаниях "Утерянные победы" пишет, что задача по захвату Даугавпилса была возложена на 56-й моторизованный корпус, которым он тогда командовал. И это было его заветной целью{40}. На Даугавпилс 56-й моторизованный корпус наступал, имея в своем составе 8-ю танковую и 3-ю моторизованную дивизии. Уже утром 26 июня 1941 г. 8-я танковая дивизия подошла к Даугавпилсу и развернула бои за город. В этой обстановке по указаниям Ставки Главнокомандования Северо-Западным фронтом (наш Прибалтийский особый военный округ в Северо-Западный фронт, как известно, был преобразован в первый день войны) силами 8-й и 11-й армий спешно создавалась оборона по северному берегу Даугавы. На этот рубеж в район Даугавпилса выдвигались и войска 27-й армии. До прибытия управления этой армии фронтом была создана оперативная группа во главе с помощником командующего фронтом генерал-лейтенантом С. Д. Акимовым. На группу возлагалась задача задерживать и объединять отходящие части, подразделения и отдельных бойцов для организации обороны в районе Даугавпилса. Для этой же цели привлекалось и местное население.

По приказу Ставки спешно выдвигался 21-й механизированный корпус под командованием генерал-майора Д. Д. Лелюшенко с целью прикрыть даугавпилсское направление, а частью сил уничтожить вражеский воздушный десант в районе г.

Резекне. Для уничтожения врага в Резекне командир корпуса выделил 42-ю танковую дивизию, а главные силы в составе 46-й танковой и 185-й моторизованной дивизий он направил в район Даугавпилса для занятия обороны совместно с войсками 27-й армии на Даугаве - в полосе Ницгале - Краслава.

Командный состав корпуса имел большой боевой опыт. Генерал Дмитрий Данилович Лелюшенко отличился еще в войне с белофиннами и стал Героем Советского Союза. 185-й мотострелковой дивизией командовал генерал-майор Петр Лукич Рудчук, имевший за плечами боевой опыт первой мировой войны, в гражданскую он командовал бригадой. Свои решения комдив вырабатывал не торопясь, но зато прочно. 42-й танковой дивизией командовал опытный воин полковник Николай Иванович Воейков. Среди командиров соединений особенно выделялся командир 46-й танковой дивизии полковник Василий Алексеевич Концов, хорошо мне знакомый еще по мирному времени, у которого уже сверкала на груди Золотая Звезда Героя Советского Союза за доблесть, проявленную при разгроме японских захватчиков в районе р. Халхин-Гол. Он командовал там танковым батальоном. Все единодушно отмечали, что для этого человека, внешне похожего на кавказца, кажется, ничего другого и не существовало только его танки. Даже в перерывах между боями он не раз сам садился в танк, чтобы показать своим молодым бойцам, в недавнем прошлом пехотинцам и кавалеристам, осваивавшим теперь новую для них специальность, как надо вести огонь с ходу, с коротких остановок, поражать цели из пушек и пулеметов.

События в районе Даугавпилса развертывались стремительно. 26 июня войска оперативной группы генерала Акимова и подошедшие к Даугаве части 5-го воздушно-десантного корпуса контратаковали 8-ю танковую дивизию врага, но силы были неравны и контратака успеха не получила.

С утра 28 июня в наступление перешли соединения 21-го механизированного корпуса, имевшего в этот момент лишь 98 танков и 129 орудий.

В боях под Даугавпилсом особенно отличилась 46-я танковая дивизия под командованием полковника Копцова. Танкисты дивизии дерзкими действиями рассекали боевые порядки противника, громили его огнем и броней, проникали в оперативную глубину, вели бои с перевернутым фронтом, нередко применяли таранный удар. Когда бой достиг высшего напряжения, каждый старался уничтожить как можно больше врагов, показать свою отвагу, удаль и боевое мастерство. Бойцы и командиры в этой схватке соревновались, кто больше уничтожит

врага. Солдаты танкового батальона майора Егорова уничтожили восемь танков противника и до двух рот пехоты, танкисты батальона капитана Москалева - пять танков, три орудия и до роты пехоты. В целом воины 46-й танковой дивизии нанесли такой удар противнику, который, как увидим далее, заставил Манштейна призадуматься. Нужно заметить, что танки КВ и Т-34, хотя в 21-м корпусе их было мало, были грозой для врага, они господствовали там, где появлялись.

Противник был ошеломлен. Он не мог применить против советских воинов авиацию, так как сила натиска, быстрота и стремительность удара не позволили ему опомниться от шока. Фашистам затруднительно было что-либо предпринять и даже определить, где свои, а где чужие.

Танковая атака по своей лихости и натиску напоминала славные атаки буденновской конницы в годы гражданской войны.

Продолжая бои за Даугавпилс, полковник Концов направил отряд под командованием капитана Иванова в составе пяти плавающих танков с десантом мотопехоты, снабженной минами и гранатами, через Даугаву для нападения на тылы и штабы неприятеля. Отряду удалось нанести несколько ударов по фашистским тылам, в том числе и по штабу тыла 56-го моторизованного корпуса Манштейна. Отряд уничтожил до батальона пехоты, до 100 автомашин, захватил две машины с наградами - железными крестами. Фашисты, наверное, авансом определили, кому и сколько давать крестов за Даугавпилс, Остров, Псков и Ленинград. Танкисты шутили, что теперь вместо железных крестов они получат деревянные.

Отряд капитана Иванова навел большую панику в тылу противника и, не понеся потерь, возвратился обратно. Войска 11-й и 8-й армий наносили сильные контрудары и сдерживали наступление врага юго-западнее Даугавпилса, наносили удары по немецким тылам. Это очень встревожило Манштейна.

В боях за Даугавпилс исключительную доблесть проявили боец 91 го танкового полка 46-й танковой дивизии И. П. Середа. Находясь в составе разведывательной группы, он огнем своего пулемета уничтожил 20 гитлеровцев и связкой гранат взорвал вражеский танк. В другой раз храбрый разведчик вернулся из вражеского тыла с двумя пленными. В разгар боя в районе Даугавпилса, когда противник дрогнул и стал откатываться к Даугаве, подошедший вражеский танк пытался остановить наступление одного из наших взводов. Середа решил захватить танк. Сильным и ловким броском он оказался на фашистском танке и ударом саперного топора согнул ствол его пулемета. Вражеская пехота была ошеломлена появлением советского воина

на их танке, но, оправившись, открыла по нему ураганный огонь.

Наши бойцы, воодушевленные подвигом своего товарища, ринулись в атаку и смяли врага. 91-й танковый полк первым ворвался в Даугавпилс. За совершенный героический подвиг Ивану Павловичу Середе было присвоено звание Героя Советского Союза{41}.

В этом же бою отличилась танковая рота 45-го танкового полка 23-й танковой дивизии под командованием старшего лейтенанта Надежкина. За день боя пять танков роты уничтожили десять бронемашин, четыре противотанковых орудия, пять мотоциклов. Лично сам Надежкин огнем своего танка подбил две бронемашины, два противотанковых орудия и уничтожил до взвода пехоты{42}.

Таким образом, в первый же день в Малине и Даугавпилсе частями 21-го мехкорпуса было захвачено и уничтожено 42 танка, 34 орудия, 32 миномета, до 250 автомашин, много другой техники, оружия и боевого имущества. До 1000 солдат и офицеров было убито и ранено, до 300 человек сдалось в плен, в том числе 12 офицеров.

В одной из схваток ранило и полковника Копцова, но он не захотел покидать своего места в бою и, сделав перевязку, продолжал руководить действиями дивизии.

С большим напряжением бой в Даугавпилсе продолжался всю ночь. Противник оказывал упорное сопротивление, особенно защищая мосты через Западную Двину. 46-я танковая дивизия продолжала вести решительный бой с врагом, но уже ощущался недостаток в горючем и боеприпасах. На некоторых машинах оставалось по два-три снаряда на танк. Не лучше было и у артиллеристов.

Обстановка властно требовала быстрейшего введения в бой 42-й танковой дивизии этого же корпуса, которая в этот момент только начала марш из Идрицы. До поля боя ей предстояло пройти около 200 км. Зная о том, что 46-я танковая дивизия на время боев передана в распоряжение генерал-лейтенанта Акимова, руководившего частями 5-го воздушно-десантного корпуса, генерал Лелюшенко принял меры к тому, чтобы наращивать силу ударов. Поставив задачу Копцову очищать Даугавпилс от противника и овладеть мостами через р. Западную Двину, ночью комкор выехал в 42-ю танковую дивизию. И встретил дивизию уже утром юго-западнее м. Дагда.

Кратко подводя итоги трехдневных боев 26 - 28 июня в Даугавпилсе и восточнее его, можно сказать, что 56-му моторизованному корпусу Манштейна силами 21-го механизированного корпуса с фронта и частями 11-й и 8-й армий

с тыла был нанесен серьезный ущерб. Враг потерял около 2500 человек убитыми и ранеными, до 600 фашистов сдалось в плен, в их числе 22 офицера. Нашими частями было уничтожено и захвачено 52 танка, 59 орудий, 58 минометов, более 600 автомашин и много другой боевой техники. А самый главный результат - была сбита спесь с врага, наши войска заставили его отрезвиться от легких побед. Вместо стремительного наступления на Ленинград, противник был остановлен на р. Даугаве и у Даугавпилса до 2 июля. По этому поводу Манштейн в книге "Утерянные победы" писал: "Конечно, если бы мы пытались дальнейшим продвижением удержать фортуну, это было бы азартной игрой. Она могла бы заманить нас в пропасть. Следовательно, цель - Ленинград отодвигалась от нас в далекое будущее, а корпус должен был выжидать у Двинска (Даугавпилса)"{43}.

Конечно, Манштейн отнюдь не добровольно сделал паузу у Даугавпилса, фашистские бронетанковые полчища остановили советские воины. Это подтверждает и хваленый гитлеровский генерал: "Как можно было предвидеть, противник подтянул свежие силы и не только от Пскова, но и от Минска и Москвы. Вскоре нам пришлось на северном берегу Двины обороняться от атак противника, поддержанных одной танковой дивизией. На некоторых участках дело принимало серьезный оборот".

Далее Манштейн писал: "Эти преимущества 4-я танковая группа (сюда входили 41-й и 56-й моторизованные корпуса. - Прим. авт.) в результате своих действий на Двине потеряла, хотя для этого может быть, и были веские причины. Удастся ли еще раз в такой же степени упредить противника, было по крайней мере сомнительно"{44}.

Фашистский генерал вынужден был согласиться, что в результате нанесенных ударов на Западной Двине под Даугавпилсом он целую неделю не мог продвинуться вперед, вынужден был изменить план действий и ожидать подхода главных сил 4-й танковой группы. Особенно беспокоили его действия наших войск по тылам: "Опасность нашего положения стала ясной особенно тогда, когда отдел тыла штаба корпуса подвергся нападению с тыла недалеко от КП корпуса. Наконец, - сообщает далее Манштейн, - 2 июля мы смогли вновь выступить после того, как в корпус прибыло третье механизированное соединение - дивизия СС "Тотенкопф" ("Мертвая голова"), а слева от нас 41-й танковый корпус перешел Двину у Якобштадта (Екобпилс)".

Командующий 27-й армией генерал-майор Н. Э. Берзарин, оценивая создавшуюся обстановку, в приказе, отданном в 2 часа

ночи 2 июля, предупреждал свои войска, что противник сосредоточивает крупные силы танковых и пехотных соединений в районах Екобпилса и Даугавпилса.

- Учтите, что немцы могут начать наступление в любой момент, предупредил по телефону Н. Э. Берзарина штаб фронта, - значит, надо держать людей в готовности.

Из разговора с Берзариным мы узнали, что соединениям 27-й армии поставлена задача прочно удерживать занимаемые рубежи обороны, а если и доведется отходить под давлением превосходящих сил противника, то проводить это надо последовательно, по рубежам, не допуская прорыва вражеских войск на отдельных направлениях и разгрома соединений по частям. Конечно, всем было ясно, что о наступлении в этот период не могло быть и речи.

Но на войне всякое бывает. В 8 часов утра 2 июля генерал Берзарин на основании решения командующего Северо-Западным фронтом генерал-полковника Ф. И. Кузнецова, вынужден был отдать приказ о переходе войск армии в наступление с целью ликвидации противника на северном берегу Западной Двины и овладения Даугавпилсом. Кроме 21-го мехкорпуса, к наступлению привлекались ослабленные в предыдущих боях: 10-я воздушно-десантная бригада, группа генерал-лейтенанта Акимова и еще не подошедшая к линии фронта 163-я моторизованная дивизия.

Как показали последующие события, это решение было ошибочным, оно не учитывало обстановку, сложившуюся на этом участке фронта. Прежде всего войска 27-й армии не имели достаточно времени для подготовки к наступлению, не имели необходимых сил и средств для разгрома превосходящих сил противника, сосредоточившего ко 2 июля на северном берегу Даугавы, на участке Крустпилс, Краслава до десяти боеспособных дивизий, полностью изготовившихся для перехода в наступление.

В самом деле, если вспомнить, как мы организовывали в те дни контрудары, то очень легко можно объяснить и первоначальные успехи гитлеровцев в первые дни войны. В большинстве своем контрудары наносились нашими войсками фронтально, зачастую разрозненно, не сосредоточивая основных усилий на решающих направлениях, по нерасстроенным и сильным группировкам противника. За редким исключением, они не были внезапными для противника. У врага хорошо действовала воздушная разведка. Гитлеровские летчики быстро вскрывали перегруппировки и сосредоточения наших войск, особенно они следили за перемещениями танковых соединений.

В 11 часов 2 июля крупные силы немецко-фашистских войск возобновили наступление, упредив контрудар войск 27-й армии.

В создавшихся условиях наши войска вынуждены были, отбивая атаки танков и пехоты противника, отходить в северо-восточном направлении. Против соединений, например, 21-го механизированного корпуса наступали часть сил 8-й танковой дивизии, 3-я моторизованная дивизия, моторизованная дивизия СС "Мертвая голова" и 290-я пехотная дивизия, входившие в состав 56-го моторизованного корпуса 4-й танковой группы, а также часть сил 121-й пехотной дивизии 16-й полевой армии.

Против оборонявшихся правее 21-го механизированного корпуса незначительных сил 10-й воздушно-десантной бригады и ослабленной в предыдущих боях за Даугавпилс группы генерал-лейтенанта Акимова, прикрывавших шоссе Даугавпилс - Резекне, немецкое командование бросило две танковые и одну моторизованную дивизии, которые прорвали редкие боевые порядки наших войск и вышли к исходу 2 июля в район 15 - 30 км от Резекне.

В результате прорыва в направлении Резекне вражеским войскам удалось обойти правый фланг 46-й танковой дивизии, временно входившей в группу генерала Акимова, которая вынуждена была под натиском 8-й танковой и 3-й моторизованной дивизий немцев отступить в северо-восточном направлении и закрепиться на рубеже озер Рушоны, Лейтани. Более упорное сопротивление частям противника оказали 185-я моторизованная дивизия генерал-майора П. Л. Рудчука и 42-я танковая дивизия полковника Н. И. Воейкова.

Наступавшие соединения противника смогли продвинуться за 2 июля всего на 7 - 10 км. и вынуждены были остановиться к исходу дня северо-восточнее рубежа озер Лейтани, Сиверк, Дридза.

Вспоминая об этом, Манштейн отметил: "... Сопротивление противника оказалось более сильным и планомерным, чем в первые дни войны".

Да, получив первые ощутительные удары, фашисты уже не лезли напролом, а предпочитали действовать осторожно, порой ощупью.

К исходу дня 2 июля ожесточенные бои развернулись за крупные населенные пункты: Сигулду, Мадону, Варакляны и Виляны.

В районе Мадоны 28-й мотострелковый полк 28-й танковой дивизии вел напряженный бой с врагом с 10 до 17 часов. Несмотря на большие потери, полк упорно оборонялся и вышел из боя лишь по приказу командира 12-го механизированного корпуса. В бою был тяжело ранен и захвачен в плен один из командиров рот Харченко. Фашистские изверги жестоко пытали

мужественного командира, но не получили от него никаких сведений. Воины роты бросились на выручку своего командира и вырвали его, уже изуродованного, из рук врага.

Упорные оборонительные бои вели соединения 21-го механизированного корпуса на рубеже Дагда - Краслава. В районе Дагды части корпуса 3 июля захватили в плен 12 мотоциклистов дивизии СС "Мертвая голова". Затем здесь же был разбит разведывательный моторизованный отряд эсэсовцев численностью до 200 солдат и офицеров, а его остатки во главе с его командиром оказались плененными.

Во время допроса пленных выявилось, что дивизия СС "Мертвая голова" была выдвинута в район Даугавпилса из резерва 4-й танковой группы и, войдя со 2 июля в состав 56-го моторизованного корпуса, имела задачу захватить г. Себеж и удерживать его до особого распоряжения.

Воспользовавшись полученными данными, командир 21-го механизированного корпуса Д. Д. Лелюшенко решил внезапно атаковать 42-й танковой дивизией главные силы дивизии СС "Мертвая голова" на марше и уничтожить их.

В то же время дивизия СС "Мертвая голова", не зная об уничтожении ее разведывательного отряда и пленении его командира в районе Дагды, продолжала движение в походных колоннах, имея впереди главные силы авангарда. В колонне двигалось 200 автомашин с мотопехотой, 15 бронетранспортеров с 18 орудиями. Эта колонна была стремительно с фронта и с флангов атакована частями 42-й танковой дивизии и полностью уничтожена{45}. В ожесточенных боях с превосходящими силами противника танковые части Северо-Западного фронта понесли значительные потери, но дух их не был сломлен.

Самое главное сейчас, думал я, сохранить за собой свободу маневра, изматывать врага, сдерживая его с фронта небольшими силами, наносить короткие, но мощные удары во фланги и тылы нашими танками.

Выиграть время! Это значит обеспечить выход наших крупных сил навстречу врагу из оперативной глубины.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что наши войска, в том числе бронетанковые, к оборонительным действиям, да еще протекавшим в такой сложной обстановке, как это было в начальный период Великой Отечественной войны, не были полностью подготовлены. Несмотря на то что войска фронта беспрерывно отходили, механизированным корпусам задачи ставились, как правило, наступательные и часто непосильные. Однако корпуса, хотя и не всегда организованно, часто буквально спасали общевойсковые соединения от разгрома и уничтожения

противником. Кроме того, корпуса изматывались излишними перегруппировками и маневрами. Материальная часть, имевшая и без того ограниченный запас хода, при совершении большого количества переходов выходила из строя на маршах, зачастую даже не принимая участия в боях. Положенная по штату новая материальная часть (танки Т-34) на вооружение поступала в малом количестве, а личный состав знал ее совершенно недостаточно.

Действовать пришлось в основном с легкими танками, которые были уязвимы от всех видов артиллерийского огня противника и даже от крупнокалиберных пулеметов.

Все это вместе взятое отрицательно сказалось на ходе операции и боя в первые дни Великой Отечественной войны. Однако закончить свои краткие воспоминания о начальном периоде войны мне хотелось бы некоторыми обобщениями.

С первых дней войны боевая жизнь танкистов, их героические подвиги, беспредельная любовь и преданность нашей Родине были поистине неисчерпаемы. Боевые подвиги танкистов, их невиданный героизм, несгибаемая воля и уверенность в победе, высокое сознание долга перед Родиной и боевое мастерство заслуживают самого глубокого изучения.

Ни для кого не является открытием, что самым тяжелым и напряженным этапом современных войн бывает начало войны. Почему? Да очень просто. В это время обе воюющие стороны, мобилизуя все силы и средства, стремятся нанести противнику максимальный урон, захватить стратегическую инициативу и достичь перелома в ходе военных действий в свою пользу.

Уроки истории показали, что не всякий противник выдерживает это напряжение. Вспомним начало второй мировой войны, когда фашистская Германия в несколько дней поработила панскую Польшу, через некоторое время фашисты также в кратчайшие сроки оккупировали Францию, Бельгию, Голландию, Данию, Норвегию. Немцы быстро, порой без единого выстрела, принуждали к капитуляции целые государства.

Конечно, привыкнув к столь легким победам, они рассчитывали, что и в Советском Союзе, после вероломного нападения фашистов, события будут развиваться подобным же образом. Но этого не случилось. Несмотря на неблагоприятно сложившуюся в начале войны обстановку, советские воины, проявляя мужество, отвагу, героизм, в ожесточенных сражениях нанесли врагу огромный урон. Наглядный пример - боевые действия танкистов Северо-Западного фронта.

... Рига, Псков, Порхов, Дно, Новгород - таковы этапы нелегкой борьбы наших войск на северо-западе. И нет, пожалуй,

такого города или села, где бы не отличились танкисты, защищая родную землю от ненавистного врага. Господство немецкой авиации в первый период войны очень мешало подвозу горючего и боеприпасов для танков. Порой из-за отсутствия горючего танкисты вынуждены были подрывать свои боевые машины, лишь бы они не достались врагу.

Помню танкистов 28-й дивизии, занявших оборону во главе со своим комдивом И. Д. Черняховским под Новгородом. Не имея танков, они сражались в рядах пехотинцев. Оружие - пулеметы - сняли с бронеавтомобилей. Одетые в черную спецодежду, - их так и называли "черная пехота" - они ничем не уступали в боевом мастерстве "царице полей" и успешно отражали все попытки немецко-фашистских частей перерезать жизненно важную магистраль Москва Ленинград.

У стен древнего Новгорода совершил свой бессмертный подвиг политрук танковой роты 125-го танкового полка 28-й танковой дивизии младший политрук Александр Константинович Панкратов. 24 августа 1941 г. при штурме Кирилловского монастыря противник открыл сильный огонь. Левофланговый, пулемет противника не давал возможности группе храбрецов во главе с Панкратовым войти в расположение монастыря. Тогда Панкратов рванулся к вражескому пулемету, бросил гранату, ранил пулеметчика. Пулемет на время замолчал, но затем снова открыл ураганный огонь. Политрук Панкратов с возгласом "Вперед!" вторично бросился к пулемету врага и своим телом закрыл его. Так погиб славный сын Коммунистической партии А. К. Панкратов, совершив подвиг, который впоследствии вошел в героическую историю Великой Отечественной войны, как подвиг "матросовцев". Родина высоко оценила мужество славного танкиста, присвоив ему посмертно высокое звание Героя Советского Союза{46}.

Шло время, закалялись в боях войска, росло боевое мастерство бойцов, командиров и штабов. С каждым днем усиливалось сопротивление советских войск, их действия становились организованнее и эффективнее. Об этом, в частности, свидетельствует и контрудар 11-й армии под командованием генерал-лейтенанта В. И. Морозова, нанесенный ею под Сольцами 14 - 18 июля 1941 г. В контрударе активную роль играли и бронетанковые войска фронта.

Примечательным является то, что и на этот раз наши танкисты вновь скрестили свое оружие с 56-м моторизованным корпусом врага. Известно, что в середине июля его 8-я танковая дивизия прорвалась в район Шимска и Сольцов.

С целью разгрома противника и срыва его намерений

прорваться к Новгороду Советским командованием был подготовлен контрудар силами 11-й армии, которая была усилена 21-й танковой дивизией, 1-го механизированного корпуса{47}, 70-й стрелковой дивизией под командованием генерал-майора А. Е. Федюнина и 237-й стрелковой дивизией, которой командовал генерал-майор Д. Ф. Попов, спешно переброшенной сюда из района Гатчины.

Командующий 11-й армией создал две ударные группы. Северная группа в составе 21-й танковой, а также 70-й и 237-й стрелковых дивизий наносила удар с рубежа Городище - Уторгош двумя дивизиями на Ситню и одной - на Сольцы. Южная группа в составе 22-го эстонского стрелкового корпуса под командованием генерал-майора А. С. Ксенофонтова наносила удар из района Дно на Ситню. Активную роль в контрударе играла и 202-я моторизованная дивизия под командованием полковника А. М. Филиппова, до того оборонявшаяся в районе Сольцов.

Решительным контрударом 14 - 15 июля наши войска сломили сопротивление врага. 16 часов продолжались непрерывные ожесточенные бои. Советские войска наголову разбили 8-ю танковую дивизию и остатки ее отбросили до 40 км на запад{48}.

И снова Манштейну пришлось жаловаться на свою судьбу. В воспоминаниях "Утерянные победы" он пишет: "15 июля на КП командира корпуса, находившийся на Шелони западнее Сольцы, поступили малоутешительные донесения. Противник большими силами с севера ударил во фланг вышедшей на реку Мшага 8 тд и одновременно с юга перешел через реку Шелонь. Сольцы в руках противника. Таким образом, главные силы 8 тд, находившиеся между Сольцами и Мшагой, оказались отрезанными от тылов дивизии, при которых находился и штаб корпуса. Кроме того, противник отрезал и нас и с юга большими силами перерезал наши коммуникации. Одновременно продвигавшаяся дальше к северу 3 мд была у Мал. Уторгош атакована с севера и северо-востока превосходящими силами противника... Нельзя было сказать, чтобы положение корпуса было весьма завидным. Мы должны были задаться вопросом, не шли ли мы на слишком большой риск? Не слишком ли мы под влиянием прежних успехов недооценили противника на нашем южном фланге?.. В сложившейся обстановке не оставалось ничего другого, как отвести через Сольцы 8 тд, чтобы уйти от угрожаемых нам клещей"{49}.

Ничего не скажешь, признание противника, хотя и сдержанное, но многозначительное. Враг стал уже призадумываться над своими авантюристическими действиями и

опасаться советских клещей. От себя мы скажем, что ни о каком планомерном отводе 8-й танковой дивизии, как это пытается изобразить битый гитлеровский генерал, тогда не было и речи. Дивизия просто вынуждена была бежать, бросая на пути отступления убитых, раненых, вооружение и боевую технику, лишь бы избежать полного уничтожения. И разгром дивизии был настолько сильным, что для восстановления ее боеспособности немецко-фашистскому командованию потребовалось не менее месяца.

Смелый и быстрый маневр резервами Советским командованием, упорное сопротивление наших войск под Лугой и решительный контрудар под Сольцами вынудили вражеское командование отдать 19 июля 1941 г. приказ о приостановлении наступления на Ленинград до подхода на рубеж р. Луги основных сил 18-й армии и полного приведения в порядок 4-й танковой группы, потерявшей в предыдущих боях до 50% своего личного состава и боевой техники{50}.

В июле-августе 1941 г. в сухопутных войсках и авиации произошли крупные организационные изменения. Решением Ставки Верховного Командования от 15 июля 1941 г. были упразднены управления стрелковых, кавалерийских, механизированных и авиационных корпусов. Вместе с этим уменьшалось количество личного состава и боевой техники в стрелковых, кавалерийских и авиационных дивизиях, мотострелковые и моторизованные дивизии превращались в обычные стрелковые дивизии, а танковые дивизии должны были действовать как отдельные дивизии, в последующем почти все танковые дивизии были переформированы в танковые бригады, часть их - в стрелковые дивизии.

Эти изменения объяснялись стремлением Ставки наиболее рационально использовать имевшиеся командные кадры, которых у нас тогда не хватало, прежде всего для нужд укомплектования большого количества вновь формируемых стрелковых дивизий и общевойсковых армий, избавиться от выявившейся в начале войны громоздкости некоторых наших соединений, создать лучшие условия для быстрого укомплектования вооружением и боевой техникой вновь создаваемых стрелковых дивизий, а также для поддержания на более удовлетворительном уровне укомплектованности вооружением и боевой техникой всех соединений и частей.

Разумеется, эти изменения коснулись и бронетанковых войск Северо-Западного фронта. В связи с ликвидацией механизированных корпусов 84, 163, 185 и 202-я моторизованные дивизии были превращены в обычные стрелковые дивизии. В

стрелковые дивизии были преобразованы также 3-я и 28-я танковые дивизии, получившие наименования 225-й и 241-й стрелковых дивизий.

Что касается 42-й и 46-й танковых дивизий, то из них формировались танковые бригады под теми же номерами.

За счет 21-й танковой дивизии были созданы 103-я и 104-я танковые бригады, а 2, 5 и 23-я танковые дивизии были расформированы. После этих изменений в танковых войсках на нашем фронте, как и на других фронтах вообще, до 1942 г. господствовала бригадная и батальонная организация.

Нужно признать, что наши механизированные корпуса оказались действительно громоздкими. Например, 3-й и 12-й мехкорпуса по существовавшим штатам к началу войны должны были иметь по 1005 танков, 76 орудий и 32 850 человек личного состава каждый. Такого количества танков и личного состава потом не имелось ни в танковых, ни в механизированных корпусах, к созданию которых мы приступили в 1942 г. Около 1000 танков обычно имела танковая армия, да и то лишь с 1943 г., когда в наших Вооруженных Силах заново было создано пять танковых армий, в каждую из которых, как правило, входило два танковых корпуса и один механизированный,

В боях с врагом на нашем фронте неоднократно отличалась 8-я танковая бригада под командованием полковника П. А. Ротмистрова (ныне главный маршал бронетанковых войск). Осенью 1941 г. она в составе оперативной группы под командованием начальника штаба Северо-Западного фронта генерал-лейтенанта Н. Ф. Ватутина громила врага в районе Медного, преграждая путь врагу, пытавшемуся прорваться из Калинина в направлении Торжка.

В борьбе с гитлеровцами у нас отличились также танкисты 33-й танковой бригады (затем переименованной в 57-ю гвардейскую танковую бригаду) под командованием подполковника С. Л. Гонтарева. Эта бригада участвовала в историческом параде на Красной Площади 7 ноября 1941 г. и прямо с парада прибыла на наш фронт.

Неоднократно с самой лучшей стороны на многих участках фронта проявила себя 177-я танковая бригада, которой командовал подполковник Я. М. Головчанский, особенно в борьбе за рамушевский коридор в феврале 1943 г. в районе Цемены.

От всей души хочется отметить добрым словом и работников нашего войскового танкового тыла, особенно ремонтников, которые не прекращали своего героического труда ни под вражескими бомбежками и обстрелом, ни в 40-градусные зимние морозы, ни в летнюю жару, ремонтировали танки и снова и снова

вводили их в строй.

Я хорошо помню, как наше управление после отхода из Новгорода разместилось в одной из деревень неподалеку от Валдая. Нами тогда принимались меры к тому, чтобы использовать танки массированно. Как сейчас перед моими глазами атака пяти танковых батальонов. Но местность на Северо-Западном фронте была буквально нашим бедствием, особенно в осеннюю пору. Так и на этот раз танки не могли идти на больших скоростях и, что называется, "ползли на днище". Противник вел прицельный огонь с близкого расстояния. В результате мы потеряли подбитыми и сгоревшими свыше 70 танков. Вот тогда-то и возникла идея организовать в широких масштабах эвакуацию подбитых машин и их срочное восстановление. Возглавил это дело по моему указанию ныне здравствующий генерал-майор инженерно-технической службы А. Савушкин. Он сразу же придал делу самый широкий размах. С поля боя ночью, под огнем противника было эвакуировано до 45 танков. К восстановлению их привлекли и рабочих прославленного в нашей стране Кировского завода в Ленинграде. Вместе с бойцами-ремонтниками кировцы трудились не покладая рук, и через 10 дней восстановленные машины снова ушли на передний край, чтобы принять участие в боевых операциях. Много самоотверженности при этом проявили рабочие-кировцы, а также бригада ремонтников Перминова, который и поныне успешно трудится в Харькове.

Мне запомнился героический подвиг старшего техника-лейтенанта, ныне гвардии полковника в отставке В. П. Тарасенко. Вместе с экипажами 103-го танкового батальона он не раз участвовал в боевых операциях. А в январе 1942 г. я стал свидетелем беспримерного подвига танкиста. Две танковые роты 150-го батальона были введены в бой у с. Юрьевка (район Старой Руссы), при слиянии рек Вергуть и Ловать. Дело происходило ночью.

Глубокий снежный покров да еще 40-градусный мороз мешали танкистам отражать контратаку фашистов. Из-за снежных сугробов танкисты в ночной темени не разглядели места, где сливались реки. В результате десять танков ушло под лед. Несколько членов экипажей погибло.

Эвакоремонтных средств да и опыта эвакуации танков из воды никто в 150-м батальоне не имел. Не было нигде и водолазных костюмов. Как быть? Десять танков Т-34 - это грозное оружие в то время для врага бездействовали.

Тогда мы и вызвали в управление В. П. Тарасенко. Указали места, где затонули танки, объяснили задачу, сказали и о том,

что этот район находится под постоянным воздействием артиллерии и авиации противника. Трудность состояла еще и в том, что буксирные тросы на затонувших танках надеты на крюки, надеть на них другие серьги было трудно. Скорости также включены.

В. П. Тарасенко без колебаний принялся за дело. В ближайшем укрытии ремонтники установили большую брезентовую палатку с железными печками, поставили автомашину с отапливаемой будкой, изготовили багры, лестницы, веревки, подвели тяжелые танковые тягачи. После этого В. П. Тарасенко спустился под воду и зацепил трос за крюк танка. Дальше предстояло затянуть танк в большую отапливаемую палатку и тем самым предотвратить двигатели и все системы от размораживания, спустить воду и восстановить без разборки силовой передачи двигатель, другие узлы и механизмы. 15 января 1942 г. на Вергути пробили широкую прорубь, подтянули тросы и тягачи. Чтобы В. П. Тарасенко не простудился, боевые друзья решили пропитать нижнее белье в универсальной смазке (смесь солидола с консталином), затем обильно смазали телогрейку и ватные брюки. В трубку противогаза был заправлен шланг длиной до шести метров. К ремню поверх телогрейки прикрепили грузы и сигнальную веревку.

Словно это было вчера, как сейчас помню, как по длинной лестнице В. Тарасенко опустился под воду, первый заход, по-видимому, был пробным. Едва опустившись на дно реки, Тарасенко тут же "просигналил" веревкой, как это делают водолазы. Его подняли эвакоремонтники, одетые в белые халаты (ведь все происходило неподалеку от позиций противника).

- В воде темно, меня охватил страх! - прошептал он, едва сняв противогаз. - Однако лезть надо!

И Тарасенко, собрав свою волю, вторично опустился на дно реки. В тот же миг окоченевшими руками он стал надевать трос на крюк корпуса танка. Удалось надеть только один крюк серьгой троса, за второй не смог, - там была надета серьга левого бортового троса.

Когда Тарасенко вытянули из воды, он тут же зашел в крытую машину. Врачи протерли тело танкиста спиртом, и через 20 минут он снова ушел под воду. Так продолжалось десять раз, и это в ледяной воде, на 40-градусном морозе!

Десять боевых машин в короткий срок были восстановлены в полевых условиях, к экипажи их потом успешно громили врага в составе 11-й армии нашего фронта.

За самоотверженный поступок В. П. Тарасенко был позже награжден боевым орденом, повышен в должности. Но, мне

думается, не ради собственной славы или честолюбия он шел на это. Фронту нужны были танки, и В. П. Тарасенко, не задумываясь, пошел на то, что совершил бы и любой другой, кому доверили ответственное дело. У офицера была за плечами солидная школа воспитания заводской коллектив старейшего в стране Кировского завода в Ленинграде. Оттуда, с завода, В. Тарасенко пошел на фронт.

Танков на фронт в 1941 - начале 1942 г. поступало очень мало, так как эвакуированные в тыл страны заводы только начинали их производство. На счету была каждая машина. В этих условиях от ремонтников требовалась тройная изобретательность. И надо сказать, что рабочие делали все от них зависящее, чтобы вернуть фронту боевую технику. Усилиями Захарова, Перминова, Бутенко танки оборудовались уширенными гусеницами - увеличивать гусеницы приходилось потому, что иначе танки вязли в болотах. Ведь всем известно, что территория Северо-Западного фронта - это почти сплошь лесисто-болотистая местность с большим количеством рек, множеством мелких озер с зыбкими торфяными берегами. Все это создавало немалые трудности в ведении боевых операций.

И все-таки и в этих условиях воины фронта находили способы действий и наносили врагу существенный урон. Еще больше эти удары усилились, когда на фронт мощным потоком из тыла стала прибывать боевая техника. Из Сибири и Урала, с Дальнего Востока шли боевые машины, целые колонны, построенные на средства тружеников тыла. Мы особенно следили за подвигами экипажей танков, которые были построены на средства трудящихся. В 1942 г. танкист старший сержант Н. Стрельцов послал письмо челябинским комсомольцам. На башне его танка было выведено "Челябинский комсомол". Вот что писал Н. Стрельцов. "Мы совершили 200-километровый марш по болотам, через леса, путями невиданными для тяжелых машин. В первом бою мы уничтожили до 80 гитлеровцев, 4 пушки, 3 машины с грузами, 7 дзотов, 3 миномета. Это счет одного экипажа, которым командует дважды орденоносец капитан И. Николенко. На танке "Челябинский комсомол", сделанном вашими руками, мы ходили в атаки десятки раз и жестоко били врага. Мы уничтожили 200 гитлеровцев, 12 противотанковых пушек, 8 автомашин с грузами, 27 дзотов, 5 минометов и 1 тяжелое орудие. Это только начало нашего счета".

На фронте успешно сражался экипаж танка "Горьковский пионер", построенного на средства школьников с Волги, и экипажи сотен других машин, которые вручил танкистам народ. В ответ на всенародную заботу танкисты мужественно вели себя в

боях, делали все от них зависящее, чтобы избавить Родину от фашистской коричневой чумы.

Сотни и тысячи подвигов совершили солдаты, сержанты, офицеры танковых частей Северо-Западного фронта. И каждый из них достоин того, чтобы о них и сегодня знал великий советский народ.

Танкисты высоко несли честь своего рода войск. 84, 163, 185 и 202-я моторизованные дивизии, преобразованные в стрелковые, а также 28-я танковая дивизия, ставшая 241-й стрелковой, на всем протяжении существования Северо-Западного фронта находились в числе лучших его дивизий.

Из среды командиров танковых войск Северо-Западного фронта вышли такие видные военачальники, как Герой Советского Союза главный маршал бронетанковых войск П. А, Ротмистров, дважды Герой Советского Союза генерал армии И. Д. Черняховский, дважды Герой Советского Союза генерал армии Д. Д. Лелюшенко и др.

Душой всей нашей боевой деятельности были партийные и комсомольские организации. Коммунисты и комсомольцы, всегда были в первых рядах бойцов против немецко-фашистских захватчиков. Огромную воспитательную работу среди личного состава проводили политические работники. Это они, подобно политруку А. К. Панкратову, в трудную минуту боя поднимали вместе с командирами своих бойцов на подвиги во имя Родины, часто жертвуя собою.

Мне не пришлось потом долго воевать на Северо-Западном фронте. Обстоятельства сложились так, что вскоре меня назначили на другую должность. Но в сердце я навсегда сохранил память о людях, с кем пережил самые трудные дни Великой Отечественной войны. Это были люди сильной воли, мужества, высокого долга, те, чьи сердца оказались крепче брони.

Ф. П. Полынин

6-я воздушная армия в боях 1942-1943 гг.

На фронтах Великой Отечественной войны с честью выполнили свой долг все виды Вооруженных Сил и рода войск. Отстаивали честь, свободу и независимость нашей Родины и советские летчики, дела которых в годы войны останутся примером беззаветной храбрости и отваги.

Авиация, взаимодействуя с сухопутными войсками и флотом, прошла славный боевой путь и сыграла важную роль в разгроме фашистских агрессоров. ВВС своими мощными ударами помогали сухопутным войскам прорывать оборону противника и уничтожать его живую силу и технику. Авиация обеспечивала победоносный исход крупнейших битв и сражений.

Достойное место среди авиационных объединений занимала 6-я воздушная армия, которой мне довелось командовать с начала 1943 г. и до конца войны. В боях с врагами нашей Родины ее соединения и части воевали под знаменами Северо-Западного и Белорусского фронтов, которыми командовали прославленные полководцы и военачальники С. К. Тимошенко, П. А. Курочкин, К. К. Рокоссовский, И. С. Конев Военные советы фронтов всегда чутко относились к нуждам летчиков и по заслугам оценивали их действия. Они тщательно изучали возможности авиации и с большим знанием Дела ставили ей боевые задачи.

Военно-воздушные силы Северо-Западного фронта, которыми командовал в начале войны генерал-лейтенант авиации Т. Ф. Куцевалов (военный комиссар бригадный комиссар И. В. Машнин), потеряв в первые дни войны большое количество самолетов, вскоре восстановили силы, а затем стали наращивать удары по вражеским объектам.

В июне 1942 г. в районе Валдая на базе ВВС Северо-Западного фронта была создана 6-я воздушная армия под командованием генерал-лейтенанта авиации Д. Ф. Кондратюка. Это были трудные для нашей Родины дни, когда враг, несмотря на удары Красной Армии под Москвой, Ростовом, Тихвином и на других участках советско-германского фронта, был еще весьма сильным.

Первоначально в состав 6-й воздушной армии входило несколько авиационных дивизий, насчитывавших 306 самолетов, в том число 74 бомбардировщика, 91 истребитель, 23 штурмовика, 118 ночных бомбардировщиков. В дальнейшем в состав армии в разное время входили авиационные соединения, которыми командовали К. Д. Дмитриев, Г. А. Иванов, Г. А. Сухоребриков, С. Я. Симононко, Г. В. Зимин, И. В. Крупский, И. В. Дельнов и др.

Материально-техническое обеспечение авиационных частей осуществлялось 7-м и 60-м районами авиационного базирования, которыми командовали полковник Адоров и майор В. К. Свешников.

Командование, политорганы, партийные и комсомольские организации соединений и частей вновь сформированной армии развернули большую работу по воспитанию у авиаторов стойкости, мужества и наступательного порыва в бою. Летчики вооружались опытом лучших мастеров воздушного боя, штурмовых ударов и точного бомбометания. В соединениях и частях 6-й воздушной армии начали свою боевую деятельность Ф. А. Агальцов, В. А. Судец, В. И. Давидков, В. Г. Рязанов, Г. В. Зимин, Е. М. Белецкий, В. Н. Кобликов, Ю. Б. Рыкачев, П. Ф. Чупиков, Ф. И. Шинкаренко, Е. Я. Савицкий, К. Д. Дмитриев, Б. А.

Сиднев, А. Г. Рытов, Ф. И. Добыш, А. С. Благовещенский и др.

Командованию и руководящему составу армии с самого начала ее формирования пришлось пересмотреть многие вопросы боевого применения авиационных частей и соединений в суровых условиях Северо-Запада.

В результате кропотливой работы были разработаны многие вопросы тактики; новые положения в последующем составили основу боевых действий истребителей и штурмовиков.

На основе обобщения опыта боев первого года войны были написаны и разосланы в авиационные части памятки: "Использование самолетов ИЛ-2 в борьбе с воздушным противником"; "Организация управления авиацией над полем боя"; "Методы борьбы с транспортной авиацией"; "Подбор пар и наступательная тактика истребительной авиации". Памятки служили для командиров и летчиков руководством в повседневной учебе и в последующих боях.

В моей памяти живы события, которые ярко характеризуют высокий моральный и боевой дух, мастерство и беззаветную отвагу летчиков и командиров частей и соединений 6-й воздушной армии. Известно, что весной и летом 1942 г. войска фронта вели тяжелые бои против крупной группировки немцев, окруженной в районе Демянска, восточнее оз. Ильмень. В конце апреля гитлеровцам ценой огромных потерь удалось пробить так называемый рамушевский коридор и через него соединиться с окруженными соединениями 16-й армии.

Войска Северо-Западного фронта предприняли ряд наступательных операций с целью ликвидации коридора, который враг пытался расширить и для этого бросал в бой сильные резервы.

Наша воздушная армия в этих операциях получила задачу уничтожать живую силу и технику противника на поле боя, его ближайшие подкрепления и переправы через р. Ловать. Части воздушной армии вели также борьбу с транспортной авиацией и действовали в глубоком тылу противника, нанося удары по железнодорожным станциям и аэродромам. Истребительная авиация прикрывала сухопутные войска и обеспечивала боевые действия штурмовиков и бомбардировщиков.

Летом 1942 г. на Северо-Западном фронте инициатива в воздухе принадлежала вражеской авиации. Это объясняется прежде всего количественным превосходством авиации противника. Несмотря на численное превосходство противника, летчики в ожесточенных схватках с врагом успешно выполняли поставленные задачи, проявляя героизм и отвагу.

Не обходилось и без просчетов с нашей стороны. Вопросы

взаимодействия авиационных частей с сухопутными войсками были отработаны еще недостаточно; слабо и не очень умело организовывалось наведение по целям; наши удары не всегда согласовывались по времени и по целям, наносились с недостаточной точностью и, следовательно, но всегда оказывались эффективными; имелось еще много недостатков в тактике ведения воздушного боя. Правда, недостатки в управлении авиацией в немалой степени являлись следствием того, что части и соединения армии в этот период имели недостаточно надежных средств управления.

Неоценимую помощь войскам в уничтожении врага оказывали летчики-штурмовики. Подразделения штурмовой авиации действовали, как правило, с малых высот, на бреющем полете, расстреливая войска и технику противника из пушек, пулеметов и реактивных орудий, сбрасывая бомбы и ампулы с зажигательной смесью. Атаки штурмовиков были внезапными, стремительными, наносили противнику большие потери и сеяли панику в его рядах.

Против штурмовиков гитлеровцы применяли все виды стрелкового оружия, артиллерию. Редко когда штурмовикам приходилось возвращаться на свой аэродром без потерь, а пробоины в самолетах были повседневным явлением. Однажды летчик 228-го штурмового авиационного полка (шап) капитан П. М. Марютин возвратился с боевого задания на самолете, имевшем более 500 пробоин.

В дальнейшем в связи с тем, что противник усилил противодействие нашим самолетам-штурмовикам и поскольку, требовалось увеличить время их пребывания над целью, тактику боевого применения штурмовиков пришлось изменить. Они стали действовать с высоты 900 - 1200 м; становились в круг, прикрывая друг друга от истребителей противника, последовательно с пикирования уничтожали врага. При этом каждая группа штурмовиков непрерывно атаковала противника в течение 30 - 40 минут, а затем ее непосредственно над полем боя сменяла другая группа. Так достигалось непрерывное воздействие штурмовой авиации по боевым порядкам противника в наиболее напряженные периоды боя сухопутных войск.

Штурмовики систематически, днем и ночью уничтожали самолеты противника на его аэродромах. Эту задачу выполнить было нелегко, так как аэродромы противника прикрывались зенитной артиллерией и истребителями, но наши летчики действовали геройски, проявляя высокое мужество. Много летчиков погибло в этих боях, но и потери противника были весьма значительны.

В небе над Ильменем отличились летчики 288-го штурмового авиационного полка, которым командовал майор С. М. Васильев. Штурмовики этого полка первыми обнаружили выдвижение частей 16-й немецкой армии из Демянска в направлении г. Валдая, они вели непрерывные боевые действия по уничтожению войск и техники врага в демянском "котле". В летних боях 1942 г. летчики этого полка проявили мастерство и бесстрашие. В этом полку выросли мастера штурмовых ударов - Герои Советского Союза Петр Марютин, Александр Носов, Василий Романенко, Владимир Васильчиков, летчики Калинин, Мшвинерадзе, Быстров, Федоров, Александров, Голосов и др. За проявленную отвагу в боях, стойкость, организованность и героизм личного состава 288-й штурмовой авиационный полк первым среди частей нашей армии осенью 1942 г. был преобразован в гвардейский. В последующем он получил наименование "33-й гвардейский штурмовой авиационный полк".

"Дольше быть над целью, точнее удар по противнику!" - с таким призывом шли в бой штурмовики-гвардейцы. Однажды на поле боя была вызвана группа штурмовиков под командованием Петра Марютина. Она внезапно атаковала фашистов. После двух заходов штурмовиков огонь противника стал значительно слабее, но гвардейцы на этом не остановились. Пробыв над целью 30 минут, штурмовики сделали шесть заходов и окончательно прижали вражескую пехоту к земле. Наши сухопутные войска, воодушевленные действиями авиаторов, перешли в атаку на позиции противника. Весть о героизме штурмовиков под командованием Марютина прокатилась по всему фронту. "Бить врага, как группа Марютина!" - стало девизом наших штурмовиков.

Обычно считалось, что штурмовикам без прикрытия истребителей трудно пробиться к цели и выполнить поставленную задачу. Однако гвардейцы 33-го штурмового авиационного полка опровергли это. Они доказали, что если штурмовиком управляет умелый и мужественный летчик, то для него не страшен истребитель противника.

Для защиты от истребителей штурмовики стали применять оборонительный "круг", "змейку" и "ножницы". Применяя эти тактические построения самолетов в группе, каждый летчик охранял хвост впереди летящего самолета, а командир группы охранял последний самолет и руководил боем. Эти тактические приемы позволяли штурмовикам успешно выполнять поставленные задачи и выходить победителями в воздушных боях с истребителями. Во второй половине 1942 г. летчики-штурмовики нашей армии сбили в воздушных боях 44 вражеских

самолета.

Умелые летчики, как командир 74-го штурмового авиационного полка майор П. А. Савченко и летчики 33-го гвардейского штурмового авиационного полка лейтенант Гаврилов, сержант В. Я. Рябошапка и другие, доказали, что на самолете Ил-2 можно успешно вести воздушный бой с истребителями и бомбардировщиками противника.

Вспоминается такой случай. Для борьбы с бомбардировщиками противника была выслана группа, состоявшая из четырех штурмовиков и четырех истребителей. Ведущий группы майор П. А. Савченко на самолете Ил-2 с ходу атаковал Ю-88, который загорелся и пошел к земле. В это время группа фашистских истребителей набросилась на нашу восьмерку. Первыми были атакованы штурмовики. Немцам удалось подбить один самолет Ил-2, который совершил посадку на своей территории. Остальные три штурмовика продолжали бой. Через несколько минут боя три фашистских истребителя горящими упали на землю. Два из них сбил майор П. А. Савченко и один - лейтенант Мшвинерадзе. Наши штурмовики благополучно произвели посадку на своем аэродроме.

Наблюдатели с земли подтвердили результат воздушного боя и особенно отметили прекрасно проведенный бой Ил-2 майора Савченко с немецкими истребителями, два из которых были сбиты.

С лейтенантом Гавриловым произошел такой случай. При возвращении с боевого задания ему пришлось вступить в бой с двумя истребителями Ме-109. Гитлеровцы надеялись на легкую победу. Один за другим они атаковали штурмовик. Но Гаврилов дрался мастерски. Умело маневрируя, он не позволил фашистам вести прицельный огонь. Отважный летчик своевременно разворачивал самолет и огнем пушек отбивал атаки истребителей. Старания фашистов оказались напрасными. Расстреляв весь боекомплект, они вынуждены были прекратить бой. Гаврилов благополучно вернулся на свой аэродром без единой пробоины.

Однажды сержант В. Я. Рябошапка (впоследствии Герой Советского Союза), идя замыкающим в группе штурмовиков, был атакован самолетом Ме-110, который после атаки проскочил вперед штурмовика. Рябошапка воспользовался удобным моментом и открыл огонь по самолету противника. После меткой очереди советского летчика фашистский самолет загорелся и врезался в землю.

После этого боя сержант Рябошапка часто ходил замыкающим и не только отражал атаки противника, но и

нападал сам. Действуя как охотник, он за короткий период сбил четыре самолета противника.

Политотдел 243-й штурмовой авиационной дивизии (шад) широко популяризировал опыт лучших летчиков. Была проведена летная конференция, на которой майор П. А. Савченко обстоятельно доложил о методе борьбы самолетов Ил-2 с истребителями противника.

Обороноспособность самолета Ил-2 еще больше возросла, когда по инициативе одного из лучших летчиков-штурмовиков нашей воздушной армии командира 243-й шад подполковника И. В. Дельнова в короткий срок своими силами была оборудована вторая кабина для воздушного стрелка. Уже первые полеты выявили весьма ценные качества модернизированного штурмовика. Благодаря защите задней полусферы повысились боевые возможности самолета, увеличилась его огневая мощь, облегчилась борьба с истребителями противника.

Опыт и инициатива 243-й шад были высоко оценены командованием Военно-Воздушных Сил Красной Армии. Конструкторское бюро С. В. Ильюшина получило задание разработать более усовершенствованную заднюю кабину. Это увеличило обороноспособность штурмовика и позволило летчикам более уверенно действовать в бою. Вскоре опыт нашей воздушной армии был распространен во всех ВВС.

Серийный выпуск двухместных Ил с кабиной стрелка был налажен, что дало возможность нашей штурмовой авиации наносить немецко-фашистским войскам большие потери. Много сотен вражеских самолетов сбили стрелки из второй кабины штурмовика. Летчики с благодарностью вспоминали инициативу подполковника И. В. Дельнова.

Несмотря на отличные боевые качества и отвагу летчиков, в летних боях 1942 г. у нас получалось не все гладко. В результате недостаточно отработанных, а порой и непродуманных тактических приемов мы несли неоправданные потери. Отрицательное влияние оказывало и то, что истребительные полки были тогда вооружены иностранными самолетами "киттихаук", "харрикейн", по своим летным качествам уступавшим самолетам противника. Это привело к тому, что среди некоторой части летчиков появилось неверие в свои силы. Поэтому вполне естественно, что командование воздушной армии решило во всех авиационных соединениях провести летно-методические конференции, на которых тщательно изучить тактические приемы истребителей противника и те промахи, которые допускались нашими летчиками.

В результате глубокого изучения, анализа и обсуждения

проведенных воздушных боев выявилось, что основным недостатком наших истребителей, особенно молодых летчиков, являлась плохая осмотрительность. Находясь в воздухе над территорией противника, некоторые летчики не ожидали атаки врага со стороны нашей территории. Именно по этой причине в воздушных боях было сбито большинство летчиков. Ведя бой над территорией противника, некоторые истребители преждевременно выходили из боя, ставя себя в невыгодное положение.

Придерживаясь оборонительной тактики, истребители становились в оборонительный круг, отбивали вражеские атаки, но сами не решались переходить в решительную атаку на врага. Многие летчики, ведя бой на виражах, стремились атаковать врага сверху, сзади. При этом выход атакующего истребителя из пикирования недостаточно прикрывался другими самолетами.

И, наконец, еще одно. Истребители открывали огонь по самолетам противника с чрезмерно больших дистанций, преждевременно демаскировали себя и позволяли самолетам противника перестроиться и занять более выгодную для боя позицию.

Проведение летно-методических конференций содействовало нахождению более совершенных и эффективных тактических приемов борьбы с самолетами противника. Командование, партийные и комсомольские организации частей и соединений нашей армии проводили большую воспитательную работу, обучая летчиков-истребителей наступательной тактике.

Практика первого года войны показала, что в воздушном бою основной боевой единицей истребителей является пара самолетов - ведущий и ведомый. Первые такие пары начали сколачиваться в 240-й истребительной авиационной дивизии.

Из числа лучших пар была создана группа истребителей-асов. Ее задача состояла в том, чтобы резкой наступательной тактикой сбить спесь у врага, показать нашим летчикам, как нужно истреблять фашистов. В эту группу вошли лучшие летчики дивизий И. Ф. Мотуз, Б. И. Ковзан, Н. П. Шаров, Короткое, Дергач, Чубаков, Пучков и Чулаев. Инициаторами создания таких групп явились командиры авиационных полков подполковник Г. Н. Конев и майор С. Н. Найденов.

Первый пример активного наступления парами показала четверка истребителей под командованием старшего лейтенанта Н. П. Шарова, которая встретила восемь истребителей противника и смело их атаковала. В этом бою они сбили три вражеских самолета, а сами невредимыми вернулись на аэродром.

Однажды восьмерка наших истребителей под командованием майора С. Н. Найденова вступила в бой с 18 фашистскими самолетами Ме-109. В этом бою наши летчики продемонстрировали высокое мастерство и наступательный порыв. Особенно отличился старший лейтенант И. Ф. Мотуз (ныне полковник, Герой Советского Союза). Тяжелораненый, сражаясь против четырех "мессершмиттов", он уничтожил один самолет, а другой подбил.

Высокое боевое мастерство и беспредельный героизм продемонстрировал в боях под Старой Руссой сын выдающегося революционера и полководца гражданской войны М. В. Фрунзе - Тимур Фрунзе. Прикрывая в паре с лейтенантом Шутовым сухопутные войска, он заметил большую группу фашистских бомбардировщиков, сопровождаемых истребителями. Бесстрашные соколы развернулись и решительно устремились на врага. С первой же атаки им удалось сбить ведущего и внести замешательство в ряды противника. Бомбардировщики начали сбрасывать бомбы на свои войска. Но силы были неравные. Гитлеровцам удалось поджечь самолет Тимура Фрунзе. Отважный летчик погиб смертью храбрых. Советское правительство посмертно присвоило ему звание Героя Советского Союза.

Беспримерное мужество, отвагу, высокое летное мастерство проявил в те дни летчик 744-го истребительного авиационного полка лейтенант Б. И. Ковзан (в последующем Герой Советского Союза). Патрулируя над железной дорогой, ведущей к Москве, он навязал бой трем бомбардировщикам Ю-88. Нарушив их строй, бесстрашный летчик стремительно атаковал ведущего. Но в решающий момент отказало вооружение. И тогда он использовал могучую силу винта, заменившего ему огонь пулемета. Словно мечом, он отсек хвост "юнкерса". Потеряв управление, Ю-88 пошел в последнее пике. Это был второй вражеский самолет, уничтоженный Ковзаном таранным ударом. Всего за время войны отважный истребитель четыре раза успешно применил таранный удар по самолетам врага.

Хорошо воевали летчики 436-го истребительного авиационного полка (затем переименованного в 67-й гвардейский истребительный авиаполк) во главе с командиром подполковником А. Б. Пановым. Они имели большой опыт боевых действий на Ленинградском фронте, под Москвой и Сталинградом. В течение сравнительно короткого времени летчики быстро освоились со специфическими условиями Северо-Западного фронта и начали успешные боевые действия по прикрытию наземных войск, сопровождению штурмовиков и ведению разведки. Летчики этого полка отличались высокой

выучкой, организованностью, дисциплиной, смелостью и отвагой.

Однажды старший лейтенант В. Добровольский во главе шестерки истребителей сопровождал группу штурмовиков, имевшую задачу нанести удар по долговременным огневым точкам противника, которые мешали продвижению наших войск. В завязавшемся воздушном бою с восьмеркой фашистских истребителей, на малой высоте, он сбил один самолет МЕ-109, другой сбил его ведомый. Но в процессе боя, после очередной атаки самолет Добровольского загорелся. Выброситься на парашюте летчику не позволяла малая высота. По этой же причине не представлялось возможным дотянуть самолет на свою территорию. Летчик мог посадить горящую машину в районе боя, на территории, занятой противником, но в этом случае неминуем фашистский плен, который летчики считали хуже смерти. В этой сложной обстановке Добровольский принял мужественное решение. Его горящая машина у всех на глазах взмыла вверх. Мастерски выполнив переворот через крыло, она устремилась к земле. Наступившую в эфире тишину разорвал спокойный и мужественный голос Добровольского: "Прощайте, дорогие друзья!" А еще через несколько секунд на месте долговременной огневой точки противника колоссальной силы взрыв потряс воздух. К небу взметнулся огромный столб пламени и черного дыма. Ценой своей жизни герой заставил замолчать противника.

Это позволило нашей пехоте подняться в атаку и развить наступление на этом участке фронта.

Герой Советского Союза, старший лейтенант Павел Шевелев, сопровождая штурмовиков, вступил в неравный бой с превосходящими силами истребителей противника. Он обеспечил меткий удар штурмовиков по важному опорному пункту немцев и в этом бою одним из первых на фронте сбил новый самолет ФВ-190. Он доказал, что и этот хваленый самолет можно успешно сбивать, тем самым вселил в наших летчиков уверенность в возможность победы над этим новым самолетом. В одном из последующих боев он был ранен в бедро разорвавшимся снарядом. Врачи настаивали на госпитализации, но он отказался, заявив, что не может оставить своих товарищей в такой трудной обстановке, и продолжал вместе с ними летать на задание.

В начале января 1943 г. группа Героя Советского Союза старшего лейтенанта Н. Ф. Кузнецова сопровождала штурмовиков, имевших задачу нанести удар по противнику, вклинившемуся в нашу оборону. Завязался воздушный бой с истребителями противника, прикрывавшими войска. Противник начал наращивать силы своих истребителей, которые группами тянулись к этому участку фронта, чтобы воспрепятствовать

действиям наших штурмовиков.

По распоряжению с командного пункта Н. Ф. Кузнецов в составе пары устремился навстречу подходившим резервам истребителей противника, чтобы перехватить и сковать их боем еще до того, как они дойдут до района действий штурмовиков.

Маскируясь в лучах солнца, Кузнецов внезапно для противника атаковал пару "мессершмиттов" и сбил ведомого. Выше примерно на полторы тысячи метров появилась еще четверка "мессершмиттов". Она обрушилась на пару советских истребителей. Завязался неравный, тяжелый воздушный бой над территорией противника. Пара наших истребителей вела бой против пяти фашистских. Непрерывные атаки следовали одна за другой. И пока наши истребители оказывали упорное сопротивление самолетам врага, штурмовики сделали свое дело и успешно выполнили поставленную им задачу.

В одной из атак немцам удалось сбить самолет ведомого, который выбросился на парашюте. Теперь вся пятерка фашистов набросилась на самолет Кузнецова.

Они атаковали двумя парами одновременно спереди и сзади, а пятый самолет фашистов атаковал спереди сверху. И вот сильный удар снаряда потряс самолет. Вспыхнуло пламя. Левая рука Кузнецова повисла как плеть - она перебита. Двигатель потерял тягу. И тем не менее летчик, не теряя самообладания, за счет высоты стремился дотянуть горящий самолет до своей территории. Искусно маневрируя, он начал уходить от фашистов. Но атаки следовали одна за другой. Уже над линией фронта пара фашистов атаковала горящий самолет Кузнецова спереди сверху. Летчик последним усилием за счет скорости выхватил свою пылающую машину вверх, одновременно открыв огонь по фашисту.

На земле сотни советских бойцов видели, как сноп огня с горящего краснозвездного истребителя поверг на землю фашистского стервятника. Тем временем Кузнецов, перетянув через линию фронта, посадил свою машину на занесенное снегом болото. Пройдя в сторону дороги около семи километров, герой потерял сознание. Подобрали его лыжники и направили в госпиталь. Врачи, делая операцию, удивлялись тому, как человек мог выжить при таком ранении.

Снаряд, ударив по орденам, разорвался на левой стороне груди, вырвав часть ребер. Один из осколков, пробив партийный билет, застрял в нескольких миллиметрах от сердца. Закончив операцию, хирург сказал: "В рубашке родился, будет теперь жить сто лет". После выздоровления летчик Кузнецов снова вернулся в строй и еще сильнее громил ненавистных фашистов. Он закончил

войну в Берлине. На его счету 36 сбитых фашистских самолетов.

Так сравнительно небольшими силами летчики 6-й воздушной армии сломили превосходство врага в воздухе. Они на деле показали, что умеют воевать не числом, а умением.

Более года авиационные части 6-й воздушной армии вели активную борьбу с транспортной авиацией противника. Эта борьба началась в феврале 1942 г., с момента окружения основных сил 16-й армии противника в районе Демянска. Борьба с транспортными самолетами продолжалась до второй половины февраля 1943 г., т. е. до ликвидации демянского плацдарма.

Транспортная авиация противника снабжала окруженные войска боеприпасами, горючим и продовольствием. Вражеская авиация продолжала активную деятельность и тогда, когда фашистским войскам удалось пробить рамушевский коридор.

Хотя войска Северо-Западного фронта не смогли уничтожить окруженную группировку фашистов, они своими действиями сковали значительные силы врага, перемалывали его многочисленные резервы, не допуская их переброски под Сталинград, где развернулась в середине 1942 - начале 1943 г. величайшая битва. Удар за ударом наносили наши войска под основание демянского выступа.

Напряженные бои заставили гитлеровское командование использовать под Демянском значительную часть транспортной авиации в ущерб главной группировке, действовавшей на южном крыле советско-германского фронта.

Целыми днями кружили в небе вражеские самолеты, сбрасывая на парашютах вооружение, боеприпасы и продовольствие своим войскам, оборонявшимся восточнее р. Пола. Большое количество транспортных самолетов Ю-52 (каждый из них перевозил 2 тонны груза или 15 солдат с вооружением) могло поддерживать жизнь и боеспособность значительного количества войск.

Вначале транспортные самолеты летали без всякого прикрытия, мелкими группами и даже в одиночку, используя облачность и снегопады. Непрерывным потоком вдоль рамушевского коридора низко над лесом тянулась вереница тяжело груженных "юнкерсов". Надо было срочно организовать охоту за транспортными самолетами, и авиационные части нашей армии активно взялись за выполнение этой нелегкой работы. Истребителям была поставлена задача по перехвату транспортной авиации в воздухе, а бомбардировщикам и штурмовикам - уничтожение ее на аэродромах.

Борьба с самолетами Ю-52 требовала от наших летчиков большой выдержки и умения. На их перехват посылались

наиболее опытные экипажи. В борьбе с транспортной авиацией особенно отличились летчики 744-го и 161-го истребительных авиационных полков, которыми командовали майор С. Н. Найденов и подполковник П. К. Московец.

Усилия наших летчиков не пропали даром. Например, лейтенант Усенко за один вылет сбил три транспортных самолета противника. Не менее успешно действовали летчики-штурмовики 33-го гвардейского штурмового авиационного полка Галин, Олейник, Нестеров, Фролов, которые сбили в воздухе по три самолета Ю-52, а младший лейтенант Жигарин только за один вылет уничтожил девять самолетов, из них два в воздухе и семь на земле. Вот как это было.

Пристроившись в хвост к одному из транспортников, Жигарин пришел за ним на вражеский аэродром в тот момент, когда там большая группа самолетов разгружалась, вовсе не ожидая нападения. Штурмовые удары находчивого и отважного советского летчика оказались весьма эффективными.

Вскоре "охота" за транспортными самолетами противника приобрела массовый характер. Каждый день враг терял десятки транспортных самолетов, но еще с большим упорством продолжал полеты, стремясь оказывать помощь блокированной группировке войск.

Однако значительные потери заставили врага резко изменить тактику действий. Он перенес трассу полета транспортных самолетов. Теперь она пролегала над глухой лесистой местностью, на большом удалении от наших аэродромов и расположения войск. По новой трассе, уже не опасаясь огня наших зенитных средств, на бреющем полете шли целые караваны "юнкерсов".

Нужно признать, что такие действия вражеского командования намного осложнили дальнейшую борьбу с вражеской авиацией. Дело прежде всего в том, что подготовка аэродромов в районе отдаленной трассы требовала от нас времени и осложнилась бездорожьем. Учитывая сложившуюся обстановку, мною было отдано указание об усилении блокирования аэродромов противника с воздуха и уничтожении транспортных самолетов на земле.

Однажды наши разведчики обнаружили большое скопление транспортных самолетов на аэродроме Глебовщина. Там находилась основная база транспортной авиации противника. Аэродром сильно прикрывался зенитными средствами. Было решено произвести на этот аэродром внезапный массированный налет штурмовиков и бомбардировщиков 33-го гвардейского штурмового и 58-го бомбардировочного авиационных полков.

Наших летчиков не испугало сильное зенитное прикрытие. Для подавления зенитных средств нами специально выделялись группы штурмовиков. Подходя к цели, они первыми открывали огонь, деморализуя зенитчиков противника, а затем обрушивались на самолеты. Вскоре массированными и дерзкими ударами штурмовиков и бомбардировщиков аэродром Глебовщина совершенно был выведен из строя.

На фотоснимках, доставленных разведчиками, было видно более 70 разбитых самолетов, обломки которых были разбросаны по всему летному полю и на опушках леса, примыкающего к аэродрому.

Враг пошел на хитрость. Он решил создать у нас впечатление, что забросил аэродром. С этой целью с летного поля не убирались разбитые самолеты. На самом же деле среди большого количества "мертвых" самолетов гитлеровцы ставили и исправные и продолжали полеты. Для взлета и посадки использовалась узкая полоса вдоль леса.

Опытные разведчики старший лейтенант И. В. Стружкин и капитан В. П. Погорелов помогли нам раскрыть фашистскую уловку и принять соответствующие меры. Налеты наших самолетов на, казалось бы, "мертвый" аэродром возобновились. Потеряв на аэродроме Глебовщина более сотни транспортных самолетов, гитлеровское командование в конечном счете действительно оказалось вынужденным отказаться от этого аэродрома.

В снабжении блокированной группировки врага наступили перебои. Теперь они вынуждены были разгружать самолеты в воздухе, т. е. сбрасывать грузы своим войскам с воздуха. При этом большое количество грузов терялось в снегах и лесах или попадало в руки партизан. Уничтожая транспортные самолеты на аэродромах, мы не прекращали борьбу с ними и в воздухе. Однажды один сбитый Ю-52 упал в районе д. Поддорье. Вместе с самолетом разбилось 15 гитлеровских офицеров, награжденных 47 железными крестами. Среди личных вещей этих офицеров партизаны обнаружили награбленное добро, в том числе серебряные самовары, старинные часы и домашнюю утварь.

Наша воздушная блокада и огромные потери транспортных самолетов привели к тому, что гитлеровцы активизировали действия и начали вести упорные бои за расширение рамушевского коридора, но их усилия не увенчались успехом. Бои за коммуникации и расширение рамушевского коридора стоили фашистам дорого. Дивизия за дивизией перемалывались в демянском "котле", а улучшить коммуникации врагу так и не удалось.

Войска противника, предназначенные для выхода к нашим важнейшим коммуникациям, всю зиму и весну просидели в "мешке", не одержав здесь ни одной победы и не захватив ни пяди нашей земли.

В течение зимы 1942/43 г. Красная Армия, окрепшая и закалившаяся в огне сражений, очистила от врага сотни городов и сел, начав изгнание немецко-фашистских захватчиков из пределов нашей страны.

Северо-Западный фронт в январе 1943 г. получил пополнение личным составом и материальной частью. Войска фронта производили перегруппировку сил. На усиление фронта подтягивались свежие резервы.

Нарастали силы и 6-й воздушной армии, значительно пополнявшейся самолетами и летным составом. К январю 1943 г. не только возросло количество самолетов, но и улучшилось их качество. На вооружение авиационных частей стали поступать новые, более совершенные самолеты Як-7, Як-9, ЛаГГ-3, Пе-2. По тактико-техническим данным они превосходили самолеты врага. Новые советские истребители имели большую вертикальную скорость, чем однотипные немецкие самолеты.

Советские летчики получили возможность в бою с вражескими истребителями широко применять вертикальный маневр и перейти к более активным формам боя.

Летчики-истребители, овладев новыми тактическими приемами воздушного боя, стали грозой для вражеских летчиков. Бомбардировщики и штурмовики научились успешно действовать как малыми группами, так и в составе подразделений и частей.

6-я воздушная армия тогда имела в своем составе две истребительные дивизии, одну штурмовую, одну дивизию ночных бомбардировщиков и два отдельных полка. Дивизиями и полками в этот период командовали опытные и храбрые командиры, получившие в боях большую закалку: 239-й истребительной авиационной дивизией - полковник Георгий Александрович Иванов, 240-й истребительной авиационной дивизией - полковник Семен Яковлевич Симоненко, 243-й штурмовой авиационной дивизией - подполковник Иван Васильевич Дельнов, затем Георгий Александрович Сухоребриков, 242-й ночной бомбардировочной авиационной дивизией - генерал-майор авиации Кузьма Дмитриевич Дмитриев, 58-м Краснознаменным бомбардировочным авиационным полком - майор Николай Гаврилович Серебряков, 72-м отдельным разведывательным авиационным полком - подполковник Иван Дмитриевич Завражнов. Кроме того, на время операции по уничтожению демянской группировки в состав армии из резерва Ставки

прибыли три авиационных корпуса и пять полков ночных бомбардировщиков. В целом наша воздушная армия насчитывала в то время около тысячи самолетов.

В целях лучшей организации управления авиацией и взаимодействия ее с наступающими армиями фронта вся авиация армии была разделена на группы: северную - в составе частей 6-й воздушной армии и южную, состоявшую из приданных штурмового и истребительного авиационного корпусов. Бомбардировочный авиационный корпус составлял группу усиления. В соответствии с этим было организовано и управление авиационными соединениями - каждая группа имела свой командный пункт.

Для руководства боевыми действиями и оказания практической помощи командованию армии на Северо-Западный фронт прибыл командующий ВВС Красной Армии генерал (ныне главный маршал авиации) А. А. Новиков.

В те дни с Южного, Юго-Западного, Центрального фронтов, с Кубани и Донбасса поступали радостные вести: наши войска освобождали от фашистских оккупантов один за другим советские города. Летчики и техники, механики и воины частей тыла с радостью повторяли сообщения Сов-информбюро об освобождении го родов Купянска, Курска, Чугуева, Лозовой, Краснодара и др. Все с нетерпением ждали начала наступления войск Северо-Западного фронта. Каждому хотелось, чтобы и в древних русских землях Приильменья прозвучала команда "Вперед!" Все чувствовали сердцем, что день наступления не за горами. С большим подъемом была встречена весть о предстоящем наступлении. Как всегда, этот патриотический подъем вылился прежде всего в желание людей вступить в ряды Коммунистической партии, которая вела народ к победе. Летчики в заявлениях писали: "Высокое звание коммуниста оправдаю в воздушных сражениях".

Политорганы и партийные организации вели большую работу среди личного состава, мобилизуя его на лучшее выполнение боевых задач. Они воспитывали у летчиков высокий наступательный порыв и смертельную ненависть к врагу, готовность идти на самопожертвование для достижения победы.

Вспоминается такой эпизод: в 5-й гвардейской истребительной авиационной дивизии летчик сержант Царев получил письмо от отца, который писал: "Много жителей нашей деревни немцы расстреляли, деревню сожгли". В полку состоялся митинг. Царев выступил перед личным составом полка:

"Пока я живу, и дышу, все мои мысли будут направлены на то, чтобы беспощадно мстить немцам. Я отплачу им за все - за

разрушенный дом и деревню, за горе моей Родины".

В жестоком воздушном бою летчик 42-го истребительного авиационного полка комсомолец Власов дерзким таранным ударом сбил фашистский самолет. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Командир 42-го истребительного авиационного полка Герой Советского Союза подполковник Ф. И. Шинкаренко, выступая на комсомольском собрании, говорил: "Я спросил у Власова, почему он пошел на таран. И он мне ответил: "Немец уходил и, если бы я его упустил, мне было бы стыдно смотреть в глаза товарищам". Вот это и есть поддержание чести и славы своего полка, говорил Шинкаренко, - такими должны быть все".

Летчики вновь влившихся в состав 6-й воздушной армии авиационных соединений производили облет района предстоящих боевых действий, привыкали к обстановке Северо-Западного фронта.

Наступила страдная пора для летчиков 72-го отдельного дальне-разведывательного авиационного полка, командиром которого был подполковник Иван Дмитриевич Завражнов (в последующем Герой Советского Союза). Несмотря на плохие погодные условия, участились их вылеты на разведку. Они тщательно просматривали и фотографировали укрепленные районы фашистов, разведывали аэродромы, наносили на карты цели, которые должны поражать наши штурмовики и бомбардировщики.

В общем вражеская территория просматривалась нами в глубину на сотни километров. Но большому подъему и боевому порыву летчиков-разведчиков мешала погода. С Ильменя и Ловати дули ветры, мела пурга. Снег серой непроницаемой пеленой застилал небо. В некоторых случаях вылетать на разведку нельзя было даже на самолетах Пе-2.

Летчики томились в заснеженных избах, тоскливо вслушивались в завывание ветра в трубе. Находящаяся на фронте поэтесса Маргарита Алигер выразила это настроение летчиков в стихотворении "В нелетный день", посвященном И. Д. Завражнову:

Снег летел налево и направо, Хмуро от зари и до зари Трудный день для летного состава: Жди погоды, думай да кури.

На следующий день работники армейской газеты с аэродрома по телефону от И. Д. Завражнова получили стихотворный ответ:

Снег вновь по утру заблистал,

Прозрачна даль в краях высотных.

Друзья мои, наш час настал,

Мы наверстаем день нелетный

Весь личный состав армии тщательно готовился и с

нетерпением ждал дня наступления.

От имени командования армии я обратился с письмом ко всем летчикам:

"В предстоящих ожесточенных наступательных боях нам принадлежит почетная и ответственная роль. Будем гордиться этим. Полностью используем нашу грозную технику. Еще раз докажем, на какие чудесные дела способны верные сыны народа. Я выражаю твердую уверенность, что в предстоящих боях все подразделения и части пашей армии покроют себя неувядаемой славой".

Это письмо зачитывалось во всех частях армии. Летчики, штурманы, воздушные стрелки рвались в бой. Инженерно-технический состав и работники авиационного тыла были готовы обеспечить всем необходимым любое количество боевых вылетов. Личный состав инженерно-аэродромной службы энергично работал по подготовке новых аэродромов и посадочных площадок. Им пришлось вступить в ожесточенную борьбу с природой. Зима 1943 г. в районах Приильменья была суровой и непостоянной. Сильные морозы с метелями и вьюгами чередовались с внезапными оттепелями.

Вспоминается такой эпизод. Я отдал приказ в трехдневный срок подготовить для истребителей давно заброшенный аэродром. Аэродром и подъезды к нему были покрыты метровым слоем плотно смерзшегося снега. Для того чтобы сосредоточить технику и людей к месту строительства аэродрома, необходимо было расчистить 30-километровый участок дороги, соединяющей аэродром с магистральным шоссе.

Приходилось работать в пургу и непогоду. Двое суток люди прокладывали путь к аэродрому себе и машинам. По обочинам дороги вырастали снежные стены. Люди шаг за шагом пробивались по снежной выемке к аэродрому, но пурга вновь заносила дорожку. Все было мобилизовано для выполнения поставленной задачи. За лопаты взялись бойцы, командиры, политработники и вольнонаемные.

На строительстве работал и заместитель начальника тыла воздушной армии по политической части подполковник И. Д. Ветлужский, начальник 60-го района авиабазирования подполковник Гутников. Ценой огромных усилий и воли люди победили - дорога к аэродрому была пробита.

Теперь надо было решать главную задачу - подготовить аэродром. Не дав себе ни часу отдыха, все энергично принялись за работу. Здесь же, на месте, из бревен были изготовлены нехитрые, но необходимые приспособления: гладилки, волокуши, угольники. Сознание высокого долга придавало людям силы.

Приказ был выполнен в срок. Через трое суток напряженного труда аэродром был готов к приему истребителей.

В ночь с 14 на 15 февраля ночная авиация армии (самолеты По-2), несмотря на снегопад и низкую облачность, произвела 570 боевых самолето-вылетов. На фашистов и их укрепления было сброшено более тысячи бомб. И когда зимний рассвет сквозь серую мглу снегопада приоткрыл землю, то были отчетливо видны результаты бомбовых ударов наших летчиков.

Весьма лестно отозвался о летчиках 6-й воздушной армии главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов, который в 1943 г. был на Северо-Западном фронте представителем Ставки Верховного Главнокомандования. В книге "На службе военной", вспоминая о боевой деятельности наших летчиков, он писал: "Я искренне восхищался работой нашей авиации. На своих крошечных самолетах По-2 летчики производили до 10 вылетов за ночь. Нельзя забыть этих ночных полетов: некоторые самолеты возвращались продырявленными, как решето, но на них летали, пока работал мотор".

Один из таких полков проложил свой курс через наш командный пункт и ночью можно было слышать, как возвращающийся с бомбежки лихой летчик выключал двигатель, планировал над нами и, перегнувшись через борт, пел сильным и красивым баритоном знакомую песню: "Дайте в руки мне гармонь".

Да, действительно не было предела массовому героизму и воинскому мастерству наших людей.

В результате налета ночников было подавлено и частично уничтожено до 13 артиллерийских и минометных батарей, выведено из строя много другой техники и живой силы противника.

А потом под свист метели в снежном море загремела артиллерийская канонада, застрочили пулеметы. По всему фронту завязались упорные бои.

Наступление началось!

Фашисты яростно сопротивлялись. Особенно упорными были бои в районе рамушевского коридора. Здесь каждый шаг продвижения наших сухопутных войск встречал огромное сопротивление гитлеровцев. Болота, кустарники, лес, минные поля в сочетании с мощным огнем противника, казалось, делали неприступным этот коридор. И все-таки, несмотря на сильную оборону врага, нашим войскам удалось выбить противника из ряда укрепленных пунктов.

Для дальнейшего продвижения сухопутных войск требовалась поддержка авиации. Только она своими мощными бомбовыми

ударами могла разбить доты и дзоты, глубоко врытые в землю в глубине вражеской обороны.

Но авиации над полем боя не было. Она была в полной боевой готовности, а подняться с аэродромов не могла. Свинцовые тучи застилали небо, над землей крутились снежные вихри. Большие силы авиации, сосредоточенные к демянскому плацдарму для поддержки наступающих войск, вынуждены были бездействовать в самый решительный момент - первый день наступления.

На второй день операции снегопад несколько ослаб, начали появляться разрывы в облаках, кое-где появлялись проблески голубого неба, но они быстро затягивались облаками. Летный состав по-прежнему сидел на аэродромах, тяжело переживая вынужденную бездеятельность.

С улучшением погоды веселее стало летчикам. Над головами пехотинцев, не умолкая, ревели авиационные моторы. Небо над Ильменем никогда еще не видело такого количества самолетов. Истребители сопровождали штурмовиков и бомбардировщиков, патрулировали над полем боя, прикрывая действия сухопутных войск.

Поднялась в воздух и вражеская авиация. С новой силой завязались жестокие воздушные бои. Немецко-фашистское командование спешно перебрасывало к демянскому плацдарму авиационные части из-под Ленинграда и с Волховского фронта. В частности, сюда была переброшена 54-я истребительная эскадра, укомплектованная отборными летчиками и вооруженная новыми истребителями "фокке-вульф-190", о "неуязвимости" которых гитлеровцы трубили на весь мир. Но врага не спасли ни прославленные асы, ни новые истребители.

Первый воздушный бой с новыми фашистскими истребителями провела группа отважного летчика гвардии лейтенанта А. С. Смирнова. К этому времени он уже сбил 12 вражеских самолетов. И вот 18 февраля 1943 г., патрулируя вчетвером, Смирнов заметил шесть вражеских истребителей. Наши летчики навязали бой противнику на виражах, т. е. в невыгодных для него условиях. В этом бою они сбили три самолета, а остальные три позорно бежали с поля боя. Победа группы Алексея Смирнова еще больше воодушевила наших летчиков.

В этот же день четверка истребителей, возглавляемая гвардии капитаном А. В. Кисляковым, встретилась в бою с "фокке-вульфами" - один из них нашел могилу у берегов Ильменя, а остальные уклонились от боя и скрылись в западном направлении.

Однажды на командном пункте по радио был услышан голос ведущего группы наших истребителей: "Буркин вступил в бой с тремя "мессершмиттами". Через 20 минут поступило новое сообщение: "Два "мессера" сбиты, третий уклонился от боя". Когда младший лейтенант Александр Буркин вернулся на свой аэродром, везде висели плакаты: "Бить фашистских стервятников так, как их бьет наш герой младший лейтенант Буркин".

В морозное утро 20 февраля 1943 г. произошел один из самых ярких воздушных боев за время демянской операции. Четверка наших истребителей в составе майора Н. Магерина, лейтенантов Малышевского, Заболотнова и сержанта Царева вступила в бой с 48 вражескими самолетами (6 "фокке-вульфов" и 6 "мессершмиттов" сопровождали 36 "юнкерсов"). Храбрая четверка наших истребителей внезапно и умело атаковала ведущую группу "юнкерсов". В этой атаке Н. Магерин сбил ведущего первой группы - флагмана всей армады. Во второй атаке было сбито еще два "юнкерса". В лагере противника наступило полное замешательство. Бомбардировщики преждевременно стали освобождаться от бомб, которые падали на их же войска. Стрелки палили куда попало. А затем на Заболотнова навалилось сразу шесть фашистских истребителей. Ему на помощь подоспел Малышевский и с первой же очереди сбил одного "фокке-вульфа".

В результате этого беспримерного по своему героизму боя наши летчики подбили пять самолетов и не дали возможности фашистам сбросить бомбы на наши войска. Четверка советских истребителей без потерь вернулась на свой аэродром.

А на следующий день, 21 февраля, замечательный бой провела пара наших истребителей в составе старшего лейтенанта Гражданинова и старшего сержанта Давыдова против десяти истребителей противника во главе с асом Г. Хаанном, на груди которого был полный набор орденов гитлеровской армии. Гражданинов и Давыдов сбили в этом бою пять самолетов противника, в том числе и самолет Ганса Хаанна.

"Успех принесла нам, - говорил Давыдов, - во-первых, решительность и дерзость наших атак; во-вторых, точность огня, а главное, слетанность, сколоченность нашей пары. Каждый из нас знал, как ему действовать в быстро меняющейся обстановке. Мы все время понимали друг друга. Я как ведомый зорко прикрывал своего ведущего, был его щитом".

В то время, когда истребители вели воздушные бои, штурмовики и бомбардировщики наносили меткие удары по наземным войскам врага.

Летчики 3-й гвардейской штурмовой авиационной дивизии и 58-го бомбардировочного полка наносили удары по живой силе,

огневым средствам и оборонительным сооружениям противника.

21 февраля летчики 70-го штурмового авиационного полка уничтожили до двух рот пехоты, 37 автомашин, 27 повозок и взорвали несколько складов с боеприпасами.

Зенитная артиллерия врага оказала сильное противодействие. От ведущих групп потребовались большая выдержка и мастерство. Каждый вылет, каждый заход на цель требовали нового тактического маневра и новых приемов в уничтожении целей.

Следует признать, что и на наших аэродромах не все и не всегда обходилось благополучно. Фашистская авиация была еще сильна, и она незамедлительно использовала наши промахи и недостатки, чтобы нанести чувствительные удары по аэродромам.

Иногда упущения и недостатки приводили к печальным последствиям, неоправданным потерям в личном составе и материальной части армии. Мне вспоминается один из печальных эпизодов, когда вследствие беспечности и нераспорядительности отдельных командиров мы понесли потери в самолетах и людях.

Это случилось в ночь с 20 на 21 марта 1943 г. Немецкая авиация произвела налет на один из фронтовых аэродромов, где базировался 28-й гвардейский истребительный авиационный полк 5-й гвардейской истребительной авиационной дивизии и другие авиационные части, не входившие в состав 6-й воздушной армии. Под покровом ночи, предварительно сбросив осветительные бомбы, фашисты предприняли длительный штурм аэродрома и авиационного городка. Налет самолетов противника продолжался почти в течение всей ночи. Через короткие промежутки времени одиночными самолетами и группами по 6 - 8 самолетов, заходя с разных направлений, фашисты бомбардировали места стоянок самолетов, взлетно-посадочную полосу и авиационный городок. Градом сыпались бомбы разных калибров. Потрясали воздух разрывы бомб крупного калибра (от 500 до 1000 кг). Летное поле, места стоянок самолетов и территория авиационного городка были усеяны множеством мелких осколочных бомб замедленного действия. Авиагарнизон и его средства ПВО оказались неподготовленными к отражению воздушного нападения противника. Фашистские самолеты действовали безнаказанно.

После нанесения первого удара по аэродрому командование 5-й гвардейской истребительной авиадивизии не приняло надлежащих мер к приведению в боевую готовность уцелевших сил, хотя управление еще и не было нарушено. Это позволило фашистам осуществлять последующие налеты без особого противодействия с нашей стороны.

После разрыва первых же бомб появились очаги пожаров. Они

были хорошими ориентирами для фашистских самолетов. Наши средства пожаротушения оказались малоэффективными. Управление частями, размещенными в авиагарнизоне, было нарушено. Личный состав частей при нападении противника на аэродром не знал, что нужно делать.

Появились убитые и раненые. Медицинские пункты, размещенные без учета расположения важнейших объектов на аэродроме, не в состоянии были оказать своевременную медицинскую помощь раненым, многие из которых не знали, куда им надо обратиться за помощью.

Так прошла эта тревожная ночь. Фашисты сбросили 281 бомбу. В результате налета уничтожено 17 наших самолетов, 15 самолетов получили серьезные повреждения, 18 человек были убиты и 15 получили ранения.

Все же фашистам не удалось нанести полного поражения авиационному гарнизону. Авиационные части сохранили возможность быстрого восстановления боеспособности.

Ночь на 21 марта 1943 г. дала хороший урок для всех частей армии.

После тщательного расследования этого неприятного события мне пришлось издать специальный приказ по армии{51}. На всех аэродромах армии были проведены серьезные мероприятия по усилению противовоздушной обороны. В частности, было приказано в кратчайшие сроки рассредоточить самолеты на аэродромах и усилить маскировку; проверить всю систему оповещения и связи с постами ВНОС; привести в полную боевую готовность имеющиеся средства ПВО; на каждом аэродроме, где базировалась истребительная авиация, круглосуточно иметь дежурные подразделения; вблизи стоянок самолетов и в местах расположения личного состава дополнительно отрыть щели; усилить противопожарные мероприятия и пересмотреть места расположения медицинских пунктов.

Штабу армии было приказано строго проконтролировать выполнение приказа. Проведение этих мероприятий на всех аэродромах в последующем сыграло свою положительную роль.

К 21 февраля 1943 г. войска фронта освободили г. Демянск и районные центры Лычково, Залучье. От противника была очищена огромная территория, освобождены сотни населенных пунктов. Враг, выбитый из основных укрепленных пунктов обороны на подступах к Демянску, начал отводить свои войска на Старую Руссу, используя рамушевский коридор. Фашисты понимали, что оставаться в районе Демянска - это значит разделить участь 6-й армии Паулюса под Сталинградом.

Болота, трясины и сплошные леса затрудняли подтягивание артиллерии к шоссе, ведущему из Демянска на Старую Руссу. Для поддержания сухопутных войск как никогда нужна была авиация, но плохая погода сковала ее действия.

Наши штурмовики и истребители использовали каждую малейшую возможность для вылета. Они смело прорывались через многослойный огонь зениток и набрасывались на отходящие войска фашистов. Но героизм летчиков не мог компенсировать упущенного. За три дня нелетной погоды основные силы полуокруженной немецкой армии успели выйти по рамушевскому коридору из демянского "мешка". Этот выход фашистам обошелся недешево.

1 марта 1943 г. Совинформбюро сообщило о ликвидации демянского укрепленного плацдарма немцев. В сводке сообщалось: "На днях войска Северо-Западного фронта под командованием маршала Тимошенко перешли в наступление против 16-й немецкой армии. В ходе боев наши войска, прорвав на ряде участков сильную укрепленную полосу противника, создали реальную угрозу двойного окружения немецко-фашистских войск. Противник, почувствовав опасность окружения, начал под ударами наших войск поспешное отступление на запад.

За восемь дней боев наши войска, неотступно преследуя противника, освободили 302 населенных пункта, очистили от противника территорию площадью 2350 квадратных километров, захватили в плен 3000 немецких солдат и офицеров.

За это же время взяты следующие трофеи: самолетов - 78 танков - 97, орудий разного калибра - 289, пулеметов - 711, а также большое количество боеприпасов и много другого военного имущества. Противник оставил на поле боя 8000 трупов.

Совинформбюро".

Поэтому необходимо добавить, что немцы за время пребывания в районе Демянска только от действий авиации 6-й воздушной армии потеряли: самолетов - 345, автомашин - 1131, артиллерийских орудии - 807, складов разных - 136.

Наши летчики оказывали большую помощь партизанам на территории Ленинградской области. Они доставляли народным мстителям вооружение, боеприпасы, медикаменты, обмундирование и другие необходимые материалы для боевых действий в тылу врага, вывозили тяжелораненых и больных, а также детей и женщин, находившихся при партизанских отрядах. Авиация позволяла быстро и успешно перебрасывать в тыл противника отдельные разведывательные группы военных специалистов и направлять в распоряжение командования

Красной Армии пленных и важные документы, захваченные у врага. Встреча командиров партизанского отдела Северо-Западного фронта и летчиков с кинооператором Р. Карменом

В оказании помощи партизанам отличился 3-й отдельный авиационный полк гражданского воздушного флота, входивший в состав 6-й воздушной армии (командир полка Петр Самсонович Рассказов). У летчиков этого полка установилась боевая дружба с партизанами. Первый полет в тыл врага был сделан еще в ночь на 4 ноября 1941 г. летчиком А. Тимлером: он доставил старшего батальонного комиссара А. А. Тужикова во 2-ю партизанскую бригаду и вывез на "Большую землю" больного начальника штаба бригады А. Афанасьева. Этот первый полет положил начало боевого содружества летчиков с партизанами. Свыше двух лет отважные летчики систематически летали к партизанам не только ночью, но, когда требовала обстановка, совершали полеты на своих По-2 в немецкий тыл и днем.

Однажды П. С. Рассказов от партизан получил письмо:

"Прошу вас бомбить объекты, которые указаны на прилагаемой схеме. Надо сбить с немца спесь и окрестить его здесь раз и навсегда", - писал командир бригады Герой Советского Союза Н. Г. Васильев. Об этой просьбе вскоре стало известно всему личному составу полка. Десятки летчиков изъявили желание лететь на помощь партизанам, несмотря на нелетную погоду.

Операция была подготовлена самым тщательным образом. Партизанам сообщили о времени вылета и условных сигналах. На это задание были отобраны лучшие летчики: Семенов, Баранов, Комолов, Оторыжко и др. Группу возглавил опытный летчик старший лейтенант Богданов. Погода была плохая. Аэродром и его окрестности покрывались плотным слоем тумана. Казалось, что в такую погоду полет невозможен. Но он состоялся. 12 самолетов По-2 ушли в глубокий тыл противника на помощь партизанам.

И вот самолеты выходят на цель, указанную партизанами. Вражеская зенитка открыла огонь. От меткого удара Богданова зенитка умолкла. Через некоторое время с земли взмыли ракеты - это партизаны указывали нашим летчикам цели. Все самолеты сбросили бомбы без промаха. Они разрушили несколько укреплений, уничтожили много живой силы и техники противника.

... Из глубокого вражеского тыла командир другого партизанского отряда радировал, что нуждается в боеприпасах и обмундировании. Все необходимое срочно было доставлено на аэродром. Вот уже все погружено в самолеты. Вылетели в ночь. За

линию фронта летчики Рассказова летали уже сотни раз, но так далеко от своего аэродрома они летели впервые. Летчики лейтенант Е. И. Реут и старший лейтенант И. И. Рыжков с загруженными до предела самолетами поднялись в воздух и, набрав высоту 1200 м, взяли курс на запад. Много им понадобилось летного мастерства и хитрости, чтобы уйти от огненного шквала над линией фронта, но пролетели благополучно... Впереди по курсу далеко внизу из кромешной темноты осенней ночи вдруг вырвались огни партизанских костров, обозначавшие не знакомую летчикам посадочную площадку.

Моросит мелкий осенний дождь, кругом непроглядная темь, кроме костров ничего но видно, и тем не менее лейтенант Реут смело пошел на посадку. Едва коснувшись колесами земли, самолет, завязнув в топком грунте, опрокинулся на нос. Но все обошлось благополучно и винт и остальные части самолета оказались неповрежденными. Следом благополучно приземлился и Рыжков. Подбежав к самолетам, партизаны оказали летчикам необходимую помощь и быстро выгрузили доставленное им ценное имущество.

А затем самолеты героев-летчиков, с трудом взлетев с размокшей площадки, легли на обратный курс и вскоре скрылись в темноте за пеленой моросящего дождя.

На другой посадочной площадке, почти у самой линии фронта, летчикам подразделения капитана Н. П. Сабурова была поставлена другая задача. Надо было срочно вывозить на "Большую землю" раненых партизан. В течение ночи авиаторы, сделав по пять вылетов, быстро доставили всех раненых партизан в госпитали. Так летчики полка П. С. Рассказова выполняли партизанские просьбы. В Отечественной войне они участвовали с самого ее начала.

Невозможно перечислить всю работу, проделанную летчиками этого полка. На головы фашистов они сбросили около 28 тыс. бомб, перевезли около 95 тыс. пассажиров, в том числе 58 тыс. раненых.

Самолеты По-2 летали в любую погоду и в любой обстановке. Всю ночь до самого утра кипела напряженная работа на аэродроме. Легкокрылые птицы одна за другой уходили в рейс. В районе Старой Руссы, Демянска и Новгорода они меткими бомбовыми ударами уничтожали живую силу и технику противника, разрушали переправы и пункты управления, оказывали неоценимую помощь партизанам.

О работе летчиков начальник Ленинградского штаба партизанского движения М. Н. Никитин отзывался так:

"Ленинградский штаб по руководству партизанским движением вполне удовлетворен проделанной 3-м отдельным авиаполком ГВФ боевой работой по оказанию помощи партизанам и от лица всех партизан Ленинградской области выражает благодарность всему личному составу полка, принимавшему участие в этой работе".

При выполнении боевых вылетов для помощи партизанским отрядам особенно отличились: командир эскадрильи капитан Н. П. Сабуров, командиры звеньев старшие лейтенанты Н. И. Синицын и Б. И. Соколов; летчики старший лейтенант И. И. Рыжков, лейтенанты Н. Н. Дука, Е. И. Реут, А. И. Кубыхин и др. Имена этих летчиков широко были известны партизанам, и они пользовались заслуженным уважением.

Постоянная помощь материальными средствами и своевременная эвакуация раненых на "Большую землю" создавала у партизан уверенность в том, что за их героической борьбой против фашистов следят и всегда готовы оказать необходимую поддержку.

Дела и подвиги летчиков авиационного полка подполковника П. С. Рассказова неоднократно отмечались благодарностью в приказах Верховного Главнокомандующего.

В конце февраля 1943 г. началось изгнание фашистов за р. Полисть и борьба за освобождение древнего русского города Старая Русса. Эта борьба затянулась на многие месяцы.

Демянский "мешок" противника был ликвидирован. Перестал существовать и рамушевский коридор.

Гитлеровцы принимали меры, чтобы удержаться на рубежах рек Пола, Ловать, Редья и Полнеть. Перед фронтом наших войск эти реки образовали четыре естественных препятствия, тянувшихся с юга на север параллельными линиями. Укрепив реки многочисленными фортификационными сооружениями и огневыми средствами, фашисты превратили их в мощные линии обороны на подступах к Старой Руссе. Располагая хорошими дорогами на запад от Старой Руссы, они успели перебросить в этот район сильные резервы.

Хотя весна на Ловати оказалась поздней и непогожей, ее дыхание чувствовалось на каждом шагу. Потемнел белый покров полей и лесов. На земле появились проталины, которые, соединившись между собой, превращались в целые озера и реки, не обозначенные на картах. Над лесами и болотами висело низкое хмурое небо. По утрам землю окутывали густые туманы, по два-три дня к ряду вперемежку с крупными хлопьями мокрого снега моросил дождь. В такое время ориентировка в воздухе сильно осложнялась. Летчикам нужно было зорко смотреть, чтобы

не допустить ошибок.

В том году весна принесла нам много хлопот. Размокли аэродромы, раскисли дороги, на которых стояли сотни застрявших автомобилей, груженных горючим, боеприпасами и продовольствием. На железнодорожных станциях скопилось множество военных грузов, которые невозможно было доставить на склады. Начались перебои в снабжении авиационных частей.

Работники авиационного тыла днем и ночью готовили взлетно-посадочные полосы, ремонтировали подъездные пути к аэродромам, подвозили боеприпасы и горючее. Им помогали местные жители - старики, женщины и подростки из окружающих деревень.

На оставшихся годными аэродромах скопилось большое количество самолетов, что давало противнику возможность наносить нам весьма чувствительные удары.

Авиационные специалисты готовили самолеты к летней эксплуатации.

Несмотря на весеннее ненастье, ни на один час не прекращалась боевая деятельность авиационных частей 6-й воздушной армии.

Три недели шли упорные бои на подступах к Старой Руссе.

14 марта после массированного удара авиации войска фронта вышли к окраинам города, пробив три линии укреплений на реках Пола, Ловать и Редья.

За все эти три недели только шесть дней стояла хорошая погода, когда авиация могла вести боевые действия. Но эти шесть дней по характеру боевых действий авиации резко отличались от боев над демянским плацдармом. Они характеризовались массированным применением авиации с обеих сторон и воздушными боями больших групп самолетов.

Опыт воздушных боев в районе Демянска убедил врага в том, что они имеют дело с сильным и опытным воздушным противником. Время безнаказанных прогулок по советскому небу прошло. Бомбардировщиков они посылали теперь под сильным прикрытием истребителей. Но, прикрывая свои войска, над полем боя патрулировали одновременно несколько больших групп наших истребителей. Противник теперь боялся летать парами или четверками, почти совсем не появлялись его "охотники".

Тщательно анализируя воздушную обстановку и характер действий авиации противника, мы пришли к выводу, что противник еще силен, а действуя большими группами, он пытается создать видимость своего превосходства в воздухе. Отсюда следовало, что необходимо перестроить тактику наших летчиков, готовить их к действиям большими группами в составе

до двух эскадрилий или полка одновременно.

Мною были даны указания командирам дивизий и полков в конце дня во всех истребительных и штурмовых полках тщательно проводить разборы боев за день; во всех частях составить боевые группы, а в качестве ведущих групп назначать наиболее опытных летчиков из числа командиров эскадрилий и полков. Результаты такой перестройки не замедлили сказаться. Уже в первом групповом бою наши летчики нанесли серьезное поражение противнику.

Это произошло утром 7 марта. На боевое задание было выслано одновременно несколько групп наших истребителей численностью по 6 - 8 самолетов. Ведущие групп заранее договорились о совместных действиях в случае встречи с противником. И такая встреча произошла. Между реками Редья и Полнеть, в 15 км южнее Старой Руссы, нашими летчиками была замечена большая группа самолетов противника. 20 "юнкерсов" под прикрытием 14 истребителей шли курсом на восток, в район расположения передовых частей наших войск. В этом районе находились в воздухе две восьмерки наших истребителей, на расстоянии 10 - 12 км друг от друга. Ведущий одной группы старший лейтенант Муравьев передал по радио командиру другой группы майору Сурикову: "Впереди меня более 30 самолетов противника. Действую по плану, уничтожаю "юнкерсов".

Пользуясь преимуществом в высоте, группа Муравьева с трех направлений атаковала истребителей противника. Все истребители прикрытия противника были втянуты в воздушный бой. Вскоре один за другим загорелись два "фокера". А тем временем группа майора Сурикова обрушилась на бомбардировщиков. И после первой же атаки вспыхнули три "юнкерса". Остальные бомбардировщики, нарушив строй, начали освобождаться от бомбового груза. Преследуя бомбардировщиков, группа Сурикова расстреливала их с коротких дистанций. Истребители противника, скованные боем с группой Муравьева, не могли оказать им помощи.

В результате 16-минутного боя фашисты потеряли 9 бомбардировщиков и 4 истребителя. Обе наши группы вернулись с боевого задания без потерь.

А через час другая группа наших истребителей вступила в бой с группой противника, состоявшей из десяти "мессершмиттов" и шести "фокке-вульфов". 14 наших истребителей под командованием Героя Советского Союза гвардии капитана И. М. Холодова сопровождали 16 бомбардировщиков. Боевой порядок наших истребителей состоял из двух групп: восемь самолетов

составляли группу непосредственного прикрытия бомбардировщиков, остальные шесть ударную группу. Холодов вел всю группу, но сам находился во главе шестерки, которая шла несколько в стороне от бомбардировщиков, с превышением над ними на 500 - 600 м.

Когда при подходе бомбардировщиков к цели появилось 12 фашистских истребителей, командир передал по радио ведущему восьмерки приказ продолжать сопровождение бомбардировщиков, а сам со своей шестеркой атаковал врага. Тем временем наши бомбардировщики подошли к цели, сбросили бомбы и легли на обратный курс. Холодов по радио приказал первой четверке сопровождать бомбардировщиков, второй - присоединиться к шестерке, ведущей бой с истребителями противника. К этому времени враг уже был достаточно измотан, а его боевой порядок нарушен. Наших истребителей стало десять. В результате решительной атаки они овладели инициативой боя и начали истреблять противника.

Летчик Прокопенко с ходу поднял одного "мессершмитта", другой задымил и отвесно пошел к земле от удачной атаки летчика Аниськина. Почти одновременно с ним гвардии старший лейтенант Тарам сбил ФВ-190.

Ошеломленные стремительным ударом и четкими действиями наших летчиков, гитлеровцы стали выходить из боя.

Итак, группа фашистских асов, потеряв семь самолетов из шестнадцати, от дальнейшего боя была вынуждена уклониться. Но, к сожалению, и наши летчики уже не могли преследовать оставшиеся фашистские самолеты - на исходе было горючее.

В жестоких схватках с авиацией противника проявляли железную выдержку и изумительное мужество не только летчики, но и воздушные стрелки.

Вот один из многочисленных эпизодов.

Воздушный стрелок ефрейтор Михаил Коршунов выполнял боевое задание вместе с летчиком старшим сержантом Зайчиковым. В завязавшемся воздушном бою с двумя вражескими истребителями они сбили фашистский самолет. Но от взрыва снаряда врага в кабине стрелка начался пожар. На Коршунове загорелась одежда, горели чехлы парашютов и вооружения. Но герой не растерялся. Спасая от гибели себя и машину, он самоотверженно боролся с огнем; неимоверными усилиями воли ему удалось сбить пламя и ликвидировать пожар. Только после этого стрелок доложил летчику:

"Был небольшой пожар, я его затушил, теперь у нас полный порядок".

В середине марта погода улучшилась, и авиация оказывала

большую помощь войскам при очистке от фашистов окрестностей Старой Руссы. Пять дней велись упорные бои. Наши летчики в воздушных боях штурмовыми и бомбовыми ударами по аэродромам Сольцы, Дно, Порхов нанесли серьезные потери авиации противника.

18 марта 1943 г. войска фронта окончательно закрепились на выгодных рубежах, перешли к жесткой обороне и начали подготовку к новому наступлению за дальнейшее освобождение населенных пунктов на псковском направлении.

В боях за овладение Старой Руссой летчики 6-й воздушной армии проявили новые образцы мужества, мастерства и отваги. Особенно отличились летчики 240-й истребительной авиационной дивизии (командир полковник С. Я. Симоненко). В составе армии эта дивизия была в числе лучших. В этой дивизии больше, чем в других соединениях, обращалось внимания на сколачивание боевой пары, подбор ведущего и ведомого. На ее боевом опыте воспитывались все молодые истребители армии.

240-я над после боев в районе оз. Ильмень была переброшена и район Волхова в помощь военно-воздушным силам Ленинградского фронта. И здесь истребители 6-й воздушной армии проявили себя с самой лучшей стороны. Они сорвали многочисленные массированные налеты и снизили эффективность бомбометания вражеской авиации.

Вот один из боевых примеров. Над Волховом патрулировали две группы истребителей во главе с капитанами Мотузом и Зазаевым. Радиостанции им передали, что к линии фронта приближаются 10 "фокке-вульфов-190". Было очевидно, что скоро появятся и бомбардировщики. По приказанию командира полка обе группы истребителей не стали ввязываться в бой, набрали высоту и ушли в сторону от района патрулирования. Их главной задачей являлось бить бомбардировщиков.

Предположения командира полка оправдались. Вскоре на горизонте показалось 30 Ю-87, шедших к Волхову под прикрытием истребителей. Наши истребители внезапно атаковали "юнкерсов" - группа Мотуза с правого фланга, а группа Зазаева - с левого. Внезапный удар с флангов ошеломил гитлеровцев. Боевой порядок бомбардировщиков был расстроен. С первой же атаки летчики Хорошков, Кудрявцев и Яровой зажгли по одному "юнкерсу". Не долетев до Волхова, фашисты сбросили бомбы и врассыпную ушли на запад.

В течение июня 1943 г. летчики 240-й над уничтожили 92 самолета противника.

В упорных схватках при отражении налетов больших групп самолетов противника воспитывались мужество, отвага и умение

летчиков.

В боях на подступах к Ленинграду летчики этой дивизии умножили боевую славу нашей армии. Большой вклад в это благородное дело внесли политработники дивизии: заместитель командира 240-й над по политической части полковник Г. М. Головачев, заместитель командира 744-го иап по политической части майор Г. Г. Маркитанов. Будучи сами летчиками, они хорошо знали все сильные и слабые стороны каждого воздушного бойца. Они тщательно изучали воздушный бой, умели подметить новое в тактике противника и в приемах ведения боя своих летчиков. Передовой боевой опыт распространялся среди летчиков всех подразделений и частей дивизии.

Действия 240-й истребительной авиадивизии были высоко оценены командованием Ленинградского фронта. Многие ее летчики, командиры и политработники за героизм, проявленный при защите Волхова от воздушного противника, награждены правительственными наградами и медалью "За оборону Ленинграда".

За полтора года Великой Отечественной войны (с 23 июня 1942 г. по 30 февраля 1943 г.) соединениями и частями 6-й воздушной армии произведено более 72 тыс. боевых самолето-вылетов. За этот период летчиками армии уничтожено 930 самолетов, 80 танков, около 3500 автомобилей, до 1200 орудий и минометов, 450 различных складов, 20 железнодорожных эшелонов, а также много живой силы противника.

Соединения и части 6-й воздушной армии оказывали эффективную помощь войскам Ленинградского, Волховского и Калининского фронтов.

Советское правительство и Верховное Главное Командование Красной Армии высоко отметило героизм, стойкость, мастерство и организованность личного состава армии. 239-я истребительная авиационная дивизия (командир полковник Г. А. Иванов) и 243-я штурмовая авиационная дивизия (командир полковник Г. А. Сухоребриков), а также все полки, входящие в состав этих дивизий, получили наименование гвардейских.

В рядах 6-й воздушной армии выросли замечательные летчики бомбардировщики, штурмовики, истребители и разведчики. Указами Президиума Верховного Совета СССР 25 летчикам и штурманам присвоено звание Героя Советского Союза, 5659 человек получили правительственные награды.

Решающая роль в организации успешных боевых действий авиаторов принадлежала партийным организациям армии. Коммунисты и комсомольцы были в первых рядах бойцов, своей смелостью, отвагой и воинским мастерством они увлекали за

собой весь личный состав армии.

Политработники вели большую воспитательную работу среди воинов, оказывали практическую помощь командованию по доставке на аэродромы боеприпасов и горючего. Часто они возглавляли колонны машин и обеспечивали в срок подачу на аэродромы всего необходимого для ведения боевых действий. Большую работу проводили они среди местного населения, мобилизуя его на работы по подготовке аэродромов.

Политической работой в 6-й воздушной армии руководил заместитель командующего армией по политической части генерал-майор авиации Андрей Федорович Выволокин. В авиационных и авиационно-технических частях хорошо знали и любили политработников - Я. И. Драйчука, Т. К. Орлова, Г. М. Головачева, Г. Г. Маркитанова, И. Д. Ветлужского, А. Ф. Отяковского, И. А. Романова, И. Т. Канугина, С. Ф. Пономарева, В. А. Устюжанина и многих других. Они с честью выполняли свой благородный долг. Не раз политработники частей армии своим личным примером увлекали авиаторов на схватку с врагом.

Нельзя не отметить большую работу, проделанную штабом армии с его оперативным и разведывательным отделами. Боевая деятельность армии неразрывно связана с именами начальников штаба армии. Эту ответственную должность в разное время занимали полковник В. В. Стороженко, генерал-майоры авиации П. Л. Котельников и К. И. Тельнов. Большая и кропотливая работа проводилась начальниками отделов штаба армии полковниками В. А. Кадазановичем и Г. К. Прусаковым.

В сложной боевой обстановке необходимо было организовать четкое управление огромной массой самолетов с учетом погоды, местных условий и изменения обстановки. Вся эта работа ложилась в основном на штаб армии и штабы соединений. Много бессонных ночей провели офицеры штабов, обеспечивая правильное использование сил армии, непрерывно руководя частями и соединениями. Из них особенно хотелось бы отметить Н. В. Соколова, Н. Ф. Щепанкова, К. И. Добробабу, М. Г. Зубцова, М. Ф. Вожейникова, Новиковского, М. С. Вайнштейна и др.

В организации четкого и бесперебойного управления авиационными соединениями и частями армии большая заслуга принадлежала нашим связистам. Исполнявшие в разное время обязанности начальника связи 6-й воздушной армии Д. В. Хрусталев и Д. Г. Денисенко и их ближайший активный помощник по радиосвязи Р. С. Терский много приложили труда, чтобы обеспечить бесперебойно действующую связь штаба армии с подчиненными соединениями и частями. Связисты 6-й воздушной армии много и настойчиво работали над внедрением

радиосвязи с самолетами, находящимися в полете. Они добились двусторонней радиосвязи между каждой группой самолетов и землей, а также обеспечили устойчивую радиосвязь в воздухе между ведущими групп и каждым экипажем. Это имело большое значение для организации хорошего взаимодействия различных родов авиации, а также повышения боевых возможностей и более эффективного использования отдельных экипажей, особенно истребителей.

Много труда, энергии и инициативы в обеспечении успешных боевых действий летчиков вложили инженеры, техники и механики инженерно-авиационной службы армии, возглавляемой в то время генерал-майором инженерно-технической службы В. Н. Кобликовым: В. И. Шурыгин, Ф. А. Шалин, П. С. Беликов и А. М. Григорьян, старшие инженеры дивизий П. Г. Коврижников, Корчагин и Зубарев, старший инженер полка А. И. Субботин и др.

С большим напряжением работали в полевых условиях авиационные ремонтные органы. Ремонтные бригады трудились, не зная ни сна, ни отдыха. В особенности успешно работали: 16-й авиаремпоезд под руководством инженер-майора В. И. Кривко, 57-я стационарная авиационная мастерская, руководимая инженер-подполковником А. М. Прусовым. авиамастерские под руководством инженер-полковника И. Г. Иванова и 163-е авиамастерские, где начальником был Красницкий.

Вот пример. На аэродром возвратилась группа штурмовиков. На одном из самолетов было множество пробоин, зенитным снарядом поврежден стабилизатор и руль глубины. На ремонт такого самолета по установленным нормам полагалось не менее двух дней. Однако ремонтная бригада в составе Сергеева, Воробьева, Разыграева и Евстафьева рассудила по-своему. Они работали остаток дня и всю ночь без отдыха. Экономили буквально каждую минуту, и к 6 часам утра самолет был восстановлен и подготовлен к выполнению нового боевого задания.

В 1941 - 1942 гг., когда наша авиационная промышленность передислоцировалась в тыл и еще мало давала фронту новых самолетов, инженерно-технический состав в полевых условиях делал чудеса, восстанавливая поврежденные самолеты, которые, казалось, нельзя было восстановить.

Вспоминается несколько эпизодов из деятельности инженерно-авиационной службы нашей армии. Первые числа сентября 1941 г. В полевых условиях оборудованы первые самолеты По-2 как бомбардировщики. Это было тогда невиданным. Фашисты были поражены, когда на них из безобидных "Рус фанер" посыпались 25-, 50-, 100- и даже 250-килограммовые бомбы. Оборудование непосредственно на фронте самолетов По-2 под бомбардировщики и изготовление бомбардировочного оборудования потом стало обычным явлением.

А сколько выдумки проявлял инженерно-технический состав при оборудовании самолетов По-2, Як-1, МиГ-1, МиГ-3 реактивными снарядами! Эта идея зародилась и впервые была осуществлена в истребительном авиационном полку, которым командовал прекрасный летчик-испытатель майор Константин Афанасьевич Груздев. Сколько радости и ликования было у техников и механиков после того, как в первом же полете на самолете, оборудованном ракетами, майор Груздев сбил два Ю-88 над г. Бологое.

Ухитрились инженеры поставить на самолет МиГ-1 мотор с самолета Ил-2, чтобы улучшить летные возможности самолета МиГ-1 на малых высотах.

Технический состав научился поршневые кольца моторов заменять в полевых условиях, не снимая мотора с самолета.

Героический труд многих тысяч авиационных инженеров, техников и механиков был отмечен правительственными наградами.

Большую помощь в организации и обеспечении боевых действий авиационных соединений и частей оказали генералы и офицеры авиационного тыла: П. Г. Казаков, Е. А. Адоров, П. П. Запольский, А. П. Лебедев, В. К. Свешников, М. П. Миронович, Д. А. Ершов, А. Я. Стуруа, Н. Д. Кузнецов, Н. М. Шопин и многие другие. В состав тыла 6-й воздушной армии в разное время входило 3 4 района авиационного базирования, 17 - 20 батальонов аэродромного обслуживания, 3 - -4 автотракторных батальона и 4 - 5 инженерно-аэродромных батальонов. Исходя из характера боевых действий на данном участке фронта и условий базирования авиационных частей тыловые части и учреждения армии продолжительное время находились на одном месте. Они располагались на чрезвычайно пересеченной лесисто-болотистой местности со слаборазвитой аэродромной и дорожной сетью. Это создавало значительные трудности в организации тылового обеспечения боевых действий авиационных частей армии.

Наибольшие трудности тыл воздушной армии испытывал в

подвозе материальных средств, особенно горючего и боеприпасов на аэродромы. По территории Северо-Западного фронта проходили одна железная дорога и единственное шоссе Москва - Ленинград, которое осенью и весной в связи с особенностями грунта на протяжении до 300 км выходило из строя. Проселочные грунтовые дороги в плохую погоду для автомобильного транспорта были непроходимы. Железная и шоссейная дороги становились постоянными объектами налетов авиации противника.

В районе базирования армии было очень мало благоустроенных населенных пунктов. Поэтому размещение личного состава составляло весьма острую проблему. Решить ее мы могли только за счет строительства землянок. И усилиями личного состава частей тыла строились настоящие подземные городки.

В наиболее неблагоприятные времена года, когда дороги совершенно выходили из строя, для подвоза материальных средств на аэродромы приходилось использовать самолеты 699-го транспортно-авиационного полка.

Немало прекрасных трудовых подвигов совершили офицеры и солдаты соединений и частей авиационного тыла. За время демянской наступательной операции они сумели подвезти и подготовить около 4600 авиационных бомб и подвезти около 4000 тонн авиационного бензина.

Нельзя не вспомнить о героическом труде водителей грузовых и специальных автомобилей. Под дождем и в снегопад, в лютую стужу и в метели, по размытым и топким дорогам, днем и ночью беспрерывным потоком двигались автомобили, груженные боеприпасами, горючим и другими материальными средствами. Мастерство и огромное напряжение сил водителей помогали выжимать из техники все, что она могла дать.

Бесперебойным обеспечением боевых действий авиационных частей мы обязаны самоотверженной работе личного состава 73, 74, 130 и 403-го батальонов аэродромного обслуживания, которыми в то время командовали майоры Н. Савкин, Лебедев, Н. Кузнецов и Д. Ершов.

Много примеров отваги, трудолюбия и находчивости показали воины инженерно-аэродромных частей при изыскании и строительстве аэродромов. Работа аэродромщиков в ряде случаев была сопряжена с большим риском. При изыскании площадок им приходилось летать в любую погоду, садиться на неизвестные и заминированные противником аэродромы. Бывали случаи, когда они залетали и на чужую территорию, попадая под обстрел противника.

Часто аэродромы приходилось готовить лишь силами и средствами батальонов аэродромного обслуживания. Иногда личный состав этих батальонов работал по несколько суток без сна и отдыха, они прилагали много сил и энергии, чтобы преодолеть невероятные трудности.

Мне вспоминается эпизод, произошедший во время подготовки передового аэродрома в районе г. Андреаполь. Передний край линии фронта проходил в то время всего в трех километрах от аэродрома. Гитлеровцы своими частыми налетами не давали покоя нашим аэродромщикам. А аэродром требовалось восстановить не более чем за одни сутки: он был очень нужен для устройства засад наших истребителей.

При налетах авиации противника личный состав, готовивший аэродром, вначале убегал в соседний лес, а потом очень долго собирался для продолжения работы. Это не давало возможности подготовить аэродром к установленному сроку. Поэтому, освоившись с обстановкой, солдаты и офицеры при последующих налетах перестали бегать в лес и стали просто ложиться друг за другом в колею от тракторов, а головы укрывать лопатами, во избежание повреждений осколками. Это дало соответствующий результат. Аэродром был подготовлен в установленные сроки. От налетов авиации противника было легко ранено только три человека.

Особенно много трудностей выпадало на долю наших аэродромщиков в зимний период, когда в суровых условиях Северо-Запада при больших снежных заносах и метелях приходилось днем и ночью расчищать полевые аэродромы от снега и поддерживать их в постоянной готовности для базирования авиационных частей. В то время наши инженерно-аэродромные части и подразделения почти не имели необходимой техники. О роторных снегоочистителях тогда мы не могли даже мечтать. И все же аэродромы для полетов всегда подготавливались своевременно и с хорошим качеством.

О самоотверженности аэродромщиков можно, например, судить по такому эпизоду. Начальнику отдела аэродромного строительства нашей армии инженер-майору А. Б. Рабиновичу и заместителю командира инженерно-аэродромного батальона инженер-капитану П. М. Юрину мною была поставлена задача в самый кратчайший срок во что бы то ни стало подготовить аэродром в районе Пено, полностью занесенный снегом толщиной более 50 см. Аэродром должен быть готов к утру следующего дня. Из технических средств батальон имел всего лишь несколько маломощных тракторов НАТИ и автомашин ГАЗ-АА.

В связи с этим батальону пришлось в срочном порядке готовить из подручных средств различные простейшие механизмы типа снеготасок, волокуш и другие приспособления. Люди работали, не зная ни сна ни отдыха, и в течение ночи выполнили поставленную задачу.

Бывали случаи, когда приходилось готовить аэродромы сразу вслед за отходящими войсками противника. Помнится, в районе Муры на площадке, занесенной большим слоем снега, пришлось в срочном порядке готовить аэродром. Эта площадка оказалась хитро заминированной фашистами. Только, казалось бы, разминировали и обезвредили выбранный участок, пустили на него технику для расчистки снега, как начали рваться мины. Потом выяснилось, что гитлеровцы повторяли минирование по мере выпадения и накопления слоя снега. На этом участке оказалось "трехэтажное" минирование, которое пришлось преодолеть, прежде чем подготовить аэродром.

Значительный вклад в успешную боевую работу авиационных частей внесли офицеры отдела аэродромного строительства армии и личный состав отдельных инженерно-аэродромных батальонов. Самоотверженно, не щадя сил и не считаясь с трудностями, работал дружный армейский коллектив аэродромщиков, во главе которого вначале находился полковник В. А. Мясков, а затем инженер-майор А. Б. Рабинович. Хочется от души добрым словом вспомнить и отдельных офицеров этого коллектива: Е. Н. Ананьина, А. А. Гурикова, К. Н. Щипина, В. С. Киселева, С. Н. Ляшкевича, А. Лившица, Д. А. Лобанова, Е. И. Хуголь, П. Н. Крылкова, А. И. Грибкова и др. Хорошо и с полной отдачей сил трудились командир 14-го инженерно-аэродромного батальона майор Г. Т. Ворона и его заместитель по политической части капитан М. Л. Порецкий, командиры батальонов Богновец, Чибизов, Иваненков и др.

Велик и благороден был труд и наших медиков. Особенно много трудностей выпало на их долю в первый год войны: не было достаточного опыта, необходимых кадров, соответствующей организации и сложившейся системы медицинского обеспечения. Достаточно сказать, что в воздушной армии не было своих медицинских учреждений для квалифицированной врачебной помощи, следовательно не было и врачей-специалистов. Раненых и больных из числа летного состава и других авиационных специалистов направляли в госпитали наземных войск и далее в тыловые госпитали страны. В связи с этим лечение и сроки возвращения в строй даже легко раненных летчиков намного удлинялись. При такой системе многие летчики уже вообще не возвращались в свои части. Нужно было принимать решительные

меры по сохранению за армией летного состава, сокращению сроков ввода их в строй после выздоровления. Эта задача была успешно решена медицинской службой армии, которую возглавлял полковник медслужбы П. Л. Романович, а затем П. Ф. Вохмянин, ныне кандидат медицинских наук. Благодаря их личной инициативе и творческой деятельности всего коллектива медиков были сделаны первые шаги в организации медицинского обеспечения боевых действий воздушной армии. Последующий опыт подтвердил правильное решение этой важной задачи.

У нас были созданы нештатные медицинские учреждения как в армии, так и в районах авиационного базирования, в которые направлялся летный состав для оказания квалифицированной медицинской помощи.

Первым был создан нештатный укрупненный лазарет в 7-м районе авиационного базирования, где начальником медицинской службы был майор медслужбы Н. С. Выломов. Вскоре этот опыт переняли капитаны медицинской службы Ф. И. Шумаков, Дудина и др. Для более длительного лечения летного состава и авиационных специалистов при одном из госпиталей фронта было создано специальное отделение. В этом отделении летчики получали квалифицированную помощь, здесь же они и освидетельствовались на предмет годности к дальнейшей летной работе.

Большую роль в сохранении летных кадров и скорейшем их возвращении в свои части сыграли созданные нештатные дома отдыха. Находясь в домах отдыха, летчики получали сообщения о боевых делах своих товарищей, радовались успехам, скорбели о потерях. Царившая здесь обстановка настраивала их на боевой лад, и каждый стремился как можно раньше вернуться в свою часть.

Все эти меры оказались очень важными. Они позволили сохранить многих летчиков для воздушной армии. Этот опыт в последующем твердо вошел в практику, и в каждой армии были созданы штатные авиационные медицинские учреждения, основа которых зарождалась в трудные первые годы Великой Отечественной войны.

С первых дней боевых действий перед медицинской службой встала еще одна очень серьезная и сложная задача - это поиск и эвакуация раненых летчиков. Для воздушной армии эта задача осложнялась тем, что части были разбросаны на сотни километров. А заранее предугадать, где упадет подбитый самолет, где приземлится раненый летчик, - дело невозможное. И снова наши врачи нашли правильное по тем временам решение. По их предложению были созданы нештатные группы розыска

раненых в каждом районе авиационного базирования в составе врача я фельдшера. Группам придавались санитарная машина и сродства первой помощи. Руководство группой розыска возлагалось на врача дивизии. В его распоряжение предоставлялся санитарный самолет. Кстати, о санитарных самолетах. Таких самолетов не было. А они были крайне необходимы. И вот в результате тесного содружества врачей и инженеров нам удалось в наших авиационных мастерских сделать три оригинальных самолета из числа отремонтированных По-2. Они оказали неоценимую услугу при розыске и своевременной эвакуации раненых летчиков.

По мере накопления опыта работа групп розыска совершенствовалась. Лучшие результаты показали группы районов авиационного базирования под руководством врачей Н. С. Выломова и Ф. И. Шумакова.

В основе их успешной работы лежало хорошее взаимодействие групп с аварийно-техническими командами, а также с командными пунктами, которые сообщали о местах приземления подбитых самолетов.

Сейчас, когда прошло много лет после окончания Великой Отечественной войны, мы с большой теплотой вспоминаем наших врачей, которые наравне со всеми воинами ковали победу над врагом. Многие летчики помнят умелые руки хирурга майора медслужбы Евгении Исаевны Винокур, ныне преподавателя хирургической клиники Киевского медицинского института. Заслужил любовь и память летчиков успешными операциями молодой хирург капитан медслужбы Аранович.

6-я воздушная армия, пройдя славный боевой путь, внесла свой вклад в разгром ненавистного врага. Она была плоть от плоти, кровь от крови детищем советского народа, руководимого нашей Коммунистической партией. Своими успехами соединения и части армии обязаны замечательному личному составу, беспредельно преданному Коммунистической партии и Советскому правительству и готовому к самопожертвованию в интересах защиты своей великой социалистической Родины. В боях с врагами у летчиков армии сложились хорошие боевые традиции: дружба, товарищество, взаимная выручка и чувство гордости за свою часть, соединение и воздушную армию. Эти традиции и в наши дни нам необходимо бережно хранить, умножать во имя укрепления оборонной мощи пашей Родины и как эстафету передать молодому поколению авиаторов.

В. Ф. Зотов

Инженерное обеспечение боевых действий фронта

В марте 1941 г. меня назначили начальником инженерных

войск Прибалтийского особого военного округа. В это время я находился на курсах высшего командного состава при Военной академии Генерального штаба.

15 марта прибыл в Ригу в штаб округа, которым командовал генерал-полковник Ф. И. Кузнецов. Из короткой беседы с командующим я узнал об обстановке в округе. Основная задача инженерного управления округа заключалась в руководстве строительством долговременного оборонительного рубежа на границе, являвшемся особо важным государственным заданием. Командующий высказал неудовлетворение темпом строительства этого рубежа. Мне было приказано после детального ознакомления с делами инженерного управления доложить ему о необходимых мероприятиях и в первую очередь о мерах по ускорению оборонительного строительства.

Следует сказать, что приграничный оборонительный рубеж проходил от Балтийского моря до границы с Западным особым военным округом и имел протяженность около 350 км. К первой очереди строительства на этом рубеже относилось строительство 160 батальонных районов, в системе которых создавалось до 2000 бетонных долговременных сооружений и более сотни километров противотанковых препятствий. Кроме того, долговременные сооружения должны были строиться на о-вах Эзель и Даго, где основные работы велись силами Краснознаменного Балтийского флота.

Организация всех оборонительных работ, возложенных на инженерное управление округа, находилась в стадии развертывания. Рекогносцировка оборонительного рубежа полностью не была закончена. Строительные организации, необходимые для выполнения оборонительных работ, еще только формировались, и призванные из запаса для их укомплектования 2500 командиров только что прибывали. Саперные и строительные батальоны тоже только что стали прибывать из внутренних округов. Строительной техники было весьма мало. Например, камнедробилок на строительстве имелось всего лишь несколько штук, это в то время, когда в течение двух-трех месяцев необходимо было изготовить до 1,5 млн. кубометров щебня. Автотранспортом мы обеспечивались не более чем на 25% потребности. Осложняли нашу работу и плохие дороги; в районе строительства мы располагали только грунтовыми дорогами, проезд по которым в весеннее время для автотранспорта оказывался крайне затруднительным, а это означало, что помимо автотранспорта требовался и конный транспорт.

Кроме долговременного рубежа, строительство которого возлагалось непосредственно на инженерное управление округа,

велись работы по укреплению предполья, глубина которого в зависимости от местности колебалась от двух до четырех километров. Основой оборонительной полосы, строящейся в предполье, были батальонные районы, оборудованные средствами полевой фортификации. На всю глубину предполья предусматривалось создание противотанковых и противопехотных заграждений.

Оборонительные работы в предполье начались с выходом наших частей на новую границу еще в 1940 г. Работы производились войсковыми частями, расположенными по границе, под наблюдением начальников инженерных войск армий. Производство работ велось небольшими подразделениями, так как основная масса войск занималась боевой подготовкой, строительством казарм и лагерей.

Ознакомившись с состоянием оборонительного строительства, я доложил командующему округом соображения о мерах, которые необходимо было предпринять по усилению темпа строительства. Эти же соображения мною были доложены заместителю Наркома обороны Маршалу Советского Союза Б. М. Шапошникову, осуществлявшему общее руководство оборонительным строительством.

Надо отметить, что просьбы об оказании помощи по строительству оборонительного рубежа, с которыми Военный совет округа обращался к начальнику инженерных войск Красной Армии генерал-майору Л. З. Котляру, правительствам Латвии, Литвы, Эстонии, всегда удовлетворялись. Прибывший в округ на должность помощника командующего по укрепрайонам генерал-майор А. Н. Астанин энергично организовал окончание всех рекогносцировочных работ на рубеже, обеспечив строителей всей необходимой документацией. В апреле все саперные и строительные батальоны, предназначенные для производства оборонительных работ и выделенные из внутренних округов, прибыли и начали работы. Саперные батальоны были отмобилизованы по штатам военного времени, но с оружием на первых порах дело обстояло неблагополучно, за исключением десяти батальонов, прибывших с Дальнего Востока, которые были вооружены полностью.

Численность саперных и строительных частей к концу апреля составляла уже более 60 тыс. человек.

Жизнь требовала усиления темпа строительных работ. В связи с этим, с разрешения местных властей, на всякого рода подсобные работы было привлечено несколько десятков тысяч местных жителей и большое количество конного транспорта. До 20 тыс. человек из местного населения и

частично красноармейцев было поставлено на бойку щебня, так как имевшиеся в наличии камнедробилки не могли обеспечить строительство необходимым количеством данного строительного материала. В начале мая строительная техника и автотранспорт стали усиленно прибывать и темп строительства пошел в гору. В конце апреля, после проведения специальных инструкторских сборов инженерного состава, началось бетонирование сооружений на оборонительном рубеже. В апреле закончилось формирование 10 управлений оборонительного строительства (УНС), из которых одно было расположено на о-вах Эзель и Даго, а остальные девять - на границе. Из строительных управлений наиболее четко и организованно вело работы "5-е управление, начальником которого был подполковник И. П. Корявко. Оно осуществляло строительные работы на правом фланге оборонительного рубежа в районе Паланги, Кретинга. Там мы и провели упомянутый выше сбор инженерного состава, на котором широко использовали положительный передовой опыт этого управления.

Вечером 14 июня командующий округом, выслушав мой доклад о ходе строительства на границе, приказал мне на следующий день выехать для проверки хода оборонительных работ на каунасском направлении и в районе Таураге.

С 15 июня я находился непосредственно на строительстве рубежа. Работы шли полным ходом. Дня через три выехал в Ригу.

Необходимо было более глубоко разобраться в делах своего управления. По дороге в Ригу, не доехав до Ионишкис, я встретил командующего округом, который вместе со своими заместителями ехал в Таураге, в штаб 125-й стрелковой дивизии. Командующий после моего краткого доклада о ходе работ предложил мне ехать с ним, пояснив, что штаб округа с основными управлениями выехал в Паневежис для проведения штабного учения.

В этом районе, в лесу, примерно в конце мая 1941 г. в соответствии с планом был оборудован передовой командный пункт будущего штаба фронта. Это были в основном землянки с однонакатным перекрытием, усиление перекрытий предполагалось произвести уже с объявлением мобилизации.

Второй командный пункт

фронта строился в районе Даугавпилса. Я спросил командующего, надо ли немедленно начать строить командный пункт в районе Паневежиса. Он ответил, что пока здесь никаких работ производить не следует, но в районе Даугавпилса работы необходимо ускорить.

Прибыв в Таураге, я позвонил в наше управление в Риге. Из

переговоров с заместителем по оборонительному строительству генерал-майором В. Ф. Шестаковым выяснилось, что все инженерное управление во главе со вторым заместителем полковником П. В. Афанасьевым уже убыло в Паневежис для участия в учении. Выехал также саперный батальон. Я дал указания Шестакову ускорить строительство командного пункта в Даугавпилсе и усилить контроль за ходом оборонительных работ на границе, особенно на правом фланге. Контроль за работой на левом фланге я брал на себя.

Вскоре состоялось заседание Военного совета округа, которое проводилось в штабе 125-й стрелковой дивизии. После совещания командующий округом приказал мне выехать в Каунас в штаб 11-й армии для проверки хода оборонительных работ. Штаб армии в то время находился в одном из фортов Каунасской крепости, оборудованном под командный пункт штаба армии.

Вечером 18 июня я уже был в штабе 11-й армии. Начальник инженерных войск армии полковник С. М. Фирсов доложил, что войска армии усиленно ведут работы по укреплению предполья. Последующие полутора суток ушли на проверку хода оборонительных работ. При этом я дал указание С. М. Фирсову об устройстве на ряде участков лесных завалов, доложив об этом тут же по телефону командующему округом, поскольку разрешения на устройство заграждений в предполье еще не имел.

К вечеру 20 июня в Таураге в штабе 125-й стрелковой дивизии состоялось второе заседание Военного совета округа. На мой вопрос о возможности начать устройство минно-взрывных заграждений в предполье командующий ответил отрицательно, но при этом он указал, что в предполье надо иметь запас минно-взрывных средств, а установку их начать по получении приказания по радио, которое будет передано открытым текстом.

В 4 часа утра 22 июня мы были разбужены взрывами артснарядов. Я подскочил к окну и увидел, как от взрыва первых же снарядов загорелся дом, в котором размещался штаб 125-й стрелковой дивизии, находившийся как раз против гостиницы. Быстро одевшись, побежал в 93-е управление военного строительства, расположенное рядом с гостиницей, начальником которого был военный инженер 2-го ранга В. А. Квятковский. Враг вел огонь главным образом зажигательными снарядами, вследствие этого через 15 - 20 минут после начала артиллерийского обстрела весь город горел.

Оказалось, что примерно в 2 часа 30 минут штаб 125-й стрелковой дивизии получил приказание из штаба округа поднять свои части по боевой тревоге и занять оборону в предполье. В управлении строительства я застал помощника командующего

округом по укрепленным районам генерал-майора А. Н. Астанина, который тут же выехал для доклада командующему фронтом на командный пункт в Паневежис, я же должен был помочь эвакуировать строительные части управления. Связь со строительными участками управления с начала артобстрела была полностью нарушена, поэтому В. А. Квятковскому было приказано немедленно выехать на правый фланг фронта, где располагались строительные части управления, и отвести их в район Кельме. Я поехал на левый фланг рубежа строительства управления с той же целью. Строительные части должны были быть отведены в район Кельме потому, что местность там являлась весьма благоприятной для создания оборонительного рубежа, фронтом на запад, в глубине обороны наших войск. К 17 часам первого дня войны мы прибыли на командный пункт фронта, расположившийся в лесу в районе Паневежиса. Бои с противником развернулись уже по всему фронту. Основные усилия противник сосредоточивал в направлении Таураге, Каунас. Имея превосходство в силах, враг использовал неполную готовность нашей обороны.

К началу войны на строящемся долговременном оборонительном рубеже на границе из 2000 долговременных огневых точек было забетонировано не более 300, но и те были без долговременного оборудования, не говоря уже об их вооружении. Строительство других оборонительных сооружений здесь еще не начиналось.

Создаваемое нами предполье впереди строящегося долговременного рубежа также не было полностью готово. Здесь мы сумели оборудовать силами войск около 160 батальонных районов обороны. Оборудование состояло из полевых сооружений - окопов, ходов сообщений, небольшого количества деревоземляных огневых точек. Имелось небольшое количество земляных противотанковых заграждений типа рвов и эскарпов, но минно-взрывных заграждений не было. Противопехотные проволочные заграждения были построены, но их тоже явно не хватало.

Строительство тыловых рубежей по плану, к сожалению, не намечалось. В глубине территории округа имелись старые укрепленные районы - Псковский, Островский, Себежский, работы на которых в 1939 г. фактически прекратились, а оборудование и вооружение с огневых точек к началу войны в большинстве своем оказалось демонтированным.

С саперными и строительными частями, которые вели оборонительные работы на границе, с началом боевых действий у нас никакой связи не оказалось. Как выяснилось позже, все

саперные и строительные части, имевшие оружие, были включены в полевые войска и вели бои на границе, а не имевшие оружия отходили в тыл.

Все это весьма осложнило боевые действия войск и поставило перед инженерными войсками фронта сложные проблемы.

Вечером 23 июня я докладывал командующему фронтом об инженерной обстановке, сложившейся к исходу второго дня войны. Выслушав мой доклад, командующий приказал принять меры, чтобы собрать отходящие саперные и строительные части и приступить с 24 июня к постройке оборонительного рубежа на линии Елгава, Даугавпилс, Вильнюс, т. е. в основном по р. Западной Двине, и одновременно ускорить строительство командного пункта в районе Даугавпилса. Особое внимание командующий фронтом обращал на устройство противотанковых заграждений.

Возвратившись от командующего, я отдал распоряжение генерал-майору В. Ф. Шестакову ускорить строительство командного пункта в районе Даугавпилса и принять необходимые меры, чтобы собрать отходящие саперные и строительные части и использовать их для развертывания работ на оборонительном рубеже, указанном командующим войсками фронта. Заместитель по строевой части инженерного управления полковник П. В. Афанасьев получил приказ организовать группы офицеров из управления и с ними выехать в штабы 11-й и 8-й армий для оказания помощи начальникам инженерных войск армий по инженерному обеспечению боевых действий. Особое внимание следовало обратить на ускорение создания минно-взрывных и других заграждений и своевременное уничтожение всех переправ через реки.

Для устройства заграждений в армиях было приказано создать специальные отряды заграждений, используя с этой целью отходящие с участков строительства приграничного оборонительного рубежа саперные батальоны, обеспечив их взрывчаткой и минами.

К 25 июня войска фронта отошли на рубеж Лиепая, Телыпай, Кельме, Кейданяй, Вильнюс, но и после этого они, упорно обороняясь, продолжали отход.

Начатые оборонительные работы по Западной Двине с 27 июня по указанию штаба фронта были прекращены, и к 28 июня строительные части перешли на рубеж Псков, Остров, Себеж с задачей привести в боевое состояние старые законсервированные укрепрайоны.

Мы с начальником штаба инженерного управления полковником А. П. Петровым срочно выехали в Даугавпилс.

Дорога была забита автомашинами, и мы в целях ускорения движения решили проехать через Крустпилс, что в 25 км севернее Даугавпилса, и одновременно осмотреть мост через р. Даугаву у Крустпилса. Мост оказался в хорошем состоянии и охранялся командой саперов. Старший команды саперов лейтенант доложил, что мост заминирован и подготовлен к взрыву. На вопрос, по чьему приказанию будет взрываться мост, он ответил, что мост будет взорван по приказанию командира последней отходящей части или при появлении противника.

В этой сложной обстановке иного решения, видимо, придумать было невозможно. Для нас было важно то, что указания, данные начальникам инженерных войск армий об усилении работ по устройству заграждений, приняты к исполнению.

26 июня, часам к 15, мы прибыли в Даугавпилс. Полковнику Г. А. Андрееву было приказано прекратить здесь все работы. Из вооруженных саперов мы сформировали саперный батальон и направили его к Резекне для оборудования командного пункта на новом месте, полагая, что саперный батальон, находившийся в Паневежисе, вряд ли подойдет вовремя.

Всех невооруженных строителей под командой полковника Г. А. Андреева мы направили в г. Остров, в распоряжение инженера 2-го ранга В. А. Квятковского, руководившего работами в Островском укрепленном районе. Прибыв в Резекне, я получил донесение от генерал-майора В. Ф. Шестакова о том, что все управления строительства с небольшой частью строителей отошли с пограничного рубежа и поставлены на работы на рубеже Псков, Остров, Опочка, Себеж. 91-е управление оборонительного строительства было передано Северному фронту, а 188-е управление придано Полоцкому укрепленному району. Я доложил об этом командующему фронтом, и он приказал мне не позже 28 июня выехать и осмотреть состояние укрепленных районов и проверить ход работ, ускорив темпы и обратив особое внимание на укрепление Псковского и Островского укрепрайонов. Одновременно он указал, что числа 30 июня в район Островского укрепленного района прибывает 41-й стрелковый корпус, а в район Себежского укрепрайона из тыла подходит 22-я армия. Мне приказывалось побывать в штабах этих армий, ознакомить их с обстановкой на фронте и обязать выслать своих представителей в штаб фронта. Затем командующий фронтом указал, что после занятия вновь прибывшими частями укрепленных районов строительные части должны быть переведены на рубеж Карамышево, Воронцово, Пушкинские горы, Кудеверь, на котором им предписывалось приступить к

оборонительным работам, в первую очередь по возведению противотанковых препятствий. Все мосты через р. Великую приказывалось минировать и подготовить к взрыву, выставив для их охраны команды саперов.

Обстановка на фронте продолжала осложняться. В результате быстрого продвижения танков противника в стыке 8-й и 11-й армий направление на Даугавпилс оказалось неприкрытым нашими войсками, и части 56-го моторизованного корпуса противника, не встречая сопротивления, устремились к Даугавпилсу. Под давлением значительно превосходящих сил противника части 8-й армии отходили к Риге, а войска 11-й армии - на Свенцяны, Диена. В связи с этим войска фронта получили приказ занять обороту по восточному берегу р. Даугавы. К вечеру 28 июня в район Резекне прибыл штаб 27-й армии, который объединил около 1,5 тыс. бойцов 5-го воздушно-десантного корпуса и соединения 21-го механизированного корпуса в этом районе. Выехав в этот же день для осмотра оборонительных работ в укрепленных районах, 30 июня в г. Остров я побывал в штабе прибывшего 41-го стрелкового корпуса, которым командовал генерал-майор И. С. Кособуцкий. Части корпуса только что подходили в район Острова. Ознакомив командира корпуса с обстановкой на фронте, я детально рассказал ему и корпусному инженеру полковнику А. Головлеву об оборонительных работах, производимых в укрепленном районе. Кроме того, сообщил, что, как только укрепленный район займут части корпуса, строительные части фронта отойдут на новый оборонительный рубеж и что мосты через р. Великую подготовлены к взрыву.

В тот же день в Себеж прибыл штаб 22-й армии. Армией командовал генерал-лейтенант Ф. А. Ершаков. Передовые части армии начали занимать Себежский укрепрайон. Штаб армии также был ознакомлен с обстановкой на фронте.

Себежский укрепрайон, занимавший по фронту до 60 км, имел 75 законсервированных долговременных сооружений без вооружения. Оборонительные работы в полосе укрепрайона лишь начинали развертываться силами 210-го и 107-го управлений строительства, отошедших от границы и имевших около 2500 строителей. В районе Опочки силами 87-го управления начальника строительства под руководством инженера 2-го ранга Бермигера строился полевой рубеж протяжением по фронту до 25 км. В первую очередь создавались противотанковые препятствия.

В Островском укрепленном районе на фронте до 40 км от Васильева до оз. Пустое имелось 70 законсервированных долговременных сооружений без вооружения. Работы по

усилению обороны производились под руководством начальника строительства 93-го управления инженера 2-го ранга Квятковского. В Псковском укрепрайоне было 50 долговременных сооружений. Укрепрайон занимали вооруженные пулеметные роты. Оборонительные работы велись под руководством 85-го управления начальника строительства подполковника И. П. Корявко. Работы на всем рубеже шли усиленным темпом. Только на рубеже Псковского и Островского укрепрайонов в работах участвовало 9500 военных строителей и более 10 тыс. местных рабочих.

Все законсервированные оборонительные сооружения приводились в боевое состояние. Амбразуры у сооружений закладывались мешками с песком, везде были построены столы для установки пулеметов. Особенно усиленно создавались противотанковые и противопехотные препятствия. Между долговременными сооружениями строились окопы, дзоты и ходы сообщений.

В связи с выходом противника к р. Даугаве к 4 июля штаб фронта передислоцировался в район Пскова, куда прибыли новый командующий фронтом генерал-майор И. П. Собенников, до этого командовавший 8-й армией, и новый начальник штаба фронта генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин.

Войска Северо-Западного фронта, упорно обороняясь, под давлением превосходящих сил врага продолжали отход. К 10 июля части 8-й армии отошли на рубеж Пярну, Тарту, а части 27-й и 11-й армий - на рубеж Псков, Остров, Опочка, Идрица, Дрисса. Строительные части, выполняя приказ штаба фронта, перешли на рубеж Карамышево, Воронцово, Кудеверь и приступили здесь к строительству оборонительных сооружений.

Инженерные части в чрезвычайно сложной обстановке в основном выполнили возложенные на них задачи. Все мосты, за исключением некоторых, на путях отхода войск фронта были взорваны. Количество заграждений по прикрытию отхода наших частей, особенно минных, все увеличивалось, что в немалой степени сдерживало темп наступления врага.

По донесениям наших войск, передовые части противника, наткнувшись на минные заграждения и неся потери, приостанавливали наступление, вынуждены были вести разведку, на что тратилось немало времени, которое использовалось нашими войсками для реорганизации и усиления обороны.

Здесь хочется отметить героические действия группы саперов во главе с младшим лейтенантом С. Г. Байковым, подорвавшей железнодорожный мост через р. Великую в Пскове.

Группа заминировала железнодорожный мост и, зорко

охраняя его, ждала команду о его подрыве. Команда поступила, но Байков увидел, что к мосту отходит наша артиллерийская часть на конной тяге. Тогда он приказал задержать взрыв, и все саперы, несмотря на сильный артиллерийский огонь противника, бросились устраивать настил. Наши артиллеристы благополучно перешли по мосту. Вслед за ними к мосту устремились танки и мотомехчасти противника. Надо было немедленно взорвать мост. Попытка подорвать мост подрывной машинкой не удалась, так как во время обстрела вражеской артиллерией были перебиты провода. Тогда саперы во главе со своим командиром, захватив зажигательные трубки, бросились на мост и, перебегая от фермы к ферме, подорвали мост вместе с ворвавшимися на него танками противника.

При подрыве моста погиб смертью храбрых младший лейтенант С. Г. Байков. Он был посмертно удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Дальнейшее осложнение обстановки на фронте вынудило штаб фронта перейти к 5 июля из района Пскова в Новгород, где по заданию штаба фронта мы срочно приступили к оборудованию нового командного пункта. В это время в штаб фронта на должность члена Военного совета фронта прибыл секретарь Ленинградского обкома партии Терентий Фомич Штыков. Он оказал инженерному управлению громадную помощь.

Строительные части фронта были укомплектованы технически грамотным инженерным составом, к сожалению, имевшим слабую подготовку в военном отношении. В мирное время в штабе округа был отдел укрепленные районов. В его обязанность входили работы по рекогносцировке оборонительных рубежей и отработке необходимой для этого документация, которую он вручал строительным управлениям, практически выполнявшим работы. В боевой же обстановке этот отдел, да и инженерное управление фронта, уже не могли что-либо сделать заблаговременно, и поэтому все оборонительные работы, включая и рекогносцировку рубежей, должны были производить сами строительные управления. Такое положение было и на других фронтах.

По указанию Генерального штаба с 4 июля началось переформирование строительных частей инженерного управления по новым штатам, которыми предусматривалось все необходимое для самостоятельного производства оборонительных работ, в том числе и рекогносцировки.

По новым штатам формировалось управление оборонительного строительства фронта во главе с генерал-майором В. Ф. Шестаковым и пять армейских управлений

полевого строительства (АУВПС). Каждое управление имело в своем составе три строительных участка и три строительных батальона численностью по тысяче человек каждый.

Строительные части фронта, находившиеся в это время на строительстве рубежа Карамышево, Воронцово, Кудеверь, в связи с отходом на них войск после выполнения небольшого объема оборонительных работ, главным образом по строительству противотанковых препятствий, по приказу штаба фронта отошли на рубежи Старая Русса, р. Ловать, Холм, где и приступили под руководством генерал-майора В. Ф. Шестакова к работе.

В первую очередь была поставлена задача построить Старорусский укрепленный район по фронту до 50 км с целью не допустить наступления противника в обход оз. Ильмень с юга. В этот же период в районе Медведь, Шимск фронту были приданы 70-я и 237-я стрелковые дивизии. За счет этих дивизий была создана новгородская оперативная группа под командованием генерал-лейтенанта С. Д. Акимова, которая вскоре была переформирована в 48-ю армию. На войска армии возлагалась задача прикрыть новгородское направление, заняв оборонительный рубеж р. Луга, Медведь, Шимск, оз. Ильмень. Строительство рубежа производилось уже по приказу Северного фронта, отданного в первых числах июля.

7 июля мы с Т. Ф. Штыковым, начальником инженерных войск 48-й армии полковником Ф. В. Пошехонцевым проверяли состояние и ход строительства на этом рубеже. На строительстве работало около 15 тыс. человек, большинство которых составляли ленинградцы. На рубеже уже было построено много полевых оборонительных сооружений, противотанковых препятствий типа рвов и эскарпов и начаты работы по строительству противопехотных проволочных заграждений. Полковнику Пошехонцеву было приказано ускорить оборонительные работы. Армия усиливалась двумя армейскими инженерными батальонами.

Генерал-майор В. Ф. Шестаков получил указание немедленно организовать рекогносцировку промежуточного рубежа между Шимском и Новгородом по р. Веронде и начать на этом рубеже оборонительные работы, а также взять под контроль производство работ на всех рубежах.

Строительство оборонительного рубежа Старая Русса - Холм велось строительными частями фронта под руководством заместителя начальника только что сформированного управления оборонительного строительства фронта инженера 2-го ранга Квятковского.

Основные усилия строителей были сосредоточены на

строительстве Старорусского укрепрайона. На этом рубеже работало около 10 тыс. человек. Ожидалось прибытие в Старую Руссу 183-и и 254-й стрелковых дивизий.

Комендантом Старорусского укрепрайона был назначен генерал-майор Н. Д. Гусев, на которого и возлагалась организация обороны на этом участке.

10 июля мы с Т. Ф. Штыковым прибыли в Новгород и доложили командующему фронтом о ходе оборонительных работ. Командующий приказал ускорить оборонительные работы на новгородском направлении и по р. Ловати. К 15 июля войска Северо-Западного фронта и Лужская оперативная группа Северного фронта отошли на рубеж Нарва, Сабск, Луга, Уторгош, Сольцы, Дно, Холм. Здесь враг был временно остановлен. Войска 8-й армии перешли в подчинение Северного фронта.

В период 14 - 18 июля силами нескольких соединений 11-й армии был нанесен сильный контрудар по противнику в районе Сольцы, в результате которого враг оказался отброшенным на 40 км на запад. Это имело важное значение для выигрыша времени, которое мы использовали для организации обороны на ближних подступах к Ленинграду.

Противник, встретив упорное сопротивление соединений 27-й и 11-й армий в районе Уторгош, Сольцы, Дно, основные усилия перенес на направление Луга - Кингисепп.

К 20 июля мы закончили переформирование строительных частей по новым штатам. Одновременно был переформирован отдел укрепленных районов фронта. Воспользовавшись передышкой на фронте, оборонительные организации и войска полным ходом вели оборонительные работы. На рубеже Старая Русса, Холм работы выполнялись переформированными строительными частями фронта. Особое внимание было уделено устройству противотанковых препятствий. На 29 июля в Старорусском укрепрайоне было по строено: противотанковых препятствий - 60 км, противопехотных - 10 км, орудийно-пулеметных дзотов - 194, окопов полного профиля - 425, установлено 17 тыс. мин. Все мосты и дороги в районе Холма и на р. Великой были минированы и подготовлены к взрыву. На новгородском направлении помимо основного рубежа р. Луга, Медведь, оз. Ильмень, занятого частями 48-й армии, велись работы на промежуточном рубеже по линии р. Веронда, Борки, Сутоки, Олехново и непосредственно на окраине Новгорода.

Примерно 20 - 25 июля нам стало известно, что в районе Валдая также производятся оборонительные работы. Что это были за работы, какие строительные организации их производят, ни мне, ни штабу фронта не было известно. Мне вместе с Т. Ф.

Штыковым пришлось выехать в Валдай, где мы выяснили, что оборонительные работы на рубеже Малая Вишера, Крестцы, оз. Селигер, Осташков протяжением по фронту до 200 км производятся силами строительных частей НКВД, снятых со строительства Верхне-Свирской ГЭС по указанию из центра. Работами руководил начальник Верхне-Свирской ГЭС Рапопорт. В работах участвовало более 50 тыс. человек. Для рекогносцировки рубежа, оборонительных работ на местности было привлечено небольшое количество слушателей 2-го и 3-го курсов Военно-инженерной академии им. В. В. Куйбышева.

При ближайшем ознакомлении с выполненными работами мы обнаружили очень много ошибок, особенно по использованию рельефа местности. Некоторые прекрасно построенные оборонительные сооружения впереди имели "мертвое" пространство на глубину 200 - 300 м. Противотанковые рвы иногда тянулись до километра без учета рельефа местности. Были и другие ошибки. При разговоре с начальником строительства Рапопортом, с начальниками участков строительства и командирами, выделенными для технического руководства, мы убедились, что основной причиной ошибок, допущенных при строительстве рубежа, была недостаточная подготовка руководящего состава строителей в военном отношении и нехватка командного состава, привлеченного для рекогносцировок и технического руководства строительством.

Прибыв в штаб и доложив обо всем командующему фронтом, мы просили его переговорить с маршалом Б. М. Шапошниковым, чтобы рекогносцировка рубежа и контроль за строительством были возложены на Северо-Западный фронт, так как этот рубеж строился для войск нашего фронта.

При повторном посещении района мы убедились, что ошибки не устранены. В связи с этим Военный совет послал маршалу Шапошникову специальный доклад. 9 августа от Б. М. Шапошникова Военный совет получил ответ, из которого следовало, что техническое руководство строительством рубежа возлагается на Северо-Западный фронт. Отдел укрепленных районов штаба фронта временно принял на себя руководство по строительству этого рубежа. Возглавлял отдел генерал-майор Горячев, который немедленно приступил к работе. А инженерное управление фронта все внимание обратило на дальнейшее укрепление рубежей на новгородском направлении, на рубеже Старая Русса, Холм, на обеспечение боевых действий частей фронта.

В первых числах августа на Северо-Западный фронт прибыла из резерва Ставки 34-я армия. После сосредоточения в районе

Демянска она должна была нанести контрудар в северо-западном направлении, в обход Старой Руссы с юга. Начальником инженерных войск в этой армии был полковник С. Н. Дугарев.

В это же время 48-я и 11-я армии должны были нанести контрудары в направлении Сольцы, Порхов. Оперативная группа штаба фронта во главе с командующим и начальником штаба фронта к 10 августа разместилась в Демянске. Мне было приказано организовать инженерное обеспечение наступления 48-й армии с форсированием р. Шелони.

Авиация противника начала усиленно бомбить Новгород и особенно мосты через Волхов и Мету в районе Большой Вишеры. Дав указание своему заместителю о наводке запасных мостов через Волхов и Мету и сосредоточении в этих местах запасного переправочного имущества, я с начальником инженерных войск 48-й армии занялся инженерным обеспечением наступления 48-й армии, получившей на усиление два понтонных и три инженерных батальона.

14 августа командующий войсками фронта приказал мне прибыть на командный пункт фронта, развернутый в Демянске. В 48-й армии остался генерал-майор Шестаков.

Командующий фронтом в Демянске, ознакомив меня с обстановкой на фронте 34-й армии, приказал проверить организацию инженерного обеспечения контрудара, наносимого этой армией. Я доложил командующему, что считаю необходимым прикрыть заграждениями левый фланг армии в направлении на Холм, так как он совершенно открыт. Последовал ответ, что этого делать не надо, так как у противника в этом районе ничего нет, самая важная наша задача заключается в инженерном обеспечении безостановочного продвижения армии.

Обстановка в армии становилась все сложнее. Имея превосходство в воздухе, авиация противника непрерывно бомбила дороги и переправы через Ловать, Полу, Редью в полосе наступления армии; соединения армии могли продвигаться только в ночное время. 34-я армия для инженерного обеспечения имела в своем составе помимо войсковых саперов три армейских инженерных батальона, она была усилена 10-м строительным управлением. Это вполне обеспечивало действия армии в инженерном отношении. Армейские инженерные батальоны и войсковые саперы работали круглосуточно. Несмотря на непрерывную бомбардировку с воздуха, они обеспечивали надежную переправу войск армии через Ловать, Полу, Редью, имея на каждом маршруте, а их было три, минимум две переправы. Для содержания дорог в проезжем состоянии и быстрой ликвидации повреждений, наносимых авиацией

противника, на каждый маршрут были выделены подразделения строительных батальонов.

Контрудар 34-й и 11-й армий в районе Старой Руссы вначале развивался успешно. Но противник, подтянув крупные танковые моторизованные силы и авиацию, вынудил 34-ю и 11-ю армии к отходу. Тогда же 10 августа враг перешел в наступление в направлении Новгорода. Несмотря на упорное сопротивление наших войск, все же мы оказались вынужденными оставить Новгород и отойти.

К 25 августа на старорусском направлении части 11, 34 и 27-й армий отошли на рубеж Старая Русса, р. Ловать, Холм и здесь вели упорные бои. Войска 48-й армии отошли в направлении Чудово, перейдя в подчинение Ленинградского фронта.

Остатки частей 28-й танковой дивизии, некоторые части 48-й армии, а также все приданные этой армии саперные части, находившиеся к востоку от Новгорода, были объединены в оперативную группу под командованием комдива И. Т. Коровникова с задачей не допустить выхода противника на восточный берег Волхова и р. Меты. В создавшейся обстановке инженерное обеспечение боевых действий наших войск становилось еще более сложным. Основные задачи инженерного управления фронта в тот период состояли в том, чтобы прикрыть отход наших войск, обеспечить переправу частей на правом его крыле через Волхов и Мету, а на старорусском направлении - через Ловать, Полу, а с отходом наших частей на новые рубежи оказать им содействие в постройке оборонительных сооружений и прикрытии занятых позиций заграждениями. К задачам второй очереди мы относили ускорение постройки тыловых рубежей и заграждений, создание которых имело целью прикрыть направления Кречивицы, Малая Вишера, Крестцы; Демянск, Валдай; Холм, Осташков, Вышний Волочек.

К 18 августа штаб фронта передислоцировался в район Валдая. Новгородская группа под командованием комдива Коровникова занимала оборону по восточному берегу р. Волхова, южному берегу р. Меты до Холыньи, далее рубеж обороны шел по восточному берегу Меты. Для оказания помощи в организации инженерного оборудования этого рубежа в группу был командирован начальник штаба инженерного управления полковник А. П. Петров. Помимо пяти инженерных батальонов, которыми в свое время была усилена 48-я армия и которые затем отошли к востоку от Новгорода, группа усиливалась 9-м армейским управлением оборонительного строительства со строительными батальонами. В очень сложной оперативной обстановке инженерные части сумели выполнить возложенные на

них задачи. Они обеспечили переправу наших частей через Волхов и Мету по наведенным переправам, а затем после своевременного уничтожения переправ, содействовали нашим войскам, препятствовавшим форсированию противником р. Волхова. Некоторые инженерные батальоны были неоднократно использованы как полевые войска.

По указанию начальника штаба фронта генерал-лейтенанта Н. Ф. Ватутина, который в это время прибыл в новгородскую группу, инженерные части вели оборонительные работы круглосуточно, уделяя особое внимание установке минно-взрывных заграждений. На старорусском направлении инженерные части, несмотря на непрерывные бомбежки, обеспечили переправу наших отходящих частей через Редью, Ловать, Полу. Прикрыв отход войск заграждениями, они усиленно вели оборонительные работы по р. Ловати. К 25 августа войска 11, 34 и 27-й армий, упорно обороняясь на рубеже оз. Ильмень, Холм, на некоторое время остановили продвижение противника. Строительство тыловых оборонительных рубежей под руководством генерал-майора Горячева шло усиленным темпом. На работах в этот период находилось около 80 тыс. строителей; общее протяжение тыловых рубежей доходило до 700 км; создавалось 120 батальонных районов. Было построено противотанковых препятствий - 410 км, противопехотных - 51 км, окопов всех видов - 3626, деревоземляных точек: артиллерийских - 619, пулеметных - 849.

В командование войсками фронта в этот период вступил генерал-лейтенант П. А. Курочкин. Знакомясь с инженерной обстановкой на фронте, новый командующий подчеркнул необходимость ускорения оборонительных работ на тыловых оборонительных рубежах, обратив особое внимание на стык с Западным фронтом, так как противник в этот период развивал наступление в направлении Калинина.

Имея большое превосходство в силах, враг одновременно с наступлением на Калинин повел наступление и на Северо-Западном фронте, нанося основной удар в направлении Холм, Демянск, Осташков. Войска фронта вели упорные бои на рубеже по р. Ловати, но из-за значительных потерь личного состава и материальной части в предыдущих боях начали отходить. Сосед слева - 22-я армия Западного фронта - отходил в направлении Осташков, Торжок. Теперь все внимание инженерного управления было обращено на инженерное обеспечение отхода войск и усиление темпа оборонительных работ на тыловых рубежах Малая Вишера, Крестцы, ст. Лычково, оз. Селигер, Осташков и на рубеже Боровичи, Валдай, оз. Селигер. Работы на тыловых

рубежах, как и прежде, выполнялись строительными частями НКВД, но уже были получены указания о переходе с 15 сентября части строительных управлений НКВД с рабочим составом в тыл на новые рубежи. Строительство тыловых рубежей полностью возлагалось на инженерное управление фронта.

Примерно в конце августа Ставка Верховного Главнокомандования приказала штабу фронта взять под наблюдение водохранилища в районах Боровичи, Валдай, Осташков, Вышний Волочек, созданные в мирное время для снабжения водой в период мелководья, соединительные каналы рек Меты и Волги, поскольку они давали возможность поднять уровень воды Меты, Волги, Тверцы и превратить их в очень серьезные водные преграды. Для проверки состояния водохранилищ и возможности использовать их для устройства заграждения в инженерном управлении была создана специальная группа во главе с полковником И. Ф. Федоровым.

Группа, получив в свое распоряжение маскировочную роту, гидророту и строительные батальоны, немедленно убыла в район Вышневолоцкого водохранилища, являвшегося основным во всей системе водохранилищ. Группа полковника Федорова, используя все приданные ей средства, в том числе и сотрудников 9-го технического участка Московско-Волжского водного пути, который также был подчинен ей на период работы, блестяще выполнила порученное задание.

Все плотины водохранилищ были замаскированы, особенно Вышневолоцкое, и технически подготовлены для поднятия воды в Волге, Тверце. Следует отметить, что за весь период наступления противника на Калинин его авиация, усиленно бомбардируя Калинин, Вышний Волочек, ни разу не бомбила плотины водохранилища, что можно объяснить только хорошей их маскировкой. Разрушение же Вышневолоцких плотин грозило затоплением на протяжении 30 км всех населенных пунктов по р. Тверце и г. Вышнему Волочку. К 9 сентября части фронта, ведя тяжелые оборонительные бои, отошли на рубеж устье р. Великой до Парфино, ст. Лычково, оз. Селигер и далее по восточному берегу озер на Осташков, где, заняв подготовленный оборонительный рубеж, окончательно остановили продвижение противника. Сосед слева - 22-я армия, ведя упорные бои, занял рубеж Осташков и далее по восточному берегу Волги.

Части фронта, имевшие большие потери в личном составе, заняли новый оборонительный рубеж протяжением до 250 км. Слабо обеспеченные артиллерией, они вели тяжелые оборонительные бои.

Стрелковые дивизии 11, 34, 27-й армий на фронте оз.

Ильмень, ст. Лычково, оз. Селигер оборонялись в полосах шириною от 15 до 20 км. На фронте соседа слева противник, имея превосходство в силах, в октябре подходил к Калинину. В связи с этим в районе Вышнего Волочка была организована оперативная группа небольшой численности под командованием начальника штаба фронта генерал-лейтенанта Н. Ф. Ватутина с задачей прикрывать левое крыло фронта с направления Торжок - Калинин. Военный совет фронта приказал руководству инженерного управления доложить о необходимых мерах по инженерному обеспечению боевых действий фронта. Обсудив с офицерами инженерного управления поставленную задачу, мы решили, что в сложившейся обстановке основным мероприятием по инженерному обеспечению боевых действий войск будет являться устройство сильных заграждений и особенно минно-взрывных. По плану намечалось устройство проволочных противопехотных заграждений, усиленных минными заграждениями на переднем крае батальонных районов и на армейских рубежах, а также батальонных районов, занятых резервами частей и дивизий.

На тех направлениях, где по условиям местности возможно было движение танков и моточастей противника, намечалось устройство противотанковых минных заграждений и минированных лесных завалов. Минно-взрывные заграждения устраивались на всю глубину армейских рубежей.

Все дороги, за исключением самых необходимых для передвижения частей обороны, минировались. Для подвоза снабжения из тыла, как правило, оставлялась незаминированной одна дорога в сторону армии, и та подготовлялась к минированию в случае необходимости, для чего выделялись специальные команды саперов. Очередность: передний край, дивизионные резервы, армейские рубежи. В плане одновременно намечалось усиление оборонительных рубежей на флангах и валдайском направлении. Наш план получил одобрение Военного совета фронта, и мы немедленно приступили к его выполнению. Работы развернулись полным ходом.

Для руководства работами на правом фланге в группу комдива Коровникова был направлен начальник штаба инженерного управления полковник Петров, который хорошо знал обстановку на фронте этой группы. На валдайское направление был выделен мой заместитель полковник Афанасьев с группой офицеров управления.

В его распоряжение было выделено четыре инженерных батальона, прибывших к нам на пополнение. Для прикрытия заграждениями направлений Калинин - Торжок полковнику

Федорову, руководившему работами в группе генерал-лейтенанта Н. Ф. Ватутина, придавался саперный батальон под командованием К. В. Соколова. По намеченному плану для устройства заграждений требовалось около 800 тыс. противотанковых и противопехотных мин. По нашей заявке усиленно стали поступать из центра необходимые инженерные средства. Мы получили около 700 тонн проволоки, несколько тысяч пакетов МЗП (малозаметных препятствий), необходимое количество взрывчатых веществ и принадлежностей для взрыва, а мин пока поступало еще маловато. Для покрытия потребности в минах в Боровичах, Вышнем Волочке моим заместителем по снабжению полковником Темлясовым было организовано изготовление мин в местных мастерских, главным образом деревянных коробок для мин, зарядка же коробок выполнялась саперами.

Намного хуже обстояло дело с строительством тыловых рубежей. В этот период шла реорганизация руководства этими работами. Управление оборонительного строительства фронта со всеми АУВПС, за исключением 10-го АУВПС, и все управления строительства НКВД, за исключением 20-го управления, переходили на тыловые рубежи в районе Вологда - Череповец. Несмотря на реорганизацию, инженерное управление фронта, быстро перестроившись, развернуло работу по строительству тыловых рубежей, которой руководил начальник отдела оборонительного строительства полковник В. А. Огородников.

Работы по строительству тыловых рубежей, особенно на валдайском направлении, шли довольно успешно. Они выполнялись оставшимся в распоряжении фронта 20-м строительным управлением НКВД, где главным инженером был Г. А. Кравченко, что в немалой степени способствовало успеху.

Выполнялись и другие задания, поставленные инженерному управлению Военным советом. Противник усиленно бомбил аэродромы, артпозиции и малейшее скопление материальной части и живой силы на дорогах. В работу включилась маскировочная рота фронта, тщательно маскируя действующие объекты. Создавались ложные объекты, аэродромы, артпозиции, скопление танков. Для этой цели на фанерном заводе в Парфино и частично в Вышнем Волочке было изготовлено несколько сот макетов самолетов, артиллерийских орудий, танков.

В дальнейшем в батальонных районах между озерами Велье и Селигер мы использовали электророту для электролизации проволочных заграждений переднего края. На дорогах Новгород - Валдай - Калинин - Вышний Волочек, на валдайском направлении было установлено большое количество фугасов, взрываемых ТОС

(техникой особой секретности). Плотные минно-взрывные заграждения, установленные в полосах обороны стрелковых дивизий, усиливали нашу оборону.

Обычно прибывающие на пополнение фронта воинские части встречали представители оперативного управления фронта и инженерного управления. Командиру прибывшей части вручалась схема заграждений района и дорог, куда следовала часть, с указанием точного соблюдения порядка движения во избежание подрыва на минах.

В коротком очерке трудно перечислить всех командиров, описать работу всех инженерных частей. Ведь за весь период с первых дней войны не было командиров и инженерных частей в целом, которые бы в сложнейшей обстановке не выполнили полученного задания.

В успехе всех проводимых нами мероприятий исключительная роль принадлежала партийным и комсомольским организациям, политическим органам и политработникам, которые воспитывали в войсках чувство высокой ответственности за порученное дело, вносили дух организованности, развивали у воинов выносливость и поднимали их своим личным примером на героические подвиги. Ото всей души мне хотелось бы поблагодарить комиссара инженерного управления, тогда молодого и энергичного полковника Н. В. Килина, который принимал самое деятельное участие в работе управления. Он часто бывал в инженерных частях, детально знакомился с обстановкой, изучал настроение воинов, принимал меры по устранению встречавшихся недостатков, сплачивал людей, всячески способствовал укреплению дисциплины.

Заканчивая эти краткие воспоминания, я должен отметить, что упорной обороне войск фронта в немалой степени способствовали хорошо оборудованные оборонительные рубежи, прикрытые весьма сильными заграждениями с применением всех имевшихся в тот период инженерных средств.

П. М. Курочкин

Связь Северо-Западного фронта

Свой рассказ я начну с краткой характеристики состояния связи Прибалтийского особого военного округа накануне войны.

В этот округ на должность начальника отдела войск связи я был назначен с первых дней его формирования. Естественно, в своей работе в Прибалтике я стремился использовать весь накопившийся у меня опыт.

Но беспокойство вызывали два обстоятельства: подготовка театра военных действий в отношении связи и мобилизационная

готовность частей связи. Эти два момента волновали всех работников наших частей.

Надо сказать, что отдел войск связи округа был укомплектован опытными и весьма квалифицированными связистами. Заместителями начальника отдела являлись: по общим вопросам - полковник И. П. Сельков, по радиосвязи военный инженер 1-го ранга Н. П. Захаров. Начальниками отделений были: оперативно-технического - майор В. В. Звенигородский, по боевой подготовке - полковник Н. П. Акимов; строительного - военный инженер 2-го ранга Ф. М. Позднышев; вооружения и снабжения - майор К. Г. Ярына.

Наше беспокойство по поводу подготовки связи на прибалтийском театре военных действий объяснялось рядом причин.

Вспоминаю, как вместе с командирами отдела связи майором В. В. Звенигородским и военным инженером 2-го ранга Ф. М. Позднышевым мы анализировали состояние средств связи на территории Прибалтийского особого военного округа.

Проводная связь каждой прибалтийской республики представляла собой обособленную систему, предназначенную главным образом для обеспечения местных потребностей. Эти системы почти не были соединены между собой и с общей системой связи Советского Союза. Лишь в некоторых пунктах имелись соединения для международного телеграфа и телефона. Нам же была нужна общая система связи для всего театра военных действий. Необходимо было выполнить большой объем работы, чтобы устранить это положение.

Мы пытались установить основные направления, на которых в первую очередь потребуется связь в случае войны.

Где же могут развертываться боевые действия войск? На каких направлениях и в каких районах прежде всего понадобится связь? Наши войска непосредственно соприкасались с возможным противником на юго-западе, на границе с Восточной Пруссией. С этого 300-километрового фронта могут наноситься удары наших войск и войск противника. Три ярко выраженных операционных направления: Рига - Кенигсберг; Даугавпилс - Каунас - Тильзит; Вильнюс - Инстербург. На каждом из них нужна устойчивая связь. Но это не все. Остальная часть границы округа тоже достаточно сложная и небезопасная. На севере сухопутная граница проходит вдоль Финского залива, на западе вдоль Балтийского моря. На любом участке этих границ могут возникнуть боевые действия, но более вероятно - в районах Таллина, Палдиски, Вентспилса, Лиепаи, а также на о-вах Даго и Эзель. Здесь тоже нужна была надежная, заблаговременно подготовленная связь. Так выявив

основные оперативные заявки, мы переходили к сопоставлению их с наличными возможностями.

Существовавшая сеть проводной связи прибалтийских республик не отвечала требованиям по своей конфигурации, т. е. по направлениям основных магистральных и рокадных линий и расположению узлов. В существовавших системах конфигурация определялась административным делением республик и экономическими соображениями. Безусловно, при развитии сетей проводной связи учитывались некоторые военные требования, но при этом принималось во внимание развертывание боевых действий против Советского Союза, что вытекало из политики бывших буржуазных правительств прибалтийских республик. Теперь же направления ряда магистральных и рокадных линий не совпадали с операционными направлениями, с районами вероятного возникновения боевых действий, с маршрутами движения войск при перегруппировках.

Озабоченность вызывало обеспечение живучести связи на театре военных действий. Мы знали, что немецко-фашистским войскам с первых дней войны в Польше удалось нанести серьезные повреждения государственной связи этой страны, нарушить управление, это не могло не осложнить действий польской армии против наступавшего врага. Анализируя живучесть связи в Прибалтике, мы отмечали, что все основные линии связи проходят вблизи железных или шоссейных дорог, а следовательно, могут разрушаться при авиационных бомбардировках дорог. Основные узлы связи размещались в крупных населенных пунктах или в районах железнодорожных узлов и тоже были весьма уязвимы при авиационных ударах противника. Резервных узлов связи не существовало. Одним словом, уязвимых мест в системе связи прибалтийского театра военных действий было много.

Таким образом, для должной подготовки связи на театре военных действий предстояло выполнить огромную работу, нужны были строительные материалы, рабочая сила, денежные средства, а главное - нужно было время.

Помню, тогда мы подсчитали, что требуется построить свыше тысячи километров линий с подвеской около 10 тыс. проводов.

Для устройства узлов связи необходимо было проложить около 50 км подземного кабеля. Обо всем этом начальник штаба округа генерал П. С. Кленов докладывал в Генеральный штаб. Но, к сожалению, мы не получили даже двадцатой доли того, что требовалось. Видно, страна не имела возможности выполнить все наши заявки.

Наше беспокойство о мобилизационной готовности частей

связи объяснялось тем, что в мирное время окружные и армейские части связи составляли очень незначительную долю того, что предусматривалось штатами военного времени. Особенно мало было линейных строительных и эксплуатационных частей (не более 10% потребности военного времени). Предполагалось, что они будут сформированы в мобилизационный период на 10- 20 день после объявления войны.

Это, конечно, нельзя было признать логичным. Ведь в случае возникновения войны связь требовалась сразу же, с первых минут, а силы и средства, обеспечивающие устройство и обслуживание этой связи, по мобилизационным наметкам, могли быть готовы лишь спустя десять дней. Помни, я настойчиво беспокоил командование округа своими просьбами о разрешении хотя бы частично провести мобилизацию частей связи округа и армий. С такой же просьбой обратился начальник штаба округа накануне войны и в Генеральный штаб, но, к сожалению, эта просьба не была удовлетворена.

Отсутствие в округе достаточного количества линейных частей не позволяло произвести соответствующие работы по заблаговременной подготовке связи на театре военных действий, даже если бы были строительные материалы.

Пришлось наш большой план считать перспективным и отложить его исполнение на более благоприятное время. Мы разработали второй минимальный план, предусматривающий жизненно необходимые мероприятия на случай внезапного возникновения войны.

Сделали мы по этому плану до начала войны не так уж и много. В 20 км к востоку от г. Паневежис в лесу был подготовлен район для размещения в нем с началом войны штаба Северо-Западного фронта, создаваемого за счет управления Прибалтийского особого военного округа. В этом районе были построены деревоземляные убежища для управлений и отделов штаба, а также для узла связи фронта. Связисты в этом районе установили внутреннюю связь, в убежищах смонтировали телеграфную и телефонную станции и радиоузел, подготовили для автомобильных радиостанций укрытия котлованного типа, построили соединительные линии до магистралей проводов общегосударственной сети.

Район для размещения штаба фронта был выбран удачно. Большой сосновый лес хорошо маскировал убежище. Грунт был песчаный, сухой, что позволяло все линии внутренней связи проложить освинцованным кабелем непосредственно в земле. В район размещения штаба вело несколько дорог с различных

направлений. Правда, убежища не отличались особой прочностью; в лучшем случае они предохраняли о г бомб малого калибра и от осколков бомб большого калибра.

Аналогичные районы были подготовлены и для размещения в случае войны штабов армий. Для штаба 11-й армии такой район был подготовлен в форту No 6 западнее Каунаса, а второй - неподалеку от населенного пункта Козлова Руда, для 8-й же армии - в нескольких километрах юго-западнее г. Шяуляй вблизи населенного пункта Бубяй.

Был разработан план использования линии общегосударственной связи для военных нужд. Этим планом предусматривалось, какие провода и для какой цели используются с началом войны, а также был определен порядок передачи сигналов оповещения о воздушной опасности по всем сетям военной и гражданской связи. Кроме того, были определены узлы гражданской связи, на которые с началом войны выделялись соответствующие военные представители для осуществления контроля.

Нашим планом предусматривалось 56 таких узлов, из них 6 радио-, а остальные проводной связи. Личный состав на эти узлы должен был выделяться из окружных, армейских и корпусных частей связи.

В отношении радиосвязи планом военного округа предусматривалась организация радиосетей фронта, армий и всех соединений, частей и подразделений округа, в которых должна осуществляться связь с началом войны. Для каждой радиосети были намечены рабочие и запасные частоты (волны), а для каждой радиостанции - позывные и парольные сигналы, позволяющие определить принадлежность радиостанции. Кстати, нужно заметить, что планирование радиосвязи меня беспокоило тем, что документы плана хранились только в штабе округа и с началом войны их нужно было рассылать в войска. А это значило, что с началом войны следовало для каждой радиостанции, а их в округе было несколько тысяч, сообщить позывные и частоту. По опыту повседневной работы я знал, что для этого нужно дней семь - десять, следовательно, требовалась по крайней мере неделя, чтобы перестроить радиосвязь для действия по варианту военного времени. Заблаговременно провести это мероприятие не разрешалось по соображениям секретности.

Для того чтобы связь была устойчивой, следовало ее устанавливать как из основного, так и из запасных районов расположения штаба. Для этого я неоднократно просил начальника штаба округа определить запасные районы размещения штаба фронта. После долгих размышлений были,

наконец, намечены два таких района. Один вблизи Рокишкис, а другой в лесу в 20 км северо-восточнее Даугавпилса. В каждом из этих районов нужно было провести хотя бы минимальные работы по обеспечению связи, а для этого следовало знать более подробно расположение штаба в каждом из намеченных районов. В этом отношении я настойчиво беспокоил начальника штаба, просил его о выделении рекогносцировочной группы из штаба или, если такую группу выделить нельзя, разрешить мне самому разметить места расположения штаба в запасных районах. Я пытался доказать необходимость своевременной подготовки запасных районов, показать, что существующую в этих районах общегосударственную связь нужно приспособить для нужд штаба, а для этого нужны средства и время. В конце концов начальник штаба решил направить начальника оперативного управления и меня для конкретного определения мест расположения штаба в запасных районах и одновременно поручил нам проверить готовность инженерного оборудования и связи в основном районе.

Это было за несколько дней до начала войны. В штабе округа каждый день ожидали возможности ее возникновения. В то время даже установили специальный признак телеграмм, извещающих о нарушении фашистскими войсками государственной границы. Помню, условный признак - слово "Слон". При этом в зависимости от того, какими силами противник нарушил границу, к этому слову добавлялось слово "малый", если силы противника были не более роты, или "большой", если нарушение производилось большими силами.

Мы вдвоем с начальником оперативного управления сначала выехали в Паневежис, где проверили подготовленность основного района. Там оказалось все в порядке, заканчивались работы по подготовке связи и маскировке инженерных сооружений. Затем мы отправились в район Рокишкис, где выбрали удобный район в 10 - 12 км от города. Наметили в нем места для расположения управлений, отделов штаба и для узла связи. Этот район намечался как запасной и подготавливался для перехода в него штаба фронта в случае, если противник обнаружит нахождение штаба около Паневежиса.

После этого выбрали другой запасной район в лесу северо-восточнее Даугавпилса, также определили места для расположения управлений и отделов и узла связи. Этот район намечался для расположения штаба, если противник вынудит отойти наши войска на рубеж Шяуляй - Паневежис.

Я ориентировочно подсчитал, какую работу нужно выполнить по устройству связи в каждом районе. Выполнив задание, мы

должны были возвратиться в Ригу. В пути следования у нас поломалась машина. С трудом добрались до Паневежиса, оттуда я позвонил оперативному дежурному в Ригу и попросил его выслать за нами другую машину. Дежурный сообщил, что нас очень спешно разыскивает начальник штаба округа. Связываюсь с ним, пытаюсь доложить о случившемся, но он взволнованным голосом прерывает мой рассказ.

- Где начальник оперативного управления? Он мне срочно нужен.

- Он находится около машины в километре отсюда.

- Передайте, чтобы он немедленно направился в штаб. Сами же оставайтесь в Паневежисе и ждите нашего прибытия. Два часа тому назад туда выступил Семенихин со своей частью. Как только он прибудет, действуйте по большому плану. Вам понятно, о чем идет речь?

- Да, мне все понятно, - доложил я.

Мне было понятно, что нужно готовить связь из района Паневежиса для штаба Северо-Западного фронта. Наш разговор происходил во второй половине дня 19 июня 1941 г.

Обеспечив отправку начальника оперативного управления в Ригу, я сам остался в Паневежисе в городской конторе связи, ожидая прибытия полка связи.

Часы ожидания были весьма тревожными. Я старался восстановить в памяти план связи, сформулировать задачу полка связи. Был обеспокоен тем, как мои заместители справятся со своевременной рассылкой в войска документов по организации радиосвязи. Одновременно тревожили мысли о том, что многое еще не сделано или вернее сделано очень мало для обеспечения связи в случае немедленного начала войны. Волновали меня вопросы отмобилизования частей связи округа, а также снабжение их положенным имуществом.

До прибытия полка я старался сделать что-нибудь для ускорения развертывания связи. Я считал необходимым прежде всего обеспечить беспрепятственное выделение проводов сети для обеспечения связи фронта. Но как это сделать? Разговаривать открыто по телефону я не мог, шифром же я не располагал. И тогда пришлось поступить так. Связавшись по телефону с уполномоченным Наркомата связи в Литве, я предложил ему немедленно выехать в Паневежис для решения весьма важных вопросов. Он понял меня и через два часа со своим главным инженером был уже в Паневежисе. После моей краткой информации о положении дела приступили к подготовке связи для Северо-Западного фронта. Вначале все связи принимались в Паневежскую контору связи как бы с целью проверки, так как в

районе расположения штаба фронта еще не было обслуживающего состава. Так, помню, установили мы телеграфную связь с Ригой (штабом округа) и Каунасом (штабом 11-й армии), Елгавой (штабом 8-й армии), а также с Москвой (Генеральным штабом). Все эти связи были между соответствующими предприятиями Наркомата связи. До прибытия начальника штаба я опасался устанавливать связь непосредственно со штабами в районах их полевой дислокации. Вскоре в Паневежисе появился наш полк связи. Он немедленно был направлен в район размещения штаба фронта для развертывания узла связи.

Затем 20 июня в район Паневежиса стали прибывать управления и отделы штаба. Окружное командование превратилось фактически во фронтовое, хотя формально до начала войны именовалось окружным. В Риге была оставлена группа генералов, офицеров, на которую возлагались функции руководства военным округом. Я стал возглавлять управление связи фронта. На должность же начальника отдела войск связи округа был назначен полковник Н. П. Акимов.

К моменту прибытия командования и штаба фронта связь была установлена по всем основным направлениям. Все сомнения и опасения в отношении установления связи с районами полевой дислокации штабов отпали.

Проводную связь с Генеральным штабом и со штабами армий установили без особого труда. Этому способствовала подготовительная работа, проделанная Паневежской конторой связи. Труднее оказалось установить связь с соседними штабами. Соседом слева у нас был Западный особый военный округ, штаб которого располагался в Минске. С трудностями добились составления прямого телеграфного канала по направлению Паневежис, Каунас, Вильнюс, Молодечно, Минск. Наконец удалось установить связь с минским городским телеграфом, но связи со штабом Западного особого военного округа установить нам не удалось.

Удачнее получилось с установлением связи с левым соседом по линии штабов армий. Соседней слева для нашей 11-й армии являлась 3-я армия Западного особого военного округа. Штаб этой армии находился в Гродно. Когда мы составили телеграфный канал от штаба 11-й армии, располагавшейся к тому времени в районе Козлова Руда, через Каунас, Вильнюс до Гродно, то на этом канале незамедлительно появилась связь со штабом 3-й армии.

Соседом справа у нас был Ленинградский военный округ. По существующим в это время положениям Ленинградский округ

обязан был устанавливать связь с нами (тогда существовал принцип установления связи по фронту справа налево), но и мы принимали соответствующие меры к обеспечению этой связи. Устройство связи осложнялось трудностью составления прямого телеграфного канала, проходящего по территории четырех республик (Литвы, Латвии, Эстонии, РСФСР). В каждой из них сети проводной связи имели свои технические особенности, вызывающие сложности в составлении прямого канала. К тому же сказывались языковые различия обслуживающего состава. Перед началом войны нам не удалось установить прямую телеграфную связь со штабом Ленинградского округа.

Трудности вызывала организация радиосвязи в тот короткий срок, который диктовался обстановкой. Дело в том, что отдел войск связи округа несколько часов назад выслал все документы, относящиеся к организации радиосвязи, только в штабы армий и штабы соединений окружного подчинения. Но все эти документы, соответствующим образом переработанные, должны были пройти через корпусные, дивизионные, полковые и батальонные командные инстанция и дойти до экипажа каждой радиостанции. Эта сложная работа требовала продолжительного времени.

Надо было искать выход из создавшегося положения. Если поступить по строго установленным правилам, то мы смогли бы иметь нормальную радиосвязь по меньшей мере только через неделю. Обсудив с моим заместителем военным инженером 1-го ранга Н. П. Захаровым создавшееся положение, мы пришли к выводу, что радиосвязь во всех войсках округа нужно поддерживать по той организации, которая существовала в мирное время, на тех же частотах, с теми же позывными, которые назначались для повседневной работы в радиосетях. Новые же радиоданные (частоты, позывные, парольные сигналы), предназначенные для радиосвязи в военное время, ввести только на радиостанциях, обеспечивающих связь с Генеральным штабом и штабами соседних военных округов.

Для всех же войск округа новые радиоданные ввести только после того, как будет уверенность в том, что они получены всюду и доведены до экипажа каждой радиостанции. Так и поступили. Нам пришлось несколько отступить от существовавших тогда положений, но это было сделано во имя более надежного обеспечения управления войсками в наиболее ответственный момент.

Положение на государственной границе становилось вое более напряженным. Данными разведки подтверждалось усиленное движение фашистских воинских эшелонов по железной дороге Кенигсберг - Тильзит. Были сведения о том, что охрану

государственной границы и наблюдение за нашей территорией с немецкой стороны поручено осуществлять полевым войскам. Продолжалось выдвижение немецко-фашистских войск непосредственно к государственной границе. У нас были сведения, что в Клайпедской области и Сувалковском уезде гражданскому населению предложено эвакуироваться в глубь страны. В районах: Рус, Тоттамишкен, Клокен, Тильзит закончено строительство понтонных мостов через р. Неман. Меняли свою дислокацию, передвигаясь ближе к государственной границе, некоторые соединения нашего округа (48-я и 11-я стрелковые дивизии, 402-й гаубичный артполк и др.). Штабы армий и соединений расположились в полевых районах. Одним словом, в воздухе сильно пахло войной.

В ночь с 21 на 22 июня в штабе Северо-Западного фронта отдыхающих не было, все чего-то ожидали. В 0 часов 20 минут на телеграфной ленте аппарата Бодо, работающего с Москвой, появились требовательные слова: "Немедленно к аппарату начальника штаба для приема весьма важного". Дежурный по связи доложил начальнику штаба, мне и оперативному дежурному. Через минуту ответ в Москву: "У аппарата Кленов". "Принимайте директиву народного комиссара обороны". Слово за словом начала передаваться директива о возможном нападении немецко-фашистской армии на нашу страну и о требовании приведения всех частей округа в полную боевую готовность. В этой же директиве содержалось предостережение не поддаваться ни на какие провокации, могущие вызвать крупные осложнения.

Через два часа последовала директива нашего Военного совета о скрытном занятии основной оборонительной полосы, выдвижении полевых караулов для охраны дзотов в предполье, постановке противотанковых мин и приведении в готовность номер один противовоздушной обороны. В этой директиве повторялись слова директивы Наркома обороны, предостерегающие о возможной провокации со стороны немецко-фашистских войск.

На рассвете 22 июня войска нашего фронта, находившиеся на государственной границе, около 4 часов утра подверглись сильному артиллерийскому обстрелу и удару с воздуха. Одновременно вражеская авиация нанесла мощные удары по основным аэродромам, портам и крупным железнодорожным узлам: Рига, Вентспилс, Лиепая, Шяуляй, Каунас, Вильнюс, а также по основным приграничным коммуникациям: Тауроге - Шяуляй, Кибарта Каунас и Кальвария - Алитус.

Впервые я увидел фашистские бомбардировщики, когда они пролетали над районом расположения штаба фронта. Штаб не

бомбили, видимо, нас спасала хорошая маскировка. Между тем, гитлеровцы, очевидно, предполагали, что в районе Паневежиса должен быть наш штаб, но они точно не знали места расположения. Попытку бомбардировки района они все-таки сделали. Несколько бомб гитлеровцы сбросили на группу передающих радиостанций штаба военно-воздушных сил, расположенных на расстоянии 10 - 12 км от штаба фронта. В результате этой бомбардировки вышла из строя автомобильная радиостанция, а у двух других радиостанций были повреждены антенные устройства. От ударов немецкой авиации сильно пострадала проводная связь на территории Северо-Западного фронта. Наиболее сильно был разрушен узел связи в Шяуляе и Укмерге, частично повреждены узлы связи в Каунасе и Вильнюсе, Лиепае, а также многие линии, особенно проходившие вдоль железных и шоссейных дорог. В результате была нарушена проводная связь штаба фронта почти по всем основным направлениям.

Мы пытались составить каналы связи по обходным направлениям я уцелевшим линиям. Работники узла связи и Паневежской конторы связи старались выявить исправные линии и узлы связи и установить характер повреждений и разрушений.

Живучесть связи, т. е. своевременное устранение повреждений на линиях и узлах связи, обеспечивалась строительными и эксплуатационными частями связи фронта и армий, которых было очень мало. Достаточно сказать, что по существовавшим в то время нормам во фронте и трех армиях должно быть в общей сложности около 40 линейных рот, в наличии же в первый день войны было всего лишь 5 рот, или 12,5% от потребности. Линейные колонны гражданских предприятий связи тоже были малочисленны и рассчитаны на устранение случайных повреждений, появляющихся на линиях связи в повседневной мирной жизни.

В такой тяжелой обстановке приходилось начинать обеспечение связи войск Северо-Западного фронта в первые дни войны.

Между тем связь была крайне необходима, так как немецко-фашистские войска после сильного артиллерийского обстрела и мощного авиационного удара перешли в наступление на всем фронте. Оборона наших войск оказалась прорванной на нескольких участках.

Командующий фронтом, штаб, начальники родов войск требовали сведений о положении и состоянии войск, а эти сведения поступали нерегулярно, с большими перерывами.

Впрочем, тяжелое положение было только с проводной

связью. Что касается радиосвязи, то в большинстве случаев она не использовалась на первых порах из-за недостаточной подготовленности штабных работников, которые не умели ее применять для управления войсками. Были и такие командиры, которые опасались, что противник, уловив работающие радиостанции, может установить местонахождение штаба и уничтожить его. Они обычно запрещали развертывать радиостанции вблизи своих штабов, а на вопрос, почему они не держат радиосвязь, отвечали, что радиостанции отстали. Иногда радиосвязь не могла быть использована вследствие частого перемещения штабов. Короткими сигналами по радио информацию передавать еще не умели, а для передачи, да еще шифрования громоздких радиограмм недоставало времени. Так и получалось, что при наличии технических возможностей общевойсковые командиры не могли использовать радиосвязь для управления войсками. Правда, были и другие причины, не позволявшие эффективно использовать радиосвязь с началом войны, в частности, в некоторых случаях дальность действия радиостанций оказывалась меньшей, нежели расстояние до штаба. Нередко случалось, что радиостанции уничтожались противником или просто некоторые войсковые части не были ими укомплектованы.

К концу первого дня войны обстановка на Северо-Западном фронте сложилась исключительно тяжелая. Против 11-й армии и левофланговых соединений 8-й армии наступали главные силы группы армий "Север" и левое крыло группы армий "Центр". Передовые части 4-й танковой группы к вечеру прорвались к р. Дубиссе в 35 км от Каунаса, а дивизии первого эшелона 3-й танковой группы переправились через Неман в 60 км южнее Каунаса в районе Алитуса и Мерчи.

В результате ударов противника войска 11-й армии оказались рассеченными на части и были вынуждены с большими потерями поспешно отходить на Каунас и Вильнюс. Фланги нашей 8-й армии и 3-й армии Западного фронта стали открытыми. На каунасском и вильнюсском направлениях не оказалось сил, способных противостоять огромной силе танковых и моторизованных немецко-фашистских войск. На остальных участках фронта наши войска под давлением превосходящих сил противника также отошли от государственной границы на 10 - 15 км. Большие потери понесла в этот день авиация фронта. Много самолетов было уничтожено непосредственно на аэродромах.

Сложившаяся к концу первого дня войны обстановка заставляла серьезно задуматься о подготовке связи для штаба фронта из запасных районов. Ведь накануне войны в этих районах были только намечены места расположения управлений и отделов, а практически по оборудованию связи ничего не удалось сделать.

В ночь на 23 июня я направил начальника оперативного отдела майора В. В. Звенигородского для подготовки узла связи в районе Рокишкис. Для этой цели выделялась кабельно-шестовая рота под командованием лейтенанта Жабина и некоторое станционное оборудование и радиостанции из фронтового полка связи.

В это же время для подготовки узла связи во втором запасном районе выехал мой заместитель полковник И. П. Сельков, в распоряжение которого выделить что-либо из средств не представлялось возможным. Он должен был для оборудования узла и постройки соединительных линий использовать гражданских специалистов Даугавпилской конторы.

В сложившейся обстановке к вечеру первого дня войны командующий фронтом принял решение силами стрелковых соединений 11-й и 8-й армий остановить противника и не дать прорваться ему на Шяуляй, Каунас и в Вильнюс, а силами танковых соединений этих армий нанести контрудар по группировке противника, прорвавшейся к Дубиссе и Неману и, разгромив противника, восстановить положение войск по государственной границе. Танковые войска должны были нанести один удар из района северо-западнее Шяуляя (12-й механизированный корпус), а второй - из района Кайданы (3-й механизированный корпус). Такое решение было принято во исполнение приказа наркома обороны, который вечером 22 июня потребовал, чтобы с утра следующего дня войска перешли в решительное наступление на направлении главного удара.

Для обеспечения управления войсками в период удара нами

были проведены некоторые мероприятия, в частности, была организована непосредственная радиосвязь штаба фронта с каждым механизированным корпусом (кроме того, каждый из корпусов имел радиосвязь со штабом своей армии). На случай, если эта связь по каким-либо причинам нарушалась, предусматривалась возможность установления радиосвязи со штабом каждой танковой (моторизованной) дивизии. Со штабами 8-й и 11-й армий порядок поддержания связи не изменился, но начальники связи армий были предупреждены о необходимости более широкого использования радиосвязи.

Мероприятия, намеченные решением командующего фронтом, войскам, к сожалению, осуществить не удалось. Стрелковые соединения, понесшие накануне большие потери, несмотря на самоотверженные действия, не могли приостановить движение крупных танковых сил немецко-фашистских войск.

Не дали ощутимых результатов и контрудары танковых соединений. Танковые дивизии 12-го механизированного корпуса в районе Калжиненай и Немакшчай подверглись сильной бомбардировке противника и вступили в бой с превосходящими силами. Они успеха не имели и, потеряв значительную часть танков, вынуждены были в ночь на 24 июня выйти из боя и сосредоточиться в лесах в 15 - 20 км северо-западнее Шяуляя. В двух танковых дивизиях осталось только 35 танков. В этих боях почти полностью был уничтожен отдельный батальон связи корпуса.

Несколько удачнее были боевые действия 2-й танковой дивизии 3-го механизированного корпуса, наносившей удар из района Кейданы. Эта дивизия 23 июня разгромила 100-й моторизованный полк, уничтожила до 40 танков и 18 орудий противника, а затем была отрезана от своих войск 56-м моторизованным корпусом и оказалась в окружении, совершенно не имея горючего.

К вечеру второго дня войны вражеские войска расширили прорыв на стыке нашего и Западного фронтов до 130 км. К исходу 25 июня передовые части противника проникли в полосе действий Северо-Западного фронта в глубь нашей территории на 120 - 130 км.

Неимоверно трудно было обеспечивать управление войсками Северо-Западного фронта. Войска фронта отступали по расходящимся направлениям. Соединения 11-й армии, понесшие большие потери и отрезанные от соседей, с тяжелыми боями отходили по лесным дорогам в полоцком направлении. В том же направлении отходил и штаб армии, располагаясь иногда на территории, контролируемой противником. Войска 8-й армии,

хотя и сохранили свою боеспособность, но непрерывно подвергались ударам с воздуха, атакам противника с фронта и открытого левого фланга. Во избежание возможного окружения они вынуждены были отходить на Ригу. Между армиями образовался большой разрыв: штаб фронта, находясь в районе Паневежиса, оказывался на опасном направлении, почти не прикрытом нашими войсками.

Поздно вечером 25 июня начальник штаба фронта приказал мне доложить о состоянии связи в запасных районах. Докладываю, что в районе Рокишкис узел связи и соединительные линии почти готовы, а во втором запасном районе, что восточнее Даугавпилса, практически ничего не сделано. Находящийся там полковник Сельков полевых средств не имеет, а за счет гражданских предприятий ему ничего не удалось сделать.

- Готовьте связь в новом районе, завтра с раннего утра штаб перемещается в район Даугавпилса, - указал генерал Кленов.

- Как в район Даугавпилса, ведь сначала намечалось перемещение в Рокишкис? - спросил я.

- Нет, переход в Рокишкис отпадает, переходим в Даугавпилс и будем там к вечеру завтрашнего дня. Имейте в виду, что здесь связь снимать нельзя, так как оперативная группа, которая будет осуществлять управление во время перемещения штаба, остается на месте.

Скажу откровенно, такое распоряжение меня ошеломило. Положение создалось крайне тяжелое. Не было ни средств, ни времени для подготовки связи штаба фронта из нового района. Кое-какие средства удалось демонтировать на узлах связи в Рокишкисе и Паневежисе, но все это были полумеры. В пашем распоряжении оказывались такие средства, с помощью которых можно было обеспечить связь для штаба дивизии, а отнюдь не для штаба фронта.

С рассветом 26 июня штаб фронта огромной колонной, более сотни автомашин, выступил из леса восточнее Паневежиса на Крустпилс и далее на Даугавпилс. Вдруг в небе появился вражеский самолет-разведчик. Вскоре он привел шестерку бомбардировщиков. Одна, другая, третья ... посыпались фашистские бомбы на нашу колонну. Несколько машин было подбито. Некоторые машины охватило пламенем. Загрохотали зенитки. Движение колонн прекратилось. Люди побежали в сторону от дороги. Это был наглядный урок того, как нельзя перемещать крупные штабы во время войны. После этой бомбардировки я просил разрешения у начальника штаба ехать в Даугавпилс отдельно от колонны, мотивируя это необходимостью скорейшего прибытия в новый район, для руководства

подготовкой связи. Разрешение было получено.

Невеселая это была дорога на Даугавпилс. В голове одна мысль: как обеспечить связь штабу фронта при крайней ограниченности средств и времени? Надежды на то, что мой заместитель полковник Сельков при возникших трудностях успел что-либо сделать, откровенно говоря, у меня было мало. Единственное, на что можно было рассчитывать, это на использование гражданских средств Даугавпилсской конторы связи. Как бы в дополнение к этим тревожным мыслям приходилось наблюдать по дороге следы работы вражеской авиации, воронки, разрушенные линии связи, а не доезжая 10 - 15 км. до Даугавпилса, мы оказались свидетелями налета фашистских бомбардировщиков на наш аэродром, который находился в непосредственной близости к дороге.

Может быть, в этой трагедии есть и наша вина - связистов, подумал тогда я, может быть, связь не обеспечила своевременную передачу сигналов оповещения о воздушной опасности. Получив во время информацию о воздушном противнике, наша авиация могла бы подняться в воздух, противодействовать противнику, а так она погибла бесславно на аэродроме.

В Даугавпилс я приехал на несколько часов раньше штаба, так как ехал по более короткому маршруту и с большей скоростью. В намеченном для расположения штаба районе ничего в отношении связи не было сделано. Полковнику Селькову с группой удалось лишь развезти и размотать провода для соединительной линии.

Действительно, вдоль дороги на земле было протянуто) несколько проводов, но ни одного столба для устройства линии не было не только установлено, но и вообще доставлено на трассу. При таком положении узел связи может быть готов не раньше чем через три-четыре дня, даже при достаточном количестве рабочей силы.

Единственным выходом, как я и предполагал, было использование в качестве узла связи штаба телеграф Даугавпилсской конторы связи. В этой конторе оказалась подготовленной телеграфная станция в подвальном этаже, ее и решили использовать для штаба. Наскоро были скроссированы каналы связи на коммутатор резервной станции. Затем появилась телеграфная связь с Генеральным штабом, добились установления связи с нашей оперативной группой в Паневежисе и с Ригой, вблизи которой в это время должен был находиться штаб 8-й армии. Во дворе телеграфа развернули полевую радиостанцию, прибывшую из Паневежиса вместе с группой связистов фронтового полка связи. С помощью этой радиостанции

пытались установить связь со штабом 11-й армии, который должен находиться где-то восточнее Каунаса, и со штабом 27-й армии, находившимся в пути из Риги на Резекне.

К вечеру в Даугавпилс прибыл Военный совет и штаб фронта. Весь руководящий состав собрался у телеграфа. Все ждали сведений, информации о положении дела на фронте, а сведения поступали очень скудные. От оперативной группы из Паневежиса получили данные о том, что немецко-фашистские войска стремительно продвигаются к Западной Двине в направлении на Даугавпилс. Как бы в подтверждение этому сообщению противник начал обстреливать город, его передовые части вплотную подходили к левому берегу Западной Двины.

Командующий генерал-полковник Кузнецов дал команду: "По машинам!" Спешно погрузились в машины. Я хотел узнать, куда едет штаб. Командующий ответил: Следовать за мной. Я в пути дам указания. Предупреждаю группу связистов полка, - следовать по дороге на Резекне. Дежурному по связи даю указание передать в Рокишкис майору Звенигородскому и в Паневежис полковнику Семенихину со всеми средствами пробиваться через Крустпилс на Резекне. С собой беру одну автомобильную радиостанцию, строго-настрого приказываю начальнику станции и шоферам не отставать от моей машины.

Время не ждет. Противник обстреливает город. Наконец, машина командующего тронулась в путь, остальные - за ней. Непроглядная ночь. Фарами пользоваться запрещено. Идем с небольшой скоростью. Проехали километров 35 и остановились. Командующий решил разместить штаб фронта в лесу, в 3 - 4 км вправо и влево от шоссейной дороги и сам стал указывать какому управлению в какой части леса располагаться. Я доложил начальнику штаба, что нельзя здесь располагать штаб, так как совершенно нет никаких средств связи. Пробую убедить в том, что целесообразно расположить штаб в районе крупного узла гражданской связи - в Резекне, что для этого нужно проехать еще 50 - 60 км. Там будет хоть какая-нибудь возможность установить связь с войсками. К сожалению, мои соображения не были приняты во внимание. Штаб продолжает устраиваться в лесу.

Радиостанция не отстала от меня ни на шаг. Остальная группа связистов задержалась с демонтажем аппаратуры в Даугавпилсе и еще не подошла. Таким образом получилось, что все средства связи штаба Северо-Западного фронта в этот момент состояли из одной автомобильной радиостанции (11-АК). Вдруг я увидел в лесу линию проводной связи. Стали думать, как бы эту линию использовать. Среди имущества радиостанции оказался индукторный телефон. Включились в линию и установили, что

линия связывает дом лесника с телефонной станцией Боровая, через которую можно связаться с узлом связи Резекне, а через него - с Москвой. В Резекне в конторе связи оказался наш военный представитель. Я дал ему указание срочно обеспечить для нас связь с Москвой. Через некоторое время сообщают, что Москва на проводе. Незамедлительно прошу соединить со станцией наркомата обороны и далее - с приемной начальника Генерального штаба. У телефона офицер для особых поручений. Я, обрадованный, бегу к командующему и докладываю, что установлена телефонная связь с Москвой, с кабинетом начальника Генерального штаба.

Командующий далеко не разделял мою радость. Он проворчал: "Что толку в вашей связи с Москвой, сейчас потребуют доклада о положении войск, а что докладывать? Связи нет ни с одной армией, что делают войска - не знаем, идите, разговаривайте сами с Москвой... Вы с армиями обеспечьте связь, это меня больше всего интересует".

В ответ на это я доложил командующему, что при данном расположении штаба фронта и почти полном отсутствии полевых средств связи нельзя установить связь со штабами армий и просил его немедленно дать указание о перемещении штаба фронта в Резекне, мотивируя тем, что оттуда удобнее использовать для нужд штаба гражданскую связь.

Командующий согласился на перемещение штаба в Резекне. Крайне необходима была связь с войсками, чтобы получить хоть какие-нибудь данные о их положении и состоянии. Но полевых средств связи в наличии не было. Командующий и начальник штаба нервничали. Собрались переезжать в Резекне, но, чтобы там установить связь, нужны средства, а их все нет. Ни майор Звенигородский, ни полковник Семенихин пока также не давали о себе знать. Ждал, что они прибудут. А вдруг нет? Что тогда? В крайнем случае, предложу опять такой же вариант, как в Даугавпилсе, - разместиться прямо в гражданской конторе связи Резекне. С такими мыслями выехал в Резекне несколько раньше штаба. К моему счастью, в Резекне уже находился майор Свенигородский со средствами полка связи. Я очень обрадовался этой встрече. Уж очень кстати в тяжелый момент он оказался здесь.

С помощью этих средств и широкого использования местных проводных линий была установлена проводная и радиосвязь с Генеральным штабом, штабами 8-й и 27-й армий, а со штабом 11-й армии - только по радио, так как этот штаб в то время находился в районе, окруженном противником.

Печальный опыт размещения штаба фронта в

неподготовленном районе был учтен. Начальник штаба фронта своевременно дал указания о подготовке нового места для штаба фронта в лесу в нескольких километрах юго-западнее Пскова. Узел связи фронта в этом районе заблаговременно подготавливал командир полка связи полковник П. Ф. Семенихин.

К вечеру 27 июня штаб Северо-Западного фронта перешел в район Пскова. В связи с этим несколько улучшилась связь с Генеральным штабом, штабом 27-й армии, штабом группы генерала С. Д. Акимова (помощника командующего по боевой подготовке), действовавшей на даугавпилсском направлении, а также со штабами соединений, составлявших фронтовой резерв. Очень неустойчивая связь была с 8-й армией, которая отходила в направлении на Таллин. Проводная связь со штабом этой армии дочти не работала, а радиосвязь хотя и работала устойчиво, но использовалась крайне недостаточно. Бывало на неоднократные запросы о положении войск вообще не поступало никаких ответов, иногда отвечали, что вблизи радиостанции нет оперативных работников, или оказывалось, что штаб снялся, не предупредив радиостанцию, вследствие чего она отстала и не может догнать и отыскать штаб. Одним словом, находилось много причин, в результате которых информация о боевых действиях 8-й армии поступала нерегулярно, с большим запозданием, хотя возможности для ее передачи были. Иногда информация о боевых действиях из штабов армий в штаб фронта не поступала из-за того, что в самих штабах армий не было этой информации. В некоторых случаях штаб фронта не информировался, поскольку положение наших войск было очень неблагоприятным и командование все ждало изменений в лучшую для нас сторону. Интересно, даже, пожалуй, трагично получилось с радиосвязью с 11-й армией. Штаб этой армии, как я уже говорил, из района Каунаса отходил с войсками в направлении на Полоцк. С ним у нас была радиосвязь, с помощью которой штаб фронта получал довольно регулярно информацию.

Однажды меня вызвал к себе командующий Кузнецов.

- Подойдите сюда, - обратился ко мне командующий, - посмотрите на эти документы, - сказал он, указывая на несколько разложенных в ряд телеграмм.

Я внимательно прочитал каждую телеграмму (их было пять-шесть). В них командующий 11-й армией генерал-лейтенант В. И. Морозов доносил о тяжелом положении в полосе действий армии и просил об оказании помощи. В последних телеграммах были гневные упреки в адрес командующего фронтом по поводу бездействия в отношении помощи в выходе из окружения войск 11-й армии.

- Ну, что, прочитали? - спросил меня командующий.

- Так точно, прочитал, - ответил я.

- Какой ваш вывод?

- Из этих документов я понял, что положение армии очень тяжелое, что войска ведут боевые действия, находясь на территории, окруженной противником... - пытался я доложить командующему.

- Ничего вы не поняли, я говорил вам, что вы не военный человек, не можете анализировать факты. Вы знаете генерала Морозова?

- Да, знаю, - ответил я.

- Может ли такой дисциплинированный и тактичный человек, как Морозов, писать в такой грубой форме, как в этих шифровках?

- Может, если к этому вынуждает обстановка. Видно, ему сейчас очень тяжело, - сказал я в ответ.

- Вот такой ответ я и предполагал получить от вас. Не военный ответ. Морозов не может так писать. Не кажется ли вам, что эти шифровки мы получаем не из штаба 11-й армии, а от наших врагов? Ведь можно допустить, что штаб 11-й армии попал в плен, не успев уничтожить шифры. Могла попасть к врагу и радиостанция. Вот фашисты, используя наш порядок передачи телеграмм, пытаются нас спровоцировать на ведение неправильных боевых действий. Вот как нужно подходить к анализу документов. Необходимо быть очень бдительным. Вы недостаточно глубоко и всесторонне анализируете факты.

- Но разрешите доложить, радисты ведь друг друга по почерку узнают. Ничего подозрительного на радиосвязи со штабом 11-й армии не отмечалось.

- Почерк может и не измениться: те же радисты 11-й армии под угрозой смерти работают на радиостанции, а их работа контролируется немцами. Вот что - немедленно прекратите связь с так называемым штабом 11-й армии, а фактически с фашистами.

- Слушаюсь, но позвольте хоть прием от них производить и на вызовы отвечать. Ведь, может быть, штаб армии не пленен...

- Вы слушайте, что вам говорят и потрудитесь выполнять приказание. Надеюсь, что вам теперь все ясно? Можете идти.

Долго я думал над приказанием командующего. Проще всего было прекратить связь, формально приказание было бы выполнено. А по существу от этого формализма могло быть очень плохо. Нарушалось руководство группой войск, находящихся в сложных условиях на территории, окруженной врагом. Другими средствами обеспечить управление было невозможно.

Вызываю своего заместителя по радио Захарова, спрашиваю:

- Как, Николай Петрович, радиосвязь со штабом 11-й армии?

- Нормально, сейчас нагрузки нет, но связь проверяется регулярно через каждые 15 минут.

- Знаешь ли, Николай, я только что получил приказание прекратить эту связь. Командующий предполагает, что мы связь поддерживаем не со штабом армии, а с гитлеровцами.

- Ну, это чепуха. Связь мы поддерживаем с первого дня войны без нарушения. Прекращаем ее только на время передвижения нашей или их радиостанции. Ничего подозрительного не замечали. Нет никаких оснований для таких предположений.

Я передал ему свой разговор с командующим.

- Да, не выполнять приказание нельзя, но выполнение грозит катастрофой. Знаете, я на вашем месте не выполнял бы приказания, не прекращал бы связи.

Поразмыслив немного, я решил обратиться к члену Военного совета корпусному комиссару П. А. Диброва. Он внимательно выслушал меня, спросил:

- Есть ли у нас такая радиостанция, через которую можно вести телефонный разговор со штабом армии?

- Да, есть. Это можно сделать с помощью или радиостанции 11-АК, или РАТ, - доложил я.

- Так вот что мы сделаем: через радиостанцию свяжемся по телефону со штабом. Я буду лично говорить с членом Военного совета армии о таких вещах, которые известны только нам двоим. Если ответы будут правильные, а голос будет знакомый, то опасения, что радиосвязь поддерживается с немцами, отпадут. Пусть кто-нибудь мне покажет, где эта радиостанция и как нужно вести переговоры.

Я поручил Н. Н. Захарову обеспечить переговоры члена Военного совета со штабом 11-й армии и был уверен, что они пройдут успешно и нам не придется прекращать связи со штабом армии.

Однако получилось так, как нельзя было ожидать. А произошло следующее: Диброва и Захаров пришли на радиостанцию РАТ. Захаров приказал дежурному оператору установить связь в телефонном режиме со штабом 11-й армии. Оператор, дав соответствующие указания механику, через несколько минут доложил, что связь готова. Диброва, взяв микрофон, передал в эфир позывные, назвал открыто себя и просил пригласить для переговоров члена Военного совета армии.

Армейская радиостанция повторила принятый разговор и ответила: "Сию минуту пригласим..."

Но эта минута длилась очень долго. Наши радисты, по приказанию Диброва и Захарова, несколько раз запрашивали армейскую станцию, скоро ли подойдут для переговоров. Вначале поступали ответы: "Ждите, за ним пошли". Так продолжалось около часа. Диброва не стал больше ожидать и, дав указание о том, чтобы его известили, когда будет член Военного совета армии на радиостанции, ушел в штаб. Наконец, армейская радиостанция совсем перестала отвечать на наши вызовы. Пытались вызвать их в телеграфном режиме на основной и запасной частотах. Все было тщетным, ответа не поступало. Предполагая, что у армейской радиостанции отказал передатчик, наши радисты все же не переставали ее регулярно вызывать. Они не хотели терять связи и надеялись, что приемник в армии их слышит. Чтобы не пропустить появления армейской радиостанции в эфире, были выделены четыре приемника, которые контролировали основную и запасную частоту связи. Результатов никаких. Только атмосферные помехи, да какая-либо случайная передача прослушивались в телефонных наушниках приемников.

Более двух суток велось такое наблюдение. Армейская станция не отвечала на наши вызовы. Десятки предположений высказывались по этому поводу. Мы терялись в догадках о причинах потери связи.

Как-то при встрече командующий спросил меня:

- Что, прекратили связь с фашистами? - он имел в виду радиосвязь со штабом армии.

- Да, штаб 11-й армии по каким-то причинам сам прекратил с нами связь. Вот уже двое суток они не отвечают на наши вызовы.

- Поняли, что нас не обманешь, поэтому и прекратили с нами связь. Вот вам еще урок, будьте бдительны и внимательны, учитесь анализировать и наблюдать явления.

Помню, что мне тогда довод командующего войсками показался неубедительным. Очевидно, думал я, у меня недостаточно развито политическое и оперативное чутье и поэтому я не понимаю командующего, а он, может быть, и прав. И передо мною тогда возникало много недоуменных вопросов. Почему радиостанция 11-й армии перестала отвечать на вызовы не сразу после того, как член Военного совета фронта начал переговоры, а спустя значительное время? Почему член Военного совета армии не подошел к радиостанции, хотя радисты утверждали, что за ним послали? Эти и другие подобные мысли давали основание для подтверждения правильности и логичности рассуждения командующего. Но вместе с тем вставали и другие вопросы и представлялся другой ход рассуждений. Могло быть,

что в штабе оставалась одна радиостанция и она могла быть выведена из строя во время переговоров. Мог быть в этот период и пленен штаб армии, но тогда радисты хоть бы одно слово передали об этом факте. Все-таки я и мой заместитель Н. Н. Захаров склонялись больше к тому, что в штабе армии разрушена радиостанция.

Позже, после того как штаб 11-й армии вышел из окружения и мы встретились с начальником связи армии подполковником Медниковым, была установлена истинная причина прекращения связи. Оказалось, что радиостанция была цела и штаб армии в плен не попадал, что в первые дни радиосвязь была регулярной и злосчастные телеграммы были действительно подписаны генералом Морозовым.

Основанием для прекращения радиосвязи послужил разговор по радио корпусного комиссара Диброва. Когда в штаб доложили, что Диброва в открытом виде вызывает для переговоров члена Военного совета армии, пришли к выводу о том, что штаб и Военный совет фронта попали в плен и фашисты, используя фронтовую связь с армией, пытаются вести провокационные разговоры. Поэтому был отдан приказ о прекращении связи.

Вот так излишняя бдительность, с одной стороны, и неумение пользоваться радиосвязью, с другой, привели к прекращению связи в то время, когда в ней ощущалась острая нужда и когда техническая возможность ее осуществления была налицо.

Общеизвестно, что первые дни войны ознаменовались для наших войск большими трудностями. Это было характерным и для нашего Северо-Западного фронта.

В связи с неудачами руководство Северо-Западным фронтом было отозвано в Москву, в том числе: командующий - генерал-полковник Ф. И. Кузнецов, член Военного совета - корпусной комиссар П. А. Диброва и начальник штаба генерал-лейтенант П. С. Кленов.

Командовать войсками фронта стал генерал-майор П. П. Собенников (до этого командовавший 8-й армией), членом Военного совета был назначен дивизионный комиссар В. Н. Богаткин, а начальником штаба генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин.

С генералом Собенниковым я был знаком еще по службе на Дальнем Востоке. В приморской группе он командовал кавалерийской дивизией, а перед войной мы встречались в Прибалтике. Это был очень спокойный, уравновешенный человек, хорошо знающий военное дело. Всегда аккуратно одет, чисто выбрит, подтянут. Своим спокойствием он действовал очень благоприятно на окружающих. Первая моя встреча с новым командующим состоялась, когда штаб фронта переходил в Псков.

С новым начальником штаба генерал-лейтенантом Ватутиным я тоже был несколько знаком раньше. Он всегда очень внимательно относился к организации управления и связи. Первый мой доклад генералу Ватутину был довольно продолжительным. Помню, я стремился охарактеризовать подробно состояние связи во фронте и армиях, показать недостаток частей и средств связи, отсутствие запасов имущества связи для восполнения потерь, которые при отходе войск были весьма значительны.

- Что вы предлагаете? - поставил передо мной вопрос начальник штаба.

Я ответил, что при организации управления следует учитывать возможности обеспечения связи. До тех пор, пока не будут полностью сформированы и укомплектованы фронтовые и армейские части связи, единственный выход - широкое использование местных средств. Кроме использования линий и узлов связи, нужно привлечь гражданских специалистов для восстановления разрушений, сформировать из них рабочие колонны и команды и обеспечить их питание наравне с военнослужащими. Нужно также изменить порядок перемещения штабов.

- Как же их перемещать? - последовал новый вопрос.

- Я считаю, что такой крупный штаб, как штаб фронта, должен располагаться в глубине и оттуда руководить войсками. Ведь нельзя считать нормальным такое явление, когда штаб фронта за неделю оборонительных действий шесть раз сменил районы своего расположения. При таком положении, даже при достаточном количестве полевых средств, нельзя добиться устойчивой связи. Нужно заблаговременно намечать и подготавливать районы для очередного перемещения штаба. Необходимо также регламентировать перемещение и расположение штабов армий, в противном случае местную связь нельзя эффективно использовать.

- А как вы оцениваете радиосвязь? - задал еще вопрос начальник штаба.

- Я считаю, что радиосвязь в наших условиях является основным средством, которое может обеспечить в сложных условиях управление войсками. Но, к сожалению, штабы не используют этот вид связи, бояться, что противник может обнаружить место расположения штаба по излучению электромагнитной энергии радиостанции, опасаются ложных передач противника. Тут же я рассказал случай, происшедший у нас с радиосвязью со штабом 11-й армии.

- Так вот, - резюмировал начальник штаба фронта, - все доводы ваши основательны, недостатков в управлении много, но

управлять войсками нужно при всех обстоятельствах. Штабы должны более широко применять радиосвязь. Подготовьте материал для решения Военного совета о пайках для гражданских связистов. Не забывайте самолеты связи и подвижные средства, они тоже могут оказать большую пользу. Теперь наметим, какой же район целесообразно готовить для очередного перехода штаба фронта. После некоторых обсуждений Н. Ф. Ватутин дал указание подготовить для очередного перехода район Старой Руссы, а в качестве запасного района наметил г. Лугу. В отношении использования местной связи оба района были удобными.

В соответствии с этими указаниями я незамедлительно послал в район Старой Руссы полковника П. Ф. Семенихина с частью его полка, а в Лугу направил полковника К. Д. Дадерко (он исполнял обязанности моего заместителя). Наконец-то, подумал я, можно будет подготовить связь из нового района расположения штаба фронта. К сожалению, этого не получилось.

В результате отхода войск 8-й армии на Ригу и 27-й - на Опочку между ними образовался большой разрыв, неприкрытый войсками. Это позволило немецким войскам осуществить прорыв в сторону Пскова. Нахождение штаба фронта в Пскове становилось небезопасным. Было приказано подготовиться к переходу.

Я был уверен, что переход будет, как было заранее намечено, в Старую Руссу. Однако перед самым отъездом генерал Ватутин вызвал меня и сказал, что штаб фронта через два часа выступает в Новгород.

- Как в Новгород, ведь подготавливается для него место и связь в Старой Руссе? - воскликнул я.

- Знаю, но, к сожалению, изменить ничего не могу. Директивой Генерального штаба предписано перейти в Новгород. Здесь в Пскове мы больше оставаться не можем. Принимайте меры, перестраивайте связь.

Нелегкое это дело перестраивать связь, особенно когда в наличии нет средств. Часть их находится в Пскове, до ухода штаба их трогать нельзя. Часть средств в Старой Руссе, для того чтобы их снять и перебросить, нужно не менее суток. А штаб менее чем через полсуток будет в Новгороде.

Прошу разрешения выехать немедленно в Новгород и до прибытия в него средств связи из Старой Руссы "захватить" Новгородскую гражданскую контору связи и с ее помощью обеспечить связь штабу фронта. Решение одобрено. Мчимся с Н. П. Захаровым на предельной скорости в Новгород. Надо спешить, дорога каждая минута.

Вот и Новгород. Там уже находился майор В. В.

Звенигородский. Он занят выявлением работ, необходимых для развертывания узла связи штаба фронта. Работы только выявляются, но не производятся, так как для этого нет ни сил, ни средств. Средства еще идут по дороге из Старой Руссы. Идем "оккупировать" Новгородскую контору связи. Начальником телеграфа оказался старый знакомый - Константин Иванович Шафров (он учился на курсах в Ленинграде, на которых я преподавал в 1939 г.).

Я коротко рассказал ему о том, что Новгородская контора должна обеспечить связь штаба фронта на протяжении одного-двух дней, пока не прибудут средства для развертывания нашего военного узла связи. Он правильно понял меня и тот же час отдал распоряжение о временном прекращении гражданских почтово-телеграфных операций и об установлении телеграфной связи по направлениям, необходимым для штаба фронта.

К приезду Военного совета и штаба фронта из Новгородской конторы уже была телеграфная связь с Генеральным штабом, со штабом Северного фронта, штабами армий и некоторых корпусов, а также с оперативной группой штаба, оставшейся в Пскове.

Генерал Ватутин был удивлен, что при полном отсутствии военных полевых средств связь для штаба фронта была обеспечена. Он тут же отдал распоряжение разместить основных работников оперативного и разведывательного управления в помещении почтового отдела конторы. Для работы командующего и начальника штаба был выделен кабинет директора телеграфа. Остальные отделы и управления размещались в различных районах города в зданиях военного ведомства. Так в течение суток управление войсками фронта обеспечивалось силами и средствами Новгородской конторы связи. Гражданские связисты неплохо справлялись с этой задачей.

Затем прибывшими из Старой Руссы средствами был развернут военный узел связи, и штаб фронта освободил Новгородскую контору связи.

Работать приходилось в трудных условиях. Штабы всех командных инстанций перемещались слишком часто и в большинстве случаев недостаточно организованно. Расстояния между ними были очень большими. Недостаток частей связи был весьма ощутим, а мы еще несли значительные потери в личном составе. Так, в боях под Телынаем был почти полностью уничтожен отдельный батальон связи 12-го механизированного корпуса. Работавшая в районе Рокишкиса по оборудованию узла связи фронта отдельная кабельно-шестовая рота не успела своевременно переправиться через Западную Двину и осталась на территории, занятой противником.

Следует сказать несколько слов об этой роте. Когда было установлено, что штаб фронта не будет располагаться в Рокишкисе, то командир роты лейтенант Жабин получил распоряжение снять все построенные ротой линии и после этого двигаться на Даугавпилс. Пока рота снимала линии, передовые части противника захватили Даугавпилс. Рота оказалась на территории, занятой противником. Лейтенант Жабин не растерялся и решил во что бы то ни стало пробиться к своим. Рота под его командованием стала продвигаться в направлении Дрисса - Полоцк. Двигались только ночью, иногда в колонне фашистских войск по команде вражеских регулировщиков. Помогало знание лейтенантом Жабиным немецкого языка и то, что бойцы роты были переодеты в обмундирование бывшей литовской армии (в Рокишкисе находился интендантский склад бывшей литовской армии, и, чтобы этот склад не достался врагу, бойцы уничтожили его, предварительно взяв обмундирование для своей роты). Знание немецкого языка позволило Жабину объясняться с регулировщиками, отвечать на их вопросы и спрашивать, куда ведет та или иная дорога. Днем рота не рисковала показываться на дороге. Отсиживались в лесу. Так, принимая все меры предосторожности, рота Жабина шла несколько дней по территории, занятой противником и вышла в районе Полоцка на территории своих войск. Рота не потеряла ни одного человека и сохранила все машины и имущество связи, кроме шестов, которые были брошены с целью маскировки. В немецко-фашистской армии шестовые линии не применялись, и они могли сразу же выдать принадлежность роты.

Действия роты Жабина - один из многих примеров, характеризующих настроение советских войск, их самообладание и находчивость в сложных условиях боевой обстановки.

Иногда части связи несли потери в личном составе вследствие того, что они использовались не по назначению. Так, школа младшего комсостава фронтового полка связи несколько суток вела боевые действия в районе Даугавпилса как стрелковое подразделение, при этом она понесла значительные потери убитыми и ранеными. Много потерь было и в отдельном батальоне связи 11-й армии, пробивавшемся вместе со штабом армии из окружения в районе Полоцка. Немало погибло связистов и из подразделений и частей стрелковых, танковых войск и артиллерии.

В первые дни войны большие потери были и в имуществе связи, особенно проводных кабельных линий, которые из-за быстрого отхода наших войск связисты не успевали снимать. Пополнять же потери в личном составе и возмещать утраченное

имущество не представлялось возможным. Запасов имущества на фронтовом складе связи было ничтожно мало. Ко всему этому необходимо добавить систематическое разрушение линий и узлов общегосударственной связи авиацией противника.

Таким образом, потребности в связи возрастали, а возможности их обеспечения резко сокращались. Для того чтобы представить трудности в обеспечении связи, достаточно сказать, что по существовавшим тогда оперативным нормам для связи между штабом фронта и штабом армии предусматривался отдельный линейный батальон численностью свыше 300 человек, фактически же в первые дни войны на нашем фронте для этой цели в лучшем случае выделялся взвод в количестве 12 - 15 человек или команда в составе 6 - 8 человек. Точно такая же картина была с обеспечением связи между штабом армии и штабами корпусов.

Выручали в это время гражданские связисты. Я уже указывал, что с их помощью обеспечивалась связь при нахождении штаба фронта в Даугавпилсе и Новгороде. Они оказывали большую помощь и во многих других случаях. За счет Псковской и Новгородской контор удалось пополнить полк связи телеграфистами. Из гражданских специалистов-линейщиков сформировали рабочие колонны для восстановления разрушенных противником линий связи. Помню, такие колонны были в Пскове, Острове, Шимске, Старой Руссе, Дно, Новгороде и других пунктах.

За счет гражданских предприятий связи удавалось даже пополнять запасы строительных материалов и имущества связи для укомплектования частей связи. Так, конторы связи в Резекне, Пскове, Опочке, Острове передали нам десятки тонн стальной и медной проволоки, несколько сот телефонных аппаратов и некоторое количество коммутаторов малой емкости. Конечно, имущество гражданских контор связи было менее удобным по сравнению с полевым, но при том остром недостатке, который ощущался в средствах связи, оно с успехом использовалось даже в тактических звеньях управления, не говоря уже о крупных штабах.

Известную помощь оказывали нам и связисты Северного фронта (ЛенВО){52}. В полосе действия войск нашего фронта оказались вспомогательные узлы этого фронта в Пскове, Шимске и Чудове. Вначале начальник связи Северного фронта генерал И. П. Ковалев предполагал их закрыть, но по моей просьбе узлы были оставлены; они во многом способствовали обеспечению связи при ведении боевых действий войсками нашего фронта на рубеже р. Великой и восточнее его.

Ставка Главного Командования была очень обеспокоена

прорывом войск противника на псковском направлении, так как это создавало угрозу Ленинграду. Чтобы задержать противника на рубеже р. Великой в распоряжение нашего фронта были переданы два стрелковых (41-й и 22-й) и один механизированный (1-й) корпуса.

1-й механизированный корпус прибыл к нам с Северного фронта. Это было очень хорошо укомплектованное, боеспособное, весьма подвижное соединение, обладающее большой ударной силой. На нашем фронте перед 1-м механизированным корпусом была поставлена задача нанести контрудар по наступавшему противнику, захватить г. Остров и восстановить положение по рубежу р. Великой. Вначале корпус действовал успешно, ему даже удалось захватить Остров. Затем боевые действия в этом районе стали протекать с переменным успехом.

Развитием боевых действий по восстановлению положения на рубеже р. Великой и освобождением Острова интересовался Генеральный штаб, а иногда поступали звонки и из приемной И. В. Сталина. Со штабом корпуса радиосвязь тогда работала сравнительно устойчиво. Информации из штаба поступали более или менее регулярно.

К исходу дня были получены донесения о значительных потерях с обеих сторон. Затем связь с корпусом вдруг прекратилась. Корпусная радиостанция передала обычный сигнал "связь кончаю" (СК); больше на наши вызовы не отвечали. Мы внимательно следили за работой корпусной радиостанции, слушали ее на нескольких приемниках. Пытались также прослушать работу в корпусной радиосети, по которой обеспечивалась связь штаба корпуса с дивизиями. Ничего не получилось.

Между тем из Генерального штаба все чаще поступали запросы о положении 1-го мехкорпуса. И. В. Сталин лично вызвал командующего фронтом генерал-майора Собенникова и попросил доложить о действиях и положении корпуса. Командующий доложил сведения, имевшиеся в штабе фронта, но они были трех-четырехчасовой давности. Сталин требовал более поздних сведений. На это командующий ответил, что с корпусом прекратилась связь и новые сведения не поступают. Сталин приказал принять все необходимые меры, чтобы установить связь с корпусом, добавив, что исход боевых действий корпуса имеет большое значение.

Командующий вместе с начальником штаба вызвали меня и приказали принять все меры по установлению связи с корпусом.

Дело происходило ночью. Направить в район боевых действий самолет связи не представлялось возможным - не было

тогда у нас летчиков, умевших летать в ночное время. Район боевых действий корпуса находился от штаба фронта в 250 с лишним километров, так что, если послать туда для связи автомашину, понадобилось бы 8 - 10 часов, а за это время обстановка могла серьезно измениться. Пришла мысль использовать вспомогательные узлы, организованные на линиях проводной связи. Один узел находился в районе Уторгоша, второй - в районе Шимска, а третий - в районе Сольцы. С этими узлами была проводная связь от штаба фронта. Вызвал начальников узлов и приказал направиться на автомашинах в район боевых действий корпуса, найти любого командира и предложить ему немедленно выехать на узел связи для доклада обстановки Военному совету фронта. Расстояние от первого и третьего узлов до района боевых действий - километров 40 - 50, от второго - 80 - 90, т. е. в несколько раз меньше, чем от штаба фронта.

Доложил командующему и начальнику штаба. Они одобрили это мероприятие. Из Москвы все время поступали запросы о действиях 1-го механизированного корпуса.

Между тем наши представители делали свое дело. Капитану А. П. Бортнику - начальнику Шимского узла - удалось часа через полтора найти и доставить на узел связи одного из командиров подразделений механизированного корпуса. Этого командира тотчас же связали с командующим фронтом. Но, к сожалению, он оказался работником тыла корпуса и не мог достаточно полно доложить обстановку. Он знал, что корпус, понеся большие потери, отошел на восток от рубежа р. Великой.

Вскоре старшина со второго узла связи доложил, что ему удалось в районе боевых действий найти заместителя командира одной дивизии. Этого командира также связали с командующим фронтом. Он доложил более обстоятельно положение корпуса.

Затем наши представители с узлов связи, уже зная точно, где находится район боевых действий, сравнительно легко разыскали и пригласили для доклада обстановки несколько офицеров корпуса. Положение было детально доложено в Ставку Главнокомандования.

В первой половине июля штаб нашего фронта посетили Маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов и секретарь ЦК ВКП(б) Андрей Александрович Жданов. Ворошилов в то время был Главнокомандующим, а Жданов - членом Военного совета Северо-Западного стратегического направления. В ходе доклада Военного совета о положении войск Северо-Западного фронта маршал Ворошилов приказал подробно осветить состояние дела с управлением и связью. Спешно вызвали меня.

Захватив необходимые документы, я прибыл и представился главнокомандующему.

В этот момент как раз со связью штаба фронта дело обстояло неплохо. Обеспечивалась проводная и радиосвязь по всем направлениям. Штаб 11-й армии располагался в районе Дно; проводная связь с ним была по двум направлениям: через Старую Руссу и через Валдай. Штаб 27-й армии находился в Холме, с ним также была связь по двум направлениям: через Старую Руссу и через Валдай. Штаб 8-й армии разместился в районе Таллина, с ним связь поддерживалась через Ленинград, Нарву. С Генеральным штабом тоже была устойчивая проводная связь по трем направлениям. Поэтому при докладе я сказал, что, несмотря на недостаток сил и средств, связь штаба фронта с армиями и соединениями, непосредственно подчиненными фронту, имеется и действует относительно устойчиво.

- Да, связь устойчивая, а как обстоит дело со связью в войсках, внизу? Вот о чем вы нам доложите.

- Внизу в войсках связь работает плохо: не хватает средств, армейские части не развернуты, в корпусных и дивизионных частях связи имеются значительные потери в людском составе и в имуществе связи, - докладывал я.

- Помогать им нужно. Вы, наверное, в первую очередь забираете средства для своей фронтовой связи, а затем уже, что остается, дается войскам, сказал Ворошилов.

- Помогаем и войскам, товарищ Маршал Советского Союза, но ресурсы очень скудные, совершенно нет запасов, особенно плохо обстоит дело с радиостанциями. Ведь мы даже половины не имеем того, что положено, продолжал докладывать я.

- Вы понимаете, не может сейчас государство дать столько техники, сколько требуется. Нужно уметь обеспечить связь и при недостатке средств. Вы участвовали в гражданской войне? Помните, как тогда устанавливали связь? Нет техники, так связь поддерживали на крестьянских подводах, конными ординарцами, комсомольцы доставляли донесения из войск. Надо инициативу проявлять, а не ожидать технику.

Я не говорю, что совсем без техники, но нужно ее экономно использовать, беречь.

- Трудно на такой войне уберечь технику. Вот, например, только три дня тому назад батальону связи 41-го корпуса выдали 150 км кабеля, а вчера получено донесение, что почти весь этот кабель утерян при отходе корпуса.

- Это безобразие! Как можно допустить! Потерять полтораста километров кабеля за сутки. Вы хоть расследовали это дело?

- Так точно, расследовал. Батальон связи вынужден был вести

арьергардные бои, прикрывая отход частей, и не мог снять развернутые линии. Очень поспешным был отход наших частей.

- Это тоже безобразие! При ограниченных средствах связи использовать батальон связи как стрелковую часть. Нужно запретить такую практику, товарищ Собенников, - сказал Ворошилов, обращаясь к командующему фронтом.

После этого Ворошилов заметил, что командование фронта очень далеко находится от войск. Он рекомендовал организовать передовой пункт управления, располагая его ближе к войскам на направлении главного удара.

После отъезда К. Е. Ворошилова и А. А. Жданова командующий и начальник штаба наметили передовой пункт управления в районе Шимска в 60 км к юго-западу от Новгорода.

Для нас, связистов, организация этого пункта добавила работы. Нужно было обеспечить связь фронта уже с двух пунктов, в то время как средств едва хватало для организации связи только с одного. Хорошо, что место для передового пункта управления оказалось выгодным в отношении связи. В Шимске был достаточно развитый узел гражданской связи и туда же переместился из Пскова вспомогательный узел связи, возглавлявшийся капитаном Бортником. Некоторые средства и силы для узла связи передового пункта были выделены из фронтового полка связи (радиостанция, телеграфная аппаратура, а также линейный взвод).

Организация связи с этого пункта управления поручалась заместителю начальника войск связи полковнику Николаю Степановичу Матвееву. Организация передового пункта управления оказалась весьма кстати.

Немецко-фашистские войска всемерно стремились к Ленинграду. Вначале они сделали попытку прорваться в Псков вдоль Ленинградского шоссе на Лугу. 14 июля гитлеровцы подошли к Луге,

но, встретив организованное сопротивление войск Северного фронта, дальше продвинуться не могли.

Вторую попытку прорыва к Ленинграду противник предпринял в направлении Остров, Новгород. Здесь наступал 56-й моторизованный корпус, его передовые части вышли в район западнее Шимска. Оборонявшиеся в этом районе войска 11-й армии нанесли мощный контрудар из района Уторгош на Сольцы и Дно. Контрудар был поддержан нашей авиацией, наносившей удары по танковым колоннам и скоплениям вражеских войск на дорогах. В результате этих ударов вражеская танковая дивизия была отрезана от основных сил корпуса, разгромлены тылы 56-го моторизованного корпуса. Успешное наступление противника

сменилось паническим бегством. За четыре дня противник был отброшен войсками 11-й армии на 40 км к западу. 8-я дивизия, значительно утратив свою боеспособность, с трудом вырвалась из окружения.

В это время нашими войсками были захвачены трофеи в виде боевой и специальной техники, автотранспорта и другого военного имущества. В числе трофеев было и имущество связи. Помню, капитан Бортник прислал в Новгород 13 автомашин, загруженных трофейным тяжелым полевым многожильным кабелем. Это были первые наши трофеи, захваченные у немецко-фашистской армии.

В период контрудара командующий фронтом генерал Собенников осуществлял руководство боевыми действиями, находясь на передовом пункте управления в районе Шимска. Этот район часто подвергался ударам авиации и обстрелу дальнобойной артиллерией противника.

Полковник Н. С. Матвеев, обеспечивавший связь на передовом пункте, рассказывал об обстановке в этом районе. Ежедневно по три-четыре раза район подвергался бомбардировке. Как-то раз в результате налета авиации на железнодорожную станцию Шимск бомбы упали на эшелон с артиллерийскими снарядами и эшелон с бензоцистернами. Цистерны взорвались, огромные облака огня и дыма поднялись высоко в небо, рвались артиллерийские снаряды, осколки разлетались в разные стороны. Командиры, бойцы воинских частей, железнодорожники стремились потушить пожар, пренебрегая опасностью, они старались отцепить уцелевшие вагоны, переводя их в безопасное место.

Бомбы часто падали и непосредственно в районе передового пункта управления. В целях защиты личного состава от осколков были выкопаны в земле щели, а для укрытия радиостанций - котлованы. В результате потерь в личном составе и в средствах связи на пункте управления почти не было.

Несмотря на тяжелую обстановку, связь передового пункта обеспечила командующему фронтом возможность осуществлять управление войсками при контрударе. Связь с 11-й армией, наносящей контрудар, поддерживалась по радио, проводными и подвижными средствами. Также поддерживалась связь со штабом фронта, с Генеральным штабом, штабами 27-й и 48-й армий, а также со штабами соседних фронтов. Она осуществлялась через узел связи Фронта, находившийся в Новгороде.

Обеспечению устойчивой работы связи в это время способствовала самоотверженная работа гражданских связистов. Несмотря на бомбардировки и обстрелы, ни один из них не

оставил своего поста. Надсмотрщик Медведевского отделения связи Михаил Георгиевич Востряков неоднократно восстанавливал линию связи под артиллерийским огнем и во время вражеских авиационных налетов. Он погиб от осколка фашистской бомбы. Смерть застала его, когда он, стоя на железных когтях на телеграфном столбе, закреплял провод к изолятору. По нашему представлению он посмертно был награжден орденом Красного Знамени.

Начальник Шимского отделения связи Максим Гордеевич Загороднюк и его сестра Аня Загороднюк, старшая телефонистка междугородней телефонной станции, показывали личный пример мужества и добросовестного отношения к делу. Начальник отделения почти круглыми сутками работал над восстановлением поврежденной связи, а его сестра бессменно дежурила у коммутатора. Она не оставила своего поста даже в минуты смертельной опасности (в здание телефонной станции попал артиллерийский снаряд, и оно грозило рухнуть). Брат и сестра Загороднюк были также по нашему представлению награждены орденами.

За отличное обеспечение связи в боевых условиях награды были вручены гражданским связистам: Михаилу Александровичу Теребилину, Виктору Петровичу Городкову, Альберту Августовичу Праксу и Марии Петровне Бабановой.

С подъемом, инициативно работали и военные связисты. Они выполняли весьма большую, сложную задачу. Как-то командующий фронтом мне сказал: "Петр Михайлович, скажите, ваши связисты когда-нибудь отдыхают? В любое время суток я слышу одни и те же голоса, особенно Матвеева, Бортника, Шмарлина, Загородшока. Мне кажется, что они работают без отдыха". Это соответствовало действительности, тогда связисты не думали об отдыхе, главное для них было обеспечить работу связи, которая нарушалась противником очень часто.

За обеспечение связи фронта в период контрудара полковник Н. С. Матвеев, капитан А. П. Бортник и некоторые другие военные связисты были награждены орденами Советского Союза.

Успешный контрудар 11-й армии западнее Шимска ликвидировал первую угрозу прорыва немецко-фашистских войск к Новгороду и позволил на некоторое время стабилизировать участок фронта западнее Шимска.

Однако на остальных участках войска нашего фронта медленно, с упорными боями отступали с рубежа Порхов - Ново-Ржев к линии Старая Русса - Холм. В последующем на новгородском направлении противник стал сосредоточивать крупные силы, создавая угрозу глубокого обхода Ленинграда с

юга. В связи с этим перед нами встала необходимость подготавливать новый район для размещения штаба фронта. Вначале наметили было Крестцы (в 100 км юго-восточнее Новгорода), а затем генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин окончательно утвердил район Валдая.

Примерно в это же время в состав нашего фронта была передана из резерва Ставки 34-я армия. Эта армия предназначалась для нанесения контрудара из района южнее Старой Руссы в направлении на Дно, т. е. во фланг и тыл главным силам противника, сосредоточенным на новгородском направлении. Для руководства войсками при этом контрударе намечалась организация вспомогательного пункта управления в районе Демянска.

Надо сказать, что к тому времени количество частей связи фронта несколько увеличилось. Прибывали отмобилизованные во внутренних военных округах роты и батальоны связи, почтовые учреждения, прибыл в Новгород даже отдельный полк связи, сформированный в Московском военном округе. Для укомплектования армейских частей связи частично использовались батальоны связи стрелковых корпусов, которые как командные инстанции были упразднены 15 июля 1941 г. Но по-прежнему недоставало имущества связи для пополнения потерь и укомплектования новых частей связи. Плохо обстояло дело с автотранспортом во всех частях связи. Его было недостаточно для подвижности частей связи, а имеющийся был сильно поношен. Недоставало запасных частей и авторезины.

Не ощущалось заметного перелома в отношении связи со стороны общевойсковых штабов. По-прежнему во многих случаях штабы дивизий и полков перемещались без учета возможности установления связи. Все еще недостаточно использовалась радиосвязь.

Отрицательно сказалось на организации управления и связи в армиях упразднение корпусного звена управления. Дело заключалось в том, что в каждой армии в три-четыре раза возросло количество подчиненных инстанций (армия в своем составе стала иметь вместо двух-трех корпусов - шесть девять дивизий), количество же средств связи оставалось прежним, рассчитанным на обеспечение управления армии, имеющей корпусную организацию. К тому же нужно добавить, что армии в то время действовали в широких полосах, достигавших нескольких сотен километров, вследствие чего расстояние между пунктами управления армии и дивизии были очень большими. В ряде случаев невозможно было на такие расстояния обеспечить устойчивую радиосвязь из-за недостаточной мощности

радиостанций штабов дивизий. Таким образом, резко ухудшились условия организации и обеспечения управления войсками, не говоря уже о том, что нарушалась выработанная в мирное время и привычная для войск система управления.

В начале августа войска Северо-Западного фронта силами 48-й и правофланговыми соединениями 11-й армии вели бои на Лужской оборонительной полосе. Одновременно подготавливался оборонительный рубеж западнее и юго-западнее Новгорода. На центральном направлении из района Старой Руссы силами 34-й и частично 11-й армий подготавливался мощный контрудар в северо-западном направлении. На левом крыле в направлении Холма вела оборонительные действия 27-я армия, взаимодействуя с 22-й армией Западного фронта.

Связисты фронта заблаговременно подготавливали связь на новгородском оборонительном рубеже. Телеграфно-строительная рота построила несколько десятков километров суррогатных проводных линий на карликовых столбах высотой 1,5 - 2 м, на которых подвешивалась сенопрессовальная проволока. В качестве изоляторов на таких линиях применялись фарфоровые ролики, а иногда - куски авторезины. Зная, что в войсках, которые должны оборонять рубеж, ощущается острая нужда в проводных линейных средствах, мы старались этой работой помочь им.

Однако наши старания оказались безуспешными. Войска, оборонявшие лужскую полосу, после ожесточенных боев под натиском почти в три раза превосходящего противника вынуждены были отойти и не задержались на подготовленном рубеже. Построенные линии не были использованы.

Обеспечение связи с группой войск, предназначенной для осуществления удара, затруднялось тем, что в районе сосредоточения 34-й армии и в направлении ее наступления почти не было местных постоянных линий связи, кроме коротких линий низовой связи к сельсоветам. Между тем для строительства новых линий недоставало проволоки, крючьев и изоляторов, не было заранее заготовленных столбов. Приходилось демонтировать провода на многопроводных линиях, а в качестве столбов использовать бревна от разобранных крестьянских сараев. Помню, такую линию строили от села Залучье в направлении Жукове, Виджа. Это строительство тогда составляло большое событие: нужно было построить линию в короткий срок, почти не имея средств, силами недостаточно подготовленной строительной роты.

К началу осуществления контрудара связь с передового пункта управления фронта была подготовлена. Она была установлена проводными и радиосредствами со штабами всех

армий, кроме 48-й (штаб 48-й армии до отхода поддерживал связь со штабом фронта, а в период отхода эта армия была подчинена Северному фронту), с Генеральным штабом. Одновременно была подготовлена связь из района Валдая, куда к этому времени перешел штаб фронта.

Контрудар наших войск сначала проходил относительно успешно. В первые дни нашим войскам удалось продвинуться вперед до 60 км и создать угрозу охвата группировки противника, рвавшейся к Ленинграду через Новгород и Чудово.

Однако этот успех не удалось развить. Недоставало авиации и средств противовоздушной обороны. Не было мощного второго эшелона в 34-й армии, позволявшего наращивать силу удара. Немецко-фашистские войска навалились на 34-ю армию всей мощью своей авиации, которая из-за слабости нашей противовоздушной обороны действовала почти безнаказанно. В последующие дни вражескому командованию удалось спешно перебросить в этот район несколько отборных моторизованных и танковых дивизий и изменить соотношение сил в свою пользу. С трудом отражая сильные танковые и воздушные удары врага, войска 34-й армии с боями отходили на рубеж р. Ловать, где фронт наших войск стабилизировался на многие месяцы.

Неожиданное и весьма быстрое оставление войсками нашего фронта района Новгорода и недостаточно эффективный контрудар 34-й и 11-й армий из района юго-восточнее Старой Руссы послужили причиной освобождения генерала Собенникова от командования фронтом. Вместо него командующим Северо-Западным фронтом был назначен генерал-лейтенант Павел Алексеевич Курочкин.

Собенников представил меня новому командующему.

- Кое-что я о нем тоже знаю, - с улыбкой заметил новый командующий, еще во время советско-финляндской войны мне было известно, что есть такой связист, мой однофамилец, а сейчас вот судьба свела для совместной службы. Что же, будем работать дружно, дело у нас общее, большое и ответственное.

К сожалению, мне не удалось тогда работать с Павлом Алексеевичем вместе. Случай, происшедший в день вступления его в должность командующего фронтом, изменил прохождение мною службы.

22 августа, во второй половине дня в воздухе появилась группа самолетов. Пролетая над Демянском, группа разделилась на две половины. Одна из них, пролетев над городом, пошла на посадку на аэродром. Другая, сделав заход, принялась бомбить Демянск. Слышны взрывы бомб. Один, другой, третий... Но странно, не было слышно сигнала воздушной тревоги. Как потом

было выяснено, группа немецко-фашистских самолетов пристроилась в хвост нашим самолетам, возвращавшимся на аэродромы после выполнения боевого задания, а потому эта группа не была своевременно опознана постами нашей противовоздушной обороны. Я находился в это время на узле связи и вел переговоры по Бодо с Николаем Демьяновичем Псурцевым (он был тогда заместителем начальника Главного управления связи Красной Армии). Вдруг мощный взрыв бомбы. Стекла вместе с рамами разлетаются вдребезги. Телеграфные аппараты, столы, стулья, опрокидываются, людей какой-то неведомой силой отбросило в сторону. Меня тоже швырнуло к стене, одновременно, словно горячим железом, резануло в левую ногу. Я подал команду: "В щели!" И тут же почувствовал жгучую боль. Кровь обильно сочилась сквозь брюки и заливала сапог. Оказавшиеся здесь шифровальщики отдела помогли мне сделать перевязку и отвели в полевой госпиталь. Вместе со мною был ранен дежурный по связи и несколько девушек телеграфисток, дежуривших в это время на телеграфе узла связи. В числе их была телеграфистка, обеспечивавшая мне связь с Москвой.

Лечение в госпитале затянулось. За это время в должности начальника войск связи был утвержден мой заместитель полковник Н. С. Матвеев, а я получил новое назначение. К сожалению, мне не удалось снова вернуться на свой Северо-Западный фронт.

По излечении я был назначен начальником кафедры связи в Военную академию им. М. В. Фрунзе, тем не менее не переставал внимательно следить за ходом боевых действий фронта. Мне хотелось знать, правильны ли мои суждения о причинах неустойчивой работы связи и целесообразности мероприятий, которые мы с работниками управления связи намечали и частично осуществляли в первый период войны. Волновала меня и судьба сослуживцев, вместе с которыми переживали первые тяжелые дни войны и горечь неудач.

Штаб нашего Северо-Западного фронта после моего ранения несколько дней находился в Никольском рыбсовхозе (в 10 км северо-восточнее Валдая), а затем перешел в район Долгие Бороды. В этом районе он располагался несколько месяцев. Это обстоятельство во многом способствовало налаживанию устойчивой связи фронта с Генеральным штабом, штабами армий и соседними фронтами.

В сентябре 1941 г. войска фронта, понеся большие потери, ценой больших усилий остановили врага на рубеже: оз. Ильмень, ст. Лычково, Б. Замостье, озера Валье и Селигер до г. Осташкова. Наступило некоторое затишье, продолжавшееся почти до конца

1941 г. В связи с этим штабы армий тоже длительное время не меняли мест расположения, что также создавало благоприятные условия для организации фронтовой связи.

Главное же заключалось в том, что к концу 1941 г. части связи фронта и армий почти полностью были развернуты, укомплектованы имуществом связи, постоянно накапливали опыт и овладевали мастерством организации и обеспечения связи в условиях боевой обстановки.

Значительно улучшилось эксплуатационное обслуживание общегосударственной связи со стороны предприятий Народного комиссариата связи, также приобретших опыт обслуживания стационарных сооружений связи (линий, узлов связи) в военных условиях. К тому же они были усилены частями связи, выделяемыми в распоряжение Наркомата связи. Таким образом, условия организации и обеспечения связи на Северо-Западном фронте по сравнению с начальным периодом войны резко улучшились.

Я изучал систематически официальные документы Главного управления связи Красной Армии, касающиеся связи Северо-Западного фронта. Содержание этих документов интересовало меня, поскольку я считал связь этого фронта своим близким, родным делом и всякое ее улучшение меня радовало, кроме того, я изучал боевой опыт для правильного обучения слушателей академии и для военно-научной работы.

Эти документы свидетельствовали, что средняя устойчивость работы проводной связи на Северо-Западном фронте в 1942 г. была очень высокая и составляла 98%, а в начальный период она снижалась до 50%. Качество связи СЗФ я сравнивал с состоянием ее на других фронтах, на которых условия были почти аналогичны. Устойчивость связи нашего фронта оказывалась выше, чем, например, на Калининском и Волховском фронтах, где в это же время она составляла 95 %.

Анализировал я и причины нарушения проводной связи авиацией противника. В этом отношении получалась весьма интересная картина. В начальный период разрушения сооружений связи (линий и узлов) авиацией противника являлись главной причиной нарушения устойчивости связи; по своей продолжительности они достигали 40% времени работы связи. Совершенно по-другому складывалась обстановка в 1942 г. Из 23 тыс. учтенных часов работы связи фронта приходилось всего 170 часов, или 0,7% перерывов связи, вызванных бомбардировками вражеской авиацией. Еще большие изменения обнаруживались при анализе данных за 1943 г. Так, из 20 тыс. часов работы фронтовой связи лишь 60 часов приходилось за счет повреждений

авиацией противника, или 0,3%.

Такое резкое снижение перерывов фронтовой связи от воздействия авиации противника обусловливалось рядом обстоятельств. Прежде всего оно произошло благодаря обеспечению связи с каждым штабом не по одному, как это было в начале войны, а по нескольким направлениям. Такая возможность появилась, когда строительными частями связи были построены дополнительные обходные линии, организованы вспомогательные узлы и контрольно-испытательные пункты.

Сокращение времени и перерывов связи получалось за счет улучшения качества эксплуатационного обслуживания линии связи и быстроты ликвидации разрушений, производимых вражеской авиацией. Эта возможность создалась в результате наличия полного комплекта фронтовых и армейских эксплуатационных частей связи и приобретения ими необходимого опыта.

Безусловно, известную роль в этом отношении играл тот факт, что господства вражеской авиации в воздухе уже не было, происходило непрерывное нарастание активности нашей авиации и совершенствование противовоздушной обороны.

Необходимо оговорить, что данные, характеризующие устойчивость проводной связи фронта в 1942 и 1943 гг., относятся преимущественно к периодам оборонительных действий. Во время же наступательных операций, а их на Северо-Западном фронте было немало, естественно, устойчивость связи несколько снижалась, но в среднем была не ниже 85 - 90% применительно к связи со штабом армии и соседних фронтов. Что же касается связи с Генеральным штабом, то ее устойчивость вообще не снижалась и во время наступательных операций. Такая стабильность связи объяснялась тем, что штаб фронта почти не менял района своего размещения. Только однажды на некоторое время он выдвигался под Осташков, а затем опять возвратился в район Долгие Бороды.

Кстати сказать, вражеская разведка не могла точно определить расположение штаба СЗФ, несмотря на то что он около года находился в одном и том же районе. Как потом выяснилось, противник считал, что штаб находился в районе Валдая. Скрытность расположения штаба обеспечивалась хорошей маскировкой против наблюдения с воздуха (штаб располагался в большом лесу), радиомаскировкой (все радиостанции большой и средней мощности были удалены от штаба на 20 - 25 км и размещались рассредоточение). Тот факт, что штаб фронта не был обнаружен, объясняется и высокой дисциплиной штабных командиров, личного состава частей связи, инженерных и

комендантских частей, обслуживавших штаб.

Итак, в организации связи Северо-Западного фронта следует выделить два периода.

Накануне войны связь на театре военных действий не была достаточно подготовлена в соответствии с требованиями войны. Фронтовые и армейские части связи содержались в ограниченном количестве и были неполностью укомплектованы имуществом связи. Командиры и штабы недостаточно представляли себе трудности организации связи в сложных оперативных условиях. В итоге в начальный период войны связь фронта и армий действовала неустойчиво, что отрицательно сказывалось на управлении войсками.

В последующем, по мере развертывания и укомплектования фронтовых и армейских частей связи, приобретения ими боевого опыта, а также более внимательного отношения к организации связи со стороны командиров частей и руководителей штабов, качество связи непрерывно возрастало и полностью обеспечивало управление войсками в весьма сложных оперативных условиях Северо-Западного фронта.

Части связи фронта, начальники связи всех степеней, гражданские связисты во время войны проявляли мужество и стойкость, совершенствовали свое мастерство, обеспечивали связь в условиях тяжелых оборонительных сражений и сложных наступательных операций. Их скромный, порой незаметный, ратный труд во многом способствовал разгрому немецко-фашистских войск.

Р. С. Терский

Авиационные связисты фронта

Мне хочется в этой небольшой статье рассказать о боевой работе авиационных связистов Северо-Западного фронта, участником или свидетелем которой мне пришлось быть.

Начальником связи ВВС Северо-Западного фронта был подполковник Дмитрий Власович Хрусталев, и его же при создании в 1942 г. 6-й воздушной армии назначили начальником связи этой армии.

Помощниками работали: по проводной связи - майор Н. С. Его ров, по радио - сначала майор М. А. Бритван, а потом автор статьи, по ВПУ инженер-капитан В. С. Колесников, по материально-техническому обеспечению инженер-капитан В. М. Лапшин, офицером радиосвязи был старший лейтенант В. Т. Салюков.

Отдел связи 6-й воздушной армии был маленький, все работали напряженно, дружно и слаженно. Круг вопросов, решаемых связистами, был очень широк и объемен, часто

возникали ситуации, не известные нам по опыту мирного времени, а необходимый военный опыт мы еще не накопили.

Штаб 6-й воздушной армии обслуживала сначала 19-я отдельная рота связи (командир старший лейтенант С. Т. Мартыненко), затем - батальон и, наконец, - 6-й отдельный полк связи (командир майор С. П. Давыдов, начальник штаба капитан А. И. Пелевин).

Работу узла связи возглавлял капитан И. М. Андрошкин, дежурными по связи были лейтенанты Н. М. Бирюков, А. Н. Привалов и М. П. Ухъянкин. На аппаратах БОДО, связывавших нас со штабом ВВС (Москва), работали телеграфистки Люба Густодымова, Тося Васильева, Зина Лосикова, на остальных телеграфных связях на СТ-35 - Нина Шаханова, Аня Хорева, Аня Егорова, сестры Вера и Шура Антипины, Маша Пичугина, механики телеграфа Иван Павленко, Леонид Коньков, Николай Костин, телефонистки Тося Ефимова, Аня Коновалова и многие другие.

Начальником отдельной мастерской связи, выполнявшей трудную и очень нужную работу по восстановлению и ремонту средств связи, был старший лейтенант М. П. Абанин. Начальниками и помощниками начальников связи авиационных соединений и районов авиационного базирования в разное время служили подполковники А. Ф. Ратушняк и В. М. Сонин, майоры В. Г. Батуров, П. М. Головкин, Н. В. Иосько, Г. И. Махорин, Л. М. Юмин, капитаны М. В. Котов, С. Т. Мартыненко, А. И. Пелевин, Ф. И. Самойлов, Г. И. Шевченко, инженер-капитан М. П. Самарин и др. Майор В. Г. Батуров, начальник связи 242-й ночной бомбардировочной авиационной дивизии, проявил инициативу в установке на самолете У-2, не имевшем никаких средств радиосвязи, самолетную радиостанцию РСБ для передачи с борта У-2 разведывательных данных и метеоданных, для обеспечения боевой работы дивизии ночью. Сам бывший штурман, В. Г. Батуров неоднократно летал на этом экспериментальном У-2. Однако вследствие слабой металлизации самолета У-2 и отсутствия экранировки зажигания мотора радиосвязь получалась неустойчивой, и эксперименты прекратились.

Дмитрий Власович Хрусталев, опытный связист, окончивший Академию связи им. С. М. Буденного, умел правильно организовать работу отдела связи.

В начале 1943 г. Д. В. Хрусталева назначили начальником связи 2-й воздушной армии 1-го Украинского фронта, а на его место прибыл майор Даниил Гаврилович Денисенко, отличнейший радист, мотоциклист и хороший летчик, выучившийся летать на У-2 самостоятельно без всякого училища.

Здесь я позволю себе сделать маленькое отступление. Я служу в войсках связи ВВС уже четвертый десяток, работал с многими авиационными связистами и должен сказать, что большинство из них имели схожие черты характера высокую оперативность в работе, решительность, умение ценить время и быстро принимать решение (это тоже важно, так как если решение окажется неверным, то есть еще время его исправить), высоко развитое чувство товарищества и взаимной выручки. Думаю, что эти черты характера вырабатываются условиями и особенностями работы связистов, ведь в любом деле, в любой обстановке при организации любого пункта управления и оборудовании узла связи связисты должны начать работу одними из первых и закончить ее в числе последних, а сделать это невозможно без высокой организованности, быстроты и четкости действий, без умения ценить время, силы и средства.

Условия для организации связи в 6-й воздушной армии были не очень благоприятными, проводная телефонная и телеграфная связь

на территории Северо-Западного фронта развита была весьма слабо, да и то подвергалась с первого дня войны постоянным и систематическим разрушениям авиацией противника. А поэтому проводная связь была сильно разрушена. Ведь в то время, к сожалению, основные проводные линии связи были воздушными, т. е. подвешенными на деревянных или металлических опорах по обеим сторонам шоссейных и железных дорог, и из-за этого легко уязвимыми.

При бомбардировках и штурмовках скопления или передвижения наших войск, автотранспорта, танков, другой техники на дорогах и железнодорожных станциях линии проводной связи выводились из строя непрерывно и повсеместно.

В городах Псков, Старая Русса, Новгород, Демянск, Порхов, Дно, Опочка и других были повреждены или разбиты не только линии связи, но и узлы (конторы) связи Наркомата связи, т. е. линейные и станционные сооружения.

При этом надо отдать должное самоотверженной, героической работе гражданских связистов, которые буквально

под бомбежкой восстанавливали разрушенную связь. Я был очевидцем, как в конце июля или начале августа 1941 г. во время налета фашистской авиации на Крестцы одна из бомб угодила прямо, в контору связи, повредила часть здания, вырвала вводный столб, в результате чего штаб ВВС 34-й армии, размещавшийся в городе, остался без телеграфной и телефонной связи. Но через сравнительно небольшой промежуток времени персонал конторы восстановил связь.

Работа ˆгражданских связистов была скромна и незаметна, но без их труда, тем более в 1941 г., когда военная система связи фронтов еще только начинала создаваться, не было бы проводной связи. К большому огорчению, память не сохранила ни одной фамилии этих мужественных людей.

Из-за ограниченных возможностей организации проводных телефонных связей для управления авиационными соединениями и частями использовались преимущественно телеграфные связи на аппаратах СТ-35 и Морзе. Телефонную же связь удавалось организовать главным образом с близрасположенными пунктами управления, штабами и аэродромами, но слышимость была неважная.

Работа авиационных связистов, организовывавших и устанавливавших связь, в особенности проводную, между пунктами управления воздушной армии, авиационных соединений и частей, связь с аэродромами, была бы невозможна без теснейшего контакта со связистами штаба фронта, без руководства и помощи со стороны последних.

С чувством большой признательности и благодарности за доброе отношение и внимание к нуждам воздушной армии вспоминаю руководящих работников-связистов Северо-Западного фронта П. М. Курочкина, Н. С. Матвеева, П. Ф. Семенихина, В. В. Звенигородского, В. Н. Кессених и др.

В составе авиационных частей связи фронта в начале войны имелись маломощные линейно-кабельные и кабельно-шестовые взводы, которые могли обеспечить проводную связь на аэродромах и пунктах управления, но не больше. Восстановление же разрушенных проводных связей и строительство новых на территории фронта велось линейно-строительными частями фронта и общевойсковых армий. Поэтому заявка воздушной армии на потребные телефонно-телеграфные связи представлялась начальнику связи фронта и включалась им в план строительства связи фронта.

Отношение к радиосвязи, как к средству управления, у многих командиров штабов и летчиков в то время было откровенно недоверчивое. Внедрялась радиосвязь с трудом,

летчики сомневались в ее надежности, не понимали ее достоинств, поэтому связистам приходилось убеждать их в необходимости и незаменимости радиосвязи, доказывать, что радиосвязь во многих случаях может не только выручить их в бою, но и спасти им жизнь, как это не раз и бывало потом.

Летчиков можно было понять, ведь даже в бою нужно было отвлекать внимание на установление и поддержание радиосвязи.

Пренебрежение радиосвязью со стороны некоторых штабных работников объяснялось совсем другими мотивами. Телеграмму по БОДО или СТ-35 разрешалось давать открыто, кодируя только аэродромы, населенные пункты, наименование штабов, время и некоторые другие данные, радиограмму же требовалось кодировать всю целиком от заголовка до подписи. Конечно, на это уходило много времени, тем более что переговорные таблицы были сложны и громоздки. К тому же при кодировании, передаче и раскодировании нередко допускались искажения, что вызывало дополнительные запросы, тратилось время и т. д.

Все это привело к тому, что командующий ВВС Северо-Западного фронта генерал-майор Д. Ф. Кондратюк издал специальный приказ в отношении использования радио, после чего ситуация в 6-й воздушной армии резко изменилась.

Работа связистов в боевой обстановке в немалой степени зависела от взаимоотношений с руководящими работниками оперативного отдела штаба воздушной армии и авиасоединений. Ведь именно они разрабатывали различные планы боевых действий, аэродромного маневра, передислокации штабов и пунктов управления, поэтому тесный контакт с оперативным отделом являлся совершенно необходимым и обязательным, так как способствовал правильному выбору мест пунктов управления, своевременной организации связи и передаче необходимых распоряжений и приказаний подчиненным войскам.

В оперативном отделе 6-й воздушной армии работали четыре Миши - майоры М. Ф. Возженников, М. С. Вайнштейн, М. Т. Зубцов и капитан М. П. Одинцов, отлично понимавшие нелегкие задачи связистов, поэтому всегда старавшиеся, в пределах допустимого, держать связистов в курсе обстановки и предстоящих событий, чтобы дать возможность выиграть время на организацию той или иной связи. Если же со связью что-нибудь не ладилось, а таких случаев было немало, они терпеливо ожидали восстановления связи и не спешили бежать к начальнику отдела и докладывать, что "связи нет".

В целом радиосвязь между пунктами управления воздушной армии, авиационных соединений и частей работала довольно устойчиво, помех противник не создавал и условия для .ведения

радиосвязи были вполне нормальными. Но вот с управлением боевыми действиями авиации в воздухе дело обстояло значительно хуже, поскольку в те годы не на каждом самолете имелись приемо-передающие радиостанции, а на части самолетов устанавливались только приемники, следовательно, с этими самолетами осуществлять можно было только одностороннюю радиосвязь земля - самолет. Летчик имел возможность принимать команды с земли, но сам передать на командный пункт ничего не мог, потому что на борту не было передатчика. Это обстоятельство приходилось нам учитывать при организации и использовании воздушной радиосвязи.

В июле 1942 г. на командном пункте командующего 11-й армией находилась авиационная группа с радиосредствами во главе с начальником штаба 6-й воздушной армии генерал-майором В. А. Чумаковым, в состав которой входили майор Н. Ф. Щепанков, автор этих строк и другие товарищи. Группа получила задачу обеспечить взаимодействие с войсками 11-й армии.

С рассветом мы выезжали на наблюдательный пункт, располагавшийся на одной из высот в четырех-пяти километрах от переднего края. На высоте был сооружен небольшой блиндаж для генералов и других командиров, находившихся на наблюдательном пункте. Радиостанцию РСБ для связи с самолетами ставили в 200 - 300 м в капонир на обратном скате высоты, маскировали ветками, а микрофон и динамик от нее устанавливали прямо на вышку, построенную рядом с блиндажом. Несколько раз приезжал на наш НП заместитель командующего 6-й воздушной армией по политической части генерал И. В. Машнин.

Позиции наших войск и высота обстреливались артиллерией противника. В зависимости от хода боя на вышку поднимались командующий 11-й армией генерал-лейтенант В. И. Морозов, командующий войсками Северо-Западного фронта генерал-лейтенант П. А. Курочкин и представитель Ставки Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, которые громко и весело обсуждали низкое качество стрельбы немецких артиллеристов - "недолет", "перелет", "опять промазал" и т. д. Такое хладнокровие и выдержку мне видеть не приходилось, поскольку под артиллерийским обстрелом я был впервые в жизни и каждый раз машинально наклонял голову навстречу летящему снаряду, что вызывало добродушные шутки с их стороны до тех пор, пока я не перестал "кланяться" снарядам. Нам с генералом В. А. Чумаковым во время налетов авиации противника приходилось управлять истребителями и наводить их на фашистские бомбардировщики. Вылеты наших истребителей с аэродромов планировались так,

чтобы в каждой группе, хотя бы у ведущего, обязательно была приемо-передающая радиостанция для двусторонней связи с нашим наблюдательным пунктом. Если приходящая группа самолетов на связь не выходила, на вызовы не отвечала, то мы устанавливали связь командой: "Ласточка", я "Колокол", если понял, - покачай". Когда самолет покачивал плоскостями, это значило, что все в порядке, летчик нас понимает, связь хотя и односторонняя, но есть, значит группа управляема.

По мере увеличения количества самолетов в составе 6-й воздушной армии, в том числе оснащенных приемо-передающими радиостанциями, а также по мере накопления опыта в управлении авиацией изменялся и порядок установления и поддержания радиосвязи с самолетами, порядок самого управления ими.

На наблюдательном пункте командующего 6-й воздушной армией с ноября 1942 г. был установлен такой порядок управления самолетами в воздухе: все без исключения самолеты (бомбардировщики, штурмовики и истребители) при следовании на задание и обратно должны были связываться по радио с наблюдательным пунктом командующего, размещавшимся в каменном доме в д. Сельцо, в районе командного пункта командующего Северо-Западным фронтом. В доме с чердака на крышу вырубили проем, в котором построили деревянную вышку с маленькой площадкой для трех-четырех человек. На площадку были вынесены микрофоны и динамики от радиостанций РАФ, 11-АК и РСБ, укрытых в 300 - 500 м в капонирах и сараях. На вышке во время действий авиации находились командующий 6-й воздушной армией генерал Д. Ф. Кондратюк, его заместитель генерал Ф. П. Полынин и я. Иногда туда вызывался для доклада и метеоролог.

В мои функции входило устанавливать связь с самолетами, сообщать им воздушную и метеорологическую обстановку, передавать необходимые команды и распоряжения командующего и поддерживать радиосвязь с авиационными представителями воздушной армии и авиасоединений в наземных войсках. Иногда Д. Ф. Кондратюк и Ф. П. Полынин сами держали радиосвязь с самолетами, используя свои личные позывные, известные каждому летчику воздушной армии.

Ведущий группы докладывал о подходе к наблюдательному пункту, просил сообщить воздушную и метеорологическую обстановку и разрешить следовать на задание. Все летчики внимательно слушали радиостанцию наблюдательного пункта, чтобы узнать обстановку в воздухе. С излишними разговорами в строю мы вели беспощадную борьбу, так как они не только

затрудняли управление, но и могли стать источником сообщения о вылетах нашей авиации.

Когда самолеты пролетали наблюдательный пункт и приближались к линии фронта, с ними вступали в радиосвязь авиационные представители в наземных войсках, которые сообщали им наземную и воздушную обстановку в данном районе боевых действий, указывали наземные и воздушные цели и по возможности наводили на них. Один из авиационных представителей штаба 6-й воздушной армии капитан Иван Васильевич Маргорский долгое время вместе с радиостанцией РСБ размещался в разрушенной церкви, одиноко стоявшей в полностью сожженном селе. В одну из темных ночей, чтобы не заметили немцы, в эту церковь въехала автомобильная радиостанция РСБ, с помощью которой И. В. Маргорский вступал в радиосвязь с истребителями, сообщая им воздушную обстановку и помогая вести воздушные бои.

На обратном пути ведущие групп докладывали о выполнении задания, своих потерях, если они были, и потерях противника в воздухе, и обязательно получали оценку своей работы либо от авиационного представителя, либо от командующего воздушной армией. Иногда через ведущих групп, возвращавшихся с задания, командующий отдавал распоряжения в штабы авиасоединений, частей и на аэродромы о высылке следующих запланированных групп самолетов или, наоборот, отмене ее.

Этот способ управления применялся для выигрыша времени, главным образом, когда не было прямой связи с тем или иным штабом или аэродромом, а обстановка на поле боя требовала немедленных действий авиации, в особенности штурмовиков и истребителей, - в таких случаях боевые самолеты, возвращавшиеся на свои аэродромы с задания, использовались как самолеты связи.

Сейчас командная связь с самолетами ведется в ультракоротковолновом диапазоне, без поиска и подстройки радиостанций; простым нажатием кнопок можно переходить с одной волны на Другую. Связь устойчивая, уверенная. Имеются точнейшие приборы для настройки.

А в годы Великой Отечественной войны коротковолновые радиоприемники и радиопередатчики нужно было постоянно подстраивать, чтобы не потерять или, наоборот, чтобы найти корреспондента. Стабильность была невысокая, было очень много треска, шума, взаимных радиопомех, и часто случалось, что радиостанции, настроенные на одну и ту же условную волну, вследствие нестабильности работы передатчиков, неточности и расхождения в настройке не находили друг друга в эфире. Чтобы

этого избежать, мы установили ежедневную передачу радиостанций РАТ эталонной частоты, по которой на всех пунктах управления и аэродромах настраивали самолетные и наземные приемники, а по настроенным приемникам настраивали передатчики. Это значительно улучшило качество и устойчивость радиосвязи.

Долгое время мы выезжали на наблюдательный пункт только с радиjсредствами: устанавливали радиосвязь со штабами 6-й воздушной армии, авиапредставителями в наземных войсках, авиасоединениями и все необходимые распоряжения отдавали по радио. Но чем теснее становилось взаимодействие авиации с наземными войсками, тем важнее была роль наблюдательного пункта воздушной армии в управлении боевыми действиями авиации и, следовательно, тем больше требовалось различных связей телеграфных, телефонных, радио.

И тогда нам пришлось в подвале уже упоминавшегося дома развернуть и оборудовать телеграфную, телефонную и электропитающую станцию. Установили телеграфные связи по СТ-35 со штабом воздушной армии, узлом связи наблюдательного пункта командующего Северо-Западным фронтом, командного пункта командующего 11-й армией, телефонную связь - с ближайшими аэродромами и площадками засады в непосредственной близости к линии фронта, на которых несколько истребителей были готовы немедленно вылететь на перехват бомбардировщиков противника.

В начале 1943 г. в командование 6-й армией вступил генерал Ф. П. Полынин. Командующий армией, а также офицеры оперативной группы всегда имели теперь необходимую информацию о наземной обстановке, действиях своих войск, соседей, противника, планах на следующие сутки, более полные, точные разведывательные и метеорологические данные и другую информацию.

Таким образом, наблюдательный пункт превратился в сравнительно хорошо оборудованный и обеспеченный связью передовой командный пункт командующего воздушной армией, хотя в то время такого термина еще и не существовало.

На НП командующего, кроме автора этих воспоминаний, находились связисты старшие лейтенанты В. А. Павлов, К. В. Дубов, начальники радиостанций Александр Дубинчик, Николай Олейник, Александр Морозов, Александр Карпенко, Василий Дунаев, радисты Александра Хотина, Анна Герасимова, Софья Гущина, Нина Наговицына, Михаил Кузнецов, Николай Спиридонов, Серафима Рябинина, Прасковья Новожилова, телефонистка Ксения Долгих, шоферы Сергей Гусев и Анатолий

Чайкин. С последним мне довелось много поездить по фронтовым дорогам на полуторке.

Работа на наблюдательном пункте была весьма напряженной не только по объему и ответственности, но и потому, что там вследствие близости фронта всегда чувствовалась фронтовая настороженность. Однако все, в том числе 19 - 20-летние девушки, работали спокойно, уверенно и даже не бегали в щели при приближении самолетов противника.

Первыми радистками, прибывшими в 6-ю воздушную армию, были девушки с Урала, десятиклассницы Свердловской и Кировской областей и студентки педагогического, юридического институтов и Государственного университета в Свердловске. В августе 1941 г. они начали обучаться на радиокурсах, а уже в ноябре все те, кто научился приему и передаче 60 - 80 знаков азбуки Морзе в минуту, были отправлены на фронты. В первых числах декабря 1941 г. часть из них прибыла и на Северо-Западный фронт в г. Валдай на распределительный пункт, где их уже ожидали помощник по радио начальника связи ВВС фронта майор М. А. Бритван, старшина радиороты Николай Морозов и начальник радиостанции РАФ сержант Александр Дубинчик.

После прибытия девушек в радиороту с ними провели дополнительную подготовку по приему и передаче и изучению радиостанций, а затем распределили по радиостанциям. Так началась их служба в действующей армии, полная волнений и тревог. Несколько позже прибыли радистки и из Иванова.

Подавляющее большинство из них были комсомолками, полными энергии, задора, уверенности в победе, к этому времени уже отлично знавшими свою специальность и работавшими в любых условиях столько, сколько было нужно.

Вечерами, когда боевое напряжение немного спадало, свободные от дежурства связисты собирались в маленькой избушке и пели задушевные русские и советские песни, в особенности полюбившуюся всем "Землянку" и лермонтовский "Парус" - запевали Шура Хотина, Соня Гущина и Таня Новожилова, обладавшие нежными и красивыми голосами. Остальные вполголоса подтягивали. Песня сплачивала коллектив, поднимала настроение и вызывала в сердцах поющих и слушающих самые высокие чувства.

Для управления самолетами в феврале 1943 г. в районе Демянска был организован наблюдательный пункт командующего 6-й воздушной армией, который возглавил заместитель командующего генерал-майор авиации К. Д. Дмитриев. В это время немецкое командование пыталось вывести свои войска из окружения через так называемый рамушевский коридор, поэтому

вражеская артиллерия и авиация проявляли повышенную активность, не жалели бомб и снарядов, стремясь обеспечить своим войскам наилучшие условия выхода из окружения.

Для управления авиацией, главным образом истребительной, привлеченной для борьбы с ВВС противника, в районе НП между двух корабельных сосен соорудили хорошо замаскированную соснами высоченную площадку, с которой довольно далеко просматривалось поле боя. На эту площадку подали выносы от двух радиостанций для связи с самолетами, установили прямой телефон в блиндаж генерала К. Д. Дмитриева.

Однажды днем, когда воздушная обстановка была сравнительно спокойной и на вышке никого, кроме меня и дежурного телефониста, не было, вдалеке появилась группа вражеских самолетов Ю-87. Их легко было узнавать по неубиравшимся шасси. И в это же время подошла для патрулирования четверка наших истребителей, которую я стал немедленно вызывать на связь и наводить на группу "юнкерсов". Но ведущий группы на вызовы не отвечал и команду не выполнял.

Тут я заметил, что к нашей вышке неторопливо подходят одетые в бекеши Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко и командующий 27-й армией генерал-лейтенант Ф. П. Озеров. Вот они подошли, посмотрели вверх на лестницу и начали медленно по ней подниматься.

Тут же я по телефону доложил об этом генералу К. Д. Дмитриеву, находившемуся в землянке метрах в 400 от вышки. Положение было не из веселых: непрерывно зову истребителей, но они молчат и по-прежнему держатся в стороне и выше "юнкерсов". А они все ближе и ближе. Когда маршал поднялся на вышку, я доложил ему воздушную обстановку и еще раз очень громко приказал истребителям атаковать группу бомбардировщиков. И в это мгновение истребители, то ли они услышали, наконец, команду, то ли сами увидели противника, вдруг стремительно ринулись на "юнкерсов". Два или три самолета загорелись, а остальные бросились врассыпную, беспорядочно сбрасывая бомбы на головы своих же войск.

Был ясный тихий морозный день, небо синее-синее и видимость, как шутят в авиации, миллион на миллион.

Впечатление было настолько сильным и ярким, атака истребителей так молниеносна и красива, что маршал Тимошенко, по-видимому, был просто поражен и приказал поднявшемуся к этому времени на вышку генералу Дмитриеву представить всю четверку к награждению орденами Красного Знамени.

Армейским связистам вообще и авиационным в частности

приходилось на войне обеспечивать и организовывать связь на аэродромах и пунктах управления в самых различных условиях, днем и ночью, при любой погоде, нередко под артиллерийским обстрелом и чаще под бомбежкой противника.

Поскольку радиосвязь играла все более важную роль в управлении войсками и ее удельный вес среди других средств управления с каждым годом рос, мы стали искать такие способы ее организации, которые давали бы оптимальное качество радиосвязи в сочетании с экономией сил и средств.

Качество радиосвязи улучшилось благодаря способу разнесения приема и передачи. Конечно, сам по себе этот принцип не новый - стационарные радиоцентры, как военные, так и гражданские, именно так и строились. Но во фронтовых, полевых условиях в 6-й воздушной армии мы применили его впервые, так как до этого радиосвязь осуществлялась каждой радиостанцией самостоятельно.

Приемный узел размещался в большой землянке, вблизи командного пункта армии, чтобы можно было быстро доставлять радиограммы. В нем устанавливались 12 - 15 приемников, часть которых ввиду нехватки приемников снималась даже с радиостанций, повыше поднимались антенны и на каждом рабочем месте радиста ставили телеграфный ключ. У дежурного по радио имелся маленький коммутатор или номерничок, который позволял подключать любой передатчик на любое рабочее место приема. Для этого с приемного узла кабелем ПТГ-19 прокладывались линии связи к группе передатчиков, по которым и осуществлялись их модуляция и манипуляция.

Работа в системе разнесенных узлов сберегала силы и средства, делала связь более оперативной и непрерывной, поскольку в любой момент вместо одного приемника или передатчика, в случае их неисправности, начинал действовать другой, свободный или резервный.

Кроме того, и это тоже важно, значительно сокращался наряд на охрану радиосредств, так как вместо охраны каждой отдельно стоящей радиостанции, если бы она вела самостоятельную радиосвязь, охранялась группа радиостанций, размещавшихся вместе и составлявших общий лагерь.

Недостатком такого способа размещения и работы радиосредств было увеличение вероятности их одновременного поражения авиацией противника с воздуха, а также утрата радистами передающего радиоузла своей квалификации радиста, потому что им не приходилось ни принимать, ни передавать радиограмм, они только настраивали передатчики радиостанций. Чтобы этого избежать, мы вынуждены были периодически менять

местами радистов приемного и передающего узлов.

Дежурными по радио работали младшие лейтенанты М. С. Кузнецов, бывший радист, награжденный за обеспечение радиосвязи во время бомбежки ВПУ под Торжком медалью "За отвагу", В. Г. Дунаев, погибший в 1944 г., лейтенант А. И. Шишов, старшина А. Ф. Карпенко.

Начальником приемного узла (радиобюро) была хорошая радистка Клавдия Степановна Стенина{53}, ныне руководитель конструкторской группы крупного уральского предприятия. После нее начальником радиобюро стала Аня Герасимова, отличная радистка, высококвалифицированная и дисциплинированная.

Начальниками радиостанций РАФ, 11-АК и РСБ работали Иван Клименко, исключительно одаренный человек, знавший наизусть схемы всех радиостанций, первым освоивший радиостанции СЦР-399, Александр Морозов, Владимир Власов, Николай Олейник, Михаил Черный, Елизавета Монахова и другие товарищи, имена которых мне не удалось вспомнить.

Радистами на различных радиостанциях и в радиобюро работали Нина Спиридонова, Мордух Черняк, Иван Кузьмичев, братья Николай и Петр Хвощинские, Нина Васильева, Николай Коломцев, Манефа Шляпникова, Мария Белоусова, Руфа Микрюкова, Люся Гурвиц, Тося Казакова, Мария Новикова, Серафима Рябинина, Нина Наговицына, Паня Новожилова, Петр Ачканов, Люся Чернышева, Зоя Федосеева, Люба Окунева, Оля Курильчик, Нина Казакова, Тоня Мусихина, Ира Плотникова, Тоня Борисова, Нина Кверденева, Мария Лазарева (она была на дежурстве ранена, но продолжала передавать радиограмму; позднее ее наградили медалью "За боевые заслуги"), горячая, быстрая и энергичная Соня Гущина, комсорг радиороты, а потом радиобатальона, ныне директор школы, радистка экстра-класса Шура Хотина, умевшая в любых условиях радиоприема из сотни ненужных радиосигналов выбрать один, единственный, драгоценный, ныне начальник юридического консультационного бюро Нижнетагильского металлургического комбината.

Электромеханиками радиостанций были Николай Чибисов, Степан Тимофеев, Иван Ветров, Валя Ложкова. В 1943 г. за четкое обеспечение радиосвязи были награждены медалью "За боевые заслуги" М. Шляпникова, А. Хотина, Т. Казакова, С. Гущина, А. Герасимова, И. Токарев, М. Волович, Н. Борисов и др.

Особое внимание уделялось радиосвязи со штабом ВВС (Москва), на этой связи постоянно, в течение всей войны использовалась единственная в полку связи радиостанция РАТ, начальниками которой в разное время были капитаны И. М. Неминущий и Н. И. Алпатов. Радиостанцию всячески берегли,

работать на ней считалось почетной обязанностью. И только самые дисциплинированные и квалифицированные радисты и электромеханики могли рассчитывать на честь быть в экипаже этой станции.

Через радиостанцию РАТ осуществлялась не только обычная слуховая телеграфная связь со штабом ВВС, но и буквопечатающая радиосвязь по БОДО. В этом была ее особенная ценность.

На РАТ работали радистами и старшими радистами Николай Борисов, Иван Токарев, Петр Ачканов, Нина Кверденева, Мария Лазарова, Нина Васильева, Евдокия Шуверова, электромеханиками и шоферами рядовые Леднев, Скрылев, Ломанов.

Радиовзводами командовали лейтенант Александр Харчук, старшина Александр Карпенко, радиоротой - старший лейтенант Владимир Алексеевич Вагин, его заместителем по политической части был капитан М. П. Лещенко.

В годы Великой Отечественной войны было много случаев совместных действий фронтов или временной поддержки частью сил одного фронта боевых действий соседнего фронта. Это особенно часто бывало с авиационными соединениями, маневренность которых позволяла быстро и оперативно перебрасывать их с одного фронта на другой. Например, в конце сентября 1943 г. из 6-й воздушной армии Северо-Западного фронта в помощь 3-й воздушной армии Калининского фронта, а потом 15-й воздушной армии 1-го Прибалтийского фронта была переброшена крупная группа штурмовой и истребительной авиации под общим командованием заместителя командующего 6-й воздушной армией генерал-майора авиации К. Д. Дмитриева с целью поддержания с воздуха наступательных действий войск Калининского фронта в Невельской операции. В состав оперативной группы при нем входили майор М. Т. Зубцов, капитан М. П. Одинцов, шифровальщики, метеорологи, разведчики. Начальником связи группы был назначен я, а помощником - старший лейтенант В. А. Павлов.

Командный пункт оперативной группы разместился в землянках на окраине аэродрома, рядом оборудовали телеграфную и телефонную станции и метрах в 300 - 400 - приемный радиоузел, а группу передатчиков вынесли за пределы аэродрома в сосновую рощицу. Причем все средства связи с личным составом выделялись сначала 3-й (начальник связи подполковник И. И. Морозов), а потом 15-й (начальник связи подполковник К. Ф. Прокофьев) воздушными армиями. Установили необходимую проводную и радиосвязь с командными

пунктами 3-й (потом 15-й), 6-й воздушных армий, подчиненными авиационными полками. Вначале было довольно трудно, так как средства связи и обслуживающий персонал были нам не знакомы. Однако вскоре все наладилось, поскольку экипажи были достаточно подготовленными, дело знали и связь работала устойчиво. Безотказно действовавшая радиосвязь с истребителями и штурмовиками нашей группы и взаимодействие с авиацией 3-й (15-й) воздушной армии способствовали успешному выполнению фронтом поставленных задач.

4 ноября 1943 г. по окончании операции наша оперативная группа была отозвана в 6-ю воздушную армию.

В заключение должен отметить, что связисты использовали все свои знания и опыт, чтобы обеспечить непрерывную и надежную связь в любых условиях.

М. А. Шамашкин

За жизнь и здоровье воинов

По сигналу величайшей тревоги многие советские люди, выполняя свое предназначение по защите Родины, отправились в первый же день войны на фронт для участия в решительной схватке с немецко-фашистскими захватчиками.

Мне как медику необходимо было спешить туда, где жизни и здоровью наших бойцов и командиров угрожала каждую минуту опасность от оружия врага.

Все мы еще до начала войны хорошо понимали, что нашим потенциальным врагом номер один являлась фашистская Германия. Вся идеология, стратегия и тактика гитлеровской Германии и направляемые ее руководителями яростная пропаганда и агитация носили в себе в течение ряда лет такой заряд ненависти против Советского Союза, что любой заключенный мирный пакт являлся лишь отсрочкой для второй стороны, а не ликвидацией угрозы.

Мы все знали, что партия и правительство, используя эту отсрочку, проводят большую работу по укреплению обороны нашей страны и использованию огромных возможностей, созданных социалистическим строем за годы его существования, для успешного отражения возможного нападения гитлеровской Германии.

В первый день войны, 22 июня 1941 г., по приказу я выехал из Харькова, где до того работал преподавателем кафедры хирургии военного факультета при Харьковском медицинском институте, в Ригу: за несколько дней до начала войны я получил назначение на должность начальника военно-санитарного управления Прибалтийского особого военного округа.

С началом войны и образованием на базе этого округа

Северо-Западного фронта в числе различных его служб и управлений сформировалось военно-санитарное управление (военсанупр) фронта.

Приехав утром 24 июня в Ригу, я был очень обрадован встречей с прибывшим из Ленинграда одновременно со мной по предназначению главным хирургом нашего фронта профессором Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова бригврачом Н. Н. Еланским, с которым мы вместе работали в начале 30-х годов в клинике видного хирурга и ученого С. П. Федорова. В дальнейшем мы вместе трудились на Северо-Западном фронте в течение всего периода его существования до конца 1943 г.

В Риге было крайне тревожно. Авиация противника ежедневно производила воздушные налеты и бомбардировку кварталов, примыкающих к р. Даугаве. Ознакомившись с положением медицинских учреждений округа и Рижского гарнизона, мы в течение двух дней занимались организацией их отправки на восток и решением ряда других острых и неотложных вопросов. Н. Н. Еланский уделял при этом особое внимание организации хирургической помощи прибывающим в окружной госпиталь раненым и подготовке самого госпиталя к свертыванию и эвакуации в тыл. Затем мы оба выехали в штаб фронта, который, по имеющимся сведениям, располагался в районе г. Резекне в 200 км к востоку от Риги. Проезд туда оказался возможным только окружным путем через Псков и Остров и дальше назад к западу в Резекне. Штаб фронта располагался в лесу неподалеку от города. Машины стояли неразгруженными, и было установлено лишь несколько палаток для командования.

Командующий фронтом генерал-полковник Ф. И. Кузнецов, к которому мы вместе с профессором Еланским пришли представиться, встретил нас у входа в палатку угрюмо. Мы поняли, что командующий крайне расстроен и ему не до нас. Через несколько дней он убыл с фронта, и в командование фронтом вступил генерал-майор П. П. Собенников. Перед этим, в самом начале июля, на должность начальника штаба фронта прибыл генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин. С новым начальником штаба фронта быстро и просто установился рабочий контакт, и он всегда с большим вниманием относился к медицинской службе и медикам.

В районе Резекне военно-санитарное управление не было развернуто, имущество находилось на машинах. Познакомившись с личным составом управления, мы решили на первых порах организовать хирургическую помощь и эвакуацию в тыл на том операционном направлении, где располагался штаб фронта.

Сотрудники санупра, высланные нами в Резекне и в направлении Даугавпилса для проверки положения на месте, сообщили о потоке раненых из состава войск 27-й армии, неорганизованно движущихся на Резекне. Мы с главным хирургом и группой врачей управления выехали в Резекне для организации там на базе местной больницы приема раненых и оказания хирургической помощи. Силами сотрудников нашего управления под непосредственным руководством Н. Н. Еланского был организован импровизированный хирургический госпиталь в качестве первого этапа квалифицированной хирургической помощи. К работе в этом госпитале была привлечена группа врачей из числа прибывавших к нам по призыву и находившихся в резерве.

За время работы этого госпиталя в Резекне была оказана хирургическая помощь около 2000 раненым. Дальнейшая их эвакуация велась на Остров и Псков железнодорожными и импровизированными санитарными поездами и попутным автотранспортом. Затем госпиталь из Резекне был эвакуирован вместе с оставшимися в нем ранеными.

Раненые из 8-й армии, отошедшей на север, оказались в полосе действий Северного фронта и эвакуировались в этом направлении. Как вскоре нам стало известно, на всех направлениях, где велись тогда войсками нашего фронта оборонительные бои, медицинские работники выполняли свой долг до конца и в невероятно тяжелых условиях оказывали помощь раненым бойцам и командирам частей и соединений, яростно оборонявшихся против превосходящих сил противника.

Большинство гарнизонных военных госпиталей Прибалтийского военного округа было свернуто и убыло в направлении тыла Северо-Западного и Западного фронтов. Персонал некоторых госпиталей погиб (Вильнюсский и Лиепайский).

Шяуляйский гарнизонный госпиталь No 291 эвакуировался в Псков и сразу же приступил к лечению большого числа прибывавших раненых. Хирургическую работу возглавил военврач 2-го ранга К. К. Гольдгаммер (потом доктор медицинских наук). Большую помощь хирургам госпиталя оказала группа военных врачей, направленных из Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова 25 июня 1941 г. в распоряжение Прибалтийского военного округа и безуспешно пытавшихся добраться до Риги.

Благодаря умелому руководству начальника госпиталя военврача 3-го ранга А. Л. Розенберга, самоотверженной и неутомимой работе хирургов и приданной группы военных врачей в операционной и перевязочных круглосуточно работало

одновременно до 20 врачей. Когда же бои развернулись у самого города, госпиталь был свернут и подготовлен к эвакуации. Для сформирования эшелона начальник госпиталя вместе с комендантом станции собирали на путях отдельные вагоны, так как в это время почти не осталось подвижного состава. Все раненые (до 600 человек), личный состав и имущество были погружены, и госпиталь благополучно прибыл в Ярославль, где и был включен во фронтовую госпитальную базу.

Для приема, оказания медицинской помощи и эвакуации раненых нами был задержан до 7 июля на станции Псков находившийся там санитарный поезд. Его мы использовали для эвакуации всех оказавшихся там раненых. Эвакуация из Пскова проводилась в Новгородский гарнизонный госпиталь No 448, оказывавший хирургическую помощь раненым, прибывавшим непосредственно из района боевых действий. Затем он перед отходом из Новгорода наших войск эвакуировался и влился в госпитальную базу фронта.

Тяжелая обстановка первых дней войны нарушила прибытие из внутренних округов медицинских учреждений, предназначенных Северо-Западному фронту. Большая часть их так и не прибыла, а была переадресована другим фронтам. Трудное положение создалось и с обеспечением медицинским имуществом, поскольку окружной склад в Даугавпилсе был уничтожен.

Для выхода из этого положения санитарное управление фронта приступило к формированию полевых госпиталей и других полевых медицинских учреждений, используя для этого личный состав и имущество отдельных эвакогоспиталей, развертывавшихся с началом войны на территории тыла фронта, а также прибывавших из тыла страны. Широко использовались и местные материальные ресурсы. Армейские роты медицинского усиления (ОРМУ) были сформированы из двух подлежавших расформированию автохирургических отрядов, прибывших на фронт в начале войны. Кроме формирования новых полевых госпиталей (хирургических - ХППГ, терапевтических - ТППГ, инфекционных - ИГ), ОРМУ, автосанрот, конно-санитарных взводов медсанбатов, оказалось необходимым пополнить личным составом и имуществом медсанбаты, пострадавшие при быстром отходе.

Большие задачи стояли перед войсками и тылами Северо-Западного фронта при развертывании крупных наступательных операций (Торопецко-Холмской и Старорусской), проводившихся с целью окружения и уничтожения демянской группы войск противника и дальнейшего наступления на запад.

Исключительные трудности с эвакуацией большого количества раненых и бездорожьем в условиях суровой зимы 1941/42 г. вызвали перегрузку железнодорожного санитарного транспорта (15 временных санпоездов - (ВВСП) и сформированных нашим фронтовым эвакопунктом (ФЭП-36) 24 санлетучек).

Крайняя загруженность железнодорожных коммуникаций и перерывы в железнодорожном движении замедляли прибытие на фронт отправляемых из тыла страны эвакогоспиталей, это очень затрудняло необходимое расширение фронтовой госпитальной базы. В этих условиях проявилась огромная творческая энергия и самоотверженность всех наших медицинских работников, от врача до санитара, стремившихся, несмотря на трудности, обеспечить раненых и больных бойцов и командиров всеми видами медицинской помощи.

Много сил и энергии было затрачено на строительство для полковых медпунктов, медсанбатов и ближайших к фронту армейских госпиталей, укрытых от вражеской авиации лесных городков. А строить надо было своими собственными силами все - и для раненых, и для себя, и для подъезда транспорта.

Перед медицинской службой стояла задача дальнейшего увеличения числа армейских полевых госпиталей, особенно ХППГ, чтобы расширить емкость госпитальных баз армий, сократить эвакуацию в тыл, снизить смертность и увеличить число возвращенных в строй.

Для формировавшихся фронтом в 1942 г. двух новых армий (27-й и 53-й) потребовалось создание полного комплекта новых армейских медицинских учреждений. Кроме того, необходимо было пополнить кадрами и имуществом прибывающие из тыла эвакогоспитали и развертываемые госпитали для легкораненых (ГЛР). Достаточно сказать, что за вторую половину 1941 г. было вновь сформировано 10 ХППГ, 6 ОРМУ, переформировано из батальонов легкораненых и выздоравливающих 13 ГЛР.

Нужно признать, что медицинская служба фронта довольно быстро восстановила своими силами и с помощью Главвоенсанупра потери в кадрах и медицинском имуществе, понесенные в первые месяцы войны. Это дало возможность медикам с удвоенной силой бороться за жизнь и здоровье наших бойцов и командиров.

Наших медиков, в большинстве своем в недалеком прошлом гражданских людей, как и всю советскую медицину, отличало то, что они служили народу, то, что это - медицина для народа. Великая цель - борьба за победу над немецко-фашистскими захватчиками придала медикам огромную творческую силу, которая помогла им вынести все в тяжелой обстановке войны,

выполнить достойно свой долг.

Медицинские работники Северо-Западного фронта, как и других фронтов, сыграли большую роль в победе над врагом, обеспечивая раненым и больным своей самоотверженной работой на поле боя и на всех других этапах медицинской помощи успешное лечение и массовое возвращение в строй для участия в решающих битвах до полной победы.

Авторитет медицинских работников вырос. Весьма знаменательны слова Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинина, обращенные к главному хирургу Красной Армии академику Н. Н. Бурденко 20 мая 1943 г. в связи с присвоением ему почетного звания Героя Социалистического Труда. Эти слова относились и ко всем медицинским работникам нашей страны. Он сказал: "Награждение тов. Бурденко имеет большое политическое значение. Это награждение означает, что медицинское обслуживание нашей Красной Армии стоит в одном ряду с авиационным, артиллерийским обслуживанием, что медицинские работники в рядах армии столь же нужны, как бойцы и командиры. Награждение тов. Бурденко имеет и огромное общественное значение: оно является ярким подтверждением советского мировоззрения, советского отношения к ценности человеческой жизни. Ведь самое ценное, что у нас есть, основное богатство нашей страны - это наши, советские люди... За два десятилетия напряженной работы мы начали выходить на широкую дорогу обеспеченности, в нашей стране шло непрерывное повышение материального уровня жизни. И вот за эти два десятка лет, вместе с повышением материального и культурного уровня людей, у нас шло не менее интенсивное развитие нашей советской медицины, шло непрерывное улучшение обслуживания людей медицинской помощью... И надо сказать, что эти усилия правительства не оказались напрасными. Они привели в период войны, т. е. в момент, когда силы страны в высшей степени напряжены, к тому, что наша советская медицина оказалась на высоком уровне... С победой над врагом мы, несомненно, будем гигантски двигаться вперед и вместе со всей страной должна идти вперед наша советская медицина"{54}.

Оказание первой медицинской помощи, вынос и вывоз пострадавших с места ранения и дальнейшее обеспечение их лечения до выздоровления в условиях войны организуются совершенно по-иному, чем в мирное время. Меняются не научные основы современной медицины и признанные всеми методы лечения ран, а тактика и организация их применения, приспосабливаемая к условиям боевых действий.

Вся система оказания медицинской помощи в бою и последующего лечения раненых до выздоровления была построена у нас во время Отечественной войны на принципах этапного лечения с эвакуацией по назначению. Это значит рассредоточить весь лечебный процесс в отношении раненого между специальными подразделениями и учреждениями, представляющими собой отдельные этапы на его пути с места ранения в тыл, и проводить эвакуацию по назначению туда, где каждому раненому будет обеспечено квалифицированное и специализированное лечение, диктуемое требованиями современной хирургии и медицины в целом. Смена этапов на эвакуационном пути и медицинского персонала, оказывающего помощь и обеспечивающего уход на этих этапах, не повредят лечебному процессу, если между всеми этапами существует крепкая связь и установлено заранее взаимопонимание и взаимозависимость. Но первое, что требуется, - это единое понимание всеми медиками основ, на которых организационно базируется военно-полевая хирургия. Речь идет о единой военно-полевой медицинской доктрине.

Содержание этой доктрины было сформулировано начальником Главвоенсанупра Е. И. Смирновым. Он говорил в годы войны, что "современное этапное лечение и единая военно-полевая медицинская доктрина в области полевой хирургии основываются на следующих положениях:

1) все огнестрельные раны являются первично-инфицированными;

2) единственно надежным методом борьбы с инфекцией огнестрельных ран является своевременная первичная обработка ран;

3) большая часть раненых нуждается в ранней хирургической обработке;

4) раненые, подвергнутые в первые часы ранения хирургический обработке, дают наилучший прогноз"{55}.

В выступлениях Е. И. Смирнов неоднократно подчеркивал, что в условиях полевой санитарной службы объем работы и выбор методов хирургического вмешательства и лечения чаще всего определяются не столько медицинскими показаниями, сколько положением дела на фронте, количеством поступающих больных и раненых и их состоянием, количеством и квалификацией врачей, особенно хирургов, на данном этапе, а также наличием автотранспортных средств, полевых и санитарных учреждений и медицинского оснащения, временем года и состоянием погоды.

Успехи в оказании хирургической помощи и последующем лечении раненых на этапах медицинской эвакуации в

значительной мере обеспечивались работой передовых этапов и в первую очередь организацией первой помощи в бою, выноса раненых с поля боя и доставки их на батальонный медицинский пункт и далее в полковой медицинский пункт (БМП и ПМП).

Работа передовых медицинских этапов имеет исключительное значение для спасения жизни и восстановления здоровья раненых. В успехе этой работы решающее значение имеет время. Для быстрой остановки кровотечения на поле боя важны порой минуты, да и в случае хирургического вмешательства, имеющего целью устранение непосредственной опасности для жизни и приведение раненого в состояние наиболее устойчивое и выгодное для борьбы с раневой инфекцией и другими осложнениями, речь может идти лишь о немногих часах.

Вопросы быстрейшего оказания первой помощи в бою, быстрейшего выноса раненых с поля боя и доставки их на ближайшие этапы медицинской помощи постоянно привлекали внимание командования и организаторов медицинской службы. Этому вопросу нашим правительством было уделено особое внимание. Известно, что приказом Народного комиссара обороны СССР от 23 августа 1941 г. санитары за самоотверженную работу по выносу раненых с поля боя награждались самыми высокими наградами.

Ответственность за своевременный вынос раненых с поля боя наряду с медицинскими работниками несли и командиры частей и подразделений. В случае необходимости они обязаны были выделять санитаров-носильщиков из состава бойцов подразделений (рот, команд, батальонов) для помощи санитарам и санинструкторам рот.

Необходимость ускорения оказания первой помощи, выноса и эвакуации на ближайший хирургический этап (медсанбат дивизии - МСБ, медсанрота бригады МСР) вытекает из трех основных требований: остановить кровотечение, угрожающее жизни раненого, не допустить повторного ранения бойца, доставить раненого для хирургического вмешательства в наиболее благоприятный срок.

Для того чтобы обеспечить выполнение этих требований, была серьезная организация в низовом подразделении - роте, заключающаяся не только в наличии санинструктора роты, санитаров и санитаров-носильщиков, но и в соответствующей подготовке всего личного состава роты. Боевая обстановка, необходимость крайней экономии в бойцах, все время выбывающих в ходе боя из строя, требуют максимальной подготовки и инициативы со стороны самих бойцов в оказании первой помощи своему товарищу в роте, а также и себе самому.

Особенно важно было научить бойцов накладывать первичную повязку. Большое значение имело и то, что каждый воин всегда имел при себе индивидуальный медицинский пакет.

В условиях сложных и ожесточенных боев требовалась хорошая подготовка санитара. Для успеха в работе санитар должен быть самостоятельным, хорошо знать и природу боя, и применение к местности для розыска и обнаружения раненого, и способы оказания первой помощи, наложения первичной повязки, и технику оттаскивания раненого и его выноса, окапывания и т. д.

В ходе Отечественной войны значительно улучшилось и ускорилось наложение первичных повязок на поле боя, что ускоряло прибытие раненых на полковые медицинские пункты и в медсанбаты, и было весьма важно для благоприятных результатов лечения и выздоровления.

В хирургической конференции нашего фронта в Ярославле, проходившей с 30 ноября по 1 декабря 1941 г., принимало участие много хирургов медсанбатов и армейских госпиталей, и вопросу работы передового звена помощи санинструктора и санитаров было уделено значительное внимание. Об этом говорилось в выступлении начальника Главвоенсанупра Е. И. Смирнова, в докладах начальника санупра фронта, главного хирурга фронта профессора Н. Н. Еланского и в выступлениях участников конференции.

На первом пленуме организованного на Северо-Западном фронте Ученого совета медупра фронта, состоявшемся 10 ноября 1942 г., в научную тематику, рекомендованную для разработки в частях и медицинских учреждениях, были включены специальные вопросы, связанные с работой ротного звена медицинской службы. В июле 1943 г. Ученый совет медупра выпустил бюллетень No 5, который целиком посвящался работе санитарного инструктора роты.

В мае 1943 г. мы провели на базе фронтовой школы санинструкторов, возглавлявшейся подполковником медслужбы Г. Ю. Наумовым, сборы лучших санинструкторов фронта. Опыт этого сбора был обобщен нашим Ученым советом в его бюллетене No 5.

На сборе мы говорили о самоотверженной работе санинструкторов и санитаров при выполнении благородного долга на поле боя. Их героизму многие раненые обязаны своей жизнью. За самоотверженную работу многие медицинские работники награждены орденами и медалями.

Главный хирург фронта профессор Н. Н. Еланский в лекции на сборе дал важные советы по предохранению раны от вторичного загрязнения, остановке артериального кровотечения,

предупреждению шока. Особое внимание Н. Н. Еланский обратил на правильность наложения шин при ранениях конечностей и на бережную транспортировку для устранения болевого фактора. Он подчеркнул также важное значение внимательного подхода к раненым для выявления нуждающихся в первоочередной транспортировке - это раненные в грудь и живот, в голову с повреждением мозга, в шею с повреждением крупных сосудов, с наложенным в связи с кровотечением жгутом и т. д.

При подведении итогов сбора член Военного совета фронта генерал-майор А. М. Пронин призвал его участников выполнить свой долг перед Родиной и, ускорив своей работой возвращение раненых в строй, содействовать разгрому ненавистного врага.

Прошло много лет после грозных событий Отечественной войны, но память сохранила имена и подвиги замечательных наших людей, которые, не щадя здоровья и самой жизни, работали "на передовой", ежедневно спасая в любых и самых тяжелых условиях боев жизнь раненых бойцов и командиров, помогая им вернуться в строй, а после победы - к семье и любимой работе.

Прежде всего хочется сказать об огромном участии женщин в спасении и лечении раненых. В медицинских подразделениях, учреждениях и особенно на передовых этапах - в роте, батальоне, а также на ПМП и в медсанбатах трудилось самоотверженно много женщин - врачей, фельдшеров, санинструкторов, медсестер, сандружинниц. По данным нашего фронта, женщины составляли 58% всех медиков. Столько храбрости, мужества, бесстрашия они проявляли! И это чувствовал каждый боец и командир в бою, зная, что рядом сестра - "сестрица", бесстрашный человек, который не оставит в беде, окажет первую помощь в любых условиях, оттащит в укрытие, вынесет в тяжелую минуту на себе, спрячет от бомбежки в пути. Эту работу женщин, девушек нельзя свести только к одной медицинской помощи. Участие женщин наряду с мужчинами в войсковой медицинской службе, в частях и медсанбатах оказывало на воинов большое влияние и создавало у них уверенность в своей судьбе. Вместе с тем мужество, бесстрашие, преданность своим ближайшим товарищам, душевность женщин поднимали дух бойцов, звали их на подвиги, достойные мужчины. Ведь было немало случаев, когда, находясь в боевых порядках для оказания быстрейшей медицинской помощи раненым, они заменяли сраженных в бою командиров и поднимали бойцов в атаку за Родину.

Мне хотелось бы в связи с этим рассказать о нашем боевом соратнике по Северо-Западному фронту - о санинструкторе роты Герое Советского Союза Людмиле Степановне Кравец.

В наши дни она живет в своем родном городе - в Запорожье. Там же в 1941 г., когда ей было 18 лет, она закончила двухгодичную медицинскую школу и после сдачи экзаменов ушла добровольно в армию.

Исключительная выносливость и непреклонная воля к победе Людмилы Кравец раскрылись еще в боях на нашем фронте. После тяжелого ранения под Старой Руссой в начале 1943 г. она подлежала увольнению из армии, но своим упорством добилась возвращения в строй.

В армейском хирургическом госпитале 27-й армии (ХППГ 4336), куда она была доставлена в тяжелом состоянии с ранением обоих бедер, осложненным газовой гангреной, ей намеревались произвести двустороннюю ампутацию как крайнюю меру для сохранения жизни. Своим категорическим заявлением, что она предпочитает умереть со своими ногами, чем будет жить без них, она добилась иного решения начальника госпиталя М. Л. Дунаевского. Рассказ Людмилы Кравец об усилиях врачей вылечить ее от тяжелого осложнения газовой гангрены и поставить ее на собственные ноги - это победный гимн нашим хирургам.

С замечательной настойчивостью и энергией, тренируя свои ноги, искалеченные послеоперационными рубцами, и терпя при этом такие боли, от которых иногда падала в обморок, героиня готовила себя для возвращения в строй. А затем ей удалось преодолеть сопротивление лечащего врача фронтового госпиталя и получить от него справку о годности для службы в строю без направления на врачебную комиссию. И, наконец, она возвратилась на фронт. Людмила по этому поводу пишет: "Я стремилась попасть в действующую часть, непосредственно в стрелковые роты. Я знала, что во время наступления нервная система в таком напряжении, что любая боль не так чувствительна. И поэтому только во время боев смогу разработать рубцы. В двух словах это просто невозможно написать. Как все-таки очень тяжело мне было находиться на переднем крае".

В этом рассуждении удивительно сплетается холодный ум "экспериментатора", изучающего свои собственные, ею же самой вызванные боли, и горячее сердце юной девушки, не желающей уйти из рядов товарищей, бьющихся за победу. В судьбе Людмилы Кравец переплелись воедино усилия врачей, спасших ей жизнь, и ее собственные усилия во что бы то ни стало возвратиться на фронт. И, когда думаешь о Золотой Звезде, увенчавшей ее в конце войны, понимаешь, что иначе не могло и не должно было быть.

В разведывательной роте 53-й гвардейской стрелковой дивизии служила санинструктором старшина медслужбы Зинаида

Николаевна Леонтьева, вступившая добровольно в 3-ю Московскую коммунистическую дивизию, ставшую затем гвардейской. В боях на Северо-Западном фронте санинструктор Леонтьева оказала первую помощь многим раненым и вынесла их с поля боя, а когда роте грозила большая опасность, сражалась рядом со своими бойцами и командирами. За подвиги она была награждена двумя орденами Отечественной войны II степени, орденами Красной Звезды и Славы III степени и медалью "За боевые заслуги".

На Северо-Западный фронт 53-я гвардейская стрелковая дивизия{56} прибыла в" феврале 1942 г. и с марша вступила в бой. В дивизии было много женщин-медиков: врачей, медсестер, сандружинниц, которые продвигались вместе с пехотой в ее боевых порядках, тут же оказывая первую помощь раненым. Зинаида Николаевна вспоминает: "Зима была снежная, лютая. Было очень холодно, но мы не чувствовали ни холода, ни голода. Мы волокли раненых на себе и на волокушах, и мы чувствовали ответственность за каждого раненого".

После тяжелого ранения, полученного когда она оказывала первую помощь в бою раненым своей роты, ей была произведена высокая ампутация левого бедра, и З. Н. Леонтьева была вынуждена оставить фронт. В настоящее время она работает заместителем секретаря партийной организации гостиницы "Прага" в Москве.

Начальник санитарной службы 1-й Ударной армии полковник медслужбы Н. П. Прокофьев сообщил о подвиге санитара Тартакова, оказавшего первую помощь и вынесшего с поля боя 95 раненых и награжденного за это орденом Ленина.

Молодой врач А. К. Таланова, прибывшая на наш фронт после окончания Томского мединститута осенью 1942 г. и назначенная старшим врачом минометного полка, рассказывает о больших трудностях с выносом и дальнейшей транспортировкой раненых осенью 1941 г. и зимой 1942 г. во время боев под Старой Руссой: "Из батарей до ПМП несли на носилках. Кто мог, шел пешком в сопровождении санинструктора. А как согревали бойца, раненого и больного, химические грелки: положишь кусочек снега, встряхнешь грелку, положишь ее за пазуху или обложишь раненого - станет тепло и радостно. Нужно сказать спасибо тем людям, которые их изобрели. Они многих спасали от обморожения... Перевязочный материал часто доставляли на себе или везли верхом".

С большим вниманием относилось к обеспечению воинов предметами зимнего обихода и обогрева командование фронта. Например, командующий войсками Северо-Западного фронта (в

период зимы 1942/43 г.) Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко поручил интендантам и санупру организовать выставку этих предметов, которую мы тогда развернули поблизости от штаба фронта. В числе экспонатов были наряду с подарками из Монгольской Народной Республики войлочными кибитками - предметы вещевого снабжения, образцы медицинского имущества: химические грелки различного типа для бойцов и эвакуируемых раненых, ватные и меховые одеяла, ватные одеяла-конверты, чехлы-утеплители для раненных в конечности, обогревательные устройства для саней, лыжно-носилочные установки, лодочки-волокуши и другие предметы.

Значительную роль в вывозе раненых с ротного участка на БМП (а иногда и на ПМП) в течение Отечественной войны сыграли в качестве армейского средства усиления отряды нартовых упряжек санитарных собак. В февральско-мартовскую операцию 1943 г, (в течение одного месяца) отряд собачьих упряжек в 1-й Ударной армии эвакуировал 75% раненых, подлежавших вывозу, причем из ротного участка было эвакуировано до БМП 68%, до ПМП - 6% и до МСБ - 3%. Лучше всего эвакуация осуществлялась в зимних условиях, летом она была менее эффективна. Важно, что эти отряды не только транспортировали раненых, но и подбирали их.

Интересны отзывы о собачьих упряжках, приводимые некоторыми врачами войсковых частей. Старший врач 648-го стрелкового полка 200-й стрелковой дивизии майор медслужбы Т. Т. Кургузов в одном из писем писал: "Как хорошо и легко они возили, успевай только санитар за ними. Выстрелов и взрывов мин собаки почти не боялись... Был случай, иду по опушке леса, смотрю - упряжка идет в мою сторону, но санитара нет. Что такое, где санитар? Оказалось, что на волокуше находится тяжелораненый командир батареи 45-мм пушек, а вожатый санитар был ранен и не мог его сопровождать. И вот, собаки сами довезли раненого до ПМП, а затем упряжка возвратилась к пункту сбора раненых с другим санитаром и забрала раненого санитара-вожатого".

Сам Т. Т. Кургузов за время войны был два раза ранен, контужен. За боевые заслуги он награжден двумя орденами Отечественной войны и орденом Красной Звезды.

Мы привели лишь некоторые примеры самоотверженной работы и подвигов представителей передового звена медиков войскового района. Но это только примеры. За каждым из них десятки, сотни таких же самоотверженных людей, сотни коллективов, которые делали все возможное и сверхвозможное, чтобы спасти раненых, доставить их в кратчайший срок в

медсанбат для оказания им неотложной квалифицированной хирургической помощи.

Одним из наиболее ярких показателей организованности полевой медицинской службы, имевшим первостепенное значение для всей последующей хирургической работы, являлось время поступления раненого после ранения на полковой медицинский пункт, где ему обеспечивалась первая врачебная помощь. Ранние сроки прибытия раненых на ПМП предопределяли успех всей дальнейшей борьбы с шоком и последствиями кровопотери, имели важное значение и для ускорения дальнейшего направления раненых из ПМП в медсанбат, где проводились первичная хирургическая обработка ран и необходимые оперативные вмешательства.

Основным требованием к медицинской службе у нас было обеспечение прибытия всех раненых на ПМП в пределах до 6 часов после ранения и в медсанбат - до 12 часов. Если раненые задерживались на ротном участке или в районе БМП и прибывали после названных сроков, то мы рассматривали это как недостаток организации медицинской помощи на поле боя. Оптимальным сроком для оказания первичной хирургической помощи раненым в медсанбате считался срок в пределах шести-восьми часов после ранения. Если не было особых условий в характере боя, которые могли бы задержать поступление всех раненых с передовой зоны на ПМП (легкораненые поступали полностью), то задержка в поступлении тяжелораненых могла быть объяснена только чрезвычайными обстоятельствами, требовавшими вмешательства батальонного фельдшера, старшего врача полка, а иногда и начсандива.

Важнейшим органом доврачебной помощи, несомненно, являлся батальонный медицинский пункт, возглавлявшийся батальонным фельдшером. Именно он являлся организатором всей медицинской помощи и всех санитарно-гигиенических и противоэпидемических мероприятий, проводимых в батальоне. От батальонного фельдшера зависела в первую очередь работа санитарных отделений рот и эвакуация раненых с ротных участков на БМП. Важнее всего для него было ускорить прибытие раненых на БМП и их отправку на ПМП. При этом особое внимание уделялось выносу раненых с ротных участков, в помощь направлялся санитарный транспорт, к санинструкторам прикреплялись санитары и санитары-носильщики из заранее подготовленного резерва. Особенно важно было при поступлении раненых на БМП провести их осмотр для отправки в первую очередь на ПМП раненых, требующих неотложной врачебной, в том числе хирургической, помощи. На БМП проверялось

состояние и производилось исправление ранее наложенных повязок и транспортных шин. При поступлении раненых в состоянии шока применялись сердечные и болеутоляющие средства. Раненых согревали химическими грелками и теплыми одеялами. При проникающих ранениях груди накладывалась большая герметическая давящая повязка с прокладкой из прорезиненной оболочки индивидуального пакета.

Проведение батальонным фельдшером противоэпидемических мероприятий имело особое значение во время наступательных операций и освобождения оккупированных ранее районов, крайне неблагополучных в эпидемическом отношении. Невероятный гнет, нищета и лишения, которым подвергалось население оккупированных фашистами областей, создавали тяжелую эпидемиологическую обстановку, угрожающую наступавшим нашим войскам, если бы не были приняты серьезные и быстрые противоэпидемические меры. Этой работе уделялось большое внимание и санчастью полка.

Путь раненого с места оказания ему первой медицинской помощи на поле боя и до прибытия на ПМП, несмотря на его краткость (три - пять километров), являлся весьма тяжелым для самого пострадавшего. При проведении в ПМП медицинского осмотра прибывших раненых с целью определения степени срочности их эвакуации в МСБ сменялись повязки, промокшие и неудовлетворительно наложенные, проверялась правильность наложения шин и в необходимых случаях производилась их замена, проводился контроль за наложенными ранее для остановки артериального кровотечения жгутами. Обращалось особое внимание на введение противостолбнячной и противогангренозной сывороток при артиллерийско-минных ранениях нижней половины тела, а также при всех рвано-ушибленных ранах и большом загрязнении тела. На ПМП же проводились мероприятия по борьбе с шоком и последствиями больших кровопотерь, требовавших неотложной помощи в виде дооперационного переливания крови и кровезаменителей, что имело особое значение в тяжелых условиях эвакуации раненых на театре военных действий Северо-Западного фронта.

В этих условиях ПМП как бы превращались из пунктов общеврачебной помощи в подготовительные хирургические этапы.

На полковом медицинском пункте, впервые на эвакуационном пути раненого, проводилась врачебная регистрация раненых, заполнялись медицинские карточки передового района, следовавшие с ними на всем пути эвакуации.

В некоторых случаях, когда оказывались значительные

затруднения с эвакуацией раненых из ПМП в МСБ, практиковалось направление из медсанбата хирурга в ПМП для хирургической помощи (главным образом для неотложных и срочных операций).

Мы рассказали о медицинских мероприятиях, которые проводились в наших частях во время боевых действий в масштабе батальона и полка. Теперь же хочется показать на отдельных примерах, как осуществлялись эти мероприятия.

В 595-м стрелковом полку 188-й стрелковой дивизии командиром медсанвзвода 2-го батальона состоял военфельдшер старший лейтенант медслужбы И. Т. Кроленков. Старшим врачом этого полка был майор медслужбы А. И. Дружков.

2-й батальон под командованием капитана А. Ф. Величко наступал очень активно и 9 января 1942 г. ворвался в Старую Руссу. Наши бойцы занимали квартал за кварталом. Когда гитлеровцы пришли в себя и увидели, что наших солдат мало, они начали контратаковать. Батальон попал в окружение. Другие наши дивизии и части, участвовавшие в этой операции, запоздали с подходом, и батальону одному длительное время пришлось вести бой. В полдень командир батальона был тяжело ранен в живот. Кроленков наложил ему повязку и просил не двигаться, но капитан Величко ответил, что жить ему недолго и пока бьется сердце он будет командовать батальоном. В этой тяжелой обстановке медики батальона во главе с Кроленковым действовали с бесстрашием. Они вынесли с поля боя много раненых солдат и офицеров.

Во время боев, которые вел 595-й стрелковый полк в январе 1942 г. под Старой Руссой, врач МСБ 188-й стрелковой дивизии Н. М. Виноградова была направлена для оказания медицинской помощи во 2-й батальон этого полка. Под непрерывным обстрелом она с исключительным самообладанием в блиндаже, оборудованном Кроленковым, выполняла обязанности фельдшера, а сам Кроленков во время боя находился в боевых порядках, оказывал раненым первую медицинскую помощь и выносил и вывозил их с поля боя. Он проявил смелость, инициативу, многим раненым спас жизнь.

В 1942 г. Военный совет фронта одобрил предложение об организации соревнования на звание лучшего медицинского учреждения фронта. Победителю в этом соревновании вручалось переходящее Красное Знамя Военного совета. Именно полковому медицинскому пункту 595-го стрелкового полка в 1942 г. и было вручено это переходящее Красное Знамя.

Бывший врач этого полка М. Н. Щербатюк в письме сообщает, что "боевое крещение и боевой опыт работы, полученные на

Северо-Западном фронте, очень помогли нашему коллективу в последующей работе в условиях 3-го Украинского фронта. Медицинский коллектив ПМП, включая сюда и батальонных фельдшеров, теснейшим образом с ним связанных, был исключительно дружным. Его сотрудники проявляли постоянно выдержку, смелость, отвагу, упорство и инициативу в работе".

По размерам статьи мы не имеем возможности осветить в целом деятельность медсанбатов фронта, игравших важнейшую роль первого этапа хирургической квалифицированной и неотложной помощи всем раненым дивизии. В качестве примера деятельности ведущего хирурга одного из медсанбатов я хочу рассказать о А. В. Ростошинском, работавшем в МСБ No 506 241-й стрелковой дивизии и пользовавшемся большой известностью на Северо-Западном фронте.

А. В. Ростошинскому к началу войны было 38 лет он имел 13-летний стаж хирургической работы. 241-й стрелковой дивизией командовал тогда полковник И. Д. Черняховский, впоследствии прославленный полководец, генерал армии, дважды Герой Советского Союза, командующий 3-м Белорусским фронтом.

В начале 1942 г. наши войска сражались против демянской группировки гитлеровцев. В медсанбат поступало много раненых. А. В. Ростошинский вспоминает, что в этот период он в течение трех суток не уходил из операционной. Командир дивизии И. Д. Черняховский накануне интенсивных боев под Старой Руссой приезжал в медсанбат и беседовал с ведущим хирургом, консультировался с ним.

А. В. Ростошинский вспоминает: "Однажды перед вечером приезжает полковник И. Д. Черняховский, вызывает меня ж говорит:

"Как вы смотрите на то, чтобы выделить хирургическую группу вперед за 20 км, чтобы там оказывать помощь тяжелораненым? Легкораненых и раненых средней тяжести будем доставлять в основной медсанбат". И. Д. Черняховский мне очень понравился. "Кто поедет?" - спрашивает он. Отвечаю: "Я". "Подберите людей, но очень немного. Выедете ночью. Чтобы никто не курил, говорите шепотом, потому что будете ехать недалеко от немцев".

Комдив наметил месторасположение группы - с. Борок в двух километрах от штаба дивизии. На утро, когда хирургическая группа: А. В. Ростошинский и Л. Б. Вилько, четыре сестры и два санитара подготовились на новом месте для приема раненых, снова приехал командир дивизии, зашел в домик, где была операционная, и, вызвав ведущего хирурга на улицу, объяснил, куда надо уходить в случае внезапного прорыва противника.

Передовая хирургическая группа, работавшая в с. Борок, располагалась от линии фронта на расстоянии полутора - двух километров, что обеспечивало быстрейшее прибытие тяжелораненых и немедленное оказание им квалифицированной хирургической помощи. Передовая хирургическая группа медсанбата работала две недели, а затем ее сменила общехирургическая группа из состава ОРМУ.

Весной 1942 г. медсанбат 241-й стрелковой дивизии был передислоцирован в лес близ с. Межники, недалеко от оз. Селигер. Несмотря на то что дивизия находилась в обороне, раненых было много. Иногда в течение нескольких дней подряд врачи и медсестры не выходили из операционной. В медсанбат часто приезжал командир дивизии И. Д. Черняховский, посещал раненых, беседовал с ними и всегда удивлялся, что их много, а на поле боя это как-то незаметно. Перед отъездом на новое место службы И. Д. Черняховский приехал в медсанбат прощаться, зашел в землянку к А. В. Ростошинскому, посидел, поговорил. Такое отечески внимательное отношение к нуждам медицинской службы мы наблюдали и со стороны погибшего у нас на фронте командира 202-й стрелковой дивизии генерал-майора С. Г. Штыкова.

А. В. Ростошинский поддерживал связь с полковыми медицинскими пунктами, хорошо знал весь медицинский персонал, помогал ему. Где бы ни приходилось работать А. В. Ростошинскому, он всегда занимался молодыми хирургами, готовил из них смену. В их числе были: Л. Б. Вилько, О. А. Карманова, К. Е. Богомолов, В. В. Полякова, Л. В. Петрова.

В ноябре 1942 г. А. В. Ростошинский стал работать начальником хирургической группы ОРМУ 53-й армии, а затем - ведущим хирургом армейского ХППГ 2205.

За самоотверженную работу по оказанию квалифицированной хирургической помощи и подготовке кадров хирургов в годы Отечественной войны подполковник медслужбы А. В. Ростошинский был награжден орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды. Не менее успешно трудились и медики 25-го медсанбата 188-й стрелковой дивизии и его ведущий хирург майор медслужбы М. П. Кощеев.

При проведении хирургической работы в медсанбатах, особенно в борьбе с шоком, имело большое значение переливание консервированной крови. В самые тяжелые периоды Отечественной войны мы не знали перебоев в обеспечении консервированной кровью и в доставке ее в войска до медсанбатов и до полковых медицинских пунктов. Широкое применение переливания крови требовало постоянного притока

доноров. Центральный институт переливания крови в Москве и его филиалы во время Отечественной войны превратились в "фабрики крови".

В лице главного хирурга фронта Н. Н. Еланского мы имели одного из пионеров переливания крови в нашей стране.

Для получения, хранения и рассылки крови по армиям и эвакопунктам в сентябре 1941 г. была организована группа переливания крови в составе врача-гематолога и двух сестер. Группа обеспечивалась двумя санитарными машинами и размещалась поблизости от места базирования фронтовой санитарной авиации. В обязанность группы, помимо получения, хранения и рассылки крови на места входила организация донорства при всех лечебных учреждениях, особенно в армейском районе.

Кровь доставлялась самолетами из Москвы (Центрального института переливания крови - ЦИПК) и из Ярославля, где специально для нашего фронта был организован филиал ЦИПК. В нелетные дни кровь доставлялась из столицы автомашинами, в основном же по железной дороге, а из Ярославля обратными санлетучками и санпоездами. Основным пунктом доставки крови из Москвы к фронту было с. Едрово близ Валдая.

В армии кровь доставлялась санитарными самолетами с использованием их обратным рейсом для эвакуации раненых. Во всех армиях также были организованы "группы крови" в составе врача и одной-двух сестер: кровь направлялась на места в медсанбаты и госпитали их транспортными средствами (санитарными и грузовыми машинами, на повозках, санях, а при полном бездорожье - пешком) В период весенней распутицы 1942 г. части, отрезанные разлившимися реками и болотами, получали кровь в специальных сбрасываемых корзинах сконструированных начальником службы крови И. Махаловой (ныне полковник медслужбы в отставке) В течении значительного времени наш фронт снабжал кровью также соседние армии Калининского и Волховского фронтов

В медсанбатах и в госпиталях были выделены врачи, ответственные за переливание крови.

Одновременно с использованием крови на фронте стали широко применяться кровезаменители (плазма, трансфузин, жидкость Сельцовского, Петрова и др.)

Во всех лечебных учреждениях были созданы группы доноров, и ко второму году войны число их доходило до 863 человек. Тогда же была организована еще одна прифронтовая станция переливания крови в Вышнем Волочке, дававшая 30 40 литров крови ежедневно.

Главными показаниями для переливания крови в войсковом и армейском районах, по нашим данным, являлась борьба с шоком и последствиями кровопотери (более 50% всех случаев). Кроме того, значительное место занимало переливание крови при вторичной анемии (38%). Переливание крови широко применялось также при лечении газовой гангрены и септических заболеваниях.

Начальник службы крови О. К. Махалова создавала эту службу и возглавляла ее в течение всего существования Северо-Западного фронта, а затем до конца войны проводила ту же работу на 2-м Украинском фронте. После войны она обобщила весь свой богатый опыт в диссертации под названием "Организация службы крови на фронтах Великой Отечественной войны", и после защиты ей была присвоена ученая степень кандидата медицинских наук. За самоотверженную деятельность на фронте и заслуги в области организации службы крови, сыгравшей большую роль в лечении раненых на фронтах Отечественной войны, О. К. Махалова была награждена орденами Отечественной войны I и II степени, двумя орденами Красной Звезды и двумя медалями "За боевые заслуги".

Далее хотелось бы остановить внимание читателя на организации лечения у нас на фронте легкораненых. Боевые действия войск сопровождались поступлением большого числа раненых, характер ранения которых не требовал направления их в глубокий тыл.

В одном из докладов командующему фронтом генерал-лейтенанту П. А. Курочкину мы изложили соображения об организации такой системы лечения легкораненых на нашем фронте, которая обеспечила бы сочетание эффективного восстановительного лечения с рекомендуемыми, в соответствии с состоянием здоровья, строевыми и специальными военными занятиями, физической подготовкой и трудовыми процессами.

С одобрения командующего фронтом и члена Военного совета корпусного комиссара В. Н. Богаткина и после получения дополнительных указаний начальника штаба фронта генерал-лейтенанта Н. Ф. Ватутина, санупр разработал приказ и некоторые документы по организации новой системы учреждений для лечения легкораненых и больных и их возвращения в строй в пределах фронта. Этим приказом все раненые бойцы и командиры, .выздоравливающие после ранений и болезней, направлялись в свои части, чтобы поддерживать в частях постоянный, сплотившийся коллектив.

Приказом предусматривалось учреждение ряда новых медицинских подразделений и учреждений для лечения

легкораненых и больных в войсковом, армейском и фронтовом районах: при медсанбатах дивизий - команды выздоравливающих на 100 человек со сроком лечения до 10 дней, в армиях батальоны легкораненых и больных при армейских эвакоприемниках на 400 человек со сроком лечения до 20 дней. Такие же два батальона легкораненых и больных, на 500 человек каждый, должны были сформироваться в системе фронтового эвакопункта. Приказ доводил число батальонов выздоравливающих при двух запасных полках фронта до пяти (всего на 2500 человек).

Одновременно с этим приказом санупр направил в войска и соответствующие медицинские учреждения фронта указания об организации лечения и режима легкораненых и больных в командах выздоравливающих при медсанбатах и в батальонах для лечения легкораненых и выздоравливающих.

В последующем в армейских батальонах сроки лечения легкораненых были расширены до 30 дней, а во фронтовых - до 60 дней. Эти батальоны для легкораненых были своего рода предтечей госпиталей легкораненых (ГЛР), сыгравших во время Отечественной войны огромную роль. В декабре 1941 г. созданные и действующие батальоны для лечения легкораненых Северо-Западного фронта были переформированы в ГЛР. Они предоставляли легкораненым и больным квалифицированное поликлиническое лечение и в то же время обеспечивали им размещение казарменно-лагерного типа и красноармейское питание. Лечение проводилось по так называемому комплексному методу, сочетавшему хирургические пособия, применение лечебной физкультуры, физиотерапии и трудовых процессов в организованных мастерских. Кроме того, проводились строевые и тактические занятия, изучение материальной части оружия, политическая подготовка.

Опыт фронтов по работе ГЛР и организации в них лечения в своеобразных условиях жизни и быта, содействующих полному восстановлению функций поврежденных органов и частей тела, организма в целом, был обсужден на Ученом медицинском совете (УМС) Главвоенсанупра в мае 1943 г. Начальник Главвоенсанупра генерал Е. И. Смирнов заявил тогда, что создание стройной системы в лечении легкораненых и больных посредством ГЛР и КЛР (команды легкораненых при медсанбатах) является важнейшим достижением медицинской службы в период Отечественной войны.

По данным нашего фронта, процент легкораненых по отношению ко всем раненым составлял 50 - 60%. Возвращение в строй на июнь 1942 г. (не считая эвакуированных в тыл страны)

достигло 55,9% ко всем раненым, и главную роль в этом массовом возвращении на фронт выздоровевших раненых-сыграли ГЛР и команды легкораненых при медсанбатах. Всего с начала организации системы ГЛР на Северо-Западном фронте было сформировано 13 такого рода госпиталей армейского и фронтового подчинения. Создание их способствовало улучшению условий в остальных госпиталях, сосредоточив внимание личного состава на лечение тяжелораненых.

Большую помощь в организации на научной основе лечения легкораненых на Северо-Западном фронте оказала профессор, полковник медслужбы Валентина Валентиновна Гориневская, входившая во время Отечественной войны в группу ученых-специалистов при начальнике Главвоенсанупра. Надо было видеть, с какой настойчивостью и энергией эта обаятельная пожилая женщина, пламенный коммунист и человек, влюбленный в свою профессию восстановительной хирургии, во время приездов на Северо-Западный фронт обучала кадры врачей, делясь своим многолетним травматологическим опытом. В. В. Гориневской к тому времени было около 60 лет, ее энергии и работоспособности могли бы позавидовать многие молодые врачи. Во время войны она уделяла особое внимание вопросам научной постановки и практического осуществления системы возвращения в строй легкораненых. Она побывала буквально на всех фронтах, а на некоторых, и в том числе на Северо-Западном, по нескольку раз, чтобы видеть, помогать, учить и радоваться успехам, которых добились медики в лечении легкораненых.

В наших ГЛР работали ее ученики, большие энтузиасты лечения легкораненых - А. В. Титова, В. И. Рокитянский, С. М. Аралович. С помощью В. В. Гориневской и ее учеников были выявлены работавшие в различных госпиталях фронта специалисты по лечебной физкультуре, физио-механо-трудотерапии, а также средний медицинский персонал, имевший опыт в этой области.

К июню 1942 г. мы развернули комплексное функциональное лечение во всех ГЛР и организовали соответствующие блоки функционального лечения (кабинет лечебной физкультуры, физиотерапевтический кабинет, перевязочную). Для осуществления трудотерапии, заключавшейся в специально выбранных трудовых процессах, предназначенных для разработки и развития отдельных дефектных движений, необходимы были мастерские с простейшим оборудованием. И они были созданы во всех ГЛР с помощью лечившихся бойцов и командиров.

Для обучения методике работы по комплексному лечению легкораненых в течение 1942 гл было проведено четыре

фронтовых сбора и ряд сборов и совещаний по эвакопунктам - армейским и фронтовым. В апрельском сборе приняла активное участие и В. В. Гориневская. На нем было представлено 25 врачей и 7 методистов.

Возвращению легкораненых в строй способствовал весь уклад ГЛР, обеспечивавших физическое развитие, военную и политическую подготовку раненых и больных, благодаря чему во время наступательных операций ГЛР передвигались вперед походным порядком. Такой марш на расстояние в 100 км проделал, например, ГЛР 3037 1-й Ударной армии во главе со своим начальником майором медслужбы Б. К. Кринским. В походе участвовало 900 раненых, лечившихся в ГЛР. Этот поход требовал высокой организации обеспечения питания, отдыха и ночлега в пути, тщательного врачебного наблюдения, проведения необходимых лечебных мероприятий на привалах и в местах ночлега. Перед началом марша был произведен предварительный отбор раненых. Впоследствии этот ГЛР во время наступательных действий 1-й Ударной армии неоднократно передвигался вперед с легкоранеными и больными походным порядком. Этот же ГЛР достиг значительных успехов в комплексном лечении. Особая заслуга здесь принадлежала ведущему хирургу А. В. Титовой, а также начсанарму 1-й Ударной армии полковнику медслужбы Н. П. Прокофьеву, заместителю начальника медотдела по политчасти полковнику В. И. Дубень и армейскому хирургу подполковнику медслужбы С. Р. Любарскому.

Для применения лечебной физкультуры (наряду с хирургическим лечением) раненые разделялись на группы в соответствии с локализацией и характером ранения. Для каждой группы был подготовлен комплекс групповых упражнений, после которого раненые направлялись в процедурные кабинеты, где применялись: кварц, свет, диатермия, водные процедуры, грязевые и парафиновые аппликации. После групповых процедур проводилось индивидуальное лечение в кабинете лечебной физкультуры. Большая часть аппаратуры для этого была произведена собственными силами ГЛР при активном участии легкораненых. Это же делали и другие ГЛР. Для физической и строевой подготовки оборудовались спортплощадки. Большая роль в лечении отводилась простейшим тепловым процедурам (торфяная грязь, моховые припарки, тепловые ванны для рук и ног).

Из хирургических методов лечения значительное развитие в ГЛР получило наложение первичных, поздних (так называемых отсроченных) и вторичных швов, накладываемых для ускорения и улучшения заживления ран и получения гладкого узкого рубца,

не спаянного с подлежащими тканями, что имеет важное значение для полного восстановления функции. Разумеется, лучшие результаты получались при хорошо выполненной хирургической обработке ран в медсанбате. Применению первично отсроченного и вторичного шва уделял большое внимание главный хирург фронта профессор Н. Н. Еланский. В бюллетене No 2 (январь 1943 г.) Ученого совета санупра фронта он подробно описывал методику и технику наложения этих швов и приводил соответствующие рисунки.

Более позднее поступление раненых с передовых этапов вело к осложнениям нагноительного процесса, что требовало в ГЛР дополнительных операций с иссечением нежизнеспособных и рубцово-измененных тканей, а в некоторых случаях - применения пластических восстановительных операций.

Замечательных результатов по возвращению в строй легкораненых и больных в наиболее быстрые сроки добились медсанбаты в своих командах для легкораненых и больных. Ведущий хирург медсанбата 133-й стрелковой дивизии майор медслужбы А. И. Иваницкий доложил на пятой хирургической конференции Северо-Западного фронта (Валдай 29.5 - 1.6.1943 г.) об успешном опыте работы КЛР за 15 месяцев войны. Всего за этот период через медсанбат прошло 10 858 раненых. Из этого состава осталось для лечения в КЛР 17,8% и возвращено в строй 97% легкораненых при максимальном сроке лечения в 20 дней. Работе в КЛР немало помогали сами лечащиеся под руководством раненых командиров и политработников. Лечебную работу проводил врач медсанбата.

На этой хирургической конференции выступил командующий фронтом генерал-полковник И. С. Конев. Он заявил, что работа врачей нашего фронта и всей Красной Армии высокополезна. Советская медицина является передовой. Военный совет удовлетворен добросовестной работой медицинских учреждений, хорошими показателями возвращения в строй. Немало врачей и сестер являются героями и награждены орденами и медалями.

Вскоре после этой конференции генерал-полковник И. С. Конев убыл с Северо-Западного фронта, а затем случилось так, что через некоторое время на должность начальника медупра Степного фронта (впоследствии переименованного во 2-й Украинский) был назначен заместитель начальника медупра Северо-Западного фронта полковник медслужбы П. Г. Столыпин (ныне генерал-лейтенант медицинской службы в отставке), проработавший в этой должности в течение почти всего периода существования фронта.

Во время встречи медицинских работников Северо-Западного фронта летом 1965 г, организованной в Москве в ознаменование 20-летия победы над гитлеровской Германией, П. Г. Столыпин привел данные о числе возвращенных в строй на Северо-Западном и 2-м Украинском фронтах. За два с небольшим года в строй было возвращено несколько тысяч раненых и больных. Он сказал, что мы не только помогали побеждать, но нашим врачебным, сестринским и обслуживающим составом мы помогли и выиграть войну. Раненые и больные, восстановившие здоровье и боеспособность в госпитале, становились мощным резервом для пополнения боевых частей людьми, получившими боевой опыт, что особенно ценно.

Чем отличается Северо-Западный фронт? Это первый фронт, который был школой для медсостава всех категорий. Северо-Западный фронт мне как врачу-организатору дал очень много. Когда я начал работать в Степном фронте у генерала И. С. Конева, он сказал: "Ты имей в виду, как мы работали на Северо-Западном фронте, так будем работать и здесь".

Большую и очень интересную работу по лечению легкораненых и ускорению их возвращения в строй провела начальник медчасти (хирург) батальона выздоравливающих (легкораненых) 140-го запасного стрелкового полка Е. А. Купцова вместе с двумя врачами и методистом по лечебной физкультуре. В этой должности она работала в течение всего существования Северо-Западного фронта до конца 1943 г. За 1,5 года работы через батальон прошло 10960 раненых и больных, т. е. при установленной численности батальона в 1000 человек его состав сменился в среднем 11 раз. С незажившими ранами поступило

58%, таким образом, на долю батальона выпала значительная хирургическая работа; 95% раненых было возвращено в строй.

ГЛР в большинстве своем были сформированы за счет: эвакогоспиталей фронтовой госпитальной базы и нуждались в кадрах специалистов, довольно редких в то время даже в мирных условиях. Но стоило появиться нескольким преданным своему делу специалистам-энтузиастам, как творческая энергия охватывала весь коллектив. В ГЛР 3037, о котором сообщалось, это были: начальник военврач 2-го ранга Б. К. Кринский, заместитель начальника по политчасти старший политрук В. Д. Сухомлинов, в последующем капитан С. К. Зимницкий, ведущий хирург А. В. Титова, начальник медчасти военврач 2-го ранга Б. А. Иванов и начальник отделения лечебной физкультуры и физиотерапии военврач 3-го ранга А. М. Гулида.

Коллектив костромичей (по месту формирования) ГЛР пополнился группой сандружинниц из Ярославля; с помощью партийной и комсомольской организаций медперсонал научился успешно решать самые трудные задачи. В апреле 1942 г. этот ГЛР был передислоцирован к оз. Селигер (о-в Столбенец) в расположение бывшего монастыря Нилова Пустынь. Имевшийся на месте жилой фонд совершенно не соответствовал нуждам госпиталя. И вот, весь коллектив от врача до санитара стал землекопами, строителями землянок, бараков и домиков. С прибытием на излечение легкораненых, у которых не было медицинских противопоказаний, они привлекались к участию в этой работе с разрешения лечащих врачей. Основное внимание в строительстве было уделено созданию наиболее благоприятных условий для лечения и размещения раненых. Наряду с комплексным лечением как в этом госпитале, так и в других ГЛР уделялось большое внимание боевой подготовке: проводились беседы в палатах, занятия в организованных учебных классах и во дворе, в оборудованных учебных городках, а также на местности по определенной программе в последнем периоде лечения. Строевой и тактической подготовкой в госпитале руководили майор Шарковский и капитан Л. С. Пеперов.

Много поработал для быстрого и успешного развития лечебной физкультуры и физиотерапии врач А. М. Гулида вместе с коллективом медсестер. Он организовал лечение местными грязями, устраивал многочисленные спортивные соревнования.

Особое место в этом госпитале и в других отводилось художественной самодеятельности, создававшей у раненых хорошее настроение, что также играло известную роль в ускорении выздоровления.

После расформирования в конце 1943 г. Северо-Западного

фронта ГЛР 3037, оставаясь в составе 1-й Ударной армии, проявил свой опыт и организованность во время наступательных операций по освобождению оккупированных гитлеровцами районов Ленинградской области и Прибалтики. Он следовал походным порядком, не отрываясь от наступавших войск, передвигаясь поэшелонно и продолжая при этом полное лечебное обслуживание своих легкораненых.

Очень трудно было с размещением ГЛР в разоренных районах Новгородской и Псковской областей. В связи с воздушной опасностью приходилось располагаться в лесах или на открытых участках в землянках. Например, у д. Сорокопенно Новгородской области госпиталь на 1500 мест был развернут в землянках, включая и весь перевязочно-операционный блок. В деревне же оставалось только два полуразрушенных дома. При размещении в лесу близ д. Лужкове были построены домики и бараки для раненых и личного состава, некоторые из них использовались как лечебные помещения. Был выстроен также и клуб на 450 мест. В строительстве участвовали сотрудники ГЛР и выздоравливающие раненые, все работали самоотверженно. В этом большую роль сыграл личный пример коммунистов и комсомольцев.

Весьма знаменательны итоги работы госпиталя. За 2,5 года (с апреля 1942 г. по ноябрь 1944 г.) ими было возвращено в строй 22 264 раненых.

Таких госпиталей для легкораненых, как ГЛР 3037, имелось много. Так, в 34-й армии начальник ГЛР 1930 майор медслужбы Н. Д. Кроль, член КПСС с 1920 г., вместе с коллективом поставили перед собой задачу оказать во время боевых действий помощь медсанбатам в правильном отборе легкораненых с целью быстрейшей их эвакуации в свой ГЛР. Эта работа проводилась высылаемыми в медсанбаты бригадами специалистов ГЛР совместно с врачами приемно-сортировочных отделений медсанбатов и полностью себя оправдала. Во время августовской операции 1943 г. под Старой Руссой 74,5% раненых прибывали в ГЛР на первый и второй день после ранения. В строй было возвращено в срок до 20 дней 87,4% раненых.

На сборе начальников и ведущих хирургов госпиталей и медсанбатов 34-й армии, созванном начсанармом полковником медслужбы П. И. Кактышем, были подведены некоторые итоги. Опыт работы ГЛР 1930 с медсанбатами по отбору легкораненых для направления в этот ГЛР был одобрен присутствовавшими на сборе начальником медупра фронта и главным хирургом профессором Н. Н. Еланским.

Начальник ГЛР 1930 \Н. Д. Кроль научно обобщил опыт работы своего ГЛР в диссертации на тему "Принципы

организации армейских госпиталей для легкораненых и лечения в них". В 1946 г. ему была присвоена ученая степень кандидата медицинских наук.

Большим событием в ГЛР были дни возвращения в части и соединения команд выздоровевших и окрепших раненых. Это возвращение проводилось торжественно, выступали бойцы и командиры, лечившиеся в госпитале, с напутственными речами обращались лечащие врачи и командование. Часто за возвращавшимися в части ранеными прибывали представители соединений.

Огромная работа медицинского, политического, строевого и обслуживающего состава ГЛР была высоко оценена командованием; по представлению руководства медицинской службы армий и фронта личный состав этих госпиталей был отмечен правительственными наградами.

Одним из интереснейших явлений, которые могли проявиться только в нашей армии, было сочетание практической медицинской работы, зачастую в тяжелейших условиях, с умением даже и при этих обстоятельствах вести большую учебную и научную деятельность. Главную роль в развертывании переподготовки и усовершенствования всех категорий медицинских работников и обобщении фронтового опыта сыграл институт главных специалистов (хирургов, терапевтов, эпидемиологов и представителей других специальностей) и ведущих специалистов в медсанбатах, госпиталях и других медицинских учреждениях. Впервые в истории военной медицины этот институт ведущих руководителей по важнейшим разделам и специальностям медицины получил такое большое развитие только в Отечественную войну.

Главные специалисты фронтов, армий и эвакопунктов не были, как это понималось раньше, консультантами. Это были ученые-организаторы, непосредственно руководившие в своей области научной постановкой всей медицинской работы на основе изученного и проверенного практического опыта войны. Они были еще и воспитателями и учителями, готовившими повседневно кадры и внедрявшими лучший опыт в работу всех лечебных учреждений.

Во всех медицинских учреждениях фронта, укомплектованных в подавляющем большинстве бывшими гражданскими врачами, шла переподготовка на военный лад. Эта учеба проводилась и в напряженной боевой обстановке, и в свободные от боев дни, и в межбоевые периоды.

По инициативе главного хирурга фронта, заслуженного деятеля науки, профессора Н. Н. Еланского у нас впервые во

время Отечественной войны был создан Ученый совет медупра, председателем которого на первом его пленуме был избран Н. Н. Еланский.

В работе пленума, состоявшегося в ноябре 1942 г., приняли участие наиболее видные ученые и руководящие специалисты нашего фронта: главный хирург профессор Н. Н. Еланский, главный терапевт профессор Б. А. Залкинд, начальник фронтового эвакопункта (ФЭП 36) доктор медицинских наук И. М. Барунин, инспектор-хирург ФЭП 36 профессор Б. Д. Добычин, главный окулист профессор Л. А. Дымшиц и многие другие.

При открытии пленума во вступительном слове мною были изложены цели Ученого совета медупра фронта и поставлены основные задачи. По нашему мнению, Ученый совет должен был явиться научным центром, руководящим научно-исследовательской работой врачей фронта и организующим научную разработку богатого материала, накопленного за время войны медицинской службой. Ученый совет должен был внедрять лучшие достижения медицинской науки в практику во всех медицинских учреждениях.

В его функции мы включали также разработку научной тематики, оказание помощи в научной работе на местах, в редактировании и подготовке к печати сборников, отражающих опыт медицинского обеспечения войск. Для обмена опытом и распространения лучших достижений Ученый совет должен был готовить и проводить научные конференции, фронтовые и армейские, а также давать рекомендации по составлению планов и программ для учебных сборов врачей и среднего медицинского состава различных специальностей.

Вся работа Ученого совета направлялась на то, чтобы как можно большее количество раненых бойцов и командиров возвращалось в строй, сокращалась инвалидность и снижался процент смертности среди раненых.

На этом пленуме Н. Н. Еланский доложил о проделанной за первый год войны научной работе и о наличии 120 уже подготовленных к печати научных статей. Он наметил также ряд проблем и отдельных тем, касающихся хирургического обслуживания войск, и доложил о развернутой большой работе по рационализации и изобретательству и о десятках предложений, уже реализованных и внедренных в практику.

Члены Ученого совета выступили с докладами: профессор Дымшиц - о состоянии глазной помощи, хирург-стоматолог Кацнельсон - о состоянии челюстно-лицевой помощи и невропатолог Малкиель - о состоянии нейрохирургической помощи. Затем были рассмотрены рекомендуемые темы научно-

исследовательской работы на 1943 г. по военно-полевой терапии, санэпидобеспечению и другим важным разделам медицинского обслуживания войск.

Речь шла о научных обобщениях по самым актуальным вопросам, вытекающим непосредственно из практики медицинской работы в определенных условиях боевой обстановки. Самая важная черта этой тематики заключалась в том, что разрешение разрабатываемых вопросов должно было сразу же найти отражение в практике работы медсанбатов, армейских и фронтовых госпиталей, проявиться в результатах и успехах лечения раненых, в росте их возвращения в строй.

Работа первого пленума Ученого совета была подробно освещена в его бюллетене No 1 (ноябрь 1942 г.) и там же была напечатана рекомендуемая тематика. Этот бюллетень и последующие регулярно рассылались медицинским учреждениям войскового, армейского и фронтового районов. За время своего существования Ученый совет выпустил семь бюллетеней по различным вопросам медицинского обеспечения войск.

Ведущее место в работе Ученого совета занимали вопросы хирургической помощи. Для ускорения подготовки молодых хирургов к самостоятельной работе организовывались сборы при медсанбатах дивизий, обсуждались важнейшие вопросы на армейских и фронтовых, внутригоспитальных и межгоспитальных конференциях. В необходимых случаях молодые специалисты прикомандировывались для изучения отдельных проблем и методов к наиболее квалифицированным госпиталям.

Большую роль сыграли фронтовые хирургические конференции. Их значение состояло во внедрении единой системы лечения раненых на медицинских этапах и устранении ошибок в лечении и эвакуации. Первая конференция нами была проведена в прифронтовом г. Валдае 10 - 12 октября 1941 г. и вторая, значительно более представительная, - в Ярославле 30 ноября - 1 декабря 1941 г. Материалы этих конференций были изданы Главвоенсанупром в Москве в 1943 г. отдельным сборником под названием "Опыт работы врачей Северо-Западного фронта". Всего за период существования нашего фронта было проведено пять фронтовых хирургических конференций (пятая была проведена в Валдае 29 мая - 1 июня 1943 г.). Хирургические конференции проводились и в армиях.

Мы сумели также провести две общефронтовые конференции терапевтов, конференции психиатров, невропатологов, нейрохирургов, окулистов, а также конференцию руководящего состава медицинской службы.

Используя богатый опыт по изучению организации

хирургической работы в медицинских учреждениях нашего фронта, полученный в результате многих поездок по фронту в боевые и межбоевые периоды, а также материалы проведенных на фронте первых хирургических фронтовых и армейских конференций, П. Н. Еланский вложил много труда для переработки довоенного издания своей книги "Военно-полевая хирургия" в соответствии с новым опытом. Потребность в этой книге была так велика, что в течение первого года войны она вышла тремя изданиями (дважды в Москве и один раз в блокированном Ленинграде).

В предисловии к первому военному изданию начальник Главвоенсанупра дивврач Е. И. Смирнов и председатель хирургической секции Ученого совета при Главвоенсанупре корврач С. С. Гирголав написали: "Военная обстановка накладывает на всю медицинскую работу, в том числе и на хирургическую помощь, столь своеобразный, отличный от условий мирного времени, отпечаток, что каждому гражданскому врачу и каждому хирургу требуется некоторый боевой опыт для того, чтобы не только ориентироваться в чрезвычайно сложной обстановке военного времени, но и организовать работу, во много раз превосходящую объем его работы в мирное время. Книга Н. Н. Еланского "Военно-полевая хирургия" ставит себе целью дать в краткой и сжатой форме тот минимум хирургических знаний, который необходим врачу для оказания хирургической помощи на войне".

С завершением в конце 1943 г. деятельности Северо-Западного фронта главный хирург и председатель Ученого совета медупра профессор Н. Н. Еланский продолжал работу на 2-м Украинском, а затем и на Забайкальском фронтах. Одновременно убыли на различные фронты и все другие главные специалисты.

Многие врачи на фронте, занимавшиеся обобщением своей работы по темам, рекомендованным Ученым советом медупра, не ограничивались докладами о результатах своих исследований на армейских и фронтовых конференциях и статьями для подготовляемых к печати сборников. Они подошли к этой работе (и в том числе молодые врачи) очень серьезно, и их доклады были лишь началом разработки последующей большой научной работы.

В то же время напряженная длительная работа на фронте по различным специальностям и профилям давала научный стимул врачам, совершенствовавшим методы и приемы диагностики и лечения в военно-полевых условиях. Врачи набирались опыта, выбирали те научные темы, которые привлекли их особое внимание и стали их жизненной научной страстью. Они сумели

накопить на войне для дальнейшей научной разработки такой важный материал, о котором нельзя было и думать в мирное время.

По полученным нами данным от многих врачей, с которыми установлены послевоенные связи (это далеко не полные сведения), 30 врачей нашего фронта защитили в послевоенное время диссертации на соискание ученой степени кандидатов и докторов медицинских наук по материалам, которые они собрали на фронтах Отечественной войны. В результате семья ученых пополнилась 15 докторами, 15 кандидатами медицинских наук и 12 профессорами.

Вот так на фронте рождалась наука, базой которой была практика, направленная к высокой и благородной цели - борьбе за жизнь и здоровье наших боевых товарищей - бойцов и командиров, сражавшихся за свободу и независимость нашей социалистической Родины.

А. Н. Асмолов

За линией фронта

В летопись героической борьбы 1941 - 1945 гг. в тылу немецко-фашистских захватчиков партизаны вписали яркую страницу, в том числе и мужественные партизаны и подпольщики, действовавшие в полосе Северо-Западного фронта на территории Ленинградской области, в северных и западных районах Калининской области, в Латвии и Литве.

Мне по поручению Военного совета Северо-Западного фронта с самого начала войны пришлось заниматься организацией партизанской борьбы в тылу врага в полосе действий войск нашего фронта. А было это так. После окончания Военной академии имени М. В. Фрунзе в 1939 г. я был направлен на работу в органы НКВД. Война меня застала в Прибалтике в должности заместителя начальника особого отдела Прибалтийского особого военного округа.

Внезапный мощный удар врага, имевшего в начале войны численное превосходство в живой силе и особенно в танках и авиации, вынудил войска нашего фронта, как и других приграничных фронтов, с тяжелыми оборонительными боями отступать на восток, в глубь страны.

Орды фашистских разбойников довольно быстро продвигались вперед. 26 июня они заняли Даугавпилс, 6 июля - г. Остров, 9 июля - Псков.

В директиве Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941г. указывалось на необходимость "создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской борьбы всюду и везде, для взрыва

мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов и т. д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовав и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия".

Еще в Пскове 3 июля 1941 г. я услышал по радио выступление И. В. Сталина, обратившегося с призывом от имени нашей партии к советскому народу. В этом призыве ЦК партии также обращалось внимание на необходимость развертывания партизанской войны в тылу врага: "В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, создавать невыносимые условия для врага... срывать все их (немцев. - А. А.) мероприятия".

Эти указания ЦК партии явились основой в развертывании всенародной партизанской войны в тылу вражеских войск.

Вскоре Управление Северо-Западного фронта переехало из Пскова в Новгород. Зная о том, что на территории, с которой отходили наши войска, остаются советские люди, не успевшие эвакуироваться на восток, я еще в пути от Пскова до Новгорода думал о том, что можно сделать для развития партизанской борьбы в тылу врага. Некоторые познания в этом вопросе, полученные в академии, у меня были.

По прибытии в Новгород я зашел к начальнику штаба фронта генерал-лейтенанту Н. Ф. Ватутину и высказал ему свои соображения о развертывании партизанской борьбы в полосе нашего фронта.

Вначале было принято решение о том, что организацией партизанской борьбы будет заниматься разведывательный отдел фронта, а я был на некоторое время назначен заместителем начальника разведотдела. Но вскоре функции руководства партизанской борьбой и работой среди населения в оккупированных районах решением Военного совета фронта были переданы политуправлению фронта. Для этого при политуправлении был создан отдел, начальником которого назначили меня. Позднее, в ноябре 1941 г., на заседании Военного совета фронта по моему докладу о состоянии партизанского движения в полосе фронта решили, учитывая широко развернувшееся партизанское движение, для непосредственного руководства организацией и действиями партизанских отрядов в полосе Северо-Западного фронта создать партизанский отдел (группу), подчинив его непосредственно Военному совету фронта.

С начала июля 1941 г. нашим отделом совместно с партийными и советскими руководителями районов и областей, расположенных в полосе Северо-Западного фронта, проводилась

работа по подбору и расстановке сил, а также командных кадров, коммунистов и комсомольцев для формирования партизанских отрядов на оккупированной территории и для создания резервных отрядов и баз в каждом прифронтовом районе. Уже к 15 октября 1941 г. было организовано 68 отрядов общей численностью 6515 человек.

Следует отметить, что начало боевой деятельности партизанских отрядов в оккупированных врагом районах в первые дни войны было сопряжено с большими трудностями. Ощущался острый недостаток оружия, боеприпасов, медикаментов, совершенно не было средств радиосвязи и минно-взрывной техники. Оставленные в тылу врага партийные и комсомольские организации не имели опыта подпольной работы, не знали тактики партизанской борьбы. Связь с населением им приходилось поддерживать в условиях жесточайшего террора.

Эти обстоятельства накладывали особую ответственность на меня и на А. Н. Шинкарева - секретаря Ленинградского областного комитета партии, который в те дни находился при нашем отделе в качестве уполномоченного Ленинградского обкома партии. Вся работа Военного совета фронта и партизанского отдела по руководству партизанским движением проходила в тесном контакте с Ленинградским обкомом ВКП(б), а затем и Ленинградским штабом партизанского движения, возглавляемым секретарем обкома партии М. Н. Никитиным.

Пламенный советский патриотизм, беззаветная преданность Коммунистической партии и ее идеалам, героические традиции прошлого явились той животворной силой, которая определила массовость, подлинно всенародный характер этого замечательного движения.

Уже с первых дней июля в новгородском Доме Красной Армии, где мы расположились, царило необычное оживление. Здесь можно было встретить самых различных людей - и молодого парня в ковбойке, закатанные рукава которой открывали сильные загорелые руки, и старика-колхозника с широкой бородой, подтянутых солдат и командиров самых различных родов войск, и абсолютно штатских на вид работников городских учреждений. Но все они были добровольцами, выразившими желание воевать в тылу врага, в партизанских отрядах.

Наша задача - срочно развернуть широкую сеть партизанских формировании, дать возможность добровольцам пройти короткую подготовку, чтобы затем, получив вооружение, отправиться за линию фронта.

На первых порах было принято решение южнее оз. Ильмень

где расположены старорусские леса, сосредоточить мелкие группы партийно-советского актива, отошедшие из разных районов, оккупированных врагом, и начать там формирование партизанских отрядов и бригад.

По указанию Военного совета фронта мною была разработана инструкция по организации и действиям партизанских отрядов и групп. В инструкции излагались основные тактические приемы и способы действий, указывались основные объекты для боевых действии - железнодорожные и шоссейные коммуникации, средства связи, вражеские склады, описывалось устройство засад, ведение разведки и т. и. Инструкция была утверждена Военным советом фронта, отпечатана в 500 экземплярах и разослана во все прифронтовые райкомы партии и райисполкомы, входившие в полосу Северо-Западного фронта.

Этой инструкцией руководствовались организаторские группы которые формировались вначале в Новгороде, позднее в Валдае из командиров-добровольцев партийно-советского актива прифронтовых районов. После кратковременной подготовки создаваемые группы направлялись в тыл врага, где их слушатели использовались как командиры и организаторы партизанских отрядов Для массового развития партизанской борьбы в тылу врага Военный Совет фронта выделил нескольких командиров и политработников, предоставил вооружение, боеприпасы, медикаменты, обмундирование и другие средства материально-технического обеспечения.

С первых дней войны на основании решения правительства во всех прифронтовых районах местными партийными и советскими организациями для борьбы с немецкими парашютистами, диверсантами шпионами были сформированы истребительные батальоны. С отходом советских войск на восток многие истребительные батальоны в тылу врага превращались в партизанские отряды.

А. Н. Асмолов вручает орден Ленина командиру 2-й партизанской бригады Н. Г. Васильеву. Сзади стоит комиссар бригады С. А. Орлов, которому также был вручен орден Ленина

Партизанские отряды в Дедовичском, Порховском, Дновском, Поддорском, Старорусском, Молвотицком районах начали действовать еще в июле - августе 1941 г. Значительная часть населенных пунктов этих районов была под контролем партизан. Как правило, руководителями районных партизанских отрядов стали секретари райкомов партии, председатели райисполкомов, наиболее ответственные партийные активисты. Например, в Дедовичском районе уже с первых дней оккупации райком партии создал один из первых по тому времени крупный партизанский

отряд численностью свыше 100 человек. Командиром отряда был секретарь райкома партии Н. А. Рачков, комиссаром отряда - секретарь райкома партии А. Ф. Майоров. В Пожеревицком районе командиром отряда стал секретарь райкома партии С. М. Андреев, комиссаром секретарь райкома партии А. П. Тараканова. В Поддорском районе с июля 1941 г. начали действовать два партизанских отряда: одним командовал председатель Поддорского райисполкома К. М. Мирошниченко (комиссар секретарь райкома партии Г. П. Ермаков), другим - заведующий одним из отделов Ленсовета П. Н. Невский (комиссар - секретарь райкома партии И. А. Ступаков).

Почти во всех южных районах Ленинградской области в полосе Северо-Западного фронта были созданы, в основном на базе истребительных батальонов, районные партизанские отряды, возглавили которые руководители райкомов партии и райисполкомов. Несколько позже в эти отряды были направлены командиры из резерва нашего фронта. Вначале районные партизанские отряды были небольшими по численности, но постепенно они росли за счет местного населения и военнослужащих, выходивших из окружения.

В июле 1941 г. мы приняли решение, утвержденное Военным советом фронта, согласно которому все эти разрозненные районные партизанские отряды объединялись в партизанские бригады, ставшие центрами руководства боевыми действиями отрядов в тылу врага. Так, на базе районных партизанских отрядов, располагавшихся на территории нынешней Псковской области, была создана 2-я партизанская бригада. Командиром бригады Военный совет фронта утвердил старшего политрука (позднее батальонный комиссар) Николая Григорьевича Васильева, а комиссаром бригады Сергея Алексеевича Орлова первого секретаря Порховского райкома партии. Вскоре эта бригада превратилась в основную ударную силу ставшего легендарным партизанского края. Центром базирования бригады нами был установлен серболовский лес и оз. Полисто Дедовичского района (ныне Псковская область). В эту бригаду влились многие местные партизанские отряды и сотни воинов Красной Армии, вырвавшиеся из окружения. Уже к концу сентября 1941 г. бригада состояла из девяти отрядов, в которых было свыше тысячи партизан. Каждый отряд бригады имел свой район боевой деятельности.

В конце июля 1941 г. была создана 3-я партизанская бригада, командиром которой являлся секретарь Залучского райкома партии Иван Иванович Иванов. В эту бригаду входили партизанские отряды Старорусского, Залучского и Молвотицкого

районов (ныне Новгородская область), по территории которых в те дни проходила линия фронта. Партизанские отряды этой бригады длительное время - с августа 1941 г. до весны 1942 г. - действовали в тесном взаимодействии с частями Красной Армии.

В июле же 1941 г. была создана и 1-я партизанская бригада. Во главе ее стал пограничник, капитан (ныне полковник) Никита Петрович Буйнов, комиссар бригады - старший батальонный комиссар Кириллов. Отряды этой бригады летом и осенью 1941 г. действовали совместно с частями 11-й армии в районе Старой Руссы, а с января 1942 г. - в разных районах Ленинградской области, базируясь в партизанском крае.

Борьба советских людей в тылу врага в полосе Северо-Западного фронта стала настолько мощной, что привела к очищению многих районов от немецко-фашистских захватчиков, к образованию осенью 1941 г. первого в Советском Союзе большого партизанского края, советского района в тылу вражеских войск. Партизанский край находился в четырехугольнике между городами Старая Русса и Дно на севере, Бежаницы и Холм - на юге, на 120 км вдоль фронта и на 90 км вглубь, охватывая земли Дедовичского, Поддорского, Белебелковского, Ашевского и Дновского районов. Партизаны восстановили Советскую власть более чем в 400 населенных пунктах. Это был непокоренный советский остров в тылу врага, в полосе Северо-Западного фронта. "Хорош наш пирог, - шутили партизаны, - да вот начинка немцам не по зубам".

Возникновение партизанского края явилось очень важным событием в развитии партизанского движения на северо-западном участке. Коммунисты партизанского края умело претворяли в жизнь указания Центрального Комитета партии об организации масс на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками, цементировали партизанские отряды, умело направляли всю их боевую деятельность и работу среди населения и в этом ярко проявился всенародный характер партизанской борьбы. Партизанский край имел исключительно важное значение и для развития партизанской борьбы в полосах Волховского, Ленинградского и Калининского фронтов, а также для развития партизанского движения в Латвии и Литве.

В партизанском крае формировались, обучались и проходили боевую стажировку все новые партизанские отряды, бригады и разведывательные группы; отсюда они направлялись на выполнение боевых заданий далеко за пределы края. На переформирование из Ленинградской и Калининской областей сюда приходили многие отряды и группы, ослабленные в многочисленных боях с врагами. В район партизанского края

стекались группы воинов Красной Армии, попавших во вражеское окружение или вырвавшихся из плена, часть которых партизаны направляли через линию фронта на соединение с частями действующей армии, а другие оставались с партизанами и продолжали громить врага.

В партизанском крае спасалось от угона в фашистское рабство в Германию население из многих оккупированных районов.

В партизанском крае имелись свои аэродромы - зимой на льду разных озер, в основном на оз. Полисто Дедовичского района, летом - на небольших площадках между партизанскими селами, позволявших успешно совершать посадку и взлет неприхотливых самолетов У-2. Летчики оказывали исключительно большую помощь нашим партизанам. Без преувеличения можно сказать, без помощи фронтовой авиации, особенно самолетов У-2, не было бы и партизанского края, и того количества партизанских отрядов в полосе нашего фронта, какое было в действительности. Летчики доставляли народным мстителям в партизанский край вооружение, боеприпасы, медикаменты и другие необходимые материалы для боевых действий в тылу врага, а также центральные газеты, листовки Главного политического управления Красной Армии, политуправления фронта, Ленинградского обкома партии, письма партизанам от родных и близких, на обратном пути вывозили тяжелораненых партизан, детей и женщин.

При выполнении боевых вылетов в тыл к партизанам особенно отличились летчики из фронтовой авиагруппы, которой командовал подполковник П. С. Рассказов: командир эскадрильи капитан Н. П. Сабуров, командиры звеньев старшие лейтенанты Н. И. Синицын и Б. И. Соколов, летчики старший лейтенант И. И. Рыжков, лейтенанты Н. П. Дука, Е. И. Реут, А. И. Кубыхин и др.

В партизанском крае в условиях повседневных боев мы имели возможность готовить опытных партизан, командиров, политработников. Этот край был настоящим боевым университетом. Здесь в многочисленных боях вырабатывалась и совершенствовалась тактика, проверялись способы партизанской борьбы, получившие широкое применение не только в полосе Северо-Западного фронта. Наш опыт, обобщенный в докладах Главному политуправлению Красной Армии и Центральному штабу партизанского движения, становился достоянием других фронтов.

Можно себе представить, насколько неприятно было для гитлеровского командования само существование в тылу их войск партизанского края, ведь оно лишало его возможности

использовать такие важные в то время коммуникации, как шоссейная дорога Холм-Старая Русса, Чихачево - Волот Старая Русса. Действия врага сковывались и потому, что они почти полностью были лишены возможности использовать железную дорогу Великие Луки Бежаницы - Дно. Кроме того, железная дорога Псков - Старая Русса, а также шоссейная дорога Псков - Старая Русса находились под контролем партизан; там часто совершались крушения эшелонов с живой силой и боевой техникой врага и устраивались засады на дорогах.

Неся большие потери, противник был вынужден ежедневно использовать для охраны железных дорог, станций, шоссейных коммуникаций, складов, гарнизонов и для непосредственной борьбы с партизанами крупные военные контингенты. По приблизительным подсчетам, у противника ежедневно в полосе Северо-Западного фронта на охране своих объектов и борьбой с партизанами было занято в среднем не менее 20 тыс. солдат и командиров.

Так выполнялась одна из задач партизанского края, состоявшая в том, чтобы отвлекать силы 16-й армии и группы армий "Север". Другая задача заключалась в непосредственном уничтожении врага в случае, если он начинал проводить карательные экспедиции против партизан и местного населения.

В бешеной злобе на партизан, которые наносили им удар за ударом, фашисты предприняли несколько крупных карательных экспедиций в декабре 1941 г., в мае, июне, августе 1942 г., отвлекая с фронта полевые дивизии, усиленные танками и авиацией. Поскольку местность партизанского края являлась в географическом отношении более выгодной для партизан (большие лесные массивы, болота, ограниченные подходы), партизаны имели возможность принимать бой с карателями в лучших тактических условиях. Они могли заблаговременно хорошо подготовиться к "встрече" карателей, предварительно организовав на вероятных направлениях атак противника систему огневых мешков - огневых ловушек, засад - и в сочетании с контратаками накоротке с тыла и с флангов внезапно уничтожать карателей.

В первой половине мая 1942 г. противник бросил против партизан 163-ю пехотную дивизию, снятую с фронта, и многочисленные карательные части и подразделения войск СС. Эти силы готовились к наступлению около месяца. У них было не менее 40 танков, несколько десятков орудий и минометов, много ручных и станковых пулеметов. Крупная карательная экспедиция против партизан началась 11 мая с трех направлений; целый месяц партизанские отряды 1, 2, 4 и 5-й партизанских бригад и

три латышских отряда вели с противником непрерывный бой. В результате упорных ежедневных боев умелым сочетанием засад с внезапными нападениями маневренных отрядов на фланги и тылы врага партизаны разгромили карательную экспедицию, заставили остатки карателей отступить и перейти на всех направлениях к обороне на исходных рубежах, опасаясь дальнейших нападений партизан.

Враг понес большие потери. В ходе боев уничтожено свыше 2500 гитлеровцев, из противотанковых ружей подбито 20 танков, 2 бронемашины, 8 автомашин с боеприпасами, захвачены трофеи: 4 танка, 12 ручных пулеметов, 2 станковых пулемета, 4 крупнокалиберных миномета, сотни артснарядов, десятки тысяч патронов, много винтовок и автоматов. В ходе этой операции на участке Дно - Псков пустили под откос бронепоезд и пять воинских эшелонов.

Уже к концу 1941 г. наши партизаны приобрели большой опыт партизанской борьбы. К этому времени мы имели со всеми партизанскими бригадами устойчивую радиосвязь, благодаря которой создавалась возможность при помощи авиации хорошо обеспечивать партизан вооружением и боеприпасами. Особенно в полной мере мы снабжали 2-ю партизанскую бригаду, которая являлась основной силой партизанского края. Бригада к 1 января 1942 г. включала в себя свыше десяти отрядов общей численностью около 2000 партизан, не считая вооруженных групп самообороны, имевшихся почти во всех селах партизанского края.

Настало время использовать партизанские силы для проведения крупных боевых операций, учитывая, что обстановка на фронте серьезно изменилась в лучшую для нас сторону. Первой крупной боевой операцией наших партизан была Холмская операция. Как известно, в январе 1942 г. войска Северо-Западного фронта своим левым крылом перешли в наступление. Создалась подходящая обстановка для перехода партизан к боевым действиям широкого масштаба.

В первых числах января 1942 г. я зашел в кабинет начальника штаба фронта генерал-лейтенанта Н. Ф. Ватутина, у которого мне часто приходилось бывать с докладами о партизанских делах в полосе фронта. На этот раз генерал сидел за своим рабочим столом в каком-то раздумье над картой, лежавшей перед ним. В беседе с Н. Ф. Ватутиным, коротко рассказав о 2-й партизанской бригаде и ее боевых возможностях, я предложил использовать эту бригаду для захвата г. Холм. Начштаба, согласившись с этим предложением, сказал:

"Хорошая идея, садитесь и пишите радиограмму Васильеву".

Тут же в кабинете Ватутина за его столом я написал

радиограмму командиру бригады Н. Г. Васильеву. В радиограмме передавалось приказание в ночь с 19 на 20 января совершить внезапное нападение на Холм с запада, захватить город и удерживать его до подхода с востока наших передовых частей. Показал текст радиограммы Н. Ф. Ватутину. Прочитав ее, он сказал, что нападать партизанам на Холм в ночь с 19 на 20 января будет поздно, и внес исправление в радиограмму - нападение совершить в ночь с 17 на 18 января.

По получении этого приказа командование 2-й бригады, быстро организовало его выполнение. Ранним утром 15 января восемь партизанских отрядов численностью свыше тысячи партизан разными маршрутами по трем направлениям тронулись в путь к г. Холм. Это был большой и трудный 80-километровый переход по глубокому снегу, с преодолением глубоких оврагов и замерзших рек. Сильный мороз сковывал их движение. Отряды ехали на санных подводах три дня и две ночи.

До того как осуществить операцию, партизанская разведка установила, что город обороняют регулярные части противника численностью свыше тысячи человек, имеется артиллерия, большое количество станковых и ручных пулеметов, автоматов и минометов и что основные оборонительные сооружения и силы противник сосредоточил к востоку от Холма.

Командование бригады, зная, что на западной, южной и северной окраинах Холма оборона значительно слабее, решило совершить нападение основными силами именно на этих участках, а частью сил устроить засады для перехвата всех дорог, идущих к городу, с целью не допустить подхода подкрепления.

Бой за г. Холм партизаны начали в 4 часа утра 18 января. Внезапной атакой с трех направлений партизаны ворвались в город, с боем занимая дом за домом, квартал за кварталом: к 11 часам дня они освободили большую часть города. Восемь часов партизаны держались в городе, но передовые части 33-й стрелковой дивизии не смогли к этому времени пробиться к Холму. На помощь холмскому гарнизону враг бросил со стороны ст. Локня два батальона 396-го полка 218-й пехотной дивизии, но у д. Сопки, стоящей на шоссе Холм - Локня, их встретили из засад партизаны, которые в течение 12-часового боя нанесли этим батальонам большие потери. Во второй половине дня 18 января партизанские отряды из-за недостатка боеприпасов были вынуждены отойти на исходные позиции.

В боях за Холм и на подступах к нему партизаны уничтожили около 500 вражеских солдат и офицеров, 70 автомашин, разгромили радиоузел и 2 полевые радиостанции.

Партизаны потеряли в этой операции 52 человека убитыми,

среди них были командир партизанского отряда "Дружный", председатель Дновского райисполкома В. И. Зиновьев, которому посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза, погибли секретарь Дновского горкома партии В. П. Селецкий, секретарь Славковского райкома ВКП(б) Ф. Е. Барулин, председатель Сошихинского райисполкома П. П. Рыжков и др.

В ночь с 4 на 5 февраля 1942 г. несколько партизанских отрядов совершили налет на гитлеровский батальон СС численностью 270 солдат и офицеров, разместившийся в с. Ясски, у границы партизанского края. Батальон был полностью разгромлен. Фашисты потеряли 165 человек убитыми. Командир отряда "Буденовец" Н. А. Рачков, в прошлом секретарь Дедовичского райкома партии, хорошо знал эти места, что в значительной степени решило успех операции.

Затем мы решили разгромить немецкий гарнизон в райцентре Дедовичи. К этому времени партизаны приобрели уже опыт ведения не только ночных, но и дневных боев, научились овладевать вражескими укрепленными пунктами, на их вооружении имелись не только автоматы, но и минометы, противотанковые ружья, противотанковые пушки, танки.

После уточнения плана разгрома врага в Дедовичах непосредственно с командованием 2-й партизанской бригады было решено осуществить его в ночь с 21 на 22 февраля.

... 21 февраля все партизанские командиры заложили в планшетки свернутые гармошкой полевые карты. Под желтые целлулоидные планки попал теперь непривычный для партизан, почти белый, безлесный район. Черная прямая линия с севера на юг перерезала его на две части. То была Витебская железная дорога. Извилистой голубой лентой проходила с востока на запад р. Шелонь. На стыке этих двух линий, в 30 км южнее г. Дно, у мелких кирпичиков строений четко выделялась надпись: "Дедовичи".

Как только сгустились сумерки, из деревень и лесов, расположенных юго-восточнее Дедовичей, тронулись партизанские обозы. Семь отрядов, объединявших около тысячи партизан, выехали на исходные позиции. Словно ожили стрелы, кольца и полукруги, нанесенные на партизанские карты.

Ночь выдалась тихая, безлунная и, что особенно важно, туманная. "Как по заказу, - говорили партизаны. - Настоящая партизанская ночь!"

Отряды заходили фашистам в тыл.

Все было рассчитано и предусмотрено. Однако я, комбриг Н. Г. Васильев, комиссар С. А. Орлов и начальник штаба Головай очень волновались. Тревожные часы переживали и партизаны.

Лица у всех строгие, суровые, сосредоточенные. Шли, зорко поглядывая по сторонам, осторожно, бесшумно. Густой туман, словно дымовая завеса, укрывал партизанские цепи. Опоясанные пулеметными лентами, увешанные дисками и гранатами, партизаны со всех сторон окружали Дедовичи.

Сквозь туман еле различимо проступали первые постройки. Партизаны задержали шаг, замерли и притаились. Тихо прозвучала команда: "Ложись!"

В четыре часа утра в д. Пруткове, где разместился штаб по руководству боевой операцией, Головай, повернувшись лицом к Дедовичам, поднял руку, в которой он держал ракетницу, и выстрелил. Красная ракета, описав дугу, рассыпалась а воздухе на множество искр.

Оглушительный взрыв потряс воздух. "Мост через Шелонь, - обрадовался я. - Молодцы, подрывники, справились с заданием".

Бой разгорался. Все чаще ухали мины, раскатисто и методично били наши две 76-мм пушки, прерывисто, словно захлебываясь, трещали автоматы и пулеметы. Все тонуло в густом, непроницаемом тумане.

Штаб наш перенес свой командный пункт ближе к месту боя. Можно было видеть его первые следы.

Уже брезжил рассвет, а бой в Дедовичах не прекращался. Фашистский гарнизон, получив подкрепление из городов Дно и Судомы, оборонялся яростно. Фашисты всё еще рассчитывали на успех.

Но ничто теперь не могло избавить фашистов от полного поражения - и вражеский гарнизон был разгромлен.

В 11 часов был отдан приказ: "Отбой!"

К исходу дня мы сообщили по радио Военному совету фронта: уничтожено 650 немецких солдат и офицеров, большой склад боеприпасов, разбито 13 дзотов, взорван мост через Шелонь, разрушена железнодорожная станция, движение на железной дороге прервано.

Наши потери в этой операции составили 58 убитых и 72 раненых.

В следующую же ночь с 22 на 23 февраля партизаны 5-й партизанской бригады в д. Тюриково разгромили карательную экспедицию гитлеровцев, уничтожив более 200 фашистов и захватив 68 подвод с оружием, продовольствием, боеприпасами, 4 радиостанции, и взяли в плен 50 карателей.

В разгроме этой карательной экспедиции активно участвовал отряд "Боевой" под командованием Д. И. Новаковского, комиссар - С. П. Белозеров.

Проведение этих и многих других крупных боевых операций

показало возросшую силу, организованность и боевое мастерство партизан.

О размахе и боевых результатах партизанской борьбы в полосе Северо-Западного фронта свидетельствуют такие основные данные. С начала войны по 1 октября 1942 г. партизанские отряды и бригады нашего фронта уничтожили более 26 тыс. вражеских солдат и офицеров, одна треть этой цифры приходится на долю 2-й партизанской бригады, пустили под откос 159 воинских эшелонов, 2 бронепоезда, подбили и уничтожили 59 танков, 22 самолета, более 800 разных автомашин, взорвали 158 железнодорожных и шоссейных мостов, более 70 разных складов, разгромили 28 вражеских гарнизонов, вывели из окружения несколько тысяч советских воинов.

Но не только боевыми делами прославил себя партизанский край. На обширной территории, временно захваченной врагом, была одна власть Советская. 400 деревень в тылу врага жили по законам родного Советского государства. Работали колхозы и сельсоветы, школы и больницы, избы-читальни и красные уголки. Выходили советские газеты, демонстрировались кинокартины, регулярно с Большой земли доставлялась почта.

Вˆ партизанском крае была очень интересная землянка - настоящий комбинат партизанской печати. Здесь имелась своя лесная типография, издавались три многотиражные газеты: "Народный мститель" - для партизан и две газеты для местного населения - "Коммуна" и "Дновец". Газеты всюду читались с большим интересом. Душой редакционно-издательского комбината были И. Виноградов, К. Обжигалин, И. Шматов.

Большим событием в жизни партизанского края была организация обоза с продовольствием для трудящихся Ленинграда. В первой половине февраля 1942 г. я прилетел в партизанский край из Валдая и на совещании командного состава партизанских отрядов и бригад рассказал о тяжелом положении с продовольствием в блокированном Ленинграде. Комиссар 2-й партизанской бригады С. А. Орлов предложил организовать сбор продовольствия для голодающих ленинградцев, снарядить обоз и переправить его через линию фронта. Предложение комиссара нашло живейший отклик в партизанском крае. В короткий срок партизаны собрали 223 подводы с продовольствием весом около четырех тысяч пудов.

Вместе с обозом было направлено подписанное тремя тысячами партизан и колхозников патриотическое письмо Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза. "Пусть эти простые слова пройдут через линию фронта, достигнут стен Кремля, возвестят о делах и чувствах советских

граждан, временно попавших под фашистское ярмо..."

- так начиналось это письмо.

Существование партизанского края наводило страх и ужас на вражеских солдат и офицеров. Вот строки из одного письма, найденного в кармане убитого немецкого офицера командиром роты отряда "Боевой" Павлом Васильевичем Долининым: "Вот уже несколько недель, как мы находимся в самом центре партизанского края. В нашей роте много потерь, что производит довольно грустное впечатление, и для других мыслей места нет. Все же я должен написать в Дортмунд. Я должен буду рассказать, что многие из товарищей, которые со мной тогда выехали, уже мертвы или ранены. К сожалению, было бы приятно сообщать лучшее. Расскажи матери, что я нахожусь недалеко от Ленинграда. Я хочу, чтобы она была подготовлена, если со мной что-нибудь случится. Я должен так писать потому, что мы ведем самую пошлую, ужасную войну из всех войн. Лучше быть на передовой, чем здесь, там бы я знал, что противник находится на таком-то расстоянии. Здесь враг находится всюду, он вокруг нас, из-за каждого прикрытия выслеживает. Несколько выстрелов, и обыкновенно эти выстрелы попадают..."

Так фашисты, орудовавшие в полосе Северо-Западного фронта, приучились чувствовать над собой партизанскую карающую руку.

Голубой реки Шелони
Враг боится неспроста.
Пуля меткая догонит из-за каждого куста,
пели партизаны в своей походной боевой песне.

Коммунисты партизанского края в освобожденных от врага районах восстановили органы Советской власти, колхозы, школы, появились газеты, проводились массовые собрания населения. С этой целью в октябре - ноябре 1941 г. были созданы районные организационные тройки. Они проводили широкую массово-разъяснительную работу среди населения, восстанавливали органы Советской власти и коллективные хозяйства, организовывали население на оказание всевозможной помощи партизанам.

Партийно-политическую работу среди населения систематически проводили партийные и комсомольские организации.

В 24-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции во всех колхозах партизанского края днем были проведены торжественные собрания и парады партизанских отрядов, а ночью партизаны громили вражеские гарнизоны.

Боевые успехи партизан, бивших немецко-фашистских

захватчиков в полосе нашего фронта, партийно-массовая и идейно-воспитательная работа с населением и привлечение его на борьбу с врагом - результат самоотверженной и повседневной деятельности партийных организаций Ленинградской области, умелого оперативного руководства Военного совета и политуправления фронта.

В сентябре 1942 г. после ожесточенных боев, в ходе которых немецкие фашисты понесли большие потери в людях и боевой технике, партизаны ушли в другие районы. Партизанский край был оккупирован гитлеровскими войсками и прекратил свое существование, но вооруженные силы партизан продолжали борьбу в других районах.

Бессмертные подвиги совершали советские люди в тылу врага во имя защиты своей Родины. Как-то в доме колхозницы Прасковьи Филипповой из д. Ломовка Дедовичского района остановились на ночлег 14 фашистских солдат, против которых с оружием в руках воевал и ее муж. Долго думала она, как уничтожить врагов. Помог случай. В глубокую ночь Прасковья заметила, как из опушки леса осторожно вышли партизаны. Она взяла детишек и побежала им навстречу. Взволнованно рассказала партизанам: "Вот та хата, что в саду, это моя хата. Не жалейте, мои дорогие, жгите ее, там немцы, пусть вместе с хатой сгорят и фашисты". Она же рассказала, в какой хате и сколько ночует гитлеровцев, где расположился руководитель бандитов, где стоят часовые. Прасковья и раньше помогала партизанам, передавая им разведданные.

Отряд партизан, бесшумно сняв часовых, забросал фашистских мерзавцев гранатами. В эту ночь было уничтожено около сотни врагов, взяты большие трофеи. Спустя два дня партизаны отыскали Прасковью, которая вместе с другими беженцами скрывалась с детьми в лесу. Партизаны окружили ее и детей особым вниманием и заботой, помогли продуктами и одеждой. Прасковья Филиппова поблагодарила партизан и сказала, что она ничего особенного не сделала - просто выполнила свой долг перед Родиной.

А вот еще пример. 70-летний колхозник Михаил Семенов, житель д. Мухарево Дедовичского района воскресил в памяти своих односельчан, да и не только их легендарный подвиг русского патриота Ивана Сусанина.

Это было в декабре 1941 г. Вечером в с. Мухарево прибыл карательный отряд численностью свыше 500 человек, вооруженных автоматами, ручными и станковыми пулеметами, минометами. Палачи схватили Михаила Семенова и под угрозой смерти заставили его быть проводником, вести их в глубь

серболовских лесов до д. Гнилицы. Все дороги Семенов знал хорошо. До Гнилиц - рукой подать, но Семенов всю ночь водил гитлеровцев по глубокому снегу, в сильный мороз, плутая с ними по лесам и болотам, а утром следующего дня привел карателей обратно в Мухарево. Немцы учинили над стариком дикую расправу. Погибая от рук палачей, патриот гневно и гордо воскликнул:

"А вы думали, русский человек вам, гадам, помогать будет! Шиш!"

Первыми помощниками партии в тылу врага были комсомольцы. Сразу же после оккупации фашистами южных районов Ленинградской области во многих населенных пунктах стали возникать подпольные комсомольские организации. Одна из таких боевых молодежных организаций возникла в г. Остров под руководством старшей пионервожатой 4-й школы имени В. И. Ленина Клавы Назаровой. Вскоре на стенах домов появились листовки, написанные от руки и рассказывающие правду о положении на фронтах.

Комсомольцы-подпольщики сообщали партизанам сведения о движении фашистских воинских эшелонов, о системе противовоздушной обороны, о дислокации вражеских войск и штабов. По заданию партизан молодые подпольщики нанимались на работу в оккупационные учреждения и добывали ценные разведывательные данные для штаба фронта и штабов разных партизанских бригад. По их разведывательным сообщениям наши летчики в апреле 1942 г. полностью уничтожили крупную нефтебазу около ст. Остров. Подпольщики распространяли среди населения листовки, газеты, сводки Совинформбюро, добывали немецкие бланки пропусков.

Но, как ни соблюдалась конспирация, фашистам удалось при помощи предателя схватить Клаву Назарову и некоторых других комсомольцев-подпольщиков. Несмотря на пытки, истязания, подпольщики не раскрыли своей организации. Даже смерть комсомольцы сумели превратить в акт высокого патриотизма. Перед публичной казнью на городской площади Острова 12 декабря 1942 г. громко и гордо прозвучали слова Клавы Назаровой: "Мы погибнем, но на смену нам придут миллионы. Красная Армия при дет. Победа будет за нами!"

Гибель товарищей не запугала комсомольцев-подпольщиков. Подполье продолжало действовать. Друзья Клавы приняли знамя борьбы из рук павших и понесли его дальше.

Сейчас на берегу Шелони стоит величественный монумент, на котором высечены слова:

"Товарищ! Ты вступаешь на землю легендарного

партизанского края. Он вошел в историю Великой Отечественной войны как советский район в тылу врага, как лесная партизанская республика, где люди беззаветно сражались с врагом и жили по законам родного государства".

Боевые заслуги партизан Северо-Западного фронта были отмечены Коммунистической партией и Советским правительством. 16 партизан удостоены высокого звания Героя Советского Союза и около тысячи награждено боевыми орденами и медалями. Вот имена наших прославленных партизан, Героев Советского Союза:

Николай Григорьевич Васильев, командир 2-й партизанской бригады, видный организатор партизанского движения;

Александр Викторович Герман, командир 3-й партизанской бригады, геройски погибший в борьбе с врагом;

Леонид Александрович Голиков, бесстрашный пионер, разведчик 4-й партизанской бригады, погибший геройской смертью;

Александр Григорьевич Григорьев, комиссар полка 3-й партизанской бригады, воодушевлявший своим личным примером партизан на героические подвиги;

Владимир Васильевич Егоров, командир полка 5-й партизанской бригады, под его командованием полк неоднократно наносил удары по врагу, в том числе и на железных и шоссейных дорогах;

Василий Иванович Зиновьев, командир партизанского отряда "Дружный" Дновского района; этот отряд первым ворвался в г. Холм;

Константин Дионисьевич Карицкий, командир 5-й партизанской бригады, являвший пример мужества и отваги при проведении всех боевых операций;

Клавдия Ивановна Назарова, бесстрашный руководитель Островской подпольной комсомольской организации;

Василий Павлович Плохой, командир отряда, уничтожившего 358 вражеских солдат и офицеров;

Иван Иванович Сергунин, комиссар 5-й партизанской бригады, принимавший личное участие во многих боях и вдохновлявший своим примером партизан на героические подвиги;

Дмитрий Иванович Соколов, отважный разведчик и бесстрашный боец 5-й партизанской бригады;

Алексей Федорович Тараканов, командир 2-го полка 5-й партизанской бригады, под его командованием партизаны полка пустили под откос десятки вражеских эшелонов, взорвали тысячи метров железнодорожных путей, разгромили многие вражеские

гарнизоны;

Михаил Семенович Харченко, выросший за годы войны от рядового бойца до командира партизанского отряда, вызывавший своим бесстрашием и умелыми боевыми действиями восхищение всех партизан;

Отомар Петрович Ошкалн, талантливый и бесстрашный комиссар 2-й латышской партизанской бригады;

Вилис Петрович Самсон, мужественный командир 1-й латышской партизанской бригады;

Елизавета Ивановна Чайкина, бесстрашная разведчица 2-й особой партизанской бригады, погибшая в борьбе с врагом.

Память об этих и многих других героических партизанах нашего фронта вечно будет жить в сердце благодарного советского народа.

Партизанский край был поистине кузницей кадров. Многие из прославленных командиров и комиссаров бригад и отрядов прошли боевую закалку именно здесь. Их имена неразрывно связаны с судьбой края. Среди них, кроме уже упомянутых, были Н. П. Буйнов, Г. Т. Волостнов, С. М. Глебов, К. В. Гвоздев, И. И. Грозный, Г. П. Ермаков, В. В. Доценко, А. И. Исаев, А. Д. Кондратьев, А. П. Лучин, В. П. Объедков, Д. В. Худяков, Л. В. Цинченко и др.

Подвиг партизан Северо-Запада - яркий образец пламенного советского патриотизма, беспредельной преданности советских людей делу Коммунистической партии.

А. Д. Кондратьев

В партизанском крае

Коммунистическая партия с первых дней Великой Отечественной войны развернула огромную работу, чтобы сорвать планы ненавистного врага и отстоять свободу и независимость нашей Родины. Я хорошо помню, как в июле 1941 г. группа москвичей была направлена на Северо-Западный фронт для организации партизанского движения в тылу врага. В своих кратких воспоминаниях мне и хотелось бы поведать читателям о той героической борьбе, которую развернули трудящиеся Ленинградской области под руководством своих партийных организаций в партизанском крае в 1941 - 1943 гг.

Пожелтевшие листки старых газет, стершиеся на сгибах письма, фотографии людей в полушубках и кубанках с красной ленточкой, карты с разноцветными стрелами... Этим документам уже много лет. Но каждый раз, просматривая их, кажется, что все, о чем они рассказывают, произошло только вчера. Перед глазами одна за другой возникают картины далеких дней; память воскрешает большие и малые события; как живые, в сегодняшнем

дне встают те, кто в эти суровые годы отдал свою жизнь за Отчизну.

... Шел 1941 год. Этот год история разделила на два периода.

Новый год - пожелания счастья, творческой работы, здоровья. Веселые стайки школьников по утрам. Поток рабочих у проходных перед началом работы. Над созданием машин трудятся конструкторы. В далекие экспедиции изучать новые земли отправляются ученые. Замечательные песни слагают поэты.

Праздники! Традиционные подарки женщинам к 8 Марта. Яркая, всенародная демонстрация 1 Мая.

Труд. Учеба. Отдых. Этим живет каждая советская семья. Твердой, уверенной поступью идет вперед советский народ, строящий коммунизм...

22 июля. Суровыми стали лица. В руках вчерашнего сталевара, полевода, бухгалтера - винтовка. Привычным для глаз сделался цвет хаки.

Эшелоны с бойцами, боевой техникой непрерывной лентой потянулись на запад. А навстречу им - тысячи женщин, стариков, детей, вагоны и платформы с заводским оборудованием медленно продвигаются на восток. Идет другая жизнь - началась Великая Отечественная война.

Гитлеровские полчища рвались в глубь страны. Жестокие бои развернулись на огромных просторах. Части Красной Армии уничтожали живую силу противника, перемалывали его технику.

Разрушенные города, сожженные деревни, виселицы - вот что шло по советской земле вместе с немецко-фашистскими войсками. Но следом за оккупантами шла и ненависть народа, и его стремление к борьбе, к сопротивлению. Росли и крепли подпольные партийные организации на территории Ленинградской области, захваченной гитлеровцами, все новые отряды народных мстителей вступали в бой с захватчиками.

3 июля 1941 г. Партия обращается ко всему советскому народу с призывом: "В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия"{57}.

... В Новгороде у моста через р. Волхов стоял небольшой двухэтажный дом. Сюда в июле непрерывно шли люди. В небольших комнатах этого дома разместилось руководство по организации партизанского движения, созданное Ленинградским

областным комитетом Коммунистической партии. Посетителей принимал одетый в военную форму мужчина средних лет, круглолицый, русоволосый. Это был Алексей Никитович Асмолов - один из первых организаторов партизанского движения на Северо-Западном фронте. Интересно проходили беседы с этим человеком. В задушевном разговоре он разъяснял будущим народным мстителям методы партизанской борьбы, знакомил с районами боевых действий.

В комнате у А. Н. Асмолова и было принято решение срочно сформировать партизанский отряд в районном центре Крестцы

Организовать отряд было поручено мне. Более двух часов длилась наша беседа с Асмоловым.

- Вам, товарищ Кондратьев, партия поручает очень важное и ответственное дело, - сказал Алексей Никитович. - Одному с ним справиться невозможно. Поэтому опирайтесь при формировании отряда и потом, в боях, на коммунистов, комсомольцев, беспартийных активистов. Особое внимание уделите с первых же дней на боевую подготовку - ведь многие из ваших будущих бойцов никогда не держали в руках винтовку, а драться им придется с хорошо вооруженной и обученной армией. И сейчас, при формировании, и потом, когда вы будете воевать с фашистами в их тылу, не забывайте о партийно-политической работе. О ней мне хотелось бы поговорить поподробнее.

Асмолов вышел из-за письменного стола, сел рядом со мной на диване.

- Партийно-политическую работу вам придется вести не только в своем отряде, но и среди населения, - продолжал он. - Помните, что в тылу врага ваш отряд - это представитель Советской власти, это представитель нашей славной Коммунистической партии. Каждый боец должен быть агитатором, пропагандистом. Чаще встречайтесь с местным населением, беседуйте, разъясняйте. И главное - всегда опирайтесь на народ. В народе вы будете черпать свою силу. И еще на один момент я бы хотел обратить ваше внимание: борьба будет трудная, очень трудная. Но как бы трудно вам ни пришлось, не забывайте: на эту священную войну вас послала наша Коммунистическая партия.

Сразу же после беседы я выехал в Крестцы. Здесь, в здании райкома партии, и началось формирование нашего отряда. Желающих записаться в отряд было много. Заявления подавали люди самых различных профессий и возрастов. Среди них: инженеры, техники, педагоги, хозяйственные работники, медработники и даже учащиеся школ.

Формирование отряда было окончено, и мы приступили к

боевой подготовке.

Наши войска в это время отошли на левую сторону р. Волхов и прочно закрепились на этих рубежах. Враг подходил к Новгороду. День и ночь его авиация бомбила город. Для усиления последующего удара гитлеровцы перебросили на этот участок испанскую "голубую дивизию". Наши войска оставили Новгород.

Партизанский отряд, организованный в Крестцах, получил задание перейти линию фронта и начать боевые действия в тылах "голубой дивизии".

Глухой, темной ночью проскользнул отряд через линию фронта между частями врага и углубился в лесной массив. В намеченном пункте устроили отдых, выслали разведку. Вскоре разведка доложила, что в трех километрах от отряда находятся обозы "голубой дивизии".

По согласованию с командованием действующей армии удар по вражеской дивизии должен был быть нанесен лишь в следующую ночь. Долго тянулся этот день. Партизаны готовили оружие, проверяли и подгоняли снаряжение, отдыхали после перехода.

После мощной артиллерийской подготовки части Красной Армии и партизаны одновременно открыли огонь. Тылы вражеской дивизии были сильно потрепаны партизанами. Дрогнули фашисты. Усилив огонь, советские подразделения пошли в атаку. Заметался прижатый с двух сторон враг.

Целые колонны пленных, богатые трофеи - вот итог ночного боя. А главное - партизанский отряд выдержал экзамен. Крупный бой - большая победа!

Успешно выполнив задание в тылу "голубой дивизии", партизанский отряд отошел на пополнение. Из него и из отрядов, созданных в районах Полы, Лычкова, Меты и воинского подразделения, было сформировано сводное партизанское соединение. Началась подготовка к новым боевым делам.

В суровую январскую ночь 1941 г. сводное партизанское соединение под моим командованием перешло линию фронта для боевых действий в тылах 16-й немецкой армии.

Мы перешли линию фронта и углубились в лесные массивы, подходящие к самому районному центру Пола. Отряд вышел на подступы к городу. Нас разделяла только река. В этот период войска 11-й армии прорвали линию фронта, и 86-й стрелковый полк 180-й стрелковой дивизии под командованием А. И. Кощеева подошел на подступы к Поле. Мы встретились с войсковой частью.

Противник закрыл отход полка, и полк оказался в тылу врага. Партизаны и бойцы полка ежедневно вели тяжелые бои с врагом. Сводное партизанское соединение встало на правый фланг, помогая полку в обороне.

Ночью партизанский отряд вышел на засаду в районе деревень Березка, Тополево, Кошелево. Гитлеровцы спешно подтягивали живую силу и технику в Полу, чтобы разгромить партизан и полк. Для этого они устроили новую, скрытую по лесному массиву дорогу. Но партизанская разведка своевременно обнаружила дорогу, и мы на ней организовали засаду.

В лесных массивах, одетые в маскировочные халаты, залегли партизаны, ожидая вражеский обоз. Время шло, а противник не появлялся. Мерзли руки, ноги, становилось невыносимо холодно лежать на снегу. Высланная в сторону Кошелева разведка доложила, что большой обоз движется в сторону деревни Херенка-Пола.

Обоз с боеприпасами и продуктами двигался медленно. Вот голова обоза подошла к месту, где замаскировался командный пункт. Пропустив голову колонны вперед, была подана команда1

- Ураганный огонь по колонне!

Вмиг ожил лес, пулеметные очереди, взрывы гранат, ржание лошадей и безумный крик фашистов - все смешалось вместе. Это мстили партизаны непрошеным фашистским захватчикам. Часть трофеев мы захватили с собой, остальное было уничтожено. С этой ночи гитлеровцы больше не пользовались лесной дорогой.

После разгрома обоза на лесной дороге они повели яростное наступление на полк и места расположения партизан. Ежедневно шли сильные бои, и только ночью на короткое время прекращалась перестрелка. В полку появилось много раненых бойцов и командиров, их необходимо было переправить через линию фронта и госпитализировать.

Переправу раненых через линию фронта взяли на себя партизаны. Началась работа разведки для определения дороги, по которой можно будет вывезти раненых.

В первую ночь разведке не повезло - она наскочила на засаду и с огнем отошла в расположение партизан. Наступила вторая ночь. Подготовили всех раненых, повозки, подобрали спокойных лошадей. У каждой повозки дежурило по два бойца. Обоз ждал сигнала, чтобы двинуться в путь.

Но разведчики натолкнулись на минированную тропу, и в результате новые раненые. Пришлось дать команду и в эту ночь отставить переход через линию фронта. Снова раненых отправили по своим подразделениям. Каково было состояние раненых, читатель может себе представить. Две ночи - и две неудачи.

Мы решили провести дневную разведку линий фронта. С группой разведчиков в маскировочных халатах осторожно проходили по лесу. По проложенным тропам старались не ходить, так как они могли быть заминированы, - осторожность и еще раз осторожность. В этом залог спасения раненых командиров и бойцов полка.

Пройдя заминированные места, мы осторожно вышли к р. Поле, а там, за рекой, - расположение войск 11-й армии. Засев в кустах и замаскировавшись, мы наблюдали, как передвигается по линии фронта сторожевое охранение, засекли позиции артиллерийских орудий и места скопления солдат противника.

День подходил к концу. Оставив у реки наблюдение, мы двинулись обратно еще раз проверить наш путь. При движении в обратном направлении нами не было обнаружено никаких признаков пересечения нашей тропы. Когда вернулись в лагерь, было уже темно. Срочно была дана команда подготовить обоз с ранеными к походу. Когда все было готово, я лично обошел всех раненых и предупредил о строжайшей дисциплине в походе: не курить и не разговаривать, даже тяжелораненых просили не стонать.

- Колонна готова к походу, - доложил мне комиссар нашего соединения В. Д. Зайцев. Выслав вперед сторожевое охранение для установления связи с оставленными на берегу реки разведчиками, я дал приказ начать движение. Сам пошел в голове колонны, а комиссар с отрядом бойцов замыкали нашу колонну.

Лес. Кругом лес. Тишина. Лишь слышится поскрипывание полозьев. Медленно и осторожно движется обоз к линии фронта. Высланные к партизанской разведке у реки связные еще не вернулись. Время подходит к полуночи. Зловещая тишина заставляет учащенно биться сердце, стучит в висках после двух бессонных ночей.

Удастся ли провести обоз с ранеными через линию фронта? Вот мысль, которая не дает покоя всем.

Справа от противника взвились вверх три зеленые ракеты, за ними последовали автоматные очереди. Пришлось колонну остановить. Время летит быстро. Стрелки на циферблате показывают два часа ночи. Снова высылаю связных, а сам медленно с обозом раненых продвигаюсь к реке. Передовое охранение заметило, что какая-то группа движется в нашу сторону. Это наша разведка, которая доложила, что в трехстах метрах от нашей разведки с наступлением темноты была выставлена засада противника, а после трех сигнальных ракет засада снялась и отошла к районному центру, дав несколько очередей из автоматов.

Итак, путь свободен. Колонна быстро двинулась к реке. Вот и река. На белоснежной равнине далеко заметно все, что может двигаться по ней. Выслал разведку через реку и дал приказ головному охранению занять оборону по ту сторону реки. Начали переправу. Быстро повозки переправлялись через реку. Осталось переправить последний десяток повозок, как прогремели выстрелы со стороны Полы. Уже под огнем переправлялись последние повозки. Они завершили шествие по наезженной уже дороге через линию фронта.

Отдохнув сутки в расположении своих войск, мы ночью снова перешли линию фронта и утром были в расположении окруженного полка. Необходимо было разведать о наличии и силе врага в районе Полы и ее окрестностей. Каждую ночь мы занимались разведкой и собрали данные о расположении войск противника.

11-я армия готовилась к наступлению на Полу. Ей были необходимы все новые и новые разведывательные данные. Я получил распоряжение командования партизанского движения Северо-Западного фронта: лично перейти линию фронта и доложить штабу 11-й армии о состоянии войск противника.

Сборы были короткие. С группой из пяти опытных и ловких партизан мы вышли к линии фронта и с наступлением темноты уже достигли реки, а чуть стемнело ползком преодолели реку. На той стороне нас уже встречали представители армии. Я тут же был доставлен в штаб армии и на совещании штаба доложил обстановку в тылу 16-й немецкой армии. Совещание в штабе продолжалось долго. Когда вышли из землянки, уже был рассвет. Через некоторое время мы тронулись в путь. Я переходил линию фронта в пятый раз. Днем мы уже были у своих партизан.

Прогремели последние орудийные залпы и автоматные очереди на подступах к районному центру Пола Ленинградской области. Доблестные бойцы Красной Армии во взаимодействии с партизанскими отрядами в день 23 февраля 1942 г. навсегда освободили советских людей в Поле от фашистской оккупации. Но партизанам предстояла еще длительная и упорная борьба с захватчиками, которые бесчинствовали на захваченной территории.

Наша партизанская бригада получила приказ перейти линию фронта и в районе Белебелки, Дедовичей соединиться с действующими в партизанском крае партизанами. В суровую зимнюю ночь на 1 марта 1942 г. мы вышли на выполнение боевого задания командования. Пурга быстро заметала наши следы. Неоднократные попытки перейти линию фронта в лесных массивах наталкивались на заслоны вражеских войск; свободного

пути не было; разведка искала прохода через линию фронта. Наконец, она доложила, что Белебелка свободна, и партизаны двинулись в этот районный центр. Население рассказало, как гитлеровцы на ночь уходят в лес, чтобы закрыть проход партизанам.

Соединившись с народными мстителями партизанского края, наш отряд занял оборону на высотах у д. Красное Смородиново, где за р. Шелонью раскинулась необозримая равнина, на которой виднелось сразу несколько деревень.

Мартовский солнечный день, поблескивают снежные крупинки на полях и деревьях, кругом тишина... В этот прекрасный день можно было думать, что войны нет, что идет мирная спокойная жизнь, а дети, не зная нужды и заботы, спокойно бегают и играют на этой широкой равнине. Но что это? За Шелонью из деревни бежит мальчик и машет руками. Нет, он не играет, этот ребенок чем-то встревожен, бежит в нашу сторону, где мы заняли рубеж для защиты от врага. Мальчик часто оглядывается назад. Мигом слетело минутное спокойствие, все обратили внимание на бегущего мальчика, у всех была одна мысль, кто он, что так испугало ребенка? Мальчику осталось пройти небольшое расстояние до горы. Но силы его слабели, он стал спотыкаться, как бы проваливаясь в снег.

Я распорядился внести малыша в гору. Мигом бросились Иван Колесов и Костя Бердников навстречу мальчику. Он еще раз обернулся назад. Позади осталась река, скованная льдом, а за рекой - его деревня, в которой он родился и жил. Это был мальчик 11 лет: маленький, щупленький, с голубыми глазами, с выражением испуга на лице, с русыми волосами, в серой ситцевой рубашке, в подшитых валенках. Звали его Колей. Успокоившись, он рассказал:

"До войны мой отец, мать и сестра работали в колхозе, я учился в школе. Но вот война... Отца вызвали в Дедовичи в военкомат, он больше не вернулся - ушел с Красной Армией защищать Родину. В один из летних солнечных дней мы узнали, что немцы заняли Дедовичи. Страх охватил нас, мама плакала. Немцы пришли. Они отобрали у нас овец, стреляли по курам и поросятам в деревне, отбирали коров, а к вечеру, когда уходили из деревни, увели нескольких колхозников, они больше не вернулись обратно. Потом мы услышали, что за рекой в нашем районе появились партизаны. Это нас обрадовало. Сегодня утром мама, выглянув в окно, вскрикнула: "Немцы!" Немцы уже были на краю деревни. Она сказала мне: "Коля, беги за реку и скажи партизанам". И я убежал, захватив с собой пионерский галстук, вот он".

Так Коля предупредил нас о появлении в их деревне фашистских захватчиков. Партизаны быстро приняли боевую готовность, чтобы вступить в бой с ненавистным врагом. Не прошло и 30 минут, как на краю деревни сосредоточились крупные силы противника. Началась стремительная атака пехоты противника при поддержке танков и артиллерии, бой разгорался все сильнее и сильнее, но партизанские пули сражали противника. Много фашистских вояк уже валялось на пути, по которому только что пробежал пионер. В течение всего дня бой не утихал, бились наши партизаны, уничтожая чужеземных захватчиков, защищая свою землю, освобождая советских людей от фашистского рабства. День подходил к концу, и я приказал лыжному подразделению старшего лейтенанта Полякова обойти противника и ударить с тыла. С наступлением темноты мы рассчитывали всеми силами партизан разбить группировку врага и освободить деревню, где жил Коля.

Быстро наступили сумерки. Подразделение Полякова незаметно обходило деревню и заходило в тыл противника, а основные силы партизан усилили огонь по неприятелю, отвлекая его внимание.

Вот взлетели вверх сигнальные ракеты подразделения старшего лейтенанта Полякова. Это сигнал к атаке, и партизаны с криками "Ура!" понеслись по направлению к занятой фашистами деревне, и среди них был Коля. Он возвращался в родную деревню к матери и сестре не один, он вел с собой грозную партизанскую силу. Сын выполнил задание матери: не только сказал партизанам, но и привел их с собой.

Бой близился к концу. Партизаны добыли богатые трофеи: пушки, обозы с боеприпасами. Оставшиеся в живых гитлеровцы в панике бежали по направлению к Дедовичам, бросая на своем пути убитых и раненых.

После того как деревня была полностью очищена от противника, партизаны получили приказ занять оборону на краю деревни в сторону Дедовичей. Коля настойчиво звал меня к себе в гости, говоря: "Дяденька, идемте к нам, мама нас молоком напоит. Мама у нас хорошая, заботливая, вот вы ее сейчас увидите".

Колин дом уцелел. Подходя к дому, он нетерпеливо тащил меня за руку, ускоряя шаг, чтобы быстрее увидеть мать и сестру. Ворота у входа в дом были распахнуты настежь, света не было. Вдруг Коля на что-то натолкнулся и испуганно вскрикнул. На крик прибежали партизаны и осветили нам путь. В сенях висели два женских тела, это были мать и сестра Коли. Он тяжело зарыдал. Не пришлось Коле познакомить мать и сестру с нами,

угостить нас. Коля весь в слезах, прижимаясь ко мне, говорил: "Дяденька, дяденька, что я буду теперь делать, с кем я буду жить?" Бережно гладя его головку, стараясь хоть как-то успокоить, я сказал ему: "Пойдем со мной, Коленька, с этого дня ты будешь всегда с нами, будешь юным партизаном".

После проведенного боя чувствовалась усталость партизан, но впереди предстояла большая работа: следовало втянуть на гору захваченные у фашистов пушки, пулеметы и другие трофеи.

После небольшого отдыха партизаны начали готовиться к походу. Нужно было срочно перебазироваться, занять д. Бродки и организовать прочную оборону, поскольку мы знали, что после такого разгрома враг не оставит нас в покое.

Надо сказать, что Коля быстро освоился с обстановкой, легко втянулся в партизанскую кипучую жизнь, без всяких приказов стал выполнять работу связного: он быстро разносил все приказы штаба. Его полюбили все бойцы и командиры. В книге личного состава появился новый боец - 11-летний партизан Николай Иванович Быстров.

Разведка доложила штабу, что противник концентрирует большие силы в с. Крутец. Это было большое село, в центре которого стояло несколько каменных домов. Здесь и расположился вражеский штаб. На краю села стояла силосная башня, где фашисты оборудовали наблюдательный пункт и установили станковый пулемет. День и ночь партизанская разведка вела наблюдение за гарнизоном. Однажды разведка доложила, что в гарнизон Крутец прибыло пополнение: четыре танка и две бронемашины. Вся эта техника расположилась у вражеского штаба.

Командование партизан стремилось разгадать замысел врага, но все попытки взять языка из гарнизона были безуспешны.

Мы начали спешно готовиться к операции: бойцы проверяли автоматы и пулеметы, отряды пополнялись боеприпасами. Коля первый раз в жизни участвовал в такой подготовке. Как и прежде, он аккуратно выполнял роль связного, а в ночь операции ему предстояла большая, ответственная и опасная работа. Мы готовились к тяжелому бою с вражеской пехотой, с его танками и бронемашинами. Поставленная задача - разгромить крутецкий гарнизон врага в течение ночи - штабом партизан была тщательно разработана. Наступила ночь. Отряды потянулись по направлению к селу. В походе соблюдалась строжайшая дисциплина. Партизаны, осторожно пробираясь через чащу леса, стремились незаметно подойти к намеченной цели. Вот впереди показалась опушка леса, здесь отрядам партизан предстояло рассредоточиться - обойти с флангов и зайти в тыл врага.

Окружить и взять в кольцо гарнизон противника, чтобы ни один захватчик не вышел живым.

Стрелки на циферблате часов показали 23.00. Остался час до наступления. Партизаны ползком от опушки леса продвигались к крайним домам села. Коле было дано задание установить живую связь с партизанским отрядом Г. В. Тимофеева и комиссара Архидьяконского. И он, преодолев чувство страха, ушел в ночную мглу на связь, а через некоторое время вернулся и доложил командованию, что связь установлена, отряды вышли на свои рубежи и готовы к бою.

Ровно в 24.00 взвилась вверх квасная ракета, и в этот же миг со всех сторон ударили автоматные и пулеметные очереди, послышались взрывы гранат на окраинах села. Это партизаны вели бой в самом населенном пункте. Застучал вражеский пулемет с пожарной вышки, но поздно. Партизаны уже поджигали вышку, и она начала полыхать ярким пламенем. Фашистские пулеметчики были взяты в плен.

В бой вступили танки и бронемашины противника. Партизаны вели бой за каждый дом, приближаясь к центру села. Пылала окраина села, освещая весь населенный пункт. Стало светло, как днем. Все жарче становился бой. Метался от отряда к отряду связной Коля, передавая приказания командования. Три часа шел упорный бой, но враг не сдавался. Партизаны с боем продвигались к зданию, где засел штаб гарнизона. Коля получил задание передать отряду Тимофеева распоряжение усилить наступление с правого фланга, продвинуться к расположению танков и поджечь их. Маленький связной метался среди горевших домов и свистящих пуль, выполняя одно задание за другим. От дыма Коля весь почернел, только белые зубы резко выделялись на лице. Партизан Хотько доложил, что два танка и две бронемашины прорвали кольцо и устремились на запад, а два танка остались у штаба. Немедленно был дан приказ задержать танки и подорвать их противотанковыми гранатами.

Уже забрезжил рассвет, а гитлеровцы, засевшие в штабе, упорно сопротивлялись. Все попытки взять его штурмом не увенчались успехом, тогда бойцы отряда Тимофеева подложили тол под углы здания и взорвали его.

Теперь сопротивление оказывали лишь два танка. Фашисты не хотели сдаваться, тогда комиссар отряда Архидьяконский подошел к одному танку, пистолетом "ТТ" застучал в смотровую щель и закричал: "Эй, гады, сдавайтесь!" Но гитлеровский офицер, находившийся в танке, через смотровую щель в упор убил славного партизанского комиссара. Партизаны отомстили за своего боевого комиссара и подожгли танки. Вражеский гарнизон

был полностью разгромлен.

Отдан последний приказ - осмотреть все место боя, проверить личный состав и подобрать трофеи (наши раненые еще ночью были переправлены в д. Бродки).

Коля был неутомим. На его ремне висела кобура с немецким "парабеллумом", а на шее - немецкий автомат. Эти личные трофеи доставляли столько радости юному партизану, отомстившему фашистам в первом же бою за смерть матери и сестры.

Партизанские отряды собрались на опушке леса. Вдруг Коля что-то заметил вдали и стремглав бросился бежать туда, несмотря на то что мы требовали немедленно вернуться обратно. Но, видимо, он ничего не слышал. Прошло совсем немного времени, когда в стороне, куда убежал Коля, раздался выстрел, навсегда оборвавший жизнь 11-летнего пионера. Партизаны Хотько, Колесов, Бердников с взведенными автоматами быстро побежали на выстрел, и перед ними предстала картина - лежащий лицом к земле Коля, а рядом с ним с дымящимся в руке пистолетом фашист, раненый в обе ноги: он полз к лесу, чтобы спастись от партизан.

Тело Николая Быстрова осторожно положили на повозку и доставили в д. Бродки. Там с партизанскими почестями похоронили его 5 апреля 1942 г. На могиле юного партизана мы поклялись отомстить за его смерть фашистам.

Шел 1942 год. Наша партизанская бригада дислоцировалась на территории Ленинградской области, действуя совместно с частями Красной Армии против 16-й немецкой армии. Партизаны систематически наносили удары по врагу, уничтожая его живую силу и технику, взрывая мосты, железнодорожные пути, воинские эшелоны и колонны автомашин. Не выдержало вражеское командование ежедневных партизанских налетов и бросило в наступление на партизанский край свои регулярные войска.

Начался ожесточенный бой. Гитлеровцы вводили все новые резервы. В бой вступили танки, артиллерия. В один из майских дней 1942 г. к 12 часам врагу удалось прорвать оборону бригады в районе д. Подлупленник и нарушить взаимодействие партизанских отрядов. Вот уже танки ворвались в деревню, а вслед за ними вступила туда и пехота.

Партизаны отходили в леса. Спешно собрались командиры отдельных отрядов на совещание. Надо было срочно остановить противника, так как в лесах находились обозы с ранеными, продовольствием. На совещании было решено: собрав все резервы, ударить по противнику с трех сторон.

Ровно в 15 часов в лобовую атаку пошли бойцы под моим командованием. С правого фланга наступал отряд старшего

лейтенанта М. Полякова, с левого Крылова. Ползком, короткими перебежками приближались партизаны к деревне. Вот уже окраина. Громкое "ура", пулеметные, автоматные очереди, разрывы снарядов. Не устоял враг, дрогнул, начал отходить. Чтобы отрезать противнику пути к отступлению, отряд Тимофеева зашел ему в тыл.

Все слабее становился огонь врага. Отступая, гитлеровцы начали бросать на поле боя технику. Вот в оставленный вражеский танк, отбросив люк, вскочил танкист-партизан Костя Бердников. Развернув башню, он открыл огонь по врагу из его же машины.

Деревня Подлупленник очищена от врага. Захвачено четыре совершенно исправных вражеских танка, девять пулеметов, много лошадей, снаряжения, продовольствие. Оружие раздали по отрядам, а из продовольствия повара приготовили ужин для партизан. Утром разведка донесла, что противник оставил еще 17 деревень и отошел в районный центр Дедовичи, где начал срочно укреплять рубежи обороны.

После разгрома вражеской группировки под Подлупленником наша партизанская бригада получила приказ выйти в район Славковичей. Все готовились усердно - ведь предстоял длинный и сложный марш по тылам врага.

В назначенное время бригада выступила на марш. С боем перешли железную дорогу Чихачево - Дедовичи. Стройными рядами проходила по деревням, освобожденным от оккупантов, партизанская конница.

- Наши пришли, наши! - со слезами радости встречали партизан жители. Свежий хлеб, молоко, все, что оставалось в деревнях, выносили на дорогу женщины, угощая бойцов...

После трехдневного марша бригада приближалась к намеченной цели. Во время одного из привалов, когда мы пели партизанскую песню, разведка доложила, что вблизи Горбово бургомистр из Пскова проводит совещание старост 46 волостей и деревень по передаче колхозной земли кулакам и предателям Родины. Пятеро партизан под командованием старшего лейтенанта Голованова получили задание взять в плен старост и доставить их в штаб бригады. Проникнув в деревню, отважная пятерка ворвалась в дом, где шло совещание. Голованов крикнул:

- Руки вверх, господа старосты!

Так были арестованы все участники совещания. Ночью бригада вступила в бой с вражескими войсками в Горбове. Гарнизон был полностью разгромлен, на следующий день партизаны заняли 76 деревень, восстановив в них Советскую власть.

Радостная весть охватила бойцов и командиров 1-й особой партизанской бригады 16 февраля 1942 г.

- Сегодня ночью прилетает представитель партизанского отдела Северо-Западного фронта для вручения правительственных наград за боевые действия партизан, - рассказывали в подразделениях.

Показался самолет. Заглохли последние звуки мотора, и из машины вышел человек в полушубке, валенках, с автоматом через плечо. Кто он, еще было трудно разглядеть. Когда представитель штаба сошел на землю, меня охватила радость. С этим человеком в июле 1941 г. я впервые встретился в древнем Новгороде, когда он подбирал партизанские командные кадры. К нам, в тыл врага, прилетел начальник партизанского отдела Северо-Западного фронта Алексей Никитович Асмолов.

Утром партизаны были построены для вручения правительственных наград. А. Н. Асмолов поздравил партизан с боевыми успехами в глубоком тылу врага. Один за другим подходили партизаны к партизанскому вожаку. Он крепко пожимал руки каждому, поздравлял с правительственной наградой и вручал ордена и медали. Подошла и моя очередь. Алексей Никитович вручил мне орден Красного Знамени.

Затем выступили партизаны, заверившие нашу славную Коммунистическую партию и Советское правительство, что, не щадя сил, они будут бить врага всюду и везде, уничтожать его живую силу и технику до полного освобождения нашей священной земли.

Шел 1943 год. Каждый день боевой партизанской жизни учил бойцов новому, помогал приобретать опыт в борьбе с захватчиками. Отряды бригады все чаще вступали в бой с частями немецкой армии.

Выросли ряды партизан в 4-й Ленинградской бригаде, за счет трофеев пополнилось вооружение. Партизанские полки размещались теперь не в лесах, как это было раньше, а в деревнях.

После длительного и тяжелого боя бригада ночью в сентябре 1943 г. разместилась в д. Кухново. А на рассвете партизаны, укрепляя свои позиции, начали рыть окопы, минировать подходы к деревне.

Я и комиссар бригады М. Е. Павлов у окраины деревни проверяли расположение огневых точек в одном из отрядов. В этот момент разведчики доложили, что с запада на расположение бригады надвигается противник. Впереди себя он гонит скот.

Подготовка к бою никогда не занимала у партизан много времени. Подразделения быстро заняли рубежи на высотах у

деревни, расположили огневые средства.

На партизанской мине на дороге, идущей к Кухново, подорвался фашистский танк, и одновременно с разных сторон по врагу ударили наши пулеметы. Залпы партизан отрядов И. Андреева и майора Максима (А. М. Корчагина) заставили спешиться вражескую конницу. Пулеметчик Илюшечкин, непрерывно поливая огнем из пулемета вражескую пехоту, заставил ее залечь. Противник остановился.

Подтянув артиллерию и бросив в атаку танки, гитлеровцы пытались прорвать оборону партизан, дать возможность пехоте перейти в наступление. Противник засек огневую точку Илюшечкина и открыл по ней артиллерийский и танковый огонь. Много раз менял отважный пулеметчик место расположения. И тем не менее осколком вражеского снаряда его тяжело ранило. Крепко прижав к себе пулемет, скатился Илюшечкин с высоты. Здесь его и подобрали санитары и отправили в госпиталь.

А сила атак врага между тем продолжала нарастать. Все новые резервы вводил он в бой. Прямой наводкой гитлеровцы подожгли дом, в котором размещался партизанский штаб бригады. Положение бригады усложнялось. Насмерть стояли партизаны отряда Ивана Андреева. Пал смертью храбрых командир отряда. Его место занял комиссар Н. Я. Пилипко. Тяжело пришлось майору Максиму - фашисты теснили его отряд от опушки леса. Из штаба послали ему последнее подкрепление - необходимо было сдержать натиск врага до наступления сумерек.

Силы были неравны. И партизаны, продержавшись до наступления темноты, были вынуждены отойти в район д. Поморье. Это около 25 км от Кухнова в сторону Славковичей.

Слава партизан после кухновского боя распространилась по всей округе. Все больше мужчин и женщин вступало в партизанскую бригаду.

В декабре 1943 г. 4-я Ленинградская партизанская бригада держала под контролем Островский район. В течение месяца она очистила весь район от врага, отрезала пути к отступлению вражескому гарнизону г. Острова. В течение этого месяца партизаны пустили под откос 12 вражеских эшелонов.

А теперь мне хочется рассказать о герое-партизане Владимире Валерьяновиче Доценко. 6 июля 1941 г. он вступил в отряд Красавина, в этот день ему поручили командовать отрядом таких же, как и он, молодых парней из Старой Руссы и Острова.

Партизанская жизнь. Первое боевое задание. Подвиги. Вражеские эшелоны один за другим летят под откос, взлетают на воздух мосты, десятками падают срезанные пулеметной очередью фашистские солдаты. Так казалось.

Но первые же дни внесли существенную поправку.

- Не горячись, Володя, - учил Красавин, - послушай, что рассказывают о враге товарищи, подучись у них. Помни - враг сильный и хитрый, он хорошо вооружен. А нас ведь пока маловато, рисковать не имеем права.

2 августа надолго осталось в памяти молодого командира отряда. Партизаны получили приказ обстрелять вражескую колонну на шоссе Локня Холм.

Осторожно подползли партизаны к большаку и видят: один за другим идут вражеские грузовики с вооруженными солдатами.

- Нас ведь только 15, - прошептал кто-то из бойцов, - да разве справимся с ними. В порошок сотрут нас всех...

Партизаны отошли от дороги. В лесу остановились. После некоторых споров о том, как действовать, отряд снова пошел к большаку.

Залегли. В это время невдалеке послышались пулеметные очереди, а через несколько минут из-за поворота показался фашистский патрульный мотоциклист. Он ехал медленно, обстреливая кусты вдоль дороги.

- Не иначе как со страха палит, партизан боится, - подумал Доценко и решил не трогать мотоциклиста, - что толку-то в одном человеке, надо подождать еще.

И "кусок пожирнее" не заставил себя долго ждать. Очень скоро на дороге появились три легковые машины, автобус, грузовик с рацией.

- По этим ударим, - прошло по цепи.

Машины между тем приближались. В первой - седой высокий гитлеровец, в шинели нараспашку, с кручеными золотыми погонами и крестами на груди, спокойно покуривал сигарету. В остальных машинах - вооруженные солдаты и офицеры оживленно разговаривали и смеялись.

- Как дома, разъезжают по нашей земле, собаки! - зло прошептал Доценко.

От первой же его пулеметной очереди вспыхнула машина с седым фашистом. Залп, еще залп, несколько пулеметных очередей... Не прошло и десяти минут, как все пять вражеских машин пылали яркими факелами.

Не оглядываясь, очень быстро отошли партизаны от большака. Возвратились на базу измученные, но довольные.

Вот с этого-то дня и началась настоящая боевая жизнь партизанского командира Владимира Доценко.

В последующих боях партизаны накапливали боевой опыт и уже одерживали победу над целыми гарнизонами врага. В этих боях неизменно принимал участие Доценко.

Партизаны начали применять широко подрывное дело. Стал Владимир замечательным подрывником: пустил под откос три вражеских эшелона, взорвал около двух десятков мостов, много автомашин, не один фашистский танк подорвался на его минах.

В октябре 1943 г. Владимир Валерьянович Доценко в составе 4-й партизанской бригады командовал крупным отрядом. Ни минуты покоя не давал заклятому врагу его отряд. В больших боях и малых стычках, на железнодорожных путях и лесных дорогах - всюду врага преследовали партизаны из отряда Владимира Доценко.

О боевых делах отряда под командованием Ивана Ачимова свидетельствуют выдержки из дневника командира отряда. 5 ноября 1943 г. с группой в составе Катровского, Егорова и Бормоткина добрался, наконец, до указанного пункта на железной дороге Карсава - Остров. Спустили под откос паровоз и 18 вагонов с живой силой.

9 ноября. На том же участке пустили под откос паровоз и 16 вагонов с горючим.

1 января 1944 г. На том же участке взорвали паровоз и 13 вагонов с боеприпасами.

27 января. На той же дороге подорвали эшелон - паровоз, 16 вагонов и 2 платформы.

29 января. Взорван эшелон противника.

5 февраля. Сегодня имею возможность записать некоторые подробности произведенных диверсий.

Первый поход на железную дорогу был неудачным, поставленную задачу мы не выполнили. Через несколько дней, 5 ноября, я снова был на железной дороге и решил, что не вернусь в бригаду, пока не спущу эшелон под откос. Действовали мы очень осторожно. Основное я взял на себя. Сам заложил заряд и дождался, пока появится эшелон в направлении к фронту. Взрыв был слышен далеко.

Очень хотелось мне взорвать эшелон 1 января 1944 г., так сказать, преподнести фашистам новогодний подарок. Небольшой группой мы двинулись к дороге в 20-х числах декабря. Встретили засаду, свернули и продолжали продвигаться к дороге. На следующий день снова встретили засаду, но от нее ушли благополучно. Чтобы дать людям отдохнуть, было решено устроить ночевку. Вечером подошли к деревне, и вдруг нас остановил немецкий окрик: "Хальт!"

Немцы оказались в пяти шагах. Отстреливаясь, мы отошли. Времени оставалось мало, приближался Новый год, и я решил без отдыха продвигаться к железной дороге.

Взрыв мы произвели на открытом месте, между двумя

будками. Пришлось долго ждать - эшелоны шли с фронта. Погода была сырая, мы продрогли, но не хотелось тратить взрывчатку на порожняк. Под утро услышали сигнал на станции и вскоре увидели эшелон. Мы взорвали его. Как потом выяснилось, это был эшелон с боеприпасами.

16 февраля. Отряд ведет бой на Гриве. Немцы бросили сюда три танка, две танкетки и восемь машин с солдатами. В этот день мы подбили танк, машину и бронетранспортер.

28 февраля. Сегодня подвели некоторые итоги боевой деятельности: в декабре 1942 г. - феврале 1943 г. спущено под откос шесть эшелонов, произведено около 100 взрывов рельс, взорвано пять мостов на шоссейных дорогах, уничтожено два километра связи.

День 28 февраля 1944 г. был для бригады праздничным - в этот день партизанам вручалось боевое Красное знамя Куйбышевского района Ленинграда.

В морозное утро полки бригады выстроились в д. Красное Сосонье. Как не похож сейчас грозный строй тысяч бойцов на то, с чего начинала свою историю 4-я Ленинградская партизанская бригада. И хотя не по-военному одеты люди кто в деревенских полушубках, кто в шинелях без погон, но невольно чувствовалось, что стоит грозная воинская часть. Суровые, обветренные в боях и походах лица. Какая-то особая сила, свойственная только уверенным в победе людям, светилась в глазах партизан.

Разные люди стояли в строю, но всех их объединяли ненависть к врагу, мужество, стремление очистить советскую землю от немецко-фашистских захватчиков.

Вот стоит невысокий, плотный человек. Сколько раз Совинформбюро сообщало об успехах отряда, которым командовал Владимир Валерьянович Доценко. Неподалеку от В. Доценко - Александр Петрович Корунов. В последнем бою он был ранен в руку, но рана не помешала ему стать в строй во главе своего отряда.

Стояли в строю плечом к плечу с командирами боевые комиссары М. Е. Павлов, Н. Я. Пилипко, Калитов, Путилин. Они всегда были впереди, выполняли самые сложные и ответственные задания, показывая образцы мужества и отваги. Тут же балтийский моряк Валерий Михайлович Гутаренко - организатор специальной разведки. Впереди своих полков командиры Иван Грозный, Иван Крылов, Борис Абрамов. Представитель Ленинграда передал партизанам знамя.

В ответном слове я сказал:

- Партизаны и партизанки, сегодня мы принимаем знамя трудящихся Куйбышевского района города Ленина. Это высокая

награда, большая честь. Под этим знаменем мы клянемся бить врага до полного уничтожения. Я заверяю трудящихся героического города Ленинграда, что 4-я Ленинградская партизанская бригада с честью выполнит возложенные на нее боевые задания.

Вдруг раздался конский топот. Разведчик Петр Осин доложил:

- В районе партизан появились части Красной Армии.

Партизаны давно ждали этого сообщения, но, услышав его, не поверили слишком велика была радость. Строй смешался. Люди бросились друг к другу, начали обниматься, поздравлять друг друга. Быстро подали коней, и я, комиссар бригады М. Е. Павлов, начальник политотдела Я. Е. Ицкевич отправились для встречи бойцов нашей славной армии. Кони сворачивают с дороги и мчатся прямо по целине. Вот показывается воинская колонна. Наступила радостная, сердечная встреча.

А на большак уже вышли местные жители, они встречали своих освободителей.

Тут состоялся митинг; выступали бойцы, партизаны, крестьяне. После митинга колонна бойцов двинулась дальше - впереди предстояли большие бои.

Вместе с населением подразделения Красной Армии провожали партизаны. Так после длительной борьбы в тылу врага кончилась их партизанская война.

С. Ф. Хвалей

202-я стрелковая дивизия и ее командир С. Г. Штыков

Каждый год 23 февраля над древним Кремлем, над торжественной Москвой вскидываются в небо лучи прожекторов, раздается артиллерийский салют. Люди славят доблестную армию нашу, и в такие минуты вновь вспоминаются мне Кельме в Литве, нанесенный не на все карты город, р. Шелонь, словно закипевшая от взрывов, приильменские леса, спокойная светлая Ловать, которая течет, будто в дреме. Или вдруг замаячит перед взором веселая и буйная весной Пола, вода в которой темная, как настой кореньев и трав. Видится и р. Полнеть, и болота, которые местные жители почему-то называют Невий Мох.

Стерлись, конечно, в памяти жителей этих мест лица бойцов, а мне, очевидцу и участнику боев в этих районах и у стен древнего города Старая Русса, видятся они и сейчас. Снова и снова вспоминаются события, теперь уже, можно сказать, давних лет.

В своих кратких воспоминаниях мне хочется поведать читателям о героических действиях нашей 202-й моторизованной дивизии{58}, о ее бойцах, командирах и политработниках.

Прежде всего я хотел бы рассказать о командире дивизии генерал-майоре С. Г. Штыкове, погибшем 9 января 1943 г. геройской смертью под Старой Руссой.

С С. Г. Штыковым мне пришлось служить еще в предвоенные годы. 202-я моторизованная входила тогда в 12-й механизированный корпус Прибалтийского особого военного округа. Полковник Штыков занимал должность заместителя командира дивизии по строевой части. Я же являлся в то время заместителем командира дивизии по политической части, а с июля 1941 г. до июня 1942 г. был комиссаром дивизии. В мае 1942 г. я был утвержден в должности начальника политотдела 27-й армии. И поскольку 202-я стрелковая дивизия входила в состав этой армии, я постоянно следил за ее боевыми действиями, часто бывал в подразделениях и радовался прочности ее замечательных боевых традиций.

Штыков и я - мы многое, наверно, все, знали друг о друге. А иначе на войне и нельзя. Многое о нем я узнал и на дивизионной партийной конференции в марте 1941 г., членом ДПК (дивизионной партийной комиссии) которой он был избран единогласно. Коренастый, среднего роста, русоволосый, с проницательным взглядом. Говорил немного, как бы взвешивая каждое слово. В общем это был крепкий человек во всех отношениях. Я невольно любовался его спокойствием и выдержкой, удивлялся умению точно определять обстановку. Постоянно он ходил в солдатской шинели, а зимой в светло-зеленой бекеше с серым воротником.

С. Г. Штыков - кадровый военный, он отличился при прорыве линии Маннергейма и форсировании бурной реки Вуоксы, за что был награжден орденом Красного Знамени и удостоен внеочередного присвоения воинского звания "полковник".

Перед войной я не раз бывал в дружной семье Серафима Григорьевича и его жены Марии Константиновны. Отец Штыкова, Григорий Кузьмич, работал слесарем железнодорожных мастерских, мать, Екатерина Владимировна, была ткачихой. Григорий Кузьмич в годы революции участвовал в подавлении белогвардейского мятежа в Ярославле. Екатерину Владимировну ткачихи г. Карабанова избрали делегаткой на губернскую рабочую конференцию.

В 1919 г. 14-летний С. Г. Штыков стал комсомольцем, а в 1924г., когда учился в Иваново-Вознесенской пехотной школе, вступил в ряды ВКП(б).

Был Серафим Григорьевич отличным стрелком-снайпером, пулеметчиком, минометчиком и даже артиллеристом. Однажды он находился в окопе на переднем крае обороны. Вражеский

снайпер ранил в голову нашего наблюдателя. Серафим Григорьевич решил лично расправиться с гитлеровцем. При помощи винтовки с оптическим прицелом он засек и уничтожил противника. Был и такой случай. С. Г. Штыков находился на НП командира минометной батареи и увидел, что по замаскированной лесной тропинке к траншеям врага идет подкрепление. Огонь был сильный, и в этот момент командира батареи лейтенанта Зайцева ранило. Штыков сам открыл стрельбу из миномета. "Вот здорово стреляет кто-то!" передавали тогда связисты.

Штыков любил храбрых людей, таких в дивизии было немало, например разведчик лейтенант Алексей Бень, младший политрук Н. Д. Черепанов, командир роты лейтенант Миронов, секретарь ДПК старший политрук Иван Голдобин. Знал он хорошо наиболее отважных и мужественных красноармейцев и младших командиров. Да и как не знать их, ведь особо отличившиеся в бою обычно вступали в партию, награждались орденами и медалями. В связи с этим Штыкову и как командиру дивизии{59}, и как члену ДПК с ними приходилось встречаться наиболее часто. И он, будучи всегда весьма занятым многочисленными делами человеком, никогда не жалел времени на эти встречи. Придет на заседание ДПК заранее и спросит: "Регулярно ли вас, хлопцы, кормят, что пишут из дома?" Расскажет про храбрых воинов, таких, как младший сержант И. К. Горох, красноармеец К. П. Морозов и другие, и в заключение скажет: "Вот так бейте фашистов!"

За храбрость и высокое воинское мастерство, за человечность и простоту в отношениях с подчиненными все наши бойцы, командиры и политработники горячо любили своего командира дивизии.

Можно было только завидовать его неуемной энергии. Он успевал бывать и на занятиях по тактической подготовке, и на политзанятиях, и на стрельбище. Уважали его и за шутку, оброненную в беседе, за умение ободрить, если кто-то взгрустнул. "Человечный, хотя и строгий, когда нужно", - так отзывались о нем бойцы.

Еще в период формирования дивизии политработники и коммунисты проводили большую партийно-политическую работу, прививая личному составу чувство гордости за свое соединение, высокие моральные качества, которые развились и укрепились в ходе борьбы с немецко-фашистскими захватчиками.

Мы внимательно следили за тем, чтобы задачи боевой подготовки тесно увязывались с политико-воспитательной работой в подразделениях, не допускали показухи и

формальностей, так как знали, что в случае войны за слабую подготовку придется расплачиваться большой кровью. Как-то, а это было в апреле 1941 г., я присутствовал на занятиях, которые проводил командир второго батальона 645-го мотострелкового полка капитан Н. И. Бубелев. Бойцы быстро продвигались вперед, стремительно поднимались для "атаки", но недостаточно маскировались в складках местности, и С. Г. Штыков требовал повторения занятий до тех пор, пока бойцы не научились не только совершать стремительные броски, но и хорошо маскироваться.

В состав нашей дивизии входили 645-й и 682-й мотострелковые полки, 125-й танковый полк, 652-й гаубичный артиллерийский полк, 189-й отдельный истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион, 151-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион, 281-й разведывательный батальон, 371-й отдельный саперный батальон, 357-й медико-санитарный батальон и другие подразделения.

Вся техника и люди передвигались на механической тяге. Танковый полк и разведывательный батальон имели на вооружении танки Т-26 и броневики. И хотя машины были слабо бронированы, они имели большую скорость и высокую маневренность. Дивизионы артполка были вооружены превосходными артиллерийскими системами - 122- и 152-мм гаубицами и пушками-гаубицами.

В ночь на 18 июня 1941 г. наша дивизия ушла на полевые учения. В те дни немецкие самолеты часто нарушали нашу границу, и, помню, мы со Штыковым не раз обсуждали складывавшуюся обстановку.

И вот началось то страшное утро, которое никогда не забудет наш народ. Дивизия встретила врага близ западной границы Советской Литвы, в районе Кельме - Кражай. Бой, который вела дивизия в этот день, был тяжелый, кровопролитный. Части мужественно отражали натиск 3-й моторизованной и 8-й танковой немецко-фашистских дивизий. Бойцы стояли насмерть, части наносили ответные удары, переходили в контратаки. Враг не ожидал такого сопротивления, откатывался назад. Но, подтянув свежие силы, он снова и снова рвался вперед.

Особенно жестокий бой вел второй батальон 645-го мотострелкового полка. Четыре раза при поддержке танков и самолетов гитлеровцы атаковывали батальон капитана Н. И. Бубелева. Но бойцы батальона, поддерживаемого первым батальоном 125-го танкового полка под командованием старшего лейтенанта коммуниста Халко, отбрасывали фашистов. За день наши бойцы разгромили более двух батальонов противника, на

поле боя враг оставил свыше 600 солдат и офицеров убитыми, 9 танков, много мотоциклов и бронетранспортеров.

Случилось так, что дивизионы артполка в этот день, во время полевых учений, меняя огневые позиции, оказались в боевых порядках мотопехоты. И когда фашистские войска смяли пограничные заставы и части 125-й стрелковой дивизии и широкой лавиной двинулись на нашу дивизию, артиллеристы в упор расстреливали мотоциклистов, жгли танки. Командир 189-го отдельного истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона капитан Г. Ф. Журавлев выдвинул пушки для стрельбы прямой наводкой. К концу дня артиллеристы подбили и сожгли более 20 танков. Мужество и отвагу в этом бою проявил комиссар 625-го гаубичного артиллерийского полка старший политрук Белгородский. Находясь непосредственно на огневых позициях, он своим примером воодушевлял воинов на подвиги. Бесстрашно вели огонь по самолетам зенитчики. Два фашистских стервятника, объятые пламенем, рухнули на землю.

День 22 июня был очень жарким днем и в прямом смысле этого слова. У некоторых бойцов был тепловой удар. Спасала р. Дубисса: утоляла жажду бойцов, являлась источником водоснабжения частей.

Большие трудности возникли с началом войны в снабжении. Полевые кухни, доставлявшие завтрак, в раннее воскресное утро частично были разбиты, а многие из них просто затерялись где-то. Не прибыли машины и с боеприпасами из района предвоенной дислокации дивизии. Там были и наши семьи...

Однако заместитель командира дивизии по тылу майор Н. В. Заикин все же сформировал автоколонну и направил ее в армейские и окружные склады за продовольствием и боеприпасами. В подразделения тыла дивизии для помощи мною был направлен инструктор политотдела старший политрук Степанов.

Ответственный редактор нашей дивизионной газеты "Призыв к победе" батальонный комиссар В. И. Арестов с присущей журналистам оперативностью организовал экстренный выпуск двухполосной "дивизионки". В газете были помещены заметки о героизме бойцов, командиров и политработников с призывом: "Товарищ, ты идешь в бой, действуй смело и решительно!"

Солнце уходило за горизонт, озаряя ярким багрянцем перелески. Противник атаки прекратил, но ружейно-пулеметная стрельба не затихала и с наступлением сумерек. Только в темноте велась она реже. Мы отвечали артиллерийским и минометным огнем.

Поздней ночью накоротке состоялось собрание партийного

актива. Предстояли тяжелые бои. Актив должен находиться там, где требовала обстановка. Эти и другие вопросы решались на собрании.

В эту же ночь разведчик лейтенант Алексей Бень на броневике совершал рейды по тылам вражеских войск, расстреливал мотоциклистов, уничтожал пулеметные и минометные расчеты, сеял панику в стане врага. И так всю ночь! Утром он доложил: "Ваш приказ на разведку выполнен!"

Трое суток наша дивизия отражала бесконечные атаки танков и пехоты противника и не отошла ни на шаг. Вместе с бойцами самоотверженно, не щадя жизни, сражались командиры и политработники. Они были там, где складывалась особенно напряженная обстановка.

Следует сказать, что и в эти дни особая роль в боях выпала на долю С. Г. Шлыкова. Он быстро организовал крепкие узлы сопротивления на флангах дивизии, умело наладил взаимодействие стрелковых подразделений с артиллерией и танками. В острые моменты боя он поднимал людей и водил их в контратаки.

В результате трехдневных боев 202-я моторизованная дивизия задержала крупную группировку врага на шяуляйском направлении, прикрыла развертывание и организацию обороны другими соединениями. И только по приказу командующего 8-й армией генерал-майора П. П. Собенникова дивизия стала отходить в направлении Мадона - Гулбене - Остров - Псков - Дно к новгородской земле.

При выходе из боя в ночь на 26 июня получили другое распоряжение: оборонять левый берег Западной Двины юго-восточнее Риги, а в последующем выполнять ранее поставленную задачу - удержать рубеж Мадона - Гулбене.

Огромное физическое и моральное напряжение пришлось испытать личному составу в беспрерывных боях с противником и в многокилометровых бросках на новые рубежи обороны. Но и в этой трудной обстановке в подразделениях шла и не прекращалась многосторонняя партийно-политическая и другая работа. Проводились собрания, беседы, выпускались боевые листки. Зарождалось снайперское движение. Красноармеец разведбата Шабанов из винтовки сбил вражеский самолет. Отважный разведчик был принят в партию, а всего в конце июня-начале июля в партию в дивизии вступило 60 человек. Из числа особо отличившихся в бою 167 человек были представлены к правительственным наградам, в том числе 20 коммунистов и 37 комсомольцев.

* * *

Гитлеровцы отчаянно рвались к г. Гулбене, узлу железных и шоссейных дорог, стремились захватить переправы на р. Айвиексте и ее притоках. Двое суток 682-й и 645-й мотострелковые полки, выполняя боевой приказ, удерживали переправы и город. 682-й полк под командованием помощника начальника штаба этого полка старшего лейтенанта Смежевского три раза контратакой отбрасывал назад наседавшего противника. 645-й полк в течение суток вел бой в полуокружении и в рукопашной схватке разгромил до двух вражеских батальонов. Как и в предыдущих боях, полк стойко оборонял свой позиции. Первая батарея 652-го гаубич-ного артполка под командованием лейтенанта С. А. Киргинцева и 645-й мотострелковый полк, где начальником артиллерии был стар-ший лейтенант Н. Я. Тищенко, вели прицельный огонь по пехоте противника, а по танкам вели огонь орудия, выставленные для стрельбы прямой наводкой, отбивая яростные атаки врага.

В начале июля батальон 645-го мотострелкового полка под ко-мандованием лейтенанта В. И. Алова в районе Гулбене, следуя в авангарде полка, неожиданно натолкнулся на мотоколонну противника. Бойцы (в батальоне в это время находился и инструктор политотдела дивизии батальонный комиссар Н. А. Салдин) обрушились на врага настолько стремительно, что он в панике бежал, побросав на дороге часть своих машин, не успев даже выключить их моторы. Было убито около 80 фашистов и захвачено 2 автомашины, 7 мотоциклов. Особенно отличились в бою командир 645-го мотострелкового полка капитан А. С. Кожуров и комиссар полка старший политрук С. Д. Шведов. Они не раз поднимали бойцов в штыковые атаки, личным примером воодушевляя их на героизм. В бою смертью храбрых погиб секретарь партбюро полка политрук Н. И. Куц. На моих глазах был убит заместитель командира дивизии по техни-ческой части полковник И. Ф. Смирнов. Тяжелую понесли мы утрату.

В этом бою мы захватили легковую автомашину 8-й танковой дивизии противника с документами армейского штаба. Среди захваченных документов была инструкция о применении химического оружия в войне против Советского Союза, а также выписка из директивы немецкого командования от 13 мая 1941 г. "Об особых мероприятиях войск" на оккупированной советской территории. Директивой предписывалось офицерам и солдатам расстрели-вать всех сопротивляющихся их "порядку", уничтожать партизан. Потерпев неудачу в захвате г. Гулбене, фашисты выставили заслон и, обтекая фланги дивизии, устремились к Пскову.

В этих условиях дивизия, маневрируя, совершала многокило-

метровые броски, выходила на фланги вражеских войск и сдерживала их натиск в районе Острова, Порхова и Дно. В треугольнике Остров, Порхов, Сорокине занимаемая нами местность была господ-ствующей над местностью наступлений противника. Вражеские колонны могли двигаться только по основным дорогам, полевые дороги были для них непроходимыми. Командование дивизии учло это. Отважно, как и прежде, действовали артиллеристы. 37- и 76-мм орудия 151-го отдельного зенитно-артиллерийского диви-зиона были поставлены на прямую наводку для борьбы с враже-скими танками. Правда, начальник артиллерии дивизии майор Лубман неохотно согласился на это. Мол, по инструкции не по-ложено ставить зенитные пушки на прямую наводку. Штыков заметил: чтобы бить фашистов, все средства хороши. Довод этот вначале не особенно убедил артиллеристов, но, когда зенитчики подожгли два фашистских танка, возражений уже не было. Артиллеристы полностью разгромили колонну врага численностью до полка.

3 июля по распоряжению командования 8-й армии в дивизии был создан крупный отряд пехоты, танков и артиллерии под командованием С. Г. Штыкова для взаимодействия с 28-й танковой дивизией полковника И. Д. Черняховского. Штыков и Черняховский знали друг друга еще до войны. А теперь им пришлось плечом к плечу бить фашистов у Порхова, Дно, Сольцы. Личный состав 28-й танковой дивизии также проявил чудеса храбрости, экипажи танков действовали дерзко, наносили удары там, где противник меньше всего ожидал их. Примером мужества и отваги являлся и сам Иван Данилович Черняховский. Отряд полковника Штыкова явился в свою дивизию лишь 12 июля 1941 г.

18 августа Военный совет Северо-Западного фронта утвердил С. Г. Штыкова в должности командира 202-й моторизованной дивизии, а днем позже командир 1-го мехкорпуса генерал-майор танковых войск М. Л. Чернявский (в этот период наша дивизия входила уже в этот корпус) возложил на дивизию оборону г. Сольцы и переправы через р. Шелонь.

Дивизии были подчинены истребительные отряды частей НКВД, вооруженные отряды общественных организаций г. Сольцы. В течение суток мы удерживали город и все переправы. Когда бои шли на западной окраине города, противник превосходящими силами отбросил наш 682-й мотострелковый полк, но контратакой и штыковым ударом 645-го полка положение было восстановлено и гитлеровцы оказались отброшенными на пять километров к северо-западу от города за Малое Заболотье.

Особый героизм и отвагу в этом бою проявили заместитель командира 645-го мотострелкового полка по материальному обеспечению майор С. Т. Натарашвили, заместитель политрука этого полка Саша Галич, так звали его товарищи по совместной службе, и уже известный читателям разведчик лейтенант Алексей Бень.

Семен Теодорович Натарашвили возглавил группу бойцов и штыковой атакой обратил фашистов в бегство. А. Б. Галич в бою был дважды ранен в руку и штыком в голову, но не покинул поле боя, а когда убыл по ранению командир взвода, он возглавил взвод, из пулемета расстреливал атакующих гитлеровцев, а затем повел бойцов в штыковую атаку{60}. А. Бень уже не на своем броневике, а на захваченном у врага бронетранспортере проник в тыл, уничтожил несколько противотанковых орудий, подбил три легких танка и несколько бронемашин. В этом бою, 16 июля, А. Бень погиб смертью героя. ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

(Из вечернего сообщения 14 сентября 1941 г.)

На Северо-Западном направлении успешно действуют против немецко-фашистских полчищ бойцы и командиры соединения полковника Штыкова. В боях с врагом особенно удачно действовали подразделения Кожурова, Даневского, Алексея Бень и др. Подразделение капитана Кожурова захватило в ночном бою 12 немецких орудий, 20 станковых пулеметов и 2 радиостанции Артиллеристы подразделения Дахновского только за один день уничтожили 70 вражеских автомашин с пехотой 150 мотоциклов и большую группу кавалеристов. Отдельные подразделения много раз прорывались в тыл врага. В один из таких прорывов в фашистским тыл наши бойцы, действуя вместе с танками, разгромили немецкую автоколонну и захватили 240 автомашин.

Разведчик лейтенант Алексей Бень проник на своей бронемашине в глубокий тыл, уничтожил несколько немецких бронеавтомобилей, подбил 3 легких танка и несколько противотанковых орудий.

За время многочисленных боев с фашистскими войсками соединение полковника Штыкова уничтожило свыше 10 тысяч немецких солдат и офицеров, около 200 вражеских танков, сотни автомашин, свыше 100 орудии и до 500 мотоциклов.

Не раз в бою, когда фашистские автоматчики прорывались на КП дивизии, проявляли отвагу начальник штаба дивизии полковник А. А. Ивановский, комиссар штаба батальонный комиссар В. И. Земляков и начальник особого отдела полковник Д. И. Бодягин.

Штаб 1-го механизированного корпуса доносил Военному совету 11-й армии о том, что 202-я моторизованная дивизия

уничтожила на левом берегу р. Шелони около 50 танков и 100 автомашин, штаб противника, большое количество живой силы; дивизией было отражено около 25 попыток врага переправиться на южный берег Шелони.

После боев под Сольцами Военный совет 11-й армии через офицера связи майора Булгакова приказал нашей дивизии сосредоточиться в районе населенных пунктов Марино - Учно, Заремо - Поцелуево, совхоз Выбити и оборонять этот рубеж. Два дня части дивизии отбивали яростные атаки противника. Здесь гитлеровцы, переодев большую группу своих солдат в красноармейскую форму, бросили их в стык двух наших полков. Им удалось выйти на огневые позиции батареи 652-го гаубичного артиллерийского полка. Стойко держались артиллеристы. Благодаря исключительной находчивости командира батальона 645-го мотострелкового полка лейтенанта В. И. Алова и инструктора политотдела батальонного комиссара Н. А. Салдина вражеская группа была полностью разгромлена. Алов и Салдин выдвинули роту с двумя пулеметами и контратаковали во фланг наступающих переодетых фашистов. На убитых под красноармейскими гимнастерками потом были обнаружены мундиры войск СС.

Приказом командования 11-й армии от 29 июля дивизия перебрасывалась в район ст. Тулебля и Старой Руссы. По данным дивизионной и армейской разведки, в этих районах шло большое накапливание гитлеровских войск. Совершив 70-километровый бросок, части дивизии вышли на фланг большой вражеской колонны, которая двигалась со стороны г. Дно к Старой Руссе. В районе ст. Тулебля вся дивизионная артиллерия под командованием начальника артиллерии дивизии полковника Ф. Т. Дахновского нанесла мощный удар по двигавшимся фашистам. Удар был настолько неожиданным, что враг не успел развернуться в боевой порядок. Колонна быстро рассеялась. По показаниям пленных, здесь перегруппировывались части 290-й пехотной дивизии, кавалерийский полк и подразделения дивизии СС "Мертвая голова". Потери врага составили около 20 танков, свыше 70 автомашин с пехотой, 150 мотоциклистов и много кавалеристов.

Однако гитлеровские войска, несмотря на потери, рвались к Старой Руссе. Атака следовала за атакой. Ведя сильный огонь из автоматов, все новые группы шли на наши боевые порядки. В этих условиях С. Г. Штыков применил своеобразный план разгрома гитлеровцев. Он приказал некоторым подразделениям отходить в глубину обороны. Увлекшись "успешным" продвижением, фашисты ускорили темп наступления и вошли в образовавшийся

"мешок". Этого и ждали пулеметчики, они огнем из всех пулеметов расстреливали наступавших, а пехотинцы завершили разгром рвавшихся вперед гитлеровцев.

В результате трехдневных боев в районе ст. Тулебля боевая задача, поставленная дивизии командованием армии, была выполнена полностью. Своими действиями дивизия создала условия для развертывания 254-й стрелковой дивизии, подошедшей из глубины страны. И мы почувствовали прочную руку соседа.

Отрадно было сознавать, что Военный совет 11-й армии достойно оценил боевые действия дивизии. А начальник политуправления Северо-Западного фронта дивизионный комиссар К. Л. Рябчий в наш адрес прислал поздравительную телеграмму.

С 1 августа дивизия вела бои с превосходящими силами противника на северо-западной окраине Старой Руссы и на подступах к городу. Гитлеровцы бросили сюда крупные силы пехоты и танков. При поддержке авиации они бешено рвались к Валдайской возвышенности. Только против 682-го мотострелкового полка враг повел наступление частями 221-й и 205-й пехотных дивизий. Шесть дней сдерживала дивизия наступление фашистов на северо-западной окраине Старой Руссы. Несколько раз вклинивались они в нашу оборону, но контратаками 682-го и 645-го мотострелковых полков враг отбрасывался назад.

По показаниям одного из пленных, только за один день дивизия уничтожила четыре роты противника. В восьмой роте полка дивизии СС, где он служил, осталось 5 человек из 120.

В дивизии беспрерывно, и днем и ночью, велась разведка большими и мелкими группами. В задачу этих групп входило: захват пленных, установление сосредоточения резервов и свежих сил противника. Исходя из этих данных создавались подвижные отряды пехоты и артиллерии, которые и наносили удары по врагу. Такой отряд под командованием командира 645-го мотострелкового полка капитана А. С. Кожурова в лесном бою в районе Пенна - Арикино уничтожил около 250 солдат и офицеров противника, захватил 10 орудий, 10 станковых и 12 ручных пулеметов, 2 миномета, 2 радиостанции. Этот бой 14 15 августа 1941 г. в лесу велся в тот период, когда войска Северо-Западного фронта решительным контрударом глубоко обошли старорусскую группировку врага с юга, отбросили ее на западном направлении больше чем на 50 км.

17 августа отряд Кожурова в районе Утошино - Кудрово - Шапкино стремительно атаковал полк 205-й пехотной дивизии

противника. Как сообщали нам партизаны, гитлеровцы потеряли в этом бою свыше 300 солдат и офицеров. В последующем бою под Ожедово капитан Афанасий Семенович Кожуров погиб героической смертью. Светлая память о патриоте нашей Родины, коммунисте Кожурове навечно останется в памяти ветеранов 202-й дивизии.

Почти месяц мы отражали атаки крупных сил фашистских войск в районе Старой Руссы. Без преувеличения скажу, что личный состав дивизии показал исключительные образцы массового героизма, отваги и воинского мастерства.

В этом успехе, как и в успешном исходе предстоявших боев, важнейшую роль сыграла огромная партийно-политическая работа, проводимая среди личного состава партийными и комсомольскими организациями, политработниками дивизии. У нас существовала и твердо поддерживалась такая практика: с новым пополнением, прибывшим в дивизию, беседовал командир дивизии. На таких беседах было обязательным присутствие заместителя командира по политчасти, а также других руководящих работников дивизии. Мы рассказывали о нашей дивизии, ее традициях, о высоком долге советского воина перед Родиной.

Большую помощь в борьбе с фашистскими захватчиками оказывали нам партизаны и местное население оккупированной врагом территории. Хорошо помню, как однажды 14-летняя Женя Карпова из Старой Руссы пришла к нашим артиллеристам и сообщила, что в школе, где она училась, разместилась большая группа гитлеровцев. Огнем батареи 122-мм пушек фашисты были быстро уничтожены.

У меня сохранилась запись военных лет. В ней, в частности, говорится: "Установлена связь с партизанским отрядом. Командир отряда Полкман, комиссар Недовесков. Отряд состоит из 37 человек, среди них 16 коммунистов и 6 комсомольцев. Отряд разделен на две группы. Он еще молод и опыта партизанской борьбы с фашистскими захватчиками не имеет. Политико-моральное состояние отряда здоровое. Для обеспечения его боевых действий созданы базы снабжения оружием, боеприпасами, продовольствием. Отряду оказана помощь в овладении подрывным делом, проведены специальные практические занятия, вел эти занятия дивизионный инженер майор Я. И. Арцишевский. Трофейное оружие, автоматы переданы отряду. Даны указания о проведении партийно-политической работы в отряде и среди населения, выделены им газеты и брошюры..."

В частях дивизии непрерывно росли ряды партийных

организаций. За полтора месяца боев было подано 310 заявлений красноармейцев и командиров с просьбой о приеме их в ВКП(б). В комсомол за это время принято 286 человек.

Я как сейчас вижу храбрых пулеметчиков Ю. С. Абрамова и Ф. И. Куликова. Это они еще под Сорокине вели губительный огонь из станкового пулемета по вражеской группировке противника, прикрыли отход частей на новые рубежи обороны. Оба были представлены к правительственным наградам. В другом бою, уже в районе Старой Руссы, Ю. С. Абрамов со своим вторым номером И. И. Козиным, установив пулемет на колокольне на западной окраине города, трое суток сдерживали наступление гитлеровцев. Комсомолец К. Н. Морозов, тоже пулеметчик, прицельным огнем из ручного пулемета уничтожил восемь вражеских солдат. Абрамов, Куликов, Козин и Морозов были приняты в партию. Такими же героическими воинами являлись и все другие бойцы и командиры, которые подавали заявления о приеме в партию.

Заседания дивизионной партийной комиссии ее секретарем Иваном Голдобиным организовывались и проводились непосредственно в боевых порядках подразделений и частей.

Не забуду я волевого снайпера, мужественного сына бурятского народа Цирандыша Доржиева, его последователя В. Н. Горбулева. Доржиев истребил 180 фашистских солдат и офицеров и был награжден орденом Ленина.

В ночь на 24 августа дивизия в районах Парфино, Шпалозавода переправилась на восточный берег р. Ловати. Днем раньше переправились через реку тылы дивизии: артпарковый дивизион, 106-й отдельный ремонтно-восстановительный батальон, 326-й походный хлебозавод и 357-й медико-санитарный батальон. Исключительную находчивость и организованность при переправе проявил командир 371-го отдельного саперного батальона старший лейтенант Петр Иосифович Обуховский. Сам он страстный охотник, и ему, по-видимому, не раз приходилось вплавь доставать из болот и бурных речек подстреленную дичь. Под руководством П. И. Обуховского пехотные подразделения были переправлены на подручных средствах, а артиллерия и машины - по железнодорожному мосту.

Успешно переправившиеся части заняли оборону на рубеже р. Пола, ст. Пола. В тот же день противник силами 19-й пехотной дивизии при поддержке 15 танков обрушился на нашу оборону. Атака следовала за атакой. Личный состав нашей дивизии и здесь мужественно отражал натиск врага, но уже к вечеру все боевые подразделения дивизии вели бой в полуокружении. Единственным выходом к линии фронта для нас оставался лес с большим болотом, называемым Невий Мох. При отражении атак врага почти полностью были израсходованы боеприпасы, из строя вышла рация. Создалась крайне тяжелая обстановка. Не скрою, тяжело было на душе. Мы были в ответе за людей, за боеспособность дивизии, за выполнение ею боевых задач.

Собрали коммунистов и боевой актив, информировали их о создавшемся положении. С. Г. Штыков отдал приказ, смысл которого заключался в том, чтобы взять на строгий учет продовольствие "НЗ" и боеприпасы; снаряды и патроны расходовать только по распоряжению командования дивизии; раненых сосредоточить в одном месте. По уходу за ранеными выделялась команда, в обязанность бойцов этой команды вменялся также сбор клюквы как прошлогодней, так и этого года, хотя она и была еще совсем зеленой.

Части получили задачу проложить через болотистый лесной участок дорогу-лежневку и круглосуточно вести разведку.

Шесть суток дивизия находилась в окружении, в течение этого времени она совершила 30-километровый переход по болотной топи. Особенно нас выручила 15-километровая лежневая дорога, созданная частями дивизии. Вышли из окружения, не потеряв ни одного пулемета, и вынесли всех раненых.

Выходу из окружения газета "Знамя Советов" 11-й армии посвятила большую статью. В статье отмечалось: "Бойцы и командиры блестяще провели 30-километровый марш через леса и болота... Так бесславно закончилась попытка врага окружить наши части, взять их в "клещи".

Волнующей, трогательной была встреча личного состава дивизии с командующим 11-й армией генерал-лейтенантом В. И. Морозовым. Полковник С. Г. Штыков доложил о составе дивизии и об имеющемся вооружении. Генерал объявил личному составу дивизии благодарность и приказал представить отличившихся к награде, а также письменно доложить о вооружении, боеприпасах.

В рапорте Военному совету армии мы писали, что 202-я моторизованная дивизия в многочисленных боях потеряла почти весь кадровый состав.

В августе - сентябре 1941 г. дивизия была переведена на штаты стрелковой дивизии с сохранением названия 202-я. В дивизию входили три полка. К имеющимся 645-му и 682-му стрелковым полкам добавился еще и 1317-й стрелковый полк, ранее (21-й мотострелковый полк) входивший в 28-ю танковую дивизию, которая также была преобразована и стала называться 241-й стрелковой дивизией.

2 сентября 1941 г. дивизия заняла оборонительный рубеж западнее м. Лычково, ст. Лычково, а 9 сентября части Северо-Западного фронта окончательно остановили врага.

В начале сентября 1941 г. дивизия обороняла рубеж: Лычково, ст. Лычково, Кневицы, Выдерка, Вершина. Гитлеровцы рвались на Валдай, и 682-й полк, как и другие части дивизии, отражал их натиск. Бои в этом районе носили особенно ожесточенный характер. Отважно дрался командир роты этого полка младший лейтенант Черниченко, он лично уничтожил пять фашистских солдат, подбил танк и погиб сам как герой. С гибелью командира среди бойцов произошло замешательство, а фашисты пошли в атаку снова. В эту критическую минуту комиссар полка батальонный комиссар Иван Николаевич Калябин лично возглавил большую группу бойцов и командиров из разных подразделений. Группа контратакой отбросила фашистов на исходные позиции, но под прикрытием танков они возобновили атаку. Комиссар разрядил по врагам несколько автоматных дисков, бросил четыре гранаты в надвигавшийся на него танк, но был ранен в позвоночник. Теряя сознание, он успел крикнуть: "Бейте фашистских гадов!"

Вынес Калябина с поля боя отважный сын осетинского народа, военфельдшер Битов, тоже мужественный человек. 25 бойцов и командиров, раненных в этом бою, вывел он с их оружием в укрытие. Впоследствии Иван Николаевич Калябин был награжден орденом Красного Знамени.

О боевых действиях 202-й и о мужестве ее личного состава часто писали центральные и фронтовые газеты, сообщалось в сводках Совинформбюро. За образцовое выполнение боевых заданий дивизия получила по специальному распоряжению Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина пять легковых автомашин ГАЗ-64.

С начала войны до сентября 1941 г. дивизия провела более 75 успешных боев и причинила большой урон фашистам. Враг потерял в этих боях свыше 10 тыс. убитыми, около 200 танков, сотни грузовых автомашин, броневиков, десятки орудий, сотни ручных и станковых пулеметов. Таков был итог боевых действий дивизии.

В течение осени и зимы 1941/42 г. дивизия занимала оборону по фронту от 20 до 23 км на рубеже ст. Лычково - Пустыня и далее на юго-восток от р. Пола. Населенные пункты: Кузьминское, Мал. и Бол. Калинец, Вершина, Беглово, Свинорой, Горчицы, Высочек, Пустыня неоднократно переходили из рук в руки. Частые осенние дожди и болотистые места в этом районе затрудняли маневрирование частей. Дороги были труднопроходимыми. В этих условиях все необходимое для передовой доставлялось вручную. Не было и сплошной линии обороны, оборонительный рубеж состоял из отдельных узлов сопротивления с насыпными огневыми точками и с такими же огневыми позициями артиллерии. Многие блиндажи были на сваях.

Действовали, как правило, мелкими группами: взвод - рота. Часто проводилась разведка боем, силой до полка. Бывало и так, что часть сил дивизии выделялась на участки обороны, занимаемые другими соединениями. Так, по распоряжению Военного совета фронта 652-й гаубичный артполк, которым в это время командовал капитан Л. Н. Евсеев, действовал в составе отряда генерала А. С. Ксенофонтова. Воины полка овладели д. Белый Бор, полностью разгромили там врага, пленили 13 вражеских солдат и 2 офицеров и захватили трофеи: 20 повозок, 12 автомашин, 5 мотоциклов, пушку-гаубицу и 12 противотанковых ружей.

В дивизии хорошо знали бывалого солдата - командира отделения разведки первой батареи этого полка Федора Алексеевича Шейко. Был он смелым находчивым разведчиком, а в сложившихся условиях выполнял роль и командира орудия, и наводчика, и заряжающего. Не раз ходил он в тыл врага и добывал ценные сведения. Противник со стороны ст. Лычково часто совершал огневые налеты на позиции артиллеристов, обстреливал дорогу, которая вела на передовую наших полков. Мы несли большие потери.

Командир первого дивизиона 652-го гаубичного артполка капитан В. И. Овсянников поставил Ф. А. Шейко задачу найти немецкого корректировщика. Вместе с красноармейцем своего отделения Николаем Беловым, колхозником Ивановской области, Ф. А. Шейко проник в тыл врага и успешно выполнил поставленную задачу. Артналетом дивизиона наблюдательный пункт вражеского корректировщика, четыре огневые точки и огневые позиции батареи были уничтожены. За успешное выполнение боевого задания командования, за успехи в других боях в тылу противника Ф. А. Шейко был награжден орденом Красного Знамени. Боевой путь с начала и до конца войны

прошел разведчик Ф. А. Шейко, его грудь украшают многие ордена и медали.

Не раз проявлял боевую удаль и разведчик Н. П. Никольский. Он, действуя в составе разведгруппы, проник в д. Кневицы, которую занимали гитлеровцы. Снял двух часовых, охранявших штаб, забросал гранатами дом и поджег его. В этом ночном поиске разведгруппа разгромила фашистский штаб, уничтожила более 80 гитлеровцев. С нашей стороны были ранены два человека.

Прочность обороны дивизии, ее сила основывались и на хорошо организованной системе огня, на том, что огонь сочетался с маневром. В этом была заслуга не только командира дивизии, но и начальника штаба полковника Александра Александровича Ивановского и многих других командиров и политработников, которые умело организовывали боевые операции, проводили многостороннюю партийно-политическую работу в подразделениях и частях.

Во многом успеху содействовала и наша разведка. Среди разведчиков были люди, которые неоднократно сутками бывали в тылу врага, имели на своем счету по нескольку "языков". В числе разведчиков была, например, Валентина Серухина, которую бойцы в шутку прозвали Володькой Рыбинским. Эта 17-летняя девушка из г. Рыбинска пешком пришла на фронт и показала себя мужественным разведчиком. Впоследствии она была награждена орденом Красной Звезды.

И здесь снова хотелось бы сказать доброе слово о нашем комдиве. С. Г. Штыков вкладывал всю душу в организацию боевых действий дивизии. Он не был слепым исполнителем приказа, а старался выполнять его самым разумным способом, "малой кровью", как он говорил. Вспоминается, например, такой случай. Из корпуса пришел приказ: отойти, взорвав переправу через р. Шелонь. Но и комдив, и другие штабные и политработники видели, что натиск врага ослаб, что оборону дивизии ему уже не сломить. И Штыков доказал это, хотя штаб корпуса предупреждал его о персональной ответственности. Помню, как он однажды ответил на это: "А я все свои действия считаю ответственными". И бои продолжались, дивизия по-прежнему перемалывала живую силу и технику врага.

Трудные задачи пришлось решать и нашим медицинским работникам. Они успешно справлялись со своими обязанностями. Но им часто приходилось брать в руки автомат и отражать атаки гитлеровцев, прорвавшихся на полковой медицинский пункт (ПМП). В боях под Старой Руссой исключительную заботу о раненых бойцах и командирах проявил военврач 645-го

стрелкового полка С. И. Городецкий. Он, мужественно отражая вражескую атаку, сумел эвакуировать всех раненых с ПМП полка. В этом бою в районе д. Калиткино С. И. Городецкий был тяжело ранен. Незадолго до этого он подал заявление о приеме в партию.

В боях под Лычково мужественно выполняла свои обязанности санинструктора Валя Тишенко. Под огнем врага она выносила раненых с поля боя, оказывала им первую медицинскую помощь. Отважная девушка однажды была тяжело ранена, но, придя в сознание, она спросила комиссара: "Как кончился бой?"

У нас не было ни одного случая несвоевременного выноса раненых с поля боя. И в этом состоит большая заслуга командира 357-го медико-санитарного батальона врача Ф. Л. Лойко (впоследствии он стал нашим дивизионным врачом). Медсанбат после Ф. Л. Лойко возглавил врач И. И. Шлейфман, также не раз проявлявший солдатскую доблесть и отвагу.

С января 1942 г. части дивизии во взаимодействии с другими соединениями 34-й армии участвовали в боях против 290-й немецко-фашистской дивизии. 645-й стрелковый полк с одним батальоном 1317-го стрелкового полка в ночь с 7 на 8 января прошел через болото Невий Мох и углубился на 20 - 30 км в расположение противника. Образовался коридор шириной 2 - 3 км. Но нам не удалось провести по этому коридору подразделения 682-го стрелкового полка и развить успех.

Противник после сильного артиллерийского налета перешел в контратаку. 682-й стрелковый полк, понеся большие потери, отошел в исходное положение. Снежный покров на болоте доходил до 80 см, что сильно затрудняло наступление полка.

645-й стрелковый полк, продвигаясь вперед, занял д. Беглово. Гитлеровцы предприняли отчаянную попытку выбить подразделения полка из деревни. Во время отражения атаки был убит командир 645-го стрелкового полка майор Иван Александрович Лобода. Эта была тяжелая для нас утрата, мы потеряли талантливого командира. Только через двое суток заместителю командира полка майору Семену Теодоровичу Натарашвили с группой автоматчиков удалось пройти линию фронта и вступить в командование полком.

Смелость Натарашвили, о которой я уже говорил, не знала границ. Под его командованием полк действовал в тылу врага около 50 дней и за это время освободил 16 населенных пунктов. В тяжелых условиях боя большую находчивость проявлял воспитанник Воронежского медицинского института, старший врач полка, военврач 3-го ранга Исаак Исаакович Шлейфман. Он сумел организовать переброску раненых через линию фронта. Санчасть полка оказывала медицинскую помощь и населению

освобожденных от оккупантов деревень. За выполнение боевого задания командования, за успешное лечение раненых в тылу врага Шлейфман был награжден орденом Красного Знамени.

Большую помощь медицинским работникам дивизии оказывал начальник медицинского управления фронта генерал-майор медицинской службы Модест Абрамович Шамашкин. Это по его инициативе фронтовой авиацией эвакуировались в госпитали раненые 645-го стрелкового полка, когда полк действовал в тылу врага.

Действия полка сыграли решающую роль в нанесении поражения 290-й пехотной дивизии врага. Полк, вклинившись в расположение противника, перехватил его выгодные коммуникации на стыке между частями 290-й и 30-й дивизий и тем самым затруднил маневрирование фашистских войск, идущих на поддержку 290-й пехотной дивизии.

За смелые и успешные действия в тылу врага 645-й стрелковый полк был награжден орденом Красного Знамени. Орден Красного Знамени был вручен и командиру полка С. Т. Натарашвили. В условиях Северо-Западного фронта, где нам приходилось в основном обороняться, такое событие можно считать исключением.

За умелое и длительное командование дивизией С. Г. Штыкову 1 ноября 1942 г. Советское правительство присвоило звание генерал-майора.

В ноябре 1942 г. дивизия разгромила врага в сильном его опорном пункте и освободила д. Пустыня Полавского района под Новгородом. Деревня, расположенная на возвышенности, вклинивалась в нашу оборону. Жителей деревни гитлеровцы угнали в Германию, а оставшихся стариков, женщин, детей выселили и в каждом доме оборудовали огневые точки с несколькими пулеметами.

В начале месяца мы получили пополнение, в том числе моряков Черноморского флота. Моряки у нас прошли подготовку, мы ознакомили их с обстановкой на занимаемом дивизией рубеже.

22 ноября при поддержке артиллерии и залпа гвардейских минометов "катюш" решительной атакой деревня была занята. Удар был внезапным. Как живые, встают сейчас передо мной бегущие вперед бойцы и слышится нарастающий крик: "Ура!" Многих мы недосчитались в бою, но дивизия и в этом случае не уронила своей славы. И как всегда, навстречу пулям, взрывам снарядов впереди шли коммунисты и комсомольцы. И сейчас я вспоминаю их, героев, которые своим примером, мужеством, страстным словом сплачивали бойцов, вели их через трудности,

помогали драться до последнего.

В бою за д. Пустыня был полностью уничтожен фашистский гарнизон. Трофеи составили около 200 станковых и ручных пулеметов, 5 орудий и много другого вооружения.

Когда вспоминаешь об этих днях, в памяти встают герои боев, всплывают десятки фамилий, имен, подвигов. Вот, к примеру, однажды младший политрук Н. Д. Черепанов, возглавив взвод, устроил засаду. Героически сражался взвод: уничтожил две роты фашистов. Сам Черепанов в этом бою заколол штыком гитлеровского офицера. Красноармеец Николай Сергеевич Шеремет в одной из рукопашных схваток также штыком уничтожил пять фашистов. Смертью героя пал в бою в районе Лычково младший политрук А. И. Круглов. Несколько раз он водил роту в атаку, сам уничтожил лично 15 гитлеровцев.

Всех, конечно, не перечислишь. Героизм, как я уже говорил, был массовым. Во время боев росли ряды коммунистов. А став коммунистами, бойцы умножали свое мужество, дрались до последнего. На каждой высотке, отмеченной на карте маленьким тригонометрическим значком, они стояли насмерть.

Таких людей не забывают. Они живут в памяти отца, потерявшего сына, и в памяти сына, потерявшего отца. Они живут в памяти матерей и вдов, братьев и сестер, боевых товарищей и друзей.

Нам, ветеранам дивизии, никогда не забыть и павшего в бою генерала Серафима Григорьевича Шлыкова, с которым мы вместе делили все тяготы фронтовой жизни.

В конце декабря 1942 г. Северо-Западный фронт перешел в наступление против демянской группировки противника. Наша дивизия действовала в районе Сафронково. Шла ожесточенная борьба за одну из высот на фланге прорванного переднего края вражеской обороны. Утром 9 января 1943 г. 202-я дивизия штурмом овладела высотой. Но к вечеру гитлеровцы подтянули большие резервы с тяжелой артиллерией и восстановили положение. При повторном штурме высоты Серафим Григорьевич, руководивший атакой, был сражен вражеским снарядом. Этим снарядом был тяжело ранен и начальник артиллерии дивизии полковник Федор Тарасович Дахновский, впоследствии в апреле 1945 г. удостоенный высокого звания Героя Советского Союза.

Смертью храбрых пали в том бою боевые соратники генерала Штыкова командир 645-го стрелкового полка подполковник Степан Федорович Чередниченко и командир 682-го стрелкового полка подполковник Андрей Андреевич Москвин.

Молча, обнажив головы, стояли у могилы командира дивизии бойцы и командиры... Шквал огня всей артиллерии и минометов

обрушился на противника как возмездие за гибель комдива, и части дивизии решительной атакой обратили фашистов в бегство.

После войны, в 1946 г., прах генерала С. Г. Штыкова заботливые руки местных жителей перенесли на новое братское кладбище у д. Борки Старорусского района Новгородской области.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 февраля 1943 г. генерал-майор С. Г. Штыков посмертно был награжден орденом Ленина.

Шли месяцы, дивизия успешно выполняла боевые задания на фронте, гнала гитлеровских оккупантов из пределов нашей Родины, освобождала от фашистских захватчиков народы Румынии, Венгрии, Австрии. В дивизию из глубокого тыла поступало пополнение, возвращались в строй после ранения бывалые солдаты, командиры, политработники. Они шли умножать славу дивизии в последних боях с гитлеровской Германией. За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте, за героизм ее личного состава дивизия награждена боевыми орденами Красного Знамени, Суворова II степени, Кутузова II степени и удостоена почетного наименования "Корсунь-Шевченковская". Командиру дивизии генерал-майору Ивану Михайловичу Хохлову в апреле 1945 г. было присвоено звание Героя Советского Союза.

Мне, близко знавшему Серафима Григорьевича, приятно знать, что на его родину в адрес красных следопытов идут письма и воспоминания боевых товарищей генерала, которые гордятся своей дивизией. В г. Карабаново Владимирской области, где родился С. Г. Штыков, его именем названа одна из улиц. Во всех школах, в доме пионеров его подвигам посвящены специальные стенды.

Четверть века прошло с той поры. Уходят годы, седеют головы бойцов. Растет новое поколение, которое должно знать, как сражались с врагами нашей Родины их отцы и деды, как мы прощались со своими боевыми друзьями, как расписывались на стенах рейхстага.

По трудным дорогам шли мы к Дню Победы. С. Г. Штыков не дожил до этого светлого дня. Но и в тяжелую годину отступления, когда воины опускали головы, чтобы не видеть глаз женщин и детей в оставляемых нами городах, в пору, когда приходилось жечь спелые хлеба и взрывать заводы, мы знали: придет наш час! Выстоим, добудем победу!

Г. Н. Шинкаренко

Коммунисты и комсомольцы 188-й стрелковой дивизии

Шел январь 1942 г. Зимнее солнце склонилось уже к западу,

когда на горизонте, освещенном холодными оранжевыми лучами, пробивавшимися сквозь снежные облака, внезапно возник и потянулся за самолетом, подобно траурной ленте на кумачевом полотнище, след густого дыма. Сверху над ним кружили два только что совершивших свое черное дело фашистских стервятника.

В трех-четырех километрах северо-восточнее д. Вороново горящий самолет с холодеющим телом пилота врезался в мерзлую, заснеженную землю. А некоторое время спустя в штаб 84-й стрелковой дивизии, где я находился в командировке, пришла огорчившая всех воинов Северо-Западного фронта тяжелая весть: погиб Тимур Фрунзе.

Приказ о вызове в политический отдел армии застал меня - помощника начальника политотдела 11-й армии по комсомолу - в момент скорбных размышлений, вызванных этим известием. Юность погибшего и тяжелое сочетание мрачного понятия "смерть" со светлым и вечно живым в памяти народа именем полководца больно щемили сердце. От обиды за наши неудачи в борьбе против захватчиков сжимались кулаки.

По пути в приильменское село Лажины, где тогда располагалось полевое управление армии, перебирая в памяти текст телеграммы я обнаружил некоторую неясность в причине вызова: "для доклада" говорилось в ней, но о работе группы работников политического отдела и положении в дивизии я докладывал только утром. Ничего нового за это время не произошло. Естественное любопытство на какое-то время овладело мыслями. Но пережитое накануне и крайняя усталость постепенно его погасили. С приездом в армию "тайна" вызова быстро прояснилась. Выслушав наспех, и, очевидно, больше для формы мой доклад о работе и положении в дивизии, член Военного совета армии дивизионный комиссар С. Е. Колонин, к которому я явился, объявил решение о назначении меня начальником политотдела 188-й стрелковой дивизии. С вышестоящими инстанциями вопрос уже был согласован и потому, очевидно, он даже не спросил меня о согласии.

- Дивизию, - сказал он, - ты, кажется, знаешь. Положение на фронте то же. Чем и как заниматься, думаю, тебе тоже ясно. Части дивизии продолжают бои за Старую Руссу. Задача политического отдела - поднять наступательный дух войск и добиться успеха. Военный совет надеется, что доверие ты оправдаешь и не станешь отказываться, как в прошлый раз.

От члена Военного совета я зашел к командующему армией генерал-лейтенанту Василию Ивановичу Морозову. Несмотря на крайнюю усталость и занятость боевой работой, встретил он меня

с большой теплотой, по-отечески. Рассказал о положении на фронте, трудностях армии, о моей роли и задачах в дивизии.

- Недавно, - как бы размышляя вслух, сказал командующий, - погиб командир дивизии полковник Т. И. Рыбаков. Жаль, хороший был товарищ. Принял и уже несколько дней командует дивизией генерал М. Н. Клешнин. Вы его, кажется, знаете. Полком он командовал хорошо. Смелый, боевой генерал. Надо помочь ему поскорее освоиться в новом для него коллективе.

Под конец беседы командующий вспомнил первые дни войны. Переживал он сильно за дочь, которая осталась на оккупированной территории. Буквально накануне войны она была назначена вожатой в пионерлагерь ЦК комсомола Литвы и уехала к месту работы в Палангу, а вернуться оттуда не смогла, не успела. Все попытки как-то узнать о ее судьбе результатов не приносили.

С гордостью за доверие и вместе с тем с чувством утраты чего-то близкого ушел я от командующего. Жаль было расставаться с этим душевным человеком, с полюбившимся мне коллективом и работой, которая мне нравилась. Именно это было причиной моего отказа от должности начальника политотдела одной из дивизий в сентябре 1941 г., о котором напомнил мне член Военного совета.

Наскоро сдав дела "армейского комсомольца" и простившись с товарищами, уже на следующий день мы вместе с полковым комиссаром А. Е. Лукашевичем заместителем начальника политотдела армии - выехали в дивизию.

... Скрипел, переваливаясь по снежным ухабам оз. Ильмень и р. Ловать, кузов старенького армейского газика. Надрываясь, нервно гудел его мотор. Разговаривать было трудно, да и не хотелось. Поеживаясь от мороза и кутаясь в полушубок, каждый из нас все глубже погружался в свои мысли. Сосед мой вскоре задремал. На фронте поездка нередко была единственной возможностью немножко поспать, хоть как-то восполнить длительное и систематическое недосыпание.

Мои мысли все больше сосредоточивались на дивизии, на новой работе. Память воскрешала детали знакомой картины, истории создания и боевых действий дивизии, которая надолго должна была стать родным и близким домом. Как совсем что-то далекое вспомнилось посещение дивизии вместе с начальником политотдела армии бригадным комиссаром М. В. Рудаковым ранней весной 1941 г., когда на базе 11-й мотострелковой бригады и некоторых армейских частей создавалась 188-я стрелковая дивизия. Севернее Каунаса в это же время формировалась танковая дивизия. Началось строительство

укреплений на границе. Все это были звенья большой цепи мероприятий партии и правительства по подготовке страны к обороне.

Формирование дивизии, как и положено, прошло в целом организованно, но завершено было только в основном: недоставало до штата автотранспорта и некоторого вооружения. Впереди были еще все заботы по обучению личного состава и сколачиванию подразделений. В середине мая дивизия вышла в летние лагеря в районе ст. Козлово Руда, в 45 - 50 км от государственной границы. Лагеря пришлось оборудовать заново и потому на боевую подготовку времени оставалось очень мало. Вскоре три батальона (по одному от каждого стрелкового полка и один артиллерийский дивизион) заняли оборону на госгранице.

Незадолго до начала войны с группой работников политотдела армии мы снова побывали в этой дивизии.

В 3 часа 45 минут по пограничным заставам и обороне батальонов открыла огонь вражеская артиллерия. Всем стало ясно: началась война.

Как бы в противовес чарующим краскам быстро приближавшегося восхода по-летнему ласкового утреннего солнца, несшего с востока радость и жизнь людям, фашисты на западе зажгли разрушительное пламя военного пожара, неся им тяжелые испытания, горе и смерть. Зловещая пляска смерти переступала порог нашей Родины. Обещанный вчера еще синоптиками яркий солнечный день положил начало тяжелой и длинной ночи военных испытаний.

Лавина двух пехотных и танковой дивизий 16-й полевой армии и 3-й танковой группы, поддержанная большим количеством самолетов, начала наступление в полосе действий трех батальонов.

Вскоре командирам полков позвонил командир дивизии. Осведомившись об обстановке, он приказал: "Держитесь! Все части дивизии выступают из Козлово Руда". К сожалению, телефонная связь вскоре прервалась, а все попытки установить ее другими средствами оказались безрезультатными. Мы поняли, что главные силы дивизии не смогут вовремя выйти к границе. Грязный поток фашистской нечисти здесь суждено было встретить лишь пограничникам и воинам подразделений, находившимся на оборонительных работах.

Воины частей вместе с пограничниками стойко и героически отстаивали священные рубежи Родины. Много лет спустя мне довелось побывать на месте прошлых боев в г. Кибартай и слышать полные гордости за наших воинов рассказы местных жителей. Тогда же я узнал и имена пограничников - майора

Андриенко, лейтенанта Звездинова, комсомольцев-рядовых Григория Песчаного, Артема Амелькина, Василия Моргунова и Григория Лазо, которые больше суток заставили фашистов далеко обходить комендатуру и мост на шоссе.

С первых минут войны вступила в бой и рота лейтенанта Н. Ф. Куличева из батальона 523-го стрелкового полка, которым командовал старший лейтенант М. И. Дудов. Используя строящиеся укрепления, бойцы роты вместе с пулеметчиками лейтенанта М. Г. Побияха встретили гитлеровцев огнем винтовок и 12 пулеметов. Особенно метким был огонь пулеметчиков-красноармейцев Алексеева, Н. Н. Адашвили. Сотни фашистов уже в этом бою закончили свой грабительский поход. Тысячи других, пренебрегая опасностью, подобно саранче, продолжали лезть на нашу землю.

В напряженном бою быстро таяли боеприпасы. Выручил старшина Н. Р. Хлызов, доставивший патроны из тыла дивизии. Пограничники помогли ручными гранатами. Все новые волны фашистской нечисти захлебывались в потоке свинца наших стрелков и пулеметчиков. Видя безуспешность атак, фашисты вызвали авиацию.

Вслед за бомбардировщиками пошли танки. Не имея противотанковых средств, бойцы вели огонь по ним из стрелкового оружия, стремясь поразить экипажи сквозь смотровые щели. Несколько танков остановилось. Другие продолжали двигаться. До последней возможности вел огонь по атакующим танкам и пехоте красноармеец комсомолец Умеров, погибший под гусеницами фашистского танка. Доблестный сын узбекского народа пулеметчик Умеров, как и многие его боевые друзья, стоял насмерть. Только после второго ранения позволил вынести себя с поля боя командир взвода лейтенант Д. К. Дугин. Но остановить танки все же не удалось. Они прошли. Однако и после этого стойкость защитников не была сломлена, и фашистские захватчики, прижатые к земле огнем наших воинов, вынуждены были начать зарываться в землю.

К сожалению, вдоль шоссейной и железной дороги Вержболово - Кибартай вражеским танкам и мотопехоте в обход комендатуры удалось прорваться сравнительно быстро. Слева наступали другие части врага. Рота лейтенанта Куличева оказалась обойденной с обоих флангов. Через какое-то время фашистские автоматчики появились и в ее тылу. Связи с командирами полка и батальона уже не было. В создавшейся обстановке на всем фронте оставался один выход: отходить.

Трудной была эта задача. Численно превосходивший враг наседал с фронта, в тылу и на флангах было также много войск

противника. Однако воины героической роты, прикрываясь огнем пулеметов, отходили перекатами от рубежа к рубежу. Основой успеха было искусство и мужество бойцов и командиров. Когда путь роте преградил минометный огонь врага с тыла, командир роты приказал заместителю политрука Ивану Андреевичу Зубу и красноармейцу Середе скрытно пробраться к батарее и уничтожить ее. Маскируясь в зреющих хлебах и кустарниках, смельчаки незаметно приблизились к минометам и уничтожили гранатами их расчеты. Комсомолец из Сибири Зуб и украинец Середа по виду были совсем мальчиками и еще вчера трудно было представить их в роли отважных бойцов. В роту Зуб вернулся один. Его боевой друг Середа погиб в бою, но путь роте был расчищен.

Кровопролитным и упорным был бой и на фронте двух других рот, располагавшихся в глубине батальонного района. Пулеметчики рот Кукса, Белый, Цымбал, Крайний, Иванов и Обухов буквально в упор расстреливали фашистов.

Большую помощь стрелковым подразделениям оказал меткий огонь артиллеристов старшего лейтенанта В. М. Романенко. Неся потери от огня дивизиона, фашисты несколько раз бомбили и обстреливали огневые позиции батарей. В дивизионе были убиты все лошади, погибли многие бойцы. У орудия за наводчика вынужден стать и подбил два вражеских танка сам командир дивизиона, но орудия по-прежнему продолжали вести губительный огонь.

Около 8 часов утра в районе огневых позиций дивизиона появились вражеские автоматчики. В бою с автоматчиками погиб командир дивизиона старший лейтенант В. М. Романенко. Еще больше поредели ряды расчетов. Вскоре замолкли все орудия, обороняющаяся пехота оказалась без поддержки артиллерии.

Некоторое время спустя группа вражеских автоматчиков вышла на командный пункт командира батальона. Отбив их атаку, батальон огнем стрелкового оружия и пулеметов еще несколько часов сдерживал натиск гитлеровцев. Сотни фашистов нашли свой конец при попытке сломить сопротивление наших воинов. И все же в конце концов батальон, понеся тяжелые потери, вынужден был отступить.

С первых минут войны вступили в бой воины и двух других батальонов. В тяжелом положении оказались роты второго батальона 595-го стрелкового полка, растянутые на широком фронте. Однако и на этом участке врагу дорого обошлась его наглость. Несколько часов воины батальона сдерживали атаки фашистов. Пренебрегая опасностью, до последней возможности их били стрелки и пулеметчики. Красноармеец Кохар Салиев не

прекратил огня из пулемета, даже будучи тяжело раненным. Много вражеских солдат уничтожили из своих орудий артиллеристы лейтенанта И. И. Глушко.

В момент особого напряжения, когда уже значительно ослабли силы защитников, ранило командира шестой роты лейтенанта В. М. Солыгу. В бою за пулеметом, расчет которого уже погиб, тяжело ранен командир батальона старший лейтенант Гудков. Возникла опасность замешательства. Подлинное мужество в этот момент проявил находившийся в батальоне старший инструктор политического отдела дивизии старший политрук Н. П. Чалый. Видя опасность, он поднялся во весь рост навстречу врагу и с криком: "Ура! За Родину!" увлек воинов в контратаку. Штыком и огнем они восстановили утраченное положение.

Под командованием старшего лейтенанта С. М. Упирова храбро дрались с врагом и воины второго батальона 580-го стрелкового полка. Многие воины, в их числе командир пулеметного взвода лейтенант В. И. Петров, погибли в бою, но не отступили.

Быстро по сигналу тревоги поднялись штаб дивизии и части, находившиеся в лагерях. В 5 часов утра их колонны уже были на марше к границе. Однако действия вражеской авиации и диверсионных групп противника сильно замедляли движение. Только к середине дня восточнее Вильковишки передовые части вступили в бой с врагом. До глубокой темноты пытались наши воины остановить захватчиков, нанося им значительные потери. Однако в условиях крайнего неравенства сил, отсутствия заранее организованной обороны и сплошного фронта поспешно выдвинутые войска оказались лишь отдельными островками на пути фашистского наступления.

Прохлада раннего утра давно сменилась жарой летнего дня, когда остатки батальонов, обойденные врагом со всех сторон, истекая кровью, вынуждены были отступить. Но воля оставшихся не была сломлена. Уже после получения приказа об отходе курсанты полковой школы комсомольцы Левченко и Ущиповский попросили адъютанта батальона лейтенанта Н. И. Пелевина разрешить задержать огнем своего пулемета колонну гитлеровцев, двигавшихся по шоссе.

Тяжелым был этот бой двух смельчаков с целым подразделением врагов. Хорошо замаскировавшись, они почти вплотную подпустили колонну и открыли огонь по гитлеровцам буквально в упор. Десятки фашистов тут же свалились замертво, другие в панике метались по полю в поисках укрытия. Не менее сотни фашистских захватчиков остались на поле боя.

К исходу дня на всем фронте части дивизии вынуждены были отступить к району летних лагерей. Используя темноту, отходили и остатки подразделений, встретивших врага на границе. 25 - 26 июня части дивизии вместе с другими соединениями армии вели упорные бои севернее Каунаса в районе Ионава, где к основным силам дивизии вместе с командиром 523-го стрелкового полка майором И. И. Бурлакиным присоединились остатки батальона Дудова.

Обескровленные в предшествующих боях части не теряли боевого духа и веры в успех, а, почувствовав подход свежих сил, делали все возможное, чтобы остановить врага. С особым упорством и умением сражались воины второй стрелковой роты 595-го стрелкового полка под командованием лейтенанта Г. А. Алиева. Сотни трупов оставил противник перед позициями роты.

Уже после войны, прочитав высказывание фашистского генерала фон Типпельскирха о том, что "в полосе наступления 16-й армии сопротивление было особенно сильным" и немцам не удалось, как намечалось, осуществить уничтожение крупных наших сил, я с гордостью подумал: в этом есть какая-то доля заслуги и воинов 188-й стрелковой дивизии.

Со 2 по 8 июля части дивизии, продолжая отход, с боями переправлялись через Западную Двину; 13 июля дивизия получила задачу - принять фронт обороны 21-го механизированного корпуса, который привлекался командующим армией для участия в контрударе. Заняв оборону в районе Герусово и оседлав шоссейные дороги Опочка - Невель и Опочка - Новоржев, воины дивизии стали стеной на пути вражеского наступления.

Пять дней ослабленные и плохо обеспеченные части дивизии удерживали занимаемый рубеж, отражая яростные атаки врага. Десятки раз фашистские автоматчики и танки, поддерживаемые крупными силами авиации, атаковали наши позиции. Все больше и больше таяли ряды защитников, все меньше оставалось у них пулеметов и другого оружия, но оставшиеся в живых стояли насмерть. В ночь на 18 июля, когда в строю осталось совсем мало людей и на дивизию было всего лишь два исправных пулемета, командование дивизии пошло на хитрость. Решили ударом по вражескому тылу ослабить натиск с фронта. И вот два отряда по 30 человек под командованием капитана Б. И. Гальперина и старшего лейтенанта С. С. Сенина проникли в глубь расположения врага и смелым ударом разгромили штаб и тылы одного из полков 129-й пехотной дивизии противника. Одновременно воины 188-й дивизии перешли в контратаку с фронта.

И это спасло положение. Потеряв около тысячи солдат и офицеров, несколько танков и много другой техники и оружия, фашисты были вынуждены прекратить атаки на прежнем направлении. Наша же дивизия, отстояв позиции, захватила первые трофеи: 25 грузовых машин, 48 мотоциклов и многое другое. Однако изменение положения на других участках не позволило дивизии и дальше удерживать оборону на занимаемых рубежах. На обоих флангах дивизии противник был уже далеко в ее тылу. Вследствие этого дивизия получила задачу на отход в направлении ст. Локня.

Третьему батальону 523-го стрелкового полка под командованием капитана А. В. Серова была поставлена задача прорваться в тыл и разгромить в районе Кудеверь штаб 129-й пехотной дивизии, используя свое уступное положение и отсутствие сплошного фронта в боевых порядках противника. Батальон успешно выполнил задачу, уничтожив при этом свыше 150 гитлеровцев, и, захватив все документы штаба, 30 автомашин, вернулся почти без потерь.

В начале 20-х чисел июля по приказу командования армии дивизия провела успешные наступательные бои, чтобы не допустить выхода противника во фланг и тыл своих боевых соседей - 5, 23 и 33-й стрелковых дивизий в районе ст. Локня. В ходе этого наступления части дивизии продвинулись на 6 км, уничтожили до полутора тысяч гитлеровцев, захватили трофеи и вместе с частями 23-й и 33-й дивизий сорвали план противника. При этом особо отличился 580-й стрелковый полк подполковника В. В. Ефремова и разведывательный батальон дивизии под командованием капитана Б. К. Портнова.

В начале августа части дивизии вели упорные бои юго-восточнее г. Холм и оказались в окружении. Фашисты уже были готовы торжествовать победу, но это оказалось преждевременным. Проложив дорогу по болотам, в ночь с 5 на 6 августа части дивизии совершили смелый маневр, вышли на фланг 32-й пехотной дивизии противника и обратили в бегство ее пехотный полк. Больше 15 км с боями прошла дивизия, вернув свободу жителям Черновки, Стефановки и ряда других деревень. До 300 трупов оставили гитлеровцы на пути своего бегства. Оседлав шоссе Находь - Большое Устье и Находь - Каменка, дивизия больше месяца стояла щитом на пути вражеского наступления.

С начала июля 1941 г. дивизия входила в состав соседней 27-й, а затем 34-й армии и, естественно, не все страницы ее боевой истории были полностью известны соседям, а следовательно и мне. Из всех событий этого периода мне лучше были известны октябрьские бои дивизии.

16 октября фашистская группа армий "Север" после почти месячной паузы и всесторонней подготовки, усиления и перегруппировки войск начала новое наступление севернее оз. Ильмень в общем направлении на Тихвин. А на следующий день противник перешел в наступление и южнее оз. Ильмень. Замысел этого наступления преследовал далеко идущие цели - на севере глубоко обойти Ленинград с юго-востока и соединиться с финскими войсками на р. Свирь; частью сил, развивая наступление в юго-восточном направлении, окружить и уничтожить советские войска западнее г. Валдай и Бологое. В случае успеха Северо-Западный фронт лишался бы важного оперативного рубежа - Валдайских высот, а противник открывал бы себе путь для выхода в наши глубокие тылы, разрезал бы наши коммуникации и соединился с левым крылом группы армий "Центр", наступавшей на Москву.

Ранним утром 17 октября после 45-минутной артподготовки в полосе обороны 188-й и ее соседа - 245-й стрелковой дивизии перешли в наступление 12-я и 32-я пехотные дивизии врага. Гитлеровцы были еще полны веры в свои силы и не сомневались в успехе наступления, хотя продолжительное топтание на месте под Ленинградом и в полосе Северо-Западного фронта, по-видимому, уже как-то сказывалось на моральном состоянии фашистских войск. Очевидно, в этом одна из причин повышения заботы фашистского командования о подготовке наступления.

В захваченном нашими войсками приказе фашистское командование убеждало своих вояк: "Артиллерия противника предположительно будет подавлена до начала наступления. Противник в оперативном отношении подвергается окружению танковыми и моторизированными силами, идущими с юго-востока. Это важно знать пехоте". Солдатам и офицерам была обещана большая добыча, отпуска домой и даже... окончание войны.

Но фашистские генералы просчитались. Вражеское наступление в районе Тихвина и Калинина было вскоре остановлено. Попытка врага прорваться к г. Бологое южнее оз. Ильмень успеха вообще не имела.

Переждав в щелях и блиндажах артиллерийский обстрел, воины дивизии встретили атакующую пехоту и танки противника ураганным огнем. Успешно и мужественно боролись воины лейтенанта А. Ф. Величко. Бывший рабочий одного из заводов г. Днепропетровска Алексей Федорович Величко до войны окончил курсы "Выстрел". Он отличался не только военными знаниями, большой личной храбростью, но и необходимой в бою выдержкой. Всегда подтянутый и требовательный к себе и подчиненным, он

пользовался их заслуженным уважением. Казалось, чем-то похожими на него были и другие командиры батальона. Точнее: учебой и воспитанием он помогал им стать настоящими воинами. Как-то в конце августа в батальон после окончания медицинского техникума пришел совсем еще юный паренек Ваня Кроленков. А спустя несколько месяцев под Старой Руссой это уже был не только хороший медицинский работник, но и опытный, смелый воин. Он не был исключением. Очевидно, это играло не последнюю роль в том, что батальон сражался самоотверженно.

Противнику удалось вклиниться и несколько потеснить роту соседнего полка лейтенанта И. А. Порожнего. Но успех противника и здесь был кратковременным. Не выдержав дружной контратаки, он вынужден был отступить.

На одном из участков группе вражеских автоматчиков удалось прорваться и открыть огонь в нашем тылу. Некоторое время назад это могло иметь значение, теперь все переменилось. Высланная командиром дивизии группа истребителей под командованием старшего лейтенанта Ф. К. Лысенко быстро уничтожила фашистских автоматчиков.

Все последующие попытки врага прорвать фронт обороны дивизии также окончились для него безуспешно.

Несколько хуже сложилась обстановка на стыке и на участке соседней дивизии, где противнику удалось прорваться и захватить в нашем тылу д. Лобанове и несколько прилегающих к ней высот. Захватив Лобанове, фашисты быстро подтянули подкрепления, начали закрепляться. Одновременно с этим усилили атаки с фронта. Развитие прорыва в районе Лобаново грозило значительными осложнениями для всего фронта обороны. Надо было во что бы то ни стало выбить врага из этой деревни.

Командир дивизии полковник Т. И. Рыбаков вместе с комиссаром бригадным комиссаром Я. Г. Поляковым, внимательно оценив обстановку и используя резерв дивизии и полков, организовали наступление на Лобаново. Несколько наших атак противником было отбито. Но 20 октября десант бойцов во главе с сержантом И. В. Луховцом на танке ворвался в Лобаново и какое-то время держался там. Израсходовав боеприпасы, под натиском численно превосходящих сил противника группа вынуждена была отойти.

Наряду с атаками с фронта командир дивизии принял меры к тому, чтобы отрезать вражеский гарнизон от основных его сил с тыла. Еще в ночь на 19 октября в тыл противника был направлен батальон капитана И. Н. Еремина, а вслед за ним и отряд лейтенанта И. А. Порожнего.

Атаки с фронта в сочетании с действиями в тылу лишили фашистов возможности использовать Лобаново для развития наступления. Удержаться там они не смогли.

В боях за Лобаново гитлеровцы потеряли свыше двух тысяч солдат и офицеров. Почти полностью были разгромлены два батальона 28-го пехотного полка, один батальон 27-го пехотного полка 12-й пехотной дивизии и один батальон 32-й пехотной дивизии. О размерах вражеских потерь свидетельствует список одной из рот, найденный в полевой сумке убитого немецкого офицера Карла Ландера. В списке числилось 160 солдат и офицеров, против 104 стояла пометка "убит". Частями дивизии было захвачено 12 минометов, около 40 пулеметов и много другого вооружения и боеприпасов.

Бои за Лобаново - еще не самый лучший пример нашего боевого мастерства, но все же они свидетельствовали о массовом героизме солдат и командиров. Вот несколько эпизодов.

Небольшая группа бойцов во главе с сержантом А. Е. Беззубовым отразила атаку вражеского взвода. Подпустив врага на близкое расстояние, они буквально в упор расстреливали гитлеровцев. Заместитель политрука И. А. Сумарев в бою был ранен в руку. Командир предложил ему отправиться на медицинский пункт, но политрук остался в строю и уничтожил еще четырех фашистов.

17 красноармейцев во главе с младшим лейтенантом П. Н. Ткачом атаковали и разгромили более трех десятков вражеских автоматчиков, проникших в наш тыл. Смело действовал в бою подносчик патронов красноармеец Л. С. Иванов. Под сильным огнем ползком Иванов доставлял патроны пулеметному расчету. Находясь уже у цели, он был ранен. Перевязав рану, Иванов пополз обратно. Бой шел жаркий, патроны быстро иссякали, и пулеметчик попросил Иванова принести ему еще патронов. Никому не сказав о ранении, Иванов взял новую партию патронов и, превозмогая боль, доставил их пулеметчикам. Только после третьего ранения красноармеец Л. С. Иванов был отправлен на медицинский пункт.

Смелым воином и отличным политработником показал себя политрук роты младший политрук С. Л. Золотарев. Спокойный и неторопливый, он вместе с тем всегда вовремя успевал на самые опасные участки, принося всем дополнительный заряд смелости и уверенности в победе. Хорошо зная всех воинов роты, он умел для каждого из них найти нужное слово или даже жест, чтобы подбодрить или поощриить в успехе, поддержать советом при неудаче. Он часто рассказывал о подвигах и успехах товарищей, о новостях международной жизни, интересовался жизнью солдат. В

бою он нередко сам ложился рядом с бойцом и как бы между прочим учил его солдатскому искусству побеждать. За личную храбрость, участие, скромность и простоту воины награждали его своим уважением.

Красноармеец-сапер Г. С. Кулик много раз вызывался добровольцем ставить мины перед передним краем нашей обороны и на дорогах в тылу противника. Действия с минами, как известно, всегда связаны с опасностью, тем более если для этого надо пробираться в тыл противника. Но Кулик делал это с завидным спокойствием и будничностью. Он ходил на выполнение заданий, как ходят на обычную работу. В случае, когда его хвалили или восхищались его мужеством, он сильно смущался и с характерным украинским акцентом отвечал: "Ну що тут такого". Да, он, как и многие другие воины, воспринимал свою трудную и полную опасности службу, как простой воинский долг. В одном из боев Кулик был ранен. Но еще более тяжелое ранение получил командир взвода. Состояние Кулика едва позволяло ему двигаться самому, но он сумел не только сам выйти, но и вынести тяжело раненного командира взвода.

Очевидцы с гордостью рассказывали о действиях повара рядового Витушко, который умел доставлять бойцам горячую пищу даже в часы жаркого боя, о мужестве и стойкости воинов рот младшего лейтенанта Х. С. Дашьяна, лейтенанта С. А. Бондаренко, связистов лейтенанта И. С. Панкова и многих других.

Так я перебирал в памяти прошлое, думал и о будущем. Но вот вдали на горизонте начали угадываться очертания города. Машина выбирается из заснеженного русла Ловати и сворачивает на юго-восток. Дорога здесь идет по целине и наш газик с еще большим трудом преодолевает ее неровности. Шофер то и дело нажимает на педаль акселератора. От тряски и близких разрывов снарядов окончательно просыпается мой спутник. Оставшаяся справа Старая Русса, очевидно, пробудила в его сознании когда-то прочитанное описание дореволюционного города в повести М. Горького "Жизнь Клима Самгина", и он, потягиваясь и потирая затекшие ноги, спросил, помню ли я это.

Незаметно за разговорами мы подъехали к д. Подборовье. Толстый слой снега, подобно косметологу, прикрыл многие шрамы войны. Но одиноко торчащие холодные трубы когда-то горячих печей, заполнявшие большие промежутки между уцелевшими, но израненными домами с досками и кирпичом вместо стекол, напоминали и о былых размерах деревни и пережитом ею военном горе.

Повинуясь указке "Хозяйство...", мы свернули на бывшем когда-то перекрестке улиц опять в сторону фронта и вскоре

приехали в деревню, точнее на место, где когда-то была д. Талыгино. В одиноко стоявшем подобии домика и вокруг него располагался КП дивизии - конечный пункт нашего длинного путешествия. Командир и комиссар встретили нас радушно. Особо приятной мне была искренная радость командира дивизии генерала М. Н. Клешнина, с которым мы были знакомы раньше. На лице комиссара и некоторых других командиров мне бросилось в глаза выражение какого-то недоверия. Очевидно, мой юношеский вид не внушал сразу особого доверия.

Нужно сказать, что КП дивизии располагался на виду у противника, а поэтому нередко подвергался обстрелу. Но на это мало кто обращал внимания. Как бы между прочим со смехом и шутками нам рассказали, что незадолго до нашего приезда, в период обеда командования дивизии, один из вражеских снарядов пробил стену домика и, пронесясь над столом и головами обедающих, разорвался в соседнем помещении. К счастью, все обошлось благополучно. Никто не пострадал. Конечно, смелость эта была вряд ли оправданной, хотя и имела свои причины. Зима 1941/42 г. была суровая. Землянки еще рыть не приучились, больше тянулись в населенные пункты и за это часто расплачивались кровью. Потом научились и приучились рыть землянки. Вначале похожие на норы, а затем и настоящие.

Помню, уже как-то в середине февраля по пути в латышскую дивизию к нам заехали секретарь ЦК партии Латвии Ян Эдуардович Калнберзин и Вилис Тенисович Лацис в сопровождении трех товарищей. Погода к их приезду испортилась: началась сильная метель и они вынуждены были заночевать. Я. Э. Калнберзина расположили в землянке вместе с командиром дивизии, а В. Т. Лацис должен был ночевать у меня. Сам я решил уйти на ночь в комендантскую роту, поскольку размеры землянки не позволяли разместить на отдых двух человек, тем более что Лацис высокого роста.

Никому из нас раньше с ними встречаться не приходилось и поначалу, признаться, мы чувствовали себя не совсем хорошо из-за неудобного размещения латышских товарищей. Однако уже первые минуты общения рассеяли наше беспокойство. Товарищеская простота и теплота наших гостей быстро уничтожили тревогу, они буквально покорили нас. Рассказы о положении в тылу страны и положении на фронтах, воспоминания о дорогой всем нам Риге, оккупированной врагом, картины из личной жизни принесли нам много приятного, интересного. Разрывы снарядов и треск пулеметных очередей, чередовавшиеся с завыванием ветра, подобно аккомпанементу, сопровождали нашу беседу, постоянно напоминали о суровой

действительности и нашем солдатском долге. И мы не заметили как чуть было не прошла ночь.

Непогода и некоторые другие причины задержали у нас Яна Эдуардовича и Вилиса Тенисовича на целых три дня. Мы им сочувствовали, но в душе были рады: их присутствие нам было полезно и приятно.

Однако не будем нарушать хронологии: вернемся к нашему приезду в дивизию.

... В первый же день в порядке знакомства бригадный комиссар Я. Г. Поляков подробно рассказал мне о последних боях дивизии.

Из-под Лобанове дивизия ушла морозной декабрьской ночью и, совершив многокилометровый марш, сосредоточилась на берегу оз. Ильмень в районе деревень Маяты, Ложины, Веретье. Она снова перешла в подчинение 11-й армии.

Рассказ комиссара дивизии дополнял мои сведения о ее частях и ее последних боях. Я слушал его с интересом.

- Приказ командующего о переходе в наступление, - продолжал Яков Гаврилович своим неторопливым голосом, - восприняли в частях как долгожданный праздник. Уж больно сильно ненависть к врагам жгла душу каждого. Победы наших войск под Москвой окрылили всех и настоятельно звали нас в бой. Все ждали приказ о наступлении с величайшим нетерпением. На собраниях и митингах, посвященных этому событию, царил необычайный подъем и оживление. На глазах некоторых заметны были слезы радости и надежды.

С возросшей решимостью и твердой верой в успех оставили мы в ночь на 7 января район сосредоточения. Вместе с другими соединениями 11-й армии наша дивизия на льду седого Ильменя и рек Пола и Ловать начала наступление на Старую Руссу. Операция была задумана очень хорошо и явилась полной неожиданностью для противника. Поистине безгранично было желание воинов выполнить боевой приказ и их настойчивость в достижении победы.

Несмотря на бездорожье, трудные климатические условия и отчаянное сопротивление врага, полки дивизии продвинулись на глубину более 40 км. Освободили деревни Подборовье, Талыгино, Анишино, Иванково, Лысково, Красково, Крюково. Овладев железнодорожной платформой Анишино, перерезали железную дорогу Старая Русса - Лычково и две шоссейные дороги, связывающие Старую Руссу с деревнями Лычково и Залучье. В ходе боя было уничтожено около 500 солдат и офицеров противника, захвачено 5 пушек, 9 автомашин, склады интендантского и химического имущества, автомастерские,

несколько складов боеприпасов и свыше 30 пленных. Часть сил дивизии - батальон капитана А. Ф. Величко и некоторые другие - ворвались в Старую Руссу.

Пренебрегая опасностью, солдаты и командиры с необычайной настойчивостью атаковали противника. Многие из них, даже получив серьезные ранения, оставались в строю. О некоторых геройских поступках рассказал Я. Г. Поляков.

Парторг роты красноармеец А. Н. Беляев после гибели политрука и командира возглавил атаку роты, но вскоре был тоже ранен. Превозмогая боль, он взял ручной пулемет и до последней возможности поддерживал огнем наступление подразделения.

В бою за д. Медниково политрук роты автоматчиков Н. Е. Бараненков заменил погибшего командира роты лейтенанта И. Т. Горшу и, будучи раненым, несколько раз водил бойцов в атаку.

Во время боя за платформу Анишино пулеметчик 523-го стрелкового полка С. С. Антонов при отражении контратаки немцев уничтожил около 20 фашистов. За день боя он был трижды ранен. Однако до конца дня продолжал сражаться. Подлинный героизм проявил начальник штаба 1-го батальона 595-го стрелкового полка, бывший политбоец П. А. Ткач. В боях за д. Бряшная Гора он несколько раз личным примером увлекал в атаку бойцов и командиров и первым ворвался в Красные казармы в Старой Руссе. До конца боя оставались, несмотря на серьезные ранения, командир взвода комсомолец П. Г. Демченко, политрук Ягодкин и другие.

Каждый на своем посту стремился сделать максимум для победы. Шоферы автотранспортной роты коммунист В. К. Егоров и комсомолец И. Я. Порох вместе с товарищами выступили в эти дни инициаторами борьбы за своевременную доставку грузов на передовую и экономию горючего. Их почин поддержали другие шоферы. По двое-трое суток без отдыха и нередко под огнем противника доставляли они в части все необходимое для боя.

Рассказ о людях и недавних делах частей дивизии с интересом слушал и командир дивизии М. Н. Клешнин, прибывший лишь на несколько дней раньше меня.

Дождавшись паузы, он, как бы продолжая рассказ комиссара, сообщил: "С 15 января дивизия получила задачу, прикрываясь частью сил со стороны Старой Руссы, основными силами перерезать шоссейные дороги в город со стороны Демянска и Холма. Задачу эту мы выполнили успешно. В ходе боев нами подбито более ста автомашин с грузами, уничтожено около тысячи гитлеровцев и несколько десятков захвачено в плен. Конечно, добавил он после некоторого раздумья, потеря врагом железной дороги на Лычково и шоссейной дороги на Демянск

сильно осложняет для него связь с демянской группировкой и потому от нас потребуется особая бдительность".

Условия боевой обстановки не оставляли времени для длительного знакомства с положением и делами политического отдела. Части вели бой, партийные и комсомольские организации продолжали работу. Партийного внимания требовали дивизионная газета и тыл дивизии.

И, конечно, трудно было бы справиться с большим объемом новых обязанностей и более опытному, чем я, без поддержки и помощи коллектива работников политического отдела, командования дивизии, самоотверженной деятельности командиров и политработников частей и подразделений и энтузиазма всего личного состава. Высокая ответственность каждого, от рядового солдата до самого старшего начальника, облегчали нашу работу.

Встречи и более близкое знакомство с командирами, комиссарами и партийными работниками частей и подразделений: Василием Ивановичем Калмыковым, Иваном Тихоновичем Тихоновым, Дмитрием Евдокимовичем Матыгиным, Александром Андреевичем Кощеевым, Дмитрием Михайловичем Лукшиным, Константином Николаевичем Заикиным, Петром Никитичем Чаплинским и многими другими командирами частей дивизии - не только расширили мои знания о дивизии и ее людях, но и еще больше укрепили их высокую характеристику.

Разными они были по возрасту, жизненному опыту и образованию. Василий Иванович Калмыков, командир 523-го стрелкового полка, был кадровым военным, окончил академию им. М. В. Фрунзе и войну начал в должности начальника штаба полка. Заместитель начальника политического отдела дивизии батальонный комиссар Иван Тихонович Тихонов в армию пришел совсем недавно. До этого он трудился в одном из институтов Калинина и был пока человеком сугубо гражданским. Недостаток военных знаний и опыта партийно-политической работы в армии он восполнял исключительной добросовестностью и настойчивостью в работе. Отличался большой скромностью. С завидным старанием и успехом он постигал трудное искусство и обязанности военного политработника и за все это пользовался всеобщим уважением коллектива. Командир отдельного батальона Михаил Андреевич Дорошкевич участвовал в гражданской войне, в 1920 г. окончил курсы краскомов, но после много лет состоял в запасе, работал бухгалтером. Заместитель командира лыжного батальона комсомолец Ваня Еременко только в 1922 г. родился и пришел в 1939 г. в армию прямо со школьной скамьи. Весь свой военно-теоретический багаж получил на

краткосрочных курсах.

Абсолютное большинство руководящих работников, в том числе и командиры частей, начинало войну в меньших должностях. Строгий и объективный судья война - привел их на более высокие должности, и все они с ними справлялись в целом успешно. Не последнюю роль в этом играло, очевидно, и то обстоятельство, что критерий оценки людей на войне, в бою более надежный и оставляет меньше места для ошибок при расстановке кадров, особенно в низовом звене, где каждому приходится ежеминутно держать своеобразный экзамен и перед старшим, и перед подчиненным.

Радовало боевое настроение всего личного состава. Перед началом и особенно в ходе наступательных боев заметно усилилась тяга солдат и командиров в ряды Коммунистической партии. Около ста человек было принято в члены и кандидаты партии в декабре 1941 г. В январе их число выросло до 173, а в феврале - до 231.

Желая связать свою судьбу с отрядом передовых борцов за свободу и независимость Родины, воины клялись еще лучше бить фашистских захватчиков. "Я крепко дрался с врагом, будучи беспартийным, - писал, подобно сотням других, красноармеец 523-го стрелкового полка Попов. - Еще крепче буду сражаться с фашистами, нося высокое звание кандидата ВКП(б)".

Партийные документы обычно выдавали ночью. Засветло, если позволяла обстановка, вызывали товарища на командный пункт полка. Фотографировали, заполняли бланки и вручали заветную и дорогую "партийную книжицу". Получив документ, солдат или командир до рассвета возвращался в подразделение. Случалось нередко так, что уже на следующий день партийный билет или кандидатскую карточку, залитую кровью погибшего в бою героя, возвращали в политотдел. С фото на документе глядел на тебя живой человек, память воскрешала подробности недавних встреч, тепло крепкого рукопожатия, и от этого на душе становилось еще более тяжело. Но таков был закон жизни и деятельности партии в суровые дни войны. Во имя Родины, партии и торжества ее идеалов многие приносили на алтарь победы свою кровь, а нередко и жизнь.

В период боев за Старую Руссу мы впервые увидели освобожденных из фашистского плена советских людей.

То, что представляли эти люди, трудно описать. Фашисты довели их до полуживого состояния. Это были кости, обтянутые кожей. Их лица с едва уловимыми признаками жизни напоминали серый холодный камень. Сходство это еще больше усиливали пятна грибка, которые, подобно лоскутам грязно-зеленой замши,

покрывали их землистые лица. Страшным был и их рассказ о поистине кошмарных условиях пребывания в лагерях - голоде, издевательстве и терроре. Всех их пришлось направить на длительное лечение.

По их рассказам, в первые дни нашего наступления на Старую Руссу фашисты хотели эвакуировать находившийся там лагерь военнопленных. Но подавляющее большинство пленных отказалось выйти из землянок. Тогда фашисты забросали землянки гранатами: сотни человек погибли, немногим удалось бежать.

Политический отдел дивизии сделал все возможное, чтобы судьба бывших пленных, их рассказы об условиях жизни в лагере стали известными более широкому кругу воинов. Страдания пленных и вид полупустых, разрушенных и ограбленных деревень, лежавших на пути нашего наступления, с неоспоримой убедительностью разоблачали звериный облик фашизма.

В январе 1942 г. овладеть Старой Руссой советским воинам не удалось. Не полностью выполнили свои задачи и части 188-й дивизии. И все же наступление имело большое значение. Наши войска вернули свободу жителям многих деревень, нанесли значительные потери противнику, вышли в тыл его демянской группировки и создали реальные предпосылки для ее последующего окружения. Важную роль оно сыграло в морально-психологической подготовке наших воинов. В ходе этих боев все мы как бы физически ощутили свои возросшие силы, по-настоящему почувствовали способность бить немецко-фашистских захватчиков. Наступая по временно оккупированной земле, встречаясь с бывшими пленными, мы своими глазами видели бездну страшного горя, которое принесли оккупанты на нашу землю. И от этого еще больше ненавидели врага.

После длительной и не всегда успешной обороны январское наступление послужило своеобразной школой мужества, рубежом, новой ступенью к более высокой боевой зрелости. В ходе этих боев все мы от рядового красноармейца до командира дивизии многому научились. Конечно, истоки этого лежали глубже - в улучшении общей обстановки на фронте. Исключительно важным событием была победа наших войск под Москвой, буквально окрылившая всех. Положительно сказывалось повышение роли и влияния партийных организаций, улучшение работы командиров и политорганов, укрепление партийных организаций, в том числе и за счет призыва в армию коммунистов и комсомольского актива в качестве политбойцов. О них, простых рядовых бойцах партии, сыгравших важную роль в нашем становлении, хотелось сказать доброе слово особо.

С сентября 1941 г. по февраль 1942 г. в дивизию прибыло 172 политбойца. В каждую роту и батарею за это время было направлено по 3 - 4 коммуниста. Еще больше - в роты автоматчиков, подразделения разведки и истребителей танков. Вместе с ростом партийных организаций это позволило создать во всех подразделениях полнокровные партийные организации, которые цементировали и повышали боеспособность подразделений.

С течением времени часть политбойцов стала командирами и политработниками: 11 - политруками рот, 23 - командирами взводов, 20 заместителями политруков рот и 12 - направлены на курсы младших лейтенантов и младших политруков. Но независимо от должности все они были хорошими воинами и агитаторами. Партийным словом и личным примером мужества и отваги в бою они воодушевляли и вели бойцов на ратные подвиги. Политбоец красноармеец Стрыга, выдвинутый впоследствии на должность политрука пулеметной роты, в бою под д. Исаково при отражении атаки противника уничтожил из станкового пулемета около 40 фашистов. В период боя за д. Липовцы от вражеской мины погиб пулеметный расчет. Стрыга сам лег за пулемет и поддержал наступление подразделения. Его храбрость и мастерство были примером для всех воинов роты.

Кандидат партии М. Вишняков являлся лучшим замполитруком батареи, отличным солдатом. Под руководством военкома батареи он систематически и умело проводил политические беседы с солдатами, редактировал боевой листок.

Образцом мужества, отваги и партийного влияния был парторг 5-й роты политбоец Жидковский. В одном из боев при отражении контратаки противника, замаскировавшись, он подпустил врага на расстояние 100 - 120 м, а затем внезапным метким огнем уничтожил из своего пулемета около 20 фашистов.

Очень хорошо показал себя политбоец Тарасов, бывший секретарь партийного комитета одного из заводов, ставший затем политруком роты 595-го стрелкового полка. Опытный и старательный политический работник уверенно руководил работой парторга и секретаря президиума комсомольской организации роты. Систематически занимался политическим воспитанием воинов.

Отважными воинами и политическими вожаками были парторг роты А. Н. Беляев, А. П. Постнов и другие командиры и политработники систематически помогали политбойцам и опирались на них в своей работе.

Возросший уровень морально-боевых качеств личного состава, мужество и воинское мастерство бойцов и командиров с

неоспоримой убедительностью продемонстрировал бой 9 февраля 1942 г. Он послужил для всех нас новым испытанием на зрелость.

Части дивизии к этому времени действовали на фронте от железнодорожного моста на р. Соминке под Старой Руссой на севере до д. Марфино на юге от Старой Руссы. Общее протяжение фронта составляло более 20 км. В полосе дивизии проходили важные для врага коммуникации, которые раньше связывали фашистов с их демянской группировкой: железная дорога Старая Русса - Лычково и две шоссейные дороги на восток и одна на юг.

За месяц предшествующих боев дивизия понесла известные потери и имела значительный некомплект личного состава и вооружения. Все полки действовали на широком фронте, в первом эшелоне. У командира дивизии оставался лишь небольшой общевойсковой резерв. Не была оборудована полоса обороны, не считая нескольких дзотов на переднем крае, и в инженерном отношении. Справа от нас находились части 182-й стрелковой дивизии генерала В. В. Корчица. Южнее Старой Руссы действовали части недавно прибывшего из-под Москвы 1-го гвардейского стрелкового корпуса генерала А. С. Грязнова.

Работники политического отдела дивизии в течение последних пяти дней работали в 580-м и 595-м стрелковых полках. Помогали политическим работникам частей в расстановке коммунистов, комсомольцев после проведенных боев, в подборе и инструктаже партийного и комсомольского актива и низовых агитаторов. Провели индивидуальные беседы с командирами и политработниками об их работе, а также занятия с молодыми политруками. Поздно вечером 8 февраля в политическом отделе мы подвели итоги работы в частях, обсудили задачи и план работы на ближайшие дни.

Противник в течение дня 8 февраля соблюдал обычный режим огня, занимался расчисткой от снега траншей. Несколько активнее, правда, действовала его авиация. Это настораживало. Никаких других признаков подготовки наступления нам заметить не удалось. Но как только скупой свет нового зимнего дня рассеял темноту ночи, на позиции, пункты управления и тылы наших войск обрушилась лавина огня артиллерии и авиации. Вслед за мощной огневой подготовкой перешли в наступление фашистские пехота и танки. Их наступление, несмотря на неблагоприятные условия погоды, поддерживали значительные силы авиации и артиллерии.

Как потом выяснилось, фашистское командование для этого наступления не только произвело некоторую перегруппировку внутри фронта, по и перебросило из Франции пополненную и подготовленную на Рейне 5-ю легкопехотную дивизию.

Незнакомые еще с условиями советского фронта фашистские выкормыши, имея значительное численное превосходство, нисколько не сомневались в своем успехе. Прорвать нашу оборону они надеялись запросто, с ходу. С самого начала наступления вслед за их боевыми порядками двинулись даже обозы. Одетые в свежие белые маскхалаты, подбодрившись изрядной порцией шнапса, фашистские вояки шли в наступление как на параде - в полный рост и в предбоевых порядках. Какое-то время в начале атаки казалось, что, несмотря на значительные потери, они вовсе не замечают нашего огня.

Наблюдая картину боя, некоторые из нас спрашивали себя, выдержат ли наши воины, измотанные и ослабленные в предшествующих боях, этот поединок нервов.

Но вот с каждым шагом потери фашистов становятся все больше. Нервы их не выдерживают, и они рассыпаются в цепи, залегают. На помощь появляются две группы танков, усиливает огонь фашистская артиллерия, еще с большим остервенением повторяются налеты авиации противника, появляются новые подразделения пехоты, и атака повторяется снова.

Фашистам удается захватить несколько дзотов в расположении 2-го батальона и девятой роты 3-го батальона 523-го стрелкового полка, несколько продвинуться в стыке батальонов и в полосе правого соседа.

Понеся значительные потери, часть своих позиций уступил противнику 27-й отдельный лыжный батальон, подчиненный дивизии. Усилив атаки, фашисты вышли к району расположения первой роты отдельного батальона дивизии. В ожесточенном бою с превосходящими силами противника погибло и было ранено до трех четвертей этой роты. Тяжело ранен наводчик ручного пулемета красноармеец Я. Я. Лебедев. Напряжение боя увеличивается буквально по минутам. Растет опасность прорыва врага через образовавшиеся бреши, и это понимали все. Вступила в бой вторая рота этого батальона. Возобновил стрельбу, собрав последние силы, пулеметчик Лебедев. Мужественно действуют - метко разят огнем своих пулеметов ефрейторы М. Н. Аношин и Н. С. Мореев. Как сжавшаяся до предела пружина, усиливает сопротивление оборона.

Командир полка подполковник Калмыков направляет на помощь 3-му стрелковому батальону роту из своего резерва. Собрав в дополнение к этому свои силы, командир батальона контратакой на своем участке восстанавливает положение. Но атаки противника по всему фронту повторяются с нарастающей силой. По приказу командира дивизии направлена в бой учебная рота, где 9 февраля предстояли выпускные экзамены. Как и

положено, будущие командиры дерутся мужественно и умело. Курсант взвода лейтенанта А. Н. Акимова москвич наводчик Ф. С. Голованов, заняв оборону, подпускает гитлеровцев почти вплотную и внезапным метким огнем наносит им большие потери. Однако гибнут помощники Голованова по расчету. Тогда пулеметчик меняет позицию и продолжает стрелять. Значительные потери противнику нанес из миномета сержант С. Т. Букрин, а когда его миномет был разбит, он использовал против врага миномет противника, захваченный в период контратаки. Курсант С. А. Хилько подбил из 45-мм орудия два танка. Во второй половине дня орудие Хилько было подбито. Со всем своим расчетом он занял оборону и дрался с винтовкой в руках вместе со стрелками. Мужественно сражались и другие курсанты.

В момент, когда тонкая цепочка военного счастья на одном из участков могла вот-вот оборваться и силы защитников, казалось, уже были на исходе, командир дивизии, исчерпав свои возможности, послал в наступление в направлении д. Липовцы переданный в его распоряжение истребительный батальон фронта численностью 60 человек.

Получив задачу, командир батальона коммунист А. А. Говейко с одной девятой ротой из 30 человек быстро выдвинулся к месту боя и, используя выгодные условия местности (лес), нанес внезапный и смелый удар во фланг прорвавшемуся противнику.

Вслед за девятой ротой вступила в бой и десятая рота истребительного батальона. Их действия поддержали другие подразделения. Действия наших воинов были поистине бесстрашными и губительными для противника, нередко доходили до схваток врукопашную. Наступившая темнота и условия леса, очевидно, способствовали смелым действиям, победе над численно превосходящим противником. Фашисты после длительного и упорного сопротивления, понеся большие потери, вынуждены были отступить, оставив на поле боя много раненых и убитых.

Значительно поредели в бою и ряды наших бойцов. Погиб командир роты. Контратаку роты возглавил и несколько часов командовал ротой, несмотря на ранение, старший сержант Г. С. Якименко.

Напряженный, неравный поединок с фашистской авиацией вели зенитчики дивизии. Во фронте авиации было еще очень мало. К тому же то ли она занята была в другом месте, то ли отстала, но ни одного нашего самолета в тот день мы не видели. Между тем немецкие бомбардировщики буквально висели над боевыми порядками и тылами наших войск. Единственной нашей

защитой от фашистской авиации была батарея мелкокалиберной зенитной артиллерии, которой командовал старший лейтенант Н. И. Белозеров. Николай Иванович еще до войны окончил Севастопольское училище зенитной артиллерии, отличался хорошей профессиональной подготовкой и высокой личной храбростью. В самых трудных условиях он умел находить время и возможность учить этому и своих подчиненных.

Позиции батареи оказались как раз на направлении главного удара противника в районе д. Подборовье, и, очевидно, батарея сильно мешала фашистам. Они всячески пытались уничтожить ее - много раз бомбили. Несколько бомб упало в расположении батареи, но батарея жила. Тогда один из бомбардировщиков, низко пикируя, бросил бомбу со взрывателями замедленного действия в непосредственной близости от орудий. К счастью, две из них не взорвались а взорвавшаяся принесла относительно немного потерь. Недалеко от позиции батареи упал сраженный меткой очередью наводчика П. В. Коляденко фашистский стервятник.

За день боя батарея сбила три бомбардировщика Ю-88, упавших в нашем расположении, два самолета ушли поврежденными. Будучи на батарее и наблюдая спокойную и четкую работу командира взвода лейтенанта парторга батареи И. А. Рыбковского, командира расчета В. И. Драгоньера, наводчика П. В. Коляденко и других номеров расчета, я невольно вспомнил описание действий батареи капитана Тушина из романа "Война и мир". К каждому из них можно смело отнести слова писателя о бесстрашном артиллеристе, который "не испытывал ни малейшего неприятного чувства страха, и мысль, что его могут убить или больно ранить, не приходила ему в голову". Да, сетовать на современников не было оснований. Они были настоящими мастерами своего трудного дела и достойными наследниками героических предков.

Бой был большим испытанием для всех нас и для командира дивизии в том числе. Не только потому, что здесь в этой роли он выступал впервые. Важное значение имел исход боя. Прорыв фашистов на нашем участке поставил бы в исключительно тяжелое положение войска фронта, действовавшие южнее Старой Руссы, подверг угрозе срыва операцию по окружению демянской группировки противника. Капли пота на худом и сильно осунувшемся лице командира выдавали его крайнее волнение и напряжение. Внешне же он казался спокойным. Помогал ему своим оптимизмом находившийся рядом комиссар дивизии Я. Г. Поляков. Михаил Никитич управлял боем умело и уверенно. Его спокойный тихий голос, доносивший по проводам полевых

телефонов волю командира, направлял действия командиров частей. То и дело для помощи подчиненным в организации боя и уточнения обстановки следовали в части работники штаба. На трудные участки мы посылали и работников политического отдела. Вместе с командирами и политработниками частей они словом и личным примером повышали боевой дух и стойкость защитников, укрепляли веру в победу, организовывали и водили людей в контратаки, помогали в эвакуации и обеспечении раненых и делали многое другое.

С большим напряжением и мужеством трудились связисты под руководством своего начальника майора Г. К. Поповича. Рискуя жизнью, кандидат в члены партии В. М. Титов неоднократно под огнем устранял повреждения на линиях, а когда прорвался противник, он вместе с товарищами занял оборону и уничтожил трех фашистов. Отлично действовали его товарищи по профессии - линейные надсмотрщики красноармейцы Г. Т. Стерхов и П. М. Кобрис, командир взвода П. Г. Слизконос и многие другие. 27 раз в этот день исправляли повреждения на линии связисты 234-го артиллерийского полка братья Иван и Андрей Ковалевы.

До глубокой темноты продолжался этот кровавый поединок на фронте дивизии. Память и пожелтевшие от времени страницы донесений политического отдела хранят много других примеров массового героизма воинов частей дивизии. По четыре-пять раз переходили из рук в руки отдельные участки позиций. Многие защитники были ранены или убиты. Погиб на наблюдательном пункте заместитель командира батареи В. С. Булатов, половину своего состава потеряла рота истребительного батальона, погибли многие курсанты учебной роты, отдельного и лыжного батальонов. Но воли к сопротивлению противнику сломить не удалось. Воины дивизии выстояли.

Потеряв около полутора тысяч солдат и офицеров, фашисты вынуждены были прекратить атаки и на всем фронте отступить.

В трудных условиях боя подлинное величие духа, безграничную любовь и преданность Родине показали многие из тех, кто еще вчера казался совсем тихим и незаметным. В донесении комиссара 523-го стрелкового полка сообщалось о том, что в бою 9 февраля отличился политрук четвертой стрелковой роты младший политрук Артошес Исавердович Малинциян. Прочитав эти строки, я, откровенно, вначале не совсем поверил, и к этому были причины.

Менее двух недель тому назад при нашем первом знакомстве комиссар и командир батальона докладывали мне, что Малинциян как политрук роты авторитетом не пользуется,

работает плохо, постоянно болеет. Это подтвердил и комиссар полка - батальонный комиссар Кощеев. Все настоятельно просили немедленно снять Малинцияна с должности.

К их огорчению, сразу решать этот вопрос я не стал. Хотелось самому разобраться во всем. Через несколько дней мне представилась возможность побывать в четвертой стрелковой роте и познакомиться с Малинцияном лично. Когда мы вместе с комиссарами полка и батальона подходили к землянке, навстречу нам поднялся среднего роста человек с помятым и давно не бритым лицом. Небрежно козырнув, он представился: "Политрук четвертой роты младший политрук Малинциян". Шея его была обмотана бинтом, давно потерявшим свой первоначальный цвет. Медлительные движения и весь его внешний вид говорили о каком-то безразличии. Встречались мы впервые, но Малинциян о моем приходе знал, видел моих спутников - его начальников и, очевидно, ждал очередного разноса. От этого он еще больше был подавлен и насторожен.

О положении в роте, ее людях и своей работе он доложил немногое. В заключение простуженным голосом обратился со своей обычной просьбой: освободить его от должности и направить воевать хотя бы рядовым на Кавказ.

С трудом сдерживая себя, я тактично пожурил Малинцияна за недостатки в работе, за его неряшливый внешний вид. Дав ему несколько советов, мы ушли почти без веры в успех.

По пути побывали еще в одном из взводов этой роты. При разговоре о политруке солдаты как-то опускали глаза. Видно, что уважением у них он действительно не пользовался. Тяжелый осадок остался на душе от этого знакомства и посещения. Прощаясь с комиссарами батальона и полка, я почти полностью согласился с их характеристикой Малинцияна. Но вот причины его поведения пока не находил.

Все это было достаточно свежо в памяти, и я позвонил комиссару полка, чтобы еще раз перепроверить его сообщение. И он еще раз, подробно рассказал о подвиге Малинцияна.

С утра 9 февраля противник атаковал четвертую стрелковую роту значительными силами. Бой был тяжелым, атака следовала за атакой. Бойцы держались стойко. Однако после длительного боя противнику все же удалось захватить на участке роты один дзот. Командир роты младший лейтенант И. П. Матроскин поднял роту в контратаку и восстановил положение. Не успел закончиться этот бой, как последовал прорыв фашистов на другом участке, в стыке между ротами. Во главе взвода в контратаку пошел младший политрук Малинциян. Расстреливая фашистов из ручного пулемета, он личным примером увлек

уставших бойцов и уничтожил прорвавшуюся группу противника. Красноармейцы роты А. Чалгубаев и Д. Мурзаев в штыковой атаке уничтожили по шесть фашистов, взяли пленных. Численно превосходящие силы гитлеровцев много раз и после этого атаковывали позиции роты, однако все их попытки оказались тщетными.

За мужество и отвагу, проявленные в бою, сказал Кощеев, мы намерены представить Малинцияна к правительственной награде. В таких условиях не было смысла напоминать о прошлом. Мы оба от души были рады этой перемене.

Позже мне рассказывали, что, не имея возможности из-за глубокого снега вести огонь по наступающим фашистам из дзота, он клал ручной пулемет на спину ставшего на четвереньки солдата и с ожесточением вел огонь по врагам.

Вскоре я вновь встретил Малинцияна и с трудом узнал его. Исчезли прежняя отрешенность и неряшливость. Уверенность и чувство достоинства светились в его темных, как антрацит, глазах. Он был собран, стремителен. Перестал болеть и никогда больше не обращался с просьбой о переводе на Кавказ. Изменилось и отношение к нему солдат.

Как-то раз пришел я в эту роту ночью. Малинциян спал, и солдат, предчувствуя, что я могу разбудить его, сказал мне шепотом: "Товарищ комиссар, разрешите не будить политрука. Он сегодня устал и только сейчас уснул".

Трудно было не уважить просьбу солдата. Глядя на него, я еще раз не без смущения вспомнил, как чуть было не совершил ошибку, поддавшись первому впечатлению и настоянию товарищей. Вся последующая работа и поведение А. И. Малинцияна свидетельствовали о том, что он стал настоящим политическим вожаком роты.

Со временем стали понятными и причины его первоначальных неудач. Придя в роту, он по ряду обстоятельств не смог вначале установить необходимого контакта с людьми. Со стороны старших начальников поддержки и помощи сперва тоже было мало. Храбрость и успех в бою дали ему уважение и поддержку подчиненных, вернули веру в свои силы и обеспечили успех в последующей работе.

Все предшествующие бои и до этого были полны доказательств тому, как важно на фронте для авторитета любого командира, политработника и рядового солдата его умение вести себя в бою, не теряться в минуты смертельной опасности. Но до последнего случая специально об этом я как-то не задумывался. Теперь память воскрешала много других известных мне примеров, подтверждавших ату очевидную истину. Перед глазами проходили неудачи некоторых товарищей и успехи многих других, первопричиной которых было прежде всего наличие или отсутствие у них смелости. Солдатская молва на войне часто проходила мимо многих" человеческих слабостей, но никогда и нигде не прощала и безжалостно казнила трусость.

Рассказы о подвигах или о трусости переходили от одного к другому, из роты в роту, из батальона в батальон с великой быстротой. Иногда, подобно снежному кому, умножая их истинные размеры, и оправдаться за трусость было невозможно.

Личная храбрость была, пожалуй, главным качеством для политработника, особенно в тяжелые дни начального периода войны. Все другие достоинства имели значение и принимались всерьез только при наличии этого. По признаку смелости и отваги, умению воевать и готовности без колебания отдать жизнь за Родину война сортировала кадры на передовой. По этому признаку прежде всего бывшие комсомольцы заместители политруков И. А. Зуб и С. В. Яскевич стали через полгода после начала войны первый - комиссаром батальона, а второй - комиссаром артиллерийского дивизиона, а бывший комиссар корпуса инструктором политического отдела дивизии.

В силу этих причин бывший рядовой М. А. Иващенко стал парторгом полка, А. А. Самсонов - работником политического отдела дивизии. Личная храбрость в бою и умение делить с солдатами и командирами частей и подразделений их нелегкую солдатскую судьбу отличали большинство политических работников. Конечно, не только этим исчерпывались их достоинства.

Агитатор политического отдела В. Н. Лунин был отличным пропагандистом и агитатором. Его лекции, доклады и беседы выделялись хорошей формой и содержанием. Слушали его всегда

с интересом. И все же вряд ли уважение к Лунину было бы столь широким, если бы призывы агитатора к стойкости и мужеству не подкреплялись его личным примером. Сам Василий Никанорович о себе, кажется, и не рассказывал, но солдаты знали, что заплатка на его ушанке - след осколка от вражеского снаряда и что сам он не раз участвовал в бою. Близость к личному составу и участие в жизни воинов подсказывали бывшему инженеру нужное слово, повышали его действенность.

В дивизионной газете "На врага" литературным сотрудником работал Л. С. Самойлов. По возрасту и состоянию здоровья он, конечно, мог и не быть на фронте. Все мы видели, что физически ему очень тяжело. Но пришел он к нам добровольцем, и предложение о возвращении в тыл было бы для него большой обидой. Писал он хорошо. Но не только поэтому он был желанным и уважаемым в подразделениях. На передовую он нес солдатам интересные новости о жизни страны и положении на фронтах, о подвигах воинов. Бывал он на самых опасных участках и в случае необходимости, не задумываясь, мог лечь рядом в обороне или пойти в атаку. Мне кажется, что корреспонденции и другие материалы его были интересными в значительной степени именно по этой причине.

Заветное знамя великой победы над злейшим врагом человечества германским фашизмом, поднятое руками нашей армии в народа, люди мира увидели в мае 1945 г. К концу четвертого года войны прогремели заключительные аккорды залпов победной симфонии. Долгим и тяжелым был путь к победе. Героические усилия тех, кто встретил вражеское нашествие на пограничных рубежах Родины и насмерть стоял на пути его продвижения к сердцу нашей Родины Москве и Ленинграду, на всех других фронтах фашистского наступления, навечно останутся в памяти поколений не только могильными холмами, но и заметными и прочными ступенями к великой победе.

В. Д. Кульбакин

Прорыв

В конце декабря 1941 г. командиры нескольких соединений 11-й армии получили приказ готовить войска к наступательным действиям. С приказом были ознакомлены и некоторые работники политотдела 11-й армии. Вскоре политотдел армии неожиданно был переведен из Семеновщины в д. Гостевщину. Передислокация вселила в нас чувство радостного ожидания. В это время все советские люди и их друзья за рубежом находились под впечатлением замечательных побед, одержанных под Москвой. Нам, воинам Северо-Западного фронта, хотелось как

можно скорее перейти к более активным действиям против ненавистного врага. Каждый думал о предстоящем наступлении, как о большом и важном для всего хода войны событии, и каждым владела мысль о том, чтобы сделать возможно больше для подготовки и проведения операции.

Соединениям 11-й армии предстояло участвовать в трудных боях против 16-й немецкой армии. Командующий армией генерал Буш, прослывший "специалистом по русским делам" (до войны служил начальником русского отдела генерального штаба вермахта), хвалился перед Гитлером, что "без труда вобьет клин между Москвой и Ленинградом". Однако он не только не достиг этой цели, но, наоборот, попал со своей армией в критическое положение и теперь издавал один за другим свирепые приказы "стоять насмерть", "не отступать ни на шаг", "удерживать любой ценой позиции" и т. д.

Войска 16-й армии, состоявшие в значительной части из отборных соединений (дивизия СС "Мертвая голова", 281-я дивизия охранных войск и др.), опьяненные легкими победами в боях на Западе, сражались с фанатическим упорством завоевателей, убежденных в своей непобедимости.

О некоторых событиях, происшедших в январе 1942 г. вслед за передислокацией штаба и политотдела армии, мне хотелось бы рассказать языком дневника, который я вел на протяжении всего периода пребывания на фронте.

5 января 1942 г. Д. Гостевщина

Прошло всего три дня после переезда политотдела 11-й армии в Гостевщину, но мы, политотдельцы, уже чувствуем себя старожилами. Всем нам очень нравится эта небольшая деревушка, раскинувшаяся на стыке двух необозримых лесных массивов. В ней нас привлекает решительно все: и ее приветливое, миролюбивое, так не гармонирующее с жестокой правдой войны название, и протекающая вблизи окаймленная ракитами речушка, и затейливые резные украшения на сохранившихся избах, свидетельствующие о тонком вкусе и поэтическом настрое населявших эту деревню людей.

В просторной рубленой избе, где обосновалась редакция армейской газеты "Знамя Советов", хлопотливо стучит пишущая машинка. Сейчас уже около девяти утра, но сотрудники редакции не прекращают начатой вечером предшествующего дня работы: они заканчивают подготовку очередного номера армейской газеты. Казалось, все уже было сделано, как вдруг возник спор: следует ли перепечатывать в армейской газете сообщение Совинформбюро об итогах шести месяцев войны.

Кто-то, возражая редактору, старшему батальонному

комиссару В. Б. Фарберову, сказал, что собран на редкость интересный материал, почти весь целиком с передовых позиций, причем такой, опубликование которого нельзя откладывать.

Говорившего поддержал чей-то голос:

- Сообщение опубликовано в центральных и фронтовых газетах. Зачем нам...

Вспыльчивый Фарберов не дал закончить фразу:

- А мы что, рыжие? - крикнул он, весь багровея от возбуждения, но тут же осекся и... рассмеялся.

- Ну, ну, потише на поворотах, - проворчал огненно рыжий начпоарм полковой комиссар Гавриил Степанович Должиков, внимательно прислушивавшийся к спору, и полушутя, полусерьезно погрозил Фарберову веснушчатым пальцем. Тем не менее, в споре он принял сторону Фарберова.

Четвертую страницу номера решили отвести юмору и сатире. Единодушно было принято предложение озаглавить ее "Вралище тарабахтер" по созвучанию г "Фёлькишер беобахтер". В соседней избе расположился политотдел армии. Наш политотдельский коллектив состоял наполовину из кадровых политработников; другая его часть - призванные в армию партийные работники и преподаватели вузов Москвы, Киева и Ленинграда.

Прошло всего несколько месяцев войны, но уже трудно было отличить кадровых от некадровых. Напряженный темп фронтовой жизни и суровая боевая страда первого года войны очень скоро сгладили существовавшие между ними различия. Теперь это был дружный, слаженно действовавший коллектив людей, спаянных единством воли, движимых всепоглощающей целью защиты своей Родины от жестокого, ненавистного врага...

Сегодня к утру все политотдельцы были отозваны из частей. Уже один этот факт одновременного отзыва политработников из дивизий и бригад говорил о том, что вскоре должно произойти что-то новое и необычное. Но были и другие приметы, побуждавшие думать об этом.

Политотдельцы, пользуясь вынужденным досугом (Должников приказал всем находиться в политотделе), обменивались впечатлениями от поездки в части, знакомились с новыми печатными материалами, просматривали газеты. Мне, как начальнику отделения пропаганды и агитации политотдела армии, и двум инструкторам этого отделения - батальонному комиссару Сандлеру и старшему политруку В. В. Дуднику - предстояло подготовить текст листовок-обращений к воинам соединений 11-й армии. Одну из двух листовок готовил обязательный и дисциплинированный Сандлер. "Лентяй" Дудник выбрал себе "самую трудоемкую", по его словам, часть работы:

отредактировать текст, который напишет Сандлер. Дудник - своеобразная и по-своему незаурядная личность в политотделе. Война обнаружила в нем, бывшем преподавателе университета, новые, ранее, по словам его коллеги по университету Сандлера, никому не известные качества. Сейчас, пока Сандлер трудился над листовкой, Дудник разбирал и чистил свой автомат и по его лицу было видно, какое большое удовольствие доставляло ему это занятие. И днем, и ночью, на передовых позициях и в нашем политотдельском "тылу" он неразлучен со своим получившим уже довольно широкую известность набором оружия, обязательными компонентами которого были: автомат, два пистолета (один из них трофейный) и трофейный же кинжал с готической надписью на лезвии: "Германия превыше всего". По словам Сандлера, любившего подшутить над своим дружком, Дудник "для устрашения противника" отрастил длинные, вислые усы на манер запорожских, при одном виде которых "фрицы" якобы тотчас же обращались в бегство. Но Дудник гордился своими усами и не принимал всерьез шуток на этот счет.

Дудник всегда предпочитал быть ближе к передовым позициям, в гуще сражающихся солдат, "подальше от начальства". Он не переносил замечаний других, сам же любил ворчать по всякому поводу и без повода. "Досыта поспать", "снять из снайперской винтовки фрица" и при случае приложиться к "шнапсу" - вот что, по словам Дудника, составляло основу его желаний в условиях фронтовой жизни. Но это была кокетливая клевета на самого себя. При чрезвычайных обстоятельствах Дудник держался спокойно и уверенно, его действия и суждения были в серьезной обстановке четкими и трезвыми. Добросовестно выполнял он и свои основные обязанности лектора и агитатора. Бойцы и командиры слушали его внимательно, относились к нему с доверием и уважением, и их не шокировали ни его запорожские усы, ни устрашающий воинский вид.

В двенадцатом часу Должиков провел в политотделе короткое совещание. Он был серьезен и немногословен. Мы хорошо изучили нашего начпоарма. Должиков своенравен и крут, порой до крайности прямолинеен, а главное, не всегда попячен. Особенности его характера нередко ставили нас в тупик. Однажды он ни с того, ни с сего выговорил одному из начальников отделений политотдела: "Ты почему отсиживаешься в политотделе? Валяй-ка, брат, на передовую"! Начальник отделения политотдела покраснел от неожиданности и обиды, так как "сидел" в политотделе по приказанию самого же Должикова. Он уехал в дивизию и пробыл в ее подразделениях несколько дней. На четвертый день Должиков вызвал его к

телефону. "Ты почему торчишь там"? - начал он вместо приветствия. - Разгуливаешь по передовым, а я тут за тебя работай! Вали-ка, брат, в политотдел!"

При всех своих странностях и крайностях Должиков мог быть в серьезной обстановке и собранным, и целеустремленным. Таким он был и на сегодняшнем совещании.

Зная Должикова и наблюдая его сосредоточенный вид, мы окончательно убедились, что предстоит нечто действительно важное и значительное.

6 января 1942 г. Гостевщина - Лажины

В напряженном труде прошел вчера весь день, а к вечеру мы, политотдельцы, снова на колесах. Новая передислокация и новые надежды на столь нетерпеливо ожидаемое начало наступления.

В автобусах провели остаток дня и почти всю ночь. Пустынное с утра шоссе стало необычно оживленным, сплошь забитым людьми, грузовыми автомобилями, боевой техникой, обозными повозками. Басовито рычат моторы танков, оглушительно ревут моторы авиасаней. С неба доносится гулкий рокот самолетов, прикрывающих колонну от нападения с воздуха.

Стоит трескучий мороз, от которого захватывает дыхание и становится пунцовой кожа. Пехотинцы идут в полном снаряжении, с винтовками или автоматами, с подвешенными к сумкам котелками и касками. У некоторых красноармейцев каски надеты поверх ушанок...

И вот, наконец, повое расположение политотдела - деревня Лажины... Торжественно сказочны, суровы приильменские пейзажи. Веет от них первозданной красой северорусской равнины. Дремучие леса поражают глаз строгостью и чистотой линий. Многочисленные в окрестностях Лажин небольшие холмы покрыты голубоватыми скатертями снега. Бесчисленными искорками снег отражает свет круглоликой луны. Дым из труб домов поднимается прямо ввысь, к далекому звездному небу. Сказочная красота всего окружающего покоряет нас.

Несмотря на усталость и усиливающийся к ночи мороз, мой фронтовой друг, помощник начпоарма по комсомолу батальонный комиссар Г. Н. Шинкаренко{61}, и я пробираемся в глубь леса. Опушенный снегом бор всегда пленит воображение человека, но то, что мы увидели здесь, превзошло все, когда-либо виденное нами. Исполинские сосны и ели покрыты изумрудными гирляндами снега. Они отбрасывают синеватую тень, а пышно украшенные снегом кустарники и мелколесье выглядят как бескрайняя выставка наспех изваянных скульптур, в гуще которых глаз различает то неясные очертания людей, профили человеческих лиц, то фигуры знакомых, а чаще всего неведомых,

фантастических существ. Практической целью нашей вылазки было ознакомление с состоянием снежного покрова в лесу. Как и предполагалось, снежный наст оказался непрочным и хрупким. Такая снежная корка могла не облегчать, а только усложнять продвижение пехоты. Зато для лыжников (мы вышли в лес на лыжах, заимствованных у разведчиков) снег был превосходным. За нами оставались лишь едва заметные вмятины. Все эти сведения мы используем при проведении бесед в подразделениях.

Вернувшись в деревню, мы приняли участие в разборке только что прибывшего политотдельского скарба, растапливанием печей, выясняем, по возможности, обстановку. Уснули мы только под утро. Но не прошло и часа, как все проснулись от громкого треска: вблизи разорвалась небольшая бомба, сброшенная подкравшимся вражеским самолетом. Оконные стекла разлетелись на куски, и в избу ворвался леденящий холод. Мы завернулись в одеяла, плащ-палатки, набросили на себя шинели, но холод пробирался со всех сторон. Стыли даже ноги, обутые в валенки. Пришлось подняться всем и заделывать хламьем и соломой окна и вновь разжигать печь.

Однако и на этот раз спали мы не более одного-двух часов. Рано утром пришел сопровождаемый Должиковым член Военного совета армии дивизионный комиссар С. Е. Колонии. В своем кратком сообщении он охарактеризовал обстановку на фронте и поставил задачу перед политработниками, после чего Должиков распределил всех работников политотдела по дивизиям и бригадам. Выяснилось, что инструктор отделения кадров старший политрук К. Т. Щукин, инструктор 7-го отделения старший политрук Я. С. Драбкин и я направлялись в 180-ю дивизию. Этой дивизии предстояло пройти по бездорожью в тыл 290-й пехотной вражеской дивизии...

Прежде чем направиться в дивизию, мы зашли в "столовую", наскоро оборудованную в здании школы. Быстро покончили с завтраком и уже собирались идти, как вдруг к нам подсел боец в белом нагольном полушубке, заросший бородой до глаз, усталый, но с задорной искринкой больших карих глаз. Поймав взгляд молоденькой подавальщицы, он смешливо, извиняющимся голосом сказал:

- Я, извините, сейчас на дворняжку похож. Надо бы побриться, да вот все некогда.

Только заслышав голос, я распознал в говорившем моего друга и однокашника по партийной работе, а ныне комиссара партизанской бригады, старшего батальонного комиссара С. А. Орлова. Мы обнялись, крепко расцеловались.

Орлов собирался переправляться в свою бригаду, а сейчас

ему предстояло провести беседу с командованием армии по вопросу взаимодействия партизанских частей с войсками 11-й армии в связи с предстоящей операцией.

Под конец нашей короткой беседы Орлов сказал, что только что прослушал по радио сводку Совинформбюро и затем, повысив голос, чтобы его слышали все находившиеся в столовой, сообщил об изгнании немецких войск из Керчи, Феодосии. Горячая волна радости охватила всех, кто его слушал, а я еще подумал про себя, как хорошо будет начинать беседы в подразделениях, куда мы сейчас направлялись, с этого волнующего сообщения...

180-я дивизия находилась в молодом еловом лесу. Землянки, недавно вырытые саперами, за одну ночь покрылись толстым слоем снега, хорошо замаскировавшего расположение дивизии от вражеской авиации. Ели стояли вблизи блиндажей, как бдительные стражи, в бело-зеленых маскхалатах, неподвижные и строгие. Всюду царил порядок. Бросались в глаза таблички с указателями служб и направлений к ним. Для автомашин и конного обоза была расчищена площадка в глубине леса среди старых мохнатых елей и сосен. Аккуратно сложены заправочные материалы. Район расположения дивизии обнесен двойным рядом колючей проволоки...

Прежде всего мы представились полковнику Ивану Ильичу Миссану, командиру дивизии. Грузный, широколицый, скупо роняющий слова, он оживился, когда узнал, что я уроженец Кубани. Обрадовавшись встрече с земляком, Миссан заговорил о кубанских просторах, о пудовых арбузах, о дынях-зимовках, о многом другом, что имело отношение к его родному краю.

Из землянки комдива мы направились в блиндаж начальника политотдела дивизии старшего батальонного комиссара В. Д. Куры-лева. Вместе с ним и другими работниками политотдела дивизии мы участвовали в составлении плана политического обеспечения предстоявшего марша, выступали в подразделениях с докладами "о текущем моменте", проводили беседы, помогли подготовить специальный номер дивизионной газеты. Вечером я сделал инструктивный доклад о международном и внутреннем положении Советского Союза для командиров и политработников дивизии.

Позже Миссан пригласил меня и Щукина к себе в командирскую землянку отужинать. Дивизионный повар угостил нас отличным пловом. Любезно были предложены всем фронтовые сто граммов.

"Это аванс в счет января", - добродушно разъяснил комиссар дивизии старший батальонный комиссар В. В. Бабицкий, намекая на то, что дивизии в этом месяце предстоят активные боевые

действия. Миссан был, по словам Курылева, более обычного шутлив и доброжелателен. Этим он выдавал свое возбуждение бойца перед боем.

7 января 1942 г. Части 180-й дивизии

Утром встречали мы вместе с В. В. Бабицким делегацию трудящихся Пермской области, прибывшую еще в декабре с большим грузом подарков для бойцов и командиров Северо-Западного фронта. Во многих подразделениях состоялись встречи делегатов с красноармейцами и командирами.

Каждая из этих встреч неизменно перерастала в волнующую демонстрацию непоколебимого единства Красной Армии и советского тыла.

Встречи с посланцами далекого родного Челябинска сыграли видную роль в морально-политической подготовке частей дивизии к предстоящим сражениям.

Дивизия начала свой марш вечером 7 января 1942 г. Первым двинулся в поход 21-й стрелковый полк. В целях предосторожности его подразделения шли рассредоточение в полном безмолвии. Ведь враг был в 500 м.

Впереди разведчики и старорусские партизаны во главе с В. И. Кухаревым. Вслед за командованием полка движется подразделение истребителей танков-бронебойщиков. Тяжелые противотанковые ружья, каждое на плечах у двух бойцов, напоминают чем-то по форме средневековые мушкеты или пищали. Они грубоваты на вид, но война отвела им почетную роль. "Не ладно скроены, да крепко сшиты", "тяжело с ними в ходу, зато легко в бою", - любовно говорили про них бойцы. За бронебойщиками шли другие подразделения полка. Замыкалась полковая колонна обозным транспортом.

... Только что вернувшийся из штаба дивизии командир полка майор Г. И. Чурмаев на ходу отдает приказания командирам батальонов и приданных подразделений. Молодцеватый, подтянутый, он пытливо всматривается в лица командиров: он озабочен тем, чтобы они его правильно и точно поняли.

На исходе шестого часа утомительного марша комдив отдает приказ о привале. Каждый взвод разгребал снег и устраивался на отдых. Небольшая часть людей размещается в оставленных немецко-фашистскими войсками блиндажах (не ожидая появления советских войск в тылу, фашисты на время резких холодов переселились в крупны.) населенные пункты), всем остальным пришлось довольствоваться наскоро сооруженными шалашами и снежными ямами.

Снежными ямами назывались расчищенные от снега площадки на трех человек. На дне ямы укладывались ветки хвои,

затем расстилалась плащ-палатка. На эту импровизированную постель укладывались двое. Третий накрывал их двумя плащ-палатками, заваливал яму снегом, а затем протискивался в нее сам. Люди нагревали яму теплом своих тел и мгновенно засыпали.

Тем временем в командирских блиндажах и землянках шла напряженная работа - подводились итоги марша, на основе данных разведки уточнялись маршруты, разрабатывались с учетом этих данных планы предстоявших боевых действий. Мы, армейские политотдельцы, помогли Курылеву провести короткое совещание политруков и парторгов.

... В блиндаже командира 21-го стрелкового полка многолюдно, накурено. Командир полка Чурмаев внимательно выслушивает доклады командиров батальонов, командира разведывательного взвода. И хотя выражение озабоченности не сходит с его лица, он доволен этими докладами. Отставших на марше не было. Пища приготовлена вовремя и хорошего качества. Полковая разведка, действовавшая в составе дивизионной, обнаружила противника в шести километрах от места расположения дивизии, но не выдала своего присутствия врагу. Судя по тому, что показал в штабе захваченный разведчиками "язык", гитлеровцы еще ничего не знали о действиях дивизии.

Краткой была речь, с которой Чурмаев обратился к командирам подразделений. Из нее следовало, что главная задача полка - быстрое продвижение до р. Ловати, форсирование ее не позже восьми утра, захват плацдарма на левом берегу реки с последующим продвижением в направлении ст. Пола.

Кто-то из командиров сказал, что в предписываемые приказом сроки продвинуться к реке и тем более форсировать ее - задача явно не реальная, так как люди "смертельно устали, а идти придется по бездорожью, по глубокому снегу".

Чурмаев спокойно посмотрел на говорившего.

"Вы правы, комбат. Люди, действительно, очень устали и впереди их ждут новые трудности и новые испытания. Все это хорошо известно и всем нам, и командованию дивизии. И все же, как видите, приказ подписан, и мы обязаны его выполнить, ибо от этого зависит успех боя, судьба и честь нашей дивизии. Посудите сами..."

И Чурмаев пригласил всех командиров подойти поближе к развернутой им на столе карте...

Долго светилось крошечное окошко и в землянке командира 86-го стрелкового полка подполковника А. И. Кащеева. Командиры подразделений ушли, но окошко продолжало светиться. Командир полка Кащеев, комиссар полка старший

батальонный комиссар М. А. Бусыгин и еще несколько человек сидели за столом у карты, уточняли детали марша и предстоявших боевых действий.

8 января 1942 г. Д. Юрьево

С рассветом 8 января движение возобновилось. Теперь полки ушли в разных направлениях, а штаб дивизии с охранявшими его подразделениями пока остался на месте. В половине девятого на штаб случайно наткнулась состоявшая на службе в немецко-фашистской разведке группа финских лыжников. Мы получили возможность оценить замечательные командирские качества Миссана, его выдержку, редкое хладнокровие, презрение к врагу, чувство полного превосходства над ним. В палатку, где Миссан, Бабицкий, Курылев и я собирались завтракать, ворвался командир взвода охраны.

- Товарищ командир дивизии! - начал он взволнованно, вскинув привычным движением ладонь к ушанке, - разрешите доложить! Поймав разрешающий жест Миссана, он отрапортовал:

- Немецкие автоматчики обстреливают нас со стороны соснового леса!

Миссан не пошелохнулся. Лишь помедлив и не глядя в сторону спешившего командира взвода, проворчал: "Ну и нехай себе стреляют". Командиру взвода ничего не оставалось делать, как снова приложить руку к ушанке, произнести уставную фразу: "Разрешите идти?" и, после получения согласия, ретироваться. Потом я понял, что Миссан, исходя из полученных разведданных, не ожидал нападения сколько-нибудь значительных сил гитлеровцев и поэтому решил выждать, вынудить внезапно появившегося противника раскрыть планы.

Через 15 - 20 минут командир взвода вновь появился в палатке, на этот раз вместе с адъютантом Миссана. Адъютант доложил:

- Товарищ полковник! Автоматчики-лыжники могут оседлать дорогу. Они уже почти приблизились к ней!

В эту минуту, как бы в подтверждение его слов, где-то совсем близко затрещали автоматные очереди. Бойцы взвода охраны вступили в бой с вражескими автоматчиками. Миссан ответил:

- Лыжники говоришь? А ну-ка полосни их зенитными пулеметами! Да покрепче!

Командир взвода со всех ног бросился выполнять приказание. Через несколько минут внушительно защелкали четыреххоботные зенитные установки, после чего треск автоматов уже не повторялся.

"Вот и отстрелялись фрицы, - сказал Миссан, обращаясь к нам, и затем приказал адъютанту, - пусть прочешут лес!" В

результате "прочесывания" как раз и выяснилось, что вражеские автоматчики были финнами. Бежавшие в панике разведчики оставили двух убитых, раненного в ногу финна красноармейцы взяли в плен.

Спустя некоторое время фашисты, узнав от разведчиков о месте расположения штаба, начали обстреливать лесок минами. Одна из мин разорвалась в непосредственной близости от палатки командира дивизии. Осколками был легко ранен адъютант, тяжелое ранение в грудь получил стоявший на посту у палатки боец.

Лицо Миссана посуровело, когда ему докладывали об этом. "Раненых в санбат!" - коротко приказал он и тут же передал по телефону приказание начальнику дивизионной артиллерии открыть огонь по вражеским минометам.

Хладнокровие Миссана, мудрая лаконичность его распоряжений благотворно действовали на окружающих его людей и через них на весь личный состав дивизии.

Минометный огонь прекратился, на смену ему пришел артиллерийский. Но Миссан, как мне вначале показалось, проявил упрямство. Он заявил начальнику штаба дивизии, что не сдвинется с места, пока не будет захвачено нашими войсками с. Мануйлово, с овладением которым решался важный этап всей операции. Когда пожавший плечами начальник штаба ушел, Миссан подмигнул мне и сказал:

"Нехай штабисты посидят под огоньком, понюхают пороху. Злее будут".

Однако действительная причина "упрямства" Миссана заключалась в другом. Удачно выбранное место для размещения штаба находилось на скрещении нескольких дорог. Кроме того, командир дивизии не хотел ни на одну минуту прерывать связи с частями дивизии.

В полдень фашисты начали обстреливать штаб снарядами среднего калибра. Снаряды издавали пронзительно свистящий, воющий звук. Некоторые из них не разрывались, а, ударившись о мерзлую землю, с фырканьем рикошетировали и исчезали в глубине леса, задевая и сбивая ветви и верхушки деревьев. Потери от артиллерийского обстрела были сравнительно небольшими - около десяти раненых. За обедом Курылев шутливо "разъяснил" тактику фашистов, методически, с равными промежутками выпускавших один снаряд за другим:

"Ганс (он всех немцев называл Гансами) бросает снаряды от трусости. Что значит методический огонь у фашистов? Это значит: погреется, поежится Ганс в блиндаже у печки, а потом выскочит на мороз, плюхнет один раз, другой и опять шнель в

блиндаж, отогревать свою курицыну душу".

Где-то вблизи громыхнул взрыв снаряда. Курылев не преминул пошутить и по этому поводу:

"Ох, как бы Ганс не повредил нам в политотделе пишущую машинку. Как мы тогда воевать станем?"

Тем временем части дивизии продолжали продвигаться вперед. Нелегкая задача выпала на долю 21-го и 86-го стрелковых полков. Об этом свидетельствовали донесения командиров полков и беседы с ранеными бойцами, доставленными на санях с места боя...

Маршрут полков пролегал по мелкому низкому кустарнику. Люди проявляли беспримерное мужество, упорство, выносливость и неукротимую отвагу. Утопая по пояс в снегу, прорубая топорами и лопатами кустарник, они настойчиво продвигались вперед, несли на своих плечах пулеметы, то и дело выручали застревавшие в снегу пушки, сани с продовольствием и боеприпасами. Каждый метр пути стоил огромных физических усилий.

Форсировав с ходу р. Ловать, подразделения подполковника Кащеева и майора Чурмаева преодолели еще один лесной массив и, обойдя вражеские гарнизоны, оказались в тылу 290-й пехотной дивизии врага.

Вскоре подразделения полков скрытно подошли к д. Юрьево - крупному узлу обороны фашистов. Здесь же, по данным разведки, располагался офицерский дом отдыха.

После тщательной разведки батальоны вышли из леса и подползли к деревне с трех сторон. Предусмотренный общим планом прорыва охват деревни прошел очень удачно. Советских автоматчиков не заметили даже часовые противника. По сигналу ракет началась атака. Удар был неожиданным и ошеломляющим. Мощную поддержку атакующим оказали минометы и пулеметные подразделения.

Первым ворвался в деревню батальон под командованием капитана Панина. Советские воины - все в белых маскхалатах - быстро окружали дома, в которых засели фашисты, забрасывали их гранатами, расстреливали сопротивлявшихся из винтовок и автоматов.

Среди гитлеровцев началась паника. Они еще продолжали вести беспорядочную стрельбу из минометов, автоматов и даже пушек, но участь Юрьева была предрешена. Окрыленные успехом первого удара, советские воины, словно забыв об усталости, дрались дерзко, изобретательно и отважно.

Вскоре стали известны имена героев штурма деревни. Одним из первых отличился красноармеец Панкин, метким броском

гранаты уничтоживший станковый пулемет и 5 вражеских солдат. Лейтенант Куракин в упор расстрелял 15 фашистов. Связной Болтов уничтожил 7 фашистских солдат.

Смертью героя пал политрук роты Александр Петрович Вормичев. Случилось это так. Бойцы прорвавшегося к центру деревни взвода залегли перед домом, из каменного подвала которого гитлеровцы вели ожесточенный автоматный и пулеметный огонь. Командир взвода, не желая нести неоправданные, по его мнению, потери, не решался отдать команду на штурм. Но и лежание в снегу становилось бессмысленным. Фашисты пристрелялись, и взвод начал нести потери. Вормичев лежал рядом с командиром, он вдруг увидел, как командир, ахнув, ткнулся головой в землю и остался лежать неподвижно. Вормичев не раздумывал. В тот же миг он поднялся во весь рост:

"Вперед, за мной! - закричал он, взмахивая автоматом. - Смерть фашистам!" И первым побежал по направлению к дому. Бойцы взвода последовали его примеру. Дерзость атакующих ошеломила гитлеровцев, и они на кое-то время даже ослабили огонь. Все же четыре бойца были сражены вражескими пулями. Все остальные, приблизившись вплотную к дому, были теперь в относительной безопасности. Вормичев рванул входную дверь, но она оказалась накрепко закрытой изнутри. Медлить было нельзя, так как фашисты вели теперь огонь вдоль улицы по перебегающим группам наших бойцов. Вормичев бросил "лимонку" в окно дома, не дожидаясь, когда рассеется дым от взрыва, вышиб оконную раму и быстро пролез внутрь дома. Первым же он ворвался и в подвал дома, но здесь пуля притаившегося у входа в подвал эсэсовца оборвала его жизнь.

В подвал полетели гранаты. Огневая точка врага прекратила свое существование.

Внезапность атаки и отвага советских воинов решили исход боя. Фашистский гарнизон был полностью разгромлен. Оставшиеся в живых гитлеровцы были взяты в плен. Значительными были и трофеи: 7 вражеских орудий, 3 пулемета и 12 автомашин.

Успех 21-го и 86-го стрелковых полков окрылил воинов других частей дивизии. Они также успешно выполнили свои боевые задания. В итоге - первая часть трудной тактической задачи была решена. Без больших потерь в установленный срок дивизия прошла со всей своей техникой, включая пушки и танки, по таким лесам и болотам, которые фашистское командование обозначило на своих картах как непроходимые.

Удержание Юрьева советскими войсками стало важнейшей

задачей 180-й дивизии. Посоветовавшись с Миссаном, я и Щукин направились в район расположения 21-го полка. Враг, не желая уступать утраченные позиции, обрушил на Юрьево мстительный артиллерийский и минометный огонь. При подходе к деревне мы издали видели, как под шквальным артиллерийским обстрелом переправлялись по льду через реку наши танки. Замыкавшая группу "тридцать четверок" машина вдруг продавила пробуравленный взрывом снаряда лед, тяжело осела на дно реки и теперь над поверхностью льда торчала только ее башня. Танкисты выбрались из танка через люк.

В это время к берегу приблизился тягач. От его мощного рокота содрогалась промерзшая земля. Танкисты немедленно приступили к делу. Снаряды вздымали фонтаны воды и льда, перемешанных с грязью. Барахтаясь в ледяной воде, люди прикрепили стальной трос к танку. Тягач в одну минуту справился со своей задачей: извлек танк из воды ("Как репу из грядки выдернул!" - воскликнул любивший сравнения Щукин) и, не останавливаясь, отбуксировал его в лес.

Д. Юрьево переживала тяжелые минуты. Фашисты стреляли по площади деревни фугасными и зажигательными снарядами. Часть домов пылала. Над деревней вырастали облака дыма, в которых отражались кровавые блики пламени. Откуда-то доносились плач и причитания женщин. Мычал обезумевший скот. Брошенные в полном составе на ликвидацию пожаров хозяйственный взвод и подразделение саперов самоотверженно боролись со стихией, но, погашенные в одной части деревни, пожары возникали в другой...

Мы со Щукиным оказались на южной окраине деревни, обороняемой батальоном Панина. Эта часть деревни находилась в зоне самого интенсивного артиллерийского обстрела. Бойцы лежали в воронках от снарядов, многие прямо на снегу. Взрывы мин и снарядов, свист смертоносных осколков прижимали людей к земле. На первый взгляд, место расположения подразделений батальона казалось покинутым защитниками Юрьева. Но вот стрельба, наконец, прекратилась, и из воронки, полузасыпанной землей и снегом, выросла фигура красноармейца, одетого в белый маскировочный халат. Он внимательно посмотрел вокруг, и его обветренное загорелое лицо выразило удовлетворение.

"Кажись, пронесло", - сказал он, обращаясь к кому-то в воронке.

"Добро, - ответил кто-то, казалось, из-под земли, и вслед за этим в воронке выросла вторая фигура в белом. - Пойду по избам - поищу воды. Страсть как пить хочется".

"Подождал бы немного, Петр, - последовал неторопливый

ответ. - Как бы фриц не пошел в атаку. Эвон как изрыл землю-матушку снарядами".

Там и сям из-под снега, из воронок вырастали все новые и новые фигуры людей в маскировочных халатах. Санитары уже уносили убитых и раненых.

Несмотря на ожесточенный обстрел, потери в общем оказались сравнительно небольшими: три убитых и около десяти раненых. Я занялся эвакуацией раненых. Щукин отправился проверить работу полевых кухонь.

Время шло, но никаких признаков атаки противника не было. Петр, как выяснилось, второй номер пулеметного расчета, не спеша зашагал к ближайшей избе - на поиски воды...

Однако гитлеровцы не собирались оставлять в покое защитников Юрьева. Подавленные советской артиллерией вражеские батареи молчали, но вместо них над деревней замаячили зловещие силуэты двух "юнкерсов". Земля содрогнулась от тяжких разрывов бомб. Но фашистским стервятникам не удалось сбросить на Юрьево весь бомбовой груз. Неожиданно появившийся в небе краснозвездный "ястребок", пристроившись в хвост бомбардировщику, дал длинную злую очередь.

Объятый дымом "юнкере" завалился на левое крыло и затем пошел на резкое снижение. От самолета отделилась черная точка и над нею вспыхнуло белое пламя парашюта. Вражеский летчик вынужден был приземлиться в деревне, которую только что бомбил. Другой "юнкере", сбросив бомбы куда попало (почти все они упали в реку), преследуемый истребителем, устремился на запад.

9 января. Район действия 21-го стрелкового полка

Миссан правильно оценил беспорядочный и бесцельный с военной точки зрения артиллерийский и минометный обстрел и бомбежку деревни, как выражение бессилия противника и признание им своего поражения под Юрьевом. Поддержанный комиссаром дивизии В. В. Бабицким, он принял смелое решение, согласованное с общим планом боевых действий. Оставив для обороны деревни несколько подразделений - батальон, роту химиков, саперов и хозяйственные подразделения, он повел наступление против других оборонительных узлов 290-й фашистской пехотной дивизии. Наступление частей дивизии поддерживалось лыжным батальоном, приданной артиллерией и танковым подразделением.

Важным узлом сопротивления был населенный пункт Парфино. К частям, атаковавшим этот пункт, направился комиссар дивизии В. В. Бабицкий.

... Уже на первых километрах танки встретили препятствие - двойной ряд лесных завалов. Обойти эти завалы мешали болота. Перед бесформенными грудами стволов и сучьев тянулись ряды колючей проволоки. Танкисты знали по опыту: такие завалы с ходу не возьмешь!

Головной танк, пытавшийся обойти завал справа, продавил замерзшую поверхность болота, и другому танку пришлось помогать ему выбираться из трясины. Ни одного выстрела не прозвучало из-за завала, но этой тишине не поверили. Командир танкового подразделения решил произвести разведку. Взревели моторы двух танков. Грозные машины рванулись вперед. Нервы притаившегося врага не выдержали, и бронебойные пули защелкали по металлу башен.

Стреляя на ходу из пулеметов и пушек, танки подошли вплотную к завалу, смяли проволочные заграждения. Один из танков начал было взбираться на поваленные деревья, как вдруг громыхнул взрыв снаряда. Танк качнуло, он стал поворачиваться на месте, но тут же остановился: ему сорвало правую гусеницу.

Против засевшего врага открыла огонь наша артиллерия. Под его прикрытием танкисты благополучно выбрались из подбитой машины, а все танковое подразделение, выдвинувшись немного вперед, начало методический обстрел выявляемых огневых точек противника. Не умолкая, стреляли полковые пушки. Гремела артиллерия противника. В начавшейся пальбе три танка подошли к завалу. Танкисты выбросили дымовые шашки. Под защитой танков и покровом дыма пехотинцы и саперы расчистили проход. После интенсивной артиллерийской обработки оборонительной полосы противника таким же путем был проделан проход, и наши танки стали утюжить огневые точки и траншеи противника.

Еще один советский танк был подбит вражеской артиллерией и теперь пылал, как огромный факел. Черные густые клубы дыма медленно растекались по небу. Его пять собратьев продолжали свою трудную боевую работу. Вскоре три из пяти дзотов были расстреляны прямыми попаданиями снарядов, два других некоторое время еще вели огонь, но танки быстро подмяли и их. Искусно маневрируя, они ускользали от прицельного огня вражеских пушек. В ближайшие четверть часа вся батарея врага была подавлена, а пехотные подразделения противника рассеяны. Впереди открылся важный промежуточный опорный пункт врага. Танки и пехота стали выдвигаться на исходные рубежи для сближения с противником...

Тем временем в Юрьеве начальник гарнизона командир батальона майор Белоусов продолжал создавать круговую оборону деревни. Прежде всего он укрепил наиболее угрожаемые

участки пулеметными гнездами и пушками, установленными для стрельбы прямой наводкой.

Быстрота, с которой была завершена эта работа, оказалась оправданной, так как фашисты вскоре действительно предприняли контратаку. Они знали об уходе из деревни основных сил полка и теперь рассчитывали на легкую победу.

Все время до начала контратаки, все мы, армейские и дивизионные политработники, переходили из подразделения в подразделение, помогали политрукам разъяснять обстановку, не скрывали трудностей предстоящего оборонительного боя в условиях фактического окружения (со штабом дивизии гарнизон связывала одна единственная дорога), разъясняли значение удержания Юрьева для всей операции, проверяли наличие боеприпасов, организацию питания бойцов, готовность медицинских пунктов.

Схватка оказалась весьма серьезной. В контратаке приняло участие более 400 фашистских вояк, большинство которых было вооружено автоматами. Гитлеровцев активно поддерживали тяжелые минометы, многочисленные станковые пулеметы и артиллерия. Разгорелся упорный бой. В этом бою отличился старший хозвзвода Серегин.

Он с честью справился с новой и поэтому трудной для него ролью строевого командира. На позиции взвода напала скрытно пробравшаяся по оврагу группа фашистов численностью до 50 человек. Серегин решил разгромить гитлеровцев их же приемом. Он разделил свое подразделение на две неравные по числу бойцов части. Меньшую, находившуюся под защитой станковых пулеметов, он оставил на месте, а большую часть, вооруженную автоматами и ручными пулеметами, направил по другому смежному оврагу во фланг противнику.

Этот несложный, но четко и вовремя выполненный маневр сорвал замысел врага. Когда обозленные неудачей фашисты предприняли новую атаку, Серегин первым выбежал из укрытия и забросал вражеских автоматчиков гранатами. Воодушевленные его примером бойцы снова обратили в бегство численно превосходившего их противника.

К трем часам дня атака противника была повсеместно отбита с большими для него потерями. После этого Белоусов произвел новую перегруппировку сил, сосредоточив на этот раз основные силы на окраине Юрьева, обращенной к соседней деревушке Березицкое. Эта деревня, остававшаяся в руках фашистов, находилась в полутора километрах от Юрьева. Такое близкое соседство с гитлеровцами было опасным, здесь могли незаметно сосредоточиться крупные силы врага и предпринять неожиданную

атаку на Юрьево. К этому времени в распоряжение начальника гарнизона Миссан выслал несколько легких танков. Закончив перегруппировку, Белоусов повел с разрешения Миссана наступление на Березицкое.

Наступлению пехоты предшествовала непродолжительная артиллерийская подготовка. Затем вперед вырвались танки. Они быстро преодолели большую часть пути и были уже в непосредственной близости от деревни, как вдруг снаряд врага прервал стремительный бег головной машины. Танк на полном ходу изменил направление, резко замедлил бег и, сделав судорожный рывок, остановился...

Тем временем другие четыре танка ворвались в деревню, и мы отчетливо слышали, как сердито рычали их моторы, хлопали пушки и, перебивая друг друга, строчили пулеметы.

Затем взвились черные ракеты - сигнал для броска пехоты, которая к этому моменту подползла к исходным позициям. Когда бойцы пробегали мимо подбитого танка, его мотор вдруг зарокотал. Из люка показался танкист, оказавшийся командиром танка. Несмотря на жестокий мороз, его лицо было потным и красным от возбуждения.

"Танк на ходу! - закричал он, обращаясь к пробегавшим мимо бойцам. Помогите вытащить танкиста. Он мертв и мешает вести танк!"

Несколько человек бросились к танку. Я посмотрел в открытый люк. Водитель сидел на своем месте, слегка отодвинутый в сторону. Голубые остановившиеся глаза его были широко раскрыты. Лицо от лютого мороза уже приняло зеленовато-серый оттенок. Лишь с большим трудом мы извлекли из танка его большое, неподатливое тело.

Командир танка проворно влез в танк, сделал разворот и, даже не захлопнув люка, вздымая тучи снега, помчался в сторону Березицкого.

Спустя час сопротивление врага было полностью сломлено. В отвоеванной деревне закрепились два взвода роты химической защиты. Теперь можно было подсчитать силы гарнизона. Из докладов командиров подразделений выяснилось, что на всех участках обороны осталось 120 боеспособных защитников Юрьева и Березицкого. Потери гарнизона (убитыми и ранеными) за все время боев в этом районе составили 60 человек. Фашисты понесли значительно большие потери. На поле боя предыдущих боев лежало около полусотни трупов. Примерно столько же враг потерял убитыми в бою за Березицкое.

Во второй половине дня (это было 10 января) наступило относительное затишье. Вечером пришла телефонограмма из

политотдела армии: Должиков отзывал меня. Как выяснилось после, меня ожидал приказ Главного политического управления Красной Армии о назначении начальником отдела пропаганды политуправления Северо-Западного фронта.

11 января. Район расположения штаба дивизии

Вчера присутствовал при допросе пятерых военнопленных гитлеровцев. Старший из них - обер-лейтенант. В серо-зеленой, "на рыбьем меху" (выражение Миссана) шинели, с заостренным лицом, он напоминал затравленную, но не терявшую надежды на спасение лису.

На все вопросы начальника разведки он отвечал с подчеркнутой готовностью и по всему было видно, что ничего не утаивал. Об этом можно было судить и по тем, полным ненависти и подчеркнутого презрения, взглядам, которые бросал в его сторону младший по чину офицер-эсэсовец, не проронивший ни одного слова во время предварительного допроса.

Спустя минуту в палатку вошел Миссан. Зная повадки комдива, начальник разведотделения отошел в сторону, в угол палатки, и там стоял, пока Миссан, улыбаясь в свои пушистые усы, беседовал с пленными.

Разговор комдива с пленными происходил, в сущности, без переводчика, хотя тот и присутствовал здесь же. Для начала Миссан угостил всех пленных папиросами, приговаривая в адрес тех, кто проявлял нерешительность:

"Бери, бери, ариец, таких папирос вы и во сне не видели!"

Когда все закурили, Миссан сказал, обращаясь к пленным:

"Плохо о вас заботится ваше фашистское начальство (переводчик перевел). Вот я вижу на вас шинели. Пфуй, шлехт ваши шинели, - он пренебрежительно потряс полой шинели обер-лейтенанта и выразительно сплюнул в сторону. - А вот у нас, - он отвернул полу нагольного овчинного полушубка переводчика и затем полу своей меховой бекеши, - у нас этак вот, все солдаты и офицеры одеты. Зер гут наши шинели!

Два немца согласно покачивали головами, а обер-лейтенант прищелкнул языком:

"Яволь, герр оберст, зер гут ("Так точно, господин полковник, очень хорошие")" - и даже позволил себе прикоснуться к миссановской шинели.

"То-то, арийцы", - добродушно ворчал Миссан, делая знак начальнику разведки. После этого официальный допрос был продолжен. На этот раз пленных допрашивали каждого в отдельности.

Первым был допрошен Клейн, двадцатилетний верзила. Он словоохотлив, подробно и обстоятельно отвечает на вопросы.

Очень старается уверить, что давно собирался добровольно сдаться в плен и только ждал подходящего случая. Лицо Клейна мясистое, лоснящееся. Голова покрыта красным шерстяным платком, завязанным на подбородке. На вопрос: "Зачем воюешь?" ответил без запинки. "Мы нуждаемся в жизненном пространстве, воюем за Украину. Нам нужен хлеб".

Миссан выразительно покачал головой, и все, кроме Клейна, рассмеялись. Видно, крепко вдолбили нацисты в головы своего воинства подобного рода "истины", раз Клейн, не задумываясь, выпалил их даже здесь.

По реакции комдива он понял теперь, что допустил промах. "Кто же твой отец, любитель украинского хлеба?" - спросил Клейна начальник разведки.

"Айн бауэр (крестьянин), - торопливо ответил верзила, обрадованный переменой темы разговора. - Мой отец и я - оба крестьяне, работали от зари до зари", - пояснил Клейн и показал свои измозоленные тяжелым крестьянским трудом руки.

Из дальнейшего допроса выяснилось, что он был младшим сыном кулака, владельца "наследственного двора". За год до начала войны отец умер, и "наследственный двор", согласно статуту фашистского режима, перешел во владение старшему сыну. Младшему пришлось работать батраком у помещика. За несколько месяцев до нападения на Польшу его призвали в армию и там внушили, что и он может стать таким же богатым, как его брат, но что для этого надо завоевать "жизненное пространство", вытеснить или поработить население завоеванных стран и утвердить власть Гитлера в Европе.

Так выглядел один из представителей "расы", претендовавшей на мировое господство... Миссан сидел рядом с начальником разведки, изредка вставлял замечания или задавал вопрос, сопровождая это всякий раз своим любимым присловием, но делал это с такой, располагающей к себе невозмутимостью на лице, что допрашиваемые нередко улыбались, принимая его слова за одобрение их ответов.

Но Миссан не замечал этих улыбок, хотя и смотрел в сторону допрашиваемых. Было видно, что его мысль напряженно работает над сущностью их ответов, над тем, что ему, комдиву, следует предпринять сейчас, когда шли завершающие бои против немецкой пехотной дивизии.

И надо сказать, что решения, принятые Миссаном и на этой стадии боев, были столь же смелыми и тактически оправданными, как и те, которые он принимал раньше.

Когда командование фашистской дивизии, пытаясь разжать стальные тиски советских войск, приказало одному из своих

полков проложить обходный путь к важному железнодорожному узлу - ст. Пола. Миссан разгадал этот маневр, и устроившие засаду подразделения нанесли фашистам еще одно серьезное поражение. Не помогли гитлеровцам и брошенные в этом направлении танки и бронемашины. Советские пехотинцы, выбрав удобные позиции, успешно отразили все атаки врага... По проложенной частями 180-и дивизии дороге в тыл врага устремились и другие част 11-и армии. Вскоре была занята ст. Пола, последний важный опорный пункт дивизии врага.

180-я дивизия 11-й армии Северо-Западного фронта, благодаря массовому геройству бойцов и командиров, при умелом руководстве ее командования успешно выполнила поставленную перед нею боевую задачу.

Командир дивизии Иван Ильич Миссан, комиссар дивизии Викентий Викентьсвич Бабицкий, начальник подива Василий Дмитриевич Курылев, командиры полков: майор В. Г. Дорохин (смертельно ранен в бою под д. Большие Волоски в то время, когда поднимал батальон в атаку), Г. И. Чурмаев, подполковник А. И. Кащеев; комиссары полков старший батальонный комиссар М. А. Бусыгин, батальонные комиссары А. Е, Джеджула, Д. И. Пермин, инструктор полка С. М. Березуцкий, лихой разведчик старший лейтенант Рябчиков, лейтенант Куракин, политруки рот А. П. Вормичев (смертью героя пал в бою за Юрьево), М. А. Калинкин, И. П. Бардин, врач Ольга Кравцова, бойцы Иван Брагин (тяжело ранен в бою под деревней Большие Волоски), Панкин, Болтов, Пантелеев и многие, многие другие бойцы, командиры и политработники дивизии вписали яркую страницу в историю боевой деятельности частей и соединений Северо-Западного фронта.

Н. Б. Ивушкин

Под Старой Руссой

Это было летом 1942 г. 133-я отдельная стрелковая бригада получила задачу оказать помощь частям 151-й бригады, отбивавшим контратаки врага.

133-я вышла из района Малые Дубовицы. Продвигались сначала лесными дорогами, а затем по болоту Сучан. Болото считалось непроходимым. Но мало ли прошли мы непроходимых болот на войне! Оружие, боеприпасы, продовольствие несли на себе. Кочкарник сменялся трясиной или ходуном жижей, заросшей травой. Людям приходилось то прыгать с кочки на кочку, то вытаскивать друг друга из трясины, то собирать хворост и гатить болото.

Шли почти сутки, все время под дождем. Устали, промокли. Но в исходный район для наступления пришли вовремя. Штаб

установил связь с 151-й бригадой. Было принято решение начать совместные боевые действия ночью. Вперед выдвинули подразделения автоматчиков. Они должны были нанести первый удар. За ними следовали несколько стрелковых рот и взвод противотанковых ружей. Их задача - закрепить успех автоматчиков, блокировать огневые точки и удерживать захваченные рубежи.

Внезапный ночной удар был столь неожиданным для врага, что он не мог оказать организованного сопротивления и потерял выгодный рубеж. Коммуникации 151-й бригады, на которых закрепились гитлеровцы, были очищены. Фашисты потеряли в этом бою 130 человек убитыми. Более 20 человек было взято в плен. Боевая задача выполнена. Теперь бригада получила приказ запять и прочно удерживать рубеж обороны юго-восточнее Ново-Рамушево, на северном фасе рамушевского коридора. Но главные события были впереди.

Гитлеровцы не хотели смириться с потерей выгодного рубежа. На другой день они атаковали бригаду с фронта и пытались мелкими группами просочиться на наши коммуникации. Однако успеха не имели.

Получив подкрепление, фашисты снова пошли в атаку. Завязались тяжелые бои. Наша оборона, проходившая по кромке болота, опушке леса и кустарникам, состояла из отдельных узлов сопротивления. Нащупав уязвимые места, используя численное превосходство в живой силе, враг прорвался 4 августа на наши коммуникации. Расчет, конечно, был на то, что, опасаясь окружения, мы отступим. Однако никто у нас и не помышлял об отходе.

В то время на юге нашей страны создалось опасное положение. Пал Ростов. Бои шли на Дону, в районе Клетской и Цымлянской, а на Северном Кавказе - в районах Кущевской и Сальска. Воины бригады, как и все советские люди, тяжело переживали неудачи Красной Армии.

Нарком обороны И. В. Сталин обратился к войскам с приказом No 227, в котором требовал решительно усилить сопротивление врагу и остановить его продвижение. "... Пора кончать отступление, - говорилось в приказе. - Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв. Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности".

Этот приказ изучался во всех подразделениях бригады.

Фронтовая газета "За Родину" призывала всех воинов усилить натиск на позиции врага и тем самым оказать помощь войскам

Красной Армии на Юге.

1 августа 1942 г. газета "Красная звезда" писала: "Тяжелые дни переживает страна. Немецкая угроза нависла над нашим благодатным Югом... Дело сейчас идет о жизни и смерти нашего государства, и благородным девизом советских воинов должен быть древний клич богатырей русской земли - стоять насмерть".

На митингах, прошедших в бригаде, воины дали клятву: лозунг партии "Ни шагу назад" сделать законом войны. Эту клятву они теперь выполняли.

Это, конечно, не означало, что выход врага на коммуникации частей переднего края никого не взволновал. Все понимали серьезность создавшегося положения. Нависла опасность выхода вражеских подразделений к командному пункту, а затем к тылам бригады. Надо было во что бы то ни стало ликвидировать эту опасность. Все было мобилизовано. Руководящие работники штаба и политотдела, находившиеся на командном пункте, вместе с комендантским взводом заняли круговую оборону. Из подразделений второго эшелона стрелковых батальонов командир бригады подполковник Зиновий Саввич Ревенко создал заслоны, а саперам приказал приступить к строительству оборонительных сооружений.

В результате принятых мер продвижение вражеских подразделений было приостановлено. Теперь надо было отбросить врага, очистить коммуникации.

В резерве командира бригады оставалась рота автоматчиков и разведывательная рота, а также стрелковый взвод, сформированный из людей, проходивших службу в тыловых подразделениях. На них и была возложена задача очистить от врага коммуникации стрелковых батальонов.

Наступление повели с флангов. С автоматчиками пошел комиссар бригады старший батальонный комиссар Иосиф Михайлович Куликов. С разведчиками довелось быть мне. Почти сутки шел бой. Действовали мелкими группами. Управлять ими в лесу было сложно. Но тем не менее вражеские подразделения были рассеяны. К сожалению, это не обеспечило полной безопасности коммуникаций. Рассеянные по лесу гитлеровцы нападали на наших людей, выводили из строя линии связи. Трудно было доставлять на передовую продовольствие, боеприпасы, эвакуировать раненых. В помощь интенданту пришлось выделить несколько работников политотдела. Они формировали группы из физически сильных и смелых людей, которые доставляли на передовую боеприпасы и продовольствие. Прикрывали их специально выделенные автоматчики. На обратном пути выносили тяжелораненых.

Последняя группа прошла на передовую в ночь с 5 на 6 августа. В ее составе был секретарь парткомиссии старший политрук Василий Дмитриевич Леушин. Возвратиться они не сумели.

В своем фронтовом дневнике я записал 6 августа: "Вчера в лесу в районе НП провели накоротке совещание комиссаров и парторгов частей. Куликов ознакомил с обстановкой и предложил усилить наблюдение за поведением врага. По имеющимся разведданным, он накапливает силы. Поговорили о том, как лучше организовать питание и в какое время выносить раненых. После совещания Куликов ушел на командный пункт, а я остался на НП.

Ночь прошла довольно тревожно. Противник непрерывно вел минометный огонь. Лишь к утру наступила тишина. Вместе с начальником штаба бригады подполковником Валентином Соломоновичем Леоновым пошли на передний край проверить строительство оборонительных сооружений и побеседовать с людьми.

Сухие лесные поляны сменялись болотом, кустарником. На КП первого батальона, кроме охраны, все спят. Разбудили командира батальона Пашкова и пошли в роты. Вода выше колен. За голенища сапог ползет ил. Осматриваем оборону первой роты. Заместитель политрука Иван Никифорович Комолов предупреждает: будьте осторожны, здесь стреляют вражеские снайперы. Впереди нас пошли несколько бойцов, в них никто не стрелял. За ними двинулись и мы. Идем сосновым лесом. Вдруг одиночные выстрелы. Бьет снайпер. Присаживаемся за деревья. Выстрелы следуют один за другим. Пуля ударяет в ствол дерева, за которым я сижу. Шутки в сторону, надо ложиться. Погружаюсь в воду и лежу за деревом. Автоматчики, сопровождающие нас, немного постреляли и куда-то отползли. Но вот заговорил наш пулемет, и мы под его прикрытием зашагали дальше. Во втором батальоне по всем ротам прошли вместе со Смекалиным и Чанбарисовым. И везде люди работали. Треугольники из бревен клали на трясину и устанавливали в них пулеметы. На сухих местах рыли окопы, сооружали дзоты. К 14 часам вернулись на НП бригады. Посушили портянки и собрались идти на командный пункт. Но из землянки нельзя было высунуть носа. Кругом рвались снаряды.

В шутку говорим, что в 17 часов фрицы прекратят стрелять, пойдут обедать. Действительно, в это время огонь прекратился. Но не успели мы пройти и нескольких шагов, как снова начали рваться снаряды. Ложимся. Кругом летят осколки. Поднимаемся, бежим. Надо выскочить из зоны обстрела. На командный пункт

приходим мокрые, теперь уже от пота. Нам сообщают о том, что час назад гитлеровцы прорвались на коммуникации, окружили второй и третий батальоны, а также батальон соседней 151-й бригады".

Командование армии не разрешило вывести батальоны из окружения. Было приказано оставаться на месте, заняв круговую оборону. Командиру бригады предлагалось оставшимися у него силами очистить от врага коммуникации и соединиться с батальонами.

Выполнить эту задачу было нелегко. В батальонах, попавших в окружение, оставались ограниченные запасы продовольствия и боеприпасов. В резерве у командира бригады все те же две роты и стрелковый взвод, но теперь уже значительно поредевшие.

К чести наших связистов штаб бригады не терял управления частями. Несколько дней сохранялась телефонная линия, провода были зарыты в землю. А когда в ходе боя линии были обнаружены противником и порваны, связь осуществлялась по радио.

Командир бригады З. С. Ревенко начал с того, что создал единое командование. Все части, попавшие в окружение, он подчинил командиру второго батальона капитану Федору Васильевичу Смекалину и комиссару старшему политруку Шайхулле Хабибуллович Чанбарисову.

Они распорядились взять на учет все боеприпасы и продовольствие и собрать их в одно место. Учет и хранение возложили на хозяйственного и очень честного красноармейца Иллариона Алексеевича Пересунько. Ежедневная продовольственная норма была сокращена до 100 г сухарей в день. На этом надо было держаться. А в дальнейшем выход был только один: организация снабжения воздушным путем. Об этом подполковник З. С. Ревенко и просил начальника тыла армии. Однако армия не имела своей авиации.

Начались переговоры с фронтом. Пришлось обратиться за помощью к начальнику политотдела армии бригадному комиссару Василию Дмитриевичу Шабанову. Он связался с начальником политуправления фронта бригадным комиссаром Андреем Дмитриевичем Окороковым. Тогда и было принято решение: на выручку пришли самолеты У-2, или, как их потом стали называть по фамилии конструктора Поликарпова, По-2. Эти самолеты на Северо-Западном фронте причинили много неприятностей врагу. Они летали, главным образом ночью, на малой высоте, бреющим полетом и сбрасывали на головы фашистов мелкие бомбы.

Нашим частям, находившимся в окружении, летчики на самолетах У-2 стали доставлять продовольствие и боеприпасы.

Было это совсем не просто. Немцы находились рядом и дублировали наши сигналы, ставя летчиков в затруднительное положение. Не все грузы, сброшенные с самолетов, удавалось подобрать. Часть из них попадала к врагу, часть оставалась в болотах.

Первый раз самолеты сбросили груз 9 августа. Чанбарисов доложил, что Пересунько с бойцами подобрали три мешка сухарей. Через день получили два мешка сухарей, два ящика консервов и ящик патронов.

Продовольственную норму пришлось еще сократить. Теперь на одного человека выдавалось 60 г. сухарей и на 15 человек - банка консервов.

Каждую ночь с тревогой и надеждой все ждали самолетов. А когда они появлялись, следили за тем, куда сбрасывали грузы. Мы на наблюдательном пункте сидели у рации и ждали сообщений Чанбарисова. К сожалению, и в последующие дни получали по воздуху продовольствия и боеприпасов явно недостаточно. 12 августа - 8 мешков сухарей и 15 ящиков боеприпасов. 13 августа - тоже 8 мешков сухарей и несколько ящиков боеприпасов. 14 августа - 2 мешка сухарей. 15 августа - 4 ящика боеприпасов. 16 августа последний раз получили 4 мешка сухарей, ящик консервов, табак и медикаменты.

Смекалин сообщил, что он создал несколько групп для сбора оружия и боеприпасов. Позже мы узнали о работе этих групп: о том, как они ползали по кустам, иногда под носом у врага, собирая патроны, мины, гранаты, оружие. Смельчаки делали вылазки за боеприпасами в тыл врага. Не раз приносили из немецких тылов ящики с патронами и гранатами ефрейтор Алексей Мусатенко и красноармеец Михаил Кожухов. Но дело это было очень сложное и опасное. Надо было перейти передний край, часто под огнем врага, найти вражеские склады боеприпасов, обезоружить или уничтожить охрану и с тяжелым грузом снова проникнуть через передний край. Один неосторожный шаг мог привести к гибели. Поэтому, как наиболее опытные, в тыл врага за боеприпасами стали ходить разведчики.

Группа в составе Поповкина, Ахмедьянова и Смирнова несколько раз приносила оружие и боеприпасы, а ефрейтор Колесов и красноармеец Паневкин однажды притащили шесть автоматов и привели четырех пленных.

Боеприпасы приходилось экономить. Пересунько подползал к бойцам, давая по несколько патронов и предупреждал: Смекалин приказал вести только прицельный огонь.

Прошло несколько дней. Враг яростно наседал на наши части со всех сторон. Но сопротивление не было сломлено ни на одном

участке. Смекалин и Чанбарисов умело командовали подчиненными им батальонами. Командиры и бойцы, пробиравшиеся к нам с различными поручениями, высоко оценивали их действия. Мы знали, что отношения между командиром и комиссаром были деловыми и товарищескими. По своим характерам командир и комиссар как бы дополняли друг друга.

Кряжистый, с внимательными добрыми глазами Смекалин был рассудителен и спокоен даже в самые тяжелые моменты боя. Чанбарисов - человек неиссякаемой энергии и инициативы, в бою горяч, отчаянно храбр. Скоро уже все знали о его бесстрашии, умении быстро ориентироваться в обстановке. Был случай, когда во взводе станковых пулеметов вышли из строя все боевые расчеты. За пулеметы легли Чанбарисов и командир взвода сержант Иван Николаевич Потеряев. Они вели огонь до тех пор, пока не отбили очередную атаку фашистов. Приходилось Чанбарисову стрелять из противотанкового ружья, корректировать огонь артиллерии, водить бойцов в штыковые атаки. Словом, Чанбарисов принадлежал к тем беспокойным политработникам, которым до всего есть дело.

Начальником штаба у Смекалина был старший лейтенант Серафим Васильевич Шипилов. Ему сразу же пришлось взяться за налаживание связи с батальонами и ротами. Без этого нельзя было управлять боем. Шипилов подобрал нескольких связных из бойцов, имевших большую военную выучку и проверенных в боях. Среди них были Алексей Мусатенко, Дмитрий Филатов и Михаил Кожухов. Им приходилось по нескольку раз в день бывать в ротах с приказаниями Смекалина. А путь себе они подчас прокладывали автоматом и гранатами.

Разведка установила, что противник продолжает подтягивать новые части. Бои приняли еще более ожесточенный характер. Стало явно ощущаться превосходство противника, и не только в живой силе. Главным было превосходство огневой мощи. В первые дни паша артиллерия и особенно 120-мм минометы оказывали большую помощь пехоте. Командиры батарей находились в боевых порядках и корректировали огонь, поддерживая связь по телефону с огневыми позициями.

Но вот телефонная связь нарушилась и эффективность огня снизилась. А между тем противник корректировал огонь артиллерии не только по целям, находившимся на переднем крае, но и по огневым позициям нашей артиллерии.

Делалось это при помощи "рамы", так звали тогда немецкий самолет ФВ-189 безнаказанно висевший над нами с утра до вечера.

Все попытки командира бригады подполковника Ревенко пробиться к своим успеха не имели. Сил было явно недостаточно. Стало ясно, что без помощи со стороны других частей мы этого сделать не сможем. Но такой помощи бригаде не было оказано. Правда, поступило некоторое пополнение, и представилась возможность подкрепить резерв комбрига и первый батальон, находившийся в обороне, но этого было мало.

Из коротких донесений, а потом уже из бесед с участниками боев стало известно о беспримерном подвиге наших людей, находившихся в окружении.

О том, как действовал в бою коммунист Иван Николаевич Потеряев, в бригаде узнали из рассказа старшего лейтенанта С. В. Шипилова.

Через болото с двумя пулеметами пробираются семь бойцов. Впереди, хлюпая по колено в воде, тянет "максим" сержант Потеряев. Он залег у гнилого пня. Прищурив глаз, не торопясь, осмотрел оба вражеских дзота и деловито взялся за рукоятки. В одной амбразуре он заметил два дула. Дал короткую очередь. Группа стрелков поползла к дзоту. Оттуда не отвечали, но из других мест, справа и слева, понеслись вражеские мины, засвистели пули. Кажется, не было такого места, куда бы не стрелял враг.

Три раза Потеряев менял огневую позицию. Четверо пулеметчиков выбыло из строя, а он все стрелял, продвигаясь вперед, пока бойцам не представилась возможность забросать амбразуры дзотов гранатами.

Коммунист старший сержант Андрей Павлович Александров после гибели своего командира взял на себя командование взводом противотанковых ружей. Действовали люди этого взвода мужественно. Они подавили огонь двух дзотов врага. Сам Александров уничтожил девять фашистов. Четырех раненых товарищей он вынес с поля боя.

Характерна инициатива, проявленная кандидатом в члены партии сержантом Евдокимом Антоновичем Удовиченко. Этого боевого командира хорошо знали в бригаде. Еще в предшествующих боях под д. Туганово взвод минометчиков под его командованием вывел из строя две минометные батареи противника и уничтожил много гитлеровцев. Тогда все воины взвода были награждены нагрудными знаками "Отличный минометчик". Для самого Евдокима Антоновича эти дни запомнились еще тем, что он был принят кандидатом в члены партии.

Теперь, когда кончились снаряды к 82-мм минометам, сержант Удовиченко не остался без дела. Он стал пулеметчиком.

Началось это так: фашисты атаковали одно наше подразделение. В разгар боя вдруг замолчал станковый пулемет. Оказалось, что весь пулеметный расчет выведен из строя. Удовиченко кинулся к "максиму". Специальность пулеметчика, приобретенная на Дальнем Востоке, пригодилась. Он быстро открыл огонь. Атака врага была отбита.

Смекалин поблагодарил сержанта. Вот тогда у молодого коммуниста Удовиченко и родилась идея обучить всех своих подчиненных минометчиков специальности пулеметчика. Командование одобрило эту инициативу, ибо пулеметчиков не хватало. Удовиченко получил девять станковых и четыре ручных пулемета. Через три дня взвод был уже на передовой. Доучивались в бою. Вскоре все минометчики стали отличными пулеметчиками. Их так и звали "минометчики-пулеметчики". Воевали они прекрасно. На их боевом счету сотни уничтоженных фашистов.

Я уже говорил о том, что в боевых порядках пехоты было несколько командиров-артиллеристов. После того как связь с огневыми позициями нарушилась, они возглавили стрелковые подразделения и командовали прекрасно. Командир батареи 76-мм пушек старший лейтенант Василий Степанович Кононенко был исключительно смелым человеком. Он много раз ходил в разведку. Вплотную подползал к вражеским укрытиям и засекал огневые точки. На одном из участков фашисты сумели близко подойти к нашему переднему краю. Завязался тяжелый бой. Кононенко был ранен. Казалось, что гитлеровцы сокрушат нашу оборону. Но вот на поле боя появился Кононенко. Голова у него была забинтована. Однако уверенность в победе несокрушима. Эта уверенность передалась бойцам.

- Ну, как, товарищи, выстоим? - спрашивал он бойцов.

- Выстоим, товарищ старший лейтенант! Умрем, но враг здесь не пройдет.

И они выстояли. Много фашистских трупов лежало перед их участком обороны.

Командир батареи 120-мм минометов В. И. Цибульский сформировал группу для блокирования дзотов. Во время одной из атак он был дважды ранен, но не ушел с поля боя, пока не был захвачен дзот.

Неоднократно включали в группы, блокировавшие вражеские дзоты, младшего сержанта Морозова и красноармейца Гаранина. Они умело вели огонь из станковых пулеметов и обеспечивали подавление огневых средств врага.

Прекрасными бойцами показали себя также сержант Илья Семенович Малышев и красноармеец Сергей Петрович Волков, на

их боевом счету было по десять уничтоженных фашистов.

Настал день, когда радиосвязь штаба бригады со Смекалиным почти прекратилась. Все батареи "сели", а заряжать их негде. Рацию включали два-три раза в сутки, и то на несколько минут. Для зашифрованного разговора требовалось много времени. Открытым текстом говорить нельзя - подслушивает противник. Как быть?

- Найдите человека, который поймет мой родной язык, - подсказал по радио Чанбарисов. Он даже не назвал какой. Но мы-то знали, какой у него родной язык. Такого человека мы нашли. В дальнейшем все, что касалось боевой обстановки, комиссар докладывал на татарском языке. У рации на наблюдательном пункте бригады слушал и переводил красноармеец Галимов.

На наблюдательном пункте, расположенном на опушке леса, окруженного болотом, всегда находился кто-нибудь из командования бригады. Однажды во время моего пребывания там обрадовавшиеся связисты сообщили: вызывает "Охват". Это были позывные рации штаба Смекалина.

Я взял наушники и услышал: "Дятел", "Дятел". Я "Охват". Говорит Чанбарисов. Ответьте, кто у аппарата? Прием. Я ответил и задал несколько вопросов. Во время этого разговора по радио мне послышались в его голосе какие-то незнакомые интонации и вялость. У меня мелькнула мысль: не потерял ли веру в силу своих людей этот человек?

- Как чувствуешь себя? - спросил я. И он, как бы уловив мою мысль, ответил:

- Чувствую себя комиссаром, коммунистом.

Мне стало совестно за то, что я хоть и на мгновенье усомнился в стойкости Чанбарисова. Ведь я хорошо знал его.

Он прибыл в бригаду, в которой я был начальником политотдела, в начале 1942 г. на должность комиссара стрелкового батальона. Невысокого роста, с черной копной волос, с открытым проницательным взглядом Чанбарисов выглядел совсем еще юношей. Да ему и было всего лишь 25 лет. Однако молодой комиссар имел уже опыт работы с людьми. В 30-е годы, когда рушились вековые устои старой деревни и шла классовая борьба с кулачеством, Чанбарисов - секретарь комсомольской ячейки, инструктор райкома комсомола. Затем учеба в институте, служба в армии, преподавательская работа и снова армия.

С обязанностями комиссара батальона он быстро освоился и вскоре завоевал симпатии бойцов и командиров. Им нравилась его принципиальность, настойчивость, умение отстоять свою точку зрения.

Мне вспомнился митинг в лесу перед началом наступления

под д. Туганово и страстная речь Чанбарисова. Говорил он о любимой Родине, о древних новгородских землях, с которыми связаны истоки Русского государства, о ратных подвигах наших предков, разгромивших под водительством Александра Невского немецких псов-рыцарей. Слова, призывающие не посрамить земли русской и отомстить фашистам за все злодеяния, совершенные на советской земле, он произносил отрывисто, горячо. А когда Чанбарисов повторил свою речь на татарском языке, разразились аплодисменты. В бригаде были люди, знавшие татарский язык.

Полное признание и любовь воинов Чанбарисов завоевал в боях под д. Туганово. Здесь произошло его боевое крещение.

Перед бригадой была поставлена боевая задача - овладеть узлом сопротивления Туганово - Голубово - высота "Огурец". Ожесточенные бои развернулись за эту высоту. Успехи чередовались с неудачами. Враг непрерывно контратаковал наши части. Плотный артиллерийский огонь и пикировавшие бомбардировщики затрудняли продвижение вперед.

В цепи наступающих определил свое место Чанбарисов. С неизменным призывом: "Проучим гитлеровских шарлатанов!" - поднимался в атаку комиссар. Скоро эта фраза стала крылатой. Ее можно было услышать во всех подразделениях батальона. Энергичный, порывистый Чанбарисов появлялся там, где было тяжело.

Я всегда радовался душевному богатству юного комиссара, его целеустремленности. Даже на фронте он много читал, мечтал о продолжении учебы.

Все это я вспомнил, сидя в землянке у рации, во время разговора с Чанбарисовым.

Несколько позже я смог оценить всю ту большую работу, которую он провел в подразделениях во время боев в окружении. Комиссар был неутомим. В редкие часы затишья он собирал партийный актив, объяснял обстановку, а затем вместе со всеми шел на передовую беседовать с людьми.

Глубоко ошибаются те, кто считает, что во время жарких боев не до политработы. Чем сложнее обстановка, тем большая необходимость в политической работе. Другое дело - формы работы. Конечно, не всегда можно провести митинги и собрания. Но как необходимы бойцу теплое слово и личный пример политработника в тяжелом бою! Вот почему нельзя не рассказать о том, как вели себя в этих боях политруки рот. Ведь они все время находились на передовой.

Дмитрий Алексеевич Кабанов политруком роты стал на фронте. В бригаду он пришел рядовым, а до войны работал на уральских заводах. Был секретарем партийной организации. В

боях под Туганово стал парторгом роты. В нем ничего не было внешне эффектного. Выше среднего роста, немного сутуловатый, пожилой. Но умел он подойти к человеку, убедить его. Делал это просто, с большой любовью и теплотой. И люди платили ему тем же.

В бою политрук действовал исключительно мужественно. Был случай, когда рота, отбивая наседавших фашистов, перешла в контратаку и, увлекшись продвижением вперед, могла быть отрезана. Надо было отойти. Кабанов во время атаки находился среди первых, а во время отхода - среди последних.

Еще один пример, свидетельствующий о колоссальной силе воли и идейной убежденности заместителя политрука Константина Григорьевича Дергунова. Во время боя он был ранен в обе ноги. Его пытались вынести на носилках, а он попросил перевязать его на месте и оставить в покое. Но в покое он не остался. Сидя, заряжал диск автомата и вел огонь по врагу. Лишь поздно вечером, когда все атаки врага были отбиты, Дергунова вынесли с поля боя.

С каждым днем в подразделениях все больше и больше становилось людей, преисполненных чувства ответственности не только за выполнение своей боевой задачи, но и за исход боя в целом.

Политрук разведывательного взвода Акимов ходил в разведку каждую ночь и всегда приносил ценные сведения. Не было человека во взводе, который не стремился пойти в разведку вместе с политруком. А это свидетельствовало о многом. Когда выражали кому-то недоверие, говорили: "С ним в разведку я не пошел бы". Смелость, находчивость, готовность любой ценой прийти на помощь товарищу - непременное качество разведчика. Акимов кроме всего этого обладал железной выдержкой и умением найти выход из любого положения. Этим он и завоевал сердца людей.

Однажды Смекалин поручил разведчикам проверить предположение о строительстве гитлеровцами новой дороги к месту боев, а заодно и захватить "языка". Возглавил разведку Акимов. Во время перехода вражеской линии обороны завязалась перестрелка и политрук был ранен. Что делать? Произошло небольшое замешательство. Кто-то предложил возвращаться.

Когда закончили перевязку, Акимов объявил, что остается в строю и приказал продвигаться дальше в тыл врага. Через некоторое время вышли к месту строительства бревенчатого настила новой дороги. Определили ее направление, а потом долго сидели в засаде, пока на лесной тропинке не показались немецкие саперы. Схватили одного из отставших и уволокли в

кусты. Но возвращаться оказалось тяжело. Фашисты обнаружили их и стали преследовать. Переходить линию обороны пришлось днем. На прорыв первым бросился Акимов. Он погиб, но ценой собственной жизни обеспечил возвращение своих товарищей.

В самые тяжелые дни, когда враг сужал кольцо вокруг батальона, бойцы и командиры приходили к политрукам и парторгам и подавали заявления о вступлении в партию. 15 человек подали заявления в парторганизацию второго батальона. Парторг второго батальона политрук В. А. Панферов рассказывал, что заседание бюро для рассмотрения заявлений собирали ночью, когда наступала небольшая пауза между боями. В партию были приняты замечательные люди, отличившиеся в боях. В числе принятых в кандидаты в члены партии комсомолец командир взвода Петр Николаевич Степаненко. Взвод под его командованием удачно контратаковал врага и уничтожил 24 фашиста. Лейтенант Степаненко захватил в плен унтер-офицера с рацией. У многих кандидатов партии истек в это время кандидатский стаж, и они подавали заявления с просьбой о приеме в члены партии. Теперь по решению Центрального Комитета в члены партии принимались воины, отличившиеся в боях, после трехмесячного кандидатского стажа. За время боев с 30 июня но 20 августа в кандидаты в члены партии приняли 102 человека и 21 - в члены партии.

17 августа штаб армии разрешил вывести батальоны из окружения. Но сделать это теперь было не так-то просто. Боевой состав находившихся в окружении частей составлял всего 150 человек. Было 300 раненых, из них более 100 человек - тяжело.

Подполковник Ревенко решил одновременным ударом с юга, со стороны окруженных частей, и с севера встречным ударом обеспечить выход из окружения. В тот же день он приказал Смекалину подготовиться к выходу, указал направление и время начала боевых действий.

Смекалин выслал разведку. Установили, что на пут предполагаемого выхода - шесть дзотов противника. Тогда он создал группу прикрытия и несколько штурмовых групп для уничтожения дзотов врага. Командир бригады сформировал сводную роту в составе 124 человек под командованием старшего лейтенанта Ивана Павловича Канивца для нанесения встречного удара.

17 августа в 24 часа начались боевые действия. Не прекращались они и весь день 18 августа. Штурмовым группам Смекалина удалось уничтожить два дзота и продвинуться вперед на 300 м. Сводная рота Канивца вклинилась в оборону противника, но развить первый успех не смогла.

В ночь с 18 на 19 августа наступление было приостановлено.

19 августа гитлеровцы предприняли ожесточенную атаку. По проложенным дорогам пододвинулось несколько танков и самоходных орудий, они открыли огонь прямой наводкой. Отразить этот натиск врага было тяжело. Боеприпасы кончались. Продовольствия люди не получали уже третий день. Вместо чая пили красную болотную воду, вскипяченную в котелках, и жевали корешки дикого лука. Самокрутка из оставшихся у кого-то крошек махорки и сухого березового листа переходила из рук в руки. Затягивались по одному разу.

Несмотря на все это, фашистам не удалось сломить сопротивление воинов. Все атаки были отбиты. Не помогли и танки. Один танк наши бойцы подбили из противотанкового ружья.

К вечеру наступила тишина. Лишь редкая перестрелка напоминала о том, что поединок частей Красной Армии, окруженных со всех сторон превосходящими силами врага, не закончен.

В наступившей тишине гитлеровцы снова, в который раз стали призывать красноармейцев и командиров сдаваться в плен.

Несколько минут шли передачи. Боеприпасы экономили, и огонь по громкоговорящей установке не открывали. И вот тогда кто-то запел: "Вставай, проклятьем заклейменный..." Слова подхватили по цепочке и скоро по всей круговой обороне звучал могучий пролетарский гимн "Интернационал".

Все кругом затихло. Замолчали громкоговорящие установки. Прекратилась перестрелка. Только эхо далеко разносило волнующие душу слова:

Это есть наш последний
И решительный бой,
С Интернационалом
Воспрянет род людской...

19 августа вечером Смекалин и Чанбарисов приняли решение выходить ночью на широком фронте, просачиваясь сквозь оборону противника.

Всех людей разбили на три группы. Командиром первой группы был назначен старший лейтенант И. А. Подурец, комиссаром - старший политрук С. Н. Горбунов. Командиром второй группы - лейтенант Козлов, комиссаром политрук Бондаренко. Третью группу возглавляли капитан Ф. В. Смекалин и старший политрук Щ. Х. Чанбарисов. Для эвакуации раненых были созданы команды носильщиков и выделены подразделения прикрытия.

Ночью начался выход. Схватки носили ожесточенный, но

скоротечный характер. Действовали главным образом штыком и гранатой. Прикрывались пулеметным огнем. Лейтенант Степаненко связками гранат заставил замолчать два вражеских дзота. Пересунько заколол штыком несколько фашистов. Старший лейтенант Кононенко с группой бойцов внезапно ворвался в окопы врага и уничтожил несколько фашистов. Прикрывая отход своей группы, Кононенко был тяжело ранен, но и тогда не прекратил вести огонь по врагу. А когда кончились патроны и фашисты приблизились к нему, Кононенко предпочел смерть плену. Но расстался со своим "максимом" сержант Потеряев. При выходе из окружения он искусно прикрывал своих товарищей.

В эту ночь в бригаде никто не спал. Все мы - командование, офицеры штаба и политработники - были на передовой, готовые прийти на помощь воинам, пробивающимся из окружения.

В 2 часа утра 20 августа я встретил Смекалина и Чанбарисова, секретаря парткомиссии политотдела Леушина и нескольких бойцов. О том, как они выглядели, говорить не приходится. Силы их покинули сразу же при встрече с нами. Многие без посторонней помощи уже не могли добраться до тылов бригады, где они собирались. Несколько дней еще выходили одиночки из окружения. Мы радовались каждому человеку и с щемящей болью в сердце вспоминали о тех, кого не было с нами. Из окружения вышли не все. Не удалось пробиться к своим старшему политруку Сергею Николаевичу Горбунову. Это был замечательный товарищ, до войны он работал в Москве, перед последними боями был назначен комиссаром третьего батальона. Скромный, собранный, культурный, он как бы олицетворял в своем лице коренного москвича. Во время боев в окружении новый комиссар батальона показал себя человеком большой воли.

Несколько дней о судьбе Горбунова мы ничего не знали. Но потом нам стало известно, что фашисты захватили тяжелораненого комиссара. Его долго пытали, добиваясь показаний, но напрасно.

В лесу под кронами угрюмых елей собрались бойцы и офицеры - юрой только что закончившихся боев. Шел непринужденный разговор, люди делились воспоминаниями. Ведь тяжкие испытания особенно сближают людей.

Кто-то запел:

Вьется в тесной печурке огонь.

Песню, полюбившуюся воинам, сразу подхватили и тут же перефразировали:

Ты сейчас далеко-далеко,

Между нами болото Сучан,

До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти четыре шага.

Много теплых слов я услышал тогда от красноармейцев о командирах и политработниках. С особой гордостью и любовью они говорили о своем комиссаре. Чанбарисов всегда пленял меня неукротимой верой в людей. После прошедших боев я убедился, что бойцы и офицеры отвечают ему взаимной верой и любовью.

Вспоминая о комиссарах Красной Армии периода Великой Отечественной войны, хочется особо подчеркнуть, что они были достойными преемниками Дмитрия Фурманова, Николая Маркина, Антона Булина и других легендарных комиссаров гражданской войны. Опираясь на коммунистов, комиссары многое сделали для укрепления морально-политической стойкости фронтовиков.

В Чанбарисове я вижу яркие черты политработника тех лет.

Через несколько дней командир бригады устроил разбор результатов двухнедельных боев. По оценке штаба армии бригада выполнила подавленную перед ней задачу. Батальоны, попавшие в окружение, своей непоколебимой стойкостью сковали до двух пехотных дивизий противника и нанесли им большой урон.

Газета "За Родину" призывала всех бойцов и командиров Северо-Западного фронта брать пример с наших воинов. В передовой статье писалось: "Они дрались, не сходя с места, когда враг заливал поле боя шквальным огнем, когда со всех сторон немцы шли в атаки... В любой самой трудной обстановке сражайся с врагом так, как старший лейтенант Кононенко, сержант Потеряев, красноармеец Пересунько. Будь стойким, как они. Беззаветно выполняй боевой приказ".

Вскоре большая группа участников боев была отмечена правительственными наградами. Орденами Красного Знамени были награждены капитан Ф. В. Смекалин, старший политрук ТТТ. Х. Чанбарисов, лейтенант И. А. Подурец, сержант Е. А. Удовиченко. Орденом Красной Звезды и медалями - старший политрук В. Д. Леушин. сержант А. П. Александров, политрук Д. А. Кабанов, красноармейцы М. Р. Кожухов, Д. Н. Филатов, И. А. Пересунько, ефрейтор А. К. Мусатенко, сержант И. Н. Потеряев и многие другие.

У Ф. В. Смекалина в эти дни произошло еще одно радостное событие - он был принят в члены Коммунистической партии. Офицером стал Евдоким Антонович Удовиченко. Ему присвоили звание младшего лейтенанта.

Мы по праву гордились отвагой и стойкостью людей нашей бригады, заслуженной оценкой их подвигов. Но нас огорчали потери людей во время выхода из окружения. Что-то не доделали

мы сами. Не оказало нам помощи и командование армии. Наступление войск Северо-Западного фронта с целью ликвидации демянского плацдарма противника успеха не имело. Очевидно, еще не научились наступать, так рассуждали мы. Причем это в одинаковой мере мы относили как к себе, так и к командованию армии и фронта. Вскоре бригаду вывели во второй эшелон. После небольшого отдыха и пополнения снова бои. Теперь на другом участке фронта под Лычково.

Война разбросала нас, воинов 133-й отдельной стрелковой бригады, по разным частям и соединениям. О судьбе многих мне ничего неизвестно. Но с некоторыми товарищами мне приходилось встречаться.

Летом 1943 г. после Курской битвы мы встретились на марше с подполковником Чанбарисовым. Он был заместителем командира стрелкового полка по политической части. В то время наши сердца были переполнены радостью побед Советской Армии, но заговорили мы не о Курской битве, а о Северо-Западном фронте, о боях в районе болота Сучан, о боевых друзьях.

Всю Великую Отечественную войну Чанбарисов провел на фронте. После победы над фашистской Германией участвовал в разгроме японских милитаристов. Домой вернулся с двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны и Александра Невского.

Примечательна послевоенная судьба этого незаурядного политработника. Прежде всего осуществилась его давняя мечта продолжать учиться. Чанбарисов окончил Академию общественных наук при ЦК КПСС. Он кандидат исторических наук, доцент, преподает курс истории партии и уже много лет работает ректором Башкирского государственного университета.

Наши пути с Федором Васильевичем Смекалиным сошлись в 55-й стрелковой дивизии, где он был командиром полка, а я начальником политотдела. И здесь Смекалин воевал хорошо. Полк под его командованием успешно участвовал в Курской битве, форсировании Днепра, освобождении Белоруссии и Латвии. Под Ригой Смекалин был ранен. После лечения снова командовал полком, только в другом соединении, и с боями дошел до Берлина. Теперь подполковник запаса Смекалин руководит организациями ДОСААФ в одном из районов Свердловской области.

Северо-Западный фронт мы никогда не забудем. Он дорог нам тем, что там в тяжелых условиях мы учились воевать и побеждать врага. Там прошла наша военная молодость.

Н. К. Дьячков

На рамушевском тракте

Успешные наступательные действия наших войск в конце 1942г. и январе 1943 г. на западном, юго-западном и южном направлениях вынудили противника напрячь все силы, сконцентрировать все имеющиеся резервы и даже снимать с менее важных фронтов свои войска, чтобы задержать стремительное наступление Красной Армии.

Не исключалось, что противник может снять часть своих войск со старорусского участка фронта и вывести демянскую группировку с целью переброски их в районы особенно активных действий Красной Армии.

В конце января 1943 г. Советское Верховное Главнокомандование, взвесив обстановку, сложившуюся на Северо-Западном фронте, и предвидя вероятность отхода противника, приняло решение о проведении операции для завершения окружения демянской группировки немецко-фашистских войск и полного ее уничтожения.

Операция намечалась на середину февраля 1943 г. Встречными ударами 27-й армии с севера и 1-й Ударной армии с юга по западному выходу из рамушевского коридора наши войска должны были перерезать вражеские коммуникации между Старой Руссой и р. Ловатью и не допустить возможного отхода врага.

Наша 171-я стрелковая дивизия 34-й армии, находившаяся в обороне, получила приказ совершить стокилометровый марш из района Долгие Горы, Вояры, Рябки (10 км юго-восточнее ст. Любница). К 16 февраля части дивизии вышли в район Лукино, Заостровье, Конюхово (8 км северо-восточнее ст. Парфино) и поступили в распоряжение командующего 27-й армией, генерал-лейтенанта Сергея Георгиевича Трофименко.

В то время, когда мы проходили через с. Мануйлово, командира дивизии вызвал командующий армией. Комдив Б. И. Зобин взял с собой и меня, в то время начальника оперативного отделения штаба дивизии.

Командир дивизии полковник Богумил Иосифович Зобин, чех, вступивший в Красную Армию в 1918 г., был боевым командиром, имел артиллерийское образование, несколько лет работал преподавателем. Нас встретил начальник штаба армии полковник Григорий Сергеевич Лукьянченко. Он хотел ознакомить нас с предстоящей задачей. Но тут, как говорится, произошел конфуз: у нас не оказалось карты нужного района - 34-я армия дала нам карты только до Мануйлова. Пришлось идти к начальнику оперативного отдела. Каково же было мое удивление и вместе с тем радость, когда я узнал, что в этой должности состоит полковник Александр Васильевич Порхачев, которого я

знал еще с апреля 1942 г.

Получив от командующего армией задачу на наступление и нанеся ее на карту, которую я ему принес, комдив в первую очередь занялся изучением местности в полосе предстоящих действий дивизии.

Исходный район для наступления был в довольно густом хвойном лесу, что способствовало скрытому ее сосредоточению и выходу на рубеж атаки. Мы сменяли подразделения 983-го стрелкового полка 253-й стрелковой дивизии и 147-й стрелковой бригады.

До нашего прихода здесь еще с апреля 1942 г. велись ожесточенные бои как в период окружения демянской группировки, так и после. Немало доблестных советских воинов пало смертью героев по обе стороны Рамушевского шоссе от Старой Руссы до Рамушева, Бякова, Васильевщины и Демянска. Тогда захват этого шоссе лишал фашистов единственного наземного пути, связывающего старорусскую группировку с зажатыми в демянском "мешке" дивизиями 16-й армии.

Срок подготовки операции был коротким, поэтому начальник штаба дивизии подполковник Иван Маркович Прокопенко решил выслать сразу две группы офицеров, которые должны были подыскать место для наблюдательных пунктов основного и запасного. Для выбора места основного НП поехал я и дивизионный инженер, капитан Алексей Николаевич Дулов, запасного - начальник разведывательного отделения штаба дивизии капитан Сергей Михайлович Сирко и один из офицеров 137-го саперного батальона.

Мой спутник, капитан Дулов, не был кадровым офицером, но он быстро усваивал все новое, хорошо разбирался в тактической обстановке в ходе боя, был подвижен, смел до дерзости и чрезвычайно остроумен, любил пошутить, был всегда весел и добродушен. Как говорится, за словом в карман не лез и на выдумки был хитер, а для сапера это очень важно. Поехали мы на упряжке дивизионного инженера. Путь был немалый, от Мануйлова до Козлова не менее 20 км. Переехали р. Ловать, мирно беседуем, погода морозная, тишина в чистом поле, только полозья поют, да снег из-под копыт Орлика стучит по передку.

Приехали мы в штаб полка, отыскали полкового инженера и отправились пешком на один из ближайших наблюдательных пунктов. Строились они примерно одинаковым способом: выбирались стоящие близко друг к другу три-четыре сосны или ели и от одной к другой перебрасывались наклонные звенья лестниц из жердей с поручнями или без них. Каждое звено кончалось небольшой площадкой для перехода на следующее

звено и так до самого верха, где устраивался замаскированный шалаш, в котором и устанавливалась стереотруба, телефон, а если нужно, то и радиостанция. Здесь дежурили разведчики, круглосуточно или только в светлое время, а по мере надобности, особенно во время атаки и боя в глубине обороны противника, сюда поднимался командир.

Лес в этом месте высокий - до 30 м и наблюдать за противником было более удобно и безопасно, чем с наземных наблюдательных пунктов на открытой, среднепересеченной местности, где плохо замаскированные НП обычно сильно подвергались обстрелу артиллерией врага. Правда, залезть на такую высоту довольно-таки трудновато, а сидеть в зимний день при трескучем морозе, да еще с ветерком - и того труднее. Но другого выхода не было. Без "глаз", как называют НП, нельзя было обеспечить управление войсками.

Прошли еще на один такой НП. Его мы и облюбовали для командира дивизии. Составили перечень необходимых работ по инженерному дооборудованию НП, устройству дополнительных землянок и укрытий и отправились туда, где нас ждал Орлик.

171-я стрелковая дивизия получила довольно сложные задачи на наступление в направлении Дмитрово, Ново-Свинухово, Волышево. Прежде всего дивизия должна была прорвать оборону противника на участке Сычево, Язвы; выйти на рубеж д. Большие Горбы, на глубину пять километров; с этого рубежа продолжать наступление и выйти главными силами на р. Порусья, а передовыми частями - на р. Полнеть. Отсюда нам следовало наступать в направлении на Григорово. На дивизию возлагалась еще и дополнительная нелегкая задача: после выхода на рубеж д. Большие Горбы выдвинуть подвижный отряд в Соколове, Ожедово 1-е, т. е. навстречу частям 1-й Ударной армии. Таким образом, дивизия должна была участвовать в двух операциях: выходом на Полнеть содействовать окружению противника в Старой Руссе, а встречей в Соколове с войсками 1-й Ударной армии - завершить окружение демянской группировки противника.

По разведывательным данным, полученным нами от 253-й дивизии и 147-й бригады, в полосе наступления нашей дивизии на рубеже Сычево, Язвы оборонялись подразделения 51-го гренадерского мотополка 18-й моторизованной дивизии в составе семи стрелковых и одной пулеметной роты общей численностью до 300 человек с 14 станковыми и 36 ручными пулеметами, 8 противотанковыми орудиями, 18 минометами, при поддержке из глубины обороны 5 - 6 артиллерийскими и 5 минометными батареями с личным составом до 400 человек.

Наша же дивизия по своему составу была весьма

малочисленной. В трех стрелковых полках, лыжном и учебном батальонах насчитывалось всего лишь немногим больше 3 тыс. человек. Правда, поддержку мы получили немалую. Нас поддерживали 15-я артиллерийская дивизия, имевшая восемь полков, 26-й гвардейский минометный полк "катюш" и 652-й артиллерийский полк 202-й стрелковой дивизии, находившейся во втором эшелоне армии, а также 28-й и 29-й отдельные танковые полки. Как бы то ни было, а превосходство в силах и средствах было на нашей стороне: по пехоте мы превосходили врага в три раза, по артиллерии и минометам - до восьми раз и по танкам имели шестикратное превосходство.

Рубеж, занимаемый противником, господствовал над местностью. Все подступы к его обороне хорошо им просматривались, особенно с дистанций 150 - 200 м. Снег на открытых местах в основном стаял, образовав застои воды, покрывавшиеся легкой ледяной коркой только в ночное время. Кустарник и деревья на исходном рубеже для наступления были уничтожены артиллерийским и пулеметным огнем противника настолько, что скрытый подход к нему в светлое время совершенно исключался. Открытая, ровная местность до рубежа атаки и далее до переднего края обороны противника могла быть преодолена только под прикрытием артиллерийско-минометного огня и в том случае, если бросок в атаку осуществлялся непосредственно перед рубежом врага.

Перед передним краем вражеской обороны были выявлены проволочные заграждения в два-три ряда кольев и дерево-земляной забор, обложенный снегом. Перед ними и под проволокой - установленные в 1942 г. и усиленные в следующем году минные поля. В более низких местах обнаруживались всплывшие деревянные мины. Передний край обороны противника прикрывался тщательно организованным огнем.

Особенно открытая местность была у д. Сычево и у рощи Груша. Подступы к переднему краю противника и сам передний край с нашей стороны, с земли, просматривались весьма плохо.

Просмотр глубины вражеской обороны показал, что в 100 - 150 м за передовой линией стрелковых позиций врага у него имелась линия блиндажей и других укрытий. Хорошо просматривалась вторая линия проволочных препятствий. На удалении в 200 - 300 м были видны отдельные группы дзотов, заборов, окопов и блиндажей. Как выяснилось после боев, это были землянки командных пунктов командиров рот и батальонов и резервов противника. Особенно сильной представлялась оборона в Сычеве, расположенном на возвышенности, а также в роще Груша, седлающей шоссе. Началу операции предшествовала

тщательная командирская разведка, в ходе которой были решены все вопросы взаимодействия частей и подразделений, до роты и батареи включительно. Личный состав дивизии имел уже большой боевой опыт и был хорошо подготовлен к боям, политико-моральное состояние воинов находилось на высоком уровне.

Все это в общем не могло не радовать нас.

До 19 февраля, находясь еще в Мануйлове, штаб дивизии со штабом командующего артиллерией дивизии, начальниками служб и заместителем командира дивизии по тылу разработали всю необходимую для управления частями дивизии в предстоящих боях боевую документацию, довели ее до всех исполнителей и в последующие дни проводили проверку готовности частей и подразделений.

По указаниям из армии к началу боев командный пункт дивизии перемещался в лес восточнее д. Находно. Высланная туда оперативная группа во главе с помощником начальника оперативного отделения штаба дивизии старшим лейтенантом Иваном Михайловичем Рязанцевым нашла этот пункт вполне оборудованным, но он был занят штабом 147-й стрелковой бригады. Вместе с Рязанцевым в будущее расположение штаба дивизии выехали также комендантский взвод, связисты с начальником связи дивизии майором Иваном Григорьевичем Нестеренко и саперы из саперного батальона, возглавляемые одним из его офицеров.

19 февраля готовность дивизии проверял командующий армией генерал С. Г. Трофименко, заехал он и на наблюдательный пункт, который мы с Дуловым выбрали для командира дивизии.

С. Г. Трофименко стал командармом недавно, сменив генерала Ф. П. Озерова, он еще не успел осмотреть всей полосы армии, ширина которой достигала 50 км. Вскоре прибыл командир 200-й стрелковой дивизии полковник Михаил Эммануилович Москалик, ставший на следующий день командиром нашей дивизии (полковник Зобин через три дня был назначен командиром 200-й дивизии). Еще до рассвета 23 февраля части дивизии заняли исходное положение для наступления. Боевой порядок дивизии - все полки в первом эшелоне, а в резерве командира дивизии оставались: 2-й батальон 380-го стрелкового полка, лыжный батальон дивизии, вторая батарея 185-го отдельного истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона с саперными подразделениями под командованием командира лыжного батальона капитана Федора Васильевича Грива.

Полки все свои батальоны тоже поставили в первый эшелон, оставив в резерве роты автоматчиков, а также разведывательный и саперный взводы.

Для наращивания силы удара в ходе боя этих резервов, несомненно, было мало, они были недостаточны и для отражения вражеских контратак.

Начавшаяся в 9 часов утра 23 февраля артиллерийская подготовка отличалась по мощности и продолжительности от других, проводившихся на Северо-Западном фронте, которые мне приходилось слышать. Разгадка проста: линия фронта 27-й армии шла с севера на юг от Трифонове на р. Полнеть, через Медниково, Липовицы до Пено и отсюда поворачивала под прямым углом на восток - на Сычево, Язвы, Рамушево. Поэтому огневые позиции всей участвовавшей в операции артиллерии концентрировались на сравнительно небольшой площади для ведения огня в западном, юго-западном и южном направлениях. В течение 1 часа 40 минут на командном пункте нашей дивизии, окруженной со всех сторон огневыми позициями, нельзя было говорить, даже крик с трудом различался.

С началом артподготовки пехота начала ползком, скрыто выходить на рубеж атаки и к концу ее вошла в непосредственную близость с противником, не встретив при этом серьезного огневого сопротивления. За восемь минут до общей атаки со своего исходного рубежа двинулись танки, догнали пехоту и вместе с ней, после переноса огня артиллерии в глубину обороны противника, в 10 часов ворвались на передний край вражеской обороны. Атака была дружной и стремительной, несмотря на ожесточенный огонь оживших огневых средств. Особенно силен был огонь на правом фланге из узла сопротивления в Сычеве.

После артиллерийской подготовки многие огневые точки противника оказались все же неподавленными, оказывали сильное сопротивление дружно поднявшейся в атаку пехоте и танкам и наносили им значительный урон. В начале боя движение танков было замедленным, они вязли в снегу, останавливались, брали друг друга на буксир. Вместе с ними останавливалась и пехота, двигавшаяся непосредственно за танками.

К вечеру обозначился успех наших полков, хотя и незначительный. Лучшего результата добился 380-й полк. Он прорвал передний край обороны противника, перерезал шоссе между Сычево, Язвы и первым батальоном продвинулся на 600 м за дорогу. Туда же, но несколько левее вышел третий батальон, и оба они продолжали движение на Дмитрове.

713-й полк также прорвал передний край и занял траншеи в

районе отметки 31,0 на шоссе. Его второй и третий батальоны развивали успех в направлении колхоза Боловино. Что же касается 525-го стрелкового полка, наступавшего без танков, то его второй батальон сумел ворваться в первые траншеи обороны врага.

Вообще в первый день наступления более организованно действовал 713-й стрелковый полк. Спокойствие и выдержка при принятии решений и проведении их в жизнь командиром полка подполковником Константином Дмитриевичем Мирошниченко передавались подчиненным командирам и бойцам, и они дружно поднялись в атаку, прорвали оборону противника и смело, энергично действовали в ее глубине.

Командир взвода первой стрелковой роты этого полка комсомолец лейтенант Тимофей Леонидович Гришанович с возгласом: "За Родину, вперед!" первым поднялся в атаку. За ним последовали знатный снайпер дивизии комсомолец Иван Степанович Брезгин и боец Николай Александрович Стулов. Увлеченный их примером, весь взвод ворвался в траншеи противника и уничтожил его штыками и гранатами. Хорошие командирские качества проявили в ходе боя командир пятой стрелковой роты лейтенант Стефан Петрович Коледа и его заместитель по политчасти лейтенант Файзулла Файзуллин.

Под сильным фланговым пулеметным огнем, переползая от одного бойца к другому, они сумели организовать их на блокировку вражеских дзотов у дорога. Они-то первые и перерезали шоссе у отметки 31,0.

В этот день было сбито два пикирующих бомбардировщика противника, и один из них сбил сержант комендантского взвода 525-го полка Григорий Тимофеевич Логинов из спаренного ручного зенитного пулемета.

Бойцы и командиры в ходе боя проявили мужество и отвагу и, не жалея своей крови, дрались с врагом. В этом сказались их высокое политико-моральное состояние, возросший наступательный порыв. Это было заслугой партийно-политического аппарата полков и офицеров политотдела дивизии, которые в большинстве своем находились непосредственно в боевых порядках рот и взводов.

К сожалению, не обошлось и без неприятностей. В ходе боя командир 380-го стрелкового полка подполковник И. М. Ермолаев самоустранился от руководства полком и ушел в штаб одного из батальонов. Приказом командования командиром полка стал майор Федор Матвеевич Зинченко. Имя этого командира, Героя Советского Союза, теперь широко известно. Это его полк водрузил знамя Победы над рейхстагом. Небезынтересно отметить, что

стрелковый батальон 380-го полка 171-й дивизии под командованием старшего лейтенанта К. Я. Самсонова, действовавший левее полка Зинченко, также штурмовал рейхстаг в северной его части. Имя Константина Яковлевича Самсонова, Героя Советского Союза, ныне знают все в нашей стране.

Хочется мне рассказать немного и о боевых действиях наших непосредственных соседей.

Правее нас, в направлении Нагаткино, Утошкино, наступала 43-я гвардейская латышская стрелковая дивизия. За первый день боя она успеха не имела и лишь на правом фланге, преодолев снежный завал, подошла вплотную к переднему краю обороны противника, понеся при этом большие потери.

ˆ Слева наступала 200-я стрелковая дивизия в направлении Язвы, Большие Горбы, Великое Село и к исходу первого дня овладела рощей Круглая и Язвы, полностью очистив их от противника.

Одним из обстоятельств, мешавших налаживанию взаимодействия с соседом справа и постоянному поддержанию его в ходе боя, было отсутствие локтевой связи. Между фланговыми полками - болото с отметкой 30,7, которое входило в полосу 43-й гвардейской дивизии. Его надо было обходить. Два соседа одновременно начинали атаку и, при малейшем успехе продвигаясь вперед, поневоле расходились в противоположные стороны. При бое в глубине обороны расстояние между дивизиями доходило до пяти километров. Чем могли помочь друг другу такие соседи? Так и воевали эти дивизии с одним открытым флангом.

Уже было сказано, что нашим соседом справа 23 февраля была 43-я гвардейская дивизия, 26 февраля стала 253-я, 4 марта - снова 43-я, 6 марта - 28-я гвардейская дивизия: за 12 дней - четыре перемены.

А слева 23 февраля - 200-я, 24 февраля - 202-я. Причиной было то, что 253, 28 и 202-я дивизии по мере надобности вводились командующим армией из второго эшелона, и это вполне закономерно, так же как и то, что они вводились на направлении главного удара. Ввод свежих сил на обоих флангах 171-й дивизии должен был содействовать ее успеху. В этом смысле дивизии повезло. Если же ощутимого успеха у всех дивизий армии не получилось, то только потому, что противник, выводя из-под удара демянскую группировку, в полосу наступления армии подбросил 12, 122, 126 и 290-ю пехотные дивизии, что более чем втрое усилило его оборону. Чтобы разгромить их, нам нужно было иметь значительно более мощные силы, чем те, которые действовали с нашей стороны.

С утра 24 февраля, после 15-минутной артиллерийской подготовки, части дивизии возобновили атаки. Противник везде оказывал упорное сопротивление. Успех, как и в последующие дни, был незначительным. В общей сложности за четыре боевых дня правофланговый 525-й стрелковый полк, которым командовал подполковник Яков Исаакович Муллер, к сожалению, не отличавшийся твердостью и смелостью управления подразделениями полка во время боя, не мог сломить сопротивление противника в Сычеве, но вышел за шоссе и продвинулся на юго-западную опушку рощи Груша, южнее Сычева.

380-й стрелковый полк прорвал оборону противника в роще Груша, вышел на южную ее опушку и, наступая на Михалкино, приблизился к нему, оставаясь на правом берегу р. Редьи.

713-й стрелковый полк 25 февраля во взаимодействии с соседним слева 1317-м полком 202-й стрелковой дивизии после упорного боя уничтожил противника в Дмитрове, овладел им, но был остановлен противником при попытке захватить Михалкино и дальше продвинуться не смог.

Первым в Дмитрове ворвался взвод шестой стрелковой роты под командованием лейтенанта Ивана Кузьмича Сафонова, уничтоживший отчаянно сопротивляющегося противника и занявший часть деревни.

43-я гвардейская дивизия подошла к колхозу Пенно и начала обходить его слева, но была остановлена огнем противника и перешла к обороне.

253-я дивизия, введенная в бой из второго эшелона армии 25 февраля, с 38-м танковым полком перерезала шоссейную дорогу Старая Русса, Холм между Пенно и Аринино. Но, попав под удар 13 вражеских бомбардировщиков, не добилась решающих успехов. Этот наш правый сосед вел бой в четырех-пяти километрах правее.

Введенная в бой из второго эшелона армии 24 февраля 202-я стрелковая дивизия, ставшая нашим левым соседом, участвовала в освобождении д. Дмитрове с 713-м полком нашей дивизии. Развивая успех, она вела бои за Кочаново и Боловино, перед которыми была остановлена противником.

Стало совершенно очевидно, что гитлеровское командование после первого дня разгадало направление наступления не только нашей дивизии, но и других дивизий армии и к местам наметившегося нашего успеха стало подтягивать новые части, выводимые из демянского "котла". Это подтверждалось и показаниями пленных. Наши части несли потерн, сила удара их слабела, танков стало значительно меньше, а артиллерийский

огонь почти не наносил урона огневым средствам противника. Поэтому с 27 февраля по 2 марта дивизии прекратили крупные боевые действия и ограничились действиями отдельных отрядов и разведки.

Необходимо отметить, что, невзирая на тяжелые условия боев и потери, бойцы и командиры с большой стойкостью преодолевали трудности боев, презирая смерть, порой без сна и отдыха они шли в атаку, освобождая от противника шаг за шагом нашу родную землю.

Ведущую роль во всех боевых операциях играли коммунисты и комсомольцы.

Командир расчета станкового пулемета 380-го полка, кандидат в члены ВКП(б) Федор Кириллович Ситников хорошо организовал работу расчета; однажды огнем пулемета на своем участке он подавил две огневые точки противника и тем самым обеспечил успешное продвижение пехоты вперед.

Санитар второй стрелковой роты этого же полка Мирон Афанасьевич Кныш 25 февраля вынес с поля боя 30 бойцов и командиров. Когда он спасал одного из раненых, на них набросился немецкий унтер-офицер. Санитар убил его и этим спас раненого.

С каждым днем боев с немецкими захватчиками появлялось все больше героев. Отвага, вера в правоту своего дела, отличное знание оружия и тактических приемов борьбы множили их ряды.

Командир пулеметного отделения первой пулеметной роты 713-го полка, член ВКП(б), агитатор отделения, старший сержант Григорий Степанович Нарыжный вместе с первым наводчиком сержантом Петром Васильевичем Ярутиным отразил контратаку 40 вражеских автоматчиков, при этом он лично уничтожил до 15 гитлеровцев, а остальных заставил повернуть вспять.

Пулеметчик Иван Иванович Павлов заметил, что от отдаленного куста фашистский пулеметчик посылает очередь за очередью по наступающим нашим подразделениям. Быстро подготовившись, он одной длинной очередью из "максима" уничтожил пулемет противника, и стрелковое подразделение сумело продвинуться вперед.

Боец роты связи 525-го полка Александр Федорович Гаршенин под огнем противника непрерывно восстанавливал связь с наблюдательным пунктом, устранив 31 обрыв кабеля. 24 февраля при устранении повреждения кабеля был он тяжело ранен в руку и ногу, но с линии не ушел до тех пор, пока не устранил обрыв, обеспечив таким образом управление батальоном в самый ответственный момент боя.

Командир четвертой стрелковой роты 525-го полка старший

лейтенант Григорий Романович Осмачко 2 марта, командуя группой в бою в районе рощ Фигурная и Груша, проник на 400 м в глубину обороны противника юго-восточнее Сычева. Закрепившись на правом берегу р. Редьи, он организовал круговую оборону. Правильно организовав взаимодействие с артиллерией, всюду проявляя инициативу и решительность, отважный командир поднял роту, отрезанную от остальных подразделений батальона. Смелым броском рота овладела траншеями и дзотами противника и глубоко проникла в его тыл. Бойцы автомобильной роты подвоза дивизии начиная с 17 февраля находились в рейсах почти полные сутки, доставляя боеприпасы и продовольствие. Все задания водителями были выполнены в срок, без аварий и поломок. Водитель Петр Севастьянович Литвиненко сделал 8 рейсов по 260 км каждый. Павел Николаевич Григорьев совершил 15 рейсов, покрыв расстояние 1782 км. Хансулла Жданов взял обязательство водить машину без аварий и поломок, содержать ее в готовности в любое время к очередному рейсу. Он с честью выполнил обязательство и стал одним из лучших водителей роты.

В результате больших потерь, понесенных полками, боеспособность дивизии значительно снизилась, в первые три дня тяжелых боев вышло из строя значительное количество командиров и политработников.

В течение всего дня 2 марта противник проводил на разных участках контратаки небольшими группами. Все они были отбиты подразделениями 380-го и 713-го полков, понесшими при этом потери. В 380-м полку было 7 раненых, в 525-м полку - 23.

Особенно ощутимыми были потери командного состава и политработников. К 3 марта были выведены из строя большинство командиров батальонов и их заместителей по политической части. В строю осталось лишь несколько командиров стрелковых рот и их заместителей.

Во время контратаки противника 2 марта в 380-м полку погибли начальник связи полка капитан Иван Андреевич Виноградов, заместитель командира батальона по политчасти старший лейтенант Иван Михайлович Гусаков, заместитель командира роты по политчасти лейтенант Яков Прокофьевич Давыдов.

4 марта 380-й полк оборонял свой участок, а 525-й полк был выдвинут вперед, к 713-му полку, и совместно с ним вел напряженный бой за Михалкино. В результате артподготовки нам не удалось подавить огневую систему противника. Части несли большие потери. Перейти реку и ворваться в Михалкино удалось только десяти бойцам 713-го полка, но и они погибли затем от

огня противника. 525-й полк, понесший большие потери, ворваться в Михалкино не смог.

Во второй половине дня 4 марта, когда бои стали затихать и не было надежды на успех, командир дивизии полковник М. Э. Москалик, находившийся на наблюдательном пункте, направил меня в 525-й и 713-й полки для выяснения положения и установления взаимодействия полков, предназначенных вести дальнейшие боевые действия с целью освобождения Михалкина.

В полки я мог попасть, проехав через расположение лыжного батальона дивизии, находившегося в резерве командира дивизии. С связным от этого батальона, младшим сержантом Касимом Дорбаевым, мы тронулись в путь. Лыжный батальон располагался невдалеке. Встретил нас начальник штаба батальона капитан Евгений Николаевич Троицкий. Он и рассказал мне подробности боев, в которых участвовал батальон в последние дни. А затем проводил меня в штаб 380-го полка, где раньше он был помощником начальника штаба по разведке.

Штаб размещался у крутого берега Редьи, он отстал от батальонов и командира полка. Этим был озабочен П. П. Волгин, помощник начальника штаба полка. Здесь уместно сказать, что Петр Прокофьевич оказался вполне способным штабным работником, будучи начальником штаба полка 207-й дивизии, он дошел до Берлина. 171-я дивизия, как известно, штурмовала вместе со 150-й дивизией рейхстаг.

Из штаба я направился к командиру полка. Шли у самой воды, где уже была протоптана довольно широкая дорожка с жердяными мостиками через ямки и воронки, по которой шло снабжение всем необходимым всех трех полков дивизии. Удобство этой дороги состояло в том, что она пролегала под почти отвесным высоким левым берегом р. Редьи и была вполне безопасной, хотя проходила в непосредственной близости от Сычева и перерезала (вместе с рекой) сычевский опорный пункт противника.

Там, где река делала несколько раз крутые изгибы, небольшие участки левого берега становились открытыми и противник простреливал их, поэтому передвигаться в этих местах приходилось бросками. По этой же дороге эвакуировали раненых, даже днем. Были в полосе дивизии другие тропы и дороги, но почти все они простреливались и просматривались противником и движение по ним было возможно только в темное время.

Полк в этот день наступательных действий не вел, поэтому майор Зинченко занимался хозяйственными вопросами, кроме того, вместе с начальником штаба капитаном Григорием Вульфовичем Мельниковым и заместителем по политчасти

капитаном Василием Васильевичем Клишиным они оформляли наградные листы отличившихся в последних боях воинов.

Дальше двигаться вдоль реки было нельзя и пришлось дождаться темноты, чтобы продолжить путь. К вечеру стало подмораживать, лужи от растаявшего за день снега подмерзли, ледок похрустывал под сапогами. Взлетающие вверх немецкие ракеты ярко освещали местность. Полки наши образовали узкий клин: Сычево, Михалкино, Борисово. Справа - противник за Редьей, слева - на открытой местности. Иногда казалось, что ракеты летят со всех сторон, что полки в кольце.

Вместе со мной шли Георгий Иванович Погребицкий, лейтенант, командир взвода роты связи полка, Петр Дмитриевич Поздняков, стрелок пешей разведки полка, - оба известные мне по прежним встречам и еще кто-то из разведчиков. Они прошли ранее этот путь и хорошо ориентировались по силуэтам отдельных строений, деревьев, кустарников, поэтому опасаться было нечего.

Больше половины пути мы вынуждены были делать перебежки, когда замирал свет ракет, тотчас ложиться при всполохе новой серии белых шаров. Полушубок на мне промок до локтей, а замерзшие полы гремели, как железные. Ватные шаровары промокли на коленях и даже за голенищами сапог. Наконец, добрались мы до штаба 525-го стрелкового полка. Всего три землянки, возвышающиеся метра на полтора над равниной. И это были тоже бывшие немецкие землянки, по-видимому, ротные. В них разместились все штабные офицеры, связисты, саперы, разведчики, автоматчики, словом, - все управление полка.

Я был только в одной из землянок у командира полка подполковника Муллера. Пока спускался вниз по ступенькам, прошло не меньше десяти минут. Приходилось протискиваться между спящими бойцами. Ступенек-то всего десяток, а ширина такая, что еле двоим разойтись, но сколько сидело на них людей. Дверь не закрывалась из-за тесноты и для вентиляции.

Присмотревшись, стал различать. Здесь кроме командира полка были помощник начальника штаба капитан Иван Васильевич Хныкин, заместитель командира полка майор Николай Лотович Парфенов, командир дивизиона 357-го артиллерийского полка капитан Александр Петрович Дерягин, литературный сотрудник дивизионной газеты "Защитник Родины" старший лейтенант Моисей Исаевич Сухер, радисты с радиостанцией, телефонист при телефоне, санитар и еще много людей, сидящих на нарах, на полу и даже стоящих.

Настроение после неудачных попыток полка перейти Редью и ворваться в Михалкино было не из веселых. Полк с каждым днем

боев все уменьшался, чувствовалась крайняя усталость бойцов и командиров после беспрерывных десятидневных боев. Но ни одной жалобы на плохое питание и снабжение стрелковыми боеприпасами нет. Всего хватает. Один недостаток - артиллерия из-за слабости обеспеченности боеприпасами не подавляем во время артиллерийской подготовки огневую систему противника на переднем крае и не ведет никакой борьбы с его артиллерией и минометами, расположенными в глубине обороны.

Командир 713-го полка со своим штабом размещался на километр дальше и левее. Условия размещения были такие же, как и в 525-м полку, - те же три землянки.

Здесь с подполковником Мирошниченко находился в течение всего дня заместитель командира дивизии по строевой части подполковник Ахметгалей Мухамедовпч Абдулхаликов, командир 357-го артиллерийского полка майор Александр Никифорович Кузнецов, заместитель командира полка по строевой части майор Михаил Матвеевич Ермохин, заместитель командира полка по политчасти майор Михаил Демьянович Панкратов, помощник начальника штаба полка старший лейтенант Сосламбек Урзумагович Сазонов и другие офицеры.

Под покровом ночи началась эвакуация раненых. Вывозили организованно, на самодельных брезентовых волокушах, чему благоприятствовал подмерзший снег. Дорог здесь никаких не было, и каждого раненого везли по кратчайшему пути, туда, где не стреляют и не светятся немецкие ракеты. И с вечера, и теперь при переходе в 713-й полк нам навстречу и несколько в стороне от нас виднелись волокущие что-то за собой фигуры. При вспышках вражеских ракет они моментально исчезали. Так продолжалось всю ночь. Для эвакуации раненых использовались все свободные люди из штабов и тылов, не исключая и дивизионных.

Положение в 713-м полку было не из лучших. Вместо трех батальонов осталось только два (третий расформирован). 80 стрелков двух батальонов при поддержке полковой артиллерии начали атаку. В ходе боя был введен и резерв полка - стрелковая рота в составе 50 стрелков. В течение десяти дней бойцы не имели возможности даже просушить свое обмундирование. У многих опухли ноги и руки. Бойцам был необходим отдых.

К утру пришел командир лыжного батальона капитан Ф. В. Грива. Командир дивизии решил ввести в бой свой последний резерв - остатки лыжного батальона, и капитан пришел сюда, чтобы изучить местность и условия боя.

Командиры полков, Абдулхаликов и я, а также пришедший к рассвету из подразделений полка заместитель начальника полит:

отдела дивизии майор Иван Степанович Фокеев доложили обстоятельно командиру дивизии и его заместителю по политчасти подполковнику Григорию Петровичу Тилюпо положение в полках дивизии. Комдив решил дать небольшой отдых людям в течение дня.

Подразделения приводились в порядок, переформировывались и готовились к бою за Михалкино. К лыжному батальону были присоединены бойцы комендантского взвода дивизии. На некоторых участках на правом фланге дивизии оборону держали группы средних офицеров и сержантов учебного батальона дивизии и роты химзащиты. Хозяйственные и спецподразделения частей были сокращены до минимума, а некоторые вовсе расформированы. Все собранные таким образом люди посланы на пополнение 525-го и 713-го полков.

В 18 часов подполковник Мирошниченко, вышедший из землянки на наблюдательный пункт, был тяжело ранен в голову. С наступлением темноты его отправили в медсанбат дивизии. После операции и лечения в госпитале он выздоровел, но лишился одного глаза. Отправились и мы с майором Фокаевым на командный пункт дивизии. Абдулхалков остался в полку. В командование полком вступил заместитель командира полка майор Михаил Матвеевич Ермохин.

Наступление возобновилось в ночь на 6 марта и продолжалось весь день. После многочисленных атак 525-го, 713-го полков и лыжного батальона некоторым группам бойцов удалось овладеть левым берегом Редьи севернее и южнее Михалкина. Дальнейшее продвижение было остановлено беспрерывным огнем противника, и к вечеру оно прекратилось.

На следующий день дивизия частью сил 713-го полка вела бой в районе Михалкина. Подразделения 525-го полка в течение дня отразили три последовательно возраставшие контратаки противника, и он, неся большие потери, отошел на исходные позиции.

В борьбе за Михалкино особый героизм и отвагу проявила группа бойцов лыжного батальона, состоявшая из 13 человек. Они первыми перешли на левый берег Редьи и там вели бой в течение всего дня без связи и без поддержки с правого берега. Во главе группы были два командира рот - старшие лейтенанты Иван Филиппович Курпас и Константин Семенович Чуднов. Противник вел яростный минометно-артиллерийский огонь по горсточке храбрецов, но бойцы не дрогнули и не оставили завоеванный берег. Они вели по противнику только прицельный огонь, экономя боеприпасы на случай контратак, которые вскоре и начались. Будучи раненными еще на рассвете, бойцы и

командиры перевязывали друг другу раны и продолжали отражать ожесточенные контратаки противника, подходившего на расстояние броска гранаты. Только с наступлением темноты их вынесли с поля боя. В этом неравном бою смертью героев пали командир роты Константин Семенович Чуднов и его заместитель по политчасти Долженков. Большой утратой для лыжного батальона была смерть его командира, бесстрашного офицера капитана Федора Васильевича Грива. Погиб и заместитель командира по политчасти 3-го батальона 713-го полка капитан Антон Прокофьевич Крамарь.

8 марта в бой за овладение Михалкином были введены все полки дивизии. Весь участок обороны 380-го полка заняла одна рота, усиленная пулеметами и минометами. Ночью же группа из роты автоматчиков 713-го полка, возглавляемая командиром роты, ранее награжденным орденом Отечественной войны I степени, старшим лейтенантом Джекшепом Дюшеевичем Дюшеевым, решительным броском ворвалась в Михалкино и заняла четыре вражеских дзота на северо-восточной окраине. Последующим вводом небольшой группы автоматчиков, сформированной из шоферов автомобильной роты подвоза дивизии, достигнутые ротой Дюшеева рубежи были закреплены.

Все остальные подразделения полков перебрались на левый берег Редьи. Находясь на открытой местности, они несли большие потери. Только в 380-м полку были ранены оба командира батальонов - капитаны Юрий Ефимович Абрамов и Сергей Александрович Фомичев и командир 120-мм батареи старший лейтенант Андрей Егорович Федулов, который только по приказу командира полка был эвакуирован в санчасть. Был убит адъютант первого батальона старший лейтенант Илья Алексеевич Шупляков. Все эти офицеры преданность партии доказали своей кровью. Несмотря на исключительно тяжелую обстановку, большинство бойцов и командиров проявили стойкость и отвагу при выполнении приказов командования.

На рассвете противник предпринял контратаку силой до ста человек. Во время отражения ее отличился комсомолец младший сержант роты связи 525-го полка Евгений Терентьевич Зимин. Заметив движение фашистов, он возглавил группу бойцов, первым ринулся на врага и метким огнем из автомата уничтожил до десяти гитлеровцев. Герой посмертно награжден орденом Красной Звезды и навечно занесен в списки полка.

В то время, когда четвертая батарея 357-го артиллерийского полка вела огонь по противнику, враг сделал огневой налет на батарею. Снаряды рвались вокруг пушек, но бойцы - Владимир Николаевич Букин, Дмитрий Семенович Бочкарев, Петр

Николаевич Никандров и другие - продолжали выполнять боевую задачу.

Бои постепенно затихали. 9 и 10 марта полки выполняли прежнюю задачу, действуя мелкими группами. Группа 525-го полка численностью в пять человек во главе со старшим лейтенантом Михаилом Васильевичем Горячевым и заместителем командира роты по политчасти Джумбаем Киясовым утром ворвалась на окраину Михалкина, но была прижата к земле сильным пулеметным и автоматным огнем врага.

Общим результатом боев дивизии с 23 февраля по 10 марта было продвижение на три-четыре километра, освобождение Дмитрова и выход на левый берег Редьи.

Противник, осуществляя контратаки и вводя в бой свежие части, удерживал занимаемые рубежи, хотя и ценою больших потерь. Его контратаки поддерживались отдельными танками и группами бомбардировочной авиации по 6 - 10 самолетов.

Дивизия, понесшая уже в первые дни боев большие потери, не в состоянии была успешно вести бой в глубине обороны противника, не имея в полках и дивизии вторых эшелонов и резервов, способных повлиять на ход боя. В ходе боев трофеи наших воинов составили 8 радиостанций, 7 орудий, 8 минометов, было сбито 2 самолета Ю-88, взято 15 пленных, уничтожено до 2500 солдат и офицеров противника.

Приведенные в этой статье факты свидетельствуют об огромных трудностях, которые приходилось преодолевать нашим войскам на Северо-Западном фронте, и об исключительном упорстве и героизме советских воинов в борьбе за выполнение поставленных перед ними задач.

Лесисто-болотистая местность оказывала серьезное влияние на все боевые действия наших войск, крайне затрудняя выявление противника и ведение по нему прицельного огня и мешая организации тесного взаимодействия. Наше наступление развивалось медленно еще и потому, что действия малочисленных стрелковых подразделений и частей слабо поддерживались танками, артиллерией и авиацией, что часто было обусловлено не только недостатком танков, артиллерии и авиации, но и слабым их обеспечением боеприпасами и горюче-смазочными материалами.

Н. А. Шмелев

В небе Приильменья

Полеты ночью очень сложны. Трудности определяются не только темнотой, но и особой техникой пилотирования и ведения ориентировки, которая требуется от летчика.

Как правило, после ночных полетов летчики сильно устают. Так было и 7 декабря 1942 г., когда после очередных ночных полетов на бомбометание опорных пунктов противника мы спали

мертвецким сном.

На нарах, устланных соломой, вповалку, прижавшись друг к другу, наслаждались покоем и отдыхом.

Дверь добротного крестьянского дома скрипнула. В переднюю вошел посыльный и разбудил меня.

- Товарищ старшина, вас вызывает командир полка. Вскочил, протер глаза. За окном светило солнце. От усталости еще ныло тело. Сон упрямо не проходил. Потянулся.

- Не знаете зачем?

- Не знаю. Наверное, полетите куда-нибудь. Приказано готовить самолет к полету. Техник уже убежал на аэродром.

Ясно. С меня тут же слетели остатки сна.

Быстро одевшись, побежал к командиру 707-го ночного ближнебомбардировочного авиаполка полковнику Александру Алексеевичу Воеводину. Он встретил меня приветливо.

- Товарищ старшина, получено важное задание. Командующий воздушной армией приказал корректировать огонь артиллерии днем и в сложных метеорологических условиях, с одновременным ведением наблюдения за полем боя. Сегодня с наступлением темноты вы вместе со штурманом должны вылететь в Толокнянец. Каждый из нас мог быть послан на такое задание. Но чтобы вот так сразу, без подготовки! И я заколебался.

- Товарищ полковник, я ле-1ал на связь, на разведку, бомбил, разбрасывал листовки, возил продукты и боеприпасы. Северо-Западный фронт всему научил. Но корректировкой никогда не занимался. Боюсь не справлюсь.

- Ты не горячись. Я еще не кончил. Садись, - приветливо предложил полковник.

В голове роилось столько мыслей, что я даже не обратил внимание на предложение командира. Продолжал стоять. "Какие еще подводные камни обрушатся на меня?"

- На аэродроме Толокнянец

вы встретитесь с представителем штаба артиллерии 11-й армии, получите подробный инструктаж.

Тут Воеводин остановился, затянулся трубкой, обвел меня глазами с ног до головы, как бы спрашивал: "Не подведешь?" Я только чувствовал, как горят мои щеки.

- С этого момента вы будете находиться в распоряжении начальника штаба артиллерии... Вот и все, - закончил он.

- - Будет выполнено, товарищ полковник. Разрешите идти?

- Кто пойдет с вами за штурмана?

- Разрешите взять с собой лейтенанта Зайцева?

С Алексеем Дмитриевичем Зайцевым я знаком уже давно. Мы с ним сделали не один десяток боевых вылетов и хорошо

сработались. Алексей покорял всех своей скромностью, трудолюбием и штурманским мастерством. Его любили все от рядовых до командования полка.

Я сразу понял, что выполнить новую и столь необычную задачу будет легче, если со мной полетит штурманом именно Алексей Зайцев. И я очень обрадовался, когда Воеводин, подумав, сказал:

- Согласен. Решение правильное. Но я еще раз прошу вас, товарищ Шмелев, отнеситесь к заданию серьезно. А самое главное - берегите себя.

Воеводин подошел ко мне и обнял:

- Смотрите, я на вас надеюсь. А теперь идите. В дом вошел на цыпочках. Все еще спали. Тихо разбудил Зайцева:

- Леша, вставай, дело интересное есть. Вставай! Я только что о г командира полка.

Эти слова прогнали с него сонливость. Зайчик (так мы его шутливо называли) быстро оделся. Вышли на улицу, и здесь я передал ему во всех деталях разговор с Воеводиным. Алексей сразу загорелся:

- Что ж, поработаем вместе с артиллеристами! Они народ хороший. Главное - найти с ними понимание. Алексей сощурил свои серые глаза и добавил: "Согласного стада и волк не берет". Так учит народная мудрость...

Вечером вылетели в Толокнянец. В задней кабине По-2 сицели Зайчик и техник звена нашего самолета Евгений Дворицкий.

Прилетели на аэродром. Точнее, это была обычная посадочная площадка, разбитая позади колхозных сараев. Площадка небольшая, окруженная с трех сторон лесом. В глубине леса находились капониры для самолетов. Дворецкий стал готовить машину к вылету, а мы с штурманом направились на поиски штаба. За деревней увидели овраг, а в нем - множество землянок. Здесь и располагался штаб армии. Разыскали начальника разведотделения штаба артиллерии майора Константина Николаевича Мельникова. Когда мы доложили, что прибыли в его распоряжение, Мельников очень обрадовался и вместе со своим помощником капитаном Василием Федоровичем Ростовцевым стал выяснять наши познания в артиллерийских вопросах, в частности, доводилось ли нам корректировать огонь артиллерии. Мы признались, что ничего в этих делах не смыслим. Артиллеристы тут же принялись нас просвещать.

К концу беседы мы уже в общих чертах представляли себе организацию и порядок ведения корректировки. Майор Мельников дал нам несколько свежих военных журналов, в которых имелись статьи о корректировке огня. Мы их

штудировали несколько дней. Потом начальник штаба артиллерии 11-й армии полковник Иван Никитович Ганже приказал направить нас в полк, с которым мы должны были вести боевую работу.

Прибыли в 1235-й пушечный артиллерийский полк (им командовал полковник Николай Гаврилович Пастух). Почти двое суток мы находились на огневых позициях батарей, где на практике познакомились с процессом подготовки и ведения артиллерийского огня. Затем вместе с командиром полка разработали план совместных действий. Предусматривалось, что экипаж должен обнаружить цель, сообщить ее местонахождение и вызвать огонь артиллерии. Затем следить за разрывами и в необходимых случаях давать поправки. Еще раз уточнив вопросы взаимодействия и связи, мы выехали в Толокнянец.

По дороге в автомашине я рассказал Зайчику, что в детстве учился в специальной школе-десятилетке, которая готовила учащихся к поступлению в артиллерийские училища.

- Значит, тебе и карты в руки, - засмеялся штурман. Было уже темно, когда подъехали к Толокнянцу. В небе слышался, знакомый стрекот пролетавших По-2. Они шли к линии фронта, а через некоторое время возвращались обратно.

- Сегодня наши бомбят Рамушево или Бычково, в тот район идут, задумчиво сказал Алексей.

- Леша, а ведь наши последние бомбометания с несколькими заходами имеют нечто общее с корректировкой. Помнишь, когда бомбили батарею у Омычкина? За четыре захода мы сбросили четыре бомбы. После каждого захода ты еще вносил поправки...

- Удачный вылет был, - подтвердил Зайчик. - А ты прав, мы действительно корректировали ... сами себя.

- Вот видишь, значит, уже вели корректировку, но только ночью, и ты, если не собаку, то по крайней мере щенка съел в корректировке, - в заключение пошутил я.

Конечно, бомбометание и корректировка артиллерийского огня не имеют ничего общего. Бомбометание производит штурман с быстро летящего самолета с помощью специальных прицелов. При корректировке же огонь ведется из орудий крупного калибра артиллеристами по их расчетным данным. Экипаж самолета является как бы "глазом" артиллеристов, выдвинутым в район расположения цели.

На следующий день погода улучшилась. Облачность - 300 - 500 м. Можно лететь. На рассвете перелетели на новую площадку, поближе к переднему краю и боевым порядкам полка, с которым должны были работать. Дозаправив машину, снова пошли в воздух. На этот раз для отработки связи самолета с командным

пунктом артиллерийского полка и на разведку батареи противника. Высота полета 30 м. Летели от деревни к деревне, от леса к проселочной дороге. Над позициями зенитчиков делали один-два виража, и Зайчик приветливо махал артиллеристам. Перед вылетом штурман получил в штабе схему расположения наших зениток и договорился с командованием, что в случае атаки истребителей противника самолет-корректировщик сразу же уходит под прикрытие зенитных батарея.

В лесу, севернее огромного незамерзающего болота, располагался командный пункт артиллерийского полка. Над этим районом мы прошли несколько раз, и каждый раз Зайчик вызывал по радио:

- "Земля", "Земля", я "Небо", как слышите? Прием. Через некоторое время Зайчик ловил ответ:

- "Небо", "Небо", я "Земля". Слышу хорошо. Прием.

Проверив устойчивость связи, мы пошли за линию фронта. Минут 20 присматривались ко всему, что происходит на позициях противника. Данные тут же передавали артиллеристам. Проведя детальную рекогносцировку, мы благополучно вернулись на аэродром.

На следующий день полковник Ганже приказал скорректировать огонь по артиллерийским батареям противника южнее Васильевщины. За день сумели слетать два раза. По часу барражировали вдоль линии фронта, наблюдая за батареями противника, но, к сожалению, фашисты молчали. Перед вечером пошли на третий вылет. С полчаса ходили вдоль передовой в надежде увидеть хотя бы одну стреляющую батарею. И вот, наконец, в районе Васильевщины заметили несколько вспышек от выстрелов. Координаты батареи Зайчик немедленно передал артиллеристам. Через несколько минут артиллеристы доложили о своей готовности открыть огонь. Я направил самолет к линии фронта. Штурман скомандовал: "Огонь!"

По расчетам, снаряд до цели должен лететь секунд 30. Самолет прошел линию фронта в облаках, а за 15 - 20 секунд до разрыва вышел из них, и мы увидели место падения снарядов. На бреющем, прямо над головами фашистов, мы вернулись на свою территорию и тут же передали на КП координаты разрывов. Таким образом мы трижды пересекали линию фронта, и каждый раз Зайцев передавал по радио точные координаты. Третий пристрелочный снаряд разорвался метрах в 50 от центра батареи. Зайчик подал команду:

- Беглый огонь!

Снаряды накрыли батарею. Мы направились посмотреть результаты обстрела. Вдруг по радио передали:

- В воздухе фашистские истребители.

Мы готовились к подобной встрече, но сейчас, когда так удачно прошла первая дневная корректировка, этого воздушного свидания, откровенно говоря, никак не хотелось. Вся радость пропала мигом. Надо было уходить. Скрывшись на фоне леса, вышли в район наших зениток. Сделали над артиллеристами несколько кругов. Фашистские истребители не показывались. Отлегло от сердца. Алексей передал артиллеристам, что работу закончили и возвращаемся на аэродром.

И в это время из облаков вывалились два фашистских истребителя. Один из них открыл огонь. Зайчик ответил. Конечно, огонь, который открыл Зайцев, только условно можно было назвать ответным. Скорее, это была дерзость, рассчитанная на то, чтобы попугать противника. Ведь У-2 был предназначен для ночного бомбометания, где почти исключались встречи с истребителями. Поэтому наш пулемет не мог идти ни в какое сравнение с вооружением "мессершмитта".

Истребители стали заходить на вторую атаку. Я развернул самолет и пошел им навстречу, плотно прижавшись к земле. На встречных курсах у фашистов было очень мало времени на прицеливание и ведение огня. На это мы и рассчитывали. Бой происходил на высоте около 300 м. Ведомый фашистский истребитель пошел в третью атаку. Ведущий почему-то отвернул и скрылся. Мы вновь развернулись и, дав полный газ, пошли под атакующего. Немец "дожимал" свой самолет. Но чем больше становился угол пикирования истребителя, тем быстрее приближалась к нему земля. Увлекшись атакой, фашистский летчик не успел вывести машину из пикирования и врезался в лес. Зайчик радостно закричал:

- Вот это дали! Истребителей стали сбивать!

Сделав на радостях несколько кругов над горящим "мессером", пошли домой.

Здесь нас уже ждали. Мы доложили полковнику Ганже о выполнении задания и о бое с фашистскими истребителями.

Каждый день мы четыре-пять раз ходили на разведку и корректировку. Однажды нас вновь атаковали фашистские истребители. В этом бою Алексею Зайцеву удалось точными очередями сбить одного "мессера". Вражеский летчик настолько обнаглел, что стал "резвиться" рядом с нами, подставляя нам то брюхо, то хвост своего самолета. Видимо, он либо не знал, либо забыл, что у нас есть хотя и маленький, но все же боевой пулемет. А Зайчик - отличный стрелок - только его и ждал. Результат этого боя подтвердили зенитчики. Так на нашем боевом счету стало два сбитых самолета противника.

Как-то беседуя с майором Мельниковым, мы предложили провести корректировку артиллерийского огня ночью.

- Мы ночники, - сказал я. - Ночь - наша стихия, в темноте мы сможем сделать больше, чем днем.

Майор удивленно посмотрел на нас, но заявил, что доложит о нашем предложении начальству.

В тот же вечер в землянке командующего артиллерией 11-й армии генерал-майора артиллерии Федора Александровича Рыжкова состоялся большой разговор. Мы горячо доказывали, что сможем корректировать огонь артиллерии ночью. Командующий внимательно выслушал все наши "за" и "против" и в заключение сказал:

- Хорошо. Я могу поверить, что ночная корректировка осуществима. Для меня неясно одно: как можно с воздуха отличить разрыв артиллерийского снаряда от сотни различных вспышек? Я согласен с вашим предложением, но в реальность его выполнения, признаться, не совсем верю...

На следующий день приехал заместитель начальника разведотдела штаба артиллерии Северо-Западного фронта подполковник Сергей Иванович Агафонов. Мы обратились к нему. Долго доказывали жизненность нашего предложения. Для большей убедительности привели свои расчеты. Если пристрелку вести двумя орудиями с интервалом в 20 - 40 секунд, говорили мы, то штурман, заранее зная точное время выстрела и район цели, может определить место разрыва первого снаряда, а затем и второго. Причем второй снаряд посылается как дублирующий, для того чтобы штурман мог убедиться в точности своих расчетов.

Этот довод, видимо, убедил подполковника: через некоторое время вместе с ним мы докладывали обо всем генералу Рыжкову. Беседа затянулась, разгорелся спор. Подполковник Агафонов встал на пашу сторону. В итоге решили провести опытную ночную корректировку.

Нам предложили навести огонь дивизиона по центру д. Савкино, где располагался немецкий штаб. Точность наших данных должна была контролироваться всеми имеющимися у артиллеристов средствами. Работать нам предстояло с тем же 1235-м пушечным артиллерийским полком. Перед вылетом мы снова побывали у командира полка, а вместе с ним - у командиров дивизионов и батарей, с которыми предполагалось взаимодействовать.

И вот, наконец, первый вылет на ночную корректировку.

Получится или нет? С этим вопросом мы садились в самолет, подготовленный Евгением Дворецким. Он волновался не меньше

нас, но, когда запустили мотор, крикнул:

- Ребята, не волнуйтесь, все будет хорошо. Ни пуха ни пера!

Мы с Зайчиком помахали технику рукой, и самолет порулил на старт.

Вот и цель. Зайчик связался с артиллеристами. Радиостанция работала безукоризненно. Штурман передал:

- Вижу цель. Готов к работе.

С КП доложили о готовности открыть огонь. Переговоры между штурманом и артиллеристами дублировались, и я знал обо всем. Когда услышал ответ наших наземных друзей, развернул самолет и повел его к деревне. Зайчик рассчитал, что снаряд разорвется в то время, когда мы будем над Савкином. Это обеспечило штурману точное наблюдение за местом разрыва.

Через 30 секунд метрах в трехстах западнее деревни Зайчик заметил разрыв первого снаряда, затем рядом разорвался второй. Артиллеристам были сообщены координаты разрывов. Следующие снаряды разорвались уже метрах в ста от цели. Вновь поправка. Теперь снаряды легли точно. Зайчик радостно передал:

- Цель накрыта!

В этот момент из-за леса восточнее Савкина неожиданно открыла огонь артиллерийская батарея противника. Зайчик сразу же сообщил ее координаты.

Снаряды полетели в ту сторону. Артиллеристы после нашей корректировки вторым залпом накрыли батарею.

- Снаряды в центре цели. Беглый огонь! - скомандовал штурман.

С каждой минутой огонь нашей артиллерии нарастал. Минут через пять в лесу южнее расположения немецкой батареи раздался взрыв. Видимо, угодили в склад с боеприпасами. Нашей радости не было границ.

- Получилось! - ликовал Зайчик.

Алексей поздравлял с победой артиллеристов, те - нас.

Так впервые 22 декабря 1942 г. была проведена ночная корректировка артиллерийского огня с самолета У-2.

Мы понимали, что одним вылетом нельзя разбить бытовавшее мнение о невозможности корректирования огня ночью с воздуха. Командующий артиллерией поздравил нас с успешным выполнением боевой задачи, но одновременно приказал:

- Опыты проводить, снаряды экономить и каждый вылет строго контролировать батареями звукометрической записи.

Проведя еще несколько успешных ночных корректировок, мы не могли сдержать желания побывать в полку: доложить о проделанном, встретиться с друзьями, а заодно решить кое-какие

хозяйственные вопросы.

В начале января 1943 г. я и Зайчик прибыли в родной полк, который к этому времени снова перебазировался на аэродром в Толокнянец. Когда-то в этой деревне насчитывалось больше пятидесяти домов, а осталось всего пять хат и одна покосившаяся баня с маленьким подслеповатым окошечком. Все дома и даже овраг с землянками были заняты тыловыми учреждениями 11-й армии. Наш полк после хлопот отвоевал себе залепленную по всем швам глиной замшелую баньку, в которой разместили метеостанцию, узел связи и радиостанцию.

Весь личный состав принялся копать землянки. Но труд оказался напрасным: стоило чуть копнуть землю и появлялась вода. Овраг, где можно было строить землянки, был перенаселен. Оставалось одно - поселиться в палатке. Ее поставили прямо на снегу, набросав на него сосновых веток и покрыв их брезентом. Так получился и пол и общая постель. В палатке смастерили печурку, которая, правда, кроме копоти и до слез едкого дыма, ничего не давала.

Здесь же разместилось и командование. Командир полка пристроился на полу, где вповалку спали летчики, штурманы, стрелки и мотористы. Неудобства быта нас мало смущали. Измучившись за ночь, мы спали в палатке так крепко, как будто находились в самой лучшей столичной гостинице.

За ночь каждый летчик делал по 10 - 12 вылетов. Командир батальона аэродромного обслуживания неоднократно "жаловался", что не может напастись на 707-й полк авиационных бомб. И ему можно было посочувствовать. Ведь только за ночь полк сбрасывал на головы врага иногда до 60 т бомб. Кроме этого, надо было в условиях зимнего бездорожья подвезти горючее, масло, продовольствие и т. и. Батальону приходилось очень и очень трудно.

Не легче было и летчикам. Холодно было на земле, а в воздухе - еще холоднее. Многие, чтобы не обморозить лицо, стали отпускать усы и бороду, отчего выглядели много старше, чем на самом деле. Неунывающие Михаил Скочеляс, Петр Орлов, Степан Садовой старались не поддаваться холоду, находили время побриться на скорую руку, а Василий Анчушкин, показывая на свою бритую голову, уверял, что следует закаляться и тогда можно одолеть любой мороз. Дмитрий Супонин в коротенькие перерывы между сном и боевой работой, чаще всего во время обеда, уморительно разыгрывал шолоховского деда Щукаря. Слушая его, летчики и техники давились от смеха, и от этого казалось теплее под гимнастерками и веселее на сердце.

С воодушевлением мы докладывали А. А. Воеводину и

замполиту В. С. Сувиду о нашей работе с артиллеристами. Внимательно выслушав нас, Воеводин поставил задачу: продолжать работу над совершенствованием ночной корректировки.

Решив все вопросы, напутствуемые добрыми пожеланиями командования и друзей, мы снова улетели к артиллеристам.

Полуокруженные в районе Демянска немецко-фашистские войска снабжались по узкоколейке, проходившей вдоль рамушевского коридора. Конечная станция узкоколейки находилась на восточном берегу р. Полы. Наша разведка установила, что здесь расположены склады боеприпасов, продовольствия и горючего. И мы получили приказ скорректировать огонь артиллерии по этой цели.

Сложность задачи заключалась в том, что добираться к железнодорожной станции приходилось через плотный заслон огня зениток и лучей прожекторов. Наметили план действий, маршрут и профиль полета.

Взлетели, когда совершенно стемнело. Погода благоприятствовала нам. Прошли над КП нашего артиллерийского полка. Штурман установил связь. Через некоторое время артиллеристы доложили о готовности к стрельбе.

Высота 1900 м. Подойдя к линии фронта, убрал газ. Самолет бесшумно стал планировать к железнодорожной станции. Штурман подал команду: "Огонь!" Через 40 секунд недалеко от станции разорвался сначала один, затем второй снаряд. Развернул самолет и начал планировать в сторону наших войск. На высоте 300 м пересекли линию фронта. В это время Зайчик передал координаты разрывов. Самолет набрал высоту. Убрав газ, мы снова бесшумно идем к станции. Команда: "Огонь!" - и опять, ровно через 40 секунд, но теперь уже в районе станции, разорвались один за другим два снаряда. И тут же последовала команда Зайчика: "Беглый огонь!"

Весь дивизион включился в работу. Станция была разрушена. И снова следует команда:

- Перенести огонь по складу, 300 м севернее станции! Снаряды ложились точно в цель. И вот взрыв. Красный столб пламени взметнулся к небу. По радио слышим:

- Видим зарево, переходим на стрельбу всем полком.

Через несколько минут "заговорил" весь пушечный артиллерийский полк полковника Пастуха. Около десяти минут длился огневой налет. Наконец стрельба стихла. Над целью полыхало море огня. Все кончено. Пора возвращаться домой! Тепло распрощались по радио с артиллеристами. Полковник

Пастух пригласил пас к себе в гости.

Самолет плавно коснулся земли. Наконец дума. Зайчик встал в кабине и закричал подбежавшему Дворецкому:

- Женя, все в порядке!

После этого вылета мы провели еще несколько десятков успешных корректировок ночью. Уже ни командующий, ни полковник Ганже, никто другой не сомневались в успехе ночной корректировки с воздуха. Всем понравился воздушный наблюдательный пункт. Подполковник Агафонов подробно описал наш небольшой опыт, изучил доклады полковника Пастуха и контрольные записи звукометрических батарей. Все эти материалы были переданы в штаб артиллерии Северо-Западного фронта.

В середине января мы снова побывали в своем полку. На этот раз задержались несколько дольше: самолету требовался профилактический ремонт.

Зимовке в летней палатке пришел конец: штаб 11-й армии освободил для нас три избы. Погода стояла нелетная - снегопады, туман. Два для ненастья летчики и техники использовали для того, чтобы отогреться, обмыться и отпраздновать новоселье.

А в это время пришел приказ нанести сосредоточенный бомбовый удар по д. Левошкино. В этой маленькой деревушке, затерявшейся в высоком сосновом лесу, располагался штаб немецкой моторизованной части и здесь же было устроено казино. К огромному сожалению, потешить гитлеровцев "нашей музыкой" в эту и ближайшие ночи не удалось. Оттепель сменилась морозами. Плоскости и винты самолетов обледенели. Взлетная полоса также покрылась ледяной коркой, под которой лежал рассыпчатый снег. Взлететь было невозможно не только с нагрузкой, но и пустому самолету. Попытки подняться в воздух чуть не окончились авариями.

Доложив командиру дивизии, что сегодня задание выполнить нельзя, командир полка приказал шести самолетам рулить по посадочной площадке, взламывая корку льда, а всему личному составу - идти следом и утаптывать снег. Но ничего из этого не получилось, 1ак как сыпучий, как песок, снег сколько ни топчи - все равно не утрамбуешь.

Оказалось, что полоса гололедицы прошла по западным границам линии фронта и совершенно не захватила восточной части, где базировался штаб нашей дивизии. То ли не поверив командиру полка, что выполнить боевую задачу невозможно, то ли еще по каким-либо причинам, комдив послал своего заместителя к нам в полк. Этот полет чуть не окончился трагически. Подходя к аэродрому, самолет начал покрываться

льдом, кроме того, при посадке лыжи зарылись в снег, и самолет не перевернулся только потому, что встретившие его два опытных техника проворно повисли на стабилизаторе и удержали самолет от капотирования.

Пока гость разговаривал с командиром полка, самолет покрылся такой же толстой коркой льда, как и остальные. Пришлось его оттянуть на общую стоянку. Заместитель командира дивизии, доложив по телефону обстановку в штаб воздушной армии, отправился к себе на автомашине.

В эти дни в полосе 11-й армии проводилась наступательная операция местного значения. Наш полк поддерживал наступавших.

Погода наконец несколько прояснилась. Вновь похолодало. Летное поле подготовили настолько, что с него можно было взлетать с половинной нагрузкой.

В ночь перед наступлением наших войск полк сделал свыше 200 самолето-вылетов. В первую половину ночи бомбили дороги, по которым продвигались подкрепления к 16-й фашистской армии. На дороге, ведущей от Росина на Васильевщину, была обнаружена колонна автомашин и танков (как потом выяснилось, это двигался немецкий мотополк). Несколько самолетов сбросили бомбы на колонну. Произошел сильный взрыв. Передние машины загорелись и застопорили движение. Пламя ярко освещало цель, и на нее беспрерывной цепочкой потянулись У-2. За какой-то час бомбежки пожары возникли больше чем в 20 местах, а ночные бомбардировщики продолжали наращивать удар.

Во второй половине ночи наши самолеты обрабатывали артиллерийские и минометные позиции, пулеметные точки, узлы связи.

На рассвете части 11-й армии перешли в наступление и вскоре, прорвав оборону противника, заняли Левошкино.

Спустя три дня фашисты, подтянув резервы и используя неблагоприятную погоду, при которой наша авиация ни днем ни ночью не могла оказать настоящей поддержки наземным войскам, начали ответное наступление. Нанеся удар по флангам прорыва, они вынудили наши части отойти на исходные позиции. При этом батальон, прикрывавший отход, был отрезан от своих войск. Двое суток его бойцы, заняв круговую оборону, героически отражали непрерывные атаки гитлеровцев. Кольцо окружения сжималось. Боеприпасы и продукты кончались, медикаментов уже не было, а раненых становилось все больше. Прервалась радиосвязь. Положение критическое. И тут снова пришел на помощь наш маленький У-2.

Командующий 11-й армией приказал любыми средствами

связаться с окруженными и помочь им.

На борту самолета, разыскавшего окруженных и первым прорвавшегося к ним, находились командир эскадрильи капитан Григорий Федорович Зинченко и штурман лейтенант Николай Иосифович Султанов. Всю ночь на помощь батальону шли У-2. Они летели по курсу, проложенному Николаем Султановым. Сбрасывали боеприпасы, медикаменты, продовольствие. Преодолев все преграды, они принесли на своих крыльях жизнь.

И вот перед строем нам зачитывают письмо, подписанное воинами батальона, которые, прорвав кольцо окружения, вышли к своим.

"Мы вас никогда не забудем, родные!" - так заканчивалось послание пехотинцев.

7 февраля 1943 г. мы последний раз корректировали огонь 1235-го артиллерийского полка. А на следующий день меня и Зайчика пригласил к себе подполковник Агафонов.

- Так вот, дорогие мои летчики! - начал Сергей Иванович. - Командующий приказал передать вас в соседнюю армию. Он вами доволен и надеется, что вы окажете такую же помощь артиллеристам 27-й армии.

- Мы, конечно, рады, что нами довольны, но мы так сработались здесь, даже расставаться жалко.

- Ничего, сработаетесь и там. Мельников жалуется: фашисты перестали стрелять, вы все батареи у них перебили...

Посмеялись. Дверь скрипнула, и в землянку вошел майор Мельников.

- Что смеетесь? Не по форме одет? - весело спросил он.

На левой ноге у него яловый сапог, а на правой, раненой, - огромный валенок.

- Мы говорим, что летчики и артиллеристы в полосе вашей армии все батареи противника уничтожили. Делать авиаторам здесь больше нечего, объяснял Агафонов Мельникову, - и поэтому переводим их к Кравцову.

- Не отдам, - вдруг посерьезнев, отрубил майор.

- Приказ фронта.

- Если приказ, какой тогда разговор, - вздохнул Мельников.

Начальник штаба артиллерии 27-й армии полковник Михаил Николаевич Кравцов встретил нас в землянке. После недолгой беседы он повез нас на командный пункт одной из бригад 15-й пушечной артиллерийской дивизии. Эта дивизия, сформированная в Сибири, прибыла на фронт совсем недавно и располагалась восточнее Старой Руссы.

Дорога, по которой мы ехали на "виллисе", шла через лес. Она была настолько узкой, что разъехаться встречным машинам

было невозможно. Полковник рассказывал, что если здесь встречаются две машины, то одна из них лезет в сугроб, вторая проезжает, а затем вытаскивает первую. На эту "процедуру" уходит немало времени. Но нам повезло, и мы добрались без задержек. К нашему приезду на командном пункте собрались командиры дивизионов.

Мы рассказали собравшимся о своем опыте корректировки. Артиллеристы задали много вопросов. Разговор кончился поздно. Было уже темно, фронт переходил на ночной распорядок жизни. Полковник Кравцов повез нас в штаб 15-й артиллерийской дивизии. Снова та же лесная дорога. После небольшой оттепели на ней образовалась ледяная корка. Едем без света. Тишина. Только рокот мотора да шумящие на ветру огромные сосны. Вдруг впереди послышался лязг, и из-за поворота выскочил танк. Он несся без огней, грозной черной громадой. Наш шофер, молодой боец, включил маскировочный фонарь и резко нажал на тормоза. Машину начало заносить. Водитель повернул баранку в сторону заноса, машина выровнялась и заскользила навстречу танку. Расстояние сокращалось. Шофер не выдержал и выскочил из машины. Но, видимо, в танке заметили нас, он затормозил и остановился буквально в метре от "виллиса". Все облегченно вздохнули. Из танка показалась голова в шлеме:

- Носит тут всяких... - танкист не договорил, очевидно заметив полковника. Кравцов в этот момент поднялся и начал отчитывать подбежавшего шофера:

- Вперед надо смотреть. Везешь живых людей, а не дрова. Понимаешь? Ишь ты, испугался... На первый раз прощаю, садись, веди машину.

Шофер, опустив глаза, завел мотор. Люк в танке захлопнулся, танк попятился назад, затем круто повернул влево, прямо в сугроб. Он с грохотом пролетел мимо нас, вздымая облако снега. Полковник посмотрел ему вслед и сказал:

- Лихой, видать, парень. Такой не выпрыгнет...

Через полчаса мы были на месте. Начальник штаба 15-й пушечной артиллерийской дивизии подполковник В. Н. Понтус созвал офицеров. Вместе мы детально обсудили все вопросы предстоящей работы. Зайчик нанес на карту фашистские батареи, обнаруженные разведкой.

На следующее утро возвратились к себе в Толокнянец, а отсюда перелетели на посадочную площадку, оборудованную на северной окраине д. Дворец.

С наступлением темноты самолет был над линией фронта. Радиосвязь с артиллеристами установили быстро. Ходим вдоль переднего края на высоте 800 - 1000 м. Ничего не видно. Никаких

признаков жизни. Лишь короткая оранжевая вспышка пулеметной очереди из редкого черного перелеска и мерцание рассыпавшейся тремя цветами немецкой ракеты изредка прорезают темноту. Нет, земля не спит... Две линии обороны... Тысячи глаз напряженно вглядываются во мрак.

40 минут полета над противником. Не хотят фашисты обнаруживать себя. Посмотрим, у кого крепче нервы... С опушки леса открыла огонь батарея противника. Отлично! Начинается наша боевая работа.

Засекаем и передаем артиллеристам координаты вражеской батареи. После нескольких пристрелочных выстрелов батарея противника накрыта огнем нашего дивизиона.

За эту ночь мы сделали три вылета.

Гитлеровцы широко применяли так называемые кочующие батареи. Они появлялись неожиданно, производили огневой налет и сразу же снимались с позиций, чтобы через некоторое время с другого места нанести новый, короткий, но чувствительный удар. Ловить их надо было с той же быстротой, с какой они маневрировали. И это у нас получалось. Стрельба по только что обнаруженной цели, как правило, приводила к хорошим результатам.

Однажды разведка сообщила, что в район Старой Руссы прибыли шестиствольные минометы противника. Несколько ночей подряд мы летали и никак не могли засечь эту батарею. Но однажды все-таки заметили сине-красные смерчи, направленные на восток. Отвернули самолет в сторону, чтобы случаем не попасть под эту огненную лавину. Зайчик по радио передал координаты батареи шестиствольных минометов.

Производить сложные расчеты артиллеристам не пришлось, так как основные ориентиры давно были нанесены на карту. Менее чем через минуту пристрелочные снаряды разорвались чуть севернее цели. Штурман немедленно дал поправку.

Вскоре весь полк открыл огонь. Снаряды рвались точно на площади. И вдруг взрыв, - колоссальная вспышка осветила весь город. Слышу, по радио артиллеристы спрашивают Зайцева:

- Что за зарево? Зайчик ответил:

- Наверное, попали в склад с минами... Огонь необычный - синий с желтыми пятнами.

- Вас поняли. Поздравляем, - передали с земли.

Из районов юго-восточнее Старой Руссы начала вести ответный огонь артиллерийская батарея противника. Гитлеровцы, видимо, хотели спасти свои шестиствольные минометы. Зайчик сообщил земле координаты батареи. Наши артиллеристы ударили и по ней.

Следующей ночью заметили, что в Старую Руссу прибыл воинский эшелон. Зайчик доложил об этом на КП. Артиллеристы сообщили о своей готовности открыть огонь. Первые два снаряда разорвались недалеко от станции. После поправки снаряды стали рваться поблизости от состава. В стрельбу включилось несколько батарей. Эшелон был разбит.

Мы возвратились на аэродром. Неожиданно меня вызвали к телефону. Командир нашего полка приказал срочно прибыть на аэродром Толокнянец. Вылетели втроем. Женя Дворецкий вместе с Зайчиком опять разместились в задней кабине. Вот и Толокнянец. Сели. Отрулили на стоянку. Вылезли из самолета и двинулись к командному пункту. Навстречу уже бежали и летчики и техники, с которыми мы давно не виделись. Здоровались, обнимались. Подбежал запыхавшийся посыльный.

- Срочно к командиру полка!

Гурьбой направились к нему. Александр Алексеевич Воеводин и его заместитель по политической части подполковник Василий Семенович Сувид жили вместе. Воеводин, сидевший за столом, весело произнес:

- Входите, герои, садитесь к столу. Позавтракаем вместе. Я вам расскажу кое-что... Садитесь, садитесь...

Мы разделись, сели за стол. Чувствовали себя неловко.

- Да вы не стесняйтесь... Будьте как дома.

Сувид встал и собрался что-то сказать, но Воеводин остановил его:

- Подожди, о таких вещах положено говорить командиру... Дело вот в чем: вчера к нам приезжали товарищи из штаба артиллерии армии. Артиллеристы остались довольны вашей работой. О ней написан большой материал и отправлен в Москву командующему артиллерией Красной Армии. За успешную работу вы оба награждены орденами Отечественной войны II степени. Поздравляю вас.

- Для нас, авиаторов, - добавил подполковник Сувид, - это очень высокая награда. Не часто случается, чтобы командование наземных войск награждало летчиков...

- Сегодня, - продолжал Воеводин, - вам надо быть у командующего артиллерией армии, где будут вручены награды.

Так приходило признание наших трудов - боевая солдатская слава. Вернее, мы шли трудной дорогой к ней. Но война есть война, и вряд ли кто-либо думал о славе в то время. Не думали и мы. Мы выполняли свой долг перед Родиной.

С. Ф. Кувшинов

Моряки под Старой Руссой

После победных боев в Подмосковье 1-я Ударная армия была

переброшена на Северо-Западный фронт. В составе армии находились три морские стрелковые бригады.

Одна из них - 71-я за успешные боевые действия у стен столицы была преобразована во 2-ю гвардейскую морскую стрелковую бригаду.

Она была сформирована в Новосибирской области из моряков-добровольцев Тихоокеанского флота, курсантов военно-морских училищ и сибиряков, призванных из запаса по месту формирования. Бригадой командовал участник первой мировой войны, герой гражданской войны гвардии полковник Я. П. Безверхов. Комиссаром был моряк, тоже участник гражданской войны, полковой комиссар Е. В. Бобров.

Февраль 1942 г. Северо-Западный фронт. Ст. Боровенка, в 100 км восточнее Старой Руссы. Здесь выгрузилась 2-я гвардейская стрелковая бригада моряков.

Лесами дремучими, вековыми, болотами незамерзающими встретила моряков древняя Новгородская земля. На этом участке собирались силы нашей армии для уничтожения окруженной в районе Демянска 16-и фашистской армии.

Прямо из вагонов в пешем порядке части бригады двинулись на запад. Перед тихоокеанцами была поставлена задача: войти в коридор между окруженной немецкой армией и внешним фронтом; перерезать железную дорогу Старая Русса - Дно и ударить по врагу с запада. В старинном русском городе Старой Руссе у гитлеровцев находился большой гарнизон. Отсюда они собирались пробиться к своим окруженным войскам.

Подразделения двигались ускоренным маршем. Дни и ночи стояли морозные, не менее 30 градусов. На пути моряков кругом стоял стеной глухой лес. Тишина, ничто не шелохнется, все замерло, как в сказке, только скрипит сухой снег под колесами орудий, армейских повозок и саней.

6 февраля головные подразделения прибыли в район назначения - с. Подборовье, северо-восточнее Старой Руссы. Позиция была выбрана в небольшом лесу. Штаб бригады расположился в деревеньке на берегу р. Редьи. Предстояли жестокие бои.

Комбриг приказал окопаться как можно глубже. По данным разведки, у врага на Ильмень-озере сосредоточивается большое количество авиации. Днем и в морозные ночи долбили гвардейцы неподатливую, как камень, землю в лесу, в береговых обрывах.

Не успели моряки закончить работу, как появилась немецкая авиация. Но гвардейцы достойно встретили фашистских стервятников. Пушки майора Остроухова из трех "юнкерсов" сбили два. Один сгорел в воздухе, а второй сел в расположении

моряков. Экипаж был взят в плен. Хорошее начало.

Ожидая подхода других частей 1-й Ударной армии, бригада оборудовала свои позиции и готовилась к предстоявшим боям. Весь командный состав активно вел боевую подготовку бойцов, так как состав бригады после подмосковных боев наполовину обновился. Сам комбриг неусыпно следил за ходом подготовки. Безверхов всегда находил время учить воинов, как бить врага наверняка.

Однажды полковник обходил окопы минометной батареи лейтенанта Х. З. Степанова. Линия фронта проходила вдоль опушки леса, покрытого игольчатым слоем снега. Невдалеке раздался винтовочный выстрел. Безверхов обернулся.

- Это наши стреляют по фашистскому наблюдателю, - пояснил один боец, но никак не могут снять его. Фашист здорово замаскировался на крыше дома лесника. - И моряк показал рукой направление.

- Дайте-ка мне винтовку, - приказал Безверхов.

Примостившись на бруствере, полковник стал наблюдать. Вокруг моряки затаили дыхание. Долго комбриг высматривал фашиста и вдруг выстрелил. И все увидели, как вражеский наблюдатель вывалился из-за трубы и мешком рухнул с крыши.

Обойдя расположение 1-го батальона, комбриг зашел и на батарею лейтенанта Комова, стоявшую поблизости. Орудийный расчет старшины 1-й статьи Тимохина, как обычно в часы затишья, тренировался в слаженности и быстроте действия номеров. В этот момент на позицию орудия прибыл комбриг.

- Я хочу, чтобы моя пушка била только в цель. В расчете - половина новеньких, - сказал старшина после положенного доклада. Комбриг одобрил желание старшины.

- Покажите-ка мне свое мастерство, - сказал комбриг, - ведь нам предстоят жестокие бои с фашистами. Вот там в деревушке гитлеровцы устроили склад боеприпасов, - и полковник показал рукой направление.

- Расчет к бою! - скомандовал старшина. - Ориентир один, прицел... Огонь! Загремели выстрелы. Третьим снарядом склад был подожжен.

- Хорошо стреляете! - сказал комбриг. - Но нужно поражать врага с первого снаряда.

До вечера полковник оставался на батарее, обучая воинов.

Вскоре прибыли 84-я бригада и 201-я латышская стрелковая дивизия. Они расположились справа и слева по соседству с бригадой гвардейцев.

Не успела еще 84-я бригада амурцев развернуться, как немцы со стороны ст. Редья начали наступление. Они двинулись

колоннами по шоссе через д. Медниково с целью прорваться к своей окруженной армии. Безверхов приказал накрыть гитлеровцев огнем артиллерии. Рубежи были пристреляны, и артиллерия дивизиона капитана Мамаева быстро открыла огонь. Первыми начали стрельбу батареи лейтенантов Комова и Бородина. Они метким огнем рассеяли головную колонну вражеской пехоты в Медникове и преградили путь остальным. Потом в дело включилась подоспевшая противотанковая батарея лейтенанта Гаврилькевича. Этот молодой воспитанник Тихоокеанского училища сумел подготовить батарею для стрельбы с закрытой позиции и в этот раз вел огонь с большой точностью, как из обыкновенной полевой батареи.

Гитлеровцы, потеряв до роты солдат убитыми, прекратили движение и вернулись на исходные позиции. После этого бригада, по приказу командования, спустилась к югу по р. Редье и заняла позицию у д. Шапкино и Овчинникове. Наконец пришел долгожданный приказ наступать. Воспользовавшись некоторым успехом последних дней, Безверхов приказал командиру 2-го батальона Матвееву выдвинуться на линию железной дороги Старая Русса - Дно и захватить ст. Тулебля.

Фашистское командование не ожидало наступления бригады в этом районе, и батальоны после непродолжительной артподготовки быстро заняли деревни Маврино, Ночевалово, Ивановское, Григорово, Хилово и захватили в плен немецких солдат, расчищавших дорогу на Старую Руссу. Это были пожилые люди, прибывшие из Франции, где они находились в составе оккупационных войск.

А к вечеру третьего дня наступления второй батальон с боем ворвался на ст. Тулебля, уничтожив вражеский гарнизон, охранявший поселок.

Гитлеровское командование почувствовало смертельную опасность для своих войск в Старой Руссе, бросило против бригады авиацию. С рассветом следующего дня 15 фашистских бомбардировщиков атаковали расположение второго батальона. Первая группа, сбросив бомбы, штурмовала его боевые порядки. Затем налетела вторая группа. Весь день висели "юнкерсы" над ст. Тулебля, д. Козлове и с. Ивановское. Самолеты сбросили большое количество бомб в расположении батальона; снега не стало, все почернело от развороченной земли. Моряки несли большие потери. Около 12 часов следующего дня гитлеровцы бросили на фланг 84-й морской бригады из района Старой Руссы танки и до полка пехоты. К сожалению, соседи не выдержали и начали отходить. Оставшись с оголенным флангом, второй батальон был вынужден покинуть ст. Тулебля.

Безверхов поднял на ноги весь штаб и двинулся с ротой автоматчиков навстречу отступающим подразделениям соседа. С автоматом в руках он вырвался вперед и около Ивановского остановил бойцов. Подоспевшая 3-я батарея лейтенанта Бородина открыла меткий огонь, остановила движение танков и заставила их повернуть назад. Гитлеровцы потеряли две машины. Положение было восстановлено. Но Тулебля все же осталась у противника. В бою был смертельно ранен командир разведки артиллерийского дивизиона, воспитанник Тихоокеанского училища лейтенант П. И. Мовчун.

Хочется рассказать маленький эпизод о повозочном первой батареи дивизиона 76-мм пушек краснофлотце Николае Чернявском. Он вез пищу батарейцам, находившимся на ст. Тулебля, невзирая на бомбежку. Разрывом бомбы убило лошадь, а Чернявский был контужен и потерял сознание. Придя в себя, мужественный воин собрал все силы, впрягся сам в сани и доставил пищу артиллеристам.

Уже более месяца бригада вела боевые действия с противником. Все его попытки прорвать кольцо окружения 16-й армии оканчивались безуспешно. За это время только на участке гвардейцев гитлеровцы потеряли 1500 человек убитыми.

16 марта день выдался ясный, солнечный, на фронте затишье. В 14 часов с наблюдательного пункта второй батареи донесли в штаб бригады: "Немцы начали наступление на с. Ивановское". Безверхов и начальник артиллерии майор А. Д. Треков быстро поднялись на наблюдательный пункт бригады и припали к биноклям. Расстояние до села небольшое. Ровное поле просматривалось далеко. Хорошо было видно, как фашистские лыжники в маскировочных халатах быстро двигались по искрящемуся на солнце снегу. Они шли ровными рядами без шума, видимо, хотели застать моряков врасплох. Их было около батальона. Но фашисты просчитались: артиллеристы всегда были начеку.

После февральских боев в бригаде мало осталось пехоты. Комбриг приказал подпустить лыжников до пристрелянного рубежа, а потом обрушить на них огонь всей артиллерии этого участка. Наступили минуты фронтовой тишины. И вдруг морозный воздух огласился раскатами орудийных залпов. В расположении фашистов вздыбились серые султаны разрывов. В рядах лыжников появились бреши, а на снегу - убитые и раненые. Несколько метких залпов остановили противника, а следующие - заставили повернуть назад. Вслед отступающим в воздухе завизжала шрапнель, увеличивая потери в их рядах. Гитлеровцы трижды пытались ворваться в расположение артиллеристов, но

каждый раз откатывались с большими потерями. Последняя атака была отбита с особым ожесточением. Майор Треков за время боя подтянул две батареи противотанковых орудий. Когда в последний раз гитлеровцы пошли на позиции бригады, он приказал орудиям ПТО открыть огонь прямой наводкой, а орудия Мамаева начали стрелять по задним цепям лыжников. Враг попал в огненный мешок. Немногие вырвались из него. Наши разведчики насчитали на поле боя более 250 трупов фашистских солдат.

Не добившись цели, гитлеровское командование решило доставить большой обоз с продовольствием в район Демянска. Лесами, неезженными тропами оно направило более 50 подвод. Но бдительные разведчики вовремя заметили движение обоза. На перехват его Безверхов приказал направить артиллерию и подразделение пехоты. Обоз был окружен и вместе с охраной уничтожен. Продовольствие попало в руки гвардейцев.

Продовольствия и боеприпасов в окруженной фашистской армии не хватало. Командование противника решило снабжать свои окруженные войска в районе Старой Руссы через воздушный мост. Для этого решили использовать большое количество самолетов. Но и эта затея провалилась. Пасмурная погода и противодействие нашей зенитной артиллерии и авиации помешали проведению операции. Большая часть грузов, сброшенных наугад, попала к нашим войскам.

Несмотря на неудачи, враг не отказывался от прорыва к окруженным. Разведчики капитана И. И. Попова доложили, что на днях в район Старой Руссы прибыла свежая танковая часть. Фашисты готовились к крупному наступлению.

Готовились и части нашей армии. Но положение было трудным. В морских бригадах оставалось мало пехоты, а настоящих моряков - единицы. Чувствовался недостаток снарядов. Вражеская авиация обнаружила армейские склады боеприпасов и уничтожила большую их часть. Норма расхода - один снаряд на орудие в сутки - таков был приказ командования. День 17 марта был тяжелым для бригады.

С раннего утра фашисты начали бомбить расположение второго батальона в деревнях Ивановское и Ночевалово, где размещался штаб бригады. В течение всего дня над этими деревнями висели 15 "юнкерсов". Они сбрасывали бомбы, штурмовали позиции бригады из орудий и пулеметов. В этот день случилось большое несчастье - был ранен командир бригады, убит начальник политотдела бригады батальонный комиссар Н. В. Никифоров. Вот что рассказывал начальник артиллерии подполковник А. Д. Треков:

"В этот день мы с начальником связи бригады Яловским возвращались в Ночевалово с передовых позиций. Только мы подошли к дому, где помещалось наше командование, как с востока на бреющем полете появились три фашистских самолета-штурмовика и сбросили бомбы. Яловский с силой дернул меня за рукав, и мы с ним упали на землю. Послышался сильный взрыв. Нас завалило обломками дома. Мы были оглушены. Одно бревно сильно ударило по левому боку, дышать нечем. Кое-как поднимаемся на ноги и не узнаем окружающего. От дома остались только стены, крышу сорвало и отбросило в сторону, двор разрушен. В доме оказались раненые. Полковник Безверхов сидел у окна и остался жив. Только лицо его все было окровавлено. В него попало множество осколков стекла и дерева. Их невозможно было сосчитать. К счастью, глаза остались целы. Мы обмыли лицо комбрига, забинтовали и предложили отправить его в санроту. Но Яков Петрович решительно отказался, заявив: "Я здоров, руки, ноги, голова целы, а лицо заживет. Я еще могу командовать бригадой". И он остался в строю. Мужественный был человек. Он своим самообладанием вливал в нас новые силы и уверенность в нашу победу".

В последующие дни сражение разгорелось с новой силой. Фашисты ввели в бой танки, артиллерию и пехоту.

Отбивая натиск врага, батарея противотанкового дивизиона под командованием тихоокеанца лейтенанта А. Е. Кириллова 21 марта огнем своих пушек уничтожила танковый десант противника: подбила при этом два танка и уничтожила свыше 100 солдат и офицеров. Несколько дней спустя батарея Кириллова оказалась в окружении у с. Маврина: сзади - река, справа и слева - фашистские войска. Лошади перебиты, боезапас ограничен. Лейтенант принял неравный бой. Два дня батарея отбивала огнем своих орудий рвавшихся к селу гитлеровцев. К концу третьего дня выстрелы орудий стали слышаться реже. Затем они сменились винтовочной стрельбой. И только на четвертый день все стихло в излучине реки, и фашисты вошли в село.

Так было заведено в бригаде гвардейцев - лучше геройская смерть, чем позорный плен.

... Беспримерную выдержку и упорство проявляла 2-я гвардейская бригада при отражении бешеных атак противника. Гитлеровцы любой ценой пытались прорвать кольцо окружения своей армии.

24 марта разгорелся ожесточенный бой за д. Борисово. Первый батальон с противотанковой батареей обороняли деревню. Гитлеровцы атаковали моряков танками, артиллерией под прикрытием самолетов. Фашистские автоматчики упорно

стремились окружить батальон. Они десять раз бросались в атаки, сопровождаемые танками. Но все атаки отбиты. Было уничтожено три танка и до роты пехоты противника. В этой горячей схватке отличился тихоокеанец комендор с СКР "Вихрь" Коровников. Весь расчет орудия был убит, моряк остался один. На орудие шел фашистский танк. Несмотря на ранение. Коровников поднялся и открыл стрельбу. Двумя выстрелами он подбил вражескую машину.

27 марта три часа более ста "юнкерсов" бомбили позиции моряков. После этого противник открыл сильный артиллерийский и минометный огонь. В начале боя, пользуясь данными хорошо налаженной разведки, комбриг вывел бойцов из-под удара в ближайший тыл.

За успешное командование бригадой на Северо-Западном фронте Яков Петрович Безверхов вторично был награжден орденом Красного Знамени, но получить его не успел. Вместе с ним было награждено еще 45 человек.

Росли потери в рядах моряков. Ежедневные бомбежки и обстрелы изматывали силы. Началась весенняя распутица. Вот в этот момент и оборвалась жизнь замечательного боевого комбрига.

"В начале апреля 1942 г., - рассказывал обстоятельства смерти Якова Петровича начальник химической службы бригады Н. А. Будрейко, - штаб бригады находился в небольшом лесу, который фашисты не оставляли без внимания. Справа от нас в небольшой деревушке занимал позицию наш сводный батальон.

Помню, сидим мы - командир бригады, я и еще кое-кто из штабных на корточках на небольшой проталине в лесу. Вокруг черный снег, талая вода, расщепленные и обезглавленные ели. Настроение паршивое, зябко, с шинелей течет вода. Фашистские артиллеристы только что окончили обстрел. Мы решили немного обсушиться на солнышке после получасового лежания в луже.

- Давайте выпьем, друзья, по чарке для профилактики, - заговорил полковник Безверхов и начал открывать фляжку, висевшую на шее. Молча выпили, пожевали сухарей. Вдруг из кустов выбежал лейтенант Саша Гусаков, адъютант полковника.

- Немцы прорвали фронт на стыке с 62-й бригадой! - доложил Гусаков. Мы вскочили, как ужаленные.

- Вы будьте здесь, я сам выясню, в чем дело! - обратился Безверхов к нам, шлепая сапогами по воде, побежал в сторону деревни, просматривавшейся между редкими деревьями. Адъютант поспешил за ним.

Через час из батальона позвонили: "Командир бригады тяжело ранен". Оказывается, когда полковник поднял часть

батальона и первым устремился в контратаку, гитлеровцы дали залп из своих "кадушек", как мы называли их новые тяжелые минометы. Осколком мины Безверхов был ранен в живот. Бегом, без передышки добрались мы до деревни. Безверхов лежал без сознания в крайней избе. Врач Федоров определил необходимость срочной операции в госпитале.

На санитарной двуколке мы доставили полковника на ближайший аэродром. Через сутки из штаба армии сообщили: "Комбриг Я. П. Безверхов скончался в пути. Похоронен в с. Крестцы Новгородской области".

Так закончился боевой путь нашего комбрига.

Как уже говорилось, вслед за 2-й гвардейской бригадой на Северо-Западный фронт прибыла 84-я морская стрелковая бригада. Это соединение было сформировано на Поволжье из моряков Амурской Краснознаменной флотилии, курсантов военно-морских училищ и волжан, призванных из запаса по месту формирования. Первым командиром бригады был полковник В. А. Молев, во время гражданской войны он служил в 1-й Конной армии. В одном из жестоких боев под Москвой пал смертью героя. На новый фронт бригада прибыла уже под командованием генерал-майора М. Е. Козыря и полкового комиссара А. В. Андреева.

После 150-километрового марша по снежной целине и болотам амурцы заняли участок фронта правее 2-й гвардейской, в районе с. Борисова на шоссе Старая Русса - Залучье и повели наступление в сторону железной дороги Старая Русса - Дно. Переправившись через Редью, бригада устремилась на северо-запад, прорвав оборону немцев на шоссе Старая Русса - Холм. Она освободила с. Чернышеве и еще 11 населенных пунктов.

В трехдневных ожесточенных боях моряки разгромили 56-й пехотный полк 5-й легкой пехотной дивизии гитлеровцев, при этом были захвачены пленные и трофеи. Несколько подразделений фашистского полка были полностью уничтожены. Враг потерял до полутора тысяч солдат и офицеров.

Продвигаясь с боями, бригада захватила деревни Волошево, Гускино, Горушка на р. Полнеть и подошла к железной дороге Старая Русса - Дно на расстояние семи километров.

В середине февраля фашистское командование, боясь, что моряки перехватят железную дорогу, на широком фронте начало наступление и бросило против моряков две пехотные дивизии из района Старой Руссы, усиленные артиллерией, танками. Наступление поддерживали до 50 самолетов и бронепоезд. Бригада вынуждена была перейти к обороне. Нанося удар по правому флангу бригады, противник сумел прорвать оборону

амурцев и окружить отдельные их подразделения.

17 - 20 февраля бригада вела тяжелые бои. Отражая многочисленные атаки гитлеровцев, моряки выходили из окружения и наносили противнику большие потери. Бои носили весьма ожесточенный характер. Второй батальон, обороняя северную окраину Волошева, 18 февраля под непрерывной бомбежкой 15 "юнкерсов" и обстрелом тяжелой артиллерии отбил пять яростных атак гитлеровцев. Большинство командного состава, в том числе командир бригады, были ранены. Перед вечером батальон, возглавляемый комиссаром батальона А. И. Чувердиным, перешел в контратаку; он обратил фашистский батальон в бегство. Противник оставил на поле боя более 200 убитых и раненых солдат и офицеров.

19 февраля рота разведчиков под командой старшего политрука И. П. Фефилова обороняла западную окраину Волошева. Она отбила четыре атаки фашистского батальона с танками. Моряки подпускали гитлеровцев на близкое расстояние, а затем переходили в рукопашные схватки и заставляли фашистов отступать. Несмотря на численное превосходство противника, авиабомбежку, огонь танков и артиллерии, амурцы не отошли с занимаемых позиций. В результате двухдневных боев разведчики уничтожили пять танков и до роты пехоты врага.

20 февраля гитлеровцы ценой больших потерь прорвались к артиллерийским позициям и окружили батарею 76-мм орудий лейтенанта С. И. Белова, но батарейцы не дрогнули. Они дрались до последнего. К концу дня в батарее оставалось одно орудие. Раненый лейтенант Каширский с командиром расчета старшиной 1-й статьи Большаковым и наводчиком Пановым вели огонь до последнего снаряда. Они подбили два танка и уничтожили до сотни автоматчиков противника. Героически погибли, но не отступили ни на шаг с занимаемой позиции, тем самым дали возможность другим частям бригады выйти из окружения.

Не имея надежного авиационного прикрытия и танков, терпя недостаток в боеприпасах, бригада была вынуждена отходить на восток.

Более двух месяцев 84-я морская стрелковая бригада вместе со 2-й гвардейской и 62-й вела оборонительные бои на шоссе Старая Русса - Демянск, отбивая многочисленные атаки гитлеровцев, пытавшихся пробиться к своей окруженной 16-й армии. В этих боях противостоящий бригаде 75-й фашистский пехотный полк, по данным вражеского командования, потерял три четверти своего состава.

В середине июня бригада была выведена из боя, пополнена личным составом, оружием и переброшена на другой фронт.

Почти одновременно с 84-й морской стрелковой бригадой на Северо-Западный фронт прибыла и 62-я морская стрелковая бригада. В глухом лесу на маленьком разъезде Октябрьской железной дороги, севернее ст. Бологое, в середине февраля 1942 г. выгрузились ее подразделения. Не задерживаясь, они двинулись на запад в район Старой Руссы.

Бригада была сформирована на Урале из моряков Тихоокеанского флота и Ярославского флотского экипажа. Командовал бригадой тихоокеанец, участник гражданской войны полковник В. М. Рогов, военкомом был полковой комиссар Д. И. Бессер. Части бригады уже имели боевой опыт. Она отличилась в сражении за Москву. 19 февраля бригада сосредоточилась в междуречье Полести и Тулебли, севернее Старой Руссы. Командование армии поставило перед моряками задачу: прорвать вражескую оборону на участке Большое Вороново, обойти Старую Руссу с запада, соединиться с частями армии, наступавшими с юго-востока, замкнуть кольцо окружения вокруг города.

Используя накопленный опыт наступательных боев под Москвой, моряки стремительно пошли в наступление. Они с ходу ворвались в с. Большое Вороново. Гитлеровское командование не ожидало таких смелых решительных действий и не успело организовать серьезного сопротивления. Моряки, используя некоторую растерянность противника, энергично преследовали его, захватили деревни Малое Вороново и Лукино. Продвигаясь в стремительном темпе, передовые батальоны подошли к с. Рашучи и высоте 31,8. Здесь противник окопался, опираясь на долговременные укрепления, оказал упорное сопротивление и сумел остановить продвижение бригады.

Во время наступления были взяты пленные. Среди них долговязый обер-лейтенант, фашист с железным крестом. У него разведчики обнаружили очень важный приказ.

Обер-лейтенант был крайне удивлен, когда увидел, что его взял в плен небольшого роста матрос.

- Дьявол побери этих моряков! - кричал фашист. - Только смерть может смыть позор моего пленения. Я отличный спортсмен и хороший офицер армии фюрера, а меня одолел человек в два раза ниже ростом!

Вместе с офицером был пленен жандарм из оккупационных частей гитлеровской армии. Был и такой случай. Над д. Лукино внезапно появился немецкий транспортный самолет Ю-52. По самолету открыли огонь противотанковые орудия капитана Пескова. Самолет летел на низкой высоте, не превышающей 150 - 200 м. Стрельба оказалась удачной. "Юнкерс" был подбит. Расстояние до немцев оставалось небольшое, и летчик пытался

спланировать на территорию, занятую фашистами. Но не хватило высоты, и самолет сел недалеко от линии обороны, занимаемой моряками. Наши пехотинцы окружили самолет и принудили фашистов сдаться в плен. В самолете оказалось два летчика и двенадцать офицеров зенитчиков, которые направлялись в район Демянска, где, видимо, был недостаток в офицерском составе зенитных частей.

Бригада, захватив обжитые гитлеровцами окопы, начала готовиться к новому броску с целью оседлать шоссейную дорогу Старая Русса - Шимск. Фашисты организовали контратаку. Они бросили против бригады 40 "юнкерсов". Вражеские летчики, зная хорошо расположение позиции, где недавно еще находились их войска, начали систематическую бомбежку расположения моряков. С утра и до полдня шла непрерывная обработка переднего края бригады. Одна из бомб попала в штабную землянку. Находившийся в ней начальник политотдела бригады батальонный комиссар Заховавко был тяжело ранен, убит телефонист, а комиссара бригады Д. И. Бессера взрывной волной выбросило на поверхность. Но и контуженный, военком остался в строю.

Во второй половине дня, после артиллерийской и минометной подготовки, в атаку пошла вражеская пехота. Завязался сильный бой. Моряки мужественно отражали атаки врага. В течение нескольких дней шли ожесточенные схватки, но моряки не пропустили противника и удержали позиции, несмотря на большие потери. Атаки фашистских автоматчиков чередовались с контратаками моряков. Во время одной из них совершил подвиг помощник начальника политотдела по комсомолу Подольский. До войны Лев Подольский работал в Одесском горкоме комсомола. Это был энергичный, жизнерадостный человек, любимец моряков, он всегда находился на переднем крае и там проводил политическую работу.

- При отражении атаки, - рассказывает бывший комиссар бригады Д. И. Бессер, - был тяжело ранен командир второго батальона. В рядах бойцов произошло некоторое замешательство. Видя это, Подольский громко объявил по окопу:

- Командую ротой!

Поднявшись во весь рост, политработник, размахивая автоматом, с криком: "За Родину! За партию!" бросился вперед на бруствер. Воодушевленные моряки дружно последовали за ним. Стремительной контратакой фашистские автоматчики были отброшены. Но предательский осколок мины оборвал жизнь старшего политрука.

Много дней подряд фашистские войска пытались отбросить

моряков на исходные позиции, но, не добившись успеха, были вынуждены прекратить атаки. На некоторое время наступило затишье. Майора медицинской службы Е. М. Сапожникову моряки бригады любовно называли "наш доктор". Она прошла с ними сотни километров фронтовых дорог. Не одной сотне воинов спасла жизнь и вернула их в строй. Елена Марковна воевала под Москвой. А под Старой Руссой проявила себя настоящей героиней. Эта маленькая, но мужественная женщина оказывала помощь раненым в самых опасных условиях, часто рискуя своей жизнью. 13 бою под Рашучи на передовой санпункт, помещавшийся в сарае, поступало много раненых, которых необходимо было немедленно оперировать. Несмотря на сильный холод, неудобства, систематический обстрел района противником, Сапожникова хладнокровно производила операции.

Однажды Елена Марковна делала одну очень сложную операцию. В этот момент фашисты начали артиллерийский налет. Крупнокалиберным снарядом сорвало крышу с сарая. Сверху посыпались обломки дерева, солома, пыль. Раненому и хирургу грозила опасность. Однако Елена Марковна, сохраняя самообладание и выдержку, осталась на месте. Не думая о своей безопасности, она прикрыла оперируемого телом, чтобы защитить его от ударов. Получив несколько ушибов, врач не покинула больного, а продолжала операцию и благополучно ее закончила, несмотря на продолжавшийся обстрел.

13 середине марта на фронте южнее Старой Руссы гитлеровцам удалось ценой больших усилий потеснить наши части. Срочно 62-я морская стрелковая бригада была переброшена для подкрепления их. Б районе с. Свинухова морские пехотинцы несколькими контратаками вынудили противника приостановить наступление. Заняв новый участок фронта, моряки начали строить оборону. Б лесу было сыро. Окопы рыть оказалось делом безнадежным, под снегом была вода. Пришлось рубить деревья и строить из них шалаши и временные наземные сооружения. Бею ночь пехотинцы и артиллеристы работали. А утром гитлеровцы начали новое наступление. Они сосредоточили здесь большие силы. Против головного батальона капитана К. Р. Ермашкевича враг бросил три батальона пехоты, танки и две артиллерийские батареи. С наступлением полного рассвета фашисты двинулись на позиции моряков. И тем не менее морские пехотинцы не отступили, они смело приняли бой. Одна атака фашистов следовала за другой, но они неизменно разбивались о стойкость моряков. Капитан Ермашкевич все время был среди бойцов. Будучи раненым, он продолжал руководить боем. Не раз Кузьма Романович поднимал моряков в контратаки.

Только после второго ранения, истекающего кровью, без сознания, храброго моряка принесли краснофлотцы на командный пункт. 4ерез несколько часов Ермашкевич очнулся. Он до последней минуты своей жизни говорил о моряках, их доблести и мужестве и все беспокоился о том, как они закончили бой. И наконец спросил:

- Не отошли мои хлопцы?

- Нет! - ответили ему.

Он улыбнулся и через несколько минут скончался. Так и на этом участке фашистским войскам не удалось прорвать оборону моряков. Воины бригады мужественно отражали бешеный натиск врага. Храбрость и умение воевать проявляли все - от командира бригады до рядового бойца.

- На всю жизнь запомнился подвиг пулеметчика Печеркина, - рассказывает военком бригады Бессер. - Этот матрос с эскадренного миноносца был очень смел, а порой и не в меру горяч. Находясь в засаде на опушке леса, комсомолец Петр Печеркин заметил замаскированный вражеский дзот, из которого фашисты вели сильный огонь во фланг роты. Бесстрашный пулеметчик решил уничтожить его. Прорывая своим телом рыхлый снег, Печеркин медленно пополз. Снег набивался в валенки, за воротник, обжигая холодом руки, лицо. Матрос подобрался к огневой точке врага незамеченным, метнул в амбразуру одну за другой несколько гранат и уничтожил гитлеровских пулеметчиков. Потом пробравшись в дзот, забрал оружие противника и вернулся к своему пулемету.

Полуторамесячные бои измотали бригаду. Многие моряки пали под Старой Руссой смертью героев. Недосчитались мы и многих командиров.

В первых числах апреля, после краткого затишья, гитлеровцы вновь попытались прорвать оборону моряков. Они нанесли удар в стык 62-й морской стрелковой и 2-й гвардейской стрелковой бригад с целью выйти на шоссе Старая Русса - Демянск в районе с. Борисова. Командир бригады полковник В. М. Рогов с небольшим отрядом краснофлотцев поспешил к месту прорыва, чтобы организовать контратаку, но попал под минометный огонь. Разрывом мины Рогов был убит. В этот же момент был убит и командир 2-й гвардейской бригады. Моряки, мстя за смерть своих командиров, усилиями двух бригад отразили наступление врага и удержали шоссе в своих руках.

Еще в течение трех месяцев бригада воевала на различных участках Северо-Западного фронта. В июле она была выведена из боя; после небольшого отдыха, пополнения личным составом и оружием ее перебросили на другой фронт.

За время боев под Старой Руссой только тремя бригадами моряков было уничтожено 10 тыс. солдат и офицеров противника и взято в плен несколько сот гитлеровцев. Наши моряки в боях проявляли чудеса воинской смекалки и массовый героизм, высоко несли знамя Советского Военно-Морского Флота и на сухопутных театрах военных действий. Ни ежедневные непрерывные бомбежки с воздуха, ни сильные артиллерийско-минометные обстрелы, ни атаки численно превосходящего противника с танками и артиллерией - ничто не могло сломить упорства морских пехотинцев.

Сведения об авторах

Павел Алексеевич Курочкин родился в 1900 г в д. Горнево Вяземского района Смоленской области, в бедной крестьянской семье. Член КПСС с 1920 г.

Ветеран Советских Вооруженных Сил, участник штурма Зимнего, активный участник гражданской войны. С первых дней Великой Отечественной войны командовал 20-й и 43-й армиями, а затем Северо-Западным фронтом и 60-й армией. После войны П. А. Курочкин возглавил Кубанский военный округ, был заместителем Главноначальствующего Советской военной администрации в Германии, заместителем Главнокомандующего войсками Дальнего Востока, начальником Военной академии им. М. В. Фрунзе, ныне находится на руководящей работе.

Профессору П. А. Курочкину присвоено за выдающиеся боевые заслуги перед Родиной высокое звание Героя Советского Союза, он награжден четырьмя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова I степени, двумя орденами Кутузова I степени, орденом Знак Почета и многими медалями.

Андрей Дмитриевич Окороков родился в 1905 г. в с. Борки Липецкого района Липецкой области, в семье служащего. Член КПСС с 1927 г.

Службу в Советских Вооруженных Силах начал в 1927 г. Ушел в запас в 1962 г. (ныне в отставке).

Ветеран Великой Отечественной войны. В 1941 - 1942 гг. был заместителем начальника политуправления Ленинградского фронта, членом Военного совета 8-й армии и военным комиссаром Ладожского управления перевозок. Затем он занимал пост начальника политуправления Северо-Западного фронта. Закончил войну в должности начальника политуправления 2-го Белорусского фронта.

В послевоенное время А. Д. Окороков работал в Главном политическом управлении Советской Армии и Военно-Морского Флота, был заместителем командующих войсками Одесского

военного округа, Южной группы войск и Приволжского военного округа.

А. Д. Окорокову присвоено воинское звание генерал-лейтенанта. За боевые заслуги перед Родиной он награжден двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Суворова II степени, орденом Красной Звезды и многими медалями.

Федор Яковлевич Лисицын родился в 1905 г. в д. Панкратовская Егорьевского района Московской области, в семье рабочего. Член КПСС с 1927 г.

Начал служить в Советских Вооруженных Силах в 1938 г. В годы войны, будучи начальником политотдела 1-й и 3-й Ударных армий, защищал Москву, воевал на Северо-Западном и многих других фронтах, участвовал в штурме Берлина. В послевоенные годы был начальником политуправления Прикарпатского военного округа, членом Военного совета Северной группы войск. В 1969 г. ушел в отставку. Ныне ведет большую военно-патриотическую работу.

Ф. Я. Лисицыну присвоено воинское звание генерал-лейтенанта. За длительную и безупречную службу и боевые заслуги перед Родиной он награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Суворова II степени, тремя орденами Красной Звезды и многими медалями.

Павел Павлович Полубояров родился в 1901 г. в г. Туле, в семье ремесленника. Член КПСС с 1920 г.

Службу в Советских Вооруженных Силах начал в 1919 г. и продолжает ее до настоящего времени. В 1920 - 1921 гг. участвовал в боях на Южном фронте, а в 1921 - 1922 гг. - в подавлении бандитизма. Ветеран Великой Отечественной войны. С начала войны до марта 1942 г. командовал бронетанковыми и механизированными войсками Северо-Западного фронта. С марта по июль 1942 г. был заместителем командующего войсками Калининского фронта до танковым войскам, а с августа 1942 г. до конца войны - командиром 17-го (4-го гвардейского) танкового корпуса, принимавшего активное участие в разгроме немецко-фашистских войск под Сталинградом, Курском и во многих других операциях. В послевоенное время был заместителем командующего БТ и МБ Советской Армии. Ныне продолжает службу в центральном аппарате Вооруженных Сил СССР.

За долголетнюю безупречную службу в Советских Вооруженных Силах и выдающиеся боевые заслуги перед Родиной маршал бронетанковых войск П. П. Полубояров удостоен звания Героя Советского Союза и награжден тремя орденами Ленина, пятью орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова II

степени и двумя орденами Кутузова II степени, двумя орденами Красной Звезды и многими медалями.

Федор Петрович Полынин родился в 1906 г. в с. Сухой Отрог Балаковского района Саратовской области, в крестьянской семье. Член КПСС с 1929 г.

В 1928 г. вступил в ряды Красной Армии. С самого начала Великой Отечественной войны был командующим ВВС Брянского фронта, с начала 1943 г. - командующим 6-й воздушной армией, действовавшей в составе войск Северо-Западного и 1-го Белорусского фронтов. С ноября 1944 г. 6-я воздушная армия под командованием Ф. П. Полынина составляла военно-воздушные силы Войска Польского. Ныне он находится на руководящей работе.

За выдающиеся боевые заслуги перед Родиной генерал-полковнику авиации Ф. П. Полынину присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Он награжден двумя орденами Ленина, пятью орденами Красного Знамени, тремя орденами Кутузова I степени, орденом Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды и многими медалями.

Василий Федотович Зотов родился в 1896 т. в д. Двугинцево Зарайского уезда Московской губернии, в крестьянской семье. Член КПСС с 1937 г.

С 1919 г. в Красной Армии, активный участник гражданской войны. С 22 июня 1941 г. и до марта 1943 г. был начальником инженерных войск Северо-Западного фронта. В 1946 - 1951 гг., - начальник инженерных войск Воздушно-десантных войск. Закончил службу в Вооруженных Силах в 1959 г. в должности начальника главного управления Министерства обороны СССР. Генерал-лейтенант инженерных войск (ныне в отставке) В. Ф. Зотов за долголетнюю и безупречную службу и боевые заслуги перед Родиной награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Суворова II степени, орденом Кутузова II степени, орденом Отечественной войны I степени, орденом Красной Звезды и многими медалями.

Петр Михайлович Курочкин родился в 1897 г. в пос. Горки Богородского уезда Московской губернии, в рабочей семье. В рядах Красной Армии П. М. Курочкин служил с 1918 г. по 1969 г. (ныне в отставке). В 1926 г. он вступил в Коммунистическую партию. Принимал активное участие в гражданской войне, в освободительных походах Красной Армии в 1939 - 1940 гг., в войне с белофиннами. В годы Великой Отечественной войны занимал пост начальника войск связи Северо-Западного фронта, а затем после тяжелого ранения был начальником кафедры связи Военной академии им. М. В. Фрунзе. В период войны против

империалистической Японии являлся заместителем начальника управления связи Ставки Главнокомандующего на Дальнем Востоке.

После окончания войны П. М. Курочкин вернулся в Военную академию им. М. В. Фрунзе и целиком занялся научно-педагогической деятельностью. Его перу принадлежит много научных работ по различным вопросам военной связи.

За многолетнюю и безупречную службу в Вооруженных Силах и плодотворную педагогическую и научную деятельность П. М. Курочкину присвоено воинское звание генерал-лейтенанта войск связи, почетное звание заслуженного деятеля науки РСФСР, а также ученая степень доктора военных наук и ученое звание профессора. П. М. Курочкин награжден двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, а также орденами Кутузова II степени, Отечественной войны I степени и многими медалями.

Ростислав Сергеевич Терский родился в 1912 г. в Москве, в семье инженера-мелиоратора. Член КПСС с 1942 г.

В Советских Вооруженных Силах с 1932 г. и продолжает служить по настоящее время. В годы Великой Отечественной войны был помощником начальника связи по радио 6-й смешанной авиационной дивизии Северо-Западного фронта, затем начальником связи этой дивизии, начальником связи ВВС 34-й армии, помощником начальника связи 6-й воздушной армии по радио. В этой же должности в ноябре 1943 г. был переведен во 2-ю воздушную армию 1-го Украинского фронта, в составе которой воевал до конца войны. В послевоенные годы был начальником войск связи ряда авиационных соединений, в 1957 - 1959 гг. преподавал в Академии Генерального штаба. С 1959 г. служит в центральном аппарате ВВС Вооруженных Сил.

За долголетнюю и безупречную службу в Вооруженных Силах и боевые заслуги перед Родиной Р. С. Терскому присвоено воинское звание генерал-лейтенанта инженерно-технической службы, он награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Отечественной войны II степени, орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды и многими медалями.

Модест Абрамович Шамашкин родился в 1895 г. в г. Слониме Гродненской губернии, в семье служащего. Член КПСС с 1925 г.

В Советских Вооруженных Силах служил с 1919 по 1951 г. Активный участник гражданской войны В период Великой Отечественной войны, с самого ее начала и до кошта, М. А. Шамашкин занимал посты начальника военно-медицинского управления Северо-Западного, а затем и 3-го Прибалтийского фронтов, С 1945 по 1948 г. был начальником медицинского

управления Прибалтийского военного округа, начальником кафедры Центрального института усовершенствования врачей в Москве.

За длительную и безупречную службу в Советских Вооруженных Силах и большую научно-педагогическую работу доктору медицинских наук, профессору М. А. Шамашкину присвоено воинское звание генерал-майора медицинской службы (ныне в отставке), он награжден орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны Т и II степени и многими медалями.

Алексей Никитович Асмолов родился в 1906 г. в с. Алексашкино Питерского района Саратовской области, в бедной крестьянской семье. Член КПСС с 1932 г.

Службу в Советских Вооруженных Силах начал в 1928 г. и окончил ре в 1956 г., уйдя в запас по состоянию здоровья. Участник событий на КВ5КД в 1929 г. и освободительного похода в Западную Белоруссию в 1939 г. Ветеран Великой Отечественной войны. На Северо-Западном фронте А. Н. Асмолов был начальником партизанского отдела фронта. С ноября 1942 г. по сентябрь 1944 г. - член военных советов Юго-Западного и 3-го Украинского фронтов и одновременно начальник партизанских штабов этих фронтов. С сентября 1944 г. по март 1945 г. командовал партизанскими силами в Чехословакии. Затем до конца 1946 г. он участвовал в борьбе с бандитизмом на Украине. В последующее время занимал ответственные посты в МВД СССР и Грузии.

А. Н. Асмолову присвоено воинское звание генерал-майора. За боевые заслуги перед Родиной он награжден орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Богдана Хмельницкого I степени, орденом Красная Звезда, медалью "Партизану Отечественной войны" I степени и многими другими медалями.

Анатолий Дмитриевич Кондратьев родился в 1907 г. на Урале - в Мотовилихе Пермской области, в семье рабочего. Член КПСС с 1926 г.

В Великой Отечественной войне участвовал с июля 1941 г. до марта 1944 г. На Северо-Западном фронте, в партизанском крае, сначала командовал Крестецким партизанским отрядом, затем партизанским соединением, был начальником политотдела и комиссаром 1-й особой партизанской бригады, а с августа 1943 г. командовал 4-й Ленинградской партизанской бригадой. В марте 1944 г., после соединения партизанской бригады с регулярными войсками, отозван на хозяйственную работу. Ныне директор издательства "Легкая индустрия".

За боевые заслуги перед Родиной майор в отставке А. Д. Кондратьев награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды, медалью "Партизану Отечественной войны" I степени и многими другими медалями.

Степан Фомич Хвалей родился в 1902 г. в д. Гричино Дзержинского района Минской области, в бедной крестьянской семье. Член КПСС с 1924 г.

Службу в Советских Вооруженных Силах начал в 1922 г. и в 1949 г. в звании полковника по болезни ушел в запас. Один из старейших политработников Советской Армии. Активный участник Великой Отечественной войны на всем ее протяжении. В годы войны на Северо-Западном фронте был комиссаром 202-й стрелковой дивизии и начальником политотдела 27-й армии. В этой же должности воевал позднее на Воронежском, Степном, 1, 2, 3 и 4-м Украинских фронтах.

За боевые заслуги перед Родиной С. Ф. Хвалей награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Кутузова II степени и Богдана Хмельницкого II степени, орденом Отечественной войны I степени и многими медалями.

Григорий Наумович Шинкаренко родился в 1912 г. в поселке ст. Долгинцево Днепропетровской области, в семье железнодорожника.

Службу в Вооруженных Силах начал в 1937 г. и продолжает ее по настоящее время. В годы Великой Отечественной войны был помощником начальника политотдела 11-й армии Северо-Западного фронта по комсомолу, а затем начальником политотдела и комиссаром 188-й стрелковой дивизии. Закончил войну в должности заместителя командира по политической части начальника политотдела 133-го стрелкового корпуса. В послевоенные годы Г. Н. Шинкаренко занимал различные ответственные должности в центральном аппарате Министерства обороны СССР. Ныне занимается подготовкой кадров политработников.

За долголетнюю и безупречную службу в Советских Вооруженных Силах, боевые заслуга _ перед Родиной генерал-майор Г. Н. Шинкаренко награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Богдана Хмельницкого II степени, двумя орденами Красной Звезды и многими медалями.

Василий Дмитриевич Кульбакин родился в 1906 г. в станице Павловской Краснодарского края, в семье кустаря. Член КПСС с 1930 г.

Будучи партийным работником, в июле 1941 г. был призван на политическую работу в Красную Армию и прослужил в ее рядах до мая 1943 г., когда по решению ЦК ВКП(б) пыл отозван с

фронта в Москву на должность ректора Высшей школы парторганизаторов при ЦК ВКП(б). В период Великой Отечественной войны на Северо-Западном фронте занимал должности начальника отделения агитации и пропаганды политотдела 11-й армии, а с января 1942 г. до ухода из армии являлся начальником отдела пропаганды политического управления Северо-Западного фронта.

В настоящее время подполковник в отставке В. Д. Кульбакин - старший научный сотрудник Института всеобщей истории Академии наук СССР, кандидат исторических наук, доцент. Им написаны книги: "Милитаризация Германии в 1928 - 1930 гг.", "Очерки новейшей истории Германии" и некоторые другие труды.

За заслуги перед Родиной В. Д. Кульбакин награжден орденами Красной Звезды и Трудового Красного Знамени и многими медалями.

Николай Борисович Ивушкин родился в 1908 г. в Москве, в семье рабочего. Член КПСС с 1927 г.

В ряды Красной Армии Н. Б. Ивушкин пришел из Промакадемии, где он учился, в июне 1941 г. Ушел в отставку по болезни в феврале 1961 г., будучи полковником. В годы Великой Отечественной войны на Северо-Западном фронте Н. Б. Ивушкин был секретарем партбюро 937-го стрелкового полка 256-й стрелковой дивизии, начальником политотдела 133-й стрелковой бригады а затем эту же должность он занимал в 55-й Мозырской Краснознаменной стрелковой дивизии. После войны был начальником политотдела военно-морских частей.

Уйдя со службы в Вооруженных Силах, Н. Б. Ивушкин занялся литературной и общественной деятельностью. В 1956 г. им опубликованы воспоминания "За все в ответе", в том же году под его редакцией вышел сборник - "М. В. Фрунзе" и в 1967 г. - "Реввоенсовет нас в бой зовет".

За заслуги перед Родиной Н. Б. Ивушкин награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями "За отвагу", "За боевые заслуги" и другими.

Николай Константинович Дьячков родился в 1905 г. в г. Старая Русса Новгородской области, в семье служащего. Член КПСС с 1926 г.

В Советских Вооруженных Силах служил с 1927 по 1957 г., когда в звания полковника ушел в запас (ныне в отставке). Активный участник Великой Отечественной войны. Воевал на Брянском, Северо-Западном, 2-м Прибалтийском и 1-м Белорусском фронтах. В должности начальника штаба 150-й стрелковой дивизии, водрузившей Знамя Победы над рейхстагом, дошел до Берлина.

За боевые заслуги перед Родиной Н. К. Дьячков награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени, Красная Звезда и многими медалями.

Николай Александрович Шмелев родился в 1922 г. в д. Блудово Кальчугинского района Владимирской области, в семье рабочего. Член КПСС с 1943 г.

Службу в Вооруженных Силах начал в 1940 г., а в 1961 г. в воинском звании полковника по состоянию здоровья ушел в запас. В Великой Отечественной войне Н. А. Шмелев участвовал с 1 декабря 1941 г. по 9 мая 1945 г. Летчик Шмелев громил врага под Москвой, под Старой Руссой и Новгородом, под Курском и в Прибалтике, принимал участие в освобождении Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии и Австрии. За период боевых действий совершил 902 боевых вылета.

За боевые заслуги перед Родиной Н. А. Шмелеву присвоено высокое звание Героя Советского Союза, он награжден тремя орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского, орденами Отечественной войны I и II степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями "За отвагу", "За боевые заслуги" и многими другими медалями.

В последние годы Н. А. Шмелев занялся литературным трудом. Им написаны интересные книги "С малых высот", "В лучах прожекторов", "Равнение на знамя", повествующие о воинской доблести и героизме наших летчиков в годы минувшей войны. Н. А. Шмелев ведет активную общественную работу.

Семен Филиппович Кувшинов родился в 1903 г. в д. Журавлиха Волоколамского уезда Московской области, в семье крестьянина-середняка. Член КПСС с 1925 г.

На флот пришел по комсомольскому набору в 1923 г. и, прослужив в Вооруженных Силах около 30 лет, в 1953 г. в воинском звании капитана 1-го ранга уволился в запас (ныне в отставке). В период Великой Отечественной войны в битве под Москвой был офицером связи Главного штаба Военно-Морского Флота в 71-й морской стрелковой бригаде. Участвовал в разгроме империалистической Японии.

За безупречную долголетнюю службу в Вооруженных Силах и боевые заслуги перед Родиной С. Ф. Кувшинов награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны II степени и многими медалями.

Примечания

{1}"Битва за Ленинград". М., 1964, стр. 19.

{2}"История Прибалтийского военного округа". Рига, 1968, стр. 81.

{3}Там же, стр. 75, 89.

{4} "Правда", 25.II 1942. 8

{5}Архив МО СССР, ф. 221, он. 1366, д. 131, л. 159.

{6}"Торопецко-Холмская операция (январь 1942 г.)". М., 1943, стр. 65.

{7}"Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941 1945 гг.", кн. 2. Рига, 1967, стр. 31 (Старая Русса была освобождена войсками 1-й Ударной армии 2-го Прибалтийского фронта).

{8}Архив МО СССР, ф. 221, оп. 1366, д. 136, л. 202.

{9}Архив МО СССР, ф. 221, оп. 1366, д. 351, л. 1.

{10}Архив МО СССР, ф. 221, он. 1366, д. 351, л. 37.

{11}Там же, лл. 24, 25.

{12}Там же, л. 88.

{13}Архив МО СССР, ф. 221, оп. 1366, д. 351, л. 88.

{14}"Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht". Bd. II Erster Halbband.Frankfurt-am-Main, 1963, S. 213 (в дальнейшем: КТВ/ОКW).

{15}КТВ/ОК\У, Вй. 1Г. 5. 218, 219.

{16}Ibid. S. 222.

{17}Архив МО СССР, ф. 221, оп. 1351, д. .451, лл. 45, 46.

{18}Архив МО СССР, ф. 221, оп. 1351, д. 351, лл. 45, 46. 32

{19}Там же, лл. 102, 103.

{20}КТВ/ОКW, Bd. II, 5. 239.

{21}Архив МО СССР, ф. 221, оп. 1351, д. 356, л. 70.

{22}Там же, оп. 1366, д. 136, л. 126.

{23}Архив МО СССР, ф. 221, оп. 1351, д. 758, лл. 21-23.

{24} Там же, оп. 1366, д. 131, л. 159.

{25} Там же, оп. 1351, д. 351, лл. 329-331.

{26}Архив МО СССР, ф. 221, оп. 1366, д. 251, лл. 238-241

{27}КТВ/ОКW, БД. II, 8. 296.

{28}Ibid, S/ 296, 297.

{29}КТВ/ОКW, ВД. II, 8. 297.

{30}Ibid, S. 303

{31}Архив МО СССР, ф. 301, оп. 6802, д. 6, лл. 178-179.

{32}Вспомогательный пункт управления.

{33}"Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945 гг. (Краткая история)". М., 1965, стр. 38.

{34}Штаб корпуса и 84-я моторизованная дивизия находились в Вильнюсе. 2-я танковая дивизия - в Укмерге и 5 я танковая дивизия - в Алитусе. "История Прибалтийского военного округа" Рига, 1968.

{35}Штаб корпуса расположился в Елгаве, 23-я танковая дивизия - в Лиепае, 28-я танковая дивизия - в Риге и 202-я

моторизованная дивизия - в Радвилишкисе

{36}Архив МО СССР, ф. 221, оп. 2467, д. 40, лл. 60-61.

{37}Архив МО СССР, ф. 221, оп. 2467, д. 40, лл. 60-61.

{38}"Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941 1945 гг.", кн. первая. Рига, 1966, стр. 70.

{39}Архив МО СССР, ф. 221, оп. 2596, д. 17, лл. 143-144.

{41}"Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941- 1945 гг.", кн. первая, стр. 91.

{42}"Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941- 1945 гг.", кн. первая, стр. 70.

{43}Э. Манштейн. Указ.соч., стр. 171-172.

{44}Там же, стр. 172.

{45}"За Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941 гг.", кн. первая, стр. 96.

{46}"Правда", 24.VIII 1966.

{47}1-й механизированный корпус под командованием генерал-майора танковых войск М. Л. Чернявского в состав фронта вошел в начале июля 1941 г. в районе г. Остров. В него входили 3-я танковая дивизия под командованием полковника К. Ю. Андреева, 21-я танковая дивизия, которой командовал полковник Л. В. Бунин, и 163-я мотострелковая дивизия под командованием генерал-майора И. М. Кузнецова.

{48}"Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941- 1945 гг ", кн. первая, стр. 109-111.

{49}Э. Манштейн Указ, соч., стр. 180, 181.

{50}"Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941- 1945 гг ", кн. первая, стр. 110.

{51}Архив МО СССР, ф. 366, оп. 118701, д. 1, л. 81.

{52}С 23 августа 1941 г. Северный фронт был разделен на два: Карельский и Ленинградский.

{53}К. С. Стенина, а также М. С. Кузнецов, С. Д. Гущина (ныне Банковская) очень помогли мне восстановить некоторые факты и фамилии радистов тех далеких лет.

{54}С. М. Вагдасарьян. Николай Нилович Бурденко. М., 1948, стр. 242 244.

{55}Е. И. Смирнов. Вопросы организации и тактики санитарной службы М 1942, стр. 64.

{56}3-я Московская коммунистическая дивизия была переименована в 130-ю стрелковую дивизию, а затем за боевые успехи в 1942 г. ей присвоено звание 53-й гвардейской стрелковой дивизии.

{57}И. Сталин. О Великой Отечественной войне. М, 1948, стр. 15.

{58}В августе 1941 г. 202-я моторизованная дивизия была переформирована в 202-ю стрелковую дивизию.

{59}В командование дивизией С. Г. Штыков вступил 18 августа 1941 г

{60}Ныне Александр Борисович Галич - полковник Советской Армии.

{61}В дальнейшем начальник политотдела 188-й стрелковой дивизии.